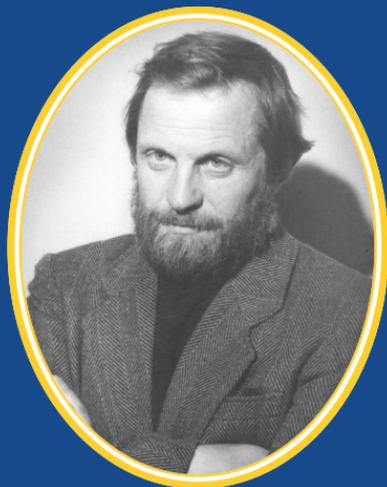


МИХАИЛ ЧВАНОВ



РУССКИЙ КРЕСТ

ОЧЕРКИ РУССКОГО
САМОСОЗНАНИЯ

РУССКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ



РУССКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ

Серия самых замечательных книг выдающихся деятелей русского национального движения, посвященных борьбе русского народа с силами мирового зла, русофобии и расизма:

- | | |
|------------------------------|--------------------------|
| Аверкиев Д. В. | Куняев С. Ю. |
| Айвазов И. Г. | Любомудров М. Н. |
| Аквилонов Е. П. | Марков Н. Е. |
| Аксаков И. С. | Меньшиков М. О. |
| Антоний (Храповицкий), митр. | Мержеевский В. Д. |
| Башилов Б. | Миронов Б. С. |
| Бондаренко В. Г. | Нечволодов А. Д. |
| Бородин Л. И. | Никольский Б. В. |
| Булацель П. Ф. | Нилов В. |
| Буткевич Т. И. | Нилус С. А. |
| Бутми Г. В. | Осипов В. Н. |
| Величко В. Л. | Пасхалов К. Н. |
| Винберг Ф. В. | Проханов А. А. |
| Воробьевский Ю. Ю. | Рогозин Д. О. |
| Восторгов И. И. | Розанов В. В. |
| Вязигин А. С. | Семанов С. Н. |
| Голицын Д. П. | Сенин А. А. |
| Грингмут В. А. | Солоухин В. А. |
| Державин Г. Р. | Суворин А. С. |
| Достоевский Ф. М. | Фотий (Спасский), архим. |
| Дубровин А. И. | Хатюшин В. В. |
| Дудко Д. С. | Цикунов А. К. |
| Жевахов Н. Д. | Чванов М. А. |
| Замысловский Г. Г. | Чивилихин В. А. |
| Иванов В. Ф. | Шарапов С. Ф. |
| Ильин И. А. | Шафаревич И. Р. |
| Книга русской скорби | Шевцов И. М. |
| Крупин В. Н. | Шипунов Ф. Я. |
| Крушеван П. А. | Шмаков А. С. |
| Кузьмин А. Г. | |

МИХАИЛ ЧВАНОВ

РУССКИЙ КРЕСТ

Очерки русского самосознания

МОСКВА

Институт русской цивилизации

2012

Чванов М. А. Русский крест. Очерки русского самосознания. / Отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2012. — 608 с.

В книге современного русского писателя и общественного деятеля, создателя Аксаковского фонда М. А. Чванова публикуются произведения, продолжающие духовные традиции славянофилов — неразрывность веры и жизни, добролюбия, соборности, жертвенного служения России. Возрожденный им музей С. Т. Аксакова в Уфе стал важным центром русской духовности, отстаивающим идеи межнационального согласия и противостояния силам мирового зла.

ISBN 978-5-902725-38-1

© Институт русской цивилизации, 2012.

«На Земле есть только одна сила, способная остановить сползание России в пропасть. Эта сила — мы сами. Вопросы каждый совесть свою — и она ответит тебе, что нельзя, недопустимо более ставить вопросы личного благополучия, покоя и комфорта выше понятий гражданского долга и ответственности за судьбы страны. Всякий должен сделать конкретный выбор на своем месте. Только помните при этом: если мы позволим помыкать собой, безропотно и безгласно снося раз за разом все оскорбления, издевательства и беззакония, непременным результатом такого жалкого безволия станет рабство еще более тяжкое, чем то, от которого Россия лишь недавно избавилась...»

*Митрополит Санкт-Петербургский
и Ладожский Иоанн (Снычев)*

ВСЕГО МИРА НАДЕЖДА И УТЕШЕНИЕ

Табынская чудотворная икона Божьей Матери

«Это явленная икона Богородицы, в 9-ю пятницу после Пасхи, обходит полгубернии, и к этому кочевому шествию стекается бездна народа, и каждое населенное место всем населением провожает ее от себя до ночлега».

Владимир Иванович Даль

Кто-то считает — по дурости, а я с некоторых пор считаю, что специально: с детства нас звали в дальние дали, уводили из родных мест, в том числе по всевозможным комсомольско-молодежным и иным путевкам, чуть ли не с пеленок прививая мысль, что лучшая доля ждет нас где угодно, только не в родном селе или деревне. И строили мы заводы, плотины, нефте- и газопроводы зачастую, как теперь оказалось, для чужого дяди в чужих странах, для других народов, а они в благодарность за это нарекли нас оккупантами, и, кроме всего проче-

го, оказалась впусте коренная, сельская Россия. Сейчас встать бы на ноги, а уже некому почти, нас на планете все меньше и меньше, в оставшихся редких деревнях все больше одни старики...

Увела и меня молодость из родного села. На то много было причин, в том числе и змея-романтика. И мало кого из родственников, тем более народившихся после меня, я в родном селе знаю, и стал я для него почти чужим, приезжал редко, почти тайком, больше встретиться не с родственниками, не с односельчанами, а с прекрасной рекой Юрюзанью, послушать тихий звон ее перекатов, да с горой Сосновкой, на которой провел я свое не очень радостное послевоенное детство и которой поверял свои горькие тайны.

Я много где был, спускался в глубочайшие пещеры, поднимался к кратерам высочайших действующих вулканов, искал в Арктике пропавшие экспедиции. Искал, оторванный от корней, может, прежде всего, самого себя, теперь можно сказать честно, не нашел. По глупой молодости не задумывался: где — рано или поздно — придется лечь в мать-сыру землю. Казалось, какая разница, где лечь. Мечталось даже порой: чтобы не обременять никого хлопотами, вот так же пропасть без вести в той же Арктике...

Но, как говорится, человек предполагает, а Бог располагает. Еще сравнительно недавно я не мог даже думать, что в судьбе у меня, тайно крещенного, но почти до седой бороды не носящего креста, встанут два порушенных православных храма — теперь я понимаю, что не случайно, а по Божьему промыслу, — в которые я, словно кирпичи, вложу часть своей жизни. Дмитриевского — во имя великомученика Димитрия Солунского, покровителя всех славян — на юго-западе Башкирии в родовом селе-имении с символическим названием Надеждино великого русского писателя Сергея Тимофее-

вича Аксакова, счастливым образом совсем не случайно соединившего в себе славянскую и тюркскую кровь, а сыновья его, великие славянофилы Константин и Иван, по матери, полутурчанке, вообще были прямыми потомками пророка Мухаммада. И Свято-Никольского — на северо-западе республики, в основанном еще Строгановыми, самом древнем русском селе в Башкирии, в Николо-Березовке на Каме — во имя святителя Николая Мирликийского Чудотворца, которого, кстати сказать, почитают и мусульмане, к чудотворной иконе которого в Николо-Березовку в предчувствии вселенских бед России дважды приезжала Великая Княгиня, позже причисленная Церковью к сонму святых, великомученица Елизавета Федоровна. Но по-прежнему я был бесприютен в смысле последнего дня. Не хотелось мне почему-то ложиться на городском кладбище в общем рву, выкопанном экскаватором, а с родной деревней меня почти уже ничего не связывало, не говоря о том, что родительское кладбище волей судеб оказалось посреди соседнего селарайцентра, постепенно наехавшего на мою умирающую Михайловку, а отец мой, инвалид Великой Отечественной, в результате одной из коммунистических перестроек вынужден был уехать из Михайловки в поисках лучшей доли и лег пусть и в родную уральскую землю, но не на родительском кладбище. И я просто-напросто отгонял эти мысли: время покажет.

Но однажды в Югославии, оставшись один на блокпосту после прощания со своими сербскими друзьями перед обратной дорогой на Родину, вслушиваясь в недалекий постук тяжелого пулемета, я вдруг вздрогнул и сжался от такой безысходной бесприютности и одиночества! Мне было страшно не потому, что могу погибнуть, — после того духовного поражения, какое я потерпел сначала у себя дома, в России, а потом в Югославии, которая не только мне казалась последним

русским и православным рубежом, уже ничего не было страшно, — а потому, что могу лечь в чужую землю, хотя Югославия для меня не чужая страна, не говоря уже о том, что к тому времени я воочию убедился, что почти треть ее кладбищ — русские могилы. Да и в других странах, где мне в последние годы по делам Международного фонда славянской письменности и культуры пришлось побывать, — в Болгарии, Чехии, Греции, Польше, Франции — меня тянуло не в магазины, и не только по причине отсутствия звонкой монеты, и даже не в музеи, а почему-то в первую очередь на кладбища, и везде я натыкался на русские могилы, а то и на русские кладбища. И в тот тяжелый для меня вечер я понял, что хочу лечь единственно в родную землю среди берез у башкирско-татарско-русского села Малояз, видимо, по Божьему промыслу в не столь давнее время образовавшемуся из трех деревень: в конце тридцатых годов теперь уже прошлого века сгоревший почти дотла Татарский Малояз стали заново отстраивать как районный центр между башкирской деревней Каратавлы и русской переселенческой Михайловкой, и со временем все срослось воедино. Все это глубоко промыслительно, только неужели для районного клуба не нашли больше места, как на древнем мусульманском кладбище высоко над прекрасной Юрюзанью?!

Но связи с родной деревней не было, так и жил я, время от времени наезжая в нее, как уже говорил, чуть ли не тайно.

И вот неожиданно позвонил мне Иван Григорьевич Юдин, дальний мой родственник, в прошлом райкомовский шофер, и не просто райкомовский, а чуть ли не всю свою жизнь первых секретарей возил, они время от времени менялись по разным причинам, а он оставался:

— Церковь мы в Михайловке собрались ставить. А народу-то нет. А который есть, то все нищие. Может,

чем смогли бы помочь? — И как бы опережая мой ответ: — Слышали, Дмитриевскому храму в Надеждине колокола подарили, помогаете Свято-Никольскому в Николо-Березовке под Нефтекамском. . .

Резануло меня это обращение на «вы», как к чужому, тем более что я был на полтора десятка лет его моложе, но что делать — сам заслужил. Но в то же время ухватился я за этот звонок как за соломинку. Я понял: не столько земляки нуждаются в моей нишей писательской помощи, сколько, может, простительно протягивают руку мне, отбившемуся от родства, почти вселенскому человеку.

И еще мысль была, как потрясение: кто будет ставить в Михайловке храм?! Когда осталось в деревне чуть ли не полтора человека: одни уехали, как я, другие — поумирали, спились. . . Впрочем, типичная картина для всей России.

Оказалось, что я был не один в таких безнадежных мыслях. Были люди, которые откровенно пытались урезонить Ивана Григорьевича: «Брось, бесполезно! С кем ты собираешься строить?! Со старухами?! Тем более что церкви в деревне не было и до революции, лишь часовня».

Но в то же время в меня вселилась какая-то надежда. Если уж в моей Михайловке собрались храм ставить, значит, не все еще так безнадежно в России. Я было уже рукой махнул на родную деревню, словно отрезал ее от себя, ан нет, плохо я, потерявшийся в бегах человек, думал о своих земляках: жива, оказывается, Михайловка, и люди крепкие в ней еще есть. И что удивительно, всего за девять месяцев встал, пусть небольшой, пусть деревянный, храм. И, кроме Ивана Григорьевича великая заслуга в том бывшего директора лесхоза Геннадия Николаевича Юдина и председателя райпо Виктора Михайловича Бычкова. Ну и ради справедливости нужно ска-

зять, что без поддержки районной и поселковой власти ничего бы не получилось. Я многих должен был назвать, но всех все равно не перечислишь, да и кого-то все равно не упомянул бы, обидел. Как говорится, Бог знает всех, кто помогал...

И что еще для меня принципиально важно: нынешний Малояз, как я уже говорил, образовался из слияния трех деревень: башкирской — Каратавлов, татарской — Малояза и русской — Михайловки. Так вот, приезжая несколько раз во время строительства церкви, я видел среди рабочих меньше русских мужиков, чем татар и башкир. И не случайно, что кроме Ивана Григорьевича Юдина, удостоенного медали святого благоверного князя Даниила за великие труды по постройке храма, — а для Михайловки это было трудно не менее, чем, может, построить храм Христа Спасителя в Москве, — Святейший наградил медалью преподобного Сергия Радонежского первой степени башкира, тогдашнего главы администрации района Баязита Габидулловича Ибрагимова, которого, правда, скоро сняли с должности, справедливо или нет, не мне судить...

Что же касается колокола, посоветовался я с председателем Попечительского совета Аксаковского фонда Виктором Александровичем Пчелинцевым, и решили мы по нищенским возможностям нашим пожертвовать на 40-килограммовый колокол — небольшой, конечно, но средства-то в фонде мизерные, складываются из благотворительных пожертвований, а их все меньше и меньше. Позвонил в Каменск-Уральский, что под Екатеринбургом, своему давнему знакомому, одному из лучших колокольных мастеров России, Николаю Геннадьевичу Пяткову: его колокола говорят, в свое время отлитые в долг («Когда будут деньги, тогда и заплатите») из меди, пожертвованной заводом «Уфимкабель» (тогдашний ген. директор — Вячеслав Григорьевич

Придачин), в Дмитриевском храме в аксаковском Надеждине, его колокола говорят в Свято-Никольском храме в Николо-Березовке. Его колокола много где говорят, начиная с храма Василия Блаженного на Красной площади в Москве, кончая православным храмом в Анкоридже на Аляске.

— Очередь у меня большая, — сказал Николай. — Только если в декабре.

— А мы хотели к Пасхе.

Помолчав немного, Николай вздохнул:

— Ну, ладно, к Пасхе, так к Пасхе. Если до 1 апреля перечислите деньги.

Перечислили деньги. Через некоторое время позвонил я Николаю снова: узнать, получил ли деньги, да и сказать, что окончательно решили торжественно открыть храм за неделю до Пасхи, в Вербное воскресенье.

— Ну, ладно, раз такое дело, сегодня в ночь зальем. Форма уже готова. Только я тут немного ссамовольничал. В знак нашей дружбы и из уважения к трудам твоим во славу России я отлил тебе не сорока-, а стокилограммовый Благовест и к заказанной тобой надписи «От Аксаковского фонда» добавил: «...и от раба Божьего Михаила».

...Мне доверили первому ударить в колокол. Мне казалось, что его звон слышат не только мои предки и односельчане, что лежат рядом под березами на доселе неприютном сельском кладбище, мне казалось, что его слышат все мои близкие и дальние родственники, которые не вернулись с разных войн, пав за Родину и за други своя, и те, вроде моего отца, кто по той или иной причине вынуждены были лечь на чужих погостах.

И в то же время легко сразу стало. Больше меня не мучила неприютность последнего в этой жизни вопроса. Была надежда, что, может, простят земляки блудного сына и позволят лечь в родную землю...

Я был уверен, что построенная в Михайловке церковь будет освящена во имя архистратига Михаила Архангела, в честь которого в свое время и была названа основанная переселенцами деревня, но неожиданно узнал, что архиепископ Уфимский и Стерлитамакский Высокопреосвященный Никон освятил церковь во имя Табынской иконы Божией Матери. Меня это удивило, хотя я знал, что такое бывает в церковной практике, когда восстановленные храмы освящают в честь другого святого или другого евангельского события, но тут вроде было так естественно: деревня была основана как Михайловка, полтора века престольным праздником, явно или тайно отмечаемым в ней, был Михайлов день, и вдруг... Конечно, великая честь маленькой деревянной церквушке, которую освящают во имя Табынской иконы Божией Матери, святыни огромных просторов России от Волги до Тобола, покровительницы Уральского казачества, ушедшей в трагическую пору русской смуты с частью русского народа в китайское изгнание и многие десятилетия бывшей там духовной опорой большой колонии русских беженцев — но тут вроде бы так естественно освятить в честь Михаила Архангела: деревня была основана как Михайловка... При случае я спросил об этом владыку Никона, но он, то ли решив, что я пришел протестовать против его решения, то ли еще по какой причине, ответил уклончиво: «В таком отдаленном углу епархии встал новый храм, как ему не быть во славу Табынской иконы Божией Матери, древней покровительницы края! Да и жители так просили...»

Насчет первого я готов был согласиться. А вот насчет просьбы жителей я почему-то крепко засомневался: Иван Григорьевич Юдин, староста и, по сути дела, строитель храма, на мой вопрос однозначно ответил: «Так владыка почему-то решил, а нам ничего не оставалось, как согласиться». Так или иначе, но факт освящения церкви

в моей родной деревне во имя Табынской иконы Божией Матери глубоко запал мне в душу как промыслительный, прежде всего лично для меня, в ней зародилось смутное предчувствие, что это прямо связано с моей будущей судьбой. Может, это знак мне?..

Дело в том, что ко мне уже несколько раз обращались с просьбой включиться в поиск Табынской иконы Божией Матери, я не то чтобы отказывался, но нельзя объять необъятного, в меру своих сил я помогал двум вышеназванным храмам, кроме того, на мне были ежегодный Международный Аксаковский праздник и Праздник славянской письменности и культуры в Башкирии. Но время от времени ко мне снова и снова обращался кто-нибудь с этой просьбой. То мягко намекал на это деликатнейший Борис Николаевич Федоров, заместитель директора коммерческо-инновационного центра связи «Экспресс», помогающего мне своей телекоммуникационной сетью «бродить» по миру по делам Аксаковского фонда. То отец Владимир (Сергеев), настоятель Табынского храма, где до ухода в изгнание находилась икона, просил организовать выставку, посвященную святыне, в Мемориальном доме-музее С. Т. Аксакова в Уфе, а при открытии ее просил включиться в поиск, а может, даже возглавить его, как и помочь вернуть верующим Табынский храм полностью — в части его и поныне постепенно уничтожающий его консервный завод. А в последнее время все настойчивее стал просить меня об этом председатель Попечительского совета Аксаковского фонда, до недавнего времени начальник управления социально-экономической политики администрации президента Республики Башкортостан Виктор Александрович Пчелинцев, человек, которому я многим обязан, без которого Аксаковский фонд, наверное, уже давно перестал бы существовать. Человек не воцерковленный, в прошлом даже партийный работник, он, движимый

каким-то внутренним, может, самым еще неосознанным чувством, все настойчивее и настойчивее или сам напоминал мне об этом, или «натравливал» на меня того же Бориса Николаевича Федорова...

Известно более 1500 икон Божией Матери, которые почитаются Русской Православной Церковью как чудотворные. При этом почитание одних чудотворных икон ограничивается отдельными храмами, городами или местностями, а почитание других простирается на территорию нескольких епархий или даже всей Русской Православной Церкви. Таковых, наиболее прославившихся и знаменитых икон Божией Матери насчитывается 197. Все они внесены в Месяцеслов — календарь праздников Русской Православной Церкви — для чествования во время богослужения во всех храмах как в России, так и за ее пределами.

Из указанных 197 икон — явленных (то есть обретенных, по преданию, неким чудесным образом) только 66. В это число входят иконы, обретенные и прославившиеся не только в Русской, но и в других православных церквях (Кипрской, Константинопольской, на Афоне...). Из указанного общего числа особенно знаменитых икон на территории современной России насчитывается 120, из которых явленных всего 36 — это за всю тысячелетнюю историю Христианства и государства. Среди указанных 36 — Табынской принадлежит совершенно особое место. Можно сказать, что она является одной из самых загадочных икон России. Хотя она и считается местночтимой, во многих областях России и за ее пределами бытуют, пусть порой смутные, предания о ней или легендарные сказания. Она являлась и является, несмотря на уход за рубеж, покровительницей огромных просторов России — от Волги, где в свое время явилась русскому народу Ка-

занская икона Божией Матери, до Тобола. Крестный ход с Табынской иконой Божией Матери был по времени и по расстоянию самым продолжительным в России. Он длился практически весь год. В родную и ныне осиротевшую церковь в Табынске и на место своего явления икона возвращалась лишь на 9-ю пятницу по Пасхе Христовой, все остальное время она была в пути. Она всегда упоминалась в Месяцеслове как православная святыня общероссийского значения.

Известный историк Оренбургской епархии священник Н. Н. Модестов, пораженный великим народным почитанием Табынской иконы на огромной территории России, посвятил ей специальный труд, опубликованный в 1914 году в «Трудах Оренбургской ученой архивной комиссии»: «Село Табынское и Вознесенская пустынь. Табынская икона Божией Матери. Крестный ход из села Табынского...» Возьмем описание иконы, как, безусловно, авторитетное, из этой работы:

«Получившая свое название от села Табынска, Табынская икона Божией Матери представляет собой, несомненно, один из наиболее древних списков (копий) Казанской иконы Божией Матери, явившейся в Казани в 1579 году в царствование Иоанна Васильевича Грозного и прославившейся многими чудотворениями. Такою именно, то есть Казанскою, она именуется в «Списке чудотворных икон»... Что Табынская икона есть действительно копия Казанской иконы Божией Матери — в этом можно убедиться из сходства изображения Божией Матери и Предвечного Младенца с таковым же изображением во всех списках с Казанской Божией Матери.

Но при этом сходстве упомянутых икон есть между ними и различие. Табынская икона отличается от Казанской значительно большим размером. Размер Табынской иконы — в высоту с одной стороны 1,5 аршина, а с другой — на полувершок менее, в ширину 1 аршин и

1 с четвертью вершок, а в толщину 1 вершок. Подлинная же Казанская икона Божией Матери, похищенная... злодеями в 1904 году, как известно, была значительно меньших размеров, о чем свидетельствует признаваемая за точную копию ее Казанская икона Божией Матери, находящаяся в Московском Казанском соборе.

Судя по характеру письма (т. н. греческого) и слишком темному общему (желто-коричневому) тону красок Табынской иконы Божией Матери, можно с несомненностью утверждать, что эта икона очень древнего происхождения и, может быть, почти одновременного с ее подлинником. В пользу древнего происхождения Табынской иконы Божией Матери говорит и та выемка на лицевой стороне иконы или углубление... Такие выемки на лицевой стороне, заменяющие собой как бы раму, обычно встречаются только на древних иконах. Судя же по значительным размерам этой иконы, можно предположить, что соорудители Табынской иконы предназначали ее не для домашнего употребления, а для помещения в каком-нибудь церковном иконостасе. Думаем, что мы никоим образом не умалим достоинства св. Табынской иконы Божией Матери, если, основываясь, с одной стороны, на значительных размерах этой св. иконы, а с другой — на том, что Табынская икона была найдена вблизи Вознесенской пустыни, предположим, что Казанская икона, известная теперь под именем Табынской, была некогда из так называемых местных икон Вознесенской пустыни. Пребывание Казанской иконы Божией матери в Вознесенской пустыни весьма вероятно и естественно, так как эта пустынь была построена, как можно думать, вскоре после обретения Казанской иконы Божией Матери и находилась в пределах Казанской епархии. Что же касается того вопроса, каким образом монастырская икона могла оказаться впоследствии утерянной, то этот вопрос разрешится сам собой, если мы припомним, что Вознесенская

пустынь не раз была сожжена и разорена башкирами. Неужели иноки этого монастыря могли предать чтимую ими святыню на поругание? Не естественно ли предположить, что при каждом башкирском набеге иноки Вознесенской пустыни спешили укрыть свою святыню в каком-то потаенном месте? А так как после сожжения монастыря братия его была «рассеяна», то нет ничего удивительного в том, что на некоторое время была утеряна и св. икона...»

Первое явление иконы, по преданию, относится ко второй половине XVI или первой половине XVII века. Вскоре после покорения Казани монастырский иеродиакон Амвросий недавно образованной в 70 верстах (140 км) от Уфы Вознесенской пустыни, «возвращаясь с поля, услышал глас: «Да потшится правоверующая братия Вознесенского монастыря принять меня во храм Господа моего». «Диакон первоначально не внял сему неземному гласу, опасаясь, может быть, внутреннего самообольщения, но спустя несколько дней, возвращаясь с обычных полевых занятий, он снова слышит тот же призывный голос. При сем диакон остановился и с претрепетным любопытством стал осматривать место, откуда слышен был голос, и наконец увидел св. икону на большом камне у подошвы горы над источником, известным и донине под именем Соляного ключа, пересекающего Ногайскую дорогу...» В каком это году произошло, трудно сказать, но уже в 1597 году пустынь называлась Пречистой Богородицы явления иконы Казанския. Сразу же после явления св. иконы у Соляного источника стали совершаться многочисленные чудеса, вследствие чего икона была носима для удостоверения сначала в Казань, потом в Уфу, но, как бы не обретшая там себе места, она была возвращена в Вознесенскую или Пречистенскую пустынь... Во время многочисленных башкирских восстаний монастырь не раз был сожжен. В 1663 году во

время очередного восстания он был окончательно уничтожен, о нем напоминал лишь большой бугор посреди не поляны, покопавшись в котором можно наткнуться на оплавившиеся куски кирпича. Где была после этого св. икона: под спудом ли разрушенного монастырского храма или в другом месте, неизвестно, но примерно через век «в подкрепление святой веры и на спасение роду человеческому, Царица Небесная открылась вновь, явившись во св. Своей иконе вновь на том же месте и вновь на том же камне».

По преданию, второе обретение св. иконы произошло следующим образом: она была обнаружена в середине XIX века тремя пастухами-башкирами, нанявшимися в село Табынское пасти скот. Они «из ненависти к христианству стали издеваться над святыней и бросились рубить ее, за что достойно и были наказаны Всемошною Царицею неба. Они лишились зрения и так долго блуждали по лесу. Один из них, самый молодой, стал молиться и прозрел, по его молитвам прозрели и другие. Молодой пастух так уверовал в Бога, что крестился, а те двое остались в магометанстве, но стали почитать икону». Так как Вознесенского монастыря давно уже не существовало, икону отнесли в недавно построенную в селе Табынске церковь, после чего она и получила название Табынской. Что касается крестившегося молодого башкира: после своего ослепления и чудесного прозрения, он, крестившись, стал вести особую подвижническую жизнь. Как свидетельствует предание, несмотря на время года и погоду, он всегда ходил в одном подряснике и скуфье, зимой и летом босой. Везде и всюду с трепетом рассказывал, как они, несмышленные, обрели чудотворную икону, как осквернили ее, как он ослеп и прозрел. И все говорил: «Наконец-то я узнал, как велик русский Бог!» Жил он якобы невероятно долго, около 130 лет, и умер в дороге во время Крестного хода где-то под Челя-

бинском. Но, к сожалению, предание не сохранило ни его имени, ни места могилы.

Что касается сходства или даже списка Табынской иконы с Казанской, то нынешний настоятель Вознесенского храма в Табынске протоиерей отец Владимир (Сергеев), или, как он сам говорит, в то время еще настоятель Вознесенской горы, поскольку храма на ней еще не было, а в церкви села еще был консервный завод, — по благословению афонского старца схиархимандрита Серафима (Томина), зачинатель поисков иконы, имеет свое суждение, которое основывается не только, скажем, на местнопатриотическом чувстве, но и на мнении некоторых исследователей вопроса:

«Да, она сильно напоминает явленную Казанскую икону Божией Матери. Однако все чаще и чаще исследователи находили разницу в изображении икон, и возникал вопрос: так ли уж Табынская точная копия Казанской? Неправильность и мало отчетливая отделка доски Табынской — обычная особенность древнейших икон, когда иконописцы старались подражать иконам евангелиста Луки письмом и обработкой доски. Сразу бросается в глаза различие в пропорциях. Табынская более вытянута, так что появляются дополнительные детали апостольника Божией Матери, которых нет на Казанской, а каноническое копирование предполагает полное повторение деталей. Изображение на Табынской иконе смещено влево, хотя композиция всей иконы остается уравновешенной... Таким образом, Казанская икона представляет собой как бы наоборот несколько усеченный снизу и справа список Табынской.

Но более всего исследователей смущало то, что Табынская выглядела древнее. Казанская икона, как известно, явилась в Казани в 1579 году, при этом она по виду была почти новой, о чем свидетельствует, в частности, св. патриарх Гермоген, прославленный позже в сонме

святых: «...чудотворный образ чудно сиял светлостью, как будто вновь был написан красками...» Несомненно, что Казанская икона была рукотворной и написанной незадолго до взятия Казани. Известно, что сразу после ее явления стало происходить множество исцелений. И потому было написано множество точнейших списков с иконы. Таков был канон: с чудотворных икон писать только точные списки. Один из первых был преподнесен царю Иоанну Грозному, другие свободно распространялись, в том числе на казанском базаре, о чем свидетельствует история явления Казанско-Ярославской иконы: в 1588 году некий Герасим видел во сне Богоматерь, которая обратилась к нему: «Герасим, в городе Казани, в торговом дворе у одного юноши на левой стороне есть Моя икона. Возьми Ея...» Но не обнаружен ни один список Казанской иконы, похожий на Табынскую.

А что, если она явилась миру независимо от Казанской? Ясно, что Табынская икона написана вне Вознесенской пустыни, ибо трудно даже представить наличие в пустыни иконописца, обладающего всем мастерством греческой школы и умением высококлассного «личника» (это самые искусные мастера, писавшие только лики святых), чтобы изобразить такой вдохновенный Лик. Но икон того времени, подобных Табынской, больше не обнаружено. Потому можно предположить, что икона явилась в Вознесенскую пустынь не из России. Многие соглашались, что копией Казанской ее можно назвать только с натяжкой, Табынская икона обладает большим количеством иконографических деталей, отсутствующих в Казанском образе, а не наоборот.

Не могла ли икона здесь оказаться до появления пустыни? Проникновение христианства в Приуралье и на Урал могло начаться лишь после образования Херсонской епархии в 920 году. И действительно, Херсонская епархия, а впоследствии автокефальная митрополия,

прославилась широким миссионерством. Уже в начале X века была образована православная епархия в соседней с Уралом и Поволжьём Хазарии. И возможно, что в Хазарской епархии была когда-то икона Божией Матери подобного иконографического типа, созданная местными иконописцами и потому неизвестная в Константинополе и Херсонесе. Была она, скорее всего, чудотворной, иначе не стали бы писать с нее списков. Табынская икона, если не сама та икона, может, более ранний список с нее, а Казанская — более поздний: и так как обладает меньшим количеством иконографических деталей, и как более светлый по краскам. Может быть, он был написан для домашнего иконостаса, потому что значительно меньших размеров. Но все сказанное ничуть не умаляет величия Казанской иконы Божией Матери, ставшей заступницей всей нашей страны. А Табынская стала относиться к местнопочитаемым иконам...»

Эта версия многим покажется фантастической, но если она существует, я привожу ее тоже. Более того, она зародилась во мне столь же фантастическую и в то же время не фантастическую мысль: а вдруг Табынская — список с одной из еще более древних икон, окольными, ведомыми только ей путями пришедшая в будущую середину России накануне перелома ее судьбы? С этой мыслью я просмотрел сотни икон Божией Матери XIX—XVII веков в крипте величественного собора Александра Невского в Софии, собранных по разрушенным монастырям Болгарии Людмилой Живковой, дочерью последнего генерального секретаря Болгарской компартии Тодора Живкова (сейчас ее имя затоптано в грязи, но придет время, ей скажут спасибо благодарные потомки). С этой мыслью я проехал по древнесирийским православным монастырям, включая легендарную Седнайю, где находится икона Божией Матери, написанная, по преданию, самим святым апостолом евангелистом Лукой, и десятки

других древних икон Ея первых веков, но нигде не нашел даже близко подобного лика...

К сказанному же выше отцом Владимиром я только добавил бы: то, что Табынская стала относиться к местнопочитаемым иконам, ничуть не умаляет ее величия. Более того: может, ее истинное время еще не пришло, оно придет, может, после очередного Ее явления, если мы, конечно, окажемся его достойны. Ибо, наверное, не случайно в акафисте ей есть такие многозначашие и таинственные слова: «...всего мира Надежду и Утешение».

Действительно, быть бы Табынской иконе, тем более находящейся в Уральской глуши, одной из многочисленных местночтимых икон Божией Матери, но в 1848 году страшная эпидемия холеры обрушилась на Россию. Именно в это время и прославилась Табынская икона своими исцелениями, сначала в самом Табынске, потом в ближайшем городе Стерлитамаке, потом в губернском Оренбурге, остановив там страшный мор. Тогда «преосвященный Антоний поручил произвести законное расследование о древности и достопочтимости св. иконы в Табынском крае в Богоявленском заводе, где с клятвой утверждали вышеописанное, по преданию, явление и незапамятное почитание св. иконы Богоматери. Предание имеет, по крайней мере, стосорокалетнюю давность, то есть что дети получили от отец, то сии — от своих отцов и так далее, у которых родители были уроженцами села Табынска и даже той деревни монастырской, которая существовала даже до населения крепости Табынской». В результате было составлено одно из первых «сказаний», на которые впоследствии и опирался в своем труде священник Н. Н. Модестов.

Надо сказать, что Табынская икона и местность, в которой она явилась, всегда была в поле внимания русских государей, начиная с Иоанна Васильевича Грозного, в чье царствование, скорее всего, был заложен

Вознесенский монастырь, разрушенный в первый раз сибирским ханом Кучумом. Об этом факте, в частности, известно из указа царя Федора Иоанновича: «А того ради царь и великий князь Федор Иоаннович, всея Руси самодержец, указал тебе, старцу Ионе, не могшав ехать в Уфимский край в Вознесенскую пустынь Ногайской долины, что башкирцами сожжена, а братия рассеяна...» И царь Алексей Михайлович в 1648 году писал строгую грамоту, касающуюся Вознесенской или Пречистенской пустыни. И «великому Государю, Царю и Великому Князю Петру Алексеевичу, всея Великия, и Малыя, и Белья Руси Самодержцу» писали челобитную стрельцы из Вознесенской монастырской деревни, после чего Петр I в 1696 году подписал указ о переселении стрельцов на более безопасную пристанскую поляну, о строительстве нового острога на ней, об отводе земель и угодий...

Случайно ли возникновение именно на стыке Европы и Азии самого большого в России по времени и по расстоянию Крестного хода, сопровождающегося великими, оказанными Пресвятой Девой не только православному люду, чудесами и милостями? В благодарность за избавление от холеры, о котором я упоминал, жители Стерлитамака стали ежегодно на 9-ю пятницу после Пасхи брать крестным ходом Чудотворную икону к себе. Примеру Стерлитамака последовал Оренбург, в течение многих лет страдающий от холеры и в 1848 году почти вымерший от смертельной напасти. Холера остановилась после того, как Икона крестным ходом была принесена в город. В благодарность Пресвятой Богородице кафедральный собор Оренбурга был освящен в честь Табынской иконы Божией Матери. Для него был сделан точный список иконы. 12 декабря 1856 года в Особом отношении министра внутренних дел к Оренбургскому губернатору говорилось, что «по

всеподданнейшему докладу обер-прокурора Св. Синода ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР ВЫСОЧАЙШЕ повелеть соизволил: переносить ежегодно находящуюся в церкви села Табынска, Стерлитамакского уезда, икону Казанской Божией Матери в г. Оренбург в сентябре месяце и в г. Стерлитамак — в 9-ю пятницу после Пасхи, в сопровождении Крестного хода, с тем, чтобы наблюдение за порядком и благочинием в народе во время сего хода было возложено на обязанность местной полиции». При этом министр МВД О. Панской добавлял: «...граждане г. Оренбурга изъявили принимать означенную икону в 8-е число сентября и иметь оную у себя три недели, а для пребывания сей иконы в г. Стерлитамаке достаточно 8 дней». Но икону желали у себя видеть другие города и губернии. Начинается спор между Уфой и Оренбургом за количество дней нахождения иконы. Известность ее стремительно растет. В 1857 году Табынскую икону хотели видеть уже многие станицы полковых кругов Оренбургской губернии. Преосвященный Антоний ставил в известность генерал-адъютанта А. А. Катенина: «В будущее лето икона поднимается (слово-то какое удивительное и точное и в то же время многозначное найдено — поднимается. — М. Ч.) 15 днями против нынешнего года ранее. А именно вместо первого августа — 15 июля, и, следуя по маршруту, ныне составленному, к Оренбургу пронесется помимо его сперва к станицам, расположенным по правому берегу Урала, начиная со станицы Чернореченской, а потом со станицы Рассыпной, перейдя Урал, пронесется к Оренбургу по станицам левой стороны Урала».

В 1858 году св. икону пожелали видеть станицы 4-го полкового округа. К этому времени относится следующий случай. Жители Богоявленского завода стали оспаривать икону у Табынска на основании того, что место ее явления находится на дачах завода. В ответ оскор-

бленные жители Табынска во время Крестного хода перестали носить икону через завод. А стали ее носить на Святые ключи в обход, по старой Ногайской дороге. Тогда богоявленцы обратились с жалобой к благочинному протоиерею Базилевскому: рассудить их по справедливости. Благочинный своим судом решил вопрос в пользу богоявленцев: определить местом нахождения иконы храм в Богоявленском заводе. На что табынцы смиренно ответили: «Если угодно это Пречистой Матери, то пусть будет по определению сему». Но на утро отец благочинный покаялся перед всем честным народом: «Неугодно Матери Божией мое вчерашнее неразумное распоряжение, ибо достойно наказала меня за таковое, у меня отнялась правая рука». И как только икона вернулась в Табынск, получил исцеление.

В 1871 году холера опять захлестнула всю Россию. Медицина была бессильна бороться с напастью в таких размерах. Но верующие люди уже знали, кто им может помочь. Потому они стремились хоть на несколько дней, хоть на несколько часов заполучить к себе спасительницу. Где принимали Табынскую икону Божией Матери, холера там тотчас же или вскоре останавливалась. Когда кругом вымирал целые деревни, в Табынске умерло только три человека. В Оренбурге за неделю умерло более 1000 человек. Но как только икона была принесена в город, холера сразу прекратилась, на второй день после ее появления на кладбище вынесли последнюю жертву. В эти годы Чудотворную икону из Табынска Крестным ходом, кроме Стерлитамака и Оренбурга, несли уже в Самару, Тобольск, Кустанай, Уральск и по их губерниям, все дальше и дальше, как на запад, так и на восток и на юг... Вот только часть маршрута ее следования в 1908—1910 годах: 20 июня — село Табынск; 22 июня (9-я пятница) Богоявленский завод, Святые ключи, место явления; 23 июня — деревня Зиганова, дер. Макарово, башкирские

земли (здесь св. икону несли сами башкиры, помните: «остались в магометанстве, но стали почитать икону...»); 27 июня — Авзяно-Петровский завод; 30 июня — Кагинский завод; 2 июля — Узянский; 6 июля — Белорецкий; 9 июля — г. Верхнеуральск; 26 июля — г. Троицк; 15 августа — станица Таналыкская; 20 августа — г. Орск; 30 августа — станица Верхнеозерная; 7 сентября — г. Оренбург; 5 декабря — г. Уральск...

В январе Крестный ход переходил в Самарскую губернию и т. д., продолжаясь вплоть до следующей 9-й пятницы после Пасхи, накануне которой, по сути дела, только день и была Чудотворная в родном храме. А в 9-ю пятницу собиралось на Святые ключи, на место ее явления, до 20 тысяч человек со всей России. Саму же св. икону во время крестного хода возили в особой карете с пятью главками. Ее всегда сопровождало несколько священников. В карету запрягались только специально предназначенные для Чудотворной лошади, на которых никто никогда не садился. Предание свидетельствует: иногда бывало, что карета останавливалась сама собой, да так, что лошади не могли ее сдвинуть. При расследовании выяснялось, что на том месте, где она остановилась, был некогда закопан убиенный младенец или совершены какие другие злодеяния. Икона призывала к покаянию. А в некоторые селения Чудотворная вообще отказывалась заходить. Многочисленные чудеса исцелений сопровождали Табынскую икону на пути ее следования. Потому каждый верующий старался пройти с иконой хоть малую по силам часть ее пути. Табынская икона была носима на руках только в городах и селениях. А между селениями она непременно перевозилась. Такое распоряжение диктовалось необходимостью скорейшего перехода иконы от селения к селению, чтобы она успела посетить как можно больше мест. А из далекой Астрахани ежегодно снаряжался целый пароход с

паломниками, который плыл сначала по Волге, потом по Каме, потом по Белой до самого Табынска, в то время Белая еще была не так мелка...

Из года в год Крестный ход все больше растягивался, и со временем он уже не стал уместиться в календарный год. Икона, не имея ни дня отдыха, находилась в постоянном походе. Но все равно к празднику Рождества Святой Богородицы встречал ее Оренбург. Весь клир 42 храмов города, казачьи части, ведь Табынская икона с самого явления стала почитаться как охранительница Оренбургского казачьего войска, почти все население города выходило навстречу своей Покровительнице. Торжественная встреча происходила в 25 километрах от Оренбурга в селе Нежинка. Серебряную ризу, в которой икона путешествовала, меняли на золотую, специальную Оренбургскую. По мере расширения границ России на восток и на юг создавались новые казачьи округа. Появились Сибирское, Семиреченское, Забайкальское войско... И всюду их основой были оренбургские казаки. С ними продвигалось на восток и на юг великое почитание Табынской иконы Божией Матери. Хотя сама она туда уже не доходила, только ее многочисленные списки. Нынешний поиск Табынской иконы Божией Матери затруднен и тем, что многие вроде бы достовернейшие свидетельства о ней на самом деле имеют отношение к ее многочисленным точным или даже неточным спискам...

Что вообще представляет собой Крестный ход, какой духовный смысл в себе несет? При кажущейся легкости этого вопроса каждый ли из нас может с уверенностью ответить на него? Чтобы не мудрствовать лукаво, обращаюсь к труду уже цитированного мною священника Н. Н. Модестова, к специальной главе из его книги о Табынской иконе «Значение Крестного хода вообще и с Табынскою иконою Божией Матери в особенности»: «С самой глубокой древности в Церкви Православной

утвердился обычай по случаю общественно-скорбных или радостных событий совершать крестные ходы, то есть открытые всенародные священно-соборные шествия или моления верующих вне храмов Божиих в предшествии святого креста, Евангелия, хоругвей и св. икон. Избавление от моровых поветрий, одержание победы над врагами Церкви и государства, испрошение милости Божией во время засухи или безведрия — побуждает христиан собираться воедино, чтобы вознести Господу свою единодушную молитву. «Подлинно, если когда, то во время крестных ходов, — говорит один древнехристианский писатель Тертуллиан, — мы собираемся вместе для того, чтобы наподобие некоего воинского отряда сделать со всех сторон к Богу приступ молитвы». «При крестных ходах на путях и перекрестках, — говорит святой Симеон Солунский, — мы творим моления для того, чтобы очистить все пути и распутия, оскверненные нашими грехами, подъемлем из храмов священные иконы, вносим честные кресты, а иногда, где есть, и священнейшие мощи святых для того, чтобы освятить и людей, и все, что потребно им для жизни, то есть дома, пути, воду, воздух и самую землю, попираемую и оскверняемую стопами грешников».

Таков древний, исконный смысл и значение крестных ходов по изъяснению учителей Церкви. Несомненно, что крестные ходы должны служить одним из сильных средств к воспитанию у нас веры, благочестия и страха Божия. Так оно и бывает, как это особенно наглядно можно видеть именно на крестном ходе с Табынской иконою Божией Матери.

В годы Отечественной или Великой войны 1914 года, которую мы больше знаем как Первую мировую и которую, когда уже была близка победа, враги России сумели превратить в гражданскую, Табынская икона Божией Матери (или оренбургский список ее?)

вместе с казачьими уральскими полками была на фронте. Перед ней служили молебны перед атакой...

Последний Крестный ход с Табынской иконой Божией Матери был оборван осенью 1919 года под Оренбургом практически в зоне боевых действий гражданской войны. Тысячи людей, шедших с Иконой, надеялись, что она остановит братоубийственную бойню. Неожиданно налетевшая красная конница разогнала богомольцев. Трудно сейчас сказать, были ли это какие-нибудь бойцы-интернационалисты или свои казаки, например из отряда красных командиров братьев Кашириных, ведь казачество тогда, как и весь русский народ, тоже было расколото на два, а то и на более лагеря. Обе дорогие ризы, содрав с иконы, красные забрали, а саму икону по ненадобности или все-таки, может, убоявшись ее возможного гнева, просто бросили на дорогу. А за ними уже шли, узнав о случившемся, сотни атамана Дутова, которые благоговейно приняли на руки св. икону и потом уже отступали с тяжелыми боями на восток и в среднеазиатские пустыни вместе с ней. В пору наибольших колебаний казачьих частей, перед арьергардными атаками, сдерживающими превосходящие силы красных войск, войсковой атаман Оренбургского казачьего войска, походный атаман всех казачьих войск России, генерал-лейтенант Александр Ильич Дутов для поднятия боевого духа измороженного голодом и тяжелыми переходами личного состава приказывал расчехлить Табынскую икону. Так вместе с ними она и перешла китайскую границу...

История ухода Чудотворной иконы вместе с частью русского народа в китайское изгнание полна противоречий и фольклорных наслоений. По широко бытующей, опубликованной Уфимской епархией вместе с акафистом, версии с атаманом Дутовым в Китай ушел точный список иконы из Оренбургского кафедрального собора, сама же икона, сопровождаемая Оренбургским архиепи-

скопом Мефодием, с белыми частями ушла на Дальний Восток, вплоть до Благовещенска. Дальше путь шел через Амур. Но дальше она якобы не пошла. Горе и отчаяние охватили тогда уходящих в изгнание русских людей. Из всего, что у них оставалось от Родины, была Чудотворная икона, не раз их спасавшая в страшном пути. И вот она не хочет уходить за рубежи Родины. Что делать?

Над Чудотворной якобы была построена часовня из речного амурского камыша. Епископ Камчатский и Петропавловский Нестор вместе с архиепископом Оренбургским Мефодием, который проделал весь путь с иконой от Оренбурга, и многими священниками три дня постились и слезно молились. И вот только тогда св. Табынская икона позволила перенести себя через границу в Китай. Первый ее храм за рубежом якобы был в монастыре Харбина, столицы русского изгнания, и где она вроде бы пребывала до 1948 года. Потом, когда русских по настоянию советского правительства стали выдавливать из коммунистического Китая, она с беженцами попала в Австралию, откуда архимандрит Филарет перевез ее в Сан-Франциско... И этому вроде бы есть авторитетнейшие свидетельства. Архимандрит Серафим (Томин), благословивший отца Владимира (Сергева) на поиски иконы, утверждал: «Я, будучи келейником митрополита Нестора, часто слышал, что владыка в 1918 году, сопровождая нетленные мощи преподобной мученицы Елизаветы (бывшей Великой Княгини Елизаветы Федоровны. — М. Ч.) и Варвары, ехал вместе с архиепископом Мефодием Оренбургским, который вез настоящую Табынскую икону. Он, владыка Мефодий, рассказывал, как она попала к нему. Табынскую икону встречали как всегда накануне Рождества Богородицы в станице Неженская. Было огромное стечение народа. И в то время, когда начинался торжественный обряд смены серебряной ризы (Табынской)

на золотую (Оренбургскую), напали красные, и была настоящая битва. Обе ризы они забрали, а икону бросили. Владыка Мефодий подобрал икону и перевез ее в Харбин. В Харбине построили маленькую церковь. В 1948 году икону вывез в Австралию, а затем в Америку архимандрит Филарет (Вознесенский). Потом он возглавил Синод РПЦЗ. Владыка Мануил (о котором речь впереди. — М. Ч.) обращался в зарубежный синод по поводу возвращения иконы. Но они отвечали, что икона у них и что они ее никогда не отдадут...» О харбинском пути иконы свидетельствует и архиепископ Ювеналий (Килин) Ижевский: «Эта икона примерно в 1921 году с Белой армией ушла в Харбин, но не для всех это было объявлено, и находилась она в Казанско-Богородицком мужском монастыре в Харбине. В 1948 году точно была там, а дальше не знаю, так как выехал в СССР». Свидетельство это тоже заслуживает внимания, потому как в 1922 году Ювеналий, тогда еще архимандрит, был основателем и настоятелем этого монастыря. Но....

В 1984 году во время миссии Международного фонда славянской письменности и культуры — плавания на паруснике с Поклонным крестом в Грецию, мимо Святой горы Афон, в Фессалоники, на родину равноапостольных Кирилла и Мефодия, я спрашивал духовника нашей миссии архиепископа Сан-Францисского Василия (Родзянко) о возможном нахождении Табынской иконы в Сан-Франциско. Всмотревшись в лазурь Эгейского моря, он отвечал: «Да, разумеется, я знаю о Табынской иконе. Но могу с полной уверенностью сказать, что ни в одном православном храме Сан-Франциско и Калифорнии ее нет, я знал бы об этом. Если только допустить, что в частных руках или вообще не у православных, а у каких-нибудь коллекционеров...»

У меня харбинская версия первоначального нахождения Табынской иконы вызывала сомнение и потому,

что даже упоминания о ней я не нашел в серьезной работе Георгия Шульца «Русская Духовная миссия в Китае»:

«Первая половина XX века связывает историю русской диаспоры в Китае с исходом из России полмиллиона беженцев. А также с именами святителей Серафима (Соболева) — автора «Русской идеологии», Ионы (Покровского) и особенно архиепископа Шанхайского и Сан-Францисского Иоанна (Максимовича) — потомка митрополита Иоанна Тобольского (Максимовича), бывшего с 1712 года по день своей кончины в 1715 году духовным начальником православных русских в Китае.

Духовная миссия в Китае, как и другие зарубежные учреждения Русской Православной Церкви, на основании постановления патриарха Тихона и Высшего Церковного Совета от 7 (20) ноября 1920 года перешла во временное подчинение Зарубежному Архиерейскому Синоду. В 1922 году была образована новая епархия — Пекинская и Китайская. Сохранив старое название, миссия стала первой китайской православной епархией. Забота о беженцах из России стала ее главной задачей. В Харбинской епархии — основной территории, в пределах которой селились эмигранты, строились учебные заведения, в том числе и семинария, издавались православные книги, развивалась благотворительность. В 1928 году был открыт Дом милосердия преподобного Серафима Саровского. На земельном участке Спасо-Преображенской церкви создается дом-убежище митрополита Мефодия. В 1929 году советские войска на Дальнем Востоке вторглись в пределы Китая, преследуя русских беженцев из Сибири, в их судьбе приняла участие Богородице-Владимирская женская обитель. При ней был открыт приют для девочек во имя св. равноапостольной княгини Ольги.

Около 1925 года в Модягоу был построен Скорбященский храм Камчатского подворья, более известный как Дом милосердия. Здесь имелись приют и иконопис-

ная мастерская. У самого входа была воздвигнута часовня в память императора Николая II и сербского короля Александра. Святитель Иона, принимая прямое участие в жизни и воспитании детей, основал приют на станции Маньчжурия. Там же были созданы бесплатные школа, столовая, амбулатория и библиотека.

В 1930 году началось строительство величественного Софийского храма — украшения всего Харбина. Вообще же в Харбине с 1918 по 1931 год были построены следующие храмы: Свято-Николаевский при городской тюрьме, Свято-Петропавловский в Сунгарийском городке, Свято-Преображенский в корпусном городке, Камчатское подворье, Богородицко-Владимирская женская обитель с пещерным храмом в память великомученика Димитрия Солунского, Казанско-Богородицкий мужской монастырь в Гонадатьяевке, Борисоглебская церковь в Цинхе, Свято-Николаевская церковь в Частном Затоне, Иоанно-Богословская при приюте-училище «Русский дом», Иоанно-Предтеченская при Московских казармах, Пророко-Ильинская на Пристани, Покровская на старом кладбище. Строились церкви и на железнодорожной линии Владивосток—Харбин: Свято-Троицкая на ст. Шитоухэцзы, Свято-Николаевская на ст. Эхо, Свято-Георгиевская на ст. Хайлин, Свято-Владимирская на ст. Яомынь, Спасо-Преображенская на ст. Лаошагоу.

В 1922 году на Крестовом острове Харбина был основан мужской монастырь с трехпрестольным храмом в честь Казанской иконы Божией Матери с приделами великомученика Пантелеимона и Архистратига Михаила...

После поражения революции 1925—1927 годов в Китае началась гражданская война. Кафедральный Богоявленский собор Шанхая оказался в центре военных действий, и на территории французской концессии началась постройка нового храма в честь иконы «Споручница грешных». Старый Богоявленский собор и Дом зем-

лячества при нем сохранялись вплоть до 1932 года, когда 28 февраля японский снаряд стал причиной пожара, уничтожившего первый православный храм в Шанхае...

Сегодня в Китае официально числится 15 000 русского населения, граждан КНР... В районе Синьцзян насчитывается более 3000 последователей Православия, в основном русских. Только вокруг территории Российского посольства — бывшей территории Российской Духовной Миссии — проживают 300 потомков албазинцев. Все они сохранили веру, смогли тайно в годы культурной революции крестить своих детей и внуков...

В Пекине есть два священника — отец Александр Дэ и отец Иаков. Оба они, несмотря на преклонный возраст, неоднократно обращались к городским властям с просьбой открыть для православных пекинцев храм, однако всегда получали отказ. В Харбине единственный совершавший службу священник отец Григорий Чжу умер два года назад. Около 30 православных китайцев, священник Михаил Ли и протодиакон Евангел Лу живут в Шанхае. Так же, как и в Пекине, власти не соглашаются открыть в Шанхае православный храм. Городские власти Шанхая объявили архитектурными памятниками два сохранившихся православных храма города: кафедральный собор в память иконы Божией Матери «Споручница грешных» и Свято-Николаевский храм, воздвигнутый в память об убиении императора Николая II. Но в соборе открыты банк и ресторан, а в Свято-Никольском храме — склад.

О былой миссии в Пекине сейчас напоминают только камни — остатки надгробий русского кладбища за бывшими Аньдинмэньскими воротами города. Уже в 1986 году был разрушен Свято-Серафимовский храм.

На территории посольства России в Пекине по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II 19 апреля 1997 года был установлен

поклонный крест в память истории миссии. Из трех же храмов сохранился только бывший Успенский храм, увы, переделанный в гараж.

А два года назад на Святой Земле, в Иерусалиме, была найдена Порт-Артурская икона Божией Матери «Торжество Пресвятой Богородицы», написанная в 1904 году, но так и не попавшая в осажденный Порт-Артур. Мы надеемся, что сегодня она во Владивостоке ждет завершения своих столетних странствий...»

Георгий Шульц, будучи вроде бы серьезным историком Русской Православной Церкви в Китае, даже не упоминает о Табынской иконе Божией Матери в районе Харбина, в том числе рассказывая о Казанско-Богородицком монастыре, где, по утверждению архиепископа Ювеналия, она находилась. Нет у него даже упоминания об иконе, когда он рассказывает о православных храмах и Русской Православной миссии в Пекине, хотя Игорь Ребрин из Сан-Пауло (Бразилия) писал отцу Владимиру в Табынск: «Я точно помню, что она была в маленькой церкви в бывшем посольском квартале в Пекине. Это был дом недалеко от восточной части стены. Мой отец был там старостой, и я помню, что икона была довольно большая... Церковь в 1949 году закрыли и все имущество перевезли в Бэнь-Гуань в Пекинскую Православную миссию». Но в то же время Александр Кириллов из Рио-де-Жанейро писал: «Я не слышал никогда об этой иконе, несмотря на то что между 1949 и 1953 годами неделями, а иногда и месяцами жил в Российской Духовной миссии в Пекине».

Неужели Георгий Шульц вообще не знал о существовании Табынской иконы? Или он считал нахождение ее в Китае, как и вообще существование ее, незначительным фактом? Странно, что он даже не упоминает об основанной около Харбина в поселке Канагаш близ Дайрена (Дальний) Богородицко-Казанской женской обители.

В своей работе Георгий Шульц лишь упоминает о русских в автономном районе Синьцзян, можно предположить, что по причине закрытости этого района он не обладал сколько-нибудь достоверными сведениями о состоянии Православия в этом районе Китая. И еще: Георгий Шульц упоминает потомков неких албазинцев, которые в Китае сумели сохранить свою древнюю веру и даже во время культурной революции тайно продолжали крестить своих детей. Что же это за люди — албазинцы, какой национальности или этнической группы?

Чтобы ответить на эти два вопроса, я призыву себе в помощники другого исследователя Православия в Китае, сотрудника Отдела внешних церковных сношений РПЦМП профессора-востоковеда священника Дионисия Поздняева. Историю пребывания русских в Синьцзяне отец Дионисий в своей работе «Православие в Китае» делит на четыре этапа: 1) с появлением здесь русских-албазинцев и до 1920 года; 2) с 1920 года, времени прихода в Синьцзян вытесненных с территории России белых войск; 3) с 1932 года, когда в Синьцзян бежали недовольные коллективизацией в СССР; 4) с 1954 года и по настоящий день — время вынужденного или добровольного выезда русских из Синьцзяна, как в разные страны мира, преимущественно в Австралию, США и Канаду, так и в СССР. Есть основания предполагать, считает отец Дионисий, активно включившийся в поиск Табынской иконы Божией Матери, что жившие в конце XX века в Синьцзяне, в городе Кульдже, китайцы-католики также вели свое происхождение от русских, албазинских казаков, плененных в 1685 году и уведенных в Пекин. История их пленения такова. В 1651 году «оптовщиком Ерофеевкой Хабаровым» на границе с Китаем был занят «Даурский городок», и на его месте был поставлен острог Албазин. Уже в этом, 1651 году, император Шуньчжи отправил к Албазину тысячную

армию, но справиться с казаками не смог. В результате вскоре весь Приамурский край становится во владении России. Новый китайский богдыхан Канси, чтобы «решить» проблему Албазина, построил на Амуре целую флотилию и обложил Албазин сторожевыми крепостями, при этом не переставая слать албазинцам ласковые увещательные грамоты. К 1684 году Канси, обеспокоенный будущим Дальнего Востока, собрал под Албазином 15 000 солдат, надо заметить, что 100 пушек и 50 осадных орудий подарили ему католические миссионеры. В Албазине гарнизон составлял всего 450 казаков с тремя пушками. В 1685 году после двухдневной осады городок вынужден был сдаться. К чести китайского императора, он полностью сдержал свое слово. Китайцы выпустили из города всех жителей Албазина с оружием и вещами. Канси приказал обращаться с русскими пленными как можно мягче и предложил им вернуться в Якутск или Нерчинск или поступить к нему на службу. На его предложение поступить на китайскую службу откликнулось 45 семей. Так что албазинцев, оказавшихся в Пекине, пленными можно называть с некоторой оговоркой, тем более что они были причислены к китайскому почетному наследственному военному сословию, второму после чиновников. С казаками-албазинцами отправился в Пекин и священник Максим Леонтьев. С этого и начинается история Православной миссии в Китае. В 1695 году Тобольский митрополит Игнатий писал отцу Максиму Леонтьеву: «А пленение ваше не без пользы китайским жителям, яко Христовы православные веры свет им вами открывается».

«История миссии поучительна, — пишет Георгий Шульц. — Сумев на протяжении столетий сохранить православную веру среди потомков албазинских казаков, смешавшихся с китайскими и маньчжурским этносами, члены миссии немало сделали на поприще дипломатии

(в XIX веке дипломатическая деятельность для миссии была основной), науки, из нее вышли первые русские консулы на крайнем Востоке. Ими же были заложены основы отечественного востоковедения. Благодаря трудам миссионеров Россия и Китай ни разу не воевали».

Что же касается Синьцзяна, отец Дионисий Поздняяев в своей работе «Православие в Китае» пишет: «В 1850 году в Томске русский купец Порфирий Глебович Уфимцев сообщал настоятелю Гуслицкого монастыря Московской епархии игумену Парфению о том, что во время многократных торговых поездок в Кульджу он познакомился там с китайскими христианами, сообщившими о том, что они по происхождению — русские, по вере — православные. Они утверждают, что являются потомками пленников из Албазина. По их словам, за дерзость по отношению к императорскому правительству 50 русских семей были сосланы из Пекина в отдаленную Кульджу... К 1871 году русское население Кульджи насчитывало уже более 2000 человек, они составляли приход единственного в Кульдже православного храма, который размещался в китайском здании».

Так, может, не случайно, что Табынская икона Божией Матери ушла именно в Кульджу, где уже с древних времен жили и ждали ее русские православные люди? Как, может, не случайно, что первый договор России с Китаем был в свое время, в 1851 году, заключен именно в Кульдже? И, может, Табынская икона Божией Матери, которая ниспосылает чудеса не только православному люду, в будущем, — может, в самом процессе передачи и возвращения в Россию — сыграет свою особую роль в укреплении не только экономических и дипломатических, но и особых духовных связей между Россией и Китаем?

Факт же находки или явления Порт-Артурской иконы дает надежду, что рано или поздно будет найде-

на или вновь явлена и Табынская икона Божией Матери и мы в Приуралье и на Урале больше не будем небесными сиротами.

Где же все-таки ее искать? В процессе поиска мы все больше убеждались, что шанхайский вариант нахождения или первоначального пребывания Табынской иконы в Китае — вероятнее всего, легенда, основанная, видимо, на том, что основной поток российских беженцев в Гражданскую войну был именно в Шанхай. В самом Шанхае или его окрестностях, несомненно, была икона Табынской Божией Матери, в той же Богородско-Казанской Табынской женской обители около Дайрена, но это был, скорее всего, один из многочисленных ее списков. Может быть, даже оренбургский список из кафедрального собора, который, по свидетельствам, тоже был или стал чудотворным.

Основываясь на архивных документах и воспоминаниях ныне разбросанных по всему миру потомков уральских казаков, ушедших в изгнание с А. И. Дутовым, — а что икона ушла в изгнание с не пошедшим в услужение к большевикам атаманом, не было никаких сомнений (можно бы допустить, что это оренбургский список ее, но ведь многие казаки, а тем более священники, ушедшие с А. И. Дутовым, знали явленную по многочисленным крестным ходам и особым знакам, как, например, разруб топора, были среди ушедших с А. И. Дутовыми жители села Табынского), — мы все больше утверждались в убеждении, что она сразу же попала не в Восточный, а в Западный Китай, а именно в провинцию Синьцзян, где уже два с лишним века жили русские, потомки казаков-албазинцев. Надо же было случиться так, что в 2000 году, не где-нибудь, а во время поездки в Молдавскую Приднестровскую Республику, в Тирасполь, единственное место бывшего Советского Союза, где люди с оружием в руках встали

на защиту своего попранного национального и просто человеческого достоинства, а мы в остальной России не только не поддержали их, но и предали, и потом предавали раз за разом, и до сих пор продолжаем предавать и продавать, я познакомился с главным редактором журнала «Простор», издающегося в Алма-Ате, Ростиславом Викторовичем Петровым. Он родился в Китае и с родителями вернулся оттуда в 1954 году, но в результате «бархатной» революции не по своей воле снова оказался за пределами России, в так называемом ближнем зарубежье. На мой вопрос о Табынской иконе Виктор Петрович с твердой уверенностью сказал: «Да, когда нам разрешили вернуться и мы уезжали из Китая на казахстанскую целину, Табынская икона оставалась в церкви города Кульджи. К сожалению, я не знаю, что с ней было дальше. Это вам надо обратиться к Владимиру Федоровичу Мищенко, тоже бывшему «китайцу». Он живет в Москве. Они выехали из Китая позже нас...»

Ростислав Викторович дал мне адрес Мищенко. Я передал его через Бориса Николаевича Федорова настоятелю Табынского храма отцу Владимиру (Сергееву), и через какое-то время он получил от Владимира Федоровича письмо:

«Отдельная Оренбургская казачья армия А. И. Дутова, в результате тяжелых боев оставив зимой 1919 года Оренбург, а затем Орск, в конце марта, имея в своем составе более 30 тысяч человек, из которых треть составляли беженцы, в тяжелейших условиях среднеазиатской пустыни и гор перешла китайскую границу близ Чучугона. Прижатый к китайской границе, атаман А. И. Дутов заранее отправил своего посланца в Кульджу, административный центр Синьцзяна, к российскому консулу, которого хорошо знал, с просьбой договориться с китайскими властями принять русских изгнанников, иначе они обречены на полное уничтожение. Гене-

ральный российский консул в Кульдже полковник Люба пользовался большим доверием и уважением китайских властей, в частности генерал-губернатора Синьцзяна Чжен-Шеу-Ше. Переговоры с генерал-губернатором прошли успешно. Чжен-Шеу-Ше проявил незаурядную политическую дальновидность, позволив вооруженным русским изгнанникам осесть на свободных землях Синьцзяна. Он таким образом обеспечил себя поддержкой регулярных, закаленных в боях частей Русской армии. И когда в 1944 году вспыхнул страшный Дунганский бунт, подобный революции в России, во время которого было совершено несколько кровопролитных нападений не только на китайские, но и на русские поселения, казаки моментально организовались, дали отпор и восстановили прежнюю власть. К отрядам атамана Дутова, объединившимся с отрядами атамана Анненкова, присоединились многие гражданские люди, до того не державшие в руках оружия. Кстати, вместе с оренбургскими казаками в Китай пришло много татар, башкир, казахов, узбеков... Уже через год после перехода границы русские построили на всех равнинных ручьях вокруг Кульджи мельницы, организовали образцовое сельское хозяйство, развили пчеловодство. И мед на рынке был в три раза дешевле сахара. Хозяйки предпочитали варить варенье на меду, дешевле получалось. Среди русских беженцев было много мастеров по дереву, по металлу, а также деловых людей, предпринимателей. Было создано акционерное общество и на паях построены электростанция, электрифицированные маслобойный и мукомольный заводы. В Кульджу и окрестности пришло электрическое освещение, туда, где раньше верхом шика считалось освещение семилинейной керосиновой лампой. Ваш покорный слуга среднюю школу проучился и окончил, готовя уроки при «каганце» или керосиновой лампе. «Каганец» — керамическая плошка в форме ло-

дочки с растительным маслом, в которую опущен ватный фитиль, иногда зажигаемый с обоих концов.

Вскоре колония русских в Синьцзяне пополнилась новой волной переселенцев, бежавших из России от истребительной коллективизации. Этим трудяг от сохи радушно приняли ранее прибывшие и местное население. Вскоре на месте пустынных предгорий, на солончаках и заболоченных землях стало трудно найти невозделанный участок. Выращивались пшеница, арбузы, дыни, картофель, кукуруза. Особенно славилась пшеница сорта «бинэм», которая выращивалась на засушливых склонах предгорий. Из «бинэмной» пшеницы получался необыкновенно вкусный и пышный хлеб. И эта пшеница была особо в цене и спросе. Устроившись на месте, русские переселенцы стали думать о будущем своих детей и построили православный храм, на колокольне которого водрузился вновь отлитый на только что построенном акционерном чугунолитейном заводе бронзовый колокол, который был столь голосист, что его благовест был слышен на самых дальних мельницах в верстах пятнадцати. Вплотную к церкви примыкала вновь построенная русская гимназия, соединявшаяся калиткой с церковным двором, и гимназистов часто водили на церковные богослужения, и особенно на прослушивание проповедей. В этой-то церкви и была помещена Табынская Чудотворная икона Пресвятой Богородицы.

Русское население прижилось и множилось. Поначалу приезжие (и не только русские) объединились в «Русское общество», со временем многие изгнанники получили гражданство СССР, и русское общество трансформировалось в «Общество граждан СССР», игравшее значительную роль в экономической и политической жизни Синьцзяна.

Когда первым секретарем Политбюро ЦК КПСС стал Н. С. Хрущев, было разрешено возвращение-

репатриация российских эмигрантов, многие оформили документы на выезд в СССР, особенно большой поток отправился на освоение целинных земель в Казахстан. Другие же выехали в различные районы СССР для воссоединения с родственниками. Незначительная же часть русских, которые боялись возвращения на теперь коммунистическую Родину, выехала в Гонконг, а оттуда в различные страны мира, в основном — в Австралию, Аргентину, Парагвай, Уругвай и Канаду.

К концу 60-х годов русская диаспора в Синьцзяне сократилась более чем наполовину, а к середине 70-х в Кульдже и окрестностях ее остались единицы русских. И поэтому, когда отряды вершителю культурной революции в Кульдже стали громить православный храм, защищать его было некому, исчезла вся церковная утварь, а она была богатой, а главное — исчезла Чудотворная икона. Был разрушен не только православный храм, но и православное кладбище, где были уничтожены все кресты и надгробия. И дело нашей совести: совершить все необходимое для поиска и возвращения Табынской Чудотворной иконы в Россию. С этой целью делается попытка создать Московскую Православную миссию поиска и возвращения Табынской Чудотворной иконы. Уже создан оргкомитет комиссии, в который вошли несколько бывших эмигрантов, проживавших раньше в Кульдже.

Следующей задачей будет поиск средств, необходимых для проведения экспедиции. Полагаю, что в ходе поисков икона будет обнаружена и, следовательно, появится возможность ее возвращения на родину. Параллельно может быть обнаружено и выкуплено немалое количество предметов церковного обихода. Полагаю, что будет справедливо поместить Чудотворную в тот же храм, где она была явлена. Учитывая ее чудотворную ипостась, исходя из мусульманского менталитета и традиционно-

го почитания мусульманами Святой Марьям (Пресвятой Девы Марии), я уверен, что икона не могла быть сожжена или уничтожена другим способом.

При написании сего исследования я пользовался в основном детскими воспоминаниями, рассказами, слышанными от пожилых людей, их уже нет...»

Следом от Владимира Федоровича пришло еще одно письмо: «...сия икона долгое время пребывала в православном храме в Кульдже, куда была доставлена с походной церковью главной ставки атамана Александра Ильича Дутова, царствие ему небесное, да упокоит Бог мятежную душу его в Царствии своем и обители святых угодников! Ибо Александр Ильич спас от гибели неминуемой многие десятки тысяч людей, и не только казаков-военных, воевавших с большевизмом, но и мирных жителей, примкнувших к его отрядам, уходившим за рубеж, в Китай. Я уже родился и вырос в Китае. Мать часто водила меня в детстве и в юности в церковь. И был даже однажды исцелен от мучительных ревматических болей, приложившись к Чудотворной иконе Табынской. В 1960 году я уехал из Кульджи на Родину, в Россию. 4 года назад мои земляки побывали в Кульдже и не смогли ничего узнать о судьбе Чудотворной. Горе наше было огромным...»

А потом пришло письмо от А. Щелокова из Австралии:

«Уважаемый о. Владимир!

В местной русской газете было напечатано Ваше письмо о поисках иконы Табынской Божьей Матери. В памяти у меня остались рассказы родителей об этой Чудотворной Святыне и, отчасти, ее судьбе. Мои родители были родом из Верхнеуральска и Оренбурга, где эта икона очень почиталась. Во время Гражданской войны мой отец был личным секретарем атамана Дутова, и икона сопровождала их при переходе через степи в Китай... Ико-

на была в тяжелом киоте, и нести ее приходилось двум сильным людям. Владыка Виктор, будучи еще в миру офицером Леонидом Святиным, тоже был в этом отряде. Приблизившись к границе, им надлежало делать перевал через хребет Карасарык. Шла узенькая тропа на перевал, где был крутой заворот и спуск на другую сторону. Тропа была с обрывом на одну сторону, куда много выючных лошадей, оступившись, падало. Кроме того, на перевале была постоянная вьюга. Надо было добраться до перевала к полуночи, когда вьюга утихала часа на два и можно было сделать перевал на другую сторону. Перебраться всем взяло несколько ночей, и потому-то не успели перенести икону. Она осталась на перевале. Тогда несколько казаков вызвались идти обратно за иконой и говорили, что там стояла полнейшая тишина и икона легко неслась вперед, лишь немного поддерживаемая.

Прибыв в Китай, икона оставалась в Кульдже... Говорят, что позже ее перехватили иезуиты и увезли в Рим. Потом якобы ее видели в сокровищницах Ватикана, где ее почитают, но не ставят на показ. По преданию, икона должна вернуться на Родину. А владыка Виктор впоследствии стал моим крестным отцом... Точно, что в Пекин икону не увезли. Похоже, что у Владыки Мефодия была только копия, а женский монастырь и домовый храм в честь святыни появились уже без подлинника иконы.

Вот что мне известно. Надеюсь, что это немного облегчит ваши поиски.

С уважением Алексей Щелоков, Сидней».

Это письмо тоже дает основание предполагать, что архиепископ Мефодий уезжал на Дальний Восток, а потом пересек российскую границу в Харбине все-таки с оренбургским списком иконы из кафедрального собора. А еще ведь был список Табынской иконы из штаба казачьих войск, которую А. И. Дутов оставил в церкви станицы Красинской и которая якобы по сей день там.

...Атаман Александр Ильич Дутов — «царствие ему небесное, да упокоит Бог его мятежную душу в Царствии своем и обители святых угодников, ибо Александр Ильич спас от гибели неминуемой многие десятки тысяч людей!..» Как сложилась его, судьбоносная для других, судьба?

В руках у меня письмо еще одного вынужденного «китайца»:

«Часто мне приходилось слышать об атамане или генерале Дутове, прибывшем со своей армией в Западный Китай, и о том, что его убили по инициативе советских. Как это произошло, мне однажды довелось услышать от одного человека. При разговоре присутствовал сын одного из воинов дутовской армии — Г. А. Павлов, который все подтвердил: «Да, так и было. Мой отец рассказывал то же самое». А рассказано было мне следующее. Во время отступления Белой армии в двадцатых годах Дутов со своими войсками перешел через границу Западного Китая и затем прибыл в г. Суйдун. В Суйдуне при войске была церковь, которая находилась как бы в подземелье на том месте, где при нас была транспортная контора. Та Табынская Чудотворная икона Божией Матери, что потом при нас была в Кульдже, тоже была привезена или принесена дутовской армией. У Дутова войсковой штаб находился на месте уездной народной больницы, где мне пришлось работать в мою бытность в Суйдуне. Там и произошла у меня встреча со старым уйгуром, который обо всем этом мне и рассказал. Дутов жил около реки, которая называлась Сударваза. В это время в среднеазиатской части Советского Союза было движение басмачей, состоявшее в основном из узбеков, недовольных советским режимом. Между Дутовым и басмачами завязалась тайная связь, и басмачи время от времени появлялись у него для получения инструкций. Когда движение басмачей было подавлено, то всех моло-

дых, но талантливых главарей басмачей расстреляли, а оставшимся, крепко пригрозив, сказали: «У вас есть доступ к Дутову. Так вот, если хотите загладить свою вину, убейте его, и мы вас простим». Как мне рассказывал старик, после случившегося с басмачами у Дутова везде стояла охрана, так что доступ к нему был минимальный, а сам Дутов в тот момент был болен желтухой. У ворот его стоял часовой и пропускал лишь тех, кто мог убедить его в особенной доверенности к нему Дутова. Однажды подъехали к его воротам три всадника и с каким-то пакетом подошли к часовому. Старик мне даже такую подробность сказал, что приехали басмачи на серых лошадях. Показав пакет часовому, они были пропущены, но один из них не пошел дальше, а остался у ворот, а третий около лошадей, а первый прошел в покои Дутова. Через некоторое время, когда в здании раздался выстрел, оставшийся у ворот басмач быстро приколол часового, и все трое, поспешно вскочив на коней, умчались. За ними на конях ринулись русские, но, доскакав до Доржинки, убийцы где-то в песках скрылись, и русские, несмотря на все свои старания, так и не нашли их. Через два или три дня состоялись похороны с военным оркестром. Впереди несли гроб с убитым, а за ним двигался многочисленный народ. Похоронили Дутова на маленьком кладбище Доржинки, находившемся приблизительно на расстоянии четырех километров от Суйдуна, на котором в последующие годы были похоронены и другие русские люди...

Дня через два или три после похорон ночью могила Дутова кем-то была разрыта, а труп обезглавлен и не зарыт. Похищенная голова была нужна убийцам для того, чтобы убедить пославших их, что задание выполнено.

Когда Дутова убили, то его многочисленная армия рассыпалась по Китаю, многие уехали в Харбин, но все-таки большинство людей его армии оставалось в Кульдже и его окрестностях.

В Китае у меня была возможность встретиться с Фокиным (к сожалению, не помню ни имени, ни отчества его), пришедшим в Кульджу в армии Дутова и поэтому претендовавшим на Чудотворную икону Божией Матери как на принадлежавшую в какой-то степени и ему. Икона была большая, очень тяжелая, и когда дутовцы, отступая, шли по пескам, от усталости решили оставить ее, потому как следом шла погоня. Однако, пройдя некоторый путь, они обнаружили, что оказались на месте, где оставили икону. Подосадовав, они опять пошли, но через некоторое время, не заметив, что сделали круг, снова очутились на этом же месте. Тогда они решили, несмотря ни на что, нести икону с собой, и таким образом с ней армия Дутова перешла границу Китая. С армией Дутова перешли границу и несколько священников, среди которых был и архимандрит Иона (в последующие годы ставший епископом Ханькоуским). Когда я встретился с Фокиным, решил узнать у него, так ли на самом деле случилось, как мне рассказывал старик уйгур о Дутове. Фокин подтвердил происшедшее. Я тогда очень интересовался этим вопросом, поэтому прислушивался к рассказам знающих. Когда подошло такое время и русские поехали из Китая, они хотели вывезти Чудотворную икону с собой, но Фокин им не позволил этого сделать, поскольку сам никуда не хотел уезжать, а икону считал своей.

Многие уехали раньше. А мы там пережили китайскую «культурную революцию» и видели, как разрушили нашу церковь, а все содержимое из нее забрали и куда-то увезли. Однажды русские из-за границы прислали моей маме письмо, в котором просили ее узнать, где находится икона. К счастью, у нас тогда был хороший знакомый, бывший председатель органа по религиозным делам, с которым мама была в хороших отношениях, и когда она спросила его о местонахождении

интересовавшей всех иконы, он ей ответил: «Идите и посмотрите на складе, где находятся все иконы». Моя мама ходила на склад и видела много икон из нашей церкви, но Табынской там не было. Икона исчезла, и никто не знает, где она, а я думаю, что она в Пекине. Китайцы знают этой старинной иконе цену, и я в китайской книжонке когда-то читал о ней...»

В этом письме, несомненно, к разряду фольклора относится рассказ о блуждании в песках по кругу с непременным возвращением к иконе, как в следующем письме, из США, из Сан-Франциско, к разряду фольклора относится рассказ о туркменах, якобы во время перехода через среднеазиатские пустыни разрубивших икону. Так в памяти людей, оторванных от Родины, но видевших следы топора на ней, трансформировалось древнее предание о глумлении над иконой. Люди, не знающие первоначальной истории Чудотворной, невольно связывали раны на иконе с событиями недавнего прошлого, со страшным переходом их родителей или родственников через пустыни Средней Азии и ледово-метельный перевал Карасарык. Но в этом письме есть очень важные детали для поиска: что не все из порушенного «культурными революционерами» храма попало в костер. Что, по крайней мере, часть икон была увезена на какой-то склад, а Табынская исчезла еще до разгрома храма: то ли она заранее в предчувствии надвигающейся беды была спрятана прихожанами, то ли заранее, как наиболее ценная, была изъята властями и увезена на какой-то другой склад, например в фонды министерства культуры в административный центр Синьцзяна г. Урумчи, где, возможно, хранится по сей день...

Итак, письмо из США, из Сан-Франциско:

«В субботнем номере за 30 декабря 2000 год газеты «Русская жизнь» я прочел об иконе Табынской Божией Матери.

Пишет Вам Метленко Виктор Павлович. Жил в городе Кульдже Синьцзянской провинции Китая в продолжение 17 лет, с 1930 по 1947 год. Хочу познакомить Вас с тем, что я помню о Чудотворной иконе Табынской Божией Матери.

Мой отец, Метленко Павел Иосифович, служил диаконом в том храме, где находилась икона Табынской Божией Матери. Он нам, детям, говорил, что икона была привезена атаманом Дутовым в село Суйдун, которое находилось в 12 километрах от города Кульджи. После предательства и убийства Дутова она была передана казаками в храм города Кульджи.

Я хорошо помню внешний вид этой иконы. Она была в серебряном окладе, который был испещрен углублениями, из которых были вынуты драгоценные камни (как им было сказано казаками), у нее был темный лик, и была она приблизительно такого же размера, какой был указан в вашей статье. Также на ней была едва заметная полоса в середине иконы. Казаки, принесшие эту икону, объяснили, что она была украдена двумя туркменами из шалаша — походной церкви и разрублена на две половины. По неизвестной причине на следующий день туркмены вернулись назад посмотреть на эту икону, и что они увидели? Икона стояла около дерева целой и невредимой, с сиянием вокруг лика Богоматери. Они страшно перепугались и бежали в свои поселения. Казаки же, бросившиеся искать икону, нашли ее в том виде, как я описал выше.

В городе Кульдже Чудотворная икона проявила много чудес. Люди других исповеданий приходили в церковь помолиться перед ней, прося об исцелении многих разнообразных болезней. Одному из таких исцелений была свидетельницей моя сестра Галина Павловна — теперь Константинова. Молодая женщина, мусульманка, услышав о чудесах, творимых Табынской

Божией Матерью, привезла с собой другую юную женщину, тоже мусульманку. Подвела ее к иконе, положила обе ее руки на икону. Слепая женщина стала горько плакать и приговаривать по-своему, видимо, молитву и, встав на колени, продолжала со слезами просить исцеления. Просьба ее была услышана Божией Матерью. Когда женщина встала на ноги, держась обеими руками за икону, и открыла глаза, то увидела перед собой эту икону. Нужно было присутствовать при этом, чтобы понять эти радостные слезные рыдания человека, не знавшего, как и чем благодарить Божию Матерь за такое чудо. Мы слышали, что потом она тайком от родственников приняла православие.

Еще одно чудо, проявленное иконой Табынской Божией Матери, свершилось в 1942 году, чему я сам был очевидцем. В тот год в Синьцзянской провинции Китая была страшная засуха. Многие не православные люди обращались к Богу о даровании необходимого дождя. Но проходили недели и месяцы, дождь не приходил, посевы начали гибнуть. Множество народа разных вероисповеданий стали просить русских, чтобы мы обратились к Богу о даровании столь желательного дождя. Наше духовенство решило эту просьбу принять и отслужить молебен с Табынской Божией Матерью на пруду с водоосвящением. На призыв священников многие откликнулись. Приехали из города и из поселков поблизости от города — человек 150 или 200. Взяли икону Божией Матери и пошли на пруд. Я был один из тех людей, которые несли икону, по два человека по очереди с другими крепкими мужиками, так как икона была очень тяжелой.

При несении иконы многие верующие по старой традиции, поцеловав икону, нагибаясь, проходили под ней. Путь был не легкий. От храма мы должны были идти по шоссе до реки Пиличинки, а потом вверх по ней до пруда.

Нам недолго пришлось идти по шоссе, как поднялся сильный ветер, поднял пыль, и мы с трудом шли около одного километра. Уже близко у реки мы почувствовали редкие капли дождя. Когда подошли к пруду, то уже был настоящий дождь, с громом и молнией.

Мы с такой душевной радостью стояли и молились на молебне, что не заметили, как стали мокрыми с головы до ног. Отец Павел Кочуновский, служивший молебен, сказал очень пронизательную проповедь о чуде, которое проявила наша Табынская Божия Мать.

Икона находилась в храме города Кульджи по крайней мере до 1947 года. 5 января 1947 года мы должны были опять бежать от ненавистного коммунизма на восток, в город Шанхай, а затем дальше, кто в Австралию, кто еще куда. Знаем, что отец Феодосий Солошенко остался с иконой. Слышали об этом от двоюродных братьев, которые оставались в Кульдже до 1961 года. Сейчас они живут в Австралии, и я держу постоянно с ними связь. Все, что они знают об иконе Табынской Божией Матери, это то, что при отъезде в Советский Союз отец Феодосий пытался вывезти икону с собой, но прихожане храма отказали ему это сделать. Икона находилась в храме до китайской «культурной революции». В то время, когда молодежь оскверняла этот храм, вынося все иконы для сожжения, иконы Табынской Божией Матери уже не было в храме. К великому сожалению, у меня нет других сведений.

Надеюсь, что она находится в православных руках. Виктор Метленко, Сан-Франциско, США».

Подтверждение тому, что икона не была увезена на Дальний Восток архиепископом Оренбургским Мефодием, а ушла в Китай с атаманом Дутовым, находим в воспоминаниях А. П. Загорского «К истории атамана».

на Дутова», изданных в Сан-Франциско в 1952 году. А. П. Загорский с 1918 по 1920 год был секретарем российского консульства в Кульдже, в то время он неоднократно встречался с А. И. Дутовым, позже эмигрировал в США. Итак: «С атаманом Дутовым вышел в Китай главный священник его армии, игумен отец Иона, ставший впоследствии епископом Ханькоусским (от названия г. Ханькоу — в то время основного места сосредоточения русских деловых кругов в Китае) и Маньчжурским. Он вывез с армией Табынскую Чудотворную икону Божьей Матери. Игумен Иона был близким другом Александра Ильича, по его поручениям жил в Кульдже и там собирал у русских людей некоторые денежные пожертвования в пользу отряда. Он часто бывал у меня и моего зятя, директора местного отделения Русско-Азиатского банка, С. В. Духовича».

А. П. Загорский подтверждает имевшие место слухи, что отец Иона косвенно был повинен в гибели атамана Дутова, что именно он познакомил его с будущим убийцей: «В октябре месяце отец Иона принес мне письмо от Александра Ильича, в котором тот просил меня приехать к нему в Суйдун «по весьма важному делу»... Атаман принял меня в своей канцелярии и сообщил, что в недалеком будущем он намерен со своим отрядом выступить в пределы России. Я был весьма удивлен таким решением атамана и, зная, что в отряде нет никакого оружия, а лошади частью распроданы, а частью пали от истощения, а также, что в отряде находилось всего 15—20 офицеров... спросил Александра Ильича: «С кем же и с чем вы выступите?»

Здесь Александр Ильич сообщил мне, что он связался с некоторыми антикоммунистическими кругами на советской территории, что там его ждут и присоединятся многие даже из Красной гвардии, что они же снабдят его оружием и что его часто посещает по поручению

антикоммунистических организаций начальник милиции Джаркента (Джаркент находится в 33 верстах от китайской границы, то есть в 78 верстах от Суйдуна) некто Касымхан Чанышев...

При упоминании атаманом имени Чанышева я невольно вздрогнул. Касымхана Чанышева я, как бывший председатель Джаркентской городской думы и управляющий Джаркентским уездом, знал очень хорошо. Это был молодой, лет 25, местный татарин, во время войны призванный в армию и служивший в г. Скобелеве денщиком у доктора квартировавшего там артиллерийского дивизиона. В конце 1917 года он дезертировал из дивизиона, прибыл в Джаркент, где жили его брат и мать, и стал усердным сторонником коммунизма. В первых числах марта 1918 года квартировавший в Джаркенте 6-й Оренбургской полк ушел в Оренбург, Джаркент и весь уезд остались без всякой защиты. Касымхан и писарь местного управления воинского начальника Шалин секретно организовали из всяких бродяг и преступников отряд в 78 человек, захватили никем не охранявшиеся военные склады с имевшимся там оружием и казармы и объявили себя местным отрядом Красной гвардии.

Все это я рассказал А. И. Дутову, умоляя его прекратить всякие сношения с Чанышевым, как с подосланным к нему советчиками провокатором.

Александр Ильич, улыбаясь, ответил мне:

— То, что было тогда, теперь совершенно изменилось. Чанышев — верный мне человек и уже доставил мне 32 винтовки с патронами. А в ближайшие дни доставит даже несколько пулеметов. Он и его группа дали мне обязательство сдать Джаркент без боя и вступить в мой отряд.

Как я ни старался убедить атамана не верить Чанышеву, он оставался при своем мнении. Тогда я просил Александра Ильича для его личной безопасности пере-

селиться в казармы, чтобы быть постоянно под охраной отряда. На это Александр Ильич ответил мне, что, живя в казармах, он будет слишком стеснять своим присутствием офицеров и казаков в их повседневной, и без того неприглядной, жизни и он на это пойти не может. Наконец, я просил его принять более строгие меры к его охране в его резиденции и рекомендовал, чтобы дежурный офицер обязательно обыскивал каждого посетителя, прежде чем допустить его к атаману...

— Бог с вами, Анастасий Прокопьевич! Как я могу подвергать такому унижению людей, идущих ко мне с чистым сердцем, — возразил Александр Ильич. Мои просьбы ни к чему не привели...

Атаман не сказал мне, кто и как познакомил его с Чанышевым. Но позже мне говорили близкие к Александру Ильичу, что это знакомство произошло через игумена Иону. Сам отец Иона мне об этом никогда ничего не говорил».

Более категорично о прямой или косвенной причастности отца Ионы к Суйдунской трагедии высказывается в своих воспоминаниях, обнаруженных сравнительно недавно в архиве Октябрьской революции оренбургским историком Вячеславом Войновым, один из казачьих офицеров из близкого окружения А. И. Дутова: «...все отряды знают те версии смерти атамана, которыми в те далекие годы жил отряд, жил и клялся, когда наступит момент, жестоко отомстить и убийцам, и их помощникам.

Чанышев убил его, но за убийцей в искусно сплетенной тени виднелись и другие фигуры.

О, мы не говорим, что о. Иона — отрядный и военный батюшка, любимец атамана, был к этому злу причастен, мы этого сказать не можем, но вспомнить должны, что он много знал, слишком велико было его влияние на атамана и не всегда оно было благотворным.

О. Иону, человека большого ума и умственного кругозора и знания, в отряде не любили. Не любили и пели про него песню:

С крестом на груди,
С револьвером в кармане,
Иона поп, служи при атамане...

Атаман жил в Суйдуне, китайском маленьком городишке, в фанзе из трех смежных комнат. С ним его жена, как ее называли отрядники — Шурочка, личная охрана — подхорунжий Мельников, прапорщики Лопатин и Санов. У ворот дома всегда стояла пара часовых — почетный китайский караул. У крыльца — казак с шашкой и винтовкой.

О. Иона жил в Кульдже и часто ездил, проходя без доклада в кабинет, к атаману, большую к нему любовь и уважение питал наш вождь. А почему — в отряде этого никто не знал, и только лишь мы, более близкие к атаману, знали, что он ведет огромную работу по созданию барьерного государства для предохранения Азии от чар и злодейства красных...

Утром (уже после смерти А. И. Дутова. — М. Ч.) приехал о. Иона. Он был потрясен трагичной вестью, плакал и в плаче рассказывал, что давно уже знал о готовящемся покушении, но перепутал числа и опоздал предупредить атамана. Перепутал на один день...»

Тут сам собой напрашивается вопрос: а почему нужно было предупреждать именно в самый последний день перед покушением, а не заблаговременно?

Эти воспоминания интересны еще тем, что рисуют полную картину гибели А. И. Дутова, что сам он в горячке схватки даже не понял всей серьезности своего ранения. Он, как и окружающие, первоначально считал, что неопасно ранен только в руку:

«Чанышев вошел в комнату сильно хромя, как будто повредил ногу. Он был в халате. Подхромал к атаману и сказал: «Ну, я тебе, атаман, привез хорошие письма». И стал шарить за пазухой. Потом мгновенно выпрямился, в руке у него засверкал сталью револьвер, и посыпались выстрелы в атамана и стоящего в стороне сына Лопатина.

Атаман бросился в кабинет за «смит-вессоном», который лежал на столе, а в это время на дворе слышались тоже выстрелы. Приехавший с Чанышевым в упор стрелял в казака.

Атаман вертелся в кабинете, ища револьвер, сын Лопатина лежал смертельно раненным в приемной. И когда походный выскочил туда без револьвера, Чанышева уже не было.

В темноте ночи слышался удаляющийся топот лошадей. «Держи их, мерзавцев!» — крикнул атаман и, когда из столовой вышла его жена, сказал: «Мерзавец, ранил в руку!..» Он помолчал и потом сказал: «Ты меня извини, но мне что-то нехорошо. Нервы, что ли, расстроились. Пойду немного прилягу, Шурочка».

И он ушел в кабинет. ... Через полчаса у атамана был отрядный фельдшер. Отряд радовался — злодеяние не удалось, атаман ранен только в руку, но прошло некоторое время, и в отряд приехал фельдшер. Он был бледен, как мертвец, и отрывисто бросил: «Конец, атаман умирает». И объяснил, что пуля попала в руку и рикошетом в живот. Слепое ранение.

Утром, в шесть часов атаман умер. И в десять утра умерли сын Лопатина и казак Маслов...»

Может, атаман предчувствовал свою смерть? Только незадолго до своего убийства он написал скромное бытовое завещание, и было ему всего 41 год:

«Завещание.

Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Находясь в здравом уме и твердой памяти, я, Александр Ильич Ду-

тов, православный, 41 году отроду, занимающий должность выборного Войскового Атамана Оренбургского казачьего войска и Походного Атамана всех казачьих войск, Генерального штаба Генерал-Лейтенант, добровольно и сознательно в случае моей смерти, завещаю все свое имущество, находящееся у меня на квартире и мне принадлежащее, равно как и деньги, вещи, лошадей, экипажи, сбрую, белье, письменные и туалетные принадлежности, шубы, пальто, посуду, золотые вещи: часы, портсигар и прочее, Оренбургского казачьего войска станицы Остроленской 2-го Отдела Александре Афanasьевне Васильевой и дочери моей и ее, вверяю последней, если Александра Афanasьевна Васильева умрет.

...Оставляю доверенность на имя А. А. Васильевой на получение моих денег из банка в г. Кульдже: десять тысяч иллийских тедз. Душеприказчиком своим и опекуном над А. А. Васильевой и дочерью Верою назначаю игумена отца Иону».

Может, так Бог решил через отца Иону: хватит кровопролития русского народа; ничего, кроме новых бедствий и новой крови, возвращение на родину в данный момент атамана Дутова с оружием в руках не принесет, главное сражение уже безнадежно проиграно. Нужно постепенно, кропотливо врачевать души оставшихся в живых, собирать народ для будущих сражений, прежде всего духовных, за Россию...

Уточненные сведения о самой операции ЧК по ликвидации А. И. Дутова я нашел в воспоминаниях «Гибель атамана Дутова» С. П. Рождественского, бывшего добровольца Белой армии в отряде полковника Каппеля, оказавшегося в эмиграции в Китае в 1923 году, а позже, после Австралии и Франции, в 1945 году осевшего в США и сотрудничавшего в газете «Русская жизнь» (Впервые воспоминания опубликованы в издании: «Родимый край». 1972. Июль—август. № 101):

«В конце 1920 года в г. Джаркенте чекисты получили особо важное задание из Москвы из ВЧК, любой ценой как можно скорее захватить или убить атамана Дутова, проживающего тогда со своим штабом и казаками в китайском городе Суйдуне.

Первая попытка чекистов проникнуть к Дутову не удалась. В городе Суйдуне... стояла обнесенная высокими стенами с вышками на углах старинная крепость. За крепостной стеной — дом, в котором находился штаб Дутова и где он жил с женой. Дальше казармы, в которых был расквартирован китайский гарнизон города. В нескольких пустовавших казармах разместились дутовцы и семиреченские казаки полковника Сидорова. Дутов из крепости не выходил, и его охраняли особенно преданно оренбургские казаки. Чекисты-всадники, прибывшие из Джаркента, вернулись ни с чем — пробраться в крепость они не смогли.

Второй рейд тоже не увенчался успехом...

Третья операция была разработана и подготовлена в Москве самим Дзержинским и его помощником Яковом Петерсом... Дзержинский и Петерс понимали, что налетом на штаб Дутова в Суйдуне ничего не добиться, а следовательно, решено было применить излюбленное оружие ЧК — засылка провокаторов и взрыв изнутри. Нужно было найти предателей и провокаторов из таких, которым мог бы доверять атаман Дутов. И предатель был найден».

Для руководства операцией в Ташкент специально приехал Петерс:

«Наше положение становится опасным, оно будет еще тяжелее, если Дутову удастся связаться с басмачами. Нужно действовать, и как можно скорее.

На этом совещании было решено войти в доверие к атаману Дутову, усыпить его бдительность и похитить атамана, чтобы ликвидировать его, предав суду револю-

ционного трибунала. Вся надежда возлагалась на Чанышева... К тому же у него были родственники на китайской стороне, в Кульдже.

Петерс назначил руководителем операции по ликвидации Дутова Василия Давыдова. Чекисты все же до конца не могли верить бывшему князю Чанышеву. Но ему было поручено избрать и возглавить группу исполнителей для проведения операции...

Тем временем положение в Джаркенте становилось все тревожнее и тревожнее. В архиве штаба Туркестанского фронта сохранилась телеграмма, посланная в Ташкент Василием Давыдовым Петерсу: «Срочно. Секретно. В районе Чугучака корпус генерала Бакича и дивизия Степанова насчитывают, по последним данным, около 5000 тысяч человек. В районе Кульджи размещены остатки сил атаманов Дутова и Анненкова — три тысячи бойцов. Дутов рассчитывает опереться на семиреченское казачество и на баев-мусульман. После перехода границы думает соединиться с басмачами Ферганы и Бухары».

Из Ташкента пришел приказ немедленно приступить к операции. Разговор Давыдова с Чанышевым был бурным, но коротким. Он должен был начать операцию и прорваться к Дутову или же... «Вы сами знаете, что будет с вами! ЧК не любит шутить!» — пригрозил чекист. Морозной январской ночью Чанышев поехал за кордон, в Кульджу, где у него жили родственники. Утром он уже прогуливался по шумному и многолюдному, как все восточные рынки, кульджинскому базару. И здесь совершенно неожиданно — удача: он встретил Миловского. Бывший городской глава Джаркента, ярый враг советской власти. Он бежал за границу в Кульджу, узнав, что ему грозит революционный суд.

Они поздоровались, как старые знакомые, но у Миловского забегали глаза. Он знал, что князь Чанышев служил у большевиков...

— Приехал искать поддержки у его превосходительства атамана Дутова! — доверительно шепотом сообщил князь Чанышев Миловскому.

В чайной он поведал растерявшемуся Миловскому, как трудно ему, князю, работать у большевиков. Рассказал ему и о том, что многие милиционеры готовы выступить против большевиков.

— Если вспыхнет восстание или войска атамана Дутова начнут наступление на Джаркент, — заверял князь, — многие и ответственные работники присоединятся и будут бить большевиков. Уверяю вас, все они готовы выступить против Советов. Теперь понимаете, как мне необходимо повидать атамана Дутова!..

Миловский поверил. В этот же день он отвел Чанышева к священнику Ионе, духовнику атамана Дутова. Отец Иона пользовался особым доверием атамана. Они долго беседовали, изучая и стараясь распознать друг друга. Отец Иона внимательно слушал князя вначале с недоверием, но потом, после того как Чанышев, зная от чекистов обстановку, рассказал некоторые детали, священник стал более благожелательно прислушиваться к Чанышеву. В конце концов, прощаясь с князем, он сказал:

— Вы — наш человек! И вам необходимо познакомиться с атаманом. Он человек хороший, и если вы будете помогать ему, то он вас никогда не забудет!

Князю Касымхану Чанышеву везло на знакомых. На другой день в Кульдже он встретил другого знакомого — полковника Аблайханова, Чанышев пригласил его на обед. Полковник Аблайханов хорошо знал князей Чанышевых, поверил в легенду предателя. Так как Аблайханов служил переводчиком при штабе Дутова, то он без особых затруднений организовал Чанышеву первую встречу с атаманом.

На приеме у атамана Дутова Чанышев объяснил атаману, почему он принял должность начальника милиции

у большевиков в Джаркенте. Он разыграл разгневанного сына, сказав атаману, что его отца снова арестовали большевики. (И в самом деле, Чанышев знал, что отец его вторично арестован, в целях операции, чтобы заставить Дутова и его окружение поверить Чанышеву.)

— Я жду не дождусь, когда мне можно будет отомстить им за все это! — кричал, как настоящий актер, Чанышев.

Однако атаман Дутов держался настороженно. Чанышев понял, что так легко его не провести и одним словам он не поверит, убедился князь и в том, что от отца Ионы и полковника Аблайханова атаман Дутов узнал многое из жизни его, Чанышева.

Тогда князь Чанышев начал рассказывать о готовящемся восстании в Джаркенте, о других городах, готовых присоединиться к контрреволюционерам, о силах, которыми располагают заговорщики, разговор пошел оживленнее...

Атаман приказал Чанышеву соблюдать строжайшую осторожность на посту начальника милиции Джаркента. Он рассказал ему, как чекисты разгромили подпольную организацию полковника Бойко только из-за того, что его соратники не соблюдали элементарных правил конспирации. Чанышев, конечно, лучше Дутова знал об этой акции чекистов, проведенной семиреченскими чекистами во главе с Эйхмансом. Тогда в одну декабрьскую ночь в разных пунктах было арестовано несколько сот заговорщиков, захвачены подпольные склады оружия и боеприпасов. В операции участвовали и джаркентские чекисты и милиционеры, арестовавшие агентов полковника Бойко в самом городе и в селах уезда.

Переписка с атаманом развивалась успешно. Отвечая на очередное письмо Чанышева, Дутов писал: «Письмо Ваше получил. Сообщаю новости. Анненков уехал в Хами. Все находящиеся теперь в Китае силы мною объ-

единены. С Врангелем имею связь. Наши дела идут отлично. Сообщите точно число войск на границе, как дела под Ташкентом и есть ли у Вас связь с Иргаш-баем?»

Чекист Давыдов, сообщив в Ташкент о возможности выступления белых, попросил разрешения Петерса как можно скорее «ликвидировать атамана». Разрешение было дано: «Если нельзя захватить, то убейте его».

Чекисты в Джаркенте начали действовать... Через день границу пересекла оперативная группа чекистов во главе с князем Касымханом Чанышевым. Вместе с ним отправились «связные» Махмут Хаджамьяров и еще четверо. Все шестеро — уйгуры, ничем особенно не отличающиеся от местных жителей. Все шестеро — кавалеристы, меткие стрелки и жестокие исполнители чекистских приказов.

В Джаркенте тем временем поговаривали, что Чанышева, как особо опасного, отправили в Ташкент. И только в ЧК знали, где находится оперативная группа Чанышева. Знали и тревожились. Уже вторую неделю от них не было никаких вестей. Не попались ли они дутовским контрразведчикам? Суворов с Давыдовым решили послать в Суйдун Насыра Ушурбакиева. Ему было приказано пробраться в Суйдун на явочную квартиру, где должен был находиться Чанышев, если они погибли, разузнать, как это произошло, и немедленно возвращаться в Джаркент. Если все идет нормально, включиться в состав группы и участвовать в операции. В чем суть операции — об этом скажет князь Чанышев...

Поздно ночью Насыр Ушурбакиев вброд переехал пограничную реку Каргос. К утру он въехал в пустынные улицы Суйдуна и быстро нашел дом явки. Через несколько минут он встретил там и брата, и Чанышева. Оказывается, все эти дни Чанышев с товарищами изучали подступы к крепости, интересовались, когда и как сменяются караулы, как вооружены патрули, по-

знакомились кое с кем из часовых. Для этой цели они использовали опий и фляги со спиртом. Они выяснили, что в Суйдуне находится сравнительно небольшой казачий отряд. Но в крепость каждый день приезжали офицеры из Кульджи, Чугучака, Урумчи, Саньтая, Мазара и других мест, где расквартировались интернированные остатки Белой армии. Атаман Дутов сколачивал новую армию. С каждым днем он становился для советской власти в Семиречье все опаснее. Операция была назначена на 6 февраля 1921 года, на 10 часов вечера, когда городская жизнь замирает и улицы становятся пустынными. Позднее нельзя — атаман Дутов ляжет спать, тогда удвоят караулы на ночь и крепостные ворота будут закрыты».

Дальше С. П. Рождественский цитирует публикацию советского журналиста Владимира Альтова в журнале «Урал» (№ 5 за 1971 год), рассказывающую о дальнейших событиях: «Распределили обязанности. В штаб к Дутову идет Махмут Ходжамьяров — человек большой физической силы, меткий стрелок и лихой наездник... Касымхан Чанышев подробно ознакомил его с расположением постов. Получили подробные задания и другие участники. Старший из братьев Байсмаковых — Куудук, знакомый с часовыми, должен все время находиться как можно ближе к Махмуту, быть, как сказал Касымхан, его тенью. Сам Чанышев и Газиз Ушурбакиев будут прохаживаться у ворот крепости, готовые в любую секунду броситься на помощь Махмуту и Куудуку. Насыру Ушурбакиеву, Юсупу Кадырову и Мукаю Байсмакову поручалось прикрыть огнем отход главных участников операции в случае, если вспыхнет перестрелка.

Вечером 6 февраля, как было намечено, группа Чанышева подошла к крепости.

— Пакет для его превосходительства, — сказал Махмут, показывая конверт с сургучными печатями.

— Жди здесь, позову дежурного, примет! — ответил часовой.

— Велено вручить лично в руки, видишь? — показал он дутовцу подчеркнутые двумя жирными чертами слова: «Совершенно секретно» и «Вручить лично».

И, не дожидаясь, пока казак будет раздумывать, отодвинул его плечом и спокойно, как будто каждый день ходил по этой дорожке, зашагал к дому, стоящему в глубине двора, почти у самой крепостной стены. Разговор с охранником у дома был примерно таким же. Только тот доверительно добавил: «Кажись, их превосходительство уже почивают...»

Атаман Дутов полулежал на тахте, о чем-то вполголоса говорил с адъютантом, который разбирал на столике бумаги. Кроме этого, Махмут успел заметить только поблескивающие в свете лампы иконы. Лихо козырнув, Махмут протянул пакет. Адъютант вскрыл его и подал атаману. Дутов стал читать вслух: «Господин атаман, хватит нам ждать... Пора начинать. Я все сделал. Ждем только первого выстрела...» И вдруг метнул исподлобья острый, изучающий взгляд на гонца. Тот стоял, как изваяние. Атаман стал читать дальше: «Сожалею, что не смог приехать лично...»

— А где Чанышев? — так же резко вскинув голову, спросил Дутов.

— Он ушиб ногу и сам приехать не может, — спокойно ответил Махмут. — Он ждет вашу милость у себя в доме!

— Это что еще за новости? — выкрикнул атаман.

Это были его последние слова. Махмут понял, что вариант похищения атамана Дутова отпадает. Выхватив наган, он выстрелил в упор. В то же мгновение на него бросился адъютант. Еще выстрел — и адъютант свалился к ногам Махмута, Махмут выстрелил еще раз в Дутова, свалившегося с тахты. И тут же бросился бежать.

Услышав выстрелы, часовые бросились на выручку. Но их остановили пули Байсмакова, Чанышева, Ушурбакиева. Секунды тянулись мучительно. Но вот из дома появился прихрамывающий Махмут: выбегая, он оступился, повредив ногу. Друзья подсадили его на коня. Пока дутовцы, перепуганные стрельбой в крепости, приходили в себя, быстрые гиссарские кони уносили чекистов по разным дорогам. Чанышев и Газиз ускакали на Кульджу, Махмут и другие — к границе, Насыр Ушурбакиев — на хутор Дагра, место явки. Ему нужно было переждать и получить подтверждение, что операция завершена.

Утром хозяин хутора Дагра отправился в Суйдун. Вернувшись, он рассказал о том, что атаман Дутов и его адъютант убиты. По улицам города носились всадники, задерживая всех подозрительных. На воротах крепости висела бумага, в которой сказано, что каждый, кто доставит в штаб хотя бы одного из террористов, получит за живого 5000 золотых рублей, за мертвого 3000 рублей...

Участники операции вернулись в Джаркент и немедленно сообщили в Ташкент Петерсу и в Москву Дзержинскому об убийстве атамана Дутова, добавив, что «все наши благополучно вернулись». Приказом по Всероссийской Чрезвычайной Комиссии Давыдов, Чанышев и Ходжамьяров за акт, «имеющий общереспубликанское значение», получили золотые часы. Остальные участники получили другие «высокие награды». Главный участник — князь Касымхан Чанышев получил и удостоверение, подписанное полномочным представителем ЧК Петерсом: «Дано сие тов. Чанышеву в том, что он за непосредственное руководство операцией убийства атамана Дутова награжден золотыми часами и цепью от ВЧК за № 14365, что и удостоверяется подписью с приложением печати ВЧК...»

«Это и была цена предательства князя Чанышева, — пишет далее С. П. Рождественский. — В этом описании советского журналиста, мы, конечно, не знаем, где правда, а где пропагандная ложь. Однако факт убийства атамана Дутова советскими чекистами достоверен. Тогда он для них представлял большую опасность в связи с общей обстановкой в стране. В те дни советская граница в Семиречье была приведена в боевую готовность. В Джаркенте и других пограничных городах был введен комендантский час и особое положение. Советские комиссары серьезно опасались нападения белых из-за границы. Боялись, что дутовцы и другие белые начнут мстить за убийство атамана Дутова. Но этого не случилось — некому было заменить атамана Дутова.

Спустя несколько месяцев части Красной Армии перешли границу Китая, разгромили интернированные и обезоруженные полки корпуса генерала Бакича и тем самым ликвидировали опасность вторжения белых в Семиречье. Военное положение было отменено, но агенты ЧК усилили свою работу по «ликвидации врагов» советской власти. Расстреливали беспощадно и без суда, по решению комиссии ВЧК. Чекисты ловили тогда бежавших белых и в приграничных городах Китая, не считаясь ни с какими международными законами...

В октябре 1971 года в газете «Новое русское слово» было помещено письмо в редакцию г-на Ю. Маркова о судьбе убийцы атамана Дутова, которое приводится ниже.

«Не так давно в «Новом русском слове» была напечатана статья о гибели атамана Дутова в Кульдже. Предателем и убийцей назван некий князь Чанышев, тогда начальник милиции в г. Джаркенте (теперь город Панфилов). Оснований сомневаться у меня нет, и думаю, что могу осветить дальнейшую карьеру предателя. В сере-

дине тридцатых годов командиром 3-й горно-стрелковой дивизии в г. Термезе был тоже Чанышев, бывший царский офицер; говорили, что он бывший князь. Это был рослый, красивый, атлетически сложенный татарин. Лично знаком я с ним не был, но близко видел несколько раз. Летом 1937 года, как заслуженного партийца, его, конечно, сгребли. Вновь я встретил его в январе 1940 года у подъезда 1-го дома обороны в Москве. Вид его не оставлял сомнений о месте, откуда он только что вышел. Очевидно, переодеться ему было негде. С началом войны он попал на активную службу и к концу ее стал генерал-лейтенантом, комкором. В советском «Военно-Историческом журнале» (кажется, за 1961 год) видел его на снимке с реабилитированным комкором Тодорским, просидевшим 16 лет, и маршалом авиации Новиковым. Отдельный и очень хороший снимок Чанышева помещен в воспоминаниях маршала Рокоссовского «Солдатский долг». Искренне уважающий Ю. Марков».

Итак, что на сегодняшний день нам достоверно известно о судьбе Табынской иконы Божией Матери?

Начнем с того, что повторим, как она выглядит. «Святая икона в высоту 1,5 аршина (106,7 см) с одной стороны, 1,5 аршина без 0,5 вершка (104,5 см) с другой. В ширину 1 аршин и 0,25 вершка (72,2 см), в толщину 1 вершок (4,4 см). В верхнем крае имеется довольно значительный разруб, а ниже половины, в середине вставка — это те раны, которые якобы нанесены ей при втором явлении. Имеется углубление на лицевой стороне, так называемый ковчежец, что присуще только древним иконам. Надписи никакой на иконе нет, кроме обыкновенных и едва заметных слов в верхних углах иконы «МР» и «ОУ», а над Спасителем «ІС» и «ХР». По краям на возвышениях от ковчежца видны следы металлического оклада, которым она всегда была укрыта...»

Еще раз напомню, что существует множество списков иконы как в России, так и за рубежом, которые свидетельствуют о великом почитании иконы, но в то же время путают поиск. Вот, например, описание иконы, оставленной атаманом А. И. Дутовым в станице Краснинской. Некая Г. Карелина пишет в газете «Магнитогорский рабочий»: «Темное, в средневековой манере — плоскостно написанное лицо Богоматери. Но есть нечто, что переворачивает душу, заставляет содрогнуться от горя, застывшего в ее взгляде. Всего две детали: набухшие от слез круги под глазами (рука не поднимается написать «мешки») и складочка на круглом детском подбородке. Бого-сын, к виску которого Она прильнула, больше похож не на младенца, а на старца. Его лицо излучает мудрость и печаль. Будто Они оба знают, что им придется пережить... Если внимательно присмотреться, то замечаешь, что от правого виска Богородицы к правой скуле тянутся слезинки...»

Представляется, что одним из наиболее точных списков является список Табынской иконы, находящийся в Уфе в Сергиевском храме. Икона очень темна, но потемнела она не от времени, хотя датируется XVIII веком. Темной была сама Табынская икона, с которой она написана.

Где ее искать?

В декабре 1918 года Юго-Западная армия белых, состоящая преимущественно из уральских казаков, приказом верховного правителя Российского государства и верховного главнокомандующего А. В. Колчака, который еще 15 февраля прибыл на казачий круг и был избран почетным председателем войскового круга, была переименована в Отдельную Оренбургскую армию под командованием генерал-лейтенанта А. И. Дутова, который еще год назад был полковником. Столь стремительный взлет объяснялся его успехами в борьбе с большевика-

ми. Но к началу 1919 года два казачьих корпуса, составляющих армию, несмотря на упорное сопротивление, не смогли сдержать натиск значительно превосходящих частей Красной Армии и в феврале 1919 года оставили сначала Оренбург, а потом и Орск. Табынская икона Божией Матери (по некоторым утверждениям — точный список с нее) находилась в войсковой походной церкви. В апреле 1919 года А. В. Колчак, в самый трудный для себя момент, получив поддержку уральского казачества, прежде всего в лице войскового атамана А. И. Дутова, предложил ему занять пост походного атамана всех казачьих войск России. Войсковое правительство дало на это согласие с условием «сохранения за генерал-лейтенантом Дутовым должности войскового атамана». Тяжелейшие условия на фронте заставили Колчака начать формирование на основе Отдельной Оренбургской армии и Южной группы войск нового войскового формирования — Южной армии. В нее вошли 5-й Стерлитамакский корпус генерала П. А. Бобрика, 4-й Оренбургский армейский корпус генерала А. С. Бакича, 11-й Яицкий корпус генерала Н. А. Галкина и 1-й Оренбургский казачий корпус генерала А. К. Акулиничева, сформированный из 1-го и 2-го Оренбургских казачьих корпусов и Отдельной Оренбургской казачьей пластунской дивизии. Впрочем, не всеми историками Гражданской войны, да, впрочем, не всеми самими участниками ее это переформирование было замечено, к тому же переформирование частей происходило постоянно, и потому не только в воспоминаниях, но и в исторических документах Южная армия Восточного фронта называется то Южной, то Отдельной Оренбургской, каковой по своему составу она и была. До осени 1919 года А. И. Дутов колесил по Сибири и Дальнему Востоку, инспектурируя казачьи войска. Во время этой поездки он назначает епископа Камчатского и Петропавловского Нестора главой

казачьего духовенства. С этими событиями, видимо, и связано происхождение версии ухода Табынской иконы в Восточный Китай, в Харбин.

Осенью 1919 года Южная армия, теснимая превосходящими силами красных, продолжала отступление, сначала на Павлодар, затем на Семипалатинск и Сергиополь, к китайской границе. По белоэмигрантской мемуарной литературе хорошо известен тяжелейший Ледовый Кубанский исход белых войск, отступающих к Новороссийску, другие русские исходы... То ли в дутовских частях в силу каких-то причин не оказалось известных мемуаристов, а скорее, по простой причине, что мало кто дожил до мемуаров, исход Южной армии Восточного фронта, Оренбургского и Семиреченского казачества остался мало отраженным в мемуарной литературе, а потому малоизвестным. А он был страшен. В записках С. П. Мельгунова я нашел такое свидетельство об исходе Южной армии: «Что сказать про тот «Страшный поход» Южной Оренбургской армии, по сравнению с которым даже большевистский повествователь считает другие эвакуации «увеселительными прогулками...»

Оренбургская армия держалась на фронте, сколько могла. «Буду бороться, пока есть силы, — писал А. И. Дутов А. В. Колчаку 31 октября из Кокчетав. — Оренбургская армия, первая Вас признавшая, всегда будет с Вами и за Вас». Отступая, они двигались через гористые Тургайские степи и через безводные пустынные пески Балхаша к Сергиополю на соединение с Анненковым в Семиречье. С армией двигались голодные, умирающие тифозные толпы беженцев. Те, кто не мог идти, должны были погибнуть. Их убивали собственные друзья и братья. Общее количество отходивших, по словам большевистских источников, колебалось от 100 до 150 тысяч. К концу марта границу Китая близ города Чучугон перешло до 30 тысяч...

По другим сведениям, границу перешло только около 20 тысяч человек, из них около 5 тысяч беженцев. Сами казаки отступление в Тургайские степи называли «голодным походом». Люди, как писал один из участников этого похода, умирали «от голода и болезней под палящими лучами солнца. Многие падали на дороге от истощения, часто не имея капли воды, лошадей кормить было нечем, подножного корма почти не было... Невыразимые страдания, выпавшие на долю частей Южной армии, тяжелые лишения беспримерного в истории похода по песчаным, безводным и голодным степям и пустыням Тургайской волости описать невозможно».

«Не было почти ни одного дома (в Кокчетаве), где бы ни было одного или нескольких трупов солдат, умерших от тифа. Эпидемия развивалась со страшной быстротой, — это из опубликованных в 1925 году в Белграде воспоминаний полковника Генерального штаба Лейбурга. — Вряд ли кто слышал и знает о том, что перенесли казаки, солдаты и офицеры Южной армии Восточного фронта, которая, будучи отрезанной от всего мира, совершила поход по пустынно-степным областям при невероятно тяжелых условиях».

Но это было еще осенью. Впереди был еще более страшный зимний поход с тяжелыми боями на Акмолинск, а затем на Сергиополь к китайской границе: ранние морозы до минус 35, ни теплой одежды, ни еды... Понятно, что местное население прятало припасы от солдат и беженцев — само голодало, а к тому же за белыми русскими потом придут русские красные и спросят: почему кормили, привечали белых... «Тиф косил сотнями, и брошенные за неимением перевозочных средств люди умирали в степях и в редко встречающихся аулах... Невероятное переутомление достигло своего крайнего предела, вызывая самоубийство слабых духом и апатию других». Это тоже из воспоминаний полков-

ника Генерального штаба Лейбурга. Поход на Сергиополь оставшиеся в живых назовут «крестным походом Оренбургской армии». В составе Русской армии уходили с родины оставшиеся верными присяге и Белому царю два отдельных конных башкирских дивизиона «Зеленого знамени».

Впервые я услышал о «крестном походе» Отдельной Оренбургской армии в Югославии, в Сремских Карловцах, у могилы митрополита Антония (Храповицкого), бывшего в 1900—1902 годы епископом Уфимским и Стерлитамакским (по свидетельству современников, его проповеди привлекали в собор всю Уфу, в том числе мусульман: башкир и татар). Владыка Антоний конечно же не раз встречал Табынскую на месте явления ее, на Святых ключах, после ее Крестного хода по городам и весям России. Не случайно, что именно он станет одним из лидеров Союза русского народа, на Поместном соборе (1917—1918) он получит наибольшее количество голосов как кандидат в патриархи, во время Гражданской войны возглавит Временное Церковное управление в Новочеркасске, а в изгнании — Синод Русской Православной Церкви за границей. Услышал я о «крестном походе» Отдельной Оренбургской армии, — как и о Каспийском, совсем малоизвестном, исходе русского народа: через жгучие пески Туркмении в Иран и Афганистан— от уроженца сербского города Нови-Сад Алексея Арсеньева, приходящегося по материнской линии близким родственником М. Ю. Лермонтову. О крестном пути двух дедов Алексея, полковников Белой армии, а еще более о крестном пути его бабок нельзя было слушать без содрогания души и сердца. О, Господи, за какие грехи все это нам?!

В спецхране архива Советской Армии и Октябрьской революции оренбургскому историку Вячеславу Войнову удалось найти письмо А. И. Дутова одному

из соратников, сербу, генерал-лейтенанту А. С. Бакичу, в котором он рассказывает о переходе через ледовый перевал Карасарык на российско-китайской границе: «Дорога шла по карнизу к леднику. Ни кустика, нечем развести огонь, ни корма, ни воды... Дорога на гору шла по карнизу изо льда и снега. Срывались люди и лошади. Я потерял почти последние вещи. Вьюки разбирали и несли в руках... Редкий воздух и тяжелый подъем расшевелили контузии мои, и я потерял сознание. Два киргиза на веревках спустили мое тело на 1 версту вниз, а там уже посадили на лошадь верхом, и после этого мы спустились еще 50 верст. Вспомнить только пережитое — один кошмар! И наконец в 70 верстах от границы мы встретили первый калмыцкий пост. Вышли мы 50% пешком, без вещей, вынесли только икону, пулеметы и оружие...»

Сразу же по переходе китайской границы, расквартировавшись в казармах русского консульства в городе Суйдуне, А. И. Дутов установил связи с генералом Врангелем, атаманами Семеновым и Анненковым, с генералом Бакичем и басмачами, чтобы, объединив все антибольшевистские силы, находящиеся в Китае и в Средней Азии, продолжить борьбу. Большевиков это не могло не волновать. Операцию по уничтожению А. И. Дутова возглавлял, как я уже писал выше, небезызвестный чекист Я. Х. Петерс, а трое ее непосредственных исполнителей «за акт, имеющий общереспубликанское значение», позже были награждены.

«Отдельная Оренбургская армия, лишившись своего вождя, вмиг рассыпалась, ее воины в меру своих сил и способностей занялись собственным жизнеустройством, а Табынская икона была определена в храм г. Суйдуна», — писал мне один из бывших «китайцев». Но жизнеустройство жизнеустройству рознь. Крестный путь для многих воинов Отдельной Оренбургской

армии на смерти А. И. Дутова не закончился. Если рядовые ее казаки и солдаты еще могли рассчитывать на какую-то милость вроде бы оставшейся за границей, но имеющей длинные руки большевистской власти, что она забудет про них или, по крайней мере, оставит их в покое, то костяк ее: кадровые офицеры Русской армии, убежденные монархисты, могли рассчитывать только на пулю... В конце мая 1921 года в Синьцзян по тайному согласованию с властями Китая вторглись войска Красной Армии для окончательного уничтожения Оренбургской армии, и те из ее воинов, которые не могли рассчитывать ни на какую милость, по-своему «в меру своих сил и возможностей занялись собственным жизнеустройством: они снова взяли в руки оружие, и один из талантливейших и непримиримейших генералов Белого движения серб генерал-лейтенант А. С. Бакич повел преобразованный из Южной армии Отдельный Оренбургский корпус в свой последний, не менее крестный поход— уже без Табынской иконы Божией Матери, которая действительно осталась в храме г. Суйдуна, — через Монголию в Северо-Восточный Китай для соединения с остатками белых войск на Дальнем Востоке. В корпусе насчитывалось 500 офицеров, 4600 казаков и членов их семей, 1500 солдат. Частями корпуса командовали генералы Р. П. Степанов и А. С. Шеметов, начальником штаба был генерал Смольнин-Червандт. В конце октября 1921 года корпус Бакича в районе Кобдо-Уланком был окружен войсками Красной Армии и монгольскими отрядами. После тяжелого, упорного боя только малая часть Оренбургского корпуса сумела прорваться в горы. Куда ушли они? Где ныне их потомки? Большая же часть легла на поле боя или попала в плен. В том числе генерал-лейтенант Андрей Семенович Бакич, который, как и А. В. Колчак, вскоре был расстрелян в том же Иркутске...

Настоятелями храма в Суйдуне, где находилась Табынская икона Божией Матери, в разные годы были: архимандрит Иона (Покровский) в 1921 году, впоследствии епископ Ханькоусский, священник Григорий Штокалко (1921—1925), священник Феодосий Солошенко (1925—1930), протоиерей Михаил Маляровский (1930—1933), протоиерей Павел Кочуновский (1933—1937). В 1938 году икона была переведена в только что построенный Свято-Никольский храм г. Кульджи. Настоятелями этого храма были священник Феодосий Солошенко (1938—1944), благочинный православных церквей Синьцзяна и настоятель прихода протоиерей Д. Модзяновский (1946—1952), благочинный и настоятель храма игумен Софроний (Югель) (1954—1960).

Все эти годы самая чтимая икона Свято-Никольского храма сохранялась у левого клироса. Икона была одета в позолоченную и серебряную ризы. Так же, как и в России, в 9-ю пятницу по Пасхе в Кульдже, Суйдуне проводился Крестный ход с нею. Сохранилась фотография: Крестный ход с Табынской иконой в Кульдже в 1956 году — старинные русские одежды, белые платочки... С именем Табынской святыни связано и основание в 1934 году на Дальнем Востоке в Канагши близ Дайрена (Дальний) Богородско-Казанской Табынской женской обители. Священником в ней был протоиерей Иоанн Петелин из Харбина. В обители хранился список Чудотворной иконы. И может, в связи с этим фактом родилась легенда о первоначальном харбинском нахождении Чудотворной: люди, видевшие ее или даже молившиеся ей, могли не знать, что это список с Табынской иконы.

В конце 60-х годов в результате «культурной революции» Свято-Никольский храм был разрушен, и уничтожено было все его убранство. Была разрушена и Казанско-Богородская Табынская женская обитель под Дайреном. Монахини после долгих скитаний по разным

странам перебрались в Калифорнию. Скорее всего, они забрали с собой бывший в обители список Табынской иконы. (Или все-таки оригинал?) Может, с этим фактом связан упорный слух, что икону нужно искать в США, и именно в Сан-Франциско или в его окрестностях.

Есть, если вы помните, и другая версия, и пока ее не нужно отвергать: что икона находится в тайниках Ватикана. Об этой версии писал нам и А. Щелоков из Австралии. В пользу этой версии говорят такие факты. Во-первых, в Кульдже проживала значительная колония китайцев, да и русских-католиков. И икона во время «культурной революции» могла попасть к ним. А во-вторых, претендуя на вселенское господство, Ватикан хранит в своих сокровищницах не одну православную святыню...

В самую черную пору нового смутного времени — 90-х годов XX века — в пору всеобщего хаоса и развала; в пору мягкотелой червеобразно-студенистой горбачевщины и оголтело-злой сахаровщины; в пору своры мелкотравчатых политиков самых разных мастей, каждый из которых, чем мельче был, тем больше создавал шуму и непременно метил в вожди, дешевой демагогией мороча когда-то великий народ, в большинстве своем давно уж влачащий существование без Царя и Бога в голове и потому так легко покупающийся на любые посулы вроде дешевой колбасы как верха земного рая и человеческого счастья, дальше его мечты, кажется, уже не простирались, — вдруг раздался Голос, как бы свыше, твердый и отрезвляющий, который первоначально услышали только немногие...

В пору, когда так легко, действительно, словно колосс на глиняных ногах, рухнуло тысячелетнее великое государство, — казалось, в один день, но на самом деле давно подтачиваемое извне, а больше изнутри,

прежде всего самой антирусской, антиправославной, глубоко прогнившей властью кремлевских старцев, за которыми до поры до времени пряталась свора младших научных сотрудников и лаборантов, внуков и племянников пламенных революционеров, и просто тихих одесских мальчиков, гиен-мародеров, которые, пока мы беспомощно плакали и стенали по погибающей России, наизобретали нужных для себя законов и растащили великую страну на куски и теперь уже не закулисно правят ею, а мы их презрительно-уважительно называем олигархами, я уж не говорю о своре бывших членов и кандидатов в члены Политбюро ЦК КПСС, в одночасье превратившихся в супердемократических президентов супердемократических государств, — вдруг раздался Голос, как бы сверху, снимающий с глаз шоры, со временем услышанный уже многими...

Поразительно, насколько доверчив и наивен русский народ, особенно отпавший от Бога: достаточно подсунуть ему обиженного коммунистической властью, плоть и кровь от нее, честолюбивого, жестокого и безнравственного Ельцина, пообещавшего все тот же кусок дешевой колбасы, достаточно было ему надеть вместо номенклатурной каракулевой или норковой шапки демократическую кепочку, а потом залезть на броневик (эти атрибуты народного обольщения в свое время удачно опробовал еще незабвенный Владимир Ильич), как народ сразу возлюбил его, чтобы потом, в очередной раз обманувшись, проклясть и до поры до времени, до нового подсунутого вождя, вообще ни в кого и ни во что не верить.

И вот в хаосе всеобщего распада и духовной смуты, в специально созданном разноголосом гвалте — вдруг раздался Голос, призывающий к духовному и практическому действию, чтобы не дать стране окончательно обрушиться в бездну. Голос не политика, не государствен-

ного деятеля, не генерала даже, которые порой во время смуты, видя всеобщую беспомощность, тоже берутся, и не всегда безуспешно, как, например, де Голль во Франции или Пиночет в Чили, быть вождями нации, — а одного из иерархов церкви, и не самого главного, и с самой простецкой внешностью сельского священника. Иерарха Русской Православной Церкви, которая, как полагали многие, вроде бы давно уже и не существовала, а если и существовала, то только как анахронизм, как, может, давно уже музейный, но необходимый, подчеркивающий демократизм новой власти атрибут, — и неожиданно этот Голос услышали если не все, то многие. Одних он поднял с колен, во вторых зажег свечу, третьих не на шутку напугал.

Это был голос митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна, который стал — не знаю, по воле Священного Синода или вопреки ему, — рупором, оказывается, не только живой, но и воинствующей, к удивлению не только врагов, но и многих чад ее, Русской Православной Церкви. Его проповеди, речи, книги стали опорой для миллионов людей, и не обязательно православных. Его статьи печатали издания самых разных направлений: от «Русского вестника» и журналов «Москва», «Наш современник», что понятно, до крайне левых, как «Завтра», и откровенно коммунистических, как «Правда» и «Советская Россия». Не политические партии, не политические лидеры, а он, иерарх Церкви стал истинным духовным лидером остатков русского народа и уничтожаемого великого государства. Не все это и ныне осознают, что, может, благодаря ему страна окончательно не рухнула в бездну. Он, в отличие от большинства иерархов Церкви, казалось бы вопреки незыблемому постулату: «Всякая власть от Бога, и потому не дело Церкви напрямую вмешиваться в дела ее», не уходил от прямых вопросов дня, он раскрывал

глаза миллионам людей как в стране, так и за рубежом, в том числе и на политические события, происходящие в России, на стоящую за ними страшную «тайну беззакония», о которой, в том числе и по причине личной безопасности, многие старались молчать, а если и говорили, то только в узком кругу знакомых... В результате у него появилось столько врагов и недоброжелателей! Не только в стане врагов, но и в лоне самой Церкви, среди ее иерархов раздавались раздраженные голоса: «Не тем занимается владыка Иоанн, не тем...» Их можно понять: давно ли десятки епископов во главе с патриархом Тихоном и тысячи священников взошли на Голгофу: были расстреляны или сгнили в лагерях. Звучали обращения к святейшему: призвать владыку к порядку. Но святейший молчал, выказывая, по мнению одних, слабость, по мнению других, великую мудрость. Так или иначе, но книги митрополита Иоанна неизменно публиковались с его благословения. Владыка Иоанн открыто и во всеуслышание заявил, что его духовными вождями являются не обновленцы, не приспособленцы к любой власти, не приверженцы к экуменизму, не великие молчальники, невнятно промямлившие нечто невразумительно-осторожное вместо если уж не анафемы, то хотя бы твердого слова, которого от них так ждал народ, и, не дождавшись, отвернувшись, во время расстрела защитников Белого дома, а наложивший анафему на большевиков и не сломленный внутренней тюрьмой на Лубянке во время предыдущей русской смуты святой патриарх Тихон.

Владыка Иоанн подтвердил: да, всякая власть от Бога, но это не значит, что Церкви нужно заглядывать каждой власти в рот и ее иерархам подобострастно ездить с поздравлениями к вроде бы уже отставному богдыхану, преступления которого, может, страшнее преступлений Гитлера, ибо тот разрушал не свою, а чужую

страну, и тем более уж к его далеко не православной супруге с поздравлениями по случаю дня рождения. Не надо мудро лукавить: да, каждая власть от Бога, но власть может быть, как и, вероятно, сегодня в России, в наказание народу, отступившему от путей истинных, и потому молчание, нераскрытие народу сути этой антинародной, антиправославной власти, вины самого народа — преступлению подобно: и перед Богом, и перед народом, который ты от имени Его окормляешь. И, видя сгущающиеся над собой тучи, в своем «Плаче по Руси Великой» владыка Иоанн писал: «Наверняка найдутся желающие обвинить меня в излишней «политизированности», скажут, что Церковь, мол, «не от мира сего», так что и нечего лезть в мирские дела. Скажут, пожалуй, о том, что не стоит будоражить народ разговорами о «заговоре против России», что сейчас главное — сохранить мир любой ценой, избежать возрождения «имперских амбиций», что надо смириться с «ходом истории», который будто бы привел к развалу страну «по объективным причинам...»

И он отвечает: «Воистину мир надо хранить всеми силами. «В мире место Божие», — свидетельствует нам священное Писание. Вот только всякий ли мир от Бога, любой ли хорош для православного человека? «Тот ли это мир, о котором молится Церковь, которого жаждет народ? — вопрошал святейший патриарх Тихон, когда России в очередной раз пытались навязать позорный мир. — Мир, по которому отторгаются от нас целые области, населенные православным народом... десятки миллионов православных людей попадают в условия великого духовного соблазна... мир, по которому даже искони православная Украина отделяется от братской России и стольный град Киев, «мать городов русских», колыбель нашего крещения, хранилище святынь, перестает быть городом державы Российской,

мир, отдающий наш народ и Русскую землю в тяжкую кабалу, — такой мир не дает народу желанного отдыха и успокоения. Церкви же Православной принесет великий урон и горе, а Отечеству неисчислимы потери».

Семьдесят пять лет назад это цитируемое ныне владыкой Иоанном предвидение русского первосвященника исполнилось с пугающей точностью. Вспомним, что патриарх Тихон в свою очередь был продолжателем духовного подвига первого русского патриарха — святейшего Иова, глубоко провидчески оба они — патриархи смуты — в 1989 году накануне нового смутного времени Русской Православной Церковью были причислены к лику святых. В мае 1990 года, на конференции в рамках первых проведенных в новейшее время в Москве Дней славянской письменности и культуры, проходившей накануне Поместного Собора Русской Православной Церкви, на котором был избран новый патриарх — Алексей II, мне врезалось в память выступление известного православного философа священника Георгия Шевкунова: «Причисление к лику святых — это совсем не форма поощрения (даже посмертно). Это даже не форма признания заслуг церковных деятелей... Прославление в лике святых — это всегда, в первую очередь, призывание к служению. В какие бы времена ни бывали прославления святых, всегда в конкретный исторический момент призываются именно те, кто более всего может своим духовным примером и подвигом жизни во Христе подать помощь нашей земной воинствующей Церкви от Церкви Небесной, Торжествующей. Патриотическое служение святителей Иова и Тихона проходило в период смутных времен... Оба они пережили гражданские войны... Оба патриарха пережили взятие Москвы и хозяйничание в Кремле бесчинных захватчиков. Патриарх Тихон был избран на престол под грохот артиллерийского обстре-

ла Кремля. При патриархе Иове московские святыни были поруганы поляками и Лжедмитрием... И святитель Иов и святитель Тихон налагали анафему на власти предержавшие, которые глумились над Церковью, над русским народом, над Русской землей... Такой феномен, как самозванство, тоже был явлен при обоих патриархах... Судьбы святых патриархов перекрещиваются, как и судьбы их времен, с судьбами нашего времени и современной нам Церкви, которая во вдохновение Духа Божия призвала именно этих святых к служению в наши дни. В чине хиротонии есть слова: «Божественная благодать всегда немощная врачующи и оскудевающая восполняющи...» Когда Церковь земная оскудевает, Господь посылает тех святых, которые в силах помочь своим служением, своими молитвами. Сейчас, судя по всему, именно такое время».

Да, судя по всему, именно такое время обрушивалось на Россию, может, даже более страшное, чем при святых патриархах Иове и Тихоне. Кремль был захвачен новыми антихристами и новым Лжедмитрием, свое право на «престол» доказавшим в том числе и ритуальным взрывом Ипатьевского дома в Екатеринбурге, места ритуального убийства царской семьи. В знак безусловной и окончательной победы над русским народом в Кремле торжественно и пышно отпраздновали Хануку.

Но бесстрашно сказать правду в глаза новым захватчикам и новому Лжедмитрию, как и сказать правду обманутому и поверженному народу, в том числе и о нем самом, стать словом-проводником той горней Высшей Церкви, Хоругвью, бескомпромиссным разъяснителем Истины, подобно святым патриархам Иову и Тихону, суждено было не избранному только что Патриарху Алексию II — не в осуждение святейшему сказано, так Господь рассудил, так Божия Матерь решила, по высоким горным причинам, о которых мы, смертные,

можем только догадываться, — а до тех пор тишайшему и мало кому из мирских известному митрополиту Санкт-Петербургскому и Ладожскому Иоанну.

Я знаю, что на самом деле было не так, но мне не однажды среди простого люду приходилось слышать, что на Поместном Соборе 1990 года при выборе патриарха владыка Иоанн всего лишь одним или несколькими голосами уступил митрополиту Санкт-Петербургскому и Ладожскому Алексию. Многие по сей день говорят об этом факте с сожалением: «Тогда все было бы иначе...»

Только Господу Богу судить, кого в какое время для какой цели выбирать. Да, несомненно, все было бы иначе, начиная с того, что владыка Иоанн, став патриархом, вряд ли унизил бы себя до того, чтобы вставать в очередь вороватых чиновников поздравлять с днем рождения даже уже отставного Ельцина и тем более Наину Иосифовну. И не играл бы на своей большой скрипке в Храме Христа Спасителя господин Ростропович, однажды схватившийся за автомат, чтобы немного поукоротить на какое-то время вдруг вспомнивший о своем национальном достоинстве русский народ. И Храма Христа Спасителя, скорее всего, не было бы! Да, не было бы, потому как прежний, истинный, взорванный большевиками, строили пусть долго, но всем народом... А тут вдруг новые большевики взяли и разом построили. Чего бы ради: каяться, по всему, они не собираются, наоборот, требуют покаяния от русского народа. «Бывает, что и бесы, когда им становится горячо, как на сковородке, строят храмы, к тому же бандитские деньги ведь у народа уворованы», — вразумляют меня умные люди, но меня, как и многих, это объяснение почему-то не устраивает.

10 июня 1990 года во время интронизации пятнадцатого предстоятеля Русской Православной Церк-

ви Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, Священный Синод приветствовал, а точнее, напутствовал его, предвидя новую русскую смуту: «Гряди к пастве своей, святейший патриарх Алексий, вместе со святым патриархом Иовом устрой Церковь, просвети народ, защити Православие! Гряди к пастве своей, Святейший Патриарх Алексий, вместе со святым патриархом Ермогеном собери сынов Отечества на защиту его христианского и национального достоинства! Гряди к пастве своей, святейший патриарх Алексий, вместе со святым патриархом Тихоном сохрани Церковь от ереси и расколов, призови всех чад Ея под омофор единой Истины, яже есть Святое Православие Господа Иисуса Христа! Освященный Собор Русской Православной Церкви благословляет тебя на подвиг предводительства церковного!»

Груз ответственности на плечи недавно избранного патриарха был возложен великий. Страна вступала в пору Новой страшной русской смуты, и не случайно, что в приветствии-благословении Священного Синода были названы имена святителей-мучеников, патриархов времен смуты: святых патриархов Иова, Ермогена и Тихона. Накануне расстрела парламента в октябре 1993 году святейший предупредил противоборствующие стороны, что предаст анафеме того, кто первым прольет народную кровь. Верующий и неверующий в Иисуса Христа русский и нерусский народ с великой надеждой, как в последнее средство, остановить гражданскую войну, воспринял это грозное предупреждение. Но предупреждение предстоятеля Русской Православной Церкви не остановило клику Ельцина, народной кровью были обильно политы ступени Белого дома, была растоптана демократия, со знаменами которой он пришел к власти. В Россию пришла не только антинародная, но и чужестранная диктатура, прячущаяся за вчерашнего перво-

го секретаря обкома партии, взорвавшего Ипатьевский дом в Екатеринбурге, где в пору прошлой смуты ритуально был убит царь-мученик Николай II с семьей...

Но анафемы не последовало. Было только — под давлением некоторых членов Священного Синода и преосвященных иерархов, прибывших в Троице-Сергиеву Лавру на Праздник преподобного Сергия Радонежского — принято обращение: «Несмотря на то что посредническая миссия Церкви была принята сторонами противостояния, люди попрали нравственные принципы и пролили невинную кровь, эта кровь вопиет к небу и, как предупреждала Святая Церковь, останется несмываемой каиновой печатью на совести тех, кто вдохновил и осуществил богопротивное убийство невинных ближних своих. Бог воздаст им в этой жизни и на Страшном суде своем». Если это обращение считать анафемой, как его кое-кто пытается сегодня представить, то она была безадресной, более того, в ту пору полного засилья антинародной прессы, когда виновными в кровопролитии были объявлены защитники парламента, то получалось, что как бы прежде всего они были преданы этой анафеме. Ничто, наверное, не оттолкнуло так и без того в большинстве своем неверующий русский народ от Русской Православной Церкви, как поведение ее большинства иерархов в те страшные дни. Что после этого вопить о засилье всевозможных ересей и сект в стране, призывать к запрету их?! Силой закона их не остановить, они лишь уйдут в подполье, что гораздо страшнее. У них есть деньги. А у Церкви в тот момент ни денег и, как оказалось, ни Правды. Ничто, наверное, так не ударило по Русской Православной Церкви, как поведение ее некоторых иерархов в те судьбоносные дни. По примеру обновленцев она открыто или скрытно стала прислуживать новым большевикам, пройдет совсем немного времени с тех страшных октябрьских

дней, и многие иерархи будут тайно или открыто призывать паству голосовать за «добротого царя» Бориса.

Да, владыка Иоанн, скорее всего, открыто предал бы анафеме существующую власть и стоящую за ней «тайну беззакония» и, может, повторил бы судьбу патриархов Иова и Тихона. Но давайте взглянем правде в глаза: ни патриарх Иов, ни патриарх Тихон своими подвигами не остановили смуты. Архиереи, присягнувшие Лжедмитрию, возвели на церковный престол униата Игнатия, а после патриарха Тихона стали «окормлять» народ обновленцы во главе с «митрополитом» Введенским. Потому как дело, и прежде и ныне, было не столько в «лжедмитриях», сколько в самом народе, тогда легко поддавшемся смуте, словно он только и ждал ее, а ныне вроде бы вообще оставшемся равнодушным к собственной судьбе.

Да, несомненно, Россия пошла бы иным путем. Народ, воодушевленный Словом-Хоругвью, Словом-Набатом, может, встал бы на защиту своего поруганного национального и просто человеческого достоинства, как в Приднестровье. Но, может, Господь рассудил, что хватит русской крови и слишком неравны силы. И слишком «заколбасирован» в большинстве своем отпавший от Бога, то есть, по сути, переставший быть русским, народ, и не молитва, не покаяние, не духовное строительство себя, а сонное молчание и беснование на митингах стало формой его духовного подвига, и потому ему на этих митингах могут легко подсунуть нового Ильича в кепке, один на всякий случай уж давно крутится, вылезая то с идеей восстановления памятника Дзержинскому, то, казалось, забытого поворота северных рек. И нужна долгая кропотливая работа по воцерковлению народа, чтобы он хоть отчасти почувствовал в себе снова божественный компас, тогда его уже будет трудно обмануть. И потому Господь, может, разделит

этот непомерный подвиг на двоих: одному, митрополиту Санкт-Петербургскому и Ладожскому Иоанну, — стать жертвенной Хоругвью, а у второго, Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, — земной путь, на котором не избежать компромиссов с сатанинской властью, это похоже на опасное хождение по скользкому, к тому же непрочному льду.

Может быть, так. А может быть, просто хочется верить в это, а на самом деле — не так... Может, о нашем дне говорил праведник Лаврентий Черниговский, пророчествуя о времени, когда будут восстановлены храмы с золотыми куполами, а ходить в них будет нельзя, потому что они будут без благодати. Разве один я задавался кощунственным вопросом: ради ли Иисуса Христа восстановлен Храм Христа Спасителя, в котором по важным церковным праздникам обязательно перед телекамерами нынешние демократические боссы ставят номенклатурные свечки? Не деловая ли это сделка в меновой лавке: вы нас на очередных выборах поддержите, создайте видимость богоугодности нашего режима, а мы вам на деньги мафии, которые на самом деле ваши, народные, потому тут никакого нравственного противоречия нет, Храм Христа Спасителя восстановим, и он в новых политических условиях будет олицетворять единство власти (партии) и народа. Но здание из кирпича и железобетона, даже с крестами, даже точная копия прежнего храма, — это еще не Храм Христа Спасителя!

Так или иначе, только в самую черную пору нового смутного времени, когда стрелка народного магнитного компаса беспомощно металась по кругу, не находя полюсов, духовным вождем русского народа стал владыка Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский, хотя далеко не все это понимали. В беспросветно глухой ночи поверженной русской души зазвучал его страстный голос:

«Россия, моя Россия, что с тобой стало теперь! Ужель и впрямь канули в Лету герои и вожди твоего славного прошлого, глашатаи твоей великой судьбы, служители святой правды Божией? Ужели крадущаяся походка твоих новых хозяев да тихий шорох их проворных лапок, воровато шмыгающих повсюду в поисках наживы, последнее, что суждено тебе увидеть и услышать, прежде чем они предадут поруганию и забвению самое имя твое, самую память о тебе, Россия?..»

«Где же ты, некогда могучий и державный, русский православный народ, — взывает к нам из хаоса смуты 1918 года святейший патриарх Тихон. — Неужели ты всем изжил свою силу? Как исполин, ты — великодушный и радостный — совершал свой великий, указанный тебе свыше путь, благовествуя всем мир, любовь и правду. И вот ныне ты лежишь, поверженный в прах, пожираемый своими врагами, сгорая в пламени греха, страстей и братоубийственной злобы. Неужели ты не возродишься духовно и не восстанешь снова в силе и славе своей? Неужели Господь навсегда закрыл для тебя источники жизни, погасил твои творческие силы, чтобы посесть тебя, как бесплодную смоковницу?..»

Пора понять — именно сейчас решается вопрос: удастся ли разрушителям России и дальше обманывать русский народ, завлекая его хитростью и ложью на путь безвозвратного самоуничтожения, к мрачной пропасти окончательной гибели, или — ценой многих жертв и страданий мы все же прозреем, очнемся, одумаемся. Ведь только тогда сможем мы обрести надежду спасения, волю к жизни и утерянную былую духовную мощь.

В этой ситуации приобретает особую роль позиция Церкви. Ее авторитет постоянно растет. Постепенно возвращается понимание исключительной роли Православия в русской жизни. Находясь в глубочайшем кризисе, общество желает знать, каковы исторически сложившиеся

государственные воззрения Церкви, принимающей живое и деятельное участие во многовековом строении великого русского царства. Многие и многие жаждут услышать ее нелицеприятное суждение, с тревогой и надеждой ожидая материнский церковный призыв.

Не дерзая от своего лица рассуждать о сем важнейшем предмете, скажу, тем не менее, слушайте — вот он, этот призыв, возглашаемый устами первосвятителя-исповедника, Святейшего Патриарха Московского и всея России Тихона:

«СВЯТАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ, ИСКОНИ ПОМОГАВШАЯ РУССКОМУ НАРОДУ СОБИРАТЬ И ВОЗВЕЛИЧИВАТЬ ГОСУДАРСТВО РУССКОЕ, НЕ МОЖЕТ ОСТАВАТЬСЯ РАВНОДУШНОЙ ПРИ ВИДЕ ЕГО ГИБЕЛИ И РАЗЛОЖЕНИЯ... По воле Пастыреначальника, Главы Церкви, Господа нашего Иисуса Христа, поставленной на великое и ответственное служение Первосвятителя Церкви Российской, по долгу преемника древних собирателей и строителей земли Русской, я призываю совестию своею возвысить голос в эти ужасные дни... Может ли примириться русский народ со своим унижением?.. Все мы — братья, и у всех одна мать — родная Русская земля.

Перед лицом страшного, совершающегося над нашей страной суда Божия, будем молить Господа, чтобы смягчил Он сердца наши братолюбием и укрепил их мужеством, чтобы сам Он даровал нам мужей разума и совета, верных велениям Божиим, КОТОРЫЕ ИСПРАВИЛИ бы СОДЕЯННОЕ ЗЛО, ВОЗВРАТИЛИ ОТТОРГНУТЫХ И СОБРАЛИ РАСТОЧЕННЫХ...»

И вот во время новой страшной смуты в образе митрополита Иоанна Господь даровал нам мужа разума и совета. Он стал духовным вождем нации. Но, увы, мало уже кто был готов к подвигу... Не нашлось ни новых Минина с Пожарским, ни Пересвета с Ослябей...

Я знал, что акафист Табынской иконе Божией Матери в 1948 году был написан неким иеромонахом Иоанном. И только несколько лет назад, в год 400-летия явления иконы, когда владыка Никон, архиепископ Уфимский и Стерлитамакский, подарил мне юбилейное издание акафиста, я, уже возвращаясь домой, потрясенно прочел на обложке: иеромонах Иоанн (Снычев).

Я тут же позвонил владыке: Снычев — была фамилия приснопамятного митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна.

— Да, акафист написан владыкой Иоанном, еще в молодости, в бытность его послушником архиепископа Мануила. Владыка Иоанн был моим духовником, и поэтому, может, я в свое время и был назначен архиереем в Уфимскую епархию, в место явления иконы.

Я долго не мог прийти в себя от потрясения. Ведь выстраивался поразительный ряд: случайно ли, что именно им, будущим Святителем Иоанном, еще в молодости написан акафист Пресвятой Богородице в честь Ея Табынской иконы?! Случайно ли, что именно ему — когда еще никто, в том числе, наверное, и сам он, и подозревать не мог в себе будущего святителя Руси, бесстрашно обличающего внешних и внутренних врагов России и Православия, последовательно борющегося за дело русского духовного возрождения, смело противостоящего темным силам современных русоненавистников и богоборцев, — принадлежат — или через него открыты Матерью Божией?! — эти загадочные и провидческие слова в акафисте Пресвятой Богородице в честь Ея Табынской иконы: «...**всего мира Надежду и Утешение**»? Не свидетельствуют ли они о великой тайне, связанной с этой Чудотворной иконой и Покровом Божией Матери над Россией? Не благовествование ли это того, что Табынская икона Ея, на первых порах местнотимая, но известность которой с каждым годом все более и более

ширилась по стране на восток, на запад и на юг, со временем, при будущем своем явлении, может стать покровительницей и спасительницей не только православных, и даже не только России? Впрочем, это касается не только будущего. Вспомните прозревших башкир при втором ее явлении, ставших поклоняться ей, но оставшихся в исламе. Или еще: «Известны случаи, когда иноверцы, видевшие преизобильные чудотворения, проистекающие от Табынского образа Богородицы, приносили Ей свои моления и получали просимое». О знаменательном случае в начале прошлого века поведала монахиня Покровского женского монастыря Наталия: «Везли икону с Ново-Орска в монастырь. Мы поехали ее встречать. Недалеко от монастыря верст за десять жил богатый бай. Он расстелил от своего поместья по дороге ковры, а сам стоял с вытянутыми вверх руками. Когда проезжали с иконой, он остановил людей и умолял батюшку подъехать с Чудотворной иконой к его поместью и все освятить. Батюшка стал объяснять, что сделать этого не может, что икона для православных людей святыня, а он другой веры, и не уважил просьбу. Монахиням батюшка сказал: «Молитесь, матушки, крестите лошадей, поехали». Три раза пробовали стронуться с места, но лошади стояли как вкопанные. Тогда батюшка обратился к этому мусульманину: «Сама Царица Небесная желает к тебе в дом». Тот побежал вперед, даже тюбетейку свою потерял и вынес хлеб с солью. Просил батюшку каждый уголочек окропить...»

И что еще очень важно: Табынская икона Божией Матери почиталась и почитается старообрядцами, она как бы незримо соединяет собой две разорванные ветви Русской Православной Церкви. Может, именно ей суждено наконец объединить их? Почиталась она и многочисленными сектами, помогая многим заблудшим членам их вернуться в Православие.

Табынскую икону считали помощницей в усмирении всяких недовольств и восстаний. Вот свидетельство некоего П. Д. Райского, касающееся событий в Оренбурге времени Первой русской революции: «10 октября 1906 года, годовщину освящения Казанско-Богородицкого кафедрального собора, можно считать днем восстановления в Оренбурге спокойствия и гражданского мира... В этот день многочисленная толпа устроила по городским улицам шествие с красными флагами, врученными уличным мальчишкам, другая же, не менее многочисленная, с иконами и портретом Государя Императора вмешалась в первую. Шествие остановилось на соборной площади, куда потребована была обносимая по домам соборным причтом Табынская икона Божией Матери для служения молебна. При появлении всеми чтимой святой иконы народ обнажил головы. Наступила мертвая тишина. Из толпы выдвинулись человек двадцать любителей церковного пения, которые стройно и громкогласно выкрикивали: «Пресвятая Богородица, спаси нас!» В конце молебна по возглашению дьякона народ пал на колени, а священник во всеуслышание прочитал известную молитву за царя, военачальников, градоначальников, христоролюбивое воинство и всех православных христиан, затем провозглашено было царское многолетие, и почти весь народ грянул «Многая лета».

На соборной звоннице раздался звон колоколов, которому последовали и соседние колокольни церковью Петропавловской и Вознесенской. Народ потребовал дальнейшего шествия с Чудотворной иконой и портретами Государя по Никольской улице и городскому бульвару. Образовался Крестный ход.

По мере дальнейшего движения толпа еще больше увеличивалась. И красные флаги значительно уменьшились. Шествие сопровождалось всенародным пением: «Спаси, Господи, люди твоя» и «Боже, Царя храни». По

пути к бульвару совершены были молебствия против Вознесенской церкви, на Думской площади и у памятника Александру I против здания 2-го кадетского корпуса. Затем Крестный ход при колокольном звоне направился на Толкучий рынок — к архиерейскому дому и Караван-сараю — квартире оренбургского губернатора. Красные флаги мало-помалу совершенно исчезли. Взволнованное обывательское море успокоилось, и жизнь Оренбурга вошла в обычную колею...»

Спросят: почему же Она тогда не смогла предотвратить или остановить смуту 1917 года, приведшую к краху России? И, если не мерить глобальными общероссийскими масштабами, почему же она не остановила русских людей в страшной междоусобной схватке-бою под Оренбургом, когда Сама оказалась брошенной на дорогу под копыта лошадей?

Ответ прост: так велик был наш общерусский грех, так далеко русский народ отпал тогда от Бога, хитро обманывая себя и Его внешней верой в Него, превратившейся в пустую и показушную обрядовость, что Чудотворной иконе ничего не оставалось, как на время покинуть Россию, но оставив в русском народе надежду. Это имеет самое прямое отношение к Покрову Богородицы — толкуя в последнее время о его спасительной для русского народа, для России силе, своей нравственной сущью, может, мы давно лишились его? И икона не вернется, мы не найдем ее, какие экспедиции ни организовывали бы, пока сколько-нибудь не будем достойны его.

Так, может, нет смысла искать ее, все напрасно, если она не хочет возвращаться в Россию? Может быть, если мы перестанем себя чувствовать великим народом. Даже просто народом, а не народонаселением. Не отсюда ли все наши великие беды? Почему все внешние устроения, все реформы ничего не дают, а только приближают нас к концу? Потому что в нас все меньше внутреннего

устроения, его нам упорно пытаются заменить чужим, с которым мы перестаем быть русскими людьми. Искать икону нужно прежде всего в себе. И чем больше людей найдет ее в себе, тем скорее она вернется...

И однажды вдруг меня осенило: **страстное и возвышенное слово митрополита Иоанна в защиту России и Православия — может, не что иное, как своего рода явленная в Слове Табынская икона Божией Матери?** Более того — предвестник явления самой Ее? Может быть, это она сделала из никому не известного провинциального иеромонаха, — вложив в его уста свое Горнее Слово, — духовного проводника и вождя русского народа в пору новой смуты, на пороге уже реального небытия. И за явленным в нем Словом может последовать самое явление Чудотворной иконы, как «всего мира Надежду и Утешение». Но только в том случае, если мы услышали это Слово. И не просто услышали, а приняли его как руководство к нравственному и практическому действию — вслед за покаянием! — по спасению Родины. Но услышали ли мы его?..

Мало что известно из личной жизни святителя Иоанна. Сам он всячески уклонялся от всевозможных вопросов на эту тему, считая факты своей биографии, тем более детства и юности, малозначимыми. Но иногда, в дни своего Ангела (дни памяти Апостола Иоанна Богослова) или в какие другие благословенные часы, он делился со своими духовными чадами воспоминаниями о детстве и юности. А детство и юность будущего светоча Православия связаны с Приуральем, местом явления Табынской иконы Божией Матери. Один из рассказов его благодарному слушателю удалось записать. Привожу его отрывочно:

«Родился я, как рассказывала мне мама, мертвым. Несколько часов не было во мне ни дыхания, ни звука,

и только усиленные окрики моей родительницы произвели внутри моего организма дыхание и жизнь. Село, где я появился на свет Божий, называлось Ново-Маячка Каховского района Николаевской губернии (ныне Херсонская область)...

Вскоре после моего рождения родители переехали в свое родное село Спасское (в народе его называли Осминка), расположенное в восьми верстах на юго-восток от города Сорочинска под Оренбургом... В 30-е годы мы всем семейством переехали в Сорочинск. Мне шел четвертый год. В 1933 году наступил голод. Чтобы не умереть, мы с братьями собирали щавель, зеленые капустные листья и делали из них лепешки. Весной ловили сусликов, жареное мясо которых служило самым дорогим блюдом. Мясо суслика вкусное, только немного пахнет чесноком. Летом ловили рыбку. Рыбалка была милостью Божией. Она давала возможность до некоторой степени заменять хлеб и поддерживать свое здоровье.

Голод усиливался, и родители решили переехать к родным на Украину. Первоначально поселились у сестры моей матери. Началась новая страница моего детства. Мне было шесть лет. Помню, как однажды я принес родителям охапку соломы и очень радовался, что в какой-то мере оказал им помощь... Чтобы утолить голод, я часто уходил из дома с сумой за плечами и с протянутой рукой обходил улицы города, прося кусок хлеба. Одни люди отзывались на горе, другие отворачивали лица и гнали меня, как бродячего пса.

Однажды я зашел в магазин, где продавали пряности, и стал просить у покупателей милостыню. Вдруг один человек взял меня за шиворот и принялся обвинять в воровстве, к которому я был не причастен. Я плакал, просил отпустить, окружающие пытались защитить меня, но ничего не помогло, и через несколько минут я был брошен на произвол судьбы в отделение милиции.

Я очень переволновался, особенно думая о родителях. Потом, воспользовавшись удобным моментом, когда на меня не обращали внимания, вышел во двор, шмыгнул в ворота и убежал. Голод снова погнал меня за подающим. Я зашел в столовую в надежде, что мне там что-нибудь достанется. Помню, с какой завистью смотрел я на лакомящихся вкусными блюдами и с какой жадностью утолял голод крохами, оставшимися от обедавших. Только ночью я добрался до дома...

В ту пору мои обязанности по дому заключались в том, чтобы утром выгнать корову и пасти ее до вечера. Однажды, воротясь с пастбища, я увидел, что наш дом пуст, в нем никого и ничего нет. Я недоумевал, что могло случиться. Соседи сказали, что дом наш продан, что родители погрузили вещи на машину и уехали, оставив меня одного. От мысли, что я брошен, горькие слезы полились из глаз. Так я плакал и, наверное, не утешился бы, если бы не пришел отец, который отлучился, чтобы оформить документы. Мама с братьями уехала в Херсон, а за ними тронулись в путь и мы. Мне было около семи лет. Шли пешком, но какой из меня был пешеход. Затем какая-то проезжавшая машина захватила нас, и мы добрались до Херсона. Там вся семья погрузилась в вагон, и мы отправились обратно в Сорочинск. Помню, что дорогой, пока мы спали, у отца вытащили из кармана деньги...

После седьмого класса я поступил в промышленный техникум. Я хотел быть электротехником, но вакантные места были заняты, и пришлось определяться на отделение техников-строителей. Это было в Орске. Едва я начал учиться, как возникли трудности. За неуспеваемость по русскому языку я был лишен стипендии, и пришлось существовать на свои средства, которых, конечно, не хватало. Пришлось голодать, я решил оставить учебу...

В Сорочинске жила Пашенька-юродивая, и я направил свои стопы к ней. Иносказаниями она предсказала мне быстрый отъезд в армию, духовное звание и время окончания войны.

В октябре 1944 года меня призвали в армию. Я успешно прошел комиссию, был зачислен в одну из частей Советской Армии и ожидал повестку на отправку. Ее принесли поздно ночью, и я стал готовиться к отъезду, собирая необходимые вещи. Не забыл зайти к бабушке. Он с радостью напутствовал меня Святыми Таинами. Тут случилось чудо. Когда священник подносил Святое тело и Кровь Христовы, я испытал необычайную радость, от которой едва переводил дыхание. Священника я не видел, но чувствовал, что какое-то таинственное существо (кажется мне, что это была великомученица Варвара) приблизилось и вложило в мои уста Причастие. Чувство необычайной сладости увеличивалось в моем сердце, и в нем воцарился неземной мир. Таинственное существо удалилось, и я снова увидел священника.

Бабушка благословил меня небольшой иконочкой с изображением Веры, Надежды, Любви и матери их Софии.

Я отправился в путь в сопровождении мамы и некоторых родственников. Причастие очень утешило меня. Подошли к военкомату, но двери оказались заперты. На наш стук вышел дежурный и объявил, что никаких допризывников здесь не было и ему ничего не известно. Тогда мы отправились к школе № 6, где проходил осмотр. Но и там никого не оказалось. Пошли на вокзал — тоже пусто. Мы подумали, что с повесткой кто-то злобно пошутил, и вернулись домой. Но через три дня, когда я вернулся после литургии домой, вдруг явилось шесть крепких парней и под конвоем повели меня в военкомат.

Первым вопросом военного комиссара было: «Почему вы не явились к отправке?» Напрасно я пытался

что-то объяснять — он показал мою подпись в списке отправляющихся, которая, конечно, была подделана, и обвинил в дезертирстве. «Ты что, попом решил сделаться? — говорил он. — В армии не хочешь служить?!» Комиссар вызвал милицию, и со скрещенными позади руками меня увели...

Вскоре меня вывели на допрос. «Почему ты не хочешь служить Родине?» Я ответил, что никогда не отказывался от служения и теперь согласен идти на защиту Отечества. Пытался объяснить, что происшедшее — просто стечение обстоятельств. Не знаю, что мне помогло тогда: мои ли уверения, или молитвы ближних...

Меня отправили в путь в направлении Куйбышева... Далее мы продолжили путь до Уфы... Глубокой ночью мы прибыли на станцию Алкино, куда я имел направление от военкомата. Трудно было привыкать к строгой военной дисциплине. Тут и там выявлялись мои недостатки — то ремень не затянешь как надо, то обмотки неправильно замотаешь... Рано утром мы выходили в поле на военные занятия. Морозы тогда были жгучие.

Был Филиппов пост, и я сохранял воздержание в пище, вкушая только хлеб с сахаром и чай. Перед едой молился открыто, никого не стеснясь. Об этом было доложено начальнику воинской части, который не замедлил вызвать меня на беседу. Он задал ряд вопросов. Спросил, как бы я мог доказать веру в загробный мир. Я, долго не задумываясь, предложил отрубить мне голову. Он засмеялся и сказал: «Нет, погоди. Ты еще сам будешь головы немцам рубить!» Расстались мы хорошо, и до времени никто меня за мои убеждения не притеснял. Я же молился святителю Николаю, жалуясь ему на то, что мне трудно среди неверующих...

В те дни мне приснился странный, как мне поначалу показалось, сон. Вижу, будто входит ко мне матушка

Феврония, с нею неизвестная Жена (по своему глубочайшему смирению Владыка не решался вслух назвать Ту, которая ему явилась, Богородицей). Вдруг Неизвестная обращается к врачам и строго говорит: «А его вы мне отпустите!» И я проснулся.

Проходили дни за днями. Я по-прежнему маршировал в строю, занимался военной тактикой. Однажды мы пошли в поход. У меня размоталась обмотка, и я без разрешения командира вышел из строя. В наказание за это мне дали наряд — назначили скрести грязь и добела вымыть полы в землянке сорока метров в длину и двух в ширину. Я честно старался отработать, но как мне было тяжело! От переутомления поднялась температура, и я попал в санчасть. Там я тоже режима не менял, продолжая во время болезни поститься и молиться. Но, к несчастью, моим лечащим врачом оказалась еврейка. Кто-то ей открыл, что я придерживаюсь христианского поста, и она в бешенстве стала поносить меня: «Что это ты вздумал поститься! Не хочешь служить в армии?! Ну, хорошо же, мы с тобой быстро разделаемся! Сошлем тебя и твоих родителей в такие места, которые тебе и не снились!» Наговорив кучу угроз, она удалилась.

Кто может вообразить мою боль и внутреннюю скорбь! Как будто ураган пронесся над моим бедным сердцем, разрушив все добрые строения. Мысль о том, что я могу быть сослан как изменник родины и что родители мои будут подвергнуты той же участи, угнетала и ужасала меня. В этой скорби и в слезах я заснул.

И вижу чудесный сон: будто бы нахожусь в поле, и какое-то таинственное невидимое Существо вложило мне в правую руку семя. Я взмахнул рукой и одним мановением засеял все поле. В мгновение ока семя проросло, распустило листочки и плети, расцвело и принесло плоды. Плоды эти были наподобие арбузов и во множестве лежали на земле. Я стал осматривать их

зрелость, но они еще были зелеными. Просматривая, я все дальше и дальше уходил вглубь. И когда дошел до середины поля, то увидел, что небольшая его часть, саженой примерно в восемь, вспахана, но не засеяна. На пашне лежал большой деревянный Крест. Я подошел и поднял его. Крест был выше моей головы. Я взглянул на него снизу вверх. И в это мгновение какой-то светлый луч прошел через мою голову и достиг моего сердца, отчего на душе стало светло и радостно. Внутренний голос возвестил мне, что это Крест Господень. Тогда я приподнял его, взвалил на плечо и понес.

В это время на небе появились черные тучи, и тьма накрыла землю. Засверкала молния, раздались удары грома. «Уу-у, ууу-ууу!» — гремело и выло вокруг, а я продолжал идти. Через некоторое время тучи стали рассеиваться. Когда приблизился к краю поля, меня с левой стороны то орошал дождь, то освещало солнце — попеременно. Сойдя с поля, я ступил прямо в грязь и пошел по ней в родное село. Там я сложил у своих ног Крест, который уже был похож на длинное бревно с поперечной перекладиной. Меня встретила матушка Феврония и сказала: «Я знаю, кто ты, ты — юродивый». Я проснулся.

Ясность сновидения была поразительной. Я стал рассуждать. Крест — это страдания. Значит, нужно ждать скорбей. Но сами события, происходившие во сне, были мне непонятны и приводили в недоумение. Я рассказал о сне лежащему близ меня больному, который был человеком верующим. Он успокоил: «Твой сон очень хороший, не волнуйся!»

Врач-еврейка больше не приходила, однако меня вызвали к психиатру. «На что ты жалуешься?» — ласково спросил он. «У меня болит желудок и, кроме того, порок сердца», — ответил я. «Ты верующий?» — «Да». — «Как верующие смотрят на войну? Не отказываются ли они от защиты Родины?» — пристально всматриваясь мне в гла-

за, поинтересовался врач. «Нет, — ответил я твердо. — Православная Церковь всегда благословляет оружие своих воинов на защиту Отечества!» Врач: «Скажи мне, пожалуйста, кто виноват в войне: Гитлер или Сталин?» Недолго думая, я ответил: «Никто не виноват. Война существует для того, чтобы посредством внешних скорбей облегчить будущую участь людей. Если бы люди не испытывали здесь скорбей, то будущие страдания в аде содержимых были бы совершенно невыносимы!»

Мой ответ, видимо, настолько поразил врача, что дальше он меня вопросами не тревожил. На меня завели карточку, которую долго заполняли (видимо, ставили диагноз), после чего снова отпустили в постель.

Наступило Рождество Христово. Я разговелся. Предварительно прочитал молитвенное правило. Больше я не унывал, какое-то внутреннее спокойствие воцарилось в душе.

Вдруг пришел приказ собираться и — в путь. Целой группой нас отправили в Уфу. В дороге у одного человека из нашей группы случился припадок, и на меня напал страх: туда ли я попал, ведь у меня болели желудок и сердце, а вовсе не помрачился рассудок. В четырех километрах от Уфы находился городок для умалишенных и припадочных, вот туда-то мы и прибыли. Моя фамилия красовалась в списке с прочими больными. Я попал в тринадцатое отделение. Было тревожно, но ничего не оставалось делать, как смириться и ждать прибытия врача.

Отделение состояло из двух громадных комнат, вмещавших до шестидесяти человек. Я размышлял: «Вдруг я на самом деле лишусь разума и меня поместят во второе отделение, где лежат буйные больные? Неужели я никогда не увижу родного края?!» Такая невыносимая тоска охватила мое сердце, что разогнать ее было под силу только воле Божией.

Чтобы не терять даром времени, я составил распорядок дня. Раньше всех вставал, умывался, а затем под одеялом совершал молитвенное правило, читал Евангелие, Псалтырь и каноны. Познакомился с няней Анастасией. Она приносила мне книги духовного содержания. Шел Великий пост. Зная, что я пощусь, со мной считались и готовили постную пищу.

Наступила Крестопоклонная неделя. Мне хотелось в храм, хотелось приобщиться Святых Христовых Таин... Я сказал свое заветное желание няне, и она, хоть и очень боялась, согласилась проводить меня. Мы пошли. Недалеко от реки Белой показался храмик. Сердце мое сильно билось, и слезы радости текли из очей. Служил небольшого роста архиерей. Так было хорошо! Мне так хотелось исповедаться в этот вечер, но не пришлось... На обратном пути к нашему несчастью случилась авария — сошел с рельсов впереди идущий трамвай. Из-за этого мы задержались, и в больнице начался переполох. Мы получили выговор, и к литургии пойти не пришлось. Так я и остался тогда без причастия.

Здоровье мое стало «улучшаться», и «лишенный рассудка» ум приходил в «нормальное состояние». Я помогал на кухне, раздавал пищу больным. Главный врач, которая меня понимала, относилась ко мне хорошо, я помогал ей выкладывать во дворе дорожки из кирпичей.

В день Благовещения я опять был в храме. 20 апреля меня комиссовали, признав негодным к несению военной службы. Мне выдали документы, питание, денежки и отправили на вокзал. Какая была радость! Скорее в родные края!..»

Из окна моего небольшого загородного дома — через лес, за прекрасной, описанной С. Т. Аксаковым рекой Демой, за железнодорожной станцией Алкино видна Алкинская гора. Много чего связано с ней. Из

Алкинских лагерей, пройдя курс молодого бойца, ушли на фронт десятки, а может, даже сотни тысяч людей, в том числе мой отец. Здесь проходили фильтрацию обратные эшелоны с бывшими военнопленными: кому домой, кому в колымские лагеря. До последнего времени в окрестностях Алкино располагались мощные ракетные части, защищающие Уфу и Урал, крупнейший нефтеперерабатывающий и оборонный комплекс России от нападения с воздуха. Во время «перестройки» ракеты уничтожили, считается, что извне нам теперь никто не угрожает. Если подумать, то, может, на самом деле ракеты нам больше не нужны, потому как главный враг у нас теперь по эту сторону границы: под разными предлогами нефтеперерабатывающие, химические и оборонные заводы пытаются «прихватизировать», то есть уничтожить изнутри... С тех пор, как я узнал, что с Алкинской горой связана важная страница жизни Святителя Иоанна, я стал смотреть на нее как бы другим взглядом. Уже здесь враги христианства каким-то внутренним чутьем почувствовали в нем, безобидном и не очень здоровом деревенском юноше, нравственного противника, сначала пытаюсь определить его в уклоняющиеся от фронта со всеми вытекающими из этого последствиями, потом в умалишенные. Уже здесь Богородица выбрала его для особого служения: «А вы его мне отпустите!..» И я счастлив, что в моем родном городе к нему отнеслись с человеческим, даже христианским пониманием, тоже каким-то внутренним чутьем увидев в нем особого, «божьего» человека: комиссовали и, снабдив продуктами, отправили домой.

По прошествии какого-то времени будущий о. Иоанн стал келейником преосвященного владыки Мануила, епископа Оренбургского и Бузулукского. Внутренним духовным видением владыка рассмотрел в робком юноше, прислуживающем в храме, будущего подвижника,

великого пастыря и воина Церкви. Владыка вместе с ним поехал в Сорочинск, «посетил моих родителей и спросил их согласия отпустить меня в Чкалов к себе в послушники. Родители благословили. Особенно тронуло меня тогда, что епископ не погнушался нашей убогой постелью и согласился у нас отдохнуть...

Перед днем памяти Великомученика Пантелеимона батюшка повез меня к Владыке. Тот предложил мне скоромную трапезу. Я в то время не вкушал молочного, но Владыка, заметив это, не одобрил мое неразумное воздержание и благословил начать потреблять скоромную пищу.

В самый праздник в честь св. Пантелеимона меня постригли в стихирь. Это была первая ступень, ведущая меня к священству. Слезы страха и радости лились из глаз моих...»

С этого времени и началось великое служение будущего святителя Иоанна Табынской иконе Божией Матери, первоначально под началом владыки Мануила, великого почитателя иконы, несмотря на все запреты устраивавшего крестные ходы к месту ее явления, чего ему не могли простить большевики, в 1948 году он был арестован.

Икона, под хоругвью с изображением которой в свое время объединился Оренбургский отдел Союза русского народа, в пору страшной смуты с частью русского народа ушла в Китай, духовно поддерживая русских людей на чужбине, сохраняя в них веру в Бога и в возвращение на Родину, если не их самих, то их детей или внуков. В большевистской России же не только существование, даже память о Табынской иконе подвергалась гонению. Еще до окончания гражданской войны, в 1922 году, власти запретили праздник благодарения иконе — в 9-ю пятницу по Пасхе. До этого в Табынске случился большой пожар. Жительница села Евдокия

Гавриловна Ложкина вспоминала: «У Пиягиных отряд стоял, не то белые, не то красные. Давали лошадям сено, бросили спичку. А в сарае были снаряды. Перед этим я видела сон, а утром рассказываю его маме: «Священники вынесли Табынскую Божию Матерь из церкви, по нашей улице пронесли и в поле пошли». Мама сказала: «Плохой сон, ничего ты не поняла». — «Хороший, мама, — говорю. — Богородица такая ясная была». Пошли на Белую купаться. И вдруг снаряды рвутся, головешки летят по всей деревне, пожар! Мама кричит: «Вылезайте из воды, бегите в поле!» Во время пожара отец ума лишился, взял точило и ходит по двору... Пол-Табынска выгорело, наш дом сгорел, училища сгорели, документы все сгорели, а церковь как стояла посредине села, так и осталась стоять. Не загорелась...»

Церковь в Табынске закрыли в 1929 году, запретив Крестный ход на Святые ключи из Уфы и из Оренбурга. Тогда Крестный ход с одним из списков Табынской иконы пошел из Казани. Даже в страшные 30-е годы власти не могли остановить его, не помогали никакие кордоны, время, проведенное в этих заградительных кордонах, людям засчитывали как рабочее, или им за это давали отгулы. Рассказ Анны Богаровой из деревни Березовой: «В 30-е годы я была еще маленькой, мы всей деревней встречали Крестный ход. Встречали всегда в среду, вся деревня топила бани, чтобы вымыть паломников из дальних мест, а их порой было до пяти тысяч. И мы, чтобы приложиться к иконе, клали на нее полотенце или платок и проходили под иконой. Божия Матерь никогда нас не оставляла».

Разрешили Крестный ход лишь однажды — в 1947 году. Мне сейчас трудно судить, что послужило тому причиной. Но люди верующие уверены: по горячим молитвам правящего тогда архиепископа Мануила (Лемешевского), великого почитателя Табынской иконы,

и его послушника, иеромонаха Иоанна. Узнав об этой радостной вести, на Святые ключи с трех сторон тронулись крестные ходы: из Уфы, Оренбурга и Стерлитамака.

И тут произошло чудо. Вот как описывал это событие сам иеромонах Иоанн:

«Перед тем как тронуться в путь, святыню повернули лицом к храму, и — о, чудо! — темный фон иконы внезапно прояснился, и лики на ней проступили яркими красками. Слезы радости и восторга потекли из очей моих, а сердце пронзил какой-то благодатный луч. Торжество было великое...»

Очевидцы вспоминают, что праздник получился необыкновенный, хотя часовня над местом явления иконы, которая сейчас была далеко за пределами Родины, была заколочена, а с верующими был только оренбургский список с иконы. Поставили престол прямо под открытым небом и горячо молились Царице Небесной, испрашивая ее заступления и возвращения ее иконы Чудотворной. А в сердце иеромонаха Иоанна еще сильнее засиял тот необыкновенный свет.

На следующий год снова последовал запрет: не только на Крестный ход, но даже и на моление на месте явления иконы. Молились перед списком иконы теперь уже только в храме, в Оренбурге...

«В девятую пятницу после Пасхи перед Табынской иконой Божией Матери совершалось моление и чтение акафиста, — вспоминал позже владыка Иоанн о событиях 1948 года. — Епископ Мануил очень чтит этот образ и мечтал иметь специальный акафист, но для него не было составителя. Как-то владыка отбыл обозревать свою епархию, а я по разным причинам остался дома. И вдруг в это самое время у меня появилось непреодолимое желание написать акафист Богородице. Я взял составленную старцем книгу описания истории Табынской иконы Богоматери, прочитал внимательно, помо-

лился и приступил к составлению. Дело шло быстро и хорошо. К вечеру следующего дня акафист был уже отпечатан на машинке. Я аккуратно обернул его чистой белой бумагой и написал нежными тонами: «Дар Неба». Сам ликовал от радости, что исполнил давнишнее желание старца, но возникал вопрос: примет ли мой скромный дар Царица Небесная? Скоро возвратился владыка, и на лице его отразилась радость...»

Случайно или не случайно, акафист был написан накануне новых гонений на православных. Вскоре, в том же 1948 году, «в связи с усилением религиозности среди пожилого и молодого населения города и области и его личным авторитетом», владыка Мануил был арестован. Благословив акафист Богородице в честь Ея Табынской иконы, он как бы передал эстафету служения Табынской иконе иеромонаху Иоанну, который еще и подозревать не мог о своем великом будущем, что он станет духовным проводником всего русского народа, когда тот снова окажется на краю пропасти. Теперь к 9-й пятнице по Пасхе вокруг Святых источников уже устанавливался тройной кордон милиции, комсомольцев и пионеров. Устраивали облавы, разгоняя паломников, угрожали оружием. Однако не было ни одного года, чтобы в праздник поклонения иконе паломники не прорывались к Святым ключам и не набирали святой воды. Такое же гонение терпели православные в селе Верхний Авзян в Белорецком районе около источника Табынской Божией Матери, что на Малиновой горе. Часовню над источником взорвали.

А над Святыми ключами около Табынска часовню сначала перестроили в лечебницу, а после публикации в журнале «Наука и религия» (1972. № 19) злобной статьи о «рассаднике заразы» в Гафурийском районе Башкирии часовня и пещера, из которой истекал Святой источник, были взорваны, место вокруг специально обезображе-

но. Чтобы ничто не напоминало о Святых ключах, были спилены деревья, окружающие ключи, место, где они выбивали, было превращено в свалку. Постепенно произошло заболачивание местности. Воистину глаголы Господни: «...егда узрити мерзость запустения на месте святом... знайте, что близко, что при дверях...»

Выше Святого источника по долу на лесной поляне стояла старая раскидистая береза. Некоторые второе явление Чудотворной иконы приписывали именно этому месту. После взрыва Святого источника верующие стали собираться на этой поляне и вместе петь акафист. На березу вешали список Чудотворной, около нее собирали пожертвования, молились. Властям это тоже не понравилось, стали устраивать засады и около березы, арестовывать паломников. Но и это не помогало, тогда березу окружили колючей проволокой. И это не помогло. Тогда березу спилили. Но люди все равно собирались у ее пня. Тогда и пень сожгли, и само место его, это уже было в начале 90-х годов, затоптали. Сейчас на том месте поставлен памятный столб со списком Табынской иконы...

Что же стало со Святым источником после взрыва? Через какое-то время вода начала исходить множеством ключей на всем протяжении горы, укрывающей Святое подземное озеро. При том воды истекали как соленые, так и пресные. Минерализация этих ключей тоже была различной, и каждый обладает своими целебными свойствами. Обозначился даже особый источник — «глицериновый», называемый так же «источником молодости». При строительстве детского санатория его окружили дамбой. На месте взорванной часовни построили насосную станцию для подачи целебной воды на Красноусольский курорт. Курорт стал особенно расширяться после Великой Отечественной войны, когда «результаты лечения инвалидов войны превзошли все ожидания. После 20—30-

дневного лечения раны у них закрывались полностью». К настоящему времени место явления Табынской иконы Божией Матери оказалось в центре огромного курортного городка, по своим лечебным свойствам и по благоустройству, несомненно, одного из лучших в России. Святые ключи по генплану специально или не специально оказались в санитарной зоне санатория. А в санитарной зоне по закону ничего нельзя строить, в том числе и благоустраивать Святые ключи...

В 90-е годы отношение к православному люду немало изменилось. Новая власть, чувствуя зыбкость под своими ногами, стала заигрывать с верующими: пусть они там разбивают себе лбы в поклонах, лишь бы не случилось народного взрыва, а мы тем временем доприватизируем остальное, что не успели. В 90-е годы ранее взорванный Святой источник верующими был очищен, углублен и обложен бутовым камнем. В 1993 году выкопали яму для купания. В 1994 году ее удалось огородить, и с каждым годом количество людей, приезжающих к месту явления Табынской иконы, к Святым ключам, растет в геометрической прогрессии.

30 июня 1993 года Табынская икона Божией Матери дала знать о себе: в 12 часов ночи в Покровском молитвенном доме в Красноусольске, бывшем Богоявленске, замироточил ее список, который незадолго до этого был привезен из Уфы из Покровского храма. Ликом икона была очень черна. Все краски как бы обгорели от времени и шелушились. И вот этот Лик вдруг наполнился благоуханной миррой и напитался, как губка, так, что внизу появились подтеки в виде 11 струек. Запах был едва уловим и напоминал свежесть весеннего леса. В 16 часов 30 минут того же дня был обнаружен и другой мироточащий список Табынской иконы Божией Матери. Эта икона когда-то была неумело отреставрирована и густо покрыта лаком. Но, к удивлению, она

мироточила особенно сильно и прямо через лак. Она вся покрылась каплями мирры, стекающими тонкими струйками. Перед ней был спет акафист, а на другой день совершен Крестный ход. По дороге мироточащей иконой освятили пресный источник № 12, воду которого сейчас продают в бутылках. В 13 часов 30 минут икона на Святых ключах была встречена паломниками из Уфы и Оренбурга, так что многие были свидетелями ее мироточения. Но уже 1 августа мироточение второй иконы полностью прекратилось. А мироточение первой продолжалось еще 40 дней. А затем обнаружилось, что на темном Лике появилось смутное изображение левого глаза. Через год изображение еще более проявилось: стало видно левую часть Лица и правую бровь.

Чему это было предзнаменование? Новым великим бедам или радостям России? Преуведомлением о скором возможном возвращении из изгнания Чудотворной иконы в родной храм? Напоминанием, что нужно готовить к ее приходу Святые ключи, напротив которых владельцы санатория как бы специально устроили пляж, и храм, в котором по-прежнему находился консервный завод и нечистоты сливались прямо под алтарь, подтачивая фундамент? Так как в санатории лечатся и отдыхают тысячи людей со всей России, этот факт заставил оторваться от сиюминутных проблем, задуматься и многие тысячи не только православных...

Накануне 2000-летия христианства, накануне 400-летия первого обретения Табынской иконы Божией Матери начались активные поиски ее. Возглавил их, как я уже говорил, настоятель Табынского храма отец Владимир (Сергеев).

Впрочем, поиски иконы начались чуть ли не со времени ее ухода с А. И. Дутовым. Табынцы не могли примириться с исчезновением ее. Доходило до парадоксов.

Так, в 1926 году, за три года до закрытия Табынской церкви, уполномоченные от верующей общины села Табынска, желая вернуть Чудотворную икону из-за границы, с просьбой разрешить им съездить в Китай обратились не куда-нибудь, а в... НКВД:

«В Башкирский народный комиссариат внутренних дел. Заявление уполномоченных от верующих общины села Табынска Стерлитамакского кантона граждан села Табынска Матвея Борисковского, Дмитрия Селиванова и деревни Ахметкиной — Игнатия Малюканова.

В 1919 году белая банда генерала Дутова захватила народную святыню, весьма чтимую древнюю икону, называемую Табынской Божьей Матерью и увезла в Китай. До последнего времени Табынская верующая община не могла точно установить место нахождения этой иконы. А потому не были приняты меры по возвращению иконы этой. Между тем отовсюду поступали и ныне поступают настойчивые требования верующего народа епархии: возратить народную святыню на место ее прежнего пребывания в село Табынск. Требования свои верующий народ высказывает через церковные правления свои и через своих депутатов высказал на епархиальном съезде в 1925 году.

Ныне верующая община села Табынска приблизительно установила место нахождения святыни близ города Кульджи в Китае, во исполнение воли верующего народа епархии общим собранием этого 20 июля протоколом своим уполномочила нас, нижеподписавшихся, ходатайствовать перед гражданскими и духовными властями о разрешении привезти из Китая чтимую икону. Доложив об этом, мы, уполномоченные, просим Башнарком внутренних дел разрешить нам поездку в Китай для доставки оттуда иконы Табынской Божьей Матери в село Табынск Стеркантиона (Стерлитамакского уезда). Мы, уполномоченные, вполне надеемся, что правитель-

ство Соввласти придет навстречу воле народа и окажет свое действие в деле выполнения задания, данного нам народной волей епархии.

Приложение: протокол общего собрания верующих от 20 июня 1926 года».

Не знаю, поехали ли уполномоченные после этого обращения в НКВД в места не столь отдаленные, но в Китай, в Кульджу, они точно не поехали. Что любопытно: оказывается, табынцы уже в то время знали точное местонахождение иконы: близ города Кульджи в Китае...

Особое участие в поиске иконы проявил ученый-востоковед, профессор, священник отец Дионисий Поздняев. Из-за океана откликнулись секретарь Сан-Францисской епархии РПЦЗ протоиерей Петр Перекрестов, староста храма РПЦ МП в Рио-де-Жанейро А. Б. Кириллов. Архиепископ Уфимский и Стерлитамакский Никон обратился за благословением к его Святейшеству Святейшему Патриарху Алексию II. По поручению Святейшего отдел Внешних церковных сношений под началом митрополита Кирилла организовал опрос русского населения в городе Ургенте (бывш. Кульджа). Однако при единодушном убеждении и надежде, что Чудотворная икона не погибла и находится до поры до времени где-то в сокровенном месте, не нашлось пока ни одного человека, который хотя бы приблизительно мог указать ее точное местонахождение. Только твердая вера, что она жива и до поры до времени сокрыта... Подключилась к поиску передача первого телеканала «Жди меня»...

Позвонили из Москвы: «Может, это Табынскую сейчас в Париже именуют «Черной Марией»? Ведь Табынская икона — единственный из известных образов, где Лик Богородицы темен...» «Подобная икона была замечена в Ницце в русской православной церкви во имя Святителя Чудотворца Николая и мученицы царицы Александры...» «Позвоните в Воронеж Родионовой

Розе Степановне, икону нужно искать в частных руках в Швейцарии...». «Ее видели в Молдавии...» «Никуда она не уходила, она до сих пор находится в Ульяновской области...» «В Иркутске Чупров Леонид Александрович знает, где искать икону...» «В передаче «Жди меня» слышала о Табынской иконе, сведения о ней есть у Веры Хасановой в Израиле, г. Петах...»

Порой поиск уводили в сторону, списки иконы в свое время во множестве разошлись по России, а в результате великого русского исхода и за ее границами. Список Табынской, предположительно начала прошлого века, обнаружился теперь уже тоже «за рубежом» — в городе Рудном в Казахстане, в семье Кирилюк. По легенде ее оставили стоявшие на постое отступавшие колчаковцы. Семья Кирилюк готова подарить икону Табынскому храму: «...она там нужнее, пусть она будет радостью для всех, пока в него не вернулась древнеявленная». Но не просто принять этот подарок при вдруг вставших посреди России погранзаставах и таможнях, которые не являются преградой для всевозможных преступников. Письмо теперь тоже из суверенного государства: «Вас беспокоит из Республики Узбекистан из города Коканда Сухорукова Вера Павловна. Родилась в 1929 году во Фрунзе. В 1930 году мои родители бежали от раскулачивания со мной в Китай и поселились в Кульдже. Там находилась в церкви Табынская икона, большая, темная. Когда-то ее пытались рубить, даже остался след топора на щеке. Эту икону очень почитали китайцы. В 1950 году я венчалась в этой церкви, и там была эта икона. Всех троих моих детей крестили перед ней...»

И снова приходили письма с утверждениями, что икону нужно искать в тайниках Ватикана. Архиепископ Уфимский и Стерлитамакский Никон обратился к архиепископу Казанскому и Татарстанскому Анастасию: «Нет ли у Вас какой-нибудь переписки по поиску Казан-

ской иконы? Может, речь идет об одной и той же иконе (ведь Табынская икона часто именуется Казанской) и не Табынская ли это икона, которую папа Римский собирался вручить Святейшему?..»

Поиски Святой иконы снова соединили пусть в хрупкое, но в единое целое русских людей, разбросанных чуть ли не по всему земному шару. Может, на сегодня это и есть русская национальная идея, способная, независимо от политических убеждений и социального положения, объединить, что до сегодняшнего дня никому не удавалось, всех русских и не только русских людей в стремлении найти и вернуть на Родину некогда отвернувшуюся от нас, обрушившихся в смуту и братоубийственную гражданскую войну, которая, по сути, продолжается до сих пор, и ушедшую в изгнание Табынскую икону Божией Матери, которую будущий святитель Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский провидчески назвал «всего мира Надеждо и Утешение»? Может, в будущем ей суждено стать объединительной идеей не только для русских и не только для России — мусульмане ее уже почитают, вспомните письмо из Коканда: «Ее почитали особенно китайцы».

Куда только не забрасывала судьба русского человека, во время Гражданской войны под страхом смерти покинувшего Родину! Вопрос опять о вождях, о проводниках: убили Дутова, Врангеля, Кутепова — кстати, патриарх Тихон, наложивший анафему на большевиков, не благословил лидеров Белого движения, осмысливая отечественную историю над этим нужно серьезно задуматься, почему, — и воинов их белых армий, словно осенние листья, студеным ветром погнало по всему свету, только вера отцов продолжала их, потерявших друг друга, невидимо соединять в единое целое. Неужели Господь специально разбросал нас по миру, чтобы мы, не оправдавшие его надежд на богоизбранность, стали

живительным навозом или перегноем для других народов? Потомственный уральский казак Павел Николаевич Скобелкин откликнулся на наш поиск аж со Звездных Гор из Папуа—Новой Гвинеи:

«Ваше священство, отец Владимир, мир Вам!

Вчера получил русскую газету «Единение», издающуюся в Австралии, в которой нашел Ваше обращение к читателям за содействием в поисках Чудотворной иконы Табынской Богоматери.

Мой отец, Николай Петрович Скобелкин, оренбургский казак Троицкой станицы, был очень близко связан с этой иконой. Он вышел в Китайский Туркестан с армией атамана А. И. Дутова. Мой отец был близким другом атамана Дутова и войскового казначея Григория Александровича Ильиных, который передал отцу все войсковые архивы при нашем отъезде из Китая в Австралию. Отец хранил все документы до конца своей жизни и завещал в случае его смерти передать их немедленно казачьему атаману Дмитриеву в Сан-Франциско, в Америку. Отец мой скончался 10 мая 1966 года, и я выслал весь архив с дневниками отца в течение первой же недели. В те времена еще не было фотостатов, и я не оставил себе никаких копий. В 1979 году я был в Сан-Франциско и пытался связаться с Дмитриевым. Но его дочери меня к нему по состоянию его здоровья не допустили. А позже, после смерти Дмитриева, я пытался получить дневники моего отца для фотокопирования, но дочь Дмитриева теперь уже по состоянию ее здоровья не могла меня принять. Последняя информация 1990 года такова: дом Дмитриева продан, а архивы, хранившиеся на чердаке, были сожжены зятем.

Теперь я Вам могу дать только устную информацию по интересующему Вас вопросу и то, что я помню из рассказов отца. Насколько мне известно, икона, вынесенная Оренбургским Казачьим Войском, была оригинальной

Чудотворной Табынской Богоматерью и была без ризы. Она была в тяжелом деревянном киоте на носилках, которые несли две лошади. В горах на китайской границе при подъеме на последний перевал лошади и люди выбивались из сил, мой отец болел тифом и едва сидел в седле. С ним был его двоюродный брат, Иосиф Михайлович Скобелкин. К полудню отец потерял сознание, его положили в снег и оставили. Ночью он пришел в себя и начал короткими переходами подниматься к перевалу. Несло метель, высокогорная местность абсолютно голая, укрыться было негде. Часов в десять вечера на одном из крутых подъемов он наткнулся на оставленную икону. Он сел у иконы за ветром, и ему было хорошо. Около полуночи он услышал голоса. Оказалось, что отряд к вечеру вышел на последний перевал, где решено было заночевать. Атаман вызвал добровольцев вернуться назад и вынести икону и по пути попытаться найти моего отца и похоронить. Таким образом был спасен мой отец. Это было чудо, что ночью в метель нашел икону, и она прикрыла его от непогоды!

Икона оставалась в Кульдже в церкви. До конца пятидесятых годов в церкви служил священник Кочановский. После его смерти его сын при выезде в Австралию в 1961 году передал икону на хранение оренбургскому казаку Федору Кузмину. Мой отец переписывался с Кузминым, пытаясь организовать вывоз иконы в Австралию. Китайские власти не давали разрешения до 1965 года. А там потерялся контакт с Кузминым. Кузмин был женат на местной китаянке, и у него были дети. Теперь с возможностью поездок в Китай можно попытаться найти кого-либо из детей Кузмина.

Я очень заинтересован этим делом и буду пробовать найти детей Кузмина.

Остаюсь с уважением, Павел Скобелкин.

20 мая 2001 г. Звездные горы, Папуа—Новая Гвинея».

Людам, в течение многих лет ищущим архив Оренбургского казачьего войска, ранее цитированное мной письмо А. И. Дутова генералу А. С. Бакичу дало основание полагать, что архив не пересек границу Китая: или он достался красным и до сих пор «прячется» в спецхранах, или погиб, если не был спрятан в горах, во время перехода через ледовый перевал Карасарык. Письмо Павла Николаевича Скобелкина из Новой Гвинеи опровергает это: несмотря на чрезвычайные трудности, по крайней мере, часть архива была перенесена через границу и погибла уже в 90-е годы в США, как это часто бывает, уничтожена беспомысленными потомками, при самых нелепых бытовых обстоятельствах.

7 января 2001 года, когда весь православный мир отмечал 2000 лет со дня Рождества Христова, на месте первого явления Табынской Иконы Божией Матери собралось множество людей из разных областей Поволжья и Урала. После краткого праздничного молебна на Святом соляном источнике неожиданно заиграл духовой оркестр, и под звуки марша строевым шагом прошли воспитанники Уфимского кадетского училища. Затем многие паломники искупались в Святом соляном источнике. Под звуки духового оркестра народное гуляние продолжалось еще несколько часов. Сотни паломников, несмотря на сильный мороз, собрались на Святых ключах и 19 января — в день Крещения Господня. И в этот день, невзирая на мороз, люди купались в Святом ключе. То и дело раздавались возгласы: «Мать Божия солью лечит раны, а святой водой наши души». И хотя температура воды была не выше 10 градусов, никто из купающихся не замерз, наоборот, казалось, что после купания стало еще теплее: тело горит, а душа устремляется горе!

А в старинном селе Табынске вновь зазвучал колокол. Если вы помните, храм был закрыт в 1929 году. Но на Пасху тогда колокол все равно зазвонил: молодые парни-смельчаки по водосточной трубе забрались на колокольню и звонили всю пасхальную неделю. Звон был услышан в Красноусольске, и оттуда прибыл отряд милиции. Долго стреляли в небо, требовали прекратить звон, но, ничего не добившись, уехали обратно, в людей стрелять не решились. Но после пасхальной седмицы все участники звона были арестованы, а 80-пудовый колокол, гордость храма, привезенный в свое время из Киева и голос которого был слышен за 30 километров, был сброшен с колокольни, перед тем у него был вырезан язык. И вот теперь усердием прихожан и благотворителей новый колокол, копия прежнего, отлитый в Каменск-Уральске все тем же замечательным мастером Николаем Геннадьевичем Пятковым, 15 января, накануне Крещения Господня, был поднят на колокольню, а 19 января его голос услышала вся округа. Услышала ли ее в далеком далеке Табынская икона Божией Матери, убедилась ли, что ждут ее? Если, конечно, колокол был поднят нами не для самоутверждения...

В № 5 журнала «Наш современник» за 1999 год я наткнулся на поразившие меня прежде всего своей не наигранной русскостью стихи автора с совсем не русскими именем и фамилией и лицом на фотографии: Диана Кан.

...Пусть кажется кому-то экзотичной,
Как в зимний день июньская гроза,
Моя великорусская привычка
Прищуривать нерусские глаза.

Вдали от многолюдных перекрестков
Постигла я на стылых сквозняках
Кровавый привкус русского вопроса
На опаленных временем губах...

Перевернув страницу, я вздрогнул:

Табынская Икона Божьей Матери,
дожди хлестали твой пресветлый Лик...
Вилась дорога поминальной скатертью,
вела за ледяной Карасарык.

Рубцом легла передовая линия
Последней бранной воле вопреки,
где, как лампы яицкие синие,
китайские сияют ледники...

...Ужель забыл про атамана Дутова
высотками застроенный Форштадт?
Яицкий ветер не окреп покудова,
и корни русские во льдах азийских спят.

Прощаю вам, дома многоэтажные,
за то, что, вырастая без корней,
вы вознеслись, надменные и важные,
над стороной растоптанной моей.

Средь суеты станичной вдруг почувдится:
не помнящий ни дедов, ни отцов,
сидит малец на лавочке и шуритя
на цепь чужих заснеженных венцов.

Но если приглядеться вдаль внимательно,
сверкнет во мгле мерцающий ледник —
Табынская икона Божьей Матери!
То светит Твой неугасимый Лик.

В редакции «Нашего современника» я попросил адрес Дианы Кан. Через какое-то время я получил по почте книжицу, в предисловии к которой прочел: «Мои стихи — довольно причудливый сплав полярного — Православия и Мусульманства, Востока и Запада... Так и никак иначе сложилась судьба. Родилась я и выросла в православной семье — в Средней Азии... В мою бытность военный город Термез, где служил мой отец, кадровый офицер, был южным форпостом Советского Союза на границе с Афганистаном. Однако и переехав на родину моей матери в Оренбург, я снова очутилась на границе. После развала СССР Оренбург из обычного города российской глубинки фактически стал пограничным городом... Граница Азии и Европы прошла не только по моей судьбе, но и по душе моей, ведь мой отец — этнический кореец, а мать — потомственная яицкая казачка. Я счастлива, что воспитана на незабываемых традициях великой русской культуры, что думаю и пишу на великом русском языке».

А вот отрывок из сопроводительного письма: «Случайно в начале 90-х годов уже прошлого века, работая в газете «Оренбургская неделя», я познакомилась с ныне, увы, покойным преподавателем Оренбургского пединститута Вячеславом Войновым. Он занимался Дутовым как историк и как-то показал мне домик, где одно время жил Дутов, домик, который местные власти решили снести. Я писала в газете материал, что нельзя ни в коем случае этого делать, пусть дом и не шибко казист, но он часть нашего исторического прошлого. Как водится, материал остался гласом вопиющего в пустыне. Мне было обидно, словно снесли дом моего деда...

Что касается меня, расскажу Вам забавную, хотя и немного грустную историю, случившуюся несколько лет назад. Приезжаю я как-то домой, и мне моя ныне

покойная бабушка по материнской линии, Струкова (в девичестве Ванькова) Анастасия Михайловна строго выговаривает: «Это что ты там про деда Андрюшу написала в стихах, что он казак?» А надо сказать, что бабе Насте на то время было уже 95 лет (дожила она до 97), всю-то жизнь с 17 годков прожила с дедом Андрюшей. Воспитали они и вывели в люди пятерых детей, а схоронила она деда Андрея 15 годами раньше. Доселе бабушка как-то не интересовалась моей литературной деятельностью. А тут такое!.. Я несколько подрастерялась, говорю: «Ну а кто же дед Андрей, бабуль? Он ведь сам говорил, что казак!»— «Э, нет! — говорит бабушка. — Он только наполовину казак, а я вот — чистокровная казачка!» Аж выпрямилась, и глаза заблестели. Нет, Вы только себе представьте! Старушке под 100 лет, а тут этакие сословные страсти в отдельно взятой семье! И ведь жили они с дедом душа в душу, ни разу голоса друг на друга не повысили (по моей детской памяти, во всяком случае), а поди ж ты. Могу теперь себе представить, каким ударом было для бабы Насти замужество моей мамы, ее дочери, вышедшей замуж за моего отца-корейца, только закончившего военное училище. Хотя никогда баба Настя не делала разницы, внешне, во всяком случае, между своими чисто славянскими внуками и нами, наполовину корейчатами, что, впрочем, не мешало ей порой ворчать на нас за наши проказы, называя нас «аллаярами». Но было это как-то по-доброму, тем паче ухаживала она и заботилась о своих внуках беззаветно, хотя никогда не баловала и не ласкала нас, не принято это было у нее...

Касаемо того, как написано стихотворение об иконе и Дутове... Скорее, оно записано. Да и возможно ли написать стихотворение, если оно не выдохнется из тебя само?! Уже живя в Самарской области, тяжко переживая разлуку с родиной (на этот раз с оренбургской), я вдруг

неожиданно для самой себя написала это стихотворение. Правду говорят, уезжать — это немного умирать. В свое время, расставшись, как теперь уже ясно, навсегда, ибо на территории моей азиатской Родины ныне уютно расположились американские военные базы (подумать только в моем родном Термезе — американцы!), я так тосковала в Оренбурге по Термезу, что неожиданно для самой себя стала складывать строчки в рифму. Думаю, если бы я не уехала в свое время из Средней Азии, навряд ли вообще стала писать стихи, мне просто надо было чем-то заполнить ту, образовавшуюся после потери Родины, пустоту... Что касается иконы. Моя покойная бабушка постоянно говорила о ней, только называла почему-то Бынской... А ЧУДА между тем хочется. Россия давно выстрадала и заслужила ЧУДО ВОСКРЕСЕНИЯ. Кабы вернулась бы утраченная святыня в Россию, глядишь, и дело бы на лад пошло...»

И, возвращаясь к прежнему: акафист Божией Матери в честь Ея Табынской иконы написан в 1948 году — после лучезарного сияния над списком Чудотворной иконы во время Крестного хода — иеромонахом Иоанном (Снычевым), будущим Святителем Иоанном, митрополитом Санкт-Петербургским и Ладужским. После ареста митрополита Мануила акафист благословил митрополит Нестор (Анисимов), собственноручно написав на нем: «Благословляю».

Но правящий тогда патриарх Алексей I не утвердил акафист для служебного употребления. Автору через архиерея был задан вопрос: «Почему вы написали: «... всего мира Надеждо и Утешение»? Не слишком ли? На что замахнулись: всего мира... Табынская относится к местным иконам...» На что будущий Святитель, тихий и послушный — ниже травы, тише воды, — иеромонах Иоанн, ничего не объясняя, неожиданно твердо ответил:

«Так надо!» И позже, когда ему задавали этот вопрос, он неизменно, упорно отказываясь что-нибудь менять в акрифисте, отвечал: «Так надо!»

«Так надо!» Что за загадочный смысл крылся и кроется за этими словами? Неужели он уже тогда, будучи молодым иеромонахом, видел великое будущее предназначение Табынской иконы Божией Матери? Помните, в госпитале Богоматерь сказала врачам: «А его вы мне отпустите...» Не иначе, как это Ее решение: «Так надо!» Как и — не иначе, что слово Святителя Иоанна — это Ее Слово! Разве не поразительно, разве это не Голос свыше, иначе чем объяснить этот удивительный факт: разве это не явление в Слове Табынской иконы Божией Матери — этот скорбно-торжественный язык, этот высокий, но в то же время понятный каждому слог, которым, честно скажем, не обладал ни один из современных ему больших русских писателей — и это горный слог вдруг проснулся в человеке, который в юности вынужден был оставить — из-за неуспеваемости по русскому языку! — не филологический факультет университета, а индустриальный техникум, где, как понимаете, требования к русскому языку были на самом последнем месте.

И, может, сама Матерь Божия через владыку Иоанна, бесстрашного глашатая Русской Православной Церкви, обращалась к нам:

«Россия во мгле. В хаосе лжи и смуты она бредет, истощая последние силы, сама не зная куда, — лишенная веры и здоровой исторической памяти, преданная вождями, оболганная клеветниками, окруженная хищной толпой претендентов на ее грандиозное многовековое наследие...»

Россия ждет нашей помощи. Ждет, что ей укажут путь, на котором она обретет покой и мир, достойную жизнь и великую цель. С каждым шагом по мрачному

бездорожью тают жизненные силы Руси. Каждое движение в направлении истинном, благотворном — обновляет ее волю и державную мощь.

Найдется ли проводник?»

Найдется ли проводник? Вот он, главный вопрос сегодняшнего дня сегодняшней России? Тем более что этим вопросом не менее нас, а может, и более, озабочены враги наши: потому как от этого зависит, сумеют ли они удержать власть над поверженной Россией.

Духовный проводник, святитель Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский, убран с дороги. Он не был сослан в ссылку, как святитель Иов, не был замучен, как святитель Тихон, но тоже был убит, правда, иным, вполне «цивилизованным» способом, к которому невозможно придаться, так как владыка вроде бы умер естественной смертью. Будучи некрепкого здоровья, как архиерей, долженствующий быть по протоколу на официальной церемонии, схватил скоротечную горячку в многочасовом ожидании на студеном ветру питерского мэра-вора господина Собчака, пролезшего во власть, покорив россиян своим сногшибательно демократическим, в клеточку, пиджаком (как легко обдурить потерявший ориентиры, но по-прежнему доверчивый и наивный русский народ: если не в кепочке, то в клетчатом пиджаке, как не у номенклатурных партийных чиновников, значит, свой в доску). Может, и за «цивилизованное» убийство святителя Иоанна власть причислила Собчака к сонму демократических святых, день его памяти превратили в общенациональное мероприятие, транслируемое по всем телеканалам, как раньше транслировали, наверное, только торжественные заседания по случаю годовщины В. И. Ленина.

Что так пугало во владыке Иоанне тогда, да и ныне, власти предержавшие? И не только в Кремле, но и некоторых иерархов Церкви.

При святителе Иоанне было бы невозможно сокрытие коренной лжи, царящей во время так называемой перестройки в России. Он во всеуслышание говорил о главной неправде, которая настойчиво насаждалась в обществе и нераскрытие которой многих не без основания заставляло думать о постепенно укореняющейся после смерти святителя Иоанна новой ереси жидовствующих.

В ряде статей, посвященных трагедии нынешней России, митрополит Иоанн в 1994 году вдруг пишет статью вроде бы чисто археографическую: «Преподобный Иосиф Волоцкий в судьбах России», имеющую отношение к истории Церкви и Российского государства аж XV века, но события той средневековой давности, оказывается, прямо пересекаются с нынешним днем, более того, вопросы, затронутые в ней, ныне так же судьбоносны для России.

Но сначала была статья «Творцы катаклизмов»: «...обвинения в «антисемитизме», «мракобесии» и «черносотенстве» стали почему-то уделом каждого, кто пытается с христианских позиций разобраться в сложных и болезненных вопросах межнациональных и межконфессиональных отношений. На них не стоило бы обращать никакого внимания, если бы таким образом не блокировалось широкое, свободное и гласное обсуждение проблем, имеющих для русской жизни принципиальное, судьбоносное значение. Лишь поняв это, мы сумеем найти приемлемую, конструктивную форму дискуссии и сделать ее результативной и плодотворной, безусловно отвергнув порочную практику навешивания на оппонентов разного рода ярлыков.

Это тем более необходимо, что в пылу полемики зачастую совершенно теряется изначальный смысл понятий. Так, например, произошло с названием «черносотенец». Те, кто употребляют его в качестве бранной

клички, очевидно, и не подозревают, что оно имеет многовековую и весьма достойную историю...

Понятно, что столкновение противоречивых, порой взаимоисключающих религиозных вероучений, содержащих «разноименный» духовный заряд, не могло обойтись без потрясений... Но ни одно из подобных столкновений ни по ожесточенности борьбы, ни по масштабам, ни по своим последствиям не может сравниться с религиозной войной, вот уже тысячелетия упорно и непрерывно ведущейся иудаизмом против Церкви Христовой... Необходимо осознать, что суть проблемы заключается в непримиримом противоречии двух религиозных мировоззрений, соответственно определяющих идеалы народного бытия, нравственные нормы и понимание смысла жизни. Противостояние это обостряется тем, что в самосознании обоих народов чрезвычайно сильны идеи избранничества, мессианства, особого служения. Здесь мы, пожалуй, приближаемся к пониманию главной причины многих катаклизмов, потрясавших русскую жизнь на протяжении веков. Православное понимание своего избранничества есть понимание обязанности служить ближнему своему. Избранничество же иудея есть избранничество на господство над окружающими людьми...»

А это уже из статьи «Преподобный Иосиф Волоцкий в судьбах России»: «Христианство есть свидетельство о милосердии Божиим, даровавшем всем людям возможность спасения и ценой добровольной жертвы, принесенной Господом Иисусом Христом, вочеловечившимся Богом, ради искупления всех грехов мира. Иудаизм есть утверждение исключительного права иудеев, гарантированного им самим фактом рождения, на господствующее положение не только в человеческом мире, но и во всей Вселенной... Вся тяжесть ненависти народа-богоубийцы закономерно и неизбежно сосредото-

точилась на народе-богоносце, сделавшем задачу сохранения веры смыслом своего бытия...»

Святитель Иоанн совсем не случайно коснулся истории несколько вековой давности. Он давал знать, что ныне над Россией нависла та же, далеко не каждому видимая опасность: «Краткий рассказ не позволяет передать всего драматизма этой истории. Но можно с уверенностью сказать, что в течение тридцати четырех лет с момента рождения ереси и до ее разгрома в 1504 году дальнейшая судьба России и само ее существование находились под вопросом. Дело в том, что ересь жидовствующих не была «обычной» ересью. Она больше напоминала идеологию государственного разрушения, заговора, имеющего целью изменить само мироощущение русского народа и формы его общественного бытия... «Странности» ереси проявлялись с самого начала. Ее приверженцы вовсе не заботились о распространении нового учения в народе, что было бы естественно для людей, искренне верящих в свою правоту. Отнюдь нет — еретики тщательно выбирали кандидатуры для вербовки в среде высшего духовенства и административных структур. Организация еретического общества сохранялась в тайне, хотя Россия никогда не знала религиозных карательных органов типа католической инквизиции. И что самое странное, приверженцам ереси предписывалось «держат жидовство тайно, явно же христианство». Именно показное благочестие стало причиной возвышения многих из них.

Таким образом, внешняя деятельность еретиков была направлена на внедрение в аппарат властей — светской и духовной, имея конечной целью контроль над их действиями и решающее влияние на них. Проще сказать, целью еретиков в области политической являлся захват власти. И они едва не преуспели в этом...»

Вот и сегодня: если при патриархе Тихоне одной из истинных причин сначала Февральской революции,

а потом Октябрьского переворота была попытка полного уничтожения общения человека с Богом, то теперь, убедившись, что эта попытка при огромных успехах все-таки закончилась провалом, был выбран путь подмены: внешне помогать Церкви, разлагая ее, в том числе подачками, изнутри. Разве не симптоматично, что святителя Иоанна на Санкт-Петербургской кафедре сменил митрополит Владимир (Котляров), экуменист и обновленец новейшего времени, который начал свою архиерейскую деятельность в некогда стольном граде вполне большевистским приказом: «Книги митрополита Иоанна следует из обращения изъять!» Вспомним, как обвинившие владыку Иоанна в увлечении политической властью настойчиво призывали свою паству, да что там призывали — приказывали ей — где уж тут даже поднаторевшим в этом деле коммунистам было угнаться — голосовать за Ельцина.

Чем еще был неуютен или опасен владыка Иоанн? При нем возродилась общественная активность православных мирян, они стали не просто овцами в стаде, которым все равно, куда их гонит пастух. При его непосредственном содействии было создано несколько православных братств (увы, ныне задавленных), издательств, газет, потому что он видел, что без сколь-нибудь влиятельного православно-патриотического движения невозможны истинное воцерковление народа и его гражданская активность. Он видел, что факты обновленческой ереси, либерально-экуменического перерождения части духовенства и коррупции в среде церковного священноначалия в значительной мере являются следствиями отсутствия в современной России влиятельного православно-патриотического движения. И вокруг него стало формироваться такое движение, что напугало не только сильных мира сего, но и многих иерархов Церкви. Через два года после пре-

ставления владыки один из его верных и бесстрашных учеников Константин Душенов назвал причины нынешнего состояния Церкви: «Во-первых, противодействие церковного священноначалия любым попыткам православных мирян объединяться в дееспособную и прочную общественно-политическую организацию. Прежде всего, руководство РПЦ вполне обоснованно опасается излишней политизации такого движения. Опыт показывает, что к руководству в таких организациях, как правило, приходят люди весьма радикально настроенные. Учитывая нынешнее засилие русофобов и инородцев во властных структурах России, это вполне объяснимо и понятно, но совершенно неприемлемо для иерархов, волей обстоятельств поставленных перед необходимостью сохранять с антинациональным кланом в российском руководстве «рабочие» отношения.

Кроме того, целый ряд архиереев, как в Москве, так и в провинции, весьма удобно вписался в нынешнюю ситуацию, резко повысив свой личный уровень благосостояния. Эти люди, будучи вполне довольны своим нынешним положением, вовсе не желают участвовать в какой бы то ни было деятельности, грозящей подорвать основы существующего политического режима...

Далее. Сегодня священноначалие РПЦ имеет практически монопольное право говорить от имени миллионов верующих в России и представлять их интересы перед государственной властью. Если же в стране сформируется достаточно мощная организация православных мирян, такая монополия будет нарушена, что приведет к существенному падению личного влияния высших церковных иерархов в кремлевских кабинетах...

И, наконец: нынешнее руководство РПЦ практически полностью состоит из выдвиненцев митрополита Никодима (Ротова), пришедших к власти в 60—70-х годах в результате своего рода «обновленческой револю-

ции», совершенной владыкой Никодимом при помощи и поддержке «компетентных органов» СССР. Для этих иерархов характерно тяготение к либеральным «ценностям», приверженность к экуменизму, восприятие попыток защиты полноты святоотеческого православия как «фанатизма» и пренебрежительное отношение к массе «темных и отсталых» прихожан».

«Найдется ли Проводник?..» — вопрошал в «Плаче по Руси великой», предвидя свой скорый уход из мира сего, владыка Иоанн. Он имел в виду не только духовных вождей, каковым был сам, но и, прежде всего, государственных, способных вместе с духовными проводниками вывести Россию из трясины, в которую ее специально завели? И приходится полностью согласиться с утверждением Константина Душенова: «Следует смотреть печальной правде в глаза: в стране сегодня просто-напросто нет православных политиков».

Мне кто-нибудь возразит: а президент В. В. Путин, впервые из политиков не побоявшийся открыто перекреститься перед образами?!

Я был участником VI Всемирного Русского Народного Собора. Начался он с того, что президент Российской Федерации В. В. Путин, видимо, из великого уважения к великому русскому народу или просто по-свойски, как русский, опоздал, чуть ли не на час. Допускаю: неотложные государственные дела, но в таких случаях, если ты сколько-нибудь уважаешь представителей родного народа, к тому же съехавшихся со всего мира, принято хотя бы извиниться. Ну да не в этом дело; президент начал с того, что, не моргнув, объявил: в России в полной гармонии и согласии ныне окормляют народ четыре традиционные религии: православие, ислам, иудаизм и буддизм, хотя раньше почему-то считалось, что традиционными для России являются православие,

ислам и буддизм, и не только потому, что, по официальным данным, евреев в России меньше 1%, а верующих иудеев среди них еще меньше, но и потому, что считалось не требующим доказательства фактом, что с приходом в мир Христа Спасителя избранность иудейства исчерпала себя и что с того времени иудаизм стал скорее не религией, а расовой теорией, и «Майн кампф» Гитлера, которую сейчас в согласии с законом об экстремизме в «демократической» стране пытаются запретить (тогда нужно запретить и Ленина, потому что если один призывал уничтожать народ по расовым признакам, то второй по социальным), только жалкая калька с иудейской Торы, полный текст которой специально не переводится на другие языки, чтобы гои, то есть мы с вами, не узнали ее истинной сути. Да, большинство религий считают истинными только себя, но на планете существует и стремится к господству единственная религия, которая не просто считает иные религии ложными, но провозглашает только своих приверженцев людьми, а остальные народы подобны скоту. Ну, президент может всего не знать, какую бумажку ему подсунули, ту и прочитал, но до него Святейший, а после него митрополит Кирилл слово в слово повторили то же самое, и многие иерархи им аплодировали, зная, что это не просто заведомая, но и коренная ложь. И это по прошествии всего нескольких лет после преставления святителя Иоанна! И сидящий в президиуме Всемирного Русского Народного Собора главный раввин России Шаевич тоже говорил о гармонии православия и иудаизма, хотя в еврейских школах (ешивах), финансируемых в России из общегосударственного и региональных бюджетов, согласно иудейскому кодексу поведения «Шулхан Арух», учат совсем иному. Даже в смягченном его варианте, в книге «Кицур Шулхан Марух», изданной в 2001 году в Москве Конгрессом еврейских религиозных организаций и объеди-

нений в России (КЕРООР) и рекомендуемой для ешив, констатируется, что «фигура из двух пересекающихся палок, которой поклоняются, запрещена к использованию» (это — о Святом Кресте!). Этой же книгой предписывается при виде «идолопоклонного дома» (храма) проносить проклятие: «Дом гордых выкорчует Б-г!», а при виде разрушенного «идолопоклонного дома»: «Б-г возмездие проявил!», а также рекомендуются насмешки по отношению к нееврейской религии, как и рекомендуется «приравнивать не еврея к экскрементам» и т. д. И господину Шаевичу тоже аплодируют, зная, что это заведомая ложь. Кому выгодна эта взаимная заведомая ложь?

И если иерархи Русской Православной Церкви играют в жмурки с умеренным и законно избранным раввином Шаевичем, то «православный» президент В. В. Путин почему-то ориентируется на крайне радикальное и агрессивное хасидское крыло, не столь давно устроившее погром в Российской национальной библиотеке, возглавляемое самозванным и даже не являющимся гражданином России Берл Лазаром. Перед ним, скрипя зубами, вынуждены расстилать ковры главы регионов. «Православный» президент России празднует Хануку в хасидском Еврейском общественном центре и участвует в иудейском ритуале, зажигая в синагоге ханукальную свечу вместе с раввином Лазаром. Там президенту подарили менору. Благодаря за подарок, он сказал, что «свет и добро, которое будет излучать ханукальная менора, будут освещать и Кремль».

Кто вы, господин президент? Осознаете ли вы долю ответственности, которая лежит на ваших плечах? Слышали ли вы о словах великого Столыпина, сказанных в Государственной Думе: «...для лиц, стоящих у власти, нет, господа, греха большего, чем малодушное отклонение от ответственности». Правда, после этого П. А. Столыпина убили.

Или на вас лежит ответственность совсем другого рода, о которой рядовые россияне не должны даже подозревать? Для меня было знаковым, что вы не поехали на открытие памятника П. А. Столыпину в день 140-летия со дня его рождения, а именно он должен быть примером истинному православному вождю России в столь трудное и ответственное время, зато вы нашли время лично вручить диплом народного артиста России балаганному и пошлому шуту Жванецкому. У меня лично к вам уже давно нет никаких вопросов, кроме, может, одного, который мучает, наверное, не только меня: что вы испытываете, осеняя себя крестом в православном храме, задумываетесь ли над тем, что это налагает на вас груз великой нравственной ответственности? Вы не задумывались над тем, что миллионы людей, и не обязательно православных, потянулись к вам только потому, что впервые увидели главу государства, который всенародно осеняет себя крестом в храме? Или это всего лишь деталь гениально продуманного имиджа, вроде кепочки и пиджака в клеточку, для простоватых и доверчивых россиян? Но тогда нужно быть или отпетым циником, или иметь огромное мужество, что в данном случае одно и то же, ведь Бог все видит. Или настоящему чеккисту, выполняющему ответственное задание, ничего не страшно? Где вы искренны: крестящийся в православном храме или стоящий в синагоге с ханукальной свечой и утверждающий, что «свет и добро, которое будет излучать менора, будут освещать и Кремль»?

Да, народ уже не обмануть, как десять лет назад, номенклатурными свечками. Но в то же время, если вы лукавите, то стоящий с номенклатурной свечой Ельцин менее безнравствен, потому как стоять со свечкой и осенять себя крестом, служа иным богам, далеко не одно и то же. Да, конечно, вы повязаны по рукам и ногам. Да, олигархи, поставившие вас к рулю, просчитали

все до мелочей, чтобы вы не вывернулись случаем, не заиграли с друзьями-чекистами в свою игру. Только зря они беспокоятся, а может, и не беспокоятся, потому как лучше меня знают, что, увы, любое Охранное отделение в истории России, как бы оно ни называлось, никогда о державе не думало, оно всегда, как цепной пес, служило власти, режиму, но сразу же разбегалось по подворотням, как бы растворялось в воздухе, как только режим начинал качаться. Недавно я спросил одного симпатичного парня, молодого офицера ФСБ: «Куда же, вы, ребята, смотрите?» А он в ответ: «А мы все знаем, ждем, когда нам скажут «фас». Они ныне вроде второго статуправления или как бабки на скамейке у подъезда: все знают, но бессильны что-либо предпринять. Они ждали «фас» в 1917-м. Дождались, когда их стали стрелять на помойках. Всесильный КГБ во главе с Крючковым ждал «фас» в 91-м неизвестно от кого, от Горбачева, что ли, а потом, профукав страну, чекисты-патриоты стали устраиваться киллерами и охранниками к бандитам. И сейчас: они патриоты, но только ждут, когда им скажут «фас». «Фас» им скажут, только не олигархов, растащивших страну, шерстить, а натравят на истинных патриотов России, назвав их, к примеру, антисемитами или экстремистами, для того и закон об экстремизме придумали, а чтобы его проташить в Думе, придумали разных там скинхедов, которых нет и в помине. Конечно, нельзя было больше терпеть впавшего в маразм Ельцина, нужно было, чтобы избежать неминуемого социального взрыва, срочно что-то менять, хотя бы перекрасить фасад. И нашли в меру молодого, в меру симпатичного и обаятельного чекиста-патриота. Он катается на лыжах, летает на истребителе, в гостях за рубежом не мочится под трапами самолетов, не путает Финляндию со Швецией, он вернул оскорбленным пенсионерам Государственный гимн, чуть ли не ежемесячно повы-

шает им пенсии (которые тут же пожирает инфляция). Все это в общем-то понятно, и не было к вам, господин президент, особых вопросов, если бы, повторяю, вы не осеняли себя православным крестом.

Кто вы, Владимир Владимирович? СМИ постоянно твердят о Вашем высоком рейтинге. Русский народ — он ведь доверчив, как ребенок. Да, еще многие Вам верят, а точнее: хотят Вам верить. Потому что боятся, что после Вас придет Чубайс. А по мне так лучше Чубайс. Пусть официально рулит тот, кто на самом деле рулит, чтобы потом знать, с кого спрашивать. Если вы действительно православный человек, неужели вы убьете в миллионах русских и нерусских последнюю надежду? Почему ваши слова, как у Горбачева, все чаще и чаще расходятся с делом? Вы пропагандируете здоровый образ жизни, призываете бороться с преступностью, с коррупцией, с наркоманией, но какой смысл борьбы с наркоманией и преступностью, если по-прежнему злободневно сказанное владыкой Иоанном десять лет назад: «Средства массовой информации с маниакальным усердием продолжают разрушать традиционный русский семейный уклад, пропагандируя в среде молодежи культ насилия и богатства, бесстыдства и прожигания жизни! Если это будет продолжаться и дальше — мы погибнем как народ безо всяких завоеваний и войн, захлебнувшись в собственных нечистотах!.. Русские земли опустошены, как после вражеского нашествия. Города наши, ставшие рассадниками растреления физического и нравственного, горят в смрадном пламени порока. Чужие голоса поучают нас по радио. Чужие лица врываются в наши дома с экранов телевизоров. Во что нас надо бить еще, чтобы мы, наконец, осознали губительное свое положение? Чтобы мы обратили взоры свои на небо, к Тому, Кто сказал: «Призови меня в день скорби твоей, избавлю тебя...» Неужели вы, православный президент, не в силах покончить с этим?

Почему по этому вопросу упорно молчит Святейший? Не дело церкви вмешиваться в политику? Но это не политика, а нравственное уничтожение народа.

Почему миллионы русских из так называемого ближнего зарубежья бесполезно бьются, словно рыба о лед, чтобы приобрести российское гражданство? Почему крестьяне областей и губерний, окружающих Москву, не могут продать свою сельскохозяйственную продукцию в Москве? Почему сотни тысяч чудом оставшихся в живых русских, до того проживающих в Чечне, обречены быть бомжами? Да, вам не по зубам Чубайс, но неужели не в вашей власти убрать из Министерства культуры и с телеэкранов г. Швондера-Швыдкого? Мне говорят, что из министров его убрали. Но не спрятали ли хитро за спиной г. Соколова, как хитро спрятали за спиной Зурабова не менее «легендарного», чем Швыдкой, Починка? Вы остались глухи к требованиям многих видных деятелей культуры, в том числе даже леволиберального толка, потому что он компрометирует их, если до вас не доходят их коллективные письма, то неужели вы не читаете газет, неужели вы не понимаете, что это национальный позор России? Почему Совет Федерации превращен в элитный дом отдыха для воров в законе и вне закона? О средствах массовой информации, которые превращены в средства массового уничтожения, я уже не говорю. Придя к власти, вы торопливо, чтобы успокоить олигархов, объявили, что никакой деприватизации не будет, потому как это может грозить гражданской войной. Вы что, это всерьез: какая гражданская война, если у сотни жуликов отберут награбленное? Хорошо, если Вы пытаетесь выиграть время. Сейчас, правда, вы уже говорите о необходимости национализации некоторых жизненно важных для страны предприятий, но... с условием выкупа по рыночной стоимости! Сначала наворовали у государства,

у народа, а теперь народ наворованное должен обратно выкупать? Ничего не скажешь, хорошо устроились. А кто будет определять эту рыночную стоимость, когда при национализации в принципе не может быть рынка, так как один покупатель? Я мог бы задать вам сотни подобных вопросов, которые одновременно являются и ответами. Конечно, в нищей разворованной стране трудно говорить о национальной идее. Ельцин свел ее к 55 сортам колбасы, которые он увидел в Японии. Но тем не менее: производство конкурентоспособных товаров, что вы назвали национальной идеей России, — это не национальная идея даже доведенной до банкротства Ивановской трикотажной фабрики.

Кто правит страной? Если вы, то почему ваши министры, впрочем и святейший, выстраиваются по ранжиру — даже официальный распорядитель на этот случай есть, чтобы не толпились в прихожей, — в подбострастную очередь, чтобы поздравить с днем рождения даже не Ельцина, а Наину Иосифовну? Что касается самого Ельцина, то прекрасно понимающий, что он сотворил со страной, единственно потому, чтобы напакостить Горбачеву, опешил от удивления, когда вы наградили его орденом, кажется «За заслуги перед Отечеством». Как после этого людям честным получать этот орден? Многие из нас, в отличие от И. В. Сталина, а он разбирался в литературе не в пример даже многим литературоведам и литературным критикам, как-то всерьез не относились к творчеству Ильфа и Петрова, тем более не относили их произведения к пророческой литературе, а оказалось это — чуть ли не «Мертвые души» конца XX века. В по-своему провидческом романе «Золотой теленок» Ильф и Петров вывели образ Остапа Бендера — предтечи Березовских, Гусинских, Ходорковских и всех прочих нынешних олигархов, вчерашних наперсточников и лаборантов, в результа-

те «великой криминальной революции» оказавшихся у руля великого государства. Но в книжке этой есть и образ зиц-председателя. Все больше складывается впечатление, что вы, Владимир Владимирович, исполняете роль зиц-президента, за спиной которого другие правят страной. Неужели для вас не оскорбительна эта роль? Вспомните, чем он кончил...

Если вы действительно православный человек, вслушайтесь в слова святителя Иоанна (хотя в святых у вас, по всему, г. Собчак), они обращены и к вам: «Теперь я хочу спросить нынешних властителей России: неужели вам не известно, насколько опасно развиваются события, неужели непонятно, что бездействие сегодня равносильно предательству? Слышали ли вы когда-нибудь, что свою Родину, свой народ, свои вековые традиции и святыни предков — надо любить? Или в вашем сознании этот глагол применим только к креслам, которые вы занимаете? Доходит ли до ваших ушей зловещий шепот, раздающийся в народе: «Иуды! Россию продали...» Не зная обстоятельств и людей, не могу обвинять никого лично. Но не могу и молчать, ибо это тот случай, когда по слову Святых Отцов «молчанием предается Бог»...

Тем, кто сознательно содействует творимому злу, скажу так: да, вы опытни, изворотливы и хитры. Вы знаете, что всякий народ — это дитя. Русский же народ, сверх того — дитя доверчивое, доброе и простосердечное. Вы дурачите его сказками о «народовластии», мутите разум с помощью «средств массовой информации», вымогаете — ложью и лестью — на всяческих «выборах» и «референдумах» его согласие на собственную смерть, предлагая вновь и вновь оказывать вам доверие и одобрить вашу подлую, безнравственную политику уничтожения России. Вы — в который раз уже! — надеетесь обмануть всех и вся...

Молю вас — молю коленопреклоненно, усердно и искренне: одумайтесь! Все, в ком не заглох еще голос совести, кто еще способен сочувствовать Руси, скорбям русского народа: одумайтесь! Прекратите самоубийственные политические игрища! Мы превратили наших стариков — отцов и матерей наших, вынесших на себе неимоверную тягость русской истории последних десятилетий, — в голодных нищих побирушек грошовой пенсией, которой не хватает даже на то, чтобы их похоронить по-божески! Мы изуродовали души наших детей отравой потребительства и грязного разврата, растлили целое поколение молодежи, лишив их радости полноценной жизни, низведя до скотского уровня тупого, биологического прозябания! Мы промотали великое державное наследие, купленное безмерной ценой героизма и самоотверженности народа, миллионов и миллионов простых русских людей, павших в боях на бескрайних просторах многотрадальной России.

Какой же мерой цинизма и бесстыдства надо обладать, чтобы этот позор, это преступление, эту вселенскую трагедию называть «торжеством демократии», «движением по дороге прогресса и цивилизации»? Знайте: можно избежать человеческого суда, но Божий суд неотвратим и нелицеприятен. «Голос крови брата твоего вопиет ко Мне от земли!» (Быт. 4:10) — услышал Каин, пытавшийся скрыть от Всезрящего Бога преступление братоубийства. Многим из нас придется услышать подобное в свой судный час...

Кроме того, весьма печально то, что сегодня, когда решается судьба России, наши беззаботность и нерасторопность порой превосходят все мыслимые границы...»

Как и миллионы россиян, я все-таки, вопреки трезвому размышлению, может быть, наивно, но тоже надеюсь, что это все же не цинизм и бесстыдство, а безза-

ботность и нерасторопность, что, впрочем, сегодня не менее преступно...

Если вы действительно православный президент, скажите народу что-нибудь внятное, твердое, ясное, но не только насчет колбасы и конкурентоспособности товаров: «Да, трудно, да нам досталось страшное наследство. Но давайте всем миром, как в Великую Отечественную...» Как в свое время сказал святитель Иоанн: «Богатые и бедные, ученые и простецы, старцы и юноши, девы, младенцы — соединитесь все вместе и умоляйте милосердие Божие о помиловании и спасении России... Нас должна сплотить в первую очередь опасность всеобщей гибели, распада тысячелетней державной государственности России. Мы должны объединиться на основе наших духовных святынь, нравственных и гражданских ценностей, верности лучшим традициям русской истории и культуры... Основой такого объединения должна стать всесторонняя и целостная патриотическая идеология, призванная возродить в обществе чувство национального достоинства, очистить массовое сознание от наследия сословной и классовой вражды, государственного и религиозного нигилизма, бездуховности и безнравственности...» И встанут. Им не впервой, те же ребята из ФСБ, не все же там чекисты... Но для этого нужно великое мужество, П. А. Столыпин заплатил за него не только своей жизнью, но и жизнью своих близких...

Я начал свои записки оптимистическим рассказом о постройке храма в родной деревне Михайловке. Все правда в моем рассказе. Но все же это не вся правда. Да, на открытие храма собралось множество народа, в том числе башкир, татар, не протолкнуться... Но потом владыка Никон долго не назначал настоятеля храма, на мой вопрос вздыхал: кто поедет в нищий храм, где

к тому же и жилья-то нет?! Все заботы о храме были на Иване Григорьевиче. Наконец, к его радости, священник приехал, но вскоре замечен был сельчанами в пристрастии к Бахусу. Я не могу похвастаться, что мои земляки особо почитают сухой закон, скорее, наоборот, кое-кто и в канаве не раз валялся, видели они и пьющих секретарей райкомов и всяких там уполномоченных. Но священнику они, в большинстве своем давно уже безбожники, этого простить не могли. Я снова к владыке, а он мне в ответ: «А где я других-то возьму?!» Второго, монашествующего, мои, не самые верующие, но ортодоксальные по поводу других, земляки не приняли, потому что по причине отсутствия жилья он жил прямо в храме да еще с монашкой. А моя родная тетка, Наталья Алексеевна, в молодости забитая веч-но пьяным и хулиганствующим мужем, подростком бежавшим после раскулачивания из спецпоселения в Черемхове, всю жизнь тише воды, ниже травы, на мой вопрос, пойдет ли она в церковь, гордо выпрямившись, сурово бросила мне в глаза:

— Икон, в отличие от некоторых, я из переднего угла никогда не убирала. А Иван Григорьевич твой мастак нос по ветру держать. Немало погрешил на своем веку, теперь от грехов решил откупиться? Всю жизнь при райкоме, начальников-коммунистов возил, вроде кучера. С барского стола всегда хлеб с маслом имел. А теперь, видишь ли, главный верующий на деревне. Что ни неделя, в церкви новый поп. Нет, не зови, не пойду я туда. Я и дома Богу помолюсь...

Конечно, я не полагал наивно, что вот встанет храм в моей родной Михайловке — и все в ней изменится, но все же надеялся, что он будет деревне какой-то духовной опорой.

Но пути Господни неисповедимы. Высшая правда строится по другим законам, о которых мы можем

только смутно догадываться. Немного не доведя дело до конца (может, чтобы была возможность приложить руки и другим?), неожиданно умер Иван Григорьевич. Последнее время он, как бы чувствуя свой конец, तोропился и надорвался, ставя дом священника. Поехал с женой в лес за жердями, чтобы огородить церковный двор, и там его хватил инсульт. Это или не это послужило причиной, но потом мне говорили, что перед тем как ехать в лес, он очень расстроился после разговора с очередным настоятелем храма. Тот якобы стал корить Ивана Григорьевича, тратящего на церквушку всю свою пенсию, как старосту, за финансовые нарушения. Не знаю, был ли на самом деле этот неприятный разговор, но осиротела церковь. Не знаю, есть ли у нее сейчас настоятель, но ехал я мимо не столь давно, не чувствуется, что у нее есть хозяин.

Я позвонил Геннадию Николаевичу Юдину, который стал заместителем главы администрации района.

— Почти никто не ходит в церковь, — вздохнул он. — Только по праздникам. Опять новый священник, неплохой, из Уфы. Говорит, что надо было Ивана Григорьевича в церковной ограде похоронить. Но тогда в горе, в спешке никто не подсказал. Только не знаю, удержится ли этот, жить-то ему не на что, зарплаты у него нет, а приход — несколько старушек, которым за восемьдесят. А нынешние священники — не те, что были при советской власти, те могли впроголодь служить.

Свербит мысль: вроде бы строили храм для спасения души, вроде бы строили всем миром, а оказалось, один человек. Кого винить?

Пытаюсь понять: в кого, во что верит нынешняя Михайловка, как, впрочем, и вся Россия? В Зюганова она уже давно не верит. Явлинского она всерьез не воспринимает, к тому же подозревая, что он из тех. В Жириновском, в отличие от городского люмпен-пролетариата,

будучи крестьянским нутром мудрее его, видит хорошо оплачиваемого шута, Гайдара с Чубайсом она ненавидит. Верит ли она в нынешнего президента? Думаю, что даже менее меня. Михайловка угрюмо молчит, не говоря уже о том, что от нее почти уже ничего не осталось.

Она замкнулась в себе, оберегая себя, кажется, даже уже от церкви, опасаясь, что и там уже ложь. Поэтому как включишь телевизор, а там, что ни прохвост-политик, то непременно со свечкой в церкви, охмуряет электорат, при коммунистах такого наглого и циничного вранья не было. Те честно закрывали церкви, как вредоносные, а священников отправляли на Соловки, а то и вообще в расход пускали. А эти и ее норовят под себя приспособить.

Замкнулась в себе Михайловка, как замкнулись в себе тысячи последних погибающих русских деревень. Как-то мне попала статья о Гражданской войне некоего И. Карского, в которой была такая мысль: «...деревня не металась между красными и белыми, а словно замкнулась в себе, упрямо пытаюсь свести к минимуму пагубное вмешательство и тех и других». Это и о моей Михайловке. Не было в ней добровольцев ни в красные, ни в белые, те и другие забирали моих земляков по мобилизации, отлавливая по баням и оврагам, и те и другие расстреливали за дезертирство, потому как не хотели мои земляки воевать, потому что нужно было вовремя пахать-сеять. Но дело было не только в этом, своим глубинным крестьянским чутьем они знали, что правды-истины не было ни за теми, ни за другими. Идеализируемые ныне вожди Белого движения, как радетели за Россию, за редким исключением таковыми не были, потому они и не победили. В большинстве своем они были масонами, разрушителями России, в свое время поставившими ее на грань катастрофы и приведшими к гибели ее последнего православного императора.

О красных я уже не говорю, и еще неизвестно, кто более виноват в гибели царя-мученика.

Вспомним, что патриарх Тихон, проклявший большевиков, не благословил лидеров Белого движения. Один из членов депутации, князь Трубецкой, впоследствии вспоминал, что отказ святейшего поразил их точно громом. Потому что патриарх Тихон знал: ни к чему, кроме как к братоубийственной, специально запланированной на самоуничтожение русского народа, войне это не приведет. Потому что видел: в вождях Белого движения — политики и генералы, еще вчера предавшие Государя, вынудившие его отречься от престола: Корнилов, Алексеев... Это потом, когда уже было поздно, они несколько прозреют.

В советское время упорно навязывалась мысль, что целью Белого движения был возврат царского режима. Нет лжи более циничной, потому все было как раз наоборот: в царском вопросе вожди Белого движения были полностью солидарны со своими единоутробными врагами-братьями — большевиками. Не случайно, что народно-монархические или так называемые черносотенные организации, видя суть Белого движения, не примкнули к нему... Но предали Государя и Россию не только политики и генералы, я уж не говорю о так называемой русской интеллигенции, по сути дела подготовившей революцию, предали Государя даже члены династии. «Кругом трусость, измена и обман» — таковы последние слова в царском дневнике в ночь отречения. Не только предал, но и принял прямое вооруженное участие в свержении Государя лишенный престолонаследия великий князь Кирилл, потомки которого в ельцинскую эпоху вдруг вылезли из мышиного зарубежного подполья на российскую политическую арену. Враги России хорошо знают русский народ: когда закачался трон под «царем» Борисом, они, используя

генетическую тягу русского народа к монархии, на всякий случай стали готовить на российский престол «наследного принца» Георгия, правнука великого князя Кирилла. Вокруг «императрицы» Марии Владимировны и ее отпрыска, помогая откровенным врагам России, закрутились опереточное Дворянское собрание во главе с князем А. Голицыным и всережимный — по обстоятельствам — то красный, то белый Никита Михалков. Но, кроме великого князя Кирилла, предали и многие другие члены династии. Дядя Государя, великий князь Николай Николаевич, еще вчера бывший Главнокомандующим Русской армии, знал о заговоре, но не только не противодействовал ему, но и потворствовал отречению и даже поддержал Временное правительство. Более того, он заявил: «Новое правительство уже существует, и никаких перемен быть не может. Никакой реакции ни в каких видах я не допущу...» Приветствовали отречение также великие князья Борис Владимирович, Николай, Сергей и Александр Михайловичи, принц Александр Ольденбургский... А великий князь Кирилл Владимирович, о котором я уже говорил, после отречения Государя даже пригласил журналистов, чтобы поведать им «о гнете старого режима» и «о сияющих впереди звездах народного счастья». Он даже оправдал арест царской семьи: «Исключительные обстоятельства требуют исключительных мероприятий».

Но, может, даже не это самое страшное. Самое страшное в том, что предали Россию, ее историческое и вселенское предназначение многие, если не сказать большинство, иерархи Русской Православной Церкви. Клеймя ветхозаветных врагов России, мы упорно забываем, что перекладываем свои грехи на других, что враги — на то они и есть враги, а рухнула Россия прежде всего по причине внутренних болезней, по причине ее падшего духовного состояния, которое пронизало ее

сверху донизу, и в меньшей степени как раз простой, или черный, народ. Он еще в какой-то степени, в отличие от верхов, в том числе церковных, оставался по-настоящему православным и пытался вкупе с некоторыми иерархами Церкви, такими, как владыка Антоний Храповицкий, который потом возглавит Русскую Церковь за рубежом, препятствовать революционной заре, участвуя в таких организациях, как Союз русского народа, Русский народный союз имени Михаила Архангела, Русская монархическая партия, но русское правительство, каковым оно по делам своим к тому времени уже не являлось, всячески глумилось над искренним народным чувством, запрещало его, принимало против него не только административные, но и полицейские и даже военные меры устрашения. И совсем не случайно, что в этих поистине народных организациях с чисто русскими названиями примут участие не только русские, не только православные, но и мусульмане, считая себя частью великой России, частью Великого народа. Как и не случайно, что на проповеди владыки Антония Храповицкого, бывшего в предсмутных 1900—1902 годах епископом Уфимским и Стерлитамакским, по свидетельству современников, собирался весь город, в том числе и мусульмане: татары и башкиры. Еще один пример, относящийся к несколько более позднему времени. 17 января 1907 года в Уфе состоялось объединенное предвыборное собрание местных отделов Союза русского народа, Русского собрания и «мусульман, желающих укрепления государства», на котором обсуждался вопрос о необходимости выставить единых кандидатов в Государственную Думу. Железнодорожный подрядчик Г. А. Бусов, разъясняя на этом собрании отношение монархистов к мусульманам, под общие аплодисменты присутствующих заявил: «Союз русского народа находится в самой тесной связи с мусульманами и считает

их своими братьями». И двое из семи выдвинутых кандидатов были мусульманами: Максютлов и Галлям Гандалинович Мустафин. А на патриотической манифестации, направленной против революционного разгула и прямого потакания ему властей, мусульмане кричали: «Стада без пастуха не бывает. И мы без Царя не можем. Да здравствует Царь!»

А вот отрывок из воспоминаний генерала Петра Краснова, относящихся ко времени Первой мировой войны: «Император Вильгельм собрал всех пленных мусульман в отдельный мусульманский лагерь и, заискивая перед ними, построил им прекрасную каменную мечеть.

Я не помню, кто именно был приглашен в этот лагерь, кому хотели продемонстрировать нелюбовь мусульман к русскому «игу» и их довольство в германском плену. Но дело кончилось для германцев плачевно. По окончании осмотра образцово содержанного лагеря и мечети на плацу было собрано несколько тысяч русских солдат мусульман.

— А теперь вы споете нам свою молитву, — сказала осматривающее лицо.

Вышли вперед муллы, пошептались с солдатами. Встрепенулись солдатские массы. Подравнялись в тысячеголосый хор под немецким небом у стен только что отстроенной мечети, и он дружно грянул:

— Боже, Царя храни!

Показывающий лагерь в отчаянии замахал на них руками. Солдаты по-своему поняли этот знак. Толпа опустилась на колени и трижды пропела русский гимн. Иной молитвы за родину не было в сердцах этих чудных русских солдат...»

Да, митрополит Антоний Храповицкий, оставаясь верным России, престолу и Церкви, был одним из идеологов Союза русского народа. Но большинство иерархов

Русской Православной Церкви, которая так и не пришла в себя от губительных реформ Петра Первого, не только не осудили Февральскую революцию, не только не выступили против незаконного отречения Государя, но и 9 марта от имени Святейшего Синода обратились к русскому народу: «Свершилась воля Божия. Россия вступила на путь новой государственной жизни... доверьтесь Временному правительству; все вместе и каждый в отдельности приложите усилия, чтобы трудами и подвигами, молитвой и повиновением облегчить ему великое дело водворения новых начал государственной жизни и общим разумом вывести Россию на путь истинной свободы, счастья и славы. Святейший Синод усердно молит всемогущего Господа, да благословит он труды и начинания Временного Российского правительства...» Дальше, как говорится, ехать некуда...

А до этого указом от 6 марта вычеркнули имя Помазанника Божия из богослужебных книг, разумеется, освободили армию и народ от присяги Государю, которую до этого каждый гражданин России приносил на Евангелии... Даже Всероссийский поместный собор никоим образом не заступился за Помазанника, находящегося под арестом. То есть молча если не благословил, то потворствовал его ритуальному убийству. Ныне, вспоминая Февральскую и Октябрьскую революции, иерархи Церкви предпочитают вспоминать воина Церкви патриарха Тихона, но старательно замалчивают выше цитированные страницы церковной истории, хотя по своему духу многим из них они гораздо ближе: вспомните, как в «великую криминальную революцию» 90-х годов XX века владыки лбы расшибали, призывая паству на выборах голосовать за «царя» Бориса. Может, и поэтому покинули Россию (и до поры до времени не хотят возвращаться?) охранительные иконы Божией Матери, но Богородица, в последней надежде на спасение рус-

ского народа, все же явила России в самый страшный и губительный для нее год свою Державную икону в селе Коломенском под Москвой, чтобы дать опору не совсем потерявшему веру в Бога русскому народу, по крайней мере, стойкой части его...

И снова перед глазами маленький деревянный храм на краю дедовского погоста, где, надеюсь, найдется место и для меня. Почему он освящен во имя Табынской иконы Божией Матери? Чего-то не досказал или не хотел досказать мне владыка Никон?..

Поиски Табынской иконы Божией Матери продолжаются. К ним присоединяются все новые и новые люди. Нетерпеливее всех, наверное, Борис Николаевич Федоров, он звонит мне чуть ли не каждый день: «Из Новосибирска в Кульджу летают самолеты авиакомпании «Сибирь», там есть ее представительство, попробуйте связаться с ними», «Народная партия обещала оплатить дорогу в Кульджу В. Ф. Мищенко и о. Владимиру...».

Все вроде бы хорошо, все вроде бы идет своим чередом, но меня постоянно преследует мысль: не то чтобы мы делаем что-то не то или не так, а может быть, как это точнее сказать, начали поиск не с того конца. Да, мы ищем Чудотворную икону, вроде бы побуждаемые самым искренним чувством, но достойны ли мы того, чтобы она вернулась к нам? Меня пригнул к земле факт, что даже там, в изгнании, священники, бывшие с ней, выясняли между собой отношения, писали в вышестоящие органы друг на друга жалобы...

Возможно, мы ее и найдем. Но пойдет ли она к нам? А пойдет — не придется ли ей снова уходить за российские рубежи в результате еще одной внутренней — последней! — смуты? Только куда теперь уходить-то? Вообще с планеты? А это значит, что придет время Антихриста. Наверное, не только мне не дает покоя мысль:

неужели мы не оправдали возложенной на нас Всевышним надежды? Как в свое время не оправдали Его надежды иудеи. И мы теперь, может, два в разное время богоизбранных и одинаково отвергнутых Им народа, выясняем между собой отношения...

Куда возвращаться ей? Храм в Табынске, наконец оставленный консервным заводом, в полной разрухе.

И все-таки, наверное, не случайно, что 400 с лишним лет назад Табынская икона Божией Матери явилась миру на стыке Европы и Азии, на стыке славянского и тюркского мира, на стыке Православия и Ислама, как не случайно тут позже явились миру Аксаковы. Может, чтобы соединять народы? Как не случайно, что в самые трагические поры спасти Россию пытались, может, не совсем русские по крови люди: адмирал Колчак, генералы Врангель и Каппель, рядовой Александр Матросов, по последним изысканиям, скорее башкир, но который лег на амбразуру врага — за други своя! — русским солдатом.

Может, не случайно, что она ушла за пределы России именно с А. И. Дутовым, одним из немногих вождей Белого движения, оставшимся убежденным монархистом? Может, она не случайно ушла именно в Китай. И не просто в Китай, а в один из ее самых многонациональных районов: в Синьцзян-Уйгурский автономный район, где среди 13 миллионов населения 30 процентов мусульмане-уйгуры, а также монголы, казахи, таджики, узбеки... Я иногда думаю: а может, Табынская икона Божией Матери ушла в Китай еще и потому, что это, кажется, единственная страна, которая ныне реально противостоит «тайне беззакония»...

Где ее искать? Не исключено, что она находится, тайно оберегаемая, в одной из русских семей в Кульдже или в окрестностях ее, есть на то определенные знаки. До сего дня в пределах Китайского Алтая уцелели казачьи

станции, которые верны заветам предков, они сохранили традиционный казачий быт и уклад жизни. И мечтая о возвращении Святыни, нужно думать и о них, ведь с их предками она ушла из России и для них она является, может быть, единственной духовной опорой, потому они в свое время не отдали ее в Советский Союз.

Как вы помните, в письме, пришедшем из Папуа—Новой Гвинеи от Павла Николаевича Скобелкина, была озвучена фамилия оренбургского казака Федора Кузмина, что икона может быть у одного из его детей, потому как ему передал икону на хранение при отъезде в Австралию сын священника Кочуновского. Забрать ее с собой китайские власти не разрешили. В другом письме была озвучена фамилия оренбургского казака Фокина (имени-отчества автор письма не помнил), как сопровождавшего икону во время всего ее пути из России в Китай и потому на нее претендовавшего и не давшего ее вывезти в Австралию. И вот неожиданно мы находим свидетельство о Фокине у других людей. В пригороде Нижнего Новгорода, оказывается, по возвращению из Китая живет его внучка, по утверждению которой Кузьма Андреевич Фокин служил в войске А. И. Дутова писарем. И что именно он подобрал ее в дорожной пыли, когда красные разогнали Крестный ход под Оренбургом. Что именно он самоотверженно спасал иконы из горящей церкви в Кульдже во время «культурной революции». И если к этому времени Табынская оставалась в храме, то, несомненно, он вынес бы ее из огня первой. И что хоть точных сведений о Табынской иконе у нее нет, но если бы она тогда погибла в огне, ее мать, Римма Кузьминична, точно об этом знала бы. В семье были разговоры, что он потом икону в молельный дом передал, а после его смерти ее хранителем стал его сын Андрей, который остался в Китае. Но с ним переписка уже давно прервалась.

В. А. Мищенко, многие годы мечтавший сам поехать в Китай на поиски иконы и надеющийся получить исцеление от нее, продолжительное время уклончиво говорил о возможном месте ее нахождения. Но, убедившись, что из-за состояния здоровья у него все меньше и меньше шансов осуществить поездку (у него парализованы рука и нога), в последнюю встречу со мной на мой прямой вопрос, где или у кого прежде всего нужно искать икону, сказал, что у родственников Кузьмы Андреевича Фокина.

По мнению же священника о. Дмитрия Поздняева, икону, скорее всего, нужно искать в запасниках министерства культуры Синьцзян-Уйгурского автономного района, в его административном центре, городе Урумчи. Это огромный, двухмиллионный город, который, как и весь Китай, ныне строится с невероятной быстротой. Огромные здания офисов компаний и гостиницы, современные многоярусные шоссе с удобными развязками — все это мало напоминает прежний Синьцзян, каким он был всего несколько десятилетий назад. В последние годы построено множество мечетей, восстановлены и буддийские храмы. Религия теперь снова под защитой государства. И лишь на одной из улочек Урумчи, в уйгурском квартале, можно увидеть небольшой православный храм...

Если действительно икона находится в запасниках министерства культуры Синьцзяна, а тем более в Пекине, что тоже не исключено, то переговоры о ее возвращении могут вестись только на высоком государственном уровне, может, на уровне министра иностранных дел или даже президента России. Ибо не было еще, кажется, случая, чтобы китайцы, в отличие от российских чиновников от культуры, легко расстались с так или иначе попавшими к ним культурными ценностями, и в этом они правы. У них нет Швыдких, готовых раздарить все направо и налево. Переговоры о поисках, возвращении в

Россию одной из главных святынь Русского народа — Табынской иконы Божией Матери — могли бы стать важной вехой в будущих российско-китайских, и не только государственных, отношениях.

Явится ли она? Один Бог да она сама об этом ведают. Но прежде всего это зависит от нас. Мы должны заслужить ее возвращение...

А возвращение иконы, тем более Чудотворной, тем более ушедшей в изгнание с частью русского народа — это не возвращение украденной или увезенной картины, пусть даже великого художника. Это не просто не одно и то же, это совершенно другое. Повторяю: Святая Чудотворная икона, помимо всех иных условий, может вернуться только в том случае, если мы внутренне хоть сколько-нибудь будем этого достойны. Это тесно связано с понятием Покрова Богородицы над Россией, о котором мы последнее время много говорим. У нас даже появилось этакое иждивенческое успокоение: раз над нами Покров Богородицы, то нам нечего особенно беспокоиться за будущее России, все в ней со временем само собой образуется, не даст Святая Богородица врагам России взять верх.

Нет, Покров Богородицы над нами только до тех пор, пока мы не смирились со своей судьбой и по-сыновьи помогаем Ей, Богородице... В противном случае мы не заметим, когда лишимся его, если уже не лишились, потому как (будем надеяться, что до поры до времени) не возвращаются в Россию ни Табынская, ни некоторые другие иконы Божией Матери, охранительницы России. А вернуться Табынская икона Божией Матери должна в результате нашего покаяния, и не самолетом и не каким-нибудь автопробегом, а, может, Крестным ходом, тем же крестным путем, которым она уходила.

В том числе через ледовый перевал Карасарык...

2003

ИЕРОМОНАХ ИОАНН (СНЫЧЕВ)

АКАФИСТ

ПРЕСВЯТЕЙ БОГОРОДИЦЕ
РАДИ ЧУДОТВОРНОГО ЕЯ ОБРАЗА
ТАБЫНСКИЯ

КОНДАК 1

Избранной Воеводе рода христианскаго и страны наша известной Избавительнице, хвалебныя песни принесем вернии Деве Владычице Богородице. Ты же яко имущая милосердие неизреченное, от всяких нас скорбных обстояний свободи, да с любовию зовем Ти: Радуйся, Похвало Табынская и всего мира Надеждо и Утешение.

ИКОС 1

Архангели и Ангели дивятся Твоему неизреченному милосердию к роду человеческому, Дево Богородице, яко благоволила явити Святую Икону Свою близ града Казани, егда нечестивии агаряне воздвигоша брань на мирныя люди, разоряя грады и веси их. Ты же, Благая, хотя утешити рабов Твоих пришествием Своим, скорбь их на радость преложила еси, сего ради вопием Ти таковая:

Радуйся, Благословенная в женах;

Радуйся, обретшая благодать у Бога.

Радуйся, десницею Создателя благословенная;
Радуйся, Духом Святым освященная.
Радуйся, Мати Христа Бога нашего;
Радуйся, в Рождестве и по Рождестве Дево.
Радуйся, Ангельских чинов удивление;
Радуйся, Святых немолчное прославление.
Радуйся, Похвало Табынская и всего мира Надеждо
и Утешение.

КОНДАК 2

Провидя, Мати и Дево, беды и смятения окрест града Казани, явила еси Святую Икону Свою, наипаче же милость Свою, Владычице, людям, да не оскудеет Вера, да не угаснет Надежда, но да прославляется Имя Святое Отца и Сына и Святаго Духа, вопиющими: Аллилуиа.

ИКОС 2

По времени Образ Твой честный Казанский, во многих градах и всех страны нашей на досках изображенный, прояви силу благодатную истекающими чудотворениями, тако и окрест веси Табынская близ Вознесенския обители святых, явися новый Образ Твой.

Некогда диакон чернец, грядущий с села во святую обитель, услыша Твой глас: «Да потщится правоверующая братия богоспасаемая обители прияти Мя в Храм Господа Моего». Убоялся прельщения, не внял неземному гласу сему, паки же возвращахуся ему путем тем, слыша глас Твой:

«Да прииде и виждь». Уразумев, яко глаголы сии свыше суть, прииде на место, откуда слышен бысть глас сей и узрев Святую икону Мати Божия, на камени вели-

ем близ горы Табынския, у источника воднаго, возрадовался духом. Мы же дивяся сему вопием Ти сице:

Радуйся, явлением Святыя иконы Твоя милость Божию нам возвестившая;

Радуйся, чистым сердцем глас Твой Святыи явившая.

Радуйся, Мати щедрот и милосердия;

Радуйся, милости сокровище многоценное.

Радуйся, с небесных высот на рабы Твоя призирающая; радуйся, покровом Твоим нас осеняющая. Радуйся, яко милость Твоя посещает христианские веси и грады;

Радуйся, яко милосердие Твое сердце наших отрада.

Радуйся, Похвало Табынская и всего мира Надеждо и Утешение.

КОНДАК 3

Сила благодати Твоя осени сердце диакона благочестиваго, узревшу ему Святую икону Твою, Владычице, и объят быв страхом величия Твоего, возрадовался зело, со тщанием востече во обитель и возвести братии о дивном обретении своем, радостно вопия Богу: Аллилуиа.

ИКОС 3

Имущи, Пресвятая Дево, икона Твоя силу благодатную, явися инокам, радостию велиею, егда познаша милости Твоя чрез икону Твою Табынскую, людем являемая, со страхом несоша Святыню сию во обитель свою и поведоша о сем воеводе Уфимскому и Архиеерею града Казани, мы же благодарнии вопием Пресвятей Деве таковая:

Радуйся, помощь свою всем притекающим к Тебе подающая;

Радуйся, слез наших не отвергающая.

Радуйся, к Сыну Твоему моление о верных выну приносящая;

Радуйся, прошения наша во благо исполняющая.

Радуйся, монашествующих покрове; радуйся, девствующих ограждение.

Радуйся, к Богу умов и сердец направление; радуйся, душ наших спасение.

Радуйся, Похвало Табынская и всего мира Надеждо и Утешение.

КОНДАК 4

Буря крамолы, воздвигнутая от мятежников навязанных Айдаром и Кусюмою, разори обитель Вознесенскую, братию же избив, рассеялся понуди. Ты же, Всеблагая, хотя по времени явитися во славе велией сокры икону Свою Чудотворную Табынскую, мы же дивяся таковому промыслению Твоему, Владычице, вопием к Богу: Аллилуиа.

ИКОС 4

Слыша Богомати стенания рабов Твоих веси Табынския и видяще скорбь их, зане вера Христова поругаема бывше от неверных агарян, в познание истины Христовой и избличение неверных благоволила паки второе явити на камне, тем же Образ Твой честный светом Божественным озаренный, мы же дивяшеся таковому Твоему попечению о нас, вопием Ти таковая:

Радуйся, явлением иконы Твоя Табынския свет истинныя веры земле Уфимской даровавшая;

Радуйся, суевериям и зловериям омраченных просветившая.

Радуйся, грешных исправление; радуйся кающихся с Богом примирение.

Радуйся, милость согрешившим являющая; радуйся, раны греховныя истребляющая.

Радуйся, скорбные сердца надеждою возрождающая; радуйся, любовью их согревающая.

Радуйся, Похвало Табынская и всего мира Надеждо и Утешение.

КОНДАК 5

Боготечную звезду Святую икону Твою увидеша нечестивии агаряне светящую на камени, но не уразумеша Твоего, Владычице, пришествия, косни бо сердцем беша, ненавистию ко христианам распалишася, надругашеся над Святынею. За такое хуление Святыни Твоя слепотою наказаны быша, блуждаху по лесу, неведуще пети: Аллилуиа.

ИКОС 5

Видеша хулители Святыни, яко зело наказани быша от Бога, не хотяху раскаятися, зане ожесточении сердцем беша, токмо един от них, лучем благодати Божией просвещенный, раскаялся и, абие прозрев, возвратися со единоплеменники своими ко Святей иконе и слезно молящеся пред Нею. По молитве его, Мати Божия, исцели, сего ради вопием Пречистой:

Радуйся, торжество веры в стране нашей являющая;

Радуйся, Святою иконою Твоею окамененныя сердца смягчающая.

Радуйся, зловерия явное обличение; радуйся, истинныя веры утверждение.

Радуйся, рода христианскаго возвышение;

Радуйся, Святыни присное ограждение.

Радуйся, яко Тобою беззаконие наказуется; радуйся, яко Тобою хула на Бога истребляется.

Радуйся, Похвале Табынская и всего мира Надеждо и Утешение.

КОНДАК 6

Проповедницы Твоя благодати явишася прозревшии агаряне, возвестиша христианам веси Табынския о Твоем, Богомати, явлении, но неприяща крещения, токмо первый прозревший иже прияв веру православную возрадовался зело и рече всем притекающим ко источнику целебному: «Се, ныне познах, яко Велий есть Бог земли Российстей». Со умилением вопия Ему: Аллилуиа.

ИКОС 6

Воссия свет Божественный, Владычице, егда Святая икона Твоя с честию велиею перенесена бысть от места явления Своего в весь Табынскую, изливая верным дары целебныя и всем подавая помощь и утешение с Верою к Тебе и во всякой скорби притекающим и вопиющим таковая:

Радуйся, отчаявшихся прибежище; радуйся, скорбящих слышание.

Радуйся, печальных утешение; радуйся, христианом отрада и ограждение.

Радуйся, в бедах и печалех теплое заступление; радуйся, яко немощным даруеши укрепление.

Радуйся, скорбь нашу на радость претворяющая; радуйся, наветы вражия от нас отгоняющая.

Радуйся, Похвало Табынская и всего мира Надеждо и Утешение.

КОНДАК 7

Хотяше вернии вси Табынская выну памятовати о чудеснем явлении иконы Твоей, Владычице, сотвориша в честь дивныя Твоя иконы Табынская празднование в пяток девятый по Пасце, в день втораго явления Ея, благодаряще Заступницу усердно, Богу же воспевая: Аллилуиа.

ИКОС 7

Новое чудо явила еси, Богородице, егда за беззакония людей праведный гнев Божий, постиже град Стерлитамак, поразив их болезнею холерною, вернии с благословения Архиеерея Иоанникия, взявши Святую икону Твою, Богомати, Табынскую, принесоша ю во свой град и слезно пред Нею молящися, егда совершенно бысть молебное пение — болезнь смертная остави град. Видяще же людие милость Твою, Богородице, возопиша Тебе таковая:

Радуйся, яко за люди согрешивший присно пред Сыном Твоим и Богом ходатайствующая;

Радуйся, праведный гнев Божий, на них движимый, на милость преклоняющая.

Радуйся, прекращением холеры, благодатную силу иконе Твоей нам возвестившая; радуйся, милость Божию и согрешившим явившая.

Радуйся, надеждо ненадежных; радуйся, опора немощных.

Радуйся, заблуждших на путь покаяния наставляющая; радуйся, веру в жизнь будущего века в них пробуждающая.

Радуйся, Похвало Табынская и всего мира Надеждо и Утешение.

КОНДАК 8

Странное чудо зрим о Тебе, Богомати, егда икона Твоя Табынская принесена бысть во град Оренбург во время мора смертнаго и токмо явися во граде сем Святая икона Твоя — абие мор преста, сего ради вернии града сего на коегождо лето ко дню Рождества Пресвятыя Богородицы с радостно велию сретоша Святую икону Твою Табынскую со умилением вопия: Аллилуиа.

ИКОС 8

Весь аз недостойный грехми исполнихся, мирскому разсеянию вдахся и о душе своей вознерадев обаче на Святую икону Твою, Владычице, взирая и просвещение от нея бесчисленным людем zde приходящим видя, паки на путь спасения устремляются и в радости сердца воспевают Ти сице:

Радуйся, шествовати путем Господним нас научающая; радуйся, на пути ко Господу нас укрепляющая.

Радуйся, жестокосердия искоренение; радуйся, милосердия в сердцах насаждение.

Радуйся, к подвигу целомудрия нас призывающая;
радуйся, непорочных венчающая.

Радуйся, от земного богатства души верных отвращающая.

Радуйся, духовными дарованиями молящихся обогащающая. Радуйся, Похвало Табынская и всего мира Надеждо и Утешение.

КОНДАК 9

Вси людие земли Уфимския, егда праведным гнев Божий наказаша их бездождем со слезами молиша Заступницу христианскую испросити у Сына Своего и Бога, да оросит землю их дождем, и егда вернии веси Архангельския взявши Святую икону Табынскую, несоша ю на село свое, бысть дождь велий, на радость скорбящим и во утешение плачущим, да воспоят Господу благодарным сердцем: Аллилуиа.

ИКОС 9

Ветий глаголы и любомудров смыслы не довлеют ко изглаголению чудес Твоих, Владычице неба, яко во утешение жителям Стерлитамака, низпослав свыше дождь велий на землю, сим избавила град их от града и запаления огненнаго, яко да истребится от лица скорбящих всякая печаль и всякая болезнь, сего ради вопием Ти:

Радуйся, обуреваемых тихое пристанище; радуйся источнице милостей Господних.

Радуйся, унылых ободряющая; радуйся, моление скорбящих ко Господу возносящая. Радуйся, ходатайством Твоим от зноя и жажды нас спасающая;

Радуйся, молитвами от запаления огненного избавляющая.

Радуйся, яко алчущих питаеши; радуйся, яко во мразех сущих согревавши. Радуйся, Похвало Табынская и всего мира Надеждо и Утешение.

КОНДАК 10

Спасти хотящи, Пресвятая Богородице, страждущего трясовицею Василия воина от града Оренбурга, исцеление подаде ему чрез икону Свою Табынскую. Сей воин во сне двукратно в весь Табынскую идяще и тамо Матерь Божию об исцелении умоляше, уразумев в сонях волю Владычицы, пойде немощный двести тридесят поприщ, труждаяся и множицею на землю падоша, пришедше же ему в весь Табынскую егда погрузися во источник Святый, идеже икона Твоя явися, абие исцелен бысть и радуяся, благодаряще Матерь Божию, возопиши Господу: Аллилуиа.

ИКОС 10

Стена нерушимая веры явилася еси, Богородице, боголюбивому отроку, зане сей имевший части некия от камени, на нем же явися икона Твоя, Владычице, многим болящим помощь подала еси, егда бо сии омывши частицы камени водою, пияхом ю, и омывахом ею раны своя абие исцеление приимаше, мы же благодать Твою видяще, зане и камени силу чудотворити даровала еси, вопием Ти сице:

Радуйся, Святые Ключи целебною водою прославившая; радуйся, даже каменю, на нем же явися Святая икона Твоя Табынская, благодатную силу даровавшая.

Радуйся, всем с верою притекающим к целебной иконе Твоей, исцеление подающая; радуйся, благодарение их ко Господу возносящая.

Радуйся, яко к помощи Твоей и маловернии притекают; радуйся, яко по повелению Твоему и разслаблении со одра болезни возстают.

Радуйся, бесов изгнание; радуйся, помраченных умов просветление. Радуйся, Похвало Табынская и всего мира Надеждо и Утешение.

КОНДАК 11

Пение хвалебное возсылаху Тебе, Матери Божией, вси люди, стоящии во храме Твоем, видиша покаяние согрешившего и милосердие Твое к нему некий воин Гавриил за нарушение обета, данного Тебе, в разслаблении сущий исцелен бысть, егда Святаго Таинства елеосвящения сподобльшася к Чудотворному образу Твоему припаде. Мы же, грешнии, многожды Господа грехами своими прогневающие, молим Тя, и нам прощение грехов испроси со упованием поющим: Аллилуиа.

ИКОС 11

Свет зрению даровала еси, Владычице, старице некоей, восемь лет во граде Оренбурге слепотою страдавшей, егда бо в сретении иконы Твоя иде, сродницею своею оставлена бысть, стеснения ради народа внезапно прозре и видяще икону Твою Святую, возрадовался зело, мы же со трепетом вопием Ти сице:

Радуйся, благодатная врачевания обильно источающая; радуйся, исцелением недугов притекающих к Тебе веселящая.

Радуйся, слепых прозрение; радуйся, глухих слышание, немых глаголение.

Радуйся, хромых хождение; радуйся, вдов и сирот заступление.

Радуйся, душ наших освящение; радуйся, земнородных упование.

Радуйся, Похвало Табынская и всего мира Надеждо и Утешение.

КОНДАК12

Благодать Твою яви нам, Пресвятая Дево, молящимся Тебе пред честней иконою Твоею Табынскою, излей щедроты Твоя на грады и веси не токмо края Приуральскаго, но во всем мире честный образ Твой почитающим и поющим Богу: Аллилуиа.

ИКОС12

Поюще Твоя чудеса от иконы Твоея Табынския явленыя, молим Тя, Владычице, Лика Твоего от страны нашей не отвори и всем приходящим к Чудотворному образу Твоему и милости от Тебя ожидающих во благая вся прошения исполни, да вси воспоем Ти сице:

Радуйся иконою Твоею благословение Божие краю нашему приносящая; радуйся, источник Твой яко проповедник спасения веси Табынския оставившая.

Радуйся, смиренных сердцем Боговедением просвещающая; радуйся, яко славу Божию воспевати нас научающая.

Радуйся, к Тебе же падшие в покаянии притекают; радуйся, яко призывающие имя Твое Святое от падения греховнаго восстают.

Радуйся, в час смертный чтущих Тя не оставляющая; радуйся, и по смерти во обители Небесныя души их сопровождающая.

Радуйся, Похвало Табынская и всего мира Надеждо и Утешение.

КОНДАК 13

О, Всепетая Мати, Христа Бога нашего, прими молитвы раб Твоих и мир испроси всем, с верою и любовью притекающим к иконе твоей Табынской, и живот вечный даруй им со умилением поющим: Аллилуиа, Аллилуиа, Аллилуиа.

(Этот кондак читается трижды, затем 1-й икос «Архангели и Ангели дивятся» и 1-й кондак «Избранной Воеводе рода христианскаго»... и затем молитва и тропарь.)

МОЛИТВА

О, Пресвятая Владычице Богородице, Мати Господа нашего Иисуса Христа, непрестанная о нас пред Богом молитвенница и ходатаица. О, Мати наша Препоблагая, всех нас при Кресте Сына Твоего усыновившая. Благодарим Тя, бесчисленные блага молитвою Своею нам испросившая. Благодарим Тя, множество икон Твоих чудотворных стране нашей даровавшая. Благодарим Тя, дивную икону Табынскую в годину скорбей краю Уральскому пославшая, на камени велием икону Свою нам явившая. Молим Тя, окамененныя сердца наша рою молитв Твоих умягчи. Милость Свою нам показавшая, у источника воднаго, идеже болезни наша телесныя

исцеляются, даруй нам потоки скорбных слез и очисти ими тину грехов наших. У источника воднаго святою иконою Твоею благословение месту сему показавшая, помози нам Слово Господа Сына Твоего исполнити и солию земли быти. Лик Свой темный нам, грешным, омраченным грехом явившая, просвети тьму грехов наших и приведи нас к тихому пристанищу в вечныя обители, уготованные Господом любящим Его. Аминь.

ТРОПАРЬ

Глас 4-й

Наста днесь пресветлый праздник, Пречистая Дево, честныя Твоя Табынския иконы, Владычице, паче лучей солнечных возсия, от Источника приснотекущаго, Христа, Бога нашего, источаеши целебныя дары с верою к Тебе притекающим. И сию помощницу людям Своим дарова, покрывати и спасти от всякия беды рабы Своя, едину Благословенную.

РУССКИЕ СУДЬБЫ

Быль о великом семьянине

Сергей Тимофеевич Аксаков

Первого октября нынешнего 1991 года исполняется 200 лет со дня рождения С. Т. Аксакова. Свою главную книгу «Детские годы Багрова-внука», которая вместе с «Семейной хроникой» поставила его в ряд лучших русских писателей, он посвятил внучке. Он так и написал: «Внучке моей Ольге Григорьевне Аксаковой», хотя, когда начал писать книгу, ей было 6, а в год написания исполнилось всего 9 лет.

Ну, посвятил и посвятил! Не он первый — принято посвящать родственникам. Правда, посвящают чаще родителям, реже — женам, в благодарность за мученичество, ибо, наверное, нет труднее доли, чем быть женой писателя. А он вот посвятил внучке, да еще написал — не Оле, не Оленьке, а «Ольге Григорьевне Аксаковой». Что это — дедовская слабость или своеобразный наказ в жизни?

«Семейная хроника» и «Детские годы Багрова-внука» — по сути дела составляют единое произведение и резко выделяются из всего остального творче-

ского наследия С. Т. Аксакова. Они по сей день имеют, несмотря на подчеркнутую простоту и непритязательность рассказа, какую-то необыкновенную, почти необъяснимую силу.

Но начнем с начала. Начнем с того, что Сергея Тимофеевича называли в честь Сергия Радонежского, великого православного подвижника: в страшное время монгольского ига он одним из первых стал строить дух разоренного и разрозненного русского народа, которому он прояснил, а потом оказалось, не только ему, суть Троицы. А суть Ее — семейное единство Святого Отца и Святого Сына, между которыми Святой Дух. Он связывает все во Вселенной не законом единства и борьбы противоположностей, а законом единства и взаимодействия противоположностей. Святой Сергий раскрыл миру суть Троицы как священного первообраза семьи, любви и согласия, которые должны восторжествовать на Земле, иной путь ведет в пропасть.

Следующий за 200-летием С. Т. Аксакова 1992 год, год 600-летия памяти преподобного, объявлен ЮНЕСКО годом Сергия Радонежского. Не помню, кто сказал о нем: «Время народных бедствий и общественных неурядиц — его время», и, наверное, немало младенцев, которые явятся на свет как в нынешнем, так и в будущем, скорее всего, столь же печальном для нашей страны году, как символ веры, как символ любви, как символ надежды, получают это святое имя.

С. Т. Аксакова не случайно называли в честь Сергия Радонежского. Этот факт биографии С. Т. Аксакова исследователи его творчества, не столь многочисленные, почему-то не замечают. А он — определяющий, главный. По вполне понятным причинам у нас сложился ограниченный, этакий идиллически-сусальный образ С. Т. Аксакова как далекого от общественно-политического движения своего времени писателя-краеведа, мастера

пейзажа: «Как о рыбной ловле, об охоте написал! О грибах написать собирался, но вот, жалко, не успел...» Ладно, что хоть такую «характеристику» выдали, странно, что вообще грязью не вымазали, хотя тут старался сам нарком не только по просвещению, но и по литературоведению — А. В. Луначарский.

Например, в 1932 году он писал: «...литературовед должен будет, во-первых, установить факт наличия в русской литературе околореформенной поры значительной группы писателей — идеологов крепостничества. Этот лагерь сам по себе не очень многочислен, но в него войдут такие писатели, как Сергей Аксаков, этот прекраснодушный идеализатор феодальных отношений между помещиками и крестьянами («Семейная хроника»), такой зубр феодальной аристократии, как Маркевич, такой реакционный поэт-усадебник, как Фет, и некоторые другие. Это лагерь людей, отрицающих какой бы то ни было путь капиталистического развития, мечтающих о возвращении к дореформенным социальным отношениям, лагерь защитников реакционной крепостнической утопии».

Можно ли придумать что-нибудь кощунственнее по отношению к человеку, который всю жизнь боролся с крепостничеством во всех его разновидностях и проявлениях. Эту ненависть к крепостничеству он привил всем своим детям без исключения. И даже его последние слова в этой жизни, как завещание, были об отмене крепостного права. Откройте, к примеру, «Воспоминания...» Аполлона Григорьева: «Сергей Тимофеевич Аксаков кончил свое поприще... высокой эпопеей о Степане Багрове, записками об охоте, детских годах, в которых во всем являлся великим и простым поэтом природы и умирающей рукой писал гимн освобождения от векового крепостного рабства — любимого народа, любимого им всеми силами широкой, святой и простой души».

Гимном освобождения от векового крепостного рабства Аполлон Григорьев назвал стихотворение «При вести о грядущем освобождении крестьян», которое И. С. Аксаков смог опубликовать только уже после смерти Сергея Тимофеевича, лишь в 1861 году.

Единственное, в чем прав был Луначарский: С. Т. Аксаков действительно входил в «лагерь людей, отрицающих какой бы то ни было путь капиталистического развития». Что уж верно, то верно: в капитализме панацеею спасения родного народа Сергей Тимофеевич не видел... Что это — горькая усмешка судьбы, нелепая случайность или все-таки продуманный и расчетливый шаг, — но до последнего времени сад в Уфе, в котором стоял дом, где родился С. Т. Аксаков, носил имя А. В. Луначарского, который, наверное, более, чем кто другой, причастен ко лжи, словно паучьи тенета напутанной вокруг С. Т. Аксакова, его сыновей, вокруг общественно-политического движения, которое они олицетворяли.

Кстати, А. И. Герцен, которого А. В. Луначарский противопоставляет славянофилам и который, как мы знаем, действительно во многом с ними расходился, всегда с глубоким уважением относился как к Сергею Тимофеевичу, так и к его сыновьям. В заметке, своеобразном некрологе на смерть Константина Сергеевича Аксакова, опубликованной 15 января 1861 года в «Колоколе», он писал: «Вслед за сильным бойцом славянизма в России, за Александром Степановичем Хомяковым, угас один из сподвижников его — Константин Сергеевич Аксаков скончался в прошлом месяце. Рано умер Хомяков, еще раньше Аксаков; больно людям, любившим их, знать, что нет больше этих деятелей, благородных, неутомимых, что нет этих противников, которые ближе нам многих своих».

А. И. Герцен устраивал А. В. Луначарского только до тех пор, пока тот вмещался в образ пламенного револю-

ционного демократа: сухой, холодный, отрицающий особый путь исторического развития России. И уж совсем не устраивает, раздражает А. И. Герцен А. В. Луначарского, когда тот, разуверившись в Французской революции, в Западе, снова оборачивается лицом к России и начинает вглядываться как в надежду в ее древнюю общинность, то есть, говоря словами А. В. Луначарского, когда тот «перегнулся к своеобразному славянофильству».

Удивительно, но за полтора века после смерти С. Т. Аксакова мы, кажется, ни разу не удосужились задуматься над тем, почему же именно он, тихий русский писатель, не примыкающий ни к каким литературным группировкам и действительно вроде бы стоящий в стороне от общественно-политической борьбы, его семья, его тихое Абрамцево как при нем, так и после него были и остаются притягательным центром русской культуры и русской общественной мысли? Почему все честные писатели и мыслители России, все честные русские люди, да и не только русские, часто несогласные друг с другом, порой несогласные с ним, как к духовнику, как к живительному роднику тянулись к нему? Может, в отличие от них, раздирающих истину на части, — а разорванная на части, она перестает быть истиной — он обладал какой-то высшей правдой? Я ничуть не преувеличу, если скажу, что все наиболее светлое и значительное в отечественной культуре середины XIX века так или иначе было связано с этой, живущей особенной духовной жизнью семьей. Задумался ли кто-нибудь, почему Т. Г. Шевченко, которого у нас пытались представить как революционера, только что вернувшись из ссылки, записал в своем дневнике: «Радостный из радостнейших дней. Сегодня я видел человека, которого не надеялся увидеть в теперешнее мое пребывание в Москве. Человек этот — Сергей Тимофеевич Аксаков». И еще: оканчивая одно из своих произведений, он доба-

вил: «Как примет его С. Т. Аксаков? Мне ужасно хочется ему нравиться, и только ему. Странное чувство».

Но к С. Т. Аксакову тянуло людей и вроде бы далеких от литературы и искусства. Почему, к примеру, влекло к нему государственного чиновника, губернатора Е. К. Барановского? В «Воспоминаниях о С. Т. Аксакове» он позднее писал: «В 1853 году я был назначен на службу в Оренбургскую губернию. Уезжая из Петербурга к месту моего назначения, я намеревался прожить несколько дней в Москве и побывать у Сергея Тимофеевича Аксакова... С юношеских лет лежало у меня сердце к Сергею Тимофеевичу; никогда не видевши его, я знал, что его от души любят и глубоко уважают все близкие и знакомые его; мне известно было его горячее сочувствие ко всему доброму и прекрасному. Я приехал к нему **просить благословения** (выделено мной. — М. Ч.), отправляясь во второй раз на новую деятельность в Оренбургский край».

На какую же деятельность он благословлял губернатора и что представлял собой губернатор Барановский? В статье А. Корнилова «Общественное движение при Александре II» читаем: «...между губернаторами были в то время некоторые искренне преданные делу реформы, как Арцимович — в Калуге, Барановский — в Оренбурге, Купреянов — в Пензе. Валуев (министр внутренних дел. — М. Ч.) тотчас же вступил с ними в борьбу. В течение первых же двух лет своего пребывания он избавился от этих лиц...» Барановского переводят в Саратов, как он позднее писал, «с весьма неудобной для начальника губернии репутацией безусловно пристрастного защитника во что бы то ни стало одного крестьянского сословия в ущерб дворянам-помещикам». А мировой посредник А. Н. Минх так характеризовал его деятельность в Саратове: «Человек умный, но принадлежал к партии «красных», объезжая губернию, Барановский никогда

не заезжал к помещикам и мировым посредникам, собирая крестьян без нас и расспрашивая их, не жестоко ли с ними обращались помещики».

О чем же во время благословения они говорили с С. Т. Аксаковым? Во все тех же «Воспоминаниях о С. Т. Аксакове» Е. И. Барановского читаем: «...предметом бесед наших было общее дело всей России, возрождение ее к новой жизни...»

Но С. Т. Аксаков помогал не только благословением.

Будучи стесненным в средствах, он всегда был готов помочь нуждающимся, делая это, как кто-то сказал, «под секретом». Ненавязчиво, «под секретом» поддерживал он в средствах великого и несчастного Н. В. Гоголя, по настойчивому побуждению которого стал писать «Семейную хронику» и «Детские годы Багрова-внука». Аксаковский дом будет Николаю Васильевичу пристанищем, одна из комнат в Абрамцеве теперь так и называется — гоголевская. А еще — гоголевская аллея, гоголевская сосна. Впрочем, Сергей Тимофеевич и покупал-то Абрамцево, может, отчасти для Гоголя. 8 февраля 1843 года он писал ему: «Мы ищем купить деревню около Москвы, но до сих пор не находим. Мысль, что Вы, любезный друг, со временем переселясь на житье в Москву, будете иногда гостить у нас, много украшает в глазах наших наше будущее уединение».

С. Т. Аксаков помогал и людям, духовно не столь близким ему. Зная тяжелое материальное положение В. Г. Белинского, он ходатайствовал об издании его «Оснований русской грамматики» и взял на себя материальную заботу об издании. Будучи директором Межевого института, предложил ему преподавать русский язык в старших классах...

«Семейная хроника», «Детские годы Багрова-внука»... Сложилось этакое представление: ну, решил

хороший русский человек Сергей Тимофеевич Аксаков на старости лет написать воспоминания о своем детстве — и сказался неожиданный талант, неожиданный прежде всего для самого С. Т. Аксакова, которого нет в других его произведениях, — есть тут какая-то загадка.

Нет тут загадки. Неожиданно подобные вещи не рождаются. Не все знают: дело еще в том, что С. Т. Аксаков, может быть, впервые в своем творчестве ставил перед собой сверхзадачу. Обратим наконец внимание на записку, которая сохранилась в его бумагах: «Есть у меня заветная дума, которая меня давно днем и ночью занимает, но Бог не посылает мне разума и вдохновения для ее исполнения. Я желаю написать такую книгу для детей, какой не было в литературе... Такая книга надолго бы сохранила благодарную память обо мне во всей грамотной России... Тайна в том, что книга должна быть написана, не подделываясь к детскому возрасту, а как будто для взрослых и чтобы не только не было нравочений (всего этого дети не любят), но чтоб не было намека на нравственное впечатление и чтоб исполнение было художественно в высшей степени».

Увидеть и услышать в Сергее Тимофеевиче Аксакове только краеведа — это, по сути дела, не понять его. Удивительнейшее мастерство пейзажа чуть ли не стало его виной и бедой, что он оказался непонятым и неслышанным. Одним это дало возможность обвинить его в уходе от жизни, от социально-политических проблем современности, другим — не увидеть за этим прекрасным пейзажем, ослепившим их, круг идейно-нравственных проблем, поставленных им, и, кстати, тесно связанных с этим пейзажем. Ведь именно он первым, по крайней мере, в русской литературе, еще, можно сказать, в век первоизданной, почти не тронутой человеком природы, когда еще не только думать не думали, но и догадываться-то, кажется, даже не могли о тех проблемах, которые так

больно и остро встанут перед человеком полтора века спустя, еще в то далекое время — одним из первых на планете! — с тревогой и болью сказал об экологическом будущем человечества: что природа — мать наша, а мы ее малые дети и что в единстве с природой, в гармонии с ней, а не в противоборстве возможен нравственный человек. Без всего этого — он весьма опасное существо на планете, как для всех других биологических видов, так и для самого себя.

Сергей Тимофеевич Аксаков деликатно, ненавязчиво предостерег нас: если мы не восстановим семейные отношения с природой, нас ждет непоправимая беда. Мы не услышали, более того, мы стали безжалостно уничтожать ее как раз на родине Аксакова. Д. И. Менделеев, побывав здесь на рубеже XX века, уже со всей суровостью и откровенностью обозначил размеры будущей беды: «Тот горный узел питает воды, сгущает осадки и тем самым определяет на громадной площади жизнь русских людей. Истожи здесь леса — пустыми станут не только сами горы, но и плоскости, населенные миллионами русских... На Урале никоим образом не следует допускать истощения лесов...»

Мы и от этого предостережения отмахнулись. Чтить своих великих соплеменников — это не только развешивать их портреты на видных местах и шумно отмечать юбилеи, что, может, совсем не обязательно, а выполнять их заветы, и в этом смысле мы действительно похожи на Иванов-беспамятных. И, может, в этом есть страшная закономерность, может, своего рода наказание, что из светлых родников, столь многочисленных на родине Аксакова, вдруг хлынули ядовитые промышленные стоки — куда дальше-то, когда отравлены родники?! Когда на его родине в страшном газовом облаке взрываются целые поезда и от людей не остается даже пепла, когда там рождаются дети-тикеры. Нет, не

рокеры, я не оговорился, тикерами называют детей, которые от свинцового и, наверное, только дьявол знает, еще от какого, отравления рождаются с нервным тиком, впрочем, они еще в утробе матери начинают колотиться в стенки плода, словно в стены газовой камеры, задыхаясь, стремясь поскорее, раньше времени родиться, не подозревая, что ждет их в этом мире... И первая ядерная катастрофа была не в Чернобыле, а здесь, на Урале... Экологическая катастрофа, которая нависла над родиной Аксакова — не суть ли она нравственной катастрофы, которая бесшумно произошла с нами? Неужели мы уже действительно не народ, а лишь подвои на чужих корнях в чужом опытном саду?

Иначе, почему мы, умиляясь пленительным пейзажем С. Т. Аксакова, его необыкновенно поэтическим и тонким видением природы, чувством единства с ней, мы как бы специально оскверняем и уничтожаем места, связанные с памятью о С. Т. Аксакове, словно мешает он нам: не дай бог осознаем свое беспамятство?!

Природа в произведениях С. Т. Аксакова... Она — не фон или пейзаж, где происходит действие. Она сама — действующее лицо, и, может быть, самое главное. И я не случайно вспоминаю великого русского художника Михаила Васильевича Нестерова. Что прежде всего их объединяет? Это — согласие в их произведениях, духовное и физическое, глубинное и неразрывное: Матери-природы и Человека-сына. Они живут в их произведениях единой, согласной и счастливой семьей. Он и человек-то до тех пор, покуда помнит это. И Сергей Радонежский у Нестерова всегда среди природы, и благословляет на подвиг Дмитрия Донского не только он, но и природа.

И в связи с этим, может, самое главное. Говоря о произведениях С. Т. Аксакова, обязательно вспоминая о необычно музыкальном, народном их языке, опять-таки о его необыкновенном пейзаже, и все это — правда,

мы, кажется, ни разу не обратили серьезного внимания на то, что его главная книга названа «Семейная хроника» — совсем не случайно. И не это ли является одной из неосознанных причин пристального обращения сегодняшнего читателя к Аксакову? Не в этом ли еще особая притягательная сила этой книги? В наше бурное и стремительное время, время большой и неоднозначной общественной перестройки, происходит и не менее сложная перестройка семьи. Но в том ли направлении она идет? Может быть, еще поэтому мы так внимательно всматриваемся в ту двухвековую даль, чтобы определить: то ли выбрасываем на свалку, то ли берем за краеугольные камни, фундамент современной и будущей семьи?

Да, семья, как и общество в целом, изменяется. И, видимо, не надо бояться этих изменений, надо только, намеренно повторяю, понять, что главное, а что второстепенное и только с виду значительное или скорее соблазнительное, и в этом нам, может, больше, чем многие социологические и прочие исследования, помогут «Семейная хроника» и «Детские годы Багрова-внука» С. Т. Аксакова — семейная хроника двухвековой давности. И мы убедимся, что в семье, как и в нравственности вообще, есть те непреходящие ценности, которые не меняются, которые не должны меняться независимо от времени, независимо от меняющихся общественных отношений, а если менять их, то только в сторону укрепления, усовершенствования этих ценностей, прежде всего таких, как непререкаемый авторитет отца, взаимодоверие и взаимоуважение, взаимоподчинение интересов, но и место в семье каждого члена семьи, как и в обществе, ведь недаром мы говорим, что семья — ячейка общества.

Умалает ли женщину то, что во главе семьи стоит отец? По-моему, нет. Если же этот принцип нашу современницу умалает, то нужно не просто глубоко за-

думаться, а бить тревогу, значит, в ее нравственности, в ее обязанности перед семьей, обществом и будущим поколением произошел какой-то опасный сдвиг. Другое дело, отвечает ли в большей массе своей роли современный отец и мужчина, зачастую инфантильный и феминизированный семейным и женским школьным воспитанием (круг замкнулся) и зачастую излишне пристрастный к спиртному? Не слишком ли мы как-то уродливо поняли и стали претворять в жизнь так называемую эмансипацию, или раскрепощение женщины? Ведь дело еще в том, от чего она стала раскрепощаться: от того, что ее действительно закрепощало, или от священных ее функций и обязанностей?

Не от этого ли многие наши беды? Я уверен, что большинство женщин согласятся со мной. Эмансипация — это не освобождение женщины в семье от роли матери-хозяйки и хранительницы духовного здоровья и превращения ее в замотанного главу семейства, что, впрочем, не освобождает ее от прежних, чисто женских обязанностей, это — не обязательно главенство во что бы то ни стало ее в семье, хотя бы только ради престижа, при оставшемся преимущественном положении, что кормит семью все-таки отец. Эмансипация — это не дискредитация института отца как главы семейства перед детьми, перед самим собой и перед обществом, что вольно или невольно приводит к комплексу мужской неполноценности, и не это ли одна из причин его частого пристрастия к зеленому змию?

Эмансипация — это также не кирка в руках женщины на дорожных и строительных работах и даже не руководство фабриками и заводами (разумеется, что, в принципе, я не против этого), а духовное и физическое ее раскрепощение, оставляющее за ней не менее, а может, более важную, чем быть неременным главой семьи, роль, семейную и общественную — по-прежнему

быть нежной и чуткой хранительницей очага и воспитательницей детей в самом раннем и, как утверждают психологи и педагоги, самом ответственном возрасте. А то не превратилась ли наша эмансипация в еще большее закрепощение женщины при одновременном, как следствие, закрепощении мужчины? Не страдает ли от существующей ныне формы эмансипации прежде всего сама женщина, а следовательно, и семья, и общество в целом?

Где кроются причины уродливой эмансипации? Очевидно, процесс этот начался не вчера и не сегодня, а имеет большую историю. Но, несомненно, он был усилен, ускорен и вынужденным главенством женщин в семье в тридцатые, в сороковые и пятидесятые годы, довоенным, военным и послевоенным вдовством, когда наиболее здоровое физически и нравственно мужское население страны было замучено в лагерях, повыбито на войне, а вернувшаяся оттуда его часть, в большинстве своем израненная и искалеченная, еще долгие годы не могла взять на себя прежнюю роль? А потом, когда уже немного оправились от ран, в делах, в суете не остановились, не осмотрелись, не подумали — и потом не освободили женских рук и от мужских забот, и от многих других дел, забыв, что главное ее государственное дело — воспитывать детей, воспитывать будущее поколение; да еще попивать стали, все кивая на ту проклятую войну: она, мол, во всем виновата. Так-то оно так, но и гордость и честь мужскую надо не терять, а тут уж кое-кто и просто разлеился, и уж совсем не хотелось брать в руки эту самую кирку (мы и сегодня, ничуть не стесняясь, поем: «Я назову тебя зоренькой — только пораньше вставай, я назову тебя солнышком — только везде успевай...») — вот и получилось, что на самой что ни на есть тяжелой физической мужской работе у нас еще долгое время трудились женщины, а мы все больше ходили в бригадах да учетчиках, да в уполномочен-

ных, да еще в каких начальниках, больших и малых, и загрузили не только женские руки, но и женские души. И, может, тогда произошел очередной аномальный сдвиг-ожесточение — и, может, уязвленное чувство подавленной, точнее, искаженной женской сути и гипертрофированное, родившееся в результате всего этого чувство женского лидерства в семье в еще более искаженной форме передалось новому поколению, живущему уже в совершенно иных экономических, социальных и демографических условиях и потому так больно почувствовавшему этот диссонанс.

Впрочем, носителем «патриархальности» может быть не обязательно отец, а и мать, но движимая не ложным и порочным лидерством, а глубоким родовым чувством. Вспомним, что самые горькие и страшные поры войн и нашествий, сопровождаемые безотцовщиной, не развалили народ. Откроем, наконец, ту же «Семейную хронику» и убедимся, что истинным главой в семье родителей С. Т. Аксакова была мать. Да и в семье самого Сергея Тимофеевича. Уже не помню, кто из его биографов писал: «...семья эта, имеющая полное право на название образцовой, была создана больше всего любящим и замечательно выдержанным характером Ольги Семеновны, ее редким тактом, ее умом и сердцем, а между тем она достигла этого незаметно, не только не выдвигая себя на первый план, но даже не имея притязания ни на какое нравственное преобладание, но совершенно естественно, скромно и незаметно исполняя свой долг. Ее назначение было сохранять в семье внешний порядок и внутреннюю гармонию. Она вносила в нее теплый, ровный свет...»

И будущее семьи — только в истинном равноправии мужчины и женщины, оно — в истинном понимании ими своих родовых и социальных ролей, в истинной любви, в истинном союзе, в котором не может быть никакой выго-

ды, пусть даже если единственной выгодой является забота о будущем совместных детей. И тогда срабатывает обратная связь: раз семья абсолютно свободна, не жидется на законе, экономике или предрассудках даже, она станет крепче, то есть станет истинной семьей. И беда в том, что современная женщина в большинстве своем не пытается упрочить свои древние, изначальные и непреходящие позиции матери-жены (как, впрочем, и мужчина) — а именно в этом направлении должен лежать ее путь к истинному равноправию, — а пытается встать на место мужчины. При этом она неминуемо теряет свои изначальные качества и вольно или невольно начинает подстраиваться под него и действовать его методами. А это не возвращение к более, может, нравственному матриархату, а уродливая форма патриархата, по-женски экстремистская и истеричная...

И, возвращаясь к Аксакову, мы невольно сделаем вывод, что только в единстве с природой, которая в больших городах — а уже большинство из нас живет в городах — все больше уходит от нас, возможен гармоничный человек, что только в нравственно здоровой семье, имеющей продолжение как в прошлом, так и в будущем, вырастают нравственные и гармоничные дети и полноценные члены общества, если хотите, граждане. И не просто в единстве, а в триединстве: природа, материнское воспитание в самом раннем возрасте и отец — во главе всех углов. Если эта цепь распадется, если из нее выпадет хотя бы одно звено, а у нас зачастую выпадают сразу два, а то и три: и природа, и отец, а так как в этом случае кто-то должен зарабатывать на хлеб насущный, то и мать, замотанный глава семьи. Только семьи ли?

Такой нравственный урок, наверное, мы должны вынести из современного прочтения «Семейной хроники» Сергея Тимофеевича Аксакова. И вот эти, теперь

так остро вставшие перед институтом семьи проблемы он уже тогда предвидел и понимал, кажется, лучше нас, и уже тогда, наблюдая начинающийся процесс распада традиционной семьи, он, может, хотел предостеречь нас от тех нравственных, социальных и гражданских потерь, которые он неминуемо принесет.

Часто наши слова расходятся с делом. Легче учить других, чем следовать этим принципам самому. Что касается С. Т. Аксакова, то он жил в редкостной гармонии со своим творчеством и со своими идеалами: удивительно добрая и теплая была атмосфера этой семьи, крепкой родовыми и национальными традициями. Это была настоящая русская семья, большая, дружная, сильная авторитетом отца, главы семейства и не менее — авторитетом матери. Более того, как я уже говорил, она держалась как раз на неукоснительном авторитете Ольги Семеновны, дочери кутузовского генерала. И удивительно, сколько русского было в этой, в общем-то не очень русской семье (как и в Пушкине, Жуковском, Лермонтове, Дале, Флоренском...) — фамилия явно тюркская, жена — полутурчанка. Может быть, мы имеем перед собой лишнее доказательство, что все истинно русское — всечеловеческое?

Семья Аксаковых. Корни и корона... Сын Сергея Тимофеевича, Иван Сергеевич, позднее писал: «...в письмах к своим еще далеко не совершеннолетним сыновьям Сергей Тимофеевич всегда называл каждого из них: «мой сын и друг», — и сам подписывался: «твой друг и отец», — и под его пером это слово «друг» не есть ласковое название, оно определяет на самом деле отношение отца к сыновьям: он был для них искренним и истинным другом, он действовал на них не только примерами внешнего авторитета, но гораздо больше влиянием нежного, разумного, мудрого сочувствия».

«Все члены семьи были соединены редким единодушием, полным согласием вкусов, наклонностей, при-

вычек, а с годами на этой почве утверждалась глубокая внутренняя связь, заключающаяся в общности убеждений и симпатий, — писал А. Шенрок. — И все это создавалось не какой-нибудь обдуманной и определенной системой, но счастливым соединением в этой настоящей семье тех именно начал, которые имеют высокое воспитательное значение, и более чем вероятно, что это благодетельное влияние было именно тем действеннее и плодотворнее, что оно было совершенно естественное и невольное, где сама собой заложились такая правильная почва воспитания, там нет нужды ни в каких искусственных воздействиях и приемах».

Семья Аксаковых... В этой семье никогда не существовало проблемы отцов и детей. У здорового дерева не может быть противоречия между корнями и кроной. В здоровом обществе не может быть проблемы отцов и детей. К сожалению, почти вся отечественная словесность после Аксакова все более и более была посвящена этой печальной проблеме. И это была не блажь ее — она лишь с той или иной долей честности отображала трагическую объективность, хронически запущенную болезнь, которая в конце концов привела нас к национальной катастрофе.

В пятидесятую годовщину смерти С. Т. Аксаков в одной из статей, посвященных его памяти, особым шрифтом были выделены слова: «Аксаков по чистоте души был истинно русский человек... Аксаков дорог России как духовный отец того умственного течения, которое сделалось центром славянофильского движения».

Мне кажется, очень точно сказано, потому как была у нас очевидная тенденция оторвать С. Т. Аксакова от его «неблагополучных» сыновей. Его мы вроде признали за «своего», хотя и «далекого от общественно-политической борьбы» описывателя русской природы, но он сам по себе, а они — со своими странными мыслями о

России, о едином гармоничном человечестве — сами по себе, как бы совсем от других корней и к нему никакого отношения не имеют, более того, своим существованием как бы ставят его в неловкое положение.

Нет, они плоть и кровь его. Более того, В. Г. Белинский, обделенный счастливым детством (может быть, прежде всего в этом причина его «маратовской любви» к родному народу), с завистью и надеждой говорил: «Ах, если бы побольше было таких отцов у нас в России, как старик Аксаков!..» Обычно этим обрывают цитату, как бы подтверждая мои слова о стремлении оторвать С. Т. Аксакова от его сыновей, а она имеет продолжение: «...который сумел дать такое честное направление своим сыновьям, тогда бы можно было умереть спокойно, веруя, что новое поколение побольше нашего принесет пользы России».

С. Т. Аксаков видел в основе здорового и гармоничного бытия семью. Его старший сын, Константин Сергеевич, духовный продолжатель его дела, — находясь вместе с В. Г. Белинским и М. Бакуниным в кружке Станкевича, в 16 лет решительно порвал с ними; слишком прочный нравственный фундамент заложил в него отец, чтобы он мог соблазниться кровавым путем, — перенес это чувство на народ в целом. Он закладывал теоретические основы народного семейного бытия, видя его в «миру», в русской крестьянской общине. Он говорил: «Начало общины есть по преимуществу начало славянского племени, и в особенности русского народа, давшего ему кроме слова «община» (вполне русского, но несколько книжного) иное жизненное наименование: мир». Константин Сергеевич, как ему казалось — а это казалось не только ему, — подметил особую черту русского народа, в развитии которой он просматривал будущую общность всего человечества. Но видел он ее не в уничтожении национального, лич-

ностного ради этого общинного, что потом у нас проповедывалось и внедрялось, а наоборот: один народ входит во все человечество, как семья входит составной частью в народ. Он писал: «Народность есть личность народа, точно так же, как человек не может быть без личности, так и народ без народности. Да, нужно признать всякую народность, из совокупности их слагается общечеловеческий хор... Нет, пусть свободно и ярко цветут все народности в человеческом мире; только они дают действительность и энергию труду народов. Да здравствует каждая народность!»

Другой его сын, Иван Сергеевич, — о котором кто-то из современников сказал, «что он сильнее всего чувствует себя русским в трех случаях: когда слушает древние песнопения, когда слышит русскую народную песню и когда читает речи и статьи Ивана Аксакова о «наших русских делах», — распространил это семейное чувство на отношения между славянскими народами. Велика его роль в освобождении южных славян от турецкого ига. Он не только собирал средства на освободительное движение, он был его идейным вдохновителем, он вынуждал русское правительство действовать. Болгарские ополченцы называли себя «детьми Аксакова». Их форма, вошедшая в историю как «пехотная болгарка», была придумана И. С. Аксаковым. Всерьез обсуждалась идея выдвижения его на болгарский трон. Чешская газета «Народни листу», оплакивая его, скончавшегося от разрыва сердца, писала: «...в Аксакове народ русский потерял одного из величайших деятелей, и все остальное славянство оплакивает защитника и преданнейшего друга». И мы должны быть глубоко благодарны братьям-болгарам, что они сохранили в своих сердцах память о нем. 150-летие со дня рождения, 100-летие со дня смерти И. С. Аксакова никоим образом не было отмечено в нашей стране, болгарские же газеты

этим датам посвятили целые полосы. Имя Ивана Аксакова носит одна из центральных улиц болгарской столицы, улицы в других городах, село около Варны, гимназия в городе Пазарджик.

Были и по сей день предпринимаются попытки занести Аксаковых в разряд русских националистов. Это низкая ложь извечных истинных националистов, великих мастеров подмены. Семейное братское чувство Иван Сергеевич, как и другие славянофилы, как и все русские люди, распространяли и на другие народы. Не менее России, наверное, любил он Украину (как, впрочем, все в семье: сестра Надежда так пела украинские песни, что заслушивались украинцы), за описание украинских ярмарок ему будет присуждена Константиновская медаль, а позднее — Демидовская премия Академии наук.

Мысли И. С. Аксакова о духовном, братском единении славян, наверное, как никогда, злободневны сегодня, когда мир, страна наша силами зла специально раздраются межнациональными конфликтами, когда даже в нас, славян, смогли посеять семена взаимного недоверия, а общая беда, наоборот, должна объединить нас: семьей легче осилить любые невзгоды. И сегодня, как никогда, наверное, злободневно «Слово о полку Игореве»: люди, самонадеянно называющие себя совестью народа, какая же вы совесть, если вместо братства сеете раздор?! Вы больше похожи на тех князей...

Но И. С. Аксаков в своем родственном чувстве не замыкался на славянских народах. Он, например, выступал против онемечивания и русификации эстонцев и латышей, за что, кстати, был подвергнут аресту, приветствовал издание газет на латышском и эстонском языках. Сербская газета «Застава» откликнулась на его смерть такими словами: «Иван Аксаков был великан. Когда он говорил, голос его раздавался по всей Европе... До сих

пор не было публициста с большим значением, чем Аксаков. **Любовь Аксакова обнимала все славянство одинаково. Если бы мы жили при более благоприятных условиях, Аксаков, без сомнения, простер бы свою любовь на все человечество.** Но он видел, что славяне всех более угнетены».

И еще, что характеризовало его. Мюнхенская «Альгемайне цейтунг» писала: «К выдающимся людям России, которые были похищены смертью в последнее время, принадлежит, бесспорно, Иван Сергеевич Аксаков. Со своими противниками он всегда боролся средствами благородными и чистыми, почему даже его непримиримейшие враги не могли касаться чистоты и честности его характера».

И еще: «Честен как Аксаков» — это была почти посьловица.

Отвечая при аресте на вопросы государя, в графе «награждения» И. С. Аксаков писал: «Никаким награждениям знаками отличия не подвергался». Вот, полный достоинства, ответ истинного литератора и истинного гражданина! А еще он, старинный дворянин, выступал за упразднение дворянства как привилегированного сословия.

И в завершение своего короткого рассказа о И. С. Аксакове хочу сказать, что похоронен он, кажется, единственный из мирских — в основанной Сергием Радонежским Троице-Сергиевой лавре...

Как это ни парадоксально, как ни горько, Константин и Иван Сергеевичи, проповедуя семью, семейные отношения в народе и между народами, не оставили после себя детей. Они целиком отдали себя родному народу. Они как бы тянули небесный путь будущего всечеловечества. И только средний брат, Григорий Сергеевич, прокладывал земную дорогу: он продолжил аксаковский

род на земле: это его дочери посвятил Сергей Тимофеевич свою прекрасную книгу.

О Григории Сергеевиче мы знаем менее других братьев, хотя личностью по-своему он был не менее замечательной.

Более того, мы о нем почти ничего не знаем, и боюсь, что теперь ничего и не узнаем. Он остался для нас своего рода тенью своих знаменитых братьев, потому что Константин и Иван Сергеевичи сделали свои мысли и дела общественным достоянием, а он был скромным тружеником земной нивы и в то же время их страстным подвижником: он стал государственным чиновником и на этой ниве служил России. Большинство из нас даже не подозревает, что у Константина и Ивана Сергеевичей был такой брат, и потому я расскажу о нем поподробнее, хотя сделать это непросто.

Если Константина Сергей Тимофеевич отказался отдать даже в пансион Погодина в Москве: старший должен быть примером в семье и потому жить дома, то Григория он без всяких сомнений решил отправить в Петербург, в училище правоведения, в которое вслед за ним поступит и Иван — Сергей Тимофеевич к тому времени был уверен: он вложил в сыновей достаточно добра, что может не бояться ничьего вредного влияния на них. Единственный наказ он дал сыну — при всех своих поступках, а особенно при доставшихся в наследство вспышках гнева и вспыльчивости, думать об отце с матерью: чем это для них обернется.

В скором времени Гриша прислал письмо, в котором, опасаясь, что знакомыми будет истолковано в ложном свете, рассказывал родителям, что с ним случилось. К одному из его товарищей по учебе приехали родственники, и кое-кто из учащихся посмеялся над ними. Гриша не только не участвовал в этом, но даже пытался их остановить. Но директор, не вникнув в

суть дела, наказал весь класс, виновных и невинных, всех, кроме Гриши. Юноша не мог согласиться с такой несправедливостью, пошел к директору и попросил в таком случае наказать и его. Вместо того чтобы по достоинству оценить поступок молодого человека, директор вышел из себя, пригрозил даже определением в солдаты. Кровь ударила в лицо Гриши, в таком состоянии он мог сотворить, и тем более наговорить, что угодно, но в этот момент он вспомнил об обещании, которое дал отцу с матерью, — и сдержал себя. Только глаза его горели таким огнем, что директор от греха подальше выбежал из кабинета...

В 1844 году Сергей Тимофеевич, довольный своими сыновьями, писал Гоголю: «Костя переписывает набело свою диссертацию, Иван возвращается с ревизии из Астрахани, где он действовал с неожиданным, изумительным даже для меня достоинством мужа, а не юноши; Гриша служит товарищем председателя Гражданской палаты во Владимире и, хотя не изумляет меня, но утешает более Ивана...»

В апреле 1852-го Григорий Сергеевич назначен вице-губернатором — в 32 года! — Оренбургской губернии, центром которой была родина отца — город Уфа. В 1853 году он пишет прошение об отставке и едет за границу. В ноябре 1855-го он назначен вице-губернатором в Самару, где проявил себя с самой лучшей стороны. Потому 23 февраля 1861 года он назначен гражданским губернатором Оренбургской губернии, которая вскоре по его предложению в целях лучшего управления была разделена на две, и в этом же, 1861 году, он становится первым гражданским губернатором Уфимской губернии, которым будет по 1867 год. При нем произошло освобождение крестьян. Надо отметить, что в Уфимской губернии проведение реформы проходило спокойно, без крестьянских волнений. Современник отмечает,

что «Аксаков отдавал всю душу на ее осуществление». С Г. С. Аксаковым связаны многие как городские, так и губернские начинания. В историю Уфы он вошел прежде всего как градостроитель. Именно при его правлении сформировался административно-торговый центр Уфы и она стала стремительно развиваться. Если бы не Аксаков, то неизвестно, когда завершилось бы начатое еще в 1820-е годы строительство губернского центра. До его назначения дом губернатора стоял без крыши. Здания присутственных мест, гостиного двора, казарм стояли в развалинах. Причины такого долгостроя объяснялись гигантским казнокрадством, которое он решительно пресек. Г. С. Аксакова, без преувеличения, можно называть главным архитектором Уфы. При нем была открыта в 1865 году Мариинская женская гимназия, построено первое театральное здание. Надо заметить, что оно было построено не за счет казны, а усердием его супруги. Деньги от благотворительных концертов шли на содержание детского приюта, оказание помощи погорельцам Архиерейской слободы. Он добился того, что поселок знаменитого Златоустовского завода получил статус уездного города. 26 ноября 1865 года Г. С. Аксаков сам в высокотожественной обстановке вручил жителям Златоуста государев указ.

20 января 1867 года Григорий Сергеевич был переведен губернаторствовать в Самару, в истории которой он тоже оставил заметный и благодарный след. И здесь он проявил себя прежде всего как строитель. Он явился одним из инициаторов сооружения в Самаре Храма Христа Спасителя. Именно он предложил начать строить железную дорогу между Самарой и Оренбургом и соединить города губернии телеграфными линиями.

Известна роль самарцев в помощи болгарам в их освободительной войне против османского ига. С Самарским знаменем, которое стало символом братской

помощи всего русского народа, болгарские ополченцы защищали балканские перевалы. Но мало известна роль в этом Григория Сергеевича Аксакова, верного соратника своего ставшего легендарным в Болгарии брата, Ивана Сергеевича Аксакова, председателя Московского Славянского комитета, подвинувшего русское правительство на освободительную войну России против турецкого ига. Зная, мягко говоря, прохладное отношение российского правительства к деятельности Ивана Сергеевича, Григорий Сергеевич, будучи его верным соратником и одним из главных помощников, как губернатор, предпочитал оставаться в тени.

Пытаясь найти сведения о Григории Сергеевиче Аксакове, я перекопал кучу книг — увы... кроме общих характеристик, что он был замечательным человеком, или утверждений, подобных утверждению С. А. Венгерова, что «избравший административную карьеру Григорий Сергеевич был одним из наиболее замечательных губернаторов русских», ничего не обнаружил. Наконец в одной из статей о Константине Аксакове нахожу зацепку, что сведения о его брате Григории Сергеевиче можно найти в объединенных под одной обложкой девятом и десятом номерах журнала «Русский архив» за 1915 год и в журнале «Голос минувшего» за декабрь 1916 года.

Ищу. Увы, в «Русском архиве» о Г. С. Аксакове опять-таки лишь косвенное упоминание в одном из писем, но зато какое! Итак, известный актер, друг А. Н. Островского М. И. Писарев обращается к литератору Н. А. Чаеву. Речь идет о судьбе замечательного писателя-очеркиста, этнографа и фольклориста Павла Ивановича Якушкина. Ко времени, описываемому Писаревым, Павел Иванович в административном порядке был выписан в Астраханскую губернию. В нездоровом климате он тяжело заболел лихорадкой.

«Благодаря ходатайству многих влиятельных лиц, в том числе С. Г. Боткина, участь Павла Ивановича была облегчена переводом из Красного Яра в один из городов Самарской или Оренбургской губернии (то есть куда назначат), — сообщал М. И. Писарев. — Кто-то из тех, кому был поручен выбор города, назначил, вероятно по чувству гуманности и особой симпатии к «преступнику», только что пострадавший от пожара Бузулук. Положение Якушкина таким образом не только не улучшалось, а, напротив, в значительной степени оказывалось худшим. В Бузулуке после пожара оставалось всего с десяток уцелевших домов да две-три церкви, все же остальное представляло собой сплошную массу черных обугленных развалин. Жители помещались в землянках, наскоро сооруженных вокруг города. И этой-то трущобой должно было «облегчить» участь Павла Ивановича...

Я собрал совет из сведущих людей, на котором было решено отправить меня к Г. С. Аксакову, состоящему тогда в должности самарского губернатора, с просьбой принять участие в судьбе Якушкина и помочь по возможности своим влиянием.

Григорий Сергеевич был истинным сыном своего отца и не только по крови, но и по духу братом Константина и Ивана Аксаковых. Он принял самое горячее участие в Павле Ивановиче: благодаря ему и медицинскому освидетельствованию В. О. Португалова Якушкин остался в Самаре и отдан был мне на поруки».

Выздоровев, П. И. Якушкин смог продолжить свою научную деятельность, что потом дало возможность П. В. Киреевскому написать: «П. И. Якушкин, который с неутомимой благородной ревностью к этому делу исходил пешком многие и многие губернии единственно с целью собирать песни, в своей любви к русской народности находя силы бороться со всеми трудностями

и препятствиями, весьма значительно обогатил мое собрание песнями костромскими, тверскими, рязанскими, тульскими, калужскими и орловскими».

Публикация в «Голосе минувшего» касалась уже самого В. О. Португалова. Она так и называлась «Арест В. О. Португалова в Вятке». О Григории Сергеевиче там тоже было лишь упоминание: «В конце 60-х — начале 70-х годов в Самаре жилось как-то свободнее и легче, чем в других городах, не так стеснялась общественная самодеятельность и не слишком сильно давила рутина властной опеки в лице администрации, были разрешены публичные лекции по научным и социальным вопросам, была открыта школа для фельдшеров и фельдшерлиц с общеобразовательным курсом; открывавшееся первое земское собрание в Самаре могло насчитывать в рядах своих губернских гласных около десятка горячих и честных голов... Самарским губернатором в описанное время был Г. С. Аксаков... Вряд ли еще когда Самара увидит такого губернатора, каким был образцовый и гуманный Григорий Сергеевич! До него еще можно назвать достойных Греча и Мансурова, но после, насколько не изменяет память, — никого... Поэтому, пожалуй, и не будет удивлением, что Г. С. Аксаков не долго усидел губернатором: «подтянуть» прислали помпадур Климova, приступившего к разгрому земства и высылке его выдающихся деятелей. Г. С. Аксаков ушел в свою «бузулукскую деревню», вступил в ряды земских гласных, а в 80-х годах скончался (неточность: Г. С. умер в 1891 году. — М. Ч.) в звании губернского предводителя дворянства...»

И все другие свидетельства, какие мне удалось найти, были примерно такого же рода. Редкостные для других качества для Григория Сергеевича, как брата Константина и Ивана Сергеевичей, считались само собой разумеющимися, никого не удивляли, и потому

считалось необязательным сколько-нибудь подробно о Григории Сергеевиче писать.

Григорий Сергеевич в своей административной деятельности руководствовался совестью и законом, этого же требовал от своих подчиненных. И потому как в Самаре, так и в Петербурге многих не устраивал. В результате всевозможных интриг 13 декабря 1872 года он, правда, с большим почетом, был смещен с должности, так как «распустил» Самарскую губернию. Он уехал из Самары, спрятался в свою дальнюю усадьбу — село Страхово Бугурусланского уезда. Но общественной деятельности не оставил, точнее, ему не дали ее оставить: он был членом губернского собрания, гласным Самарской городской Думы. Трижды избирался губернским предводителем дворянства. Самарской городской Думой ему, как и в Уфе, было присвоено звание почетного гражданина города, было учреждено десять стипендий его имени в Самарской мужской классической гимназии и одна в реальном училище. Как и прежде в Уфе, он занимался устройением школ и больниц, собирал средства для строительства храма Христа Спасителя в Москве...

Г. С. Аксакова с народниками объединяла любовь к родному народу, но смотрел он на будущее родного народа с иных позиций и боролся за его будущее совсем иными средствами. Во время голодных годов 1873 и 1880 самоотверженная помощь Г. С. Аксакова крестьянам намного облегчила их участь. В журнале «Самарского земского губернского собрания» за сентябрь 1874 года есть такая запись: «...в уездах из местных землевладельцев, преимущественно пред всеми через тайного советника Г. С. Аксакова, который, проживая в имении Бузулукского уезда, сам активнейше разузнавал о нуждающихся в смежных с его имением волостях и сам раздавал пособия весьма значительному числу нуждающихся». Но неурожайные годы могут

повториться, как случалось и прежде, потому Г. С. Аксаков предлагал не только в масштабах губернии, но и всей страны обобщить печальный опыт неурожайного 1873 года, и когда это не было сделано, отправил резкую записку в Сенат.

В Петербурге, в рукописном отделе библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина хранится «Записка самарского губернатора», составленная Г. С. Аксаковым в январе 1868 года для Государя. Основываясь на своей работе в должностях вице-губернатора, мирового посредника и губернатора Оренбурга, Уфы и Самары, Григорий Сергеевич размышляет об особенностях крестьянского самоуправления, о взаимоотношении администрации и народа, о подготовленности последнего к проведению правительственных реформ. Причину неподготовленности, считает он, нужно искать в несостоятельности самой администрации в смысле неточного исполнения ею своего призвания, а вовсе не неподготовленностью общества к преобразованию. «Вопиющей несправедливостью» назвал Григорий Сергеевич Аксаков мнение о «несоответствии нравственных и умственных средств» крестьянской среды для успешного осуществления самоуправления. Он приводил убедительные примеры, доказывающие обратное. Главной же причиной, мешающей развитию крестьянского самоуправления, он считал неграмотность. Придавая огромную роль народному образованию, он потребовал от губернского статистического комитета провести подворную перепись, чтобы установить процент неграмотности. По его мнению, нужно уделять особую роль образованию крестьянок. Грамотная жена и мать, считал губернатор Аксаков, будет иметь большой авторитет, и ошутимее станет ее влияние на экономический и нравственный климат семьи. При его участии был разработан проект Положения о земской школе для сельских учительниц.

Г. С. Аксаков пользовался огромным авторитетом у крестьян. Крестьяне же Страховской области, где было его имение, называли его не барином, как было общепринято, а по имени-отчеству. Сохранилось свидетельство одного из арендаторов его земли: «Храни Бог, неурожай или другое что — толкнись к Григорию Сергеевичу, и отсрочит уплату, а в голодный год и во все простит». Знаменателен такой факт из воспоминаний того же А. И. Иванчина-Писарева. На его обращение к крестьянам-арендаторам Г. С. Аксакова поднять бунт против помещика, сельчане ответили решительным отказом, заявив, что «ничего плохого они от Григория Сергеевича не видели и что он всегда откликается на их нужды».

Да, он был своего рода белой вороной среди государственных чиновников того времени. Вынужденный не по своей воле оставить должность губернатора и уйти в свою бузулукскую деревню, он не замкнулся там. С 1884 по 1891 год он был самарским губернским предводителем дворянства и еще очень много сделал на этом общественном поприще. Смерть его была преждевременной. Обстоятельства ее мы знаем из воспоминаний его дочери, Ольги Григорьевны. Пришло время, и Григорий Сергеевич решил оставить хлопотную должность губернского предводителя дворянства, целиком посвятив себя внукам и устройству крестьян. Но летом 1890 года его уговорили послужить Самарской губернии еще один выборный срок, чтобы успешно провести реформу земских начальников и выбрать достойных. На одном из губернских собраний его уговорили, зная расположение к нему Государя, поехать в Петербург и постараться продвинуть ходатайство самарского дворянства о точном соблюдении выплат недоимок по ссудам, выданных в неурожайные 1873 и 1880 годы. Государь принял Аксакова, обещал содействие. Но вечером этого же дня министр внутренних дел Дурново уговорил императора оставить письмо

самарцев без внимания. И хотя Григорий Сергеевич еще целую неделю был в Петербурге и за это время два раза был на приеме у Дурново, тот промолчал об изменении решения царя. Григорий Сергеевич вернулся в Самару в хорошем настроении, уверенный в положительном исходе порученного ему дела, от решения которого зависело благополучие многих землевладельцев, пострадавших в неурожайные годы. Вечером 6 января узнал он о вероломстве Дурново. Потрясение было настолько сильным, что Григорий Сергеевич слег и в ночь на 24 февраля по старому стилю умер.

Прощалась с Григорием Сергеевичем Аксаковым, почетным гражданином города, вся Самара. После литургии в построенном им кафедральном соборе прощальная процессия, сопровождавшаяся пением хора архиерейских певчих, тронулась к железнодорожному вокзалу. Гроб и крышку несли на руках. За гробом шла масса народу. Ночью гроб прибыл на станцию Марычевка. Еще с вечера в ожидании поезда на станцию пришло много простого народа. На следующее утро гроб с телом покойного крестьяне несли на руках 18 верст до деревни Страхово. Путь пролегал через деревни Марычевку, Коноваловку, Богдановку. В каждой из них по просьбе крестьян останавливались и служили панихиду. Как это напоминает похороны пять лет назад его великого брата, Ивана Сергеевича. В многомиллионной Москве по свидетельству очевидца «100-тысячная масса самой разнообразной публики... огромная масса учащейся молодежи дружно, на перерыв, несла на руках высоко над головой белый глазетовый гроб с прахом идеально-честного русского человека в продолжение всей дороги от университетской церкви по Моховой, Охотным рядом, через Театральную площадь, Китайским проездом, Лубянской, по Мясницкой, к Красным воротам, на Каланчевскую площадь, к вокзалу

Московско-Ярославской железной дороги», чтобы быть похороненным, чуть ли не единственным из мирских, за свои великие заслуги перед Россией и русским народом в Троице-Сергиевой лавре. Григорий Сергеевич как бы повторил судьбу брата: то же настороженное отношение власти, для которой будущие революционеры казались менее опасны, чем славянофилы, та же опала, та же народная любовь и скорбь по почившему народному защитнику.

Проститься с ним вышла почти вся Самара, так несколько лет назад с Иваном Сергеевичем прощалась Москва. Как свидетельствовал один из современников, «27 апреля его тело должно было прибыть на станцию, отстоящую на 18-й версте от Страхова... Не доходя верст 5—6 от Страхова, стали чаще и чаще попадаться толпы крестьян, вышедших на версту, присоединяясь, увеличивая собой толпу, следовавшую за гробом...».

Похоронен он в родовом склепе в Страхове.

«Самарская газета» писала на сороковой день после кончины Григория Сергеевича: «Таких людей — не слова, а дела — должна помнить Земля Русская, говорим Земля, потому что считаем, что Григорий Сергеевич Аксаков принадлежал в известном смысле не одной Самаре, а именно Земле Русской».

Емкую характеристику Григорию Сергеевичу Аксакову дал в 1910 году в статье, посвященной 70-летию Императорского училища правоведения и отмечающей особо выдающихся ее выпускников некто Георгий Сюзор: «Безупречно благородный государственный и общественный деятель, много боровшийся с противниками реформ императора Александра II, отстаивая начала законности и права, коим до конца дней своих был верен, как истый правоведа и член аксаковского рода».

Что же касается Уфы, родины его отца, в которую он вложил часть своей души, то в уфимском некрологе

были такие строки: «Григорий Сергеевич был высоко чтим в Уфимской губернии как во время управления им губернией, так и до настоящего времени, и добрая память о его службе и личных высоких качествах надолго будет жить в сердцах уфимцев и летописях губернии».

Увы, в советское время его имя надолго было вычеркнуто из истории края. Большинство уфимцев даже не подозревает, что был такой губернатор. Что нужно делать, чтобы остаться в человеческой памяти? О губернаторе Наврозове мы знаем потому, что, борясь с холерой, он сжег город, предварительно обложив его навозом, о «губернаторе» Шакирове, недавнем первом секретаре обкома, потому, что он довел город до состояния экологической катастрофы и уничтожил ее неповторимый архитектурный облик, а о губернаторе Аксакове — ничего, словно его и не было, потому как делал одно добро. И только два года назад усилиями Аксаковского фонда на бывшем губернаторском доме, как не прискорбно, изувеченном ныне модным евроремонтом, появилась благодарная мемориальная доска.

Светлая ему память!

Удивительным человеком была и жена его, Софья Александровна Шишкова, дочь самарского помещика, родственница известного государственного деятеля, вице-адмирала А. С. Шишкова, служившего в разные годы государственным секретарем, министром народного образования, президентом Российской академии, близкого С. Т. Аксакову человека. Много раз писали об А. С. Шишкове, в том числе и уничижительного и оскорбительного, но для меня более всего о нем как о государственном муже и о человеке говорит факт, рассказанный С. Т. Аксаковым: «Александр Семенович, владея (крепостными. — *М. Ч.*) уже более десяти лет (Павел I подарил ему в Тверской губернии 300 душ крепост-

ных. — М. Ч.), не брал с них ни копейки оброка. Многие из крестьян жили в Петербурге на заработках; они знали, что барин получает жалованье небольшое и жил слишком небогато. Разумеется, возвращаясь на побывку в деревню, они рассказывали про барина в своих семействах. Год случился неурожайный, и в Петербурге сделалась во всем большая дороговизна. В один день, поутру, докладывают Александру Семеновичу, что к нему пришли его крестьяне и желают с ним переговорить. Он не хотел отрываться от своего дела и велел им идти к барыне; но крестьяне хотели непременно видеть его самого, и он нашелся принужденным выйти в переднюю. Это были выборные от всего села; поклонясь в ноги, несмотря на запрещение барина, один из них сказал, что «на мирской сходке положили и приказали ехать им к барину в Питер и сказать: что не берешь-де ты с нас вот уже десять лет никакого оброка и живешь одним царским жалованьем, что теперь в Питере дороговизна и жить тебе с семейством трудно; а потому не угодно ли тебе положить на них за прежние льготные годы хоть по тысяче рублей; а впредь будем мы платить оброк, какой ты сам положишь; что мы по твоей милости, слава Богу, живем не бедно и от оброка не разоримся». На третий день Шишков написал письмо, которого я не читал, но содержание которого состояло в том, что помещик благодарит весь мир за усердие, объявил, что надобности в деньгах, по милости царской, не имеет и обещал, что когда ему понадобятся деньги, то ни у кого, кроме своих крестьян, денег не попросит. Выборных и дядя и тетя угощали по горло, чем-то подарили, облобызали и отпустили... Впоследствии крестьяне упросили положить на них какой-нибудь оброк, говоря, что им совестно против других крестьян. Оброк был положен, разумеется, небольшой, да и тот собирался и употреблялся на их собственные же нужды. Вот как Шишков понимал помещичье право».

И тут невольно вспоминается другой близкий семье Аксаковых человек, более того, можно сказать, духовный наставник их старшего сына, Константина Сергеевича, — А. С. Хомяков. По свидетельству Ю. Ф. Самарина, он «за несколько лет до выхода высочайшего рескрипта приступил к исполнению давнишней своей мысли — отменить в своих имениях барщину и перевести своих крестьян на оброк. Он взялся за это дело не вдруг и не сгоряча, не под влиянием досады на хлопоты и неприятности, сопряженные с отбыванием барщины, но обдумав зрело все последствия и не скрывая от себя трудностей, которые он должен был встретить. Ему хотелось, во-первых, чтобы новый, задуманный им порядок утвердился не в силу помещичьего убеждения, а по обоюдному соглашению с крестьянами и, во-вторых, чтоб порядок этот оправдался в своих последствиях не как милость, на которую нет ни образца, ни меры, а как верный расчет, выгодный для крестьян и вовсе не разорительный для владельца. Переговоры его с крестьянами в имении, с которого он начал, продолжались довольно долго, каждый пункт предложенных им условий обсуждался на сходках, и некоторые из них были изменены по требованию крестьян... Через два года крестьяне другой деревни, принадлежавшей Хомякову, сами при мне приходили просить его, чтобы он перевел их на то же положение, и если я не ошибаюсь, теперь уже во всех имениях его или почти во всех барщина заменена оброком... В числе немногих, собравшихся в Даниловом монастыре в день похорон, вы, конечно, заметили крестьянина в дубленом тулупе, который не спускал глаз с гроба и обливался горячими слезами. Эти слезы красноречивее всякого надгробного слова...»

Софья Александровна Аксакова-Шишкова была попечительницей Уфимской женской гимназии. По ее инициативе в Уфе было построено первое театральное

здание. Одна из прекраснейших в городе липовых аллей по улице, которая ныне зовется Тукаевской, заложена тоже под ее руководством, и до недавнего времени она ласково называлась Софьюшкиной аллеей, или Софьиным садом, хотя при закладке была названа Театральным садом. Она помогала бедным и обиженным. Так уж она была воспитана... Впрочем, я полностью согласен с С. А. Венгеровым, когда он писал об Аксаковых: «Сила этой семейной любви была так велика, что заряжала и тех, которые к ней примыкали позднее. Так, жена Григория Сергеевича была не просто невестка, а стала настоящей дочерью!..» И я сразу вспоминаю, как в традициях русской народной свадьбы приветствовал ее и сына Сергей Тимофеевич в 1843 году: «Здравствуйте, мой князь новобрачный с молодой княжной! Здравствуй, моя новобрачная княгиня с молодым князем! Здравствуйте на многие лета!..»

Константин и Иван Сергеевичи тянули небесный путь, а Григорий Сергеевич рядом с ними прокладывал нелегкую, тернистую земную дорогу. У земного пути, несмотря на все трудности и ухабы, все-таки больше опор, и он прожил дольше своих братьев и одарил Сергея Тимофеевича единственной внучкой, Ольгой Григорьевной Аксаковой, скромной и великой продолжательницей его дела на земле.

И в завершение рассказа о Григории Сергеевиче давайте не забудем, что именно он «подыскал» Абрамцево. Сколько до того искали, но «то есть вода, нет леса, то есть лес, нет воды». И вдруг Абрамцево... Он помнил, что отца назвали в честь святого Сергия, что всю жизнь его тянуло к нему, и потому снова поехал искать в окрестности Троицы... И лес, полный грибов, и река Воря, так похожая на реку детства Дему и обильная рыбой! И с балкона виднелся Хотьковский женский монастырь, где покоился прах Марии и Кирилла, родителей Сергия Радонежско-

го... А рядом — Митино, связанное с именем Дмитрия Донского, в войске которого на Куликовом сражались предки Аксаковых...

Но вернемся к «Семейной хронике» и «Детским годам Багрова-внука». Рядом с Надеждином, где родился Иван Сергеевич, где провел раннее детство Константин Сергеевич, — по словам Ивана Сергеевича, он «любил вспоминать (он вообще с нежностью относился к своим детским годам) свое пребывание в Надеждине и чем с ранних лет воспитывалось в нем русское чувство», в основании небольшого холма, называемого Дунюшкиной горой, я нашел вросший в землю каменный четырехугольник. Мне объяснили, что это остатки одной из построек усадьбы Ольги Григорьевны Аксаковой. Необыкновенная совестливость Григория Сергеевича перешла дочери.

21 декабря 1851 года Сергей Тимофеевич поздравил свою шестилетнюю внучку (он, наверное, все чаще задумывался, что она может остаться единственной продолжательницей рода Аксаковых) с днем рождения. Подарком было шутивное стихотворение, в котором он обещал написать книжку:

Рано дед проснулся,
Крякнул, потянулся,
Давши мыслям волю,
Вспомнил внучку Олю.

Семь часов пробило;
Затопили печку.
Темно очень было,
И зажег он свечку.

И дедушка хилый
К внучке своей милой

Пишет поздравленье
С днем ее рожденья.

.....
Если Бог даст силы,
Ровно через год
Оле, внучке милой,
Дедушка пришлет
Книжку небольшую
И расскажет в ней:
Про весну младую,
Про цветы полей,
Про малюток-птичек,
Про гнездо яичек,
Бабочек красивых,
Мотыльков игривых,
Про лесного Мишку,
Про грибочек белый —
И читать день целый
Станет Оля книжку.

Но через год свое обещание он не выполнил. Еще через год, снова поздравляя внучку, уже восьмилетнюю, он писал ей: «Милая моя Оля! Два года тому назад я стихами обещал тебе прислать через год книжку; но дай Бог, чтобы к будущему дню твоего рождения она была готова. Да и книжка выходит совсем не такая, какую я обещал тебе».

Действительно, в ходе работы замысел книжки существенно изменился. Это было теперь не столько воспоминание о прошлом, о своем детстве, сколько обращение, послание в будущее — как своей семье, так и в будущее своего народа.

Мимо ныне голой Дунюшкиной горы стучат поезда. Некоторые останавливаются на станции Аксаково, что в километре отсюда. Когда в начале века

тянули мимо Надеждина Великую Транссибирскую магистраль, основанную рядом с Надеждином станцию назвали именем С. Т. Аксакова. Ольга Григорьевна Аксакова! Удивительно светлым и чистым она была человеком! Среди множества других больших и малых дел она основала одну из первых в стране и первую в Башкирии кумысолечебницу для туберкулезных больных, которая и выросла в современный санаторий имени С. Т. Аксакова. В прошлом году санаторий отметил свое столетие — накануне двухсотлетия со дня рождения Сергея Тимофеевича. Мать Сергея Тимофеевича в свое время вылечилась кумысом и родила России одного из ее славных сыновей. И вот теперь его внучка основала первую в Башкирии кумысолечебницу для туберкулезных больных. Родившаяся в семье народных подвижников, она не могла не стать народной подвижницей. Посвящая ей свою книгу, Сергей Тимофеевич свято верил в нее. А она кроме того свято помнила, что Надеждино было подарено прадеду его теткой, Надеждой Ивановной Аксаковой-Куроедовой, выведенной С. Т. Аксаковым в «Семейной хронике» под именем Прасковьи Ивановны Багровой-Куролесовой. Дочь шкипера морского флота Ивана Петровича Аксакова, будучи бездетной, она по духовному завещанию определила: «...записанных за мной по пятой ревизии, Симбирского уезда, в селе Троицком, Чуфарово тож, крестьян 264 мужского пола, со всеми их семействами и со всеми принадлежащими к оному землями, отныне и навсегда, вечно и потомственно, оставляю вольными хлебопашцами, с тем чтобы они, сверх обыкновенных податей, платили ежегодно с каждой души по два рубля в Симбирский приказ общественного призрения на содержание существующей в Симбирске Александровской больницы». Она также отдавала своим крестьянам большой фруктовый сад, два каменных флигеля и две мукомольные

мельницы. Господский же дом она завещала на слом племяннику своему Тимофею Аксакову — непременно на слом, чтобы ни у кого не было соблазна после смерти ее воцариться тут. Ее опасения оказались не напрасными. Так оно и случилось: наследники опротестовали ее завещание и снова закрепостили крестьян, что дало возможность Н. В. Шелгунову и некоторым другим, ревниво относящимся к С. Т. Аксакову доморощенным демократам с некоторой язвинкой намекнуть на то, что не такие уж святые люди были эти самые Аксаковы, не удосужась узнать или делая вид, что не знают, что наследники были как раз не Аксаковы.

В XVIII веке одно время уфимским вице-губернатором был П. Д. Аксаков. Как установил уфимский краевед Г. Ф. Гудков, он приходился С. Т. Аксакову «восьмиюродным трижды прадедом». Можно было бы вообще не упоминать об этом факте, если бы он не давал основания думать, что весь род Аксаковых изначально отличался какой-то особой совестью перед родным народом: активная деятельность П. Д. Аксакова по расследованию злоупотреблений русских чиновников и башкирских старшин породила недовольство местного дворянства и правительства. В 1744 году он по подложному доносу был вызван в Петербург, его дело передали в суд (даже существует книга «Суд над бригадиром Аксаковым»), и он не только был смещен, но даже на всякий случай ликвидировали в Уфе самую вице-губернаторскую должность.

Как это ни дико и ни нелепо, но в том числе и суд над П. Д. Аксаковым послужил уже в наше время поводом для «гонений» С. Т. Аксакова. Подложные показания расхитителей башкирских земель против П. Д. Аксакова, невежественные, но имеющие партийную власть люди использовали как основание против увековечения памяти его восьмиюродного трижды

правнука: с великим трудом в Уфе был спасен от сноса дом, в котором Сергей Тимофеевич Аксаков провел свое раннее детство и по которому, как с путеводителем, можно ходить с «Семейной хроникой» и «Детскими годами Багрова-внука».

Удивительно цельная и совестливая семья, чувствующая обостренную ответственность перед родным народом и у которой мы многому должны учиться! Как много каждый из ее членов сделал для своего народа, для того, чтобы мы помнили о ней, хотя делали они это совсем не ради славы, это было их естественной необходимостью. Ольга Григорьевна не посрамила посвящения ей «Детских годов Багрова-внука», это посвящение накладывало на нее большую ответственность, и она с честью пронесла его по своей жизни. При содействии Ольги Григорьевны были изданы многие рукописи из семейного архива Аксаковых, в частности «Дневник Веры Сергеевны Аксаковой, 1854—1865». Вместе с Анной Федоровной Тютчевой-Аксаковой она издает четырехтомник «Иван Сергеевич Аксаков в его письмах». А после смерти Анны Федоровны, которая пережила мужа всего на три года, и после раздела имущества с братом Сергеем Григорьевичем Ольга Григорьевна стала единственной хранительницей огромного аксаковского архива, прежде всего архива Ивана Сергеевича Аксакова. Архив этот, который, как она писала в одном из писем, «занимает целых три сундука», в 1914 году был перевезен из Самары в имение Языково Могутовской области Бузулукского уезда, куда она переселилась под старость. Раньше имение принадлежало родственникам поэта Н. М. Языкова, оно было приобретено Г. С. Аксаковым в 1847 году накануне свадьбы с Софьей Александровной Шишковой.

До переезда в Языково, в 1909 году, к 50-летию со дня смерти С. Т. Аксакова, в здании самарского дворян-

ского собрания бы создана комната-музей С. Т. Аксакова. Ольга Григорьевна передала комнате-музею переписку С. Т. Аксакова с родными (479 писем), два портрета С. Т. Аксакова, множество семейных фотографий, его неоконченную рукопись под названием «Болото» (произведение С. Т. Аксакова с таким названием исследователям его творчества неизвестно), некоторые семейные вещи и якобы диван, на котором, по семейному преданию, любил отдыхать в Абрамцеве Н. В. Гоголь. Многие из перечисленного позже пропало.

В Языкове Ольга Григорьевна продолжала разбирать архив, начала готовить к изданию полное собрание сочинений К. С. Аксакова, вела обширную переписку с исследователями творчества С. Т. Аксакова, К. С. и И. С. Аксаковых. Но тут грянула революция, за ней Гражданская война. Помещичьи усадьбы горели сотнями и тысячами. Но усадебный дом в Языкове сгорел, по некоторым свидетельствам, еще в 1914 году, и я не могу сказать, переехала Ольга Григорьевна в Языково до или после пожара. В 1919 году фронт практически проходил через село, то его занимали колчаковские части, то красные. Когда занимали белые, ей приходилось идти в штаб и защищать крестьян, убеждать, что они не обижали свою бывшую барыню, а, наоборот, как могли, помогали, а когда село переходило в руки красных, теперь уже крестьянам приходилось отстаивать свою бывшую помещицу, убеждать, что она никогда не обижала крестьян.

Удивительная все-таки страна Россия! Удивительные люди в ней живут, и в этом великая надежда. В 1919 году в самый разгар Гражданской войны в Самаре организуется Общество археологии, истории и этнографии при Самарском государственном университете. Оно обеспокоено судьбой аксаковского архива и назначает Ольгу Григорьевну своим научным сотрудником. По ходатайству Общества ей была даже назначена пен-

сия, другое дело, получала ли она ее и можно было ли на нее прожить.

В именном указателе к четырехтомному собранию сочинений С. Т. Аксакова (М., 1955 — 1956) вместо даты смерти Ольги Григорьевны стоят прочерк и вопрос. В Уфе славные и светлые старички Андрей Андреевич и Марина Ивановна Мейеры рассказывали мне о последних днях ее жизни. Умерла она в 1921 году в развороченном Гражданской войной Языкове. Война была жестокая, как мы долго говорили, классовая, ожесточившая души людей, но языковские крестьяне не только не тронули свою бывшую помещицу, а, наоборот, охраняли, оберегали ее от всех бед, выдали ей нечто вроде охранной грамоты, учредили что-то вроде пенсии, собирая ее из добровольных пожертвований: кто несколько картофелин, кто беремья дров... В марте 1920 года она так заканчивала письмо к своему крестнику Андрею Мейеру, студенту Томского университета: «Твоя старая-престарая крестная, которой с тех пор, как мы не виделись, пришлось пережить много тяжелого и трудного, но все-таки сравнительно с тем, что делается в других местах. Благодаря Бога и языковских крестьян, которые охраняют меня, как только могут и умеют...»

Но это было еще в марте 1920 года. В 1921 году в Поволжье разразился страшный голод, вызванный засухой и Гражданской войной. Люди вымирали целыми семьями, даже деревнями, началось людоедство. Каждый думал уже только о себе, до бывшей барыни ли было. Семидесятидвухлетняя Ольга Григорьевна вынуждена была собирать милостыню. Умерла она, подавившись горячей картофелиной, которую принес кто-то из крестьян. Могла ее неизвестна. А может, ее никто и не искал?

Аксаковская комната в Самаре продолжала существовать до 1923 года. Заведовал ею молодой ученый-историк Михаил Николаевич Тихомирлов, позже ака-

демик. Вот строки из его книги «Самара в моей жизни (1919 — 1923 гг.)»: «Когда Ольга Григорьевна умерла, к Хованскому (заведующему Самарским губернским архивным бюро. — М. Ч.) явилась женщина, служившая у последней Аксаковой, и заявила о том, что в доме, где жила ее хозяйка, сохраняется большой архив.

Для спасения этого архива и для вывоза его в Самару был послан я. Архив был доставлен в Самару. Здесь, в Самаре, его поместили в Аксаковской комнате. После чего вездесущий Сергей Александрович Хованский выхлопотал деньги для его описания, которое и поступило вместе с аксаковскими вещами в Пушкинский дом».

Боже мой, вот в чем истинное величие русского народа! Нужно только представить, что все это делалось в страшном 1921 году. Можно представить, как добиралась обессиленная от голода женщина, «служившая у последней Аксаковой», в Самару, ее не просто выслушали, кто-то выделил средства на поездку, как ехал туда Тихомиров, кроме всего прочего ему грозило быть просто-напросто съеденным. Оказывается, десятки людей в поверженном голодом Поволжье думали, что аксаковский архив будет нужен будущей России, и делали все возможное, чтобы его спасти.

Вот отрывок из «Отчета М. Н. Тихомирова Обществу археологии, истории и этнографии при Самарском государственном университете о вывозе архива Аксаковых. 5 августа 1921 года»: «...но среди помещичьих архивов Самарской области особенное значение имел архив семьи Аксаковых... До последнего времени этот архив был под охраной бывшей владелицы Языковского имения 70-летней Ольги Григорьевны Аксаковой, внучки Сергея Тимофеевича Аксакова. Со смертью Ольги Григорьевны, последовавшей в апреле текущего года, вопрос о перевозке архива возник с новой силой. Со смертью ее охрана его перешла как бы по наследству к Хионии Семеновне

Лихачевой. Вот этим двум женщинам аксаковский архив главным образом и обязан своим спасением почти среди общего разгрома помещичьих усадеб.

Надо отметить, что языковские крестьяне поразительно хорошо отнеслись к усадьбе и ее бывшей владелице. Здесь сказывалась, конечно, симпатия к личности самой О. Г. Аксаковой. Но опасность грозила с другой стороны: больше всего от местных волостных заправил, которые смотрели на имение как на собственность волости. Правда, Бузулук, в свою очередь, принял меры к сохранению имущества: дана была бумага о неприкосновенности бывшего аксаковского дома, а затем сама О. Г. Аксакова была назначена запасной учительницей с поручением охранять архив. Далее Языково посетил заведующий Бузулукским отделом народного образования Д. Романовский, принимавший заботливое участие в спасении архива.

Но вслед за этими мерами пошла уже неумеренная опека в каких-то странных и несуразных формах. При этом совершенно не считались с личностью О. Г. Аксаковой: забывали, что дело спасения этого архива является единственной целью ее уже догоравшей жизни; забывали, что в ее лице следовало видеть не только бывшую помещицу, но и внучку большого русского писателя. Бузулук не ограничился частичными посылками инструкторов и отправил целую комиссию, в состав которой входили: заведующий музейным отделом, художник, Бородулин (? — М. Ч.) и еще четвертое лицо. Комиссия составила опись предметов. Конечно, составить в короткое время хорошую опись многочисленных бумаг архива не представляло никакой возможности. Но комиссия должна была принять на учет все картины и фотографии и озаботиться охраной всего имущества. Но специалист-художник, находившийся в комиссии, исполнил свою задачу весьма странно. Так, были приняты

на учет плохие копии масляными красками и оставлен без внимания ряд ценных фотографий и рисунков. В заключение, несмотря на протесты О. Г. Аксаковой, были изъяты упомянутые выше рисунки грибов и «Записки охотника», а также несколько альбомов. (Вот как сама О. Г. Аксакова охарактеризовала 29 марта 1920 года в письме С. А. Хованскому деятельность комиссии: «13/26 марта налетела на меня комиссия Бузулукского отдела народного образования и нахальным образом все отобрала, предъявив безграмотную бумажку А. Бородулина, копию которой Вам высылаю...»)

Приезд комиссии мог только усилить опасения за целостность архива, который понемногу начали развозить. Весной 1921 года произошли новые события, показавшие непрочность охраны в руках престарелой О. Г. Аксаковой. Приехали представители Могутовского волисполкома и отобрали кое-что из мебели и столовую лампу. Далее прибыл второй волостной милиционер Сермягин и произвел обыск. В результате обыска он отобрал два аксаковских альбома с чистыми листами. При этом Сермягин крайне грубо обошелся с престарелой Аксаковой. В ответ на ее протесты Сермягин отбросил Аксакову локтем в грудь. Такова была атмосфера, нависшая над архивом весной 1921 года. Со смертью О. Г. Аксаковой (не визит ли волисполкомовцев и гражданина Сермягина ускорил ее смерть? — М. Ч.) положение стало еще хуже. К счастью, за спасение архива взялась местная уроженка А. Г. Смарагова. Она нашла силы съездить в Самару и там окончательно выяснить положение архива. При таком положении дел я прибыл в Языково. Очень скоро я увидел необходимость немедленного вывоза всего ценного имущества в безопасное место.

Поэтому мною были приняты меры к упаковке не только собственно рукописного материала, но и наи-

более ценных портретов и вещей. Из них особенно громоздкими являлись две реликвии старинного аксаковского быта — бюро и зеркало красного дерева, по преданию принадлежавшее самому дедушке Степану Михайловичу, герою «Семейной хроники». Одно время я даже намеревался оставить эти вещи в имении. Но после некоторых хлопот удалось их запаковать в надежные ящики.

Архив на подводах был переправлен на станцию Большой Толкай, а оттуда багажом по железной дороге в Самару. Большую помощь в деле вывоза оказал мне Н. А. Белгородский, на долю которого выпали хлопоты по перевозке архива по железной дороге.

Что касается рукописного материала архива, то я нашел этот материал в сохранности, но часть его была в беспорядке и хранилась по шкапам и столам. Оказалось, что О. Г. Аксакова незадолго до смерти принялась снова за разработку архива, желая выполнить поручение Общества археологии при Самарском университете, а именно: сделать копии наиболее ценных бумаг. Остальной материал хранился в огромном сундуке и знаменитом бюро, в порядке, приданном ему О. Г. Аксаковой.

Что касается самого языковского имения, то надо заметить, что оно вовсе не отвечает представлению о большом дворянском гнезде. Правда, большинство построек еще сохранилось, и сам «барский» дом представляет только маленький флигелек в четыре комнаты с кухней, сохранившийся от пожара, истребившего в 1914 году большой дом. Внутри сохранившийся домик поражает простотой и даже бедностью убранства — старая мебель, копии с картин на стенах, два шкапа с французскими и английскими романами. Но и в этой бедности убранства теплятся какие-то воспоминания о минувшей жизни. Было бы крайне и обидно, и тяжело, если бы это последнее гнездо внучки большого русско-

го писателя постигло разорение. Между тем этот домик в парке, пышно раскинувшемся вокруг него, мог бы сделаться отличным домом отдыха для нескольких научных работников. Это спасло бы гнездо Аксаковых от запустения и дало бы возможность восстановить силы не одному работнику...»

Увы, самое главное разорение ждало впереди. И Языково, и Страхово через несколько десятилетий уйдут на дно нового рукотворного моря, рабами-строителями которого будут десятки тысяч оторванных от семей, от матушки-земли крестьян, без преувеличения сказать, генофонда русского народа. Вот к чему привело революционное, сатанинское нарушение семейных отношений в народе и семейных отношений с природой...

Но вернемся в Надеждино, которое тоже не минуло разорение. Может, Н. В. Гоголь, когда писал из-за границы, убеждая С. Т. Аксакова начать «воспоминания прежней жизни», что они доставляли бы «много полезных в жизни уроков, а всем соотечественникам лучшее познание русского человека. Это не безделица, а немало-важный подвиг в нынешнее время, когда так нужно нам узнать истинные начала нашей природы...», имел в виду прежде всего хозяина Надеждино Михайлу Куроедова, который был прямым порождением крепостничества, с которым упорно боролась семья «крепостников» Аксаковых: они понимали, что затягивание этого вопроса, а потом несправедливое, половинчатое его решение рано или поздно приведет к кровавой, губительной для России революции.

Н. П. Гиляров писал о «Семейной хронике»: «...если хотите, она есть тот же исторический роман по внутреннему смыслу жизни, который сквозит через эти, незначащие для истории лица и события! И какой роман! Огромный роман... который обнимает собой время це-

лого столетия, характеризует две великие эпохи...» Рассказывая о Куроедове-Куролесове, Сергей Тимофеевич между прочим писал: «Избалованный страхом и покорностью всех его окружающих людей, он скоро забылся и перестал знать меру своему бешеному своеволию...» Пытаясь анализировать этот образ, Аполлон Григорьев размышлял: «Эти типы последних времен нашей литературы, бросившие неожиданно и внезапно свет на наши исторические типы, — этот Куролесов, например, из «Семейной хроники», многими чертами своими лучше теории гг. Соловьева и Кавелина, разъясняющих нам фигуру Грозного Ивана...»

И холодок бежит по спине, потому что пример этот разъясняет, как мы теперь убедились, и фигуры очень далекого для того времени будущего: когда в жертву бессмысленного «озорства» будут предоставлены не только жена и несколько сот крепостных, а весь народ русский, отданный всем скопом в новую крепость. Корни и крона... «Семейная хроника» XX, а может, и XXI века.

Если мы не выявим, где корни этого зла, мы не сможем быть уверены, что оно не повторится в будущем. Базаровы начали отрицать связь отцов и детей. Их дети уже просто не чувствовали этой связи, они уже начали стрелять и бросать бомбы в своих отцов. А дети этих детей, вскормленные, словно порошковым искусственным молоком, чужой ядовитой идеей, уже считали, что лучшим «семейным» уделом родного народа является ГУЛАГ, а нормой — «семью», в которой сын «не отвечает» за отца, более того, основным нравственным принципом которой является поведение, когда сын доносит на отца... Многим из нас наивно и доверчиво кажется, что ядовитое дерево вырвано с корнем. Но в роли вырывателей те, кто это дерево сажал. И вместо вырванного мастера подмены сажают свое, еще более ядовитое.

Чего я боюсь? Несколько лет назад в Пермской области был такой случай. Неожиданно начался массовый падеж скота. Прибывший срочно врач установил: сибирская язва! Но откуда?.. В конце концов выяснилось, что недавно на берегу реки вели раскопки студенты-археологи. Они обнаружили, что примерно в VII веке поселение погибло от какой-то страшной болезни. Оставшиеся в живых наспех сожгли дома и навсегда ушли отсюда. И вот их поспешность привела к тому, что были сожжены не все микробы страшной болезни. Они ждали своего часа 13 веков!

А в нашем с вами случае?..

Трех старших дочерей Сергей Тимофеевич назвал Вера, Надежда, Любовь. Оказалось, что, подобно братьям Константину и Ивану, они в меру своих скромных сил тянули, скорее, небесный путь, начертанный отцом... Особое место среди них занимала старшая, Вера Сергеевна. Как писал Иван Сергеевич, «она свято хранила заветы и предания всей нашей школы. Она для меня служила руководительницей и поверкой». Вере Сергеевне слепнувший Сергей Тимофеевич диктовал «Семейную хронику», то есть, по сути дела, она была его редактором. Ей он, уже ослепший, диктовал все свои последние произведения. Бесценным документом к пониманию семейной и общественной жизни Аксаковых стал опубликованный в 1913 году заботой Ольги Григорьевны уже упомянутый мною «Дневник Веры Сергеевны Аксаковой». Самая младшая из сестер, Софья Сергеевна, внесла свою лепту в общее дело. Она сделала все, чтобы Абрамцево после ее смерти не попало в случайные руки, чтобы не погибло святое дело, начатое здесь. Посоветовавшись с Григорием Сергеевичем, в 1870 году она продала имение человеку богатейших дарований, страстно влюбленному в Россию и страстно думающему о ее бу-

душем, крупному промышленнику и меценату Сергею Ивановичу Мамонтову. Она понимала, что Абрамцево, одно из сотен подмосковных имений, в соединении с именем отца, братьев, людей, бывавших в нем, вместе с соседним тютчевским и в то же время аксаковским Мурановом (на Анне Федоровне Тютчевой был женат Иван Сергеевич) и, разумеется, с Троице-Сергиевой лаврой, стало одним из нравственных центров России.

С. И. Мамонтов, купив запущенную усадьбу, из-за болезни сына уехал за границу и там встретил множество прекрасных русских художников, вдали от сирой родины ищущих вдохновения. Там, в лучезарной благодати, пришла ему мысль собрать их всех, разъединенных, мятущихся и мечущихся, и увезти в Россию, и именно в Абрамцево, и продолжить вместе с ними дело, начатое С. Т. Аксаковым, то есть искать себя не в заморских странах, а на родине, в родном народе и, найдя себя, служить ему, работать на его будущее.

В аксаковский период в Абрамцево развивалась в первую очередь литературная, философская, общественно-политическая мысль, то есть как бы закладывался фундамент для будущего России (впрочем, если не отрывать Абрамцева от Радонежья, первый период русского самосознания был здесь все-таки в пору Сергея Радонежского). Абрамцево же во время С. И. Мамонтова можно назвать вторым после аксаковского периодом русского самосознания. Он — как стены на фундаменте, а точнее, как ствол на корнях, выбрасывающий в небо и во все стороны живые ветви, — распространил это самосознание прежде всего на те области русской жизни, которые не успел охватить первый период. Он развил отечественную живопись, театр, музыку. Если люди аксаковского окружения отдали много сил, а некоторые — всю свою жизнь, собиранию устного народного творчества, то теперь в Абрамцево старались раскрыть и

углубить традиции народных художественных промыслов. И, как говорил С. И. Мамонтов, в доме витал «дух старого Аксакова».

Будет ли у Абрамцева новый период русского, а значит, всечеловеческого самосознания, ибо эти понятия синонимы? Это зависит от нас с вами, впадших в несемейную междоусобицу и смуту.

Из тихого, но деятельного подвижничества отдельных людей слагается общее семейное дело всечеловечества... Через три года после смерти С. Т. Аксакова в той же Уфе родится такой же «нежилец» М. В. Нестеров (оба они чуть не умерли в младенчестве), так же в детстве его увезут из Уфы, так же он будет жить в Москве в Сивцевом Вражке и всю дальнейшую жизнь посвятит Сергию Радонежскому, и видение отроку Варфоломею, будущему преподобному Сергию, на его картине явится не где-нибудь, а именно в Абрамцеве, в светлой долине, раскинувшейся перед окнами аксаковского дома. Не знаю, есть ли тут какая-нибудь связь, но свою дочь-первенца М. В. Нестеров назовет Ольгой. В 1909 году на народные пожертвования со всей России в Уфе будет заложен Аксаковский народный дом, и, подобно П. М. Третьякову, подарившему Москве свою картинную галерею (он просит Крамского написать специально для его собрания портрет С. Т. Аксакова), М. В. Нестеров дарит Уфе для Аксаковского народного дома свое собрание картин, с нее начался нынешний Художественный музей имени М. В. Нестерова, благодаря его постоянному вниманию, несомненно, ставший одним из лучших в стране, но, к сожалению, влачащий жалкое существование в небольшом купеческом особнячке.

Семья Нестеровых, как и семья Аксаковых, была семьей скромных и великих народных подвижников. Впрочем, об этом можно было бы и не говорить, это было само собой разумеющимся. Долго пришлось бы

перечислять добрые дела Нестеровых, я ограничусь лишь строчкой из дневника М. В. Нестерова по случаю кончины его сестры, Александры Васильевны: «Узнают ее друзья башкиры и хохлы по своим деревням, что не стало той, что так самоотверженно отнимала их у голодной смерти, помянут ее добрым словом — и в этом была ее земная слава».

Вспомним уже цитированные мною слова: «Аксаков был дорог России как духовный отец того умственного течения, которое сделалось центром славянофильского движения».

Л. Н. Толстой на закате своей жизни признавался: «Никто из русских не имел на меня, для моего духовного направления, воспитания, такого значения, как славянофилы, их строй мыслей, взгляды на народ: Аксаковы — отец и Константин, Иван — менее, Самарин, Киреевские, Хомяков...»

Индира Ганди, продолжательница дела своего отца, великого мыслителя и учителя Индии, к могиле Л. Н. Толстого шла босиком, задолго сняв обувь. Семена ее миротворческой деятельности дали всходы не только в Индии, и ей этого не простили: ее убили.

Ее сын, премьер-министр Индии Раджив Ганди, 3 июля 1987 года на открытии фестиваля Индии в СССР говорил: «...своим возникновением наше освободительное движение во многом обязано тому решающему влиянию, которое Лев Толстой оказывал на философские воззрения Махатмы Ганди по вопросам бытия и борьбы, войны и мира...» Вот такая неожиданная на первый взгляд прослеживается связь...

С. Т. Аксаков, которого биограф Н. В. Гоголя П. А. Кулиш называл «министерством общественной нравственности», считал, что не может быть гармоничного и здорового народа, в котором одно сословие угнетает другое, в котором одно поколение отрицает

следующее. Прежде всего отсюда шла его страстная убежденность, что крепостное право должно быть уничтожено. Он, как и славянофилы, — точнее, славянофилы, как он, — считал, что крепостное право, вынужденно введенное при Борисе Годунове как временная крайность, давно изжило себя. И, по утверждению Лунначарского, «прекраснодушный идеализатор феодальных отношений» взывал ко всем и вся включиться в эту борьбу. Он призывал немедленно вернуться в Россию И. С. Тургенева: «Мы переживаем теперь великое время! Нельзя жить на чужой стороне, когда решается судьба России!» Освобождение крестьян С. Т. Аксаков считал «святым делом», возвращением народа к семейному началу, возвращением интеллигенции в народ. Но он, в отличие от многих, может, впадших в реформенную эйфорию, задумывался, не окажется ли народ, доверчивый и незащитный, в руках хищников-негоциантов и всевозможных «новых людей», которые уже соблазняли его иным, кровавым путем. В уже упоминавшемся стихотворении «При вести о грядущем освобождении крестьян» он писал:

Тихая ль взойдет свобода
И незыблемый закон,
В церковь ли пойдешь с смиреньем
Иль, начавши кабаком,
Все свои недоуменья
Порешешь ты топором?

Далеко он видел, «далекий от общественно-политической борьбы» тихий русский писатель! Увы, народ толкнули на второй путь, путь страшного самоуничтожения. В 1883 году И. С. Аксаков в статье «Застой у нас происходит оттого, что решали исторический вопрос, не вооружась историческим сознанием»

с горечью признавался: «Приступая к этому великому действию, мы не только не отдавали себе ясного отчета в его значении, в объеме его последствий, но даже и теперь не стоим с ним в уровень нашим сознанием. Доказательством первого служит хотя бы то, например, что одновременно с освобождением (на которое почти все смотрели с точки зрения только гуманной и либеральной) поднесли у нас, водясь либерального доктринизма, этому освобождающемуся народу вместе с опьяняющим «кубком свободы» и вольный кубок пьяной сивухи в буквальном смысле, то есть — пресловутую дешевку!.. Потомкам покажется это, пожалуй, истинным преступлением, но мы, современники, знаем, что это произошло... по недомыслию, из либерального благодушия. Если народ не обезумел нравственно от двойного хмеля, так, конечно, этим обязан он только себе, своим нравственным качествам, а никак не административной мудрости. Мало того: в Западном крае, выпуская народ из крепостной зависимости, напустили на него одновременно евреев, массу искусных эксплуататоров, от которых дотоле более или менее ограждались крестьяне не только законом, но и помещичьей властью...»

Впрочем, И. В. Киреевский предупредил об этом ранее, задолго до отмены крепостного права. Прежде чем отменить его, мы должны подумать, что дадим народу взамен. Еще 17 марта 1847 года он писал сестре: «Правда, у нас теперь беспрестанно говорят об эмансипации Кошелев, Хомяков и другие. Но я их мнений не разделяю. Не потому, что я считаю хорошим и полезным для России оставить навсегда крепостное право; не потому даже, чтобы я считал это возможным; крепостное право должно со временем уничтожиться, когда предварительно будут сделаны в государстве другие перемены, законность судов, независимость частных лиц от произвола чиновников и многие другие, которые здесь

исчислять не нужно, — но в теперешнее время, я думаю, такая всеобъемлющая перемена произведет только смуты, общее расстройство, быстрое развитие безнравственности и поставит Отечество наше в такое положение, от которого сохрани Бог!»

Как далеко они видели! Но у них не было ни сил, ни времени, смерть как бы специально одного за другим в расцвете лет вырывала из жизни... Наверное, никто другой не приблизил так крестьянскую реформу, как славянофилы. Но беда в том: боясь, что на основе их предложений могут возникнуть ростки истинного народовластия, не прислушались к ним и при отмене крепостного права не сделали главного — реформа не сделала землепользователя землевладельцем и разрушила общинные устои народа. В Манифесте не были учтены исторические интересы крестьянства, а значит, исторические интересы народа, потому он в конце концов, доведенный до отчаяния, по злой подсказке потянулся к топору.

Г. В. Плеханов в статье «П. Я. Чаадаев» писал: «Славянофилы раньше западников почувствовали необходимость апелляции к внутренней объективной логике национального общественного развития, но эта апелляция привела их туда, куда совсем не стремились попасть, по крайней мере, первоучители славянофильства... Вот как зла была ирония нашего внутреннего развития! **Славянофильство расчищало почву для торжества чуждого утопий западничества, выставя программу, сближающую нас в экономическом отношении с «гнилым» Западом!»**

Они жили народными нуждами и умирали самыми народными болезнями: А. С. Хомяков умер от холеры, П. В. Киреевский — от тифа... Они, не жалея сил, готовили почву для будущей России, они надорвались на этой многотрудной пашне, а в жаждущую семян почву бросали плевела совсем иные, недобрые люди.

А на них, провозглашающих: «Нет, пусть свободно и ярко цветут все народности в человеческом мире; только они дают действительность и энергию труду народов. Да здравствует каждая народность!» — истинные и вечные националисты, мастера подмены, повесят до сих пор до конца не смытый ярлык русских националистов. И вместо этого провозгласят другое единение: когда все народы сваливаются в единую яму, вроде силосной, в результате гнилостного брожения в которой получается нечто среднее, вонючее и послушное, и над всем этим стоят представители «избранного» народа, а сам «избранный» народ страдает не меньше, а может, больше других.

Увы, как ни горько, но точно по этой схеме все повторяется в российской истории веком спустя, в наши дни, когда чудом сохранившаяся, немногочисленная народная интеллигенция встала на борьбу с новым, установленным в результате лагерной «коллективизации» крепостным правом. Увы, мы и ныне решаем исторический вопрос, не вооружаясь историческим сознанием. Увы, но всеобъемлющие перемены пока производят только смуты, общее расстройство, быстрое развитие безнравственности и могут поставить (если уже не поставили) Отечество наше в такое положение, от которого сохрани Господи! Опять, как в прошлом веке: почву медленно и упорно, с великими жертвами, готовили под жито одни, а сеяли дурманные травы, оклеветав первых, совсем другие. Сеяла публика, которая по очень точному выражению писателя В. Максимова, издающего в зарубежье журнал «Континент», «отсидевшись в трудные времена по тихим углам... с милостивого разрешения властей предержавших ворвалась, сбивая друг друга с ног, на разминированное другими поле брани и принялась безнаказанно мародерствовать на нем по праву мнимых победителей...».

«В определенных литературных кругах самыми выдающимися мыслителями считались славянофилы. Возможно, считаются и сейчас, — в сравнительно недавней статье «Какая улица ведет к храму?» писал некто И. Клямкин. — Если отбросить полемические перехлесты, то они не отрицали ни значения петровских реформ, ни важности научного и технического развития. Но они считали ненормальным, что реформы искусственно разобщили образованных людей и людей из народа: разная одежда, разные манеры, разные привычки, разговаривают на разных языках (и в прямом, и в переносном смысле), друг друга не понимают и понять не хотят.

Славянофилы были правы, когда говорили: расколота нация обречена... что народ не чистый лист бумаги, на котором можно писать все, что ни вздумается интеллигенции, у него есть своя своеобразная и самобытная культура, она может нравиться или нет, но не считаться с ней нельзя, иначе будешь не просветителем, а проповедником в пустыне. Они хорошо разъясняли, что в основе этой культуры не индивидуальность, не личность, а коллективность, общинность, не «я», а «мы», не сольное, а хоровое начало.

Много верного говорили славянофилы, и совсем неплохо, что нашлись в наше время люди, которые помянули их добрым словом. Жаль только, что, вспоминая их, вспомнили не все, а если вспомнили, то не задумывались над тем, почему же «улица», проложенная воображением славянофилов, оказалась не заселенной ни интеллигенцией, ни народом».

Хорошо сказал И. Клямкин о хоровом, семейном начале русского народа, хотя эта мысль сама по себе и не нова. Но хочется спросить: если Россия пошла иным путем, значит ли это, что славянофилы во всем ошибались? Тем более, что дорога, по которой нас повели силой, через Гражданскую войну, через ГУЛАГ, тоже

привела к храму? И к храму ли она вообще? А может, как раз тот путь вел к храму? Не зря же на него так ополчились! Или он хотя бы намечал дорогу к храму? Другое дело, что они не очень ясно его указали. Они скорее чувствовали его сердцем, чем представляли зримо. К тому же их специально сбивали с него. Иначе мы сегодня, наверное, не возвращались бы к их коренным мыслям, в том числе и таким, что в будущей гармонии земного человечества мы придем не через братоубийство и «мировую революцию», а через признание всякой народности, через признание, что из «совокупности их слагается общечеловеческий хор».

И так ли уж утопична была их мысль о русской крестьянской общине? Наверное, не случайно в начале со-роковых годов прошлого столетия приезжал в Россию, чтобы изучить русскую общину, немецкий барон Гакстаузен. А американец Генри Джордж, которого очень почитал Л. Н. Толстой, писал: «Путь к исцелению: отдать всю землю в распоряжение общин».

Как это некоторым ни покажется странным, в вопросе о земле не расходился с славянофилами Н. Г. Чернышевский, которого многие десятилетия «революционеры» изрядно перевирали и упрощали и, чтобы сделать своим, рисуя его образ, не жалели кровавой краски. А он в ряде статей отстаивал общинное землевладение и землепользование. В частности, в 1857 году он писал: «А если уж делать выбор, то лучше славянофильство, нежели та умственная дремота, то отрицание современных убеждений, которые часто прикрываются под эгидою верности западной цивилизации, причем под западной цивилизацией чаще всего понимаются системы, уже отвергнутые западной наукой, и факты, наиболее прискорбные в западной действительности, например порабощение труда капиталом, развитие искусственных потребностей, удовлетворяемых роскошью, и т. д., не го-

воря уже о замещении общинной поземельной собственности полновластной личной».

Нынешние наши «революционеры» всюду, мягко говоря, критикуют К. Маркса, беззубо пережевывая труды которого, они столько лет и десятилетий безбедно кормились. Я далеко не отношусь к его приверженцам, более того, и в КПСС никогда не состоял, но почему-то противно мне это поношение, противна мне эта смелость в пору вседозволенности и тем более уж, когда не хватают по ночам: как яростно их духовные и кровные предшественники внедряли в Россию Маркса (только его ли?!), с той же яростью их прямые наследники его ниспровергают, потому что не в полную меру удалась их диверсия против России, и теперь ядовитую вселенскую ложь нужно внедрять в Россию другим путем, уже без Маркса. Но с внедрением учения Маркса в России связана и другая великая ложь. До последнего времени мало кто знал, что сам Маркс видел будущее России вовсе не в слепом следовании «Капиталу». До последнего времени мало кто знал, что известная революционерка Вера Засулич обратилась к Марксу с письмом, в котором спрашивала его об отношении к русской общине, вокруг которой у русских революционеров разгорелись горячие споры, — одни видели в ней надежду, другие, наоборот, тормоз для дальнейшего развития.

Карл Маркс ответил, что у России, в отличие от Западной Европы, свой путь, и он как раз связан с дальнейшим развитием крестьянской общины. В частности, он писал: «Анализ, представленный в «Капитале», не дает... довода ни за, ни против жизнеспособности русской общины. Но специальные изыскания, которые я провел на основании материалов, почерпнутых мною из первоисточников, убедили меня, что эта община является точкой опоры социального возрождения в России, однако для того, чтобы она функционировала как таковая, нужно

было бы прежде всего устранить тлетворные влияния, которым она подвержена со всех сторон, а затем обеспечить ей нормальные условия свободного развития».

И еще он писал (к сожалению, это осталось только в набросках и обнаружено было сравнительно недавно, уже после совершенного над Россией страшного эксперимента, и эти мысли не прочитала даже Вера Засулич): «Физическая конфигурация русской почвы благоприятствует применению машин в широком масштабе. Привычка крестьянина к артельным отношениям облегчает ему переход от парцеллярного хозяйства к хозяйству кооперативному... С другой стороны, **одновременное существование** западного производства, господствующего на мировом рынке, позволяет России ввести в общину все положительные достижения, добытые капиталистическим строем, не проходя сквозь его кавдинские ущелья...»

И еще Карл Маркс писал: «...поэтому сохранение сельской общины путем ее дальнейшей эволюции совпадает с большим движением русского общества, возрождение которого может быть куплено только этой ценой. Даже с чисто экономической точки зрения Россия может выйти из тупика, в котором находится ее земледелие, только путем развития своей «сельской общины»; попытка выйти из него путем капиталистической аренды на английский лад были бы тщетны: эта система противна всем сельскохозяйственным условиям страны».

И вот тут кроется ложь, обернувшаяся для России — да только ли для России?! — великой бедой: Г. Плеханов и Н. Аксельрод, которым Вера Засулич передала письмо К. Маркса, скрыли его от русских революционеров. И стали делать будущее России «по Марксу»: они положили все свои силы на уничтожение русской крестьянской общины, на уничтожение семейных связей в народе, на создание так желанных для

В. Г. Белинского «благоприятных условий для внутренней борьбы». И я думаю: изменил бы Виссарион Григорьевич свой взгляд на «внутреннюю борьбу», доживи он до революции, до Гражданской войны, до продразверстки, до так называемой коллективизации, внедряющей вроде бы общинное, а на самом деле разрушившей самую общинную форму общественного бытия? Изменил бы он свой взгляд, если бы дожил до 1929-го, когда был нанесен очередной удар по русскому крестьянству? Или горел бы по-прежнему «маратовской любовью»? Или только бы признал, что его знаменитое выражение: «Нет, господа, что бы вы ни толковали, а мать святая гильотина хорошая вещь» несколько устарело, «мать святая гильотина» оказалась неуклюжей и нерентабельной для принявшей тогда фантастический размах «внутренней борьбы».

К сожалению, в крестьянской общине видел препятствие для дальнейшего развития России великий русский реформатор П. А. Столыпин. Но в конечном счете, наверное, прав был все-таки не он, а великий русский крестьянский экономист А. В. Чаянов, наоборот, видевший в общине, в крепкой крестьянской семье наше будущее. Лучший судья — исторический опыт, но ни тому, ни другому не дали довести дело до конца (А. В. Чаянова революционеры, увидев опасность его экономического учения, как и П. А. Столыпина, убили). Ведь, несмотря на «благоприятные условия для внутренней борьбы», созданные в том числе и столыпинскими реформами, русское крестьянство, использовав все положительное, что было в них, все-таки не пошло по капиталистическому пути. Потому что длительная нравственно-экономическая и общественно-политическая эволюция русского народа выработала стойкую семейную форму организации труда, которая не позволяла привлекать наемную силу, а если и позволяла, то только в помощь к

своей в «пиковые» моменты уборки урожая. А. В. Чаянов называл такие хозяйства «чисто семейными трудовыми», он считал, что за ними, уходящими корнями в глубь отечественной истории, большое будущее.

Во главу угла нашего сельского хозяйства, да не только его, великий русский экономист А. В. Чаянов, как и С. Т. Аксаков, ставил семью. Работы А. В. Чаянова скрывались от нас более чем полвека, а во многих странах мира, прежде всего в развивающихся, в том числе в Латинской Америке, они изучаются как основополагающие, они заложены в идеологию и практику современного сельского хозяйства. Кроме Канады (лучшими земледельцами страны недавно премьер-министр Канады назвал отличающихся крепкими семейными устоями русских духоборов, вынужденных в свое время покинуть ради сохранения своих нравственных принципов Родину, — на открытии ими памятника своему духовному наставнику Л. Н. Толстому) мы покупаем хлеб в Бразилии, вот и получается — что таким, пусть опосредованным, образом кормят Россию опять же русские, во втором случае — русская экономическая мысль.

Внутреннюю, глубинную связь А. В. Чаянова с С. Т. Аксаковым заметил не я первый, я был бы несправедлив, если бы умолчал об этом. Кровавый божеборец Е. Ярославский (М. Губельман), которому в Политиздате в 1988 году — на четвертом году «перестройки» — посвятили вдохновенный и пламенный панегирик, писал во внутреннем отзыве на книгу А. В. Чаянова, после которого та, разумеется, не увидела свет: «Крестьянская реакционная утопия о возвращении к индивидуальному хозяйству, к славянофильству».

«Как это часто случается в России, — писал Г. И. Вздорнов, автор известной монографии о Феофане Греке, наверное, не случайно пришедшем на Русь, — научное внимание к стенописи Феофана Грека... было

обращено именно в тот момент, когда она подверглась, быть может, наибольшей порче за все пять веков ее существования». Так, может, то же происходило и происходит с семейными воззрениями Аксаковых, с учением славянофилов, с русской философской мыслью? Мы возвращаемся к ним, может, в тот трагический отрезок отечественной истории, когда они подверглись наибольшей порче?

Ф. М. Достоевский в «Дневнике писателя» в 1877 году писал: «Я во многом убеждений чисто славянофильских, хотя, может быть, и не вполне славянофил. Славянофилы до сих пор понимаются различно. Для иных, даже и теперь, славянофильство, как в старину, например, для Белинского, означает лишь квас да редьку... Славянофильство... означает и заключает в себе духовный союз всех верующих в то, что великая наша Россия, во главе объединенных славян, скажет всему миру, всему европейскому человечеству и цивилизации его свое новое, здоровое и еще не слыханное миром слово. Слово это будет сказано во благо и воистину уже в соединении всего человечества новым, братским, всемирным союзом, начала которого лежат в гении славян, а преимущественно в духе великого народа русского, столь долго страдавшего, столь много веков обреченного на молчание, но всегда заключавшего в себе великие силы для будущего разъяснения... многих горьких и самых роковых недоразумений западноевропейской цивилизации...» Нелишне будет напомнить нынешним русофобам, что Достоевский называл Аксаковых, славянофилов «космополитами» — но не в том смысле, как трактуется это слово ныне. Он считал, что славянофилы, как всякие истинные русские люди, одержимы любовью о всем человечестве.

Семья Аксаковых. Ее патриарх, С. Т. Аксаков (впрочем, он сам лишь продолжатель древней семейной тра-

диции) дал нам понять, что только в крепкой семье и семейных отношениях с природой возможно наше будущее... Его старший сын, К. С. Аксаков, смотрел на родной народ не просто как на семью, он видел в нем особые семейные качества: «Русская земля есть изначально... наиболее общественная (именно общинная) земля». При этом он не ставил русских выше других, а лишь считал, говоря словами все того же Ф. М. Достоевского, «что русская душа, что гений русского народа, может быть, наиболее способны из всех народов вместить в себя идею всечеловеческого единства, братской любви, трезвого взгляда, прощающего враждебное, различающего и извиняющего несходное, снимающего противоречия...» Другой его сын, И. С. Аксаков, перенес это семейное чувство на отношения между народами.

Их прямые нравственные последователи, русские мыслители и естествоиспытатели конца XIX — начала XX века, дали нам понять, что и наши отношения с Космосом, с Вечным должны строиться на семейных началах. Не случайно именно в России родилось учение о соборности, и оно имеет самое прямое отношение к Аксаковым.

И на сам Космос, на Вселенную русская философская мысль, имеющая глубокие корни, смотрит не как на отвлеченную пустыню, не как на чистый лист бумаги, на котором можно писать любые письма, а как на живое, мыслящее существо или, точнее, на семью живых существ, и что управляется оно не только — а, может, и прежде всего, — не только отвлеченными законами Ньютона и Кеплера, которые даже не учитывают присутствие жизни и человека в Космосе, словно жизнь случайна, они как бы даже исключают саму возможность ее, — а живой мыслью, основанной на космической соборности и доброте. Может быть, механистические законы Ньютона и Кеплера — лишь малые частности единого большого закона

не борьбы и единства противоположностей, а единства и взаимодействия противоположностей и одухотворенному Космосу отведено в нем главное место. В здоровом Космосе не может быть насилия. Иначе мы принадлежим хаосу или антивселенной.

Ф. М. Достоевский верил, что рано или поздно придет время, когда «нищая земля наша, может быть, в конце концов скажет великое слово миру», иначе нам грозит небытие. Зимой 1877 года он писал: «Скажут, что это фантазия, что это «русское решение вопроса» — есть царство небесное и возможно только в царстве небесном... Но надобно взять уже то одно, что в этой фантазии «русского решения вопроса» несравненно менее фантастического и несравненно более вероятного, чем в европейском решении... Я же безгранично верую в наших будущих и уже начинающихся людей, вот о которых я уже говорил выше, что они пока еще не спелись, что они страшно как разбиты на кучки и лагеря в своих убеждениях, но зато все ищут правды прежде всего, и если б только узнали, где она, то для достижения ее готовы пожертвовать всем, и даже жизнью. Поверьте, что если они вступят на путь истинный, найдут его наконец, то увлекут за собой и всех, и не насилием, а свободно...»

Так, может, уже пришло то время — «будущих и уже начинающихся людей»?

Тот же Ф. М. Достоевский говорил, что бытие начинается на границе небытия. Никогда, наверное, как сегодня, мы не были так страшно разбиты на кучки и лагеря в своих убеждениях, никогда еще, наверное, как сегодня, в мире и в стране нашей не были так попораны идеи соборности и человеческого семейного всеединства. И земля Русская снова, словно в пору «Слова о полку Игореве», на грани страшного разъединения. Пришло время великой проверки, время Концов и Начал. И, может быть, по крайней мере я верю, что, дойдя до края

над пропастью, люди наконец опомнятся и вернуться к святости Семьи: к семейным отношениям с природой, к крепкой семье, к семейным отношениям в народе и между народами как к единственно возможному. И в нашей духовной жизни займут достойное место и С. Т. Аксаков, его кровные и духовные сыновья и их нравственные продолжатели. Не случайно один из самых последних и светлых и трагических представителей русского воззрения, русской общинной мысли П. А. Флоренский, живший и работавший в Троице-Сергиевой лавре и до конца разделивший участь родного народа, писал в самое безысходное для России время — 20 мая 1917 года — наследнице имения Абрамцево А. С. Мамонтовой: «Все то, что происходит вокруг нас, разумеется, мучительно. Однако я верю и надеюсь, что, исчерпав себя, нигилизм докажет свое ничтожество, всем надоест, вызовет ненависть к себе, и тогда, после краха всей этой мерзости, сердца и умы не по-прежнему, вяло и с оглядкой, а наголодавшись, обратятся к русской идее, к идее России, к Святой Руси... Я уверен, что худшее еще ВПЕРЕДИ, а не позади, что кризис еще НЕ миновал. Но я верю в то, что кризис очистит русскую атмосферу, даже всемирную атмосферу, испорченную едва ли не с XVII века. Тогда «Абрамцево» и Ваше Абрамцево будут оценены: тогда будут холить и беречь каждое бревнышко аксаковского дома; каждую картину, каждое предание в Абрамцево, в абрамцевых. И вы должны заботиться обо всем этом ради будущей России, вопреки всяким возгласам и крикам... Самое худшее, если бы Абрамцево уничтожить физически, то и тогда, несмотря на это великое преступление уничтожения перед русским народом, если будет жива идея Абрамцева, не все погибло...»

К сожалению, ныне, более чем полвека спустя, можно с еще большей горечью повторить, что «худшее еще ВПЕРЕДИ, а не позади, что кризис еще НЕ миновал».

Очистит ли новый кризис русскую атмосферу? Хочется вслед за П. А. Флоренским верить в это, но сил уже нет, и новые революционеры старыми лозунгами мутят народ, и явился новый Гришка Отрепьев в образе народного заступника-страдальца, и в народных свя-тых не Сергей Радонежский, а создатель водородной бомбы, и народ, привыкший терпеть, простил своему правительству все, но не простил, может быть, не совсем уклюжей, но искренней попытки покончить на-конец с закоренелым пьянством.

И в сложившейся кризисной ситуации вдвойне актуальны «семейные» мысли С. Т. Аксакова. И в год 200-летия со дня его рождения мы обязаны были напо-нить о них родному народу, и они должны помочь нам осознать как свои корни, так и цель, храм, к которому мы если не идем, то должны идти. В противном случае наша память ханжеска и лицемерна. И какая безысходность ни наваливалась бы на нас, ныне, когда уже спасти Россию, кажется, может только чудо, мы должны как никогда с заботой отнестись к порушенным и оскверненным акса-ковским местам «ради будущей России, вопреки всяким возгласам и крикам».

Широко известна легенда о великом инквизиторе. Не менее известна легенда о великом ветренике — Дон Жуане. Почему-то именно она так популярна на нашей планете, даже особый вид искусства придумали для про-славления его — оперетку. Я рассказал вам о Великом Семьянине. Только не легенда это, а быль. Кстати, на это странное свойство мировой культуры обратил внимание А. П. Платонов в 1941 году в предисловии к «Детским годам Багрова-внука»: «Именно в любви ребенка к сво-ей матери и к своему отцу заложено будущее чувство общественного человека; именно здесь превращается он силою привязанности в общественное существо... Образ семьянина, художественно равноценного Дон Жуану, не

существует в мировой литературе. Однако ж образ семьянина более присущ и известен человеку, чем образ Дон Жуана... Отношение Аксакова к природе и к русскому народу является лишь продолжением, развитием, распространением тех чувств, которые народились в нем, когда он в младенчестве прильнул к своей матери, и тех представлений, когда отец впервые взял своего сына на рыбную ловлю... и показал ему большой светлый мир, где ему затем придется долго существовать... Значение «Семейной хроники» Аксакова, значение его мысли о семье как о чистой, великой силе, складывающей человека и предопределяющей его судьбу, для нашего времени не менее важно, чем для эпохи Аксакова...»

Когда Андрей Платонович Платонов писал эти строки, он не подозревал, что уже через несколько месяцев окажется на родине Сергея Тимофеевича Аксакова. И меньше всего он думал, что окажется здесь в силу трагических для страны обстоятельств. Глубокой осенью 1941 года, когда немецкие танки были уже на близких подступах к Москве, он с семьей был эвакуирован в Уфу.

Несомненно, тяжелые думы одолевали Андрея Платонова в Уфе. Нагрянувшая всенародная беда обострила их. Позади целые десятилетия страдания русского народа — почему так случилось? После такого могучего взлета русской, общечеловеческой мысли? Словно она, так высоко взлетев, спровоцировала против себя вселенское зло? Позади Гражданская война, тяжелые двадцатые, тридцатые годы, подорвавшие нравственные устои и силы русского народа, его мысли о добре и зле, его мысли об общечеловеческой братской семье, в которой нашлось бы счастливое место всем народам, живущим на Земле. Годы, когда нравственный идеал великого народа стали воплощать не в образах, созданных Л. Н. Толстым и Ф. М. Достоевским, а в образе Павлика Морозова,

обманутого и несчастного в своей слепоте отрока, предавшего отца. А может, Павлик Морозов и не предавал отца, может, просто придумали эту дурно пахнущую легенду? Годы, когда все лучшее в народе этапами уходило на восток, в туруханскую и колымскую вечную мерзлоту. И вот теперь по улицам Уфы днем и ночью шли на запад маршевые роты, сопровождаемые вооруженной охраной, стучали мимо нее в бесчисленных поездах — народ, десятилетиями уходивший под стволами ружей и в окружении сторожевых псов на восток, точнее, остатки его, теперь вот так же, под ружьями, шел на запад — спасти страну, спасти Родину, и даже в эти гибельные и священные для него дни ему не верили, и еще долго после войны ему не будут верить...

Мало кто, наверное, тогда, в преддверии войны, тем более юные читатели, вдумывались в смысл предисловия А. П. Платонова, в его мысли о Родине и о семье — очень уж все это не вязалось с общим настроением времени. Более того, произведения Аксакова как бы противоречили ему, утверждая обратное, и еще целые десятилетия даже уже после войны будут, избегая главного, неискренне, слащаво восторгаться необыкновенным умением С. Т. Аксакова писать природу, при этом безжалостно губя ее. А Андрей Платонович Платонов вслед за Аксаковым ясно видел настоящую и грядущую нашу беду, не такую, может, зримую, как война, — более тихую, незаметную, но не менее убийственную по своим незримым последствиям: разрушение семьи, разрыв между отцами и детьми, который преподносился нам чуть ли не как свидетельство необычайного прогресса человеческих отношений. И все это неминуемо привело нас к пропасти, к «Котловану» — семейной хронике XX века. От «Семейной хроники» С. Т. Аксакова до «Котлована» А. П. Платонова — вот путь, семейная хроника русского народа, отказавшегося ча-

стью по соблазну, частью силой от своих нравственно-исторических путей. Кстати, вышеупомянутая статья А. П. Платонова о «Детских годах Багрова-внука» вышла в 1941 году под псевдонимом Ф. Человеков.

В Уфе у А. П. Платонова вышла книга «Под небесами Родины». Начинается она рассказом «Крестьянин Ягафар». Глубоким уважением к башкирскому народу, к его культуре проникнут рассказ. Кому-то это может показаться удивительным, а мне несколько, что за такое короткое время Андрею Платоновичу удалось понять душу этого народа. Он и раньше понимал, а тут нашел лишнее подтверждение, что у всех народов одна судьба, общие беды и общие радости, похожие представления о счастье, а значит, и общие думы о будущем. Различия лишь внешние — в образе жизни, в одежде, в обычаях, зачастую и в предрассудках, в вековой взаимной настроженности. Не случайно, наверное, что никогда больше люди разных национальностей не бывают так похожи друг на друга, как в младенчестве и старости. Лишь одежда да, может, цвет лица отличают старика-русского от старика-литовца, от старика-узбека. В них больше общего, чем различий, по крайней мере, в мыслях, в представлениях о счастье.

В рассказе те же, что и в предисловии к «Детским годам Багрова-внука», глубинные мысли о Родине, о семье, о будущем человечества, о зле, угрожающем всему этому. Только предисловие было написано, когда над страной был пусть зыбкий, но мир, а сейчас над ней не просто распростерла свои крылья беда, а враг стоял у самых стен Москвы: «...он давно чувствовал, что где-то посредине земли зреет смертное зло, и теперь оно вышло наружу, в войну... Бабай чувствовал всемирное нарастающее зло по людям, по томлению их мысли, по содроганию их тихих сердец, все более скупно берегущих свое счастье, свое семейство и свою родную землю...»

«Скупю берегущих свое счастье, свое семейство и свою родную землю...» Между прочим, А. В. Луначарский, бросая в могилы С. Т. Аксаков и славянофилов очередное обвинение: «Помещики-славянофилы — это «деревенщина». Вся семья Аксаковых — это люди, не оторвавшиеся от земли», — видимо, не подозревал, что тем самым воздает им великую хвалу. Люди, не оторвавшиеся от земли! Может быть, как раз в это время, когда А. П. Платонов писал свой рассказ, в редкой пехотной цепи под Москвой лежал в снегу «не оторвавшийся от земли» мой отец, стараясь сберечь свое счастье, свое семейство и свою родную землю. Но позже от земли его все равно оторвут, и запыет он горькую...

Совсем ли прервалась святая связь? Уже несколько раз состоялись в Абрамцеве Всероссийские Аксаковские чтения. Рядом, в Радонеже, встал, вопреки всему, памятник Сергию Радонежскому. Это дело рук народных подвижников. Уже несколько лет на Руси живет праздник славянской письменности и культуры, очередной состоится и в этом году. Вспомним, что у начала этого праздника на Руси стоял И. С. Аксаков. Земляки С. Т. Аксакова, уфимцы, в самые трудные безысходные времена спасли от сноса дом, в котором он провел свое детство, и скоро в нем будет музей. Дальний родственник Аксаковых уфимский краевед Г. Ф. Гудков собирает все, хоть косвенно имеющее отношение к Аксаковым. Другие не близкие родственники, династия потомственных врачей Соколовых, остались в памяти жителей Белебеевского уезда, а потом района, как истинные народные врачи. Яков Михайлович Соколов врачевал как раз в Надеждине и в санатории, основанном Ольгой Григорьевной Аксаковой. Старые люди хорошо помнят так называемые «соколовские капли». Они и сейчас врачуют нас, только мало кто знает об этом, кому-то пришлось в голову назвать их по-латыни, «по-научному». Первый

и самый большой взнос в восстановление церкви в Надеждине, на родине И. С. Аксакова, сделала Русская Православная церковь в лице Уфимской епархии, возглавляемой епископом Анатолием (Кузнецовым). Уроженец Белебея, известный пианист Владимир Овчинников, приехав на родину в отпуск, дал на аксаковское дело несколько благотворительных концертов...

В прошлом году, в день рождения С. Т. Аксакова, на его могиле на Новодевичьем кладбище (куда прах был перенесен после уничтожения Симонова монастыря, могилы остальных Аксаковых были просто затоптаны) я увидел молодого человека. Я почему-то не решился к нему подойти: его звали Сергей Аксаков... У Григория Сергеевича кроме дочери Ольги был сын, которого он назвал в честь отца Сергеем. О нем, к сожалению, мы мало что знаем. Его сын, Сергей Сергеевич (1892—1968), родившийся в Самаре, окончил Александровский лицей в Москве, получил музыкальное образование у композитора А. Гречанинова и пианиста К. Игумнова. Согласно официальной легенде незадолго до революции, в 1916 году, как служащий Восточно-Китайской железной дороги оказался в Шанхае, там его застала революция, так, не являясь таковым, он стал белоэмигрантом, в течение двадцати пяти лет был профессором Китайской государственной консерватории и вернулся в Россию-СССР только в 1954 году в составе репатриантов. На самом деле между первым и вторым его жительство в Шанхае было несколько лет, и во второй раз он там оказался вместе с ушедшими в изгнание частями колчаковской армии. Достаточно помыкавшись по стране школьным учителем музыки — в большие города его не пускали, — в конце концов оказался в Минске и остался в памяти белорусов национальным белорусским композитором: известна, например, его поэма для оркестра «Лесная сказка» по

мотивам стихов Якуба Коласа. И вот внук его теперь стоял над могилой С. Т. Аксакова...

Уже замечено: на планете как бы образуются очаги, сгустки доброго человеческого духа: Радонежье, Пушкиногорье, Великий Новгород... Бывает порой, под силами зла они гибнут, но проходит время, и они возрождаются снова, начинают соединяться друг с другом. Мне кажется, подобный незримый нравственный центр создан и здесь, на родине Аксакова. О М. В. Нестерове я уже говорил. Здесь же, чуть южнее, в Оренбуржье, поблизости от Ново-Аксакова, родового имения С. Т. Аксакова, родились Н. М. Карамзин и Г. Р. Державин. Сюда тянуло А. С. Пушкина. Здесь восемь лет прожил В. И. Даль, не раз наезжал Л. Н. Толстой. Мало того, Лев Николаевич хотел навсегда переселиться сюда. Сколько других имен связано с этим краем, лежащим на стыке Европы и Азии, на стыке двух великих культур! Случайно ли это?

Может, сие свидетельство нарождающейся ноосферы: пусть пока малые очаги, складывающиеся из доброты, из подвижничества отдельных духовно связанных между собой людей?

Но...

Недавний библиотечный опрос показал: наши дети не читают Аксакова, Пушкина, Толстого... Не говоря уже о том, что вообще мало читают. Но — на Празднике славянской письменности и культуры этого года в Мурманске (он, кстати, в свое время и начинался в Мурманске; в отличие от белорусов и украинцев мы не можем пока провести его в своей столице, и Кирилл и Мефодий, славянские первоучители, вернулись в Россию, как это ни покажется странным, со стороны заполярных студеных стран, встали на краю Русской земли, и уже отсюда праздник осторожно пошел в глубь России: в Вологду, в Великий Новгород...) на уроке Слова

в одной из школ я задал вопрос двум десятым классам: «Читал ли кто-нибудь или хотя бы слышал о С. Т. Аксакове?» В ответ было молчание...

Абсолютно на днях мне пришло письмо из Самарской области — из села Приволжья, которое некогда принадлежало известному славянофилу Ю. Ф. Самарину, от учительницы В. М. Фофиной. Было радостно читать, что в сельской школе существует аксаковский кружок, что дети в летние каникулы совершают поездки по аксаковским местам, собирают материалы о С. Т. Аксакове, о ныне живущих его родственниках. И Валентина Михайловна спрашивала меня: «Музейные работники Башкирии, знаете, что о вас говорят!? Что вы — родственник Аксаковых, иначе почему вы так стараетесь увековечить их имена. Может быть, и правда так?»

Вопрос этот меня обескуражил, хотя нечто подобное мне уже приходилось слышать.

Если раньше многие предпочитали скрывать свое дворянское или какое другое «благородное» происхождение, потому что небезопасно это было, и похвалялись, наоборот, простым, а более всего, пролетарским происхождением, то ныне пошла обратная мода, прямо скажу, лакейская: непременно найти среди своих близких или дальних родственников ежели не столбового дворянина, то хотя бы какого завалящего, даже столь же бедного, как распоследний пролетарий. Это вроде как бы дает право перед «не дворянами» на какое-то моральное превосходство.

Увы, с какой стороны ни посмотри, в моем роду-племени, как по отцу, так и по матери, сплошные крестьяне. Так что ни о каком родстве с Аксаковыми не может быть и речи. Но люди, подозревающие меня в родстве с ними, наверное, в чем-то правы. Кроме того, что Аксаковы родственники мне по духу, а это порой бывает родственней кровного родства, оказалось, что

они, как, впрочем, и Нестеровы, впрочем, как и губернатор Барановский, имеют к моей судьбе самое прямое отношение.

В конце 1859-го — начале 1860 года в Лондоне в «Колоколе» Герцена были опубликованы материалы по делам о жестокой эксплуатации рабочих и приписных крестьян на южноуральском Юрюзанском заводе. Следственные материалы по этим заводам готовились при участии губернатора Е. И. Барановского. Как они оказались у Герцена в Лондоне? А очень просто. Е. И. Барановский передал их С. Т. Аксакову, а Иван Сергеевич увез их в Лондон: в России не было никакой надежды опубликовать их, а Аксаковы вместе с Барановским хоть как-то хотели облегчить участь юрюзанских рабочих, а значит, и моих предков по матери.

Еще ранее, 27 декабря 1828 года, доведенные до отчаяния крестьяне Юрюзанского завода обратились с письмом к начальнику Уральских горных заводов с просьбой защитить их. Они писали, что их терпению пришел конец, они крайне отягощены нормами выработки, которые невозможно выполнить, даже если бы работать все выходные и праздничные дни. Незадолго до этого письма, в мае 1828 года, управляющим заводом Гаферландом жестоко был наказан розгами караванный приказчик Илья Тараканов за то, что написал грамоту безграмотных крестьян, после чего у него спина и бедра шесть недель гноились, и еще после этого Гаферланд приковал наказанного в конторе прямо к столу, и тот в назидание другим три недели безотлучно находился там. Илья Тараканов написал новую жалобу, которую подписали более двух тысяч человек. Двое наиболее смелых и отчаянных рабочих поехали с жалобой в Уфу искать защиты и справедливости. Но они скоро оказались в уфимской тюрьме, в ответ на жалобу в Юрюзань были присланы войска.

Вот из-за этих рабочих Юрюзанского завода и «пошел по жизни» дядя М. В. Нестерова — Александр Иванович. В своих «Воспоминаниях» Михаил Васильевич рассказывает о его печальной судьбе. Юрюзанские рабочие, доставленные в Уфимскую тюрьму, «каким-то путем установили связь с моим дядей Александром Ивановичем, и он взялся доставить их прошение на высочайшее имя. Подошла Новгородская ярмарка, и дядя был отправлен туда дедом по торговым делам. Кончил их и вместо поездки в Москву махнул в Петербург. Остановился на постоялом дворе, узнал, где и как можно передать Государю свою бумагу, и так как ему посоветовали это сделать через наследника Александра Николаевича ... то дядя и решил увидеть его.

Тогда времена были простые. Высочайшие особы держали себя не так, как позднее, гуляли по улицам, в садах, и дядя задумал подать свою челобитную в Летнем саду, где тот имел обыкновение прогуливаться в известные часы. Ему очень посчастливилось. Был мило-стиво выслушан и отпущен обнадеженным. Счастливо вернулся на постоялый двор, но в ту же ночь был взят, заключен в тюрьму и с фельдъегерем был выслан в места отдаленные...

Очевидно, в тот день наследник представил челобитную императору Николаю Павловичу, а тот взглянул на дело по-своему — остальное произошло, как по щучьему велению...»

В местах, как позднее стали говорить, «не столь отдаленных» Александр Иванович Нестеров вынужден был провести большую часть жизни. В Уфу он вернулся лишь стариком.

Ну, разве не родственники Аксаковы и Нестеровы мне?

Феномен, но не сила

Иван Сергеевич Аксаков

«Нужно какое-то новое слово современному миру, — наше старое слово его уже не берет, новое, — которое было бы логически связано со старым; но секретом этого нового слова я, очевидно, не обладаю...»

И. С. Аксаков

«Ты не можешь себе вообразить того озлобления, которым преисполнены против тебя... Каждый из них считал и считает не только священным долгом, но и величайшим наслаждением тебе сделать какую-нибудь пакость».

И. Д. Оболенский — И. С. Аксакову

*«Прошел великий муж по Руси — и лег в могилу. Ни звука при нем о нем, карканьем ворон он встречен и провожен. И лег, и умер от отчаяния, с талантом необыкновенным. Теперь, очевидно, есть **ФЕНОМЕН**, но **НЕ СИЛА**».*

К. Н. Леонтьев

«Ни одна из надежд, ни одно из задушевных желаний Аксакова не имеет впереди себя ясного будущего...»

Н. Н. Страхов

С этих горьких цитат я начинаю слово о великом печальнике земли Русской, о великом печальнике много-

страдального славянства, определенного давно уже не тайным мировым правительством на жертвенное ритуальное заклятие. Можно было, конечно, подобрать цитаты более оптимистические — о великом значении И. С. Аксакова для отечественной общественной мысли, для всего славянства, и это будет соответствовать действительности, но если мы хотим правды, то ее определяют, как это ни горько, именно приведенные цитаты.

Чтобы вспомнить о человеке, даже великом, нам непременно нужен повод, какая-нибудь круглая, ну пусть не очень круглая дата. Ну что ж, 23 сентября сего 2003 года (8 октября по новому стилю) исполнилось 180 лет, как Иван Сергеевич Аксаков явился на нашу, уже к тому времени многострадальную землю младшим сыном великого (до В. В. Кожина мы почему-то стеснялись об этом говорить) русского писателя Сергея Тимофеевича Аксакова, хотя вспоминать Ивана Сергеевича нам нужно бы не только время от времени, по круглым датам, а помнить всегда, постоянно — по горькой и трагической необходимости нашей русской, нашей всеславянской, а значит, и вселенской действительности, потому как и через сто с лишним лет после его смерти Россия, славянство стоят не просто перед теми же, а перед гораздо более страшными, без преувеличения сказать, теперь уже конечными, задачами и пропастями, о которых он тогда — когда еще было не поздно! — предупреждал.

Теперь уже, кажется, всяк понимает, что каждый человек приходит в мир сей с определенной целью. Зачем же приходил он, если, как мы теперь видим, не исполнилось ни одно из его сокровенных желаний?! Или он не вовремя, раньше своего времени, приходил и потому мы его не слышали? Или уже было поздно — мы уже были безнадежно заражены, не подозревая того, сатанинской бациллой? Или он вообще напрасно пытался соединить несоединимое, ведь еще в древности

мы почему-то разбежались на западных, восточных и южных славян, и это судьбоносное для всей последующей славянской и мировой истории событие почему-то осталось для нас покрытым мраком и тайной? И, может, мы сегодня, будучи в плену его обаяния, по инерции пытаемся склеить черепки давно разбитой или даже никогда не существовавшей чаши? Или он все-таки приходил не случайно и в самое время, — каждый, наверное, приходит только в свое время, ибо Бог знает, когда нам приходиться, — но мы по своей русской, славянской сути, доброте-безалаберности: «Авось пронесет...» — не захотели его услышать.

И потому — это не его, это наша общая русская, всеславянская вина и беда, которым нет прощения, — несомненно, повлияв на ход, по крайней мере, европейской истории, он стал, увы, только феноменом, но не силой. Потому что по большому счету никто не поддерживал его. Старшие славянофилы к тому времени уже ушли, сраженные что ни на есть самыми народными болезнями: чумой, холерой, к тому же они по понятным причинам занимались исключительно теоретической стороной дела. Младшие еще не пришли, а когда пришли, тоже больше теоретизировали, не говоря уже о том, что их было мало, а позже в русской, славянской истории уже не было величины, сколько-нибудь равной ему, особенно в области практического применения общеславянской идеи. Не просто никто не поддержал, как это ни парадоксально, официальная российская власть вместе с Государем относилась к нему с большей опаской, чем к стремительно нарождающейся революционной заразе. Это дома, в России. А братья-славяне, благодаря ему получившие национальную и государственную независимость, кажется, вообще забыли его. Мало того, еще стали коситься в сторону России, подозревая ее в какой-то хитрости, в результате тоже нахле-

бались столько горя и крови, но так до сих пор, кажется, ничего и не поняли. Не случайно Ф. М. Достоевский, чуть не единственный в то время единомышленник И. С. Аксакова в русском и славянском вопросе, 3 декабря 1880 года писал ему: «...не ожидайте — о, не ожидайте! — чтоб Вас поняли. Нынче именно такое время и настроение в умах, что любят сложное, извилистое, проселочное и себе в каждом пункте противоречащее. Аксиома, вроде дважды два — четыре, покажется парадоксом, а извилистое, противоречивое — истиной. Сейчас только прочел в «Новом времени» выписку из «Русской речи», где Градовский учит Вас и читает Вам наставления... Мертвец проповедует жизнь, и поверьте, что мерзавца-то и послушают, а Вас нет... Но повторяю: продолжайте разъяснять Вашу мысль, особенно на примерах и указаниях...»

И Бог не помешал. Не мог помешать разрыванию родства и самоуничтожению славянства, как в свое время не помешал сделать свой не только исторический, но и мистический выбор Александру Невскому и Даниилу Галицкому. Потому что, во-первых, нам дана свобода воли, и если нас так тянет к пропасти, препятствовать Он не может, а во-вторых, на нас накопилась такая гора грехов отпадения от Бога и от славянского родства, что неизбежен был в начале XX века этот русский пожар на краю пропасти, который в то же время, если мы наконец осознали бы эту гору грехов, мог бы стать очистительным. Но костер этот полыхает над Россией до сих пор, не очищая, а по-прежнему сжигая нас, потому как мы до сих пор не повернулись лицом к Истине, а, наоборот, все быстрее и быстрее идем и даже бежим в противоположную сторону, к краю бездны...

И невольно возникает вопрос: неужели по большому счету, как это ни горько, жертва И. С. Аксакова была напрасной?

И тут возникает еще один горький вопрос: кем был в то время, что представлял собой русский народ, ради которого И. С. Аксаков приходил на Землю, печальником которого стал по определению Божию и из-за боли по которому у него не выдержало сердце?

И еще более горький вопрос: что представляет собой русский народ сегодня? И есть ли он вообще? Может быть, осталось лишь название? А на самом деле вместо него давно существует уже некое неопределенное народонаселение, имеющее к истинному русскому народу такое же отношение, какое современные греки к древним грекам? Народонаселение, которое по инерции или для того, чтобы скрыть истину, все еще называют русским народом? Может быть, и о значении И. С. Аксакова можно говорить лишь в прошедшем времени, чисто археологически?

Но, наверное, он все-таки не случайно приходил на Русскую землю! И, наверное, не случайно, что он явился миру на стыке Европы и Азии, на стыке славянского и тюркского мира, на стыке Православия и Ислама, в селе с символическим названием Надеждино под сенью храма во имя великомученика Димитрия Солунского, покровителя всех славян. Иван Сергеевич Аксаков родился в день преставления преподобного Сергия, игумена Радонежского, всея Руси Чудотворца, в земной обители которого, Троице-Сергиевой лавре, И. С. Аксакова, чуть ли не единственного из мирских, потом похоронят. Но так как в свое время в честь преподобного по обету назвали его отца, Сергея Тимофеевича, его назвали Иваном, потому как назавтра был день преставления апостола и евангелиста Иоанна Богослова, любимейшего ученика Иисуса Христа. Известно генеалогическое древо Аксаковых, составленное прадедом Ивана Сергеевича: что они, Аксаковы, как и другие древние русские дворянские роды, якобы восходят к варягам, а именно к рыцарю

Шимону, или Симону, племяннику норвежского короля, пришедшему на Русь во времена Рюрика. Я же склонен относить это семейное предание к легенде, может, предки Аксаковых не избежали искушения быть «благородных» кровей, до славянофилов Аксаковых модно было в среде явно или тайно презиращего свой народ дворянства искать варяжские корни: пусть даже разбойник с большой дороги, но непременно, чтобы иностранец. Но если это даже так, позже в западную, «голубую» норвежскую кровь мощной и сильной струей вошла другая, восточная. В конце концов, стали же они Аксаковыми! По историческим хроникам и летописям следует, что пошли Аксаковы — и в том, по моему глубокому убеждению, неслучайная воля Божия — от «татар», а именно от некоего Ивана Аксака (аксак *(тюрск.)* — хромой; вспомним Темир-Аксака, Железного Хромца или Тамерлана), тысяцкого Ивана Калиты, сына крещеного Вельямина, вышедшего из Золотой Орды при хане Узбеке. Кстати, предки одного из столпов славянофильства А. С. Хомякова тоже вышли из Золотой Орды. Да и фамилия Ю. Ф. Самарина тюркского происхождения. Великая русская семья Аксаковых, олицетворяющая собой православную, державную Россию, выразила собой истинную суть евразийства и, по-моему, лишила споры на эту тему какого-либо основания. Став символом всего русского, всеславянского, по крови своей она была больше тюркская. Глубоко промыслительно, что через несколько веков Аксаковы, потомки выходца из Золотой Орды, уже совершенно русскими, православными, может, даже не подозревая о своих тюркских корнях, вернутся на свою историческую родину.

Но это еще не все. Жена Сергея Тимофеевича Аксакова, Ольга Семеновна, была полутурчанкой, и не просто полутурчанкой, а из знатного рода турецких эмиров, прямых потомков пророка Мухаммада (Магомета).

Несколько экспедиций было отправлено в свое время в Россию, чтобы отыскать и вернуть в Турцию ее мать. Поразительный, о многом заставляющий задуматься, выстраивается ряд!..

Но вернемся к вопросу, что представлял при И. С. Аксакове и что представляет собой ныне русский народ?

Чтобы дать определение понятию «русский народ», необходимо дать определение понятию «русский». Энциклопедические словари не только советского времени по какой-то причине, словно сговорившись, обходят этот вопрос. Словарь под редакцией Д. Н. Ушакова: «Русский — *прил.* к русские». И все! А «русские» — трактуется таким образом: «Восточнославянский народ, составляющий большинство населения СССР, великороссы». Все вроде бы правильно, а сути нет. В качестве иллюстрации приведена строчка из Фета: «Я русский, я люблю молчанье дали мразной». И из Пушкина: «Татьяна, русская душою, сама не зная почему, с ее загадочной красою любила русскую зиму». Из всего этого можно заключить, что русские — восточнославянский народ, любящий молчанье дали мразной и русскую зиму. (В. И. Даль почему-то вообще обошел стороной этот вопрос.) А вот как толкует понятие «русский» Советский энциклопедический словарь: «Русские, нация осн. нас. РСФСР... Около 1 млн ч. живет в странах Америки и ок. 200 тыс. в странах Западной Европы. Язык русский. Сложились в народность в XIV — XV веках. В нацию — во вт. пол. XIX века. После Окт. рев. в ходе социалист. преобразований Р. консолидировались в социалист. нацию и вместе с др. народностями и нациями СССР образовали новую ист. общность — советский народ».

Как это ни печально, последнее определение наиболее точно выражает нынешнее состояние русского наро-

да. Советского Союза уже нет, а советский народ остался, и потому так трудна, даже трагична его судьба — без национальной идеи, без Бога, без Веры...

Я полагаю, что энциклопедические словари деликатно обходили этот вопрос потому, что боялись сказать главное, что коротко и ясно выразил великий русский писатель и мыслитель Ф. М. Достоевский: «Русский — это православный. Русский без Бога — совершеннейшая дрянь». И все сводится, по сути, к одному: лиши русского человека православного чувства — а вся истории XX века сводилась к уничтожению в русском народе православного чувства, — и он становится дрянью вселенской, слепым орудием в руках всевозможных мессий и революционеров, дровами и кочергой одновременно для загребания жара для чужих костров.

И этим многое объясняется в историческом поведении русского народа, что он время от времени вставал на путь самоуничтожения, в том числе в 1917 году. И этим объясняется лютая ненависть большевиков к Православной Церкви. Иначе, зачем бы ее так ненавидеть — ну, нет Бога и нет, пусть тешатся, бьют лбы в своих церквах. А большевики начали свое самоутверждение именно с уничтожения Православной Церкви. И в большинстве своем народ не встал на ее защиту, а сам участвовал в ее уничтожении или равнодушно наблюдал со стороны, потому что в большинстве своем он уже не был, не чувствовал себя православным, то есть русским. И многим до сих пор представляется необъяснимой наша победа в Великой Отечественной войне. А объяснение очень простое: несмотря ни на что, это была, потому что тогда еще не произошло разрыва поколений, победа еще в какой-то мере православного народа, может, даже не осознающего этого.

Кое-кто ныне из господ-либералов, рядящихся чуть ли не в русских националистов-патриотов, оправ-

дывая закономерность или даже желательность развала СССР, с удовлетворением отмечают, что Россия стала наконец-то почти моноэтнической страной, так как в ней теперь проживает 85% русских (обо всех русских, оставшихся не по своей воле за ее границами забудем?!). Увы, «русский» — давно уже, если не изначально, понятие не этнического порядка, и если принять все-таки единственно верное определение, что русский — это православный, то истинно русских в России ныне столь мало, что о них только с определенными оговорками можно говорить как о народе. Только этим, наверное, можно объяснить вроде бы необъяснимое безразлично равнодушное поведение-отношение к собственной судьбе русского народа во время так называемой перестройки и нового кровавого октябрьского переворота 1993 года. Этим объясняются совсем не редкие случаи, когда русские офицеры даже во время боевых действий продавали оружие чеченским бандитам, зная, что уже завтра оно будет повернуто против русских солдат, этим объясняются случаи, когда русские милиционеры за тридцать сребреников пропускали КамАЗы со взрывчаткой в Москву. Я бы даже сказал, что ныне русское, державное чувство более развито в нерусских русских.

Я считаю правомерным дальше продолжить мысль Ф. М. Достоевского: отпавший от православия славянин — совершеннейшая дрянь. Потому что ему, кроме всего прочего, нужно доказывать, порой на бессознательном уровне, свою принадлежность к химерическому мировому сообществу. Не знаю, наверное, только этим можно объяснить запредельную, можно даже сказать, инопланетную жестокость католиков славян-хорватов к православным славянам-сербам.

И потому война против славянства — тоже давно уже не этнического порядка. Это — война против последних на планете, увы, уже только оазисов или даже

анклавов Православия, которая как бы разлагается на несколько составных. Это, прежде всего, борьба против России, в которой еще тлеет под пеплом и может возродиться Православие. Уже практически уничтожена пусть маленькая, но все равно опасная, потому как она находится в центре Европы, Сербия. Сильный удар по православному духовенству нанесен в Болгарии и на Украине. Не гнушаясь никакими средствами, ведется борьба против Белоруссии, которая не только обозначила себя православной, но и ответственной за судьбу, по крайней мере, двух славянских народов, в том числе русского, очень это беспокоит «мировое сообщество».

Без преувеличения можно сказать, что для русского народа, для славянства в целом пришли последние времена и сроки. Если окончательно будет уничтожено Православие, повторяю, скорее всего, при оставлении внешней обрядовой формы его, значит, не будет больше ни русского народа, ни славянства в целом и никто не заметит этого, потому как еще на долгое время «этикетки» останутся. Русский народ всегда был не моноэтническим, это, можно сказать, даже принцип его: строить себя не по крови, а по Вере, и потому русским народом в случае уничтожения Православия будет называться легко манипулируемый полиэтнический сброд...

И. С. Аксаков пришел в мир на той грани славянской и русской истории, когда ситуация была еще не столь безнадежной, когда еще можно было что-то практически предпринять, что он доказал в случае отправки в Сербию генерала Черняева, в случае освобождения сербов и болгар от турок и в попытке организации славянского экономического учения. Тогда Россия чувствовала себя еще православной державой, хотя в полную меру таковой уже не была: таковым, увы, оставался только простой русский народ, и потому именно он незамедлительно откликнулся на призыв И. С. Акса-

кова, даже вопреки правительству, уже, по сути, давно не русскому, вопреки уже откровенно неправославной, а значит, не русской, сознательно или бессознательно готовящей революцию интеллигенции, самозванно объявившей себя совестью народа. И потому не случайно, что деньги на освобождение болгар и сербов жертвовали почти исключительно представители простого народа, да еще купечество, которое тогда еще не оторвалось от него. Правительство вынуждено было поддержать народный порыв защитить братьев-славян, которые ассоциировались с понятием «православные», и, без преувеличения, можно сказать, что Александр II вошел в славянскую историю как царь-освободитель помимо своей воли, во многом благодаря народной воле и воле И. С. Аксакова.

Возможен и, главное, нужен ли был тогда славянский союз? Не будучи семи пядей во лбу, можно сказать, что будь он тогда, на грани XIX—XX веков, не было бы ни Первой, ни, тем более, Второй мировой войны. Необходимость славянского союза была, как это ни парадоксально, скорее почувствована врагами, чем самими славянами, и враги славянства делали все возможное, в том числе сея межславянскую вражду и подозрительность, чтобы дискредитировать и предупредить его.

Возможен ли ныне сколько-нибудь реальный славянский союз, когда славянская распада продолжается, когда многим чужие кажутся роднее своих, когда на три «государства» распалась даже славянская Россия (пусть она называлась СССР), распалась Чехословакия, совсем недавно — Югославия, хотя этот почти молекулярный, ведущий к аннигиляции, распад как раз доказывает внутреннюю противоестественность этого распада? Сегодня ситуация более, если не сказать, совсем безнадежная: потому что больше нет притягивающей к себе, — если не всегда, то по крайней мере во вре-

мя беды, — сильной России, в которой при откровенно нерусской власти мы имеем в большинстве своем уже не православный, а значит, не русский народ, скорее только интуитивно еще ощущающий себя таковым. На нынешнем этапе славянской истории легче соединить Чехию с Германией, чем со Словакией, Хорватию с Германией, чем с Сербией, Западную Украину с Гондурасом, чем с Россией, и никакой тут древнеэтнический принцип не поможет.

И, возвращаясь к И. С. Аксакову, приходится вслед за Леонтьевым с горечью констатировать, что в силу независимых от него исторических и иных обстоятельств он мог быть только феноменом, но не силой, потому что, не только не поддержанный, более того, саркастически осмеянный самозванно определившей себя великой, а на самом деле глубоко чуждой народу русской интеллигенцией, он боролся за русскую самобытность и славянское единство практически в одиночестве. В результате ныне мы стоим перед гораздо более горькой и страшной реальностью, чем век назад, и спасительный славянский союз ныне возможен только гипотетически для нескольких православных государств — и то только при коренном изменении дел в России. И спасительный ли — любой шаг к объединению вызовет озлобленную реакцию тайного мирового правительства, вплоть до военной агрессии, как в Югославии. Остается одно, как писал И. С. Аксаков: «Для славян ныне песня одна: ждать и терпеть. И блюсти свое внутреннее славянство».

Да, для славянства пришла пора конечных Времен и Сроков, как за ними неминуемо последует пора вселенских Времен и Сроков, о чем не хотят задуматься враги славянства. Что мы нужны им не только для обвонения крови.

У нас же, русских, два пути. Один — попытаться сохранить свою русскость, а это значит — православно-

ность, начать изнутри снова строить Россию. Второй: раствориться в понятии «россиянин», как в свое время в понятии «советский», смириться с положением колониальной страны и счастливо довольствоваться такими благами цивилизации, как сникерсы, памперсы, жевательные резинки, американские боевики и прочие атрибуты обезьяньей республики. В каком-то смысле второй путь более благополучен для народа, точнее, уже народонаселения, мировое зло, справедливо приравняв нас тогда к какому-нибудь африканскому первобытному племени, не будет больше смертельно жалить, а, наоборот, даже будет поддерживать более-менее сносный уровень жизни, предотвращающий бунты и восстания, то есть будет более заботиться о нас, чем нынешняя российская власть...

Выбор за нами...

В 1991 году, накануне 200-летия со дня рождения С. Т. Аксакова, кровного и духовного отца Константина и Ивана Сергеевичей Аксаковых, в попытке разобраться с этими конечными вопросами я полетел в Болгарию, а несколько позже — поехал в Сербию, в страны, которые И. С. Аксаков, без преувеличения, в свое время спас, — и с горечью убедился, что И. С. Аксакова там не помнят. Мне скажут, что в Болгарии, в отличие от России, он увековечен в названиях. К примеру, в Софии одна из центральных улиц носит его имя, гимназия его имени есть в городе Пазарджик, село Аксаково, соединившись с Варной, стало ее микрорайоном. Да, но это ничуть не помешало посткоммунистической Болгарии под соблазнительным демократическим ветром «свободы» броситься в саморазрушение, отталкиваясь от всего не только советского, но и от всего русского. Доходило до того, что в Варне демонстранты носились по улицам с лозунгами: «Лучше турки, чем русские!». Приехав в

Болгарию семь лет спустя, в 1998 году, я увидел, что антирусские тенденции у болгарских властей не ослабли, а, наоборот, усилились. Если прежний президент Болгарии Ж. Желев вошел в историю болгаро-российских отношений прежде всего тем, что 3 марта — в День освобождения Болгарии русской армией от турецкого ига — в своей торжественной речи умудрился ни разу не сказать, кто же все-таки спас Болгарию от турок, а на праздничной церемонии на Шипке российскому послу даже не дали слова, более того, он был объявлен чуть ли не шпионом, и все болгары, кто имел смелость поздороваться с ним тогда, были объявлены агентами влияния. Были сознательно нарушены прежние экономические связи, кстати, нужные более Болгарии, чем России. Болгарские курорты опустели, более или менее состоятельные россияне стали ездить на отдых в Турцию, болгарские власти сами создали для россиян ситуацию: лучше турки, чем болгары. Конечно же в Болгарии, как и в России, нельзя отождествлять власть с народом. И в первый и во второй приезды меня поразило удивительно теплое отношение к России, к русским простым людям. И в то же время какое-то гипертрофированное, граничащее с маразмом, неприятие всего русского официальной болгарской властью и так называемой демократической общественностью, которая мало чем отличается от нашей российской, наверное, только мельче и оголтелее. К примеру, готовится к печати новый школьный учебник по истории, так в нем 500-летнее турецкое иго называется уже не иначе как турецким присутствием. Мы знаем, что светлый праздник славянской письменности и культуры, отмечаемый в день поминовения равноапостольных братьев Кирилла и Мефодия, пришел в Россию из Болгарии, где он до сих пор был одним из самых почитаемых. Так вот накануне этого праздника в софийской газете «24 часа» появляется статья под названием

«Кирилл и Мефодий — греческие шпионы». И подзаголовок: «Как два брата были внедрены в болгарское самосознание». Как говорится, дальше ехать некуда... Но оказалось, что есть куда: в недалеком будущем Болгария предоставит свои аэродромы для натовской интервенции против братской Сербии...

В отличие от Болгарии, по-прежнему тянувшейся к России и пытавшейся противостоять, в том числе с оружием в руках, новому мировому порядку, в Сербии я столкнулся с еще большим парадоксом. Если сто с лишним лет назад сербская газета «Застава» писала: «Сербский благодарный народ не легко забудет имя великого Аксакова и его братскую любовь и помощь в самые тяжелые дни своей новой истории...» — то ныне, увы, ни один человек, по крайней мере с кем я встречался, не смог мне объяснить, кто был Иван Аксаков и какое отношение имел к Сербии и Черногории. И тем более уж никто из них не читал знаменитое послание «К сербам». Еще как-то можно было объяснить, что И. С. Аксакова не знали солдаты действующей армии, инженеры, крестьяне, но оказалось, что фамилия И. С. Аксакова неизвестна прорусски ориентированной журналистке из белградского еженедельника «Политика», профессору-литературоведу с мировым именем из университета города Нови-Сад, даже известному политологу, называющему, кстати, себя не иначе как новым славянофилом, ни государственным деятелям, включая президента Слободана Милошевича, никакого движения, будучи у него на приеме, я не заметил на его лице при имени Ивана Аксакова.

Мне скажут: ничего страшного тут нет, имя И. С. Аксакова растворилось для сербов в понятии Россия, в русских, таковы законы исторической памяти. Может быть, я согласился бы с этим, если бы хоть отчасти претворились в жизнь его мечты о спасительном сла-

вянском единстве. Увы, страшная война на Балканах, в конечном счете направленная против России, которая не раз жертвенно и губительно для себя бросалась спасать сербов, — вспомним Первую мировую войну, которая закончилась трагедией для России, — была развязана между самими сербами... О каких хотя бы отчасти осуществленных идеалах И. С. Аксакова можно говорить, если когда-то единый славянский народ, говорящий на одном языке, но в силу исторических, а скорее даже мистических, обстоятельств, — может, Бог еще раз решил нас, славян, проверить на прочность, можно ли нам доверить будущее планеты? — оказался разорванным в вере. Ведь хорваты, о судьбе которых И. С. Аксаков тоже переживал, — это те же сербы, только ставшие католиками, а боснийские мусульмане — тоже сербы, только во время турецкого ига принявшие ислам. Кстати, албанцы, которых тогда называли косоварами, во время Косовской битвы сражались на стороне сербов против турок. И вот когда-то единый народ устроил внутри себя такую кровавую бойню, кажется не имеющую по своей жестокости аналогов в мировой истории! Тут есть над чем призадуматься. Злодеяния немецких оккупантов в Сербии меркнут перед злодеяниями братьев-хорватов. Неужели это в нашей славянской сути? По крайней мере, я, как ни пытался, не мог объяснить этой запредельной жестокости, кроме как отпадением от Веры. Мы виним в наших бедах Америку, тайну беззакония, но кто-то в Югославии попытался к этой проблеме подойти самокритично: давайте одумаемся, ведь мы, по сути, единый народ! Сама постановка этого вопроса считалась безнравственной. И опять сербы повернулись с протянутой рукой к России, на сей раз к поверженной: помощи... И опять русские добровольцы правдами и неправдами перебирались через границы, чтобы спасти сербов, по сути, от таких же сербов. В свое время, еще в самом на-

чале югославской беды, я попытался напечатать об этом статью в «Советской России», но ныне покойный глубокоуважаемый мною Э. Ф. Володин, тогда работавший в ней, не пропустил ее: «Это не патриотично по отношению к православным сербам...» Да, я тоже всей душой был на стороне православной Сербии, но ведь даже у сербов не было никакого единства. При первом приезде в Белград меня поразил факт: все православные, все патриоты, все любят Россию, но все с опаской оглядываются друг на друга, если я пошел в гости, например, к Р. М., то он ставил условие: чтобы я не ходил в гости к Д. К., потому как тот, по мнению Р. М., не истинный патриот, а может, даже скрытый враг. Это еще хуже, чем у нас, русских: если собралось трое патриотов, то это уже непременно четыре непримиримых и претендующих на последнюю истину партии. Так вот, если собралось трое сербских патриотов, то непримиримых, претендующих на последнюю истину партий будет уже пять. В старое время, когда на планете еще не было так тесно, вчерашние сербы еще раз могли разбежаться в разные стороны, как раньше — на восточных, западных и южных славян, но, увы, бежать уже некуда, и вчерашние братья в смертельной схватке сцепились между собой. Неужели это действительно в нашей славянской сути? Мне, по крайней мере, — нравится ли это кому-нибудь — не нравится, — упорно приходит эта жестокая мысль. Без преувеличения можно сказать, что славянский вопрос, как и еврейский, — стержневой вопрос мировой истории. Два мессианских народа, иудеи и славяне, похожи на расширяющиеся Вселенные. Но если иудеи, множась и распространяясь по планете, остаются не только единым, а все более прочным сплоченным народом, у них центробежное движение одновременно является и центростремительным, то мы, славяне, русские, в результате центробежного движения дробимся на молекулы и

даже на атомы и впадаем, говоря языком астрофизики, в аннигиляцию. В лучшем случае становимся навозом для других народов. Словно Господь сделал вывод о несостоятельности славян как избранного народа, как в свое время еврейского. Он с сокрушением увидел, что славяне разбегаются во взаимной подозрительности в истории, тогда он остановил свой взор на одном из них, русском. Но и в нем теперь он, кажется, глубоко разочаровался и отвернулся, а мы продолжаем колотить себя в грудь, считая себя по-прежнему великим и богоизбранным народом...

При чтении статей И. С. Аксакова через сто с лишним лет после их написания постоянно возникает чувство, что они написаны сегодня. В свое время, при подготовке первого переиздания в советское время сборника статей И. С. Аксакова в Башкирском книжном издательстве, я столкнулся любопытным фактом. В фонде редких книг республиканской библиотеки перепечатав на машинке одну из его статей, я дал ее прочитать своей жене, кстати редактору книжного издательства, не сказав, чья статья. Возвращая ее, она сказала: «Все думаю, кто мог бы ее написать. Распутин? Но язык не его».

Надо было видеть ее удивление, даже потрясение, когда она узнала, что статья написана сто с лишним лет назад, в ней даже фигурировали такие термины, как «застой», «перестройка»...

Судьба И. С. Аксакова трагична во всех смыслах. Если старшие славянофилы, в том числе и его брат, Константин Сергеевич, начав борьбу за национальное самосознание, за истинно русские пути, не ставили перед собой целей далее теоретических, иначе и не могло быть, то Иван Сергеевич, видя невозможность претворения этих идеалов в отдельно взятой стране, даже в такой огромной

и сильной, как тогдашняя Россия, пытался соединить перед грядущими бедами, которые он явственно видел, все некогда разбежавшееся, в том числе по каким-то внутренним причинам, славянство. Он, наверное, одним из первых в России пытался раскрыть глаза обществу на уже давно опутавшую Европу и все больше набрасывающую сеть на Россию тайну беззакония. Попробуйте найти в библиотеке том по еврейскому вопросу из его собрания сочинений, изданного его вдовой, А. Ф. Тютчевой, дочерью великого русского поэта, и племянницей, О. Г. Аксаковой, внучкой С. Т. Аксакова, которой тот посвятил «Детские годы Багрова-внука», а недавно этот том переиздан Социздатом в серии потаенной русской литературы, и вам станет страшно: все, о чем он предостерегал тогда, увы, уже случилось. Просто и ясно определил он суть еврейского вопроса: «Если бы евреи отступились от своих религиозных верований и признали во Христе истинного мессию, никакого бы еврейского вопроса и не существовало. Они тотчас бы слились с теми христианскими народами, среди которых обитают... Христианство есть венец иудаизма — конечная цель, к которой иудаизм стремился, которая осмыслила все его историческое бытие... иудаизм только в христианстве нашел свое объяснение и оправдание... Что же такое евреи в наше время? Это воплощение отжившего исторического периода, это застывший, упраздненный момент общечеловеческого духовного развития, общечеловеческого сознания, момент, которого притязания на дальнейшую историческую жизнь равносильны отрицанию всего последовавшего после него развития человечества... Если верование еврея имеет логическое право на бытие в наше время, то есть если предположить, что оно нисколько не упразднено историей, то не только христианство не имеет смысла, как последующий логический момент общечеловеческого религиоз-

ного сознания, но и вся история человечества от времен Христа, со всей новейшей, то есть христианской, цивилизацией лишается всякой разумной логической основы, является какой-то необъяснимой случайностью, теряет право на историческое бытие!» Никому не в обиду будет сказано, но никто, наверное, из последующих авторов, в том числе и И. Р. Шафаревич, не раскрыли так глубоко губительной для России, для всего мирового сообщества сути этого вопроса. Он предсказал, что будет с Россией, если и в этом вопросе жить по принципу «Авось пронесет!..»: «Не об эмансипации евреев следует ставить теперь вопрос, а об эмансипации русского населения от еврейского ига; не о равноправности еврея с христианами, а о равноправности христиан с евреями, об устранении бесправности русского населения пред евреями: вот единственно правильная постановка вопроса... Еврейский вопрос в России — вопрос великой важности, чрезвычайно серьезный, серьезный до трагизма, к нему действительно нужно отнестись с беспристрастностью... Всякий край, в котором экономическое государство захватывают в свои руки евреи, не процветает, а чахнет и гибнет... Всякий честный, серьезно образованный еврей (мы знавали таких и с некоторыми из них были даже в приятельных отношениях) подтвердит наши слова о том вреде, который наносит населению хищнический инстинкт невежественной еврейской массы, нередко преисполненной злого религиозного фанатизма, под влиянием своих цадииков, крепко сплоченной и организованной...» Но русское правительство, русское общество вели себя словно глухари на току. Они не слышали, более того, принципиально не хотели слышать И. С. Аксакова, он раздражал их, заигрывающих с все более наглюющей еврейской интеллигенцией, претендующей на роль русской. Правительство, земство из самых прекраснодушных побуждений строили универ-

ситеты, народные школы, а в этих школах и университетах за государственный счет воспитывали нигилистов, революционеров, разрушителей России. Это как раз по этому поводу Ф. М. Достоевский писал И. С. Аксакову: «Но повторяю: продолжайте разъяснять Вашу мысль, особенно на примерах и указаниях...»

И потому он был так ненавистен нарождающемуся российскому либерализму, в жутком одиночестве, в полном непонимании общества, в отсутствии истинных последователей продолжал он разъяснять свою коренную мысль. Последователи появятся позже, когда будет уже поздно, после русской и всеславянской катастрофы, после Первой мировой войны и революции 1917 года, в изгнании: Н. Трубецкой, П. Савицкий, Г. Вернадский, И. Ильин, И. Солоневич... Евразийская мысль родилась как запоздалое прозрение. Запоздалое, но, может, не безнадежно позднее? Евразийцы не случайно своими корнями восходят к славянофилам. Как не случайно И. С. Аксаков родился на стыке Европы и Азии, в то же время под сенью храма во имя вмч. Дм. Солунского, покровителя всех славян. Евразийцы попытались проанализировать причины катастрофы: отравившись Западом, отвернувшись от Востока, Россия тем самым нанесла себе сокрушительный удар, не оправдала надежд, не стала опорой для всего славянского и неславянского мира. Да, прозрение пришло в горьком изгнании, но в надежде, что со временем их труды будут востребованы в России, как и во всем славянском и не славянском мире...

А тогда: умерли старшие славянофилы — И. В. Киреевский, А. С. Хомяков, отец, старший брат — и он почти в полном одиночестве пытался соединить славянство перед предстоящими бедами. И не выдержало сердце неимоверного напряжения — он скоропостижно умер 27 января 1886 года от разрыва сердца, от безысходной боли по будущему России, по разорванному

накануне вселенских испытаний славянству. Поразительно: он взывал — его не слушали и, тем более, ему не следовали. Но когда он умер, на какое-то время все вроде бы опомнились, скорее сердцем, чем умом, понимая, кого потеряли. В тогдашней не многомиллионной еще, но не столь еще космополитической Москве «100-тысячная (!!!) масса самой разнообразной публики вышла отдать последний долг признательности и благодарности высокочтимому славному гражданину и учителю. Огромная масса учащейся молодежи дружно, на перерыв, несла на руках высоко над головой белый глазетовый гроб с прахом идеально-честного русского человека в продолжение всей дороги от университетской церкви, по Моховой, Охотным рядом, через Театральную площадь, Китайским проездом, Лубянской, по Мясницкой, к Красным воротам, на Каланчевскую площадь, к вокзалу Московско-Ярославской железной дороги. Весь этот длинный путь переполнен был сплошными толпами публики, среди которой, как между двух стен, тихо и торжественно проносили драгоценный прах...». Похоронен он был — чуть ли не единственный из мирских — в основанной преподобным Сергием Радонежским Троице-Сергиевой лавре, и отклики на его смерть составили целую книгу. В послесловии к ней «было оговорено, что в нее не вошли отзывы болгар (которые составили отдельную книгу), лужицких сербов и хорватов по причине того, что «газеты коих в последнее время редакцией «Руси» вовсе не получались».

«Иван будет великий писатель», — сказал Сергей Тимофеевич Аксаков, прочитав одно из детских произведений сына. И в слово «писатель» Сергей Тимофеевич вкладывал не только понятие «литератор», а то единственное на Руси истинное значение: трибун, общественный деятель, болеющий за настоящее и будущее своего народа, иначе говоря, печальник земли Русской. Епископ

Рижский и Митавский Донат перед панихидой по почившему Ивану Сергеевичу Аксакову так и скажет: «Скончался печальник земли Русской об исполнении ее исторических заветов внутри и вне ее пределов... Скончался печальник славянства в его поисках за свою историческую судьбу, в его порывах в восстановлении его славянской личности, в убеждениях, в науке, в общежитии, в языке, в гражданском строе жизни!..»

«Потеря невосполнимая, — писали «Современные известия». — И. С. Аксаков был не только литератор, публицист и общественный деятель, он был — знамя, общественная сила. В этом было его главное значение, и потому-то особенно тяжела его потеря именно теперь, когда положен на весы вопрос: достойно ли Россия встретит надвигающиеся события, а они касаются тех глубоких ее задач, того коренного призвания, которым и посвящена была вся жизнь покойного».

«Нечего и говорить о значении этой потери... для русского и славянского мира, — отозвалось «Новое время». — Закатилась одна из самых ярких звезд, какие когда-то блестели на небе русского общественного слова... Не русский талантливый писатель только скончался — скончался общественный трибун, обладающий даром зажигать сердца, никогда ни единым словом не изменивший своему призванию. Он нес свое знамя в течение многих лет твердою непоколебимою рукою, ни разу не опуская его, нес как мужественный воин, с верой в то дело, которому служил и которое не оставил и тогда, когда смерть явно подкрадывалась к нему и когда все близкие настаивали на том, что ему необходимо успокоение. Но, как неустанный борец, он успокоился только в неизбежном, конечном жилище человека...»

На смерть И. С. Аксакова откликнулся практически весь славянский мир. После многих веков разобщения он, может, только теперь почувствовал себя вновь — к сожа-

лению, ненадолго — единым славянством. Но неужели для этого обязательно нужна была его смерть?!

Сербская газета «Застава» писала: «...нам тяжело стало, точно мы потеряли свет. Иван Аксаков был великан. Когда он говорил, голос его раздавался по всей Европе... До сих пор не было публициста с большим значением, чем Аксаков. Любовь Аксакова обнимала все славянство одинаково. Если бы мы жили при более благоприятных обстоятельствах, Аксаков, без сомнения, простер бы свою любовь на все человечество, но он видел, что славяне всех более угнетены, что они не имеют ни защитника, ни друга в широком мире, и он встал перед Россией и сказал: «Теперь мы должны заступиться за них!..» Перед панихидой в Белграде в соборной церкви (она совершалась с двадцатью священниками) архимандрит Никифор Дучич сказал: «Он принадлежал к тем редким не только между русскими, но и европейцами, великим людям, к чьим словам и речам прислушивалась в последнее время вся политическая и образованная Европа. Это была сила нравственная — сила ума, сила философская, сила без власти штыка. Русский народ вправе гордиться этим. И русская молодежь пусть изучает жизнь, светлый характер и великие патриотические дела своего Аксакова...»

И чехи скорбели по нему: «Горько опечалится не только вся громадная Святая Русь — зарыдает весь пробужденный широкий мир от Урала и Кавказа до Шумавы и высот Дормитора...» (газета «*Narodni Listy*»). И словаки: «Умер великий муж славянский, истинный друг нашего словенского (словацкого) народа (журнал «*Slovenske Pohľady*»).

Согласитесь, вышеприведенные выдержки для многих — откровение. Не то чтобы нашей молодежи изучать «жизнь, светлый характер и великие патриотические дела» И. С. Аксакова — его имя сознательно

было исключено из нашей памяти, более того: на нем умышленно было выжжено, как, впрочем, на всех славянофилах, титло, подобно тем, что выжигали на ворах и разбойниках. К этому уже в наше постсоветское время успел приложить руку вознесенный нынешними либеральными демократами до небес «великий гуманист» и великий русофоб А. Д. Сахаров: «Дух славянофильства на протяжении столетий представлял собой страшное зло». Не забуду, как в Минске, на празднике славянской письменности и культуры чуть ли не с ненавистью отшатнулась от меня: «Он же славянофил!..» — до того любезничавшая со мной и считающая себя весьма просвещенной латышка, так как была научным сотрудником Латвийской национальной библиотеки, когда узнала, что свое выступление я посвящу И. С. Аксакову. Она даже не подозревала, и тем более не подозревают о том нынешние латышские и эстонские лидеры, что И. С. Аксаков приветствовал создание газет и школ на латышском и эстонском языках и за поддержку в своих статьях стремления народов Прибалтики к самостоятельности не раз получал предостережение цензуры и что на его смерть с болью отозвались и латышские газеты: «Во внимание к великому значению И. С. Аксакова вообще и к теплоте его заступничеству за латышей в особенности, представители латышской печати послали глубоко огорченной вдове телеграмму... Аксаков был горячим защитником и наших интересов» («Rota»); «он неуклонно защищал интересы небольших славянских племен, а также интересы латышского народа» («Baltigas Wehstuesis»).

Увы, вышеперечисленные отклики одинаково неизвестны как для русской молодежи, так и для нынешнего поколения сербов, болгар, чехов, и тем более для латышей и эстонцев. Огромное значение личности И. С. Аксакова в том, что он не просто выступал в за-

щиту славянских и других малых народов, а сыграл исключительную практическую роль в их судьбе. Вот, например, выдержка из сербской газеты «Браник»: «Ныне всякий добрый серб в Сербии с благодарностью вспоминает русское имя, скидает шапку. Что это так — это великая заслуга Аксакова. **В славянских комитетах, которые материально поддерживали славян на Балканах, ему принадлежало решающее слово, он заставил русский народ возгореться гневом на турецкие насилия. Он подвинул официальную Россию на войну с Турцией, и таким образом возникли свободные государства на Балканах.**»

Газете «Браник» вторил, уже говоря о белорусском народе, протоиерей И. Котович на панихиде в Виленском Свято-Духовом монастыре: «Не забудет и Западно-Русский край Ивана Сергеевича! Нужно было иметь много мужества и сознания гражданского долга, чтобы так бесстрашно восстать на защиту попранной и униженной русской народности в здешнем крае, как восстал Иван Сергеевич в 1862 и 1863 годах... Со свойственной ему прямоотой он открыто проповедовал великий грех русского общества и русских ученых — забвение про существование Белоруссии, основ ее жизни и подвигов ее сынов, он прямо ставил вопрос, что здешний народ — господин и хозяин той земли, которую поляки повсюду прославили Польшей и этой ложью заслепили глаза русскому обществу... Оживление в Западной России было весьма велико, взоры мыслящих людей постоянно обращались к Москве, к Аксакову, что думает, что скажет он. **Почти все проекты преобразования в крае или проходили через его руки, или не чужды были его указаний или косвенного влияния.**»

Кое-кто пытался представить И. С. Аксакова врагом Польши, но послушаем, что по этому поводу писала словенская газета «Liublanski Zvon»: «Полякам

он не был враждебен по принципу... Его любовь к славянам была сознательная, живая, твердая. Его не смущала даже явная неблагодарность славянских племен к России, которая так много для них сделала и с такими жертвами. У него эта любовь не ограничивалась, как у некоторых других знаменитых славянофилов, одним православным единством; где только страдало и страдает славянство от несправедливости и себялюбия других народов, оно всегда находило в нем сочувственный отклик...» Его мучила уже тогда явно наметившаяся славянская междоусобица. Он и умер-то раньше времени, съедаемый этой междоусобицей и слепой политикой российского правительства. Или, как писал некто, скрывшийся под инициалами «Н. П.» в «Гражданине»: «К числу причин, сведших его в могилу, мы, несомненно, уверены, относилось и то глубокое страдание, которое испытывал он при виде направления, принимаемого политикой в Балканском вопросе. Говорят, была болезнь сердца, однако врачебные знаменитости даже за несколько часов до кончины обещали ему еще много лет «покойной жизни», но когда к физической болезни сердца присоединяются еще нравственные удары, бьющие в то самое место, чем жил и для чего жил человек, сосуд не устоит, и нравственное страдание прекратит физическую жизнь».

На смерть И. С. Аксакова откликнулся не только славянский мир. Немецкая «*Allgemeine Zeitung*» писала: «К выдающимся людям России, которые были похищены смертью в последнее время, принадлежит, бесспорно, Иван Сергеевич Аксаков. В славянском вопросе Аксаков вовсе не был приверженцем теории внешнего единства славян, которое достигалось бы путем принудительного давления на отдельные племена, теоретически он признавал за каждой народностью право на самостоятельность и стремился главным образом

ко взаимному нравственному сближению и солидарности... он верил в осуществление этого соединения». И еще эта газета отмечала: «Со своими противниками он всегда боролся средствами благородными и чистыми, почему даже его непримиримейшие враги не могли касаться чистоты и честности его характера. Повторим эти слова, как и другие: «Честен, как Аксаков, — это была почти пословица».

Очень трудно коротко рассказать об И. С. Аксакове, так насыщена его биография. Принципиальный государственный чиновник: уже в молодости ходили легенды о его беспримерной честности, его назначение «заставляет трусить каждое присутственное место». Известный поэт, хотя сам он невысоко ставил себя как литератора, но кому в России неизвестны были ставшие хрестоматийными строфы из поэмы «Бродяга», которая, несомненно, была предтечей некрасовской поэмы «Кому на Руси жить хорошо?». Блестящий публицист, но почти все его статьи, оригиналы которых, к сожалению, не сохранились, были подвергнуты цензурным искажениям, и мы никогда их не прочтем в полном виде. Пытливый ученый-исследователь: за описание украинских ярмарок, — а он любил Украину, наверное, не меньше России, — ему была присуждена Константиновская медаль Географического общества и Демидовская премия Академии наук. Председатель Общества российской словесности. Бесстрашный издатель, каких было мало на Руси: первый же выпуск его «Московского вестника» обратил на себя внимание не только читателей, но и цензуры. А второй выпуск вообще был запрещен, а сам И. С. Аксаков лишился «на будущее время права быть редактором какого бы то ни было издания». И так будет до самого последнего дня. Не случайно его потом назовут «страстотерпцем цензуры всех эпох и направлений». Возмутитель общественных устоев, к

сведению нынешнего опереточного Дворянского собрания: будучи потомком старинного дворянского рода, он был автором письма-проекта к государю: «Чтобы дворянству было дозволено торжественно перед лицом всей России совершить великий акт уничтожения себя как сословия...»

Осенью 1854 года началась героическая оборона Севастополя, и И. С. Аксаков записывается в Серпуховскую дружину Московского ополчения. Он не верил в возможность отстоять Севастополь, но сделал это шаг, как он писал родным: «...мне было бы совестно не вступить. Все идет глупо, но тем не менее люди дерутся и жертвуют». Иван Сергеевич был не просто штабс-капитаном Серпуховской дружины, а квартирмейстером и казначеем ее. После окончания кампании он сдал в казну крупную сумму сэкономленных денег, что вызвало не то чтобы недовольство начальства, — он ставил, мягко говоря, в неловкое положение интендантскую службу всей армии. Этот факт послужил основанием для назначения его в комиссию князя В. И. Васильчикова по расследованию интендантских злоупотреблений во время войны.

В 1857 году Иван Сергеевич едет за границу. Но заграница его тянула не модными курортами, хотя потребность в том была, — он стремился глубже понять суть происходящих там событий, особенно в славянском мире, и оттуда яснее виделось происходящее в России. Вернувшись, он начинает издавать газету «Парус». 22 июня 1858 года он пишет М. Ф. Раевскому, на которого в 1856 году, после окончания русско-турецкой войны, русским правительством была возложена забота по устройству церквей и школ в Болгарии, Боснии, Герцеговине, Албании и Черногории (забегая вперед, скажу, что с 1860 года он станет в славянских странах представителем возглавляемого И. С. Аксаковым Мо-

сковского славянского благотворительного комитета): «...после долгих хлопот удалось наконец возвратить себе гражданские права в литературе, которых я был лишен покойным Императором. Я получил дозволение и с сентября сего года начинаю издавать от своего имени еженедельную газету... Интересы славянские, само собой разумеется, будут играть в этой газете важную роль... Мне необходима еженедельная корреспонденция из славянских стран, так чтобы в одном было письмо из Сербии, в другом — из Болгарии, в третьем — из Богемии, в четвертом — из Далмации, в пятом — из Галиции и т. д., только таким образом славянский вопрос приобретет популярность в России. Сделается вопросом, близким нашему купечеству и вообще грамотному простому люду...»

26 августа он снова писал М. Ф. Раевскому: «Пожалуйста, завяжите сношения «Русской беседы» с Венгрией. Кажется, мадьяры начинают сознавать, что их политическое бытие тесно связано с независимостью славянских племен... Старайтесь славян наших из области учено-отвлеченной перевести на живую почву, заставьте их изучать не только памятники древней славянской письменности, а живой народ, его обычаи, предания, верования. Вот что важно...»

Но уже 13 апреля следующего года письмо его к М. Ф. Раевскому полно горечи: «Первые два номера «Паруса» произвели шум и гул страшный. В публике было сочувствие огромное, и нет сомнения, что через год славянский вопрос сделался бы популярным в России... И только тогда сочувствие к славянам было бы действительно и принесло бы плоды... если бы не запретили «Паруса»... Вы не можете себе представить, как вообще Петербургу ненавистна и подозрительна Москва, какое опасение и страх вызывает там слово: народность. Ни один западник, ни один русский социа-

лист так не страшны правительству, как московский славянофил. Никто не подвергается такому гонению... «Парус» запретили, но министерство иностранных дел тотчас же спохватилось, что запрещение «Паруса» в то время, когда его воспретили в Австрии и когда наша политика предписывает нам дорожить сочувствием славян, весьма несвоевременно, что такой орган славянской мысли, который был бы центральным славянским органом, был бы весьма полезен... Всего проще было бы не запрещать «Паруса» или разрешить его вновь, но государь никак на это не согласился, а велел Ковалевскому предложить кому-либо из московских славянофилов, только не Аксакову, продолжить «Парус» под другим названием...»

Только не Аксакову! Увы. Сколько раз и потом было в России! Чтобы угодить чужим, оскорбляли своих! Били по своим!

Лишенный возможности говорить с братьями-славянами через газету, И. С. Аксаков решает говорить с ними глаза в глаза. 10 января 1860 года, немного оправившись после смерти отца, он сообщает Раевскому: «Мой план таков: весною, в начале мая, явиться к Вам в Вену и там представить на ваше высочайшее благоусмотрение план моего окружного путешествия по славянам, на что я полагаю посвятить месяца три или четыре...»

И поездку эту он совершил. Полностью осуществить план помешала смерть брата, Константина Сергеевича. Потому Раевскому одна за другой идут посылки: «На днях Вы получите от меня 80 экземпляров стихотворений Хомякова, изданных под моим наблюдением; возьмите экземпляр себе, дайте Кузmani, Криницкому, Ловацкому, пошлите в Прагу, в Белград — обществу, митрополиту, консулу, кн. Михаилу, Груичу, Илличу, проф. Сретковичу, Любиму Ненаджовичу, в Читалиште, в Бану, Матичу, Блайковичу и 10 экземпляров митропо-

литу для раздачи кому найдет приличным... в Рагузу Петковичу, графу Поцца, в Загреб — Шпуну Можуревичу, Мирко Боговичу...» Он посылает в славянские страны сборники сказок Афанасьева, сочинения Пушкина и Гоголя, всевозможные словари...

В то же время его гнетет духовное одиночество, слишком мало единомышленников, слишком мало людей в славянском мире, кто его понимает. К тому же: «Безумствуют славяне на западе и на востоке. Безумствуем и мы... Славяне могут нам рассказывать, что у них скверно, и ожидать от нас помощи. Нам же рассказывать, как у нас скверно, не приходится. А кроме скверного нечего и рассказывать!»

Все это подтачивает его здоровье, как и смерть одного за другим родных. 5 августа 1861 года он делится все с тем же М. Ф. Раевским своим горем: «Родные мои сестры не выходят из траурных одежд. Три года сряду смерти: 1859 г. — отец, 1860 г. — брат, 1861 г. — сестра! Маменька очень ослабела... Тяжело, болезнь и кончина сестры помешали мне объявить о моей газете, и хоть я не оставляю такого намерения, но трудно, признаюсь, мне теперь отдаваться газете, когда на руках моих вся семья и все женщины!»

Но уже через месяц его письма полны заботой о самом главном деле: «Пусть каждый славянин пишет, что имеет сказать в пользу своей народности». Иван Сергеевич помышляет о развитии славянского экономического учения, он сближается с группой промышленников, в которую входили И. Ф. и Н. Ф. Мамонтовы, А. В. Третьяков, В. А. Конорев, К. Т. Солдатенков, И. В. Щукин. Он горячо интересуется самобытными сторонами промышленности и сельского хозяйства в славянских странах.

«Положение...» от 19 февраля 1861 года его глубоко разочаровало. Он видел в его половинчатости плевела будущих бед России. Он замышляет газету, которая по-

могла бы читателям ориентироваться в происходящих событиях. Он называет ее «День». Разрешая издание газеты, московский цензурный комитет оговаривал: «Главное управление цензуры разрешило дозволить г. Аксакову издавать означенную газету без политического отдела, чтобы московскому цензурному комитету иметь особенное, в цензурном отношении, наблюдение за этим изданием». В результате этого «особенного» наблюдения издание газеты то и дело приостанавливалось, в конце концов в 1868 году она вынуждена была прекратить свое существование. Надо сказать, что издание «Дня» с самого начала представляло собой акт отчаяния. И. С. Аксаков издавал «День» на свои небольшие средства, он вынужден был постоянно ограничивать себя, а сотрудников в выплате гонорара. Типографии своей не было, выход газеты зависел от многих случайных причин. Была вынуждена прекратить существование, и по тем же причинам, газета «Москва», которую он редактировал в 1867—1868 годах: «...г. Аксаков, как видно из всей его литературной деятельности, отличается деспотическим упорством в своих мнениях и своей нескрываемой ненавистью к администрации, которую он старается унижить в глазах общества всякий раз, как распоряжения ее не согласуются с его личными и односторонними воззрениями».

Особое место в биографии И. С. Аксакова занимает его деятельность как основателя, идейного вождя и руководителя Московского славянского благотворительного комитета, во главе которого он стоял более 30 лет. Под его руководством комитет играл ведущую роль в организации и координации других славянских комитетов страны. И. С. Аксаков чувствует себя счастливым, когда в июне 1867 года ему удалось собрать в Москве всеславянский съезд. Во время торжественного приема в честь

дорогих гостей он поднял чашу за братство между всеми славянами: «Отныне его братство призвано стать не отвлеченной только, абстрактной, как говорят немцы, идеею, не платоническим только бесплодным чувством, а действительным, деятельным, животворящим фактом. Братство! Братья! Как много сказано этими словами. Невольно повторишь слова Хомякова:

О, вспомнишь ли, что это слово «братья»
Всех слов земных дороже и святей?!

Я прибавлю: оно не только святей, но и сильней. О каком братстве говорим? О братстве полсвета!.. Славянское братство не уместится в рамки географических и политических отношений... Но что такое братство? Братство значит любовь и равенство... В братстве нет ни низших, ни высших; братья — это значит, все равны. Кто из них лучше и сильнее, на том лежит и больше ответственности. От того, кто много имеет, больше и требуется. Обязанность сильного — помогать слабому. На России лежит великая обязанность. Россия должна осуществить на земле славянское братство и призвать всех братьев к свободе и жизни. Будем же блюсти это наше братство как наше величайшее богатство, как наше драгоценное сокровище, как завет истории!.. Мы все здесь — рабочие одного общего дела. Дело это — осуществление славянского братства...»

И. С. Аксаков принимает активное участие в оказании помощи Сербии и Черногории в их освободительной борьбе против Турции. Он помогает переправить через границу генерала М. Г. Черняева, который должен был возглавить сербскую армию и отряды русских добровольцев, организует заем сербскому правительству и сбор средств на нужды борющегося сербского народа. За четыре месяца Московскому комитету удалось

собрать около 600 тысяч рублей. И. С. Аксаков писал: «Две трети пожертвований внес наш бедный, обремененный нуждою, простой народ... Пожертвования по общественной лестнице шли в обратной прогрессии: чем выше, чем богаче, тем относительно слабее и скуднее. Наши денежные знаменитости не участвовали во все, а если и участвовали, то в самом ничтожном раз- мере, во всероссийской народной складчине». Простой народ подсознательно, можно сказать, на генетическом уровне чувствовал необходимость этого объединения, но что тут важно: он вставал на защиту болгар и сербов, не просто как славян, а прежде всего как за униженных православных. Вот в чем суть.

Главные силы И. С. Аксакова были сосредоточены на вербовке добровольцев. Вот когдагодились навыки, приобретенные им в бытность квартирмейстером и казначеем Серпуховской дружины. Добровольческое движение начало носить всенародный характер, но С. А. Никитин в книге «Славянские комитеты в России...» был, вероятно, прав, когда писал: «Аксаков и славянские комитеты, посылая добровольцев в Сербию, боролись не столько с турками, сколько с русским правительством... Они хотели этим самым вынудить правительство к объявлению войны...» Что в конце концов и случилось: Россия заступилась за славянские страны.

Во время русско-турецкой войны 1877—1878 годов И. С. Аксаков проводит огромную работу по помощи болгарским дружинам. Один из современников рассказывал: «Мне случилось быть на одном приеме у И. С. Аксакова. Помню, что голова закружилась от этой массы людей всякого звания, как поток, нахлынувшей в его приемную, и как сердце усиленно билось и умилялось от бесчисленных проявлений народного энтузиазма. Как вчера помню этих старушек и стариков, на вид убогих, приносивших свои лепты для славянских

братий, в каком-то почти религиозном настроении, и в этой толпе заметил одну старушку, на вид старую, долго разворачивавшую грязенький платок, чтобы достать из него билет в 10 тысяч рублей».

Вот гдегодились его связи с купечеством. Оружие, покупаемое в Германии, бесплатно провозилось в Одессу по железной дороге, где грузилось на пароходы. Все больше говорили, что освободительное движение славян получило в лице И. С. Аксакова своего Минина. Болгары называли своих ополченцев «детьми Аксакова», через Аксакова они получили, в частности, 20 тысяч винтовок, 12 крупновских пушек, даже военная форма ополченцев, так называемая «пехотная болгарка», была придумана им.

Зимой 1878 года русская армия, сломив сопротивление турецких войск, стала продвигаться к Константинополю, и 19 февраля в Сан-Стефано был подписан предварительный мирный договор. Согласно ему Болгария превращалась в самостоятельное княжество, Турция признавала независимость Сербии и Черногории. Но под давлением Англии и Австро-Венгрии русское правительство на Берлинском конгрессе согласилось на передачу Южной Болгарии под власть Турции. И. С. Аксаков рассматривал это решение как предательство. 22 июня 1878 года он выступил с необычайно резкой речью на собрании Московского славянского комитета, который к тому времени уже был подчинен контролю министерства внутренних дел, в расчете, что его речь будет опубликована за границей, а в России будет известна «высшим мира сего, а мне только этого и нужно». Речь И. С. Аксакова произвела большое впечатление. Как писал А. Никольский в «Историческом вестнике», «и хотя Славянское общество было тотчас закрыто, и сам И. С. Аксаков был выслан из Москвы в деревню, но Берлинский трактат был принят Россией не в той оцен-

ке, какую дали ему наши дипломаты, а в той, какую дало ему патриотическое проклятье Аксакова...». Особый резонанс эта речь получила в славянских странах, особенно в Болгарии. Была даже выдвинута идея предложить Аксакову болгарский трон.

Вынужденное молчание И. С. Аксакова дорого обошлось России: как свидетельствовало «Новое время», «после прекрасной речи о Берлинском трактате Аксаков должен был замолчать, а бывшие министры внутренних дел преследовали всякое проявление русской мысли. В эти десять лет молчания в русском обществе народились самые вздорные идеи нигилизма... Деятели в это время были люди, которым русская мысль, русское чувство были непонятны, хотя и носили некоторые славные русские фамилии, но в душе не принадлежали ни к какой национальности. Пошлость и умственная ничтожность этих людей были ясны для Аксакова, он указывал на трагические ее последствия. Предостерегал...»

Увы...

Увы, не в лучшем, в более худшем положении мы ныне, сто с лишним лет спустя. «Деятели в это время были люди, для которых русская мысль, русское чувство были непонятны». Для нашего времени это мягко сказано. В годы революции, Гражданской войны, коллективизации сколько-нибудь национально мыслящая интеллигенция была уничтожена или была вынуждена покинуть Россию. И в последние, даже относительно благополучные десятилетия XX века пресекалось все русско мыслящее. Выросли целые поколения русских, оторванные от корней. В 90-е годы во второй раз в XX веке в России победила большевистская, откровенно не русская власть, обслуживаемая откровенно антирусской русскоязычной интеллигенцией. Но не о ней сейчас речь. Речь о тех вроде бы русских по крови интеллигентах, кто духовно

облагораживал, обустроивал и сейчас продолжает облагораживать новый большевистский режим, — о так называемой народной интеллигенции, которая сама о себе бессовестно, впрочем, еще в позапрошлом веке, придумала легенду, что она — совесть народа, не спросив народ, считает ли он так... За редким исключением, после некоторой растерянности она тоже бросилась угождать очередной антирусской власти, это тем более гнусно, что новая власть, в отличие от прежней, коммунистической, силой не заставляла этого делать, более того, не очень-то нуждалась в этом. И потому цинично-снисходительно принимала эти книксены.

Увы, парадокса тут никакого нет. У «народных» и «заслуженных» это уже в крови. Больно и стыдно было на них смотреть во время ельцинских выборов — как они старались в одном строю с ворами в законе и вне закона, как выпрыгивали из штанов и юбок, впрочем, многие архиереи Русской Православной Церкви тоже. И непременно, чтобы их рвение заметили, а потом отблагодарили! Но отблагодарили не прямо, а мягко, интеллигентно. Чтобы в нужный момент можно было встать как бы несколько в оппозицию, мало ли что? Это в какой-то мере было бы простительно, если бы они это делали по политическим или нравственным убеждениям. Но ведь они не хуже других понимали, что толкают народ выбирать в «цари» человека, на котором, помимо многих других страшных преступлений, висит тень гнусного беловежского антиславянского, антирусского, антироссийского, антиевразийского сговора. Человека, глубоко больно-го, уже давно не управляющего страной и тем более не способного управлять ею в будущем и за него это будут делать другие. Но ведь это будет завтра, а живем-то мы сегодня, один раз! И потому надо успеть поугодничать сегодня, пока раздают — или только обещают раздавать — даже не пряники, сникерсы.

Самое печальное, странно повела себя так называемая патриотическая интеллигенция, внешне вроде бы противостоящая народно-дворовым деятелям культуры. К примеру, многие русские писатели, по-настоящему талантливые и в своем творчестве продолжающие традиции великой русской литературы, встав в оппозицию к новому криминально-большевистскому режиму, не только не смогли создать сколько-нибудь реального общественно-нравственного движения, основанного на истинной национальной идее, но до сих пор замороженно смотрят в рот другому бывшему секретарю ЦК КПСС, Г. А. Зюганову, подобно хорошо оплачиваемому талантливому шуту Жириновскому, пустой демагогией морочащему российский народ. Как ни парадоксально, они оказались в плену у доктрины, с которой в своих произведениях явно или подспудно боролись.

Россия ныне стоит перед страшным, может быть, уже свершившимся выбором. Положение наше куда страшнее, чем большинству из нас представляется. Дело даже не в разрушенной экономике и разложенной армии. Дело гораздо глубже: в самые беспросветные поры гонения, в том числе при большевиках, церковь была более церковью, чем ныне. Не остались ли уже от нее лишь внешние обрядовые одежды? Не потому ли она так поддерживается нынешней мафиозно-финансовой властью в тайне от тысяч рядовых священников и тем более уж прихожан? Не стала ли она уже тоже одной из ячеек вездесущего масонского ордена-спрута?.. Определяя нынешнюю трагедию России, мы, невольно или специально смещая акценты и тем самым уводя от истины, акцентируем на обнищании народа, половина которого в результате новой большевистской революции оказалась за чертой бедности. Но, во-первых, кто определял эту черту бедности, на самом деле, может, все гораздо страшнее. А во-вторых, в этом смысле Россия знавала

времена и пострашнее, но народ не рассматривал их как трагически-конечные. Потому как у него была внутренняя идея. Он знал, что это беда временная. Что у него есть будущее, которое прежде всего от него, народа, и зависит. Только надо на время, ради этого будущего, затянуть пояса. Народ русский ныне вымирает не от голода. Прямо скажем, голода в стране нет, это не более как треп вчерашних партноменклатурных функционеров, народ вымирает даже не от алкоголизма и наркомании, а от безнадежности, бессмысленности своего существования, что его повели по чужим, не по русским путям не к русским конечным целям. Дайте ему надежду, верните ему национальную идею, о которой нынешние правители стесняются даже упоминать или сводят ее к насыщенности рынка памперсами и сникерсами, и он накормит не только себя, но и, как раньше, еще полсвета. В России всегда коренным вопросом был вопрос земли. Сколько веков русский крестьянин мечтал о ней! И вот сейчас, пожалуйста, вроде бы бери ее, сколько хочешь. А он не хочет брать. И не только потому, что в результате всех революций и контрреволюций источены его жизненные силы, но и потому, что земля для него не просто предмет купли-продажи, а нечто более святое, а вот это святое у него и отобрали...

Что дальше будет? Что мы заслужили. Поживем — увидим. Гадать не будем. Сейчас речь лишь о том, что так называемая русская интеллигенция, в свое время самозвано определившая себя «совестью народа», в очередной раз польстившись, как ныне говорят, на халяву, или, точнее сказать, поставив во главу угла совсем не православный, чуждый русской сути принцип: живем-то один раз, в большинстве своем предала народ, из которого вышла, как оказалось, в прямом смысле этого слова. При всей незначительности влияния ее на судьбы России, какую-то, пусть и самую ни-

чтожную, роль народно-дворовая интеллигенция на выборах нынешней преступной власти сыграла. Она лишний раз доказала, что она не только не совесть народа, а, за редким исключением, лишь грязная пена на перекатах народной судьбы.

Выборы скоро забыли, потому что на смену пришли более суровые и гнусные времена. Были проедены и не очень-то уж стоящие ныне тридцать сребреников, за которые народно-дворовые артисты продались, и вот тогда-то у некоторых из них наступило тяжелое похмелье: кого мы выбрали?! — но было уже поздно. В волчьей схватке за власть о них забыли. И вот некоторые «вспомнили», вроде Н. Михалкова, о многострадальном русском народе, вот тогда они снова стали липнуть к оппозиции, громко кричать в надежде что к ним прислушаются, ведь они совесть народа. А народ уже никого не слушает...

Горько, что все это уже было за плечами не только у нынешней интеллигентской шушеры, но и у большой русской интеллигенции. Пришло позднее похмелье к А. Блоку, написавшему паскудно-революционную поэму «Двенадцать», к В. Короленко, по простоте душевной защищавшему не русского мужика, а иноплеменных бесов. И того, и другого, как отработанный материал, как путающихся в ногах, бесы отравили. Не случайно, что первому присвоили звание «народного» артиста — Ф. И. Шаляпина, тоже не избежавшему искусства революции и долго ходившему с книксенами по кабинетам Каменева, Троцкого и Зиновьева. Потом, когда он протрезвеет и большевики отберут у него это звание, он вовремя успеет спрятаться за границей. Не избежал революционной заразы и С. Есенин, его убьют позже... Я называю отдельные, более громкие имена, а их было тысячи. Не кто иной, как так называемая великая русская интеллигенция привела к смертоносной как для

России, так и для самой интеллигенции февральской, а потом и Октябрьской революции...

Ну, ничего, народно-дворовые артисты быстро оправятся от замешательства, тем более что очередные выборы-спектакль уже не за горами. И они снова бросятся в очередной раз услуживать антинародному режиму, кто мягко так, интеллигентно, кто в открытую за подачки с барского стола, как мадам Бабкина, по своему подобию опошляющая, нравственно извращающая русскую песню... Так держать, «совесть народа», ведь живем-то один раз!..

Но я был бы не прав, если закончил бы свой «панегирик» о русской интеллигенции на этой безнадежной ноте, хотя дело наше более чем безнадежное. Есть сотни и тысячи других, в том числе священников, учителей и артистов, которые не ноют, не стонут по погибающей России. Не мельтешат на телевидении, не потому, что они бесталанны, а потому, что их туда не пускают по причине, что они не лгут. Что их объединяет с народно-дворовыми артистами? То, что им тоже хочется есть, а их семьям — тоже. И что они живут, в общем-то, по тому же принципу: «Живем-то один раз!!!» Только с обратным смыслом: раз живем один раз, то совесть свою продавать преступно, потому как мы ответственны как перед Богом, так и перед народом, из которого они принципиально не выходили и который, по их надежде, не исчерпал еще свои силы...

Большой духовной поддержкой для И. С. Аксакова было письмо Ф. И. Тютчева: «...и вот почему, дорогой Иван Сергеевич, ваш «День», во что бы то ни стало, не должен ни на минуту сходить с нашего горизонта. Значение Ваше не в рати, а в знамени. Знамя это создаст себе рать, лишь бы оно не сходило с поля битвы. Не бросайте и не передавайте его — это мое задушевное убеждение».

Почему же случилось так, что как бы приговором его почти напрасной жертвенной жизни-свече стали слова: «феномен, но не сила», «знамя, но не рать»? Почему, как мы видим, даже великий русский пророк Ф. И. Тютчев не мог представить, предвидеть, призывая И. С. Аксакова не бросать, не передавать знамя, что потом оно просто выпадет из рук и некому будет подхватить...

Удары по И. С. Аксакову наносились и слева, и справа, их наносили враги и, что совсем не парадоксально на Руси, свои, которые в чем только его ни обвиняли. В том числе в отходе от славянофильских идеалов. Сам И. С. Аксаков понимал, что какое-то изменение первоначальной славянофильской идеи неизбежно. Он превосходно это выразил в предисловии к «Биографии Ф. И. Тютчева»: «Может потеряться из виду преемственная духовная связь между первыми деятелями и новейшими; многое, совершающееся под общим воздействием, но совершающееся в данную известную пору, при известных исторических условиях будет даже уклоняться, по-видимому, от чистоты и строгости некоторых славянофильских идеалов... Некоторые слишком поспешно определенные формулы, в которых представлялось иным славянофилам историческое осуществление их любимых мыслей и надежд, оказались или окажутся ошибочными, и история осуществит, может быть, те же начала, но совсем в иных формах и совсем иными неисповедимыми путями. Но тем не менее раз возбужденное народное самосознание уже не может ни исчезнуть, ни прервать начатой работы...»

1 марта 1881 года был убит царь Александр II.

Потрясенный И. С. Аксаков на экстренном собрании Славянского благотворительного комитета выступил с речью: «...это суд Божий творится над нами. Это сам Бог, живущий в истории, ниспосылает нам свое страшное откровение, перед Его лицом мы стоим, позванные

к ответу... Какой же ответ мы даем, мы дадим?.. Пусть, пусть испытует каждый сам свою совесть: нет ли и его доли участия в той скверне, за которую карает нас Бог и которую запятналась перед всем миром наша земля?

Нечего себя обманывать. Мы подошли к самому краю бездны. Еще шаг в том направлении, в котором с таким преступным легкомыслием мы двигались до сих пор, — в кровавый хаос!.. Кто же дерзнул осквернить грехом Русскую землю, осрамить, опозорить русский народ, да еще во имя народа, и не только надругаться над ним, но и распоряжаться его историческими судьбами?

Кто же они? Одна ли горсть злодеев — бессмысленных, лютых, одержимых демоном разрушения? Откуда же она завелась на нашей земле? Спросим себя строго по совести, не есть ли она продукт той духовной измены, того отступничества от народности, в котором повинны более или менее мы все — так называемая интеллигенция? Если она нечто иное, как логическое, крайнее выражение того самого западничества, которым уже со времен Петра снедаемо как недугом и наше правительство, и наше общество, которое искажает все отправления нашего государственного организма, ослабляет и уже ослабило живое творчество духовных начал, таящихся в глубине народного духа? Ибо мы не удовлетворялись теми сокровищами знания и науки, которыми богата Европа, но и приобщились самому ее духу, воспитанному в ней ее историей, ее религией, — сотворили из нее себе кумира. Поклонились ее богам, устремились к ее идеалам. Мы отвернулись от своей трапезы, пошли на пир чужой и вот вкушаем и похмелье в чужом пиру! На кого же сетовать?..»

«Великая» русская интеллигенция, уходя от ответственности, привыкла искать причины российской трагедии в ком и в чем угодно, только не в себе, только вовне, в том числе в происках жидомасонства. Так легче

договориться со своей совестью. И. С. Аксаков же прямо сказал: нельзя путать следствие с первопричиной. А первопричина — это, прежде всего, отпадение русской интеллигенции от Бога. Он писал: «Но христианин не может просто перестать быть христианином; он то и дело будет бороться со своим бывшим Богом и в самом себе, и вокруг себя; он не перестанет вечно бунтовать против начала, которым проникнуто все существо исторических современных обществ, бунтовать — непременно озлобленно — везде и всюду. Попирать все, что этим началом освящалось в мире. Поэтому окончательный удел всякого христианского, отрекшегося от Бога общества — бунт и революция. Но бунт ничего не созидает, и общество, положившее революционный принцип в основание своего развития, должно неминуемо, от революции к революции, дойти до анархии, до совершенного самоотрицания и самозаклания...»

Он далеко вперед видел. Я уже упоминал послание-предостережение «К сербам». Перечитывая его ныне, поражаешься: писавшие его предвидели будущую сербскую трагедию конца XX века, вызванную в том числе и обольщением первых побед и национальной гордостью, опасно переросшей в национальную гордыню. Увы, это послание оказалось не услышанным: «Народ сербский, внушивший уже почтение другим народам, не унизит никогда своего достоинства. Но мы знаем, что после испытаний, через которые вы уже прошли, предстоят вам другие испытания, не менее опасные... Свобода, величайшее благо для народов, налагает на них в то же время великие обязанности; ибо многое прощается им во время рабства, ради самого рабства, и извиняется в них бедственным влиянием чужеземного ига. Свобода удваивает для людей и для народов их ответственность перед людьми и перед Богом. С другой стороны, счастье и благоденствие преисполнены соблазна, и многие, сохранившие

достоинство в несчастьях, предались искушениям, когда видимое несчастье от них удалилось, и, заслужив Бога наказание, навлекли на себя бедствия хуже тех, от которых уже избавились. Всякие внешние и случайные несчастья могут быть легко побеждены. Часто же, испытывая народную силу, они еще укрепляют и воспитывают для будущей славы; но пороки слабости, вкравшиеся в жизнь и душу народа, раздваивают его внутреннюю сущность, подрывают в нем всякое живое начало, делаются для него источником болезней неисцелимых, готовят ему гибель в самые, по-видимому, цветущие его годы благоденствия и преуспевания. Поэтому да дозволено будет нам, нашим братьям, любящим вас любовью глубокой и искренней и болеющим душевно при всякой мысли о каком-либо зле, могущем вас постигнуть, обратиться к вам с некоторыми предостережениями и советами... Мы старше вас в действующей истории, мы прошли более разнообразные, хотя не более тяжелые, испытания и просим Бога, чтобы опытность наша, слишком дорого купленная, послужила нашим братьям в пользу и чтоб наши многочисленные ошибки предостерегли их от опасностей, часто невидимых и обманчивых в своем начале, но крайне губительных в своих последствиях; ибо опасности для всякого народа зарождаются в нем самом и истекают часто из начал самых благородных и чистых, но не ясно осознанных или слишком односторонне развитых...

Первая и величайшая опасность, сопровождающая всякую славу и всякий успех, заключается в гордости...»

Все, что мы ныне имеем со славянами и между славянами, все, что мы ныне имеем с Россией, печальный результат и того, что век с лишним назад не прислушались к И. С. Аксакову. Он уже тогда явственно видел, какие беды могут встать перед нами, если мы не просто будем врозь, а если нас к тому же разделят гордыня или взаим-

ная подозрительность. Об этом в то время с горечью писал и другой великий славянин Ф. М. Достоевский: «Но, увы, чуть ли не вся интеллигенция райи (райя — презрительная кличка христианских подданных Оттоманской империи, буквально: стадо. — М. Ч.) хоть и зовет Россию на помощь, но боится ее, может быть, столько же, сколько и турок: «Хоть и освободит нас Россия от турок, но поглотит нас и, «больной человек», не даст развиваться нашим национальностям» — вот их неподвижная идея, отравляющая все их надежды! А сверх того у них и теперь уже сильней разгораются между собой национальные соперничества; начались они, чуть лишь просиял для них первый луч образования». И результатом этого национального соперничества — братский жутко-кровавый развал Югославии. И еще: «Выгода России не в захвате славянских провинций, а в искренней и горячей заботе о них и покровительстве им. В братском единении с ними... Одной материальной выгодой, одним «хлебом» такой высокий организм, как Россия, не может удовлетвориться. И это не идеал и не фраза: ответ на это — весь русский народ и все движение его в этом году. Движение почти беспримерное в других народах по своему самоотвержению и бескорыстию, по благоговейной религиозной жажде пострадать за правое дело... Славянское дело во что бы то ни стало должно было наконец начаться... Но если уж началось славянское дело, то кто, как не Россия, должна была встать во главе его. В том назначение России... Русские уйдут, но великая идея останется. Великий дух русский оставит следы в их душах — и на русской крови, за них пролитой, вырастет и их доблесть. Ведь убедятся же они когда-нибудь, что помощь русская была бескорыстная и что никто из русских, убитых за них, и не думал их захватывать!»

Боже мой, теперь-то, через сто с лишним лет, неужели братья-славяне не убедились, что помощь русская

была бескорыстной?! Но режет кому-то глаза эта великая очевидность: мне показывают одну из российских демократических газет со статьей, цинично доказывающей, что не было никакого освободительного похода на Балканы, была обыкновенная российская экспансия...

О, как боятся они, ликующие ныне победу, хоть каких-то ростков нового славянского единения! Кляпом в горле, который так хочется проглотить, у них сегодняшняя Белоруссия. И только это уже доказывает, что славянский союз нужен. Как они боятся исторически сложившегося в границах России евразийского союза! Более того, они лучше нас представляют, что это за великая нравственная и геополитическая сила, удерживающая Россию от окончательного распада: глубоко русская, глубоко православная семья Аксаковых, выразившая суть России, генетически восходит одновременно к славянам и тюрками не случайно явилась миру на стыке Европы и Азии. И этнический ли славянский союз спасал Русь и Россию в самые беспроблемные времена? На этот вопрос в свое время ответили два славянина, два русских князя: Александр Невский и Даниил Галицкий. Русь, Православие спас унизительный союз с Золотой Ордой, которая посягала на все, но в отличие от вроде бы христианского Запада не посягала на Веру. И на Чудском озере, после которого князь Александр стал Невским, нам помогали «татарове», и в Куликовской битве Русь в смертельной битве схватилась не с Золотой Ордой, в чем нас до сих пор пытаются убедить, а вместе с Золотой Ордой с все тем же, до сих пор при всяком удобном случае смертельно жалящим, в свое время отпавшим от Православия католическим Западом.

Особенно трудными были последние годы И. С. Аксакова, он видел трагическую невозможность хотя бы

частичного воплощения своих идеалов и, как следствие, чувствовал приближение великой беды. В декабре 1885 года нависла угроза закрытия его последней газеты «Русь». 26 января 1886 года он писал одному из своих корреспондентов: «Как трудно живется на Руси!.. Есть какой-то нравственный гнет, какое-то чувство нравственного измора, которое мешает жить, которое не дает установиться гармонии духа и тела, внутреннего и внешнего существования, фальшь и пошлость нашей общественной атмосферы и чувство безнадежности, беспроглядности давят на нас...»

На следующий день его не стало. Не стало человека, суть которого можно выразить цитатой из сербской газеты «Застава»: «Если бы мы жили при более благоприятных обстоятельствах, Аксаков, без сомнения, простер бы свою любовь на все человечество». Хотя в то же время кто-то из современников говорил, что он чувствует себя русским в трех случаях: когда слушает древние песнопения, когда слышит русскую народную песню и когда читает статьи Ивана Сергеевича Аксакова...

Н. Н. Страхов после смерти И. С. Аксакова писал: «Ни одна из надежд, ни одно из задушевных желаний Аксакова не имеет впереди себя ясного будущего. Церковь осталась в том же положении; укрепление и развитие ее внутренней жизни по-прежнему идет шатко и медленно, и невозможно предвидеть, откуда появится поворот к лучшему. Славянские дела свидетельствуют, что духовное значение России не развилось, после подвигов, достойных Аннибала или Александра Македонского, мы вдруг с сокрушением видим, что старания иностранцев и их политическое и культурное влияние берет верх над той связью по крови, которая соединяет нас со славянами. Но ведь узел славянского вопроса заключается именно в нашей культуре, и если самобытные духовные и исторические силы наши не развивают-

ся, если наша религиозная, политическая, умственная и художественная жизнь не растет, то мы неизбежно должны отступить для славян на задний план, сколько бы мы крови ни проливали. Какая же для нас надежда в этой борьбе? Становясь грудью за единомышленников, мы должны спрашивать себя: не убывает ли в нас и в них та вера, в которой весь смысл дела и вне которой бесплодны все подвиги?..»

Увы, с еще большей горечью эти слова можно повторить и сегодня, сто с лишним лет спустя.

Н. Н. Страхов далее писал: «Все это, и лучше и яснее всякого, видел и чувствовал Аксаков. Потому больше, чем когда-нибудь, ему стало тяжело перед смертью. Не могу выразить, как изумили, как больно поразили меня несколько унылых слов, вырвавшихся у него в последних письмах и тем сильнее поражавших, что выходили из уст такого богатыря. «Чувствуешь, — писал он, между прочим, — что настоящий переживаемый нами период — долгий период, и его ничем не сократишь». И вот ему не довелось пережить этот период. Смерть избавила его от этого страдания... Нет, для себя он вовремя умер. Благочестивые люди верят, что смерть всякого человека совершается не без соизволения Божия. И на этот раз мы как будто можем понять смысл этого соизволения. Аксаков довольно потрудились. И верный раб наконец был отпущен от своей работы. Что с нами будет? Конечно, то, чего мы заслуживаем».

Словенская газета «Уставность» в одно время с Н. Н. Страховым писала: «Все заслуги и обширную деятельность Аксакова оценят лишь потомки через несколько поколений, оценит история».

Надеюсь, пришло то время. Как и надеюсь, что имя И. С. Аксакова у нас не только и не столько в прошлом, сколько в будущем. Только реально нужно смотреть в это будущее: все сказанное им и Ф. М. Достоевским о

великом предназначении России верно только в случае, если она снова будет сиять тем огромным духовным значением, если она снова будет тем высоким организмом.

Сегодня как никогда злободневны слова, сказанные архимандритом Никифором Дучичем 8 марта 1886 года в Белграде на панихиде по почившему И. С. Аксакову: «Со смертью Ивана Сергеевича Аксакова угасла блестящая звезда на русском просторном небе — звезда, какие и у великих народов, как русский, появляются лишь веками... Сияние этой блестящей звезды переходило за пределы русского царства и простиралось на края и земли южных и западных славян, оживляя и укрепляя их вековые надежды на свободу, исторические и народные права, пробуждая и развивая в них сознание духовного единства всех славян... Это та сила, от которой трепещут противники славян, радующиеся раздору между ними и желающие им вечного рабства у чужеплеменников, — силы, которой и врата адавы не одолеют, когда она разовьется и окрепнет».

И сегодня, как сто с лишним лет назад, злободневны слова из чешской газеты «*Narodni Listy*»: «Да, конечно, в Аксакове народ русский потерял одного из величайших деятелей, а все остальное славянство потеряло защитника и преданнейшего друга. Но потеряли мы его целиком и совершенно? Никоим образом. Люди такого духа и значения оставляют по себе для счастья народов светлый путь, ничем не затмеваемый: это лучи светлых идей, которые освещают потомству путь и тогда, когда уже самая звезда потухла».

Что с нами будет? Конечно, то, что мы заслуживаем. Все зависит от нас самих. И. С. Аксаков, надорвавшись, был Богом отпущен от своей работы, давно пришло наше время, а мы к ней по-настоящему еще не приступали, чтобы «сократить настоящий переживаемый нами период».

Какое новое Слово, о котором говорил И. С. Аксаков, нужно современному миру? Кто скажет его? Тем более что одного лишь слова ныне мало. Не одно великое дело в России мы заговорили и тем самым отдали в чужие руки. Давно уже нужно конкретное практическое дело. И. С. Аксаков доказал, что оно, несмотря ни на что, возможно. Иначе говоря: кто ты, где ты, новый Иван Аксаков?

Путь для него во многом расчистил Святитель Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский, который, может, не случайно начал свое служение Богу и русскому народу в аксаковских местах, на стыке Европы и Азии, но, если честно признаться самим себе, его Слово мы тоже не услышали, тем более, не последовали ему, по нашей вине он тоже стал феноменом, но не силой...

Одна из статей И. С. Аксакова в «Руси», написанная 10 марта 1881 года, после убийства императора Александра II, называлась «Пора домой!»: «Да, в Москву... Пора домой! Пора покончить с петербургским периодом русской истории, со своими кровавыми преданиями переворотов, измен, крамол XVII и XIX веков! Пора, наконец, средоточию государственной власти переместиться с крайней окраины государства в историческое средоточие Русской земли — то средоточие, которое создало саму власть, дало ей историческое бытие, оправдание и освящение...»

Увы, теперь нужно бежать и из Москвы, уже сданы врагу и московские бастионы, мухами засижено и загажено историческое средоточие Русской земли. Где ныне спасение? В народной глубинке? Но есть ли еще она — в том смысле, в каком мы до сих пор ее понимали, как сокровищницу и твердыню народного духа? Впусте стоит коренная сельская Русь. Страшны результаты последней переписи: большинство еще недавно считавшихся живыми сел и деревень пусты или в них осталось по

2—3 жителя. Ныне пора домой — это значит: сжать зубы и заняться собой, отказавшись от каких-либо мессианских иллюзий. Ныне думать о славянах — это, прежде всего, спасти Россию. Слабая Россия никогда не станет центром притяжения. Мы считаем себя русскими, но на самом деле русские ли мы? Русских отличали отвага и бесстрашие смотреть в будущее. Пора вставать с колен, как это ни трудно. Иначе говоря, пора снова становиться русскими. Хотя даже сам призыв подняться с колен ныне может быть расценен как проявление экстремизма. Снова стать русскими — это значит стать православными, и Бог подскажет, как, с одной стороны, перебороть уныние и отчаяние, с другой — избежать очередного подсунутого сатаной искушения построить рай на земле под водительством очередного Ильича.

Одному из своих оппонентов И. С. Аксаков сто с лишним лет назад отвечал: «О, если бы в самом деле все спасение России зависело от какого-нибудь готового проекта, если бы только преподнесением публике «реальной формы» с кафедры, в речи какого-нибудь оратора, разрешался весь многотрудный и многоскорбный вопрос нашей современной поры!.. Не форма создает содержание, а содержание должно создавать себе форму; форма сама по себе не обладает никакой творческой силой: сила в духе, влагаемом в форму... Так начните с того, чтобы сперва искренне и вполне усвоить своему сознанию самые эти начала, которые вы же называете «русскими», усвоить до степени самодействующей творческой силы, проникнуться духом родной земли. «Величайшая из революций», по выражению Вольтера, реально преобразившая весь мир, — христианство при своем появлении не предложило никаких реальных форм, а призвало мир — гласом вопиющего в пустыне к **п о к а я н и ю**, а затем именно к усвоению душе только начал (любви и веры), по-видимому, самых отвлеченных и бесформенных...

Нам также нужно покаяние, — покаяние, так сказать, умственное; нужно исправление нашего сознания и обновление духа; нам, то есть всей так называемой интеллигенции, более или менее руководящей судьбами нашего Отечества. Все бытие наше изолгалось... Наш недуг долгий, давний, хронический. Из хронического он перешел в острый, или, вернее, хронический недуг усложнился еще и острым... Поэтому и нужно прежде всего учинить диагноз, точное и верное определение болезни, причем сам собой определится и способ лечения и решится вопрос, какие именно полезные средства, — так называемые героические или медленно действующие, например органические законодательные меры, общественное воспитание и т. д. ... Недуг громаден, но соразмерна ему и громадная крепость организма. Русь сладит с болезнью. Народ сохранил в себе запас силы непотраченной, уберег свои коренные начала, не поддался никаким своим опасным искушениям и соблазнам, не освятил добровольным участием и согласием никакого нарушения своего внутреннего строя, не уложил ни в одну заготовленную форму заграничного идеала — и этим своим безучастием, бездействием, этою благодетельною неподвижностью, так часто осмеянною и непонятною, спас себя и нас...»

Можем ли мы сегодня утверждать, что соразмерна недугу крепость русского народного организма и что народ сохранил в себе запас силы неистраченной? Что он не поддавался никаким опасным искушениям и соблазнам, не освятил добровольным участием в нарушении своего внутреннего строя? Увы... Эти сто с лишним лет были, может, самыми страшными в судьбе русского народа, а значит, и всего славянства: две мировые войны, обе обрушенные на Россию, революция, Гражданская война, коллективизация, еще одна революция и разколлективизация. И в этих кровавых, порой внутри-

славянских, внутрирусских, войнах гибли лучшие из лучших. В течение этих ста с лишним лет шел жестокий и целенаправленный геноцид русского народа, как, впрочем, параллельно шел геноцид сербов, болгар, окатоличившихся поляков, которые давно перестали быть хозяевами в своей стране, а русский народ, вместо того чтобы противостоять геноциду, как бы даже содействовал ему. А если и противодействовал, то только тем, что по-прежнему «не уложился ни в одну из заготовленных форм заграничного идеала и этим своим безучастием, бездеятельностью, этою своей благодетельною неподвижностью... спас себя и нас».

Но сколько можно спастись лишь бездействием и благодетельною неподвижностью? И так ли уж они благодетельны? На самом деле — спас ли он этим себя и нас? Не обманываем ли мы сами себя, обреченные, на смертном ложе? Не идеализировали ли братья Аксаковы русского человека? Константин Сергеевич возводил в достоинство, грубо говоря, негосударственность русского человека, но достоинство ли это, если на шею нам садятся все, кому только не лень? А мы при этом, поддаваясь обаянию Ивана Сергеевича, претендуем на ответственность за все славянство и даже за все человечество.

И можно ли по-прежнему продолжать называть русский народ великим? Ничего так не вредит ныне русскому народу, как ложное представление о самом себе. Горькая правда полезнее сладкой лжи, а правда такова, что великим в последний раз он показал себя в годы Великой Отечественной войны, в том числе и посредством заградотрядов и штрафных рот. Потеряв Бога, потеряв национальную идею, стремительно уменьшаясь как в духе, так и в количестве, русский народ — спасительно? — замкнулся в себе. Он не захотел защищать по призыву трусливо-бездеятельного ГКЧП (правительства, если его можно так назвать, по своему

национальному составу впервые за историю СССР русского, но кастрированного на предмет русской идеи) прогнивший коммунистический режим. Он поступил точно по И. С. Аксакову: еще раз «своим безучастием, бездействием, этою благодетельною неподвижностью, так часто осмеянною и непонятною, стал спасать себя и нас». А в это время даже не какая-нибудь серьезная банда, а шайка одесских мальчиков, вчерашних наперсточников и младших научных сотрудников, ошалев от этой «благодетельной неподвижности» русского народа, нагло, в открытую растаскивала страну. В результате сегодня у руля еще вчера великой страны мы имеем девять (или сколько там?) детей лейтенанта Шмидта, фантастически богатых даже по американским меркам, где богатство наживалось столетиями, так называемых олигархов, среди них всего лишь одного этнически русского, правда, говорящего на каком-то неизвестном языке, состоящем из мычания и междометий, уральского казака Черномырдина, прикидывающегося эта-ким станичным дурачком, на которого неведомо как свалилось баснословное богатство. А во главе этой пирамиды послушный зиц-председатель, бывший сотрудник ВЧК, который на всякий случай тихо, но твердо предупредил русский народ, что не допустит перераспределения собственности.

Точит душу мысль: может, идея спасительного славянского единства — всего лишь миф, к тому же не совсем безобидный, вопреки исторической действительности и предопределенности, созданный славянофилами и наиболее талантливо выраженный братьями Аксаковыми? Может, он был не так опасен, пока витал, скажем, на филологическом уровне, но стал губительным для России, когда нашлись люди, которые попытались внедрить его в жизнь? Словно это было против Божьей воли. Ведь признаемся наконец себе, что,

загоревшись или заболев идеей славянского единства, Россия в 1914 году, объявив войну в защиту Сербии, не будучи готовой к этой войне, обрекла себя на гибель. Может, не случайно Бог еще во мраке веков дал нам волю или даже заставил разбежаться на западных, восточных и южных славян? Может, мы больше чувствуем свое братство, пока врозь? А стоит нам лишь сделать попытку собраться вместе, как начинаем выяснять между собой отношения.

Я уже писал, что, впервые приехав в Сербию в середине 90-х годов XX века, впрочем, тогда еще в Югославию, я был поражен тем, что, в отличие от Болгарии, в Югославии совершенно не помнят или даже не знают своего спасителя, Ивана Сергеевича Аксакова. Я не мог найти объяснения этому. Оказывается, я многого тогда не знал. А может, и не хотел знать. Как глухарь на току, ничего не слыша, я пел любовь к славянству. Меня не насторожили предостережения великого Ф. М. Достоевского. Более того, я готов был заподозрить его в предвзятом отношении к братьям-славянам. После одной из моих страстных статей во славу единого славянства меня пытался осторожно охладить В. Г. Распутин. Я и его готов был заподозрить в нелюбви к братьям-славянам. Помню, я был возмущен статьей полуболгарина Г. Гачева, теперь уже не помню точного названия ее, но смысл которой был примерно таков: «Что нас, славян, разъединяет?» Саму постановку вопроса таким образом я считал чуть ли не кощунственной. Я даже отказался от встречи с Г. Гачевым, когда мне передали, что он хочет со мной ближе познакомиться. Г. Гачев искал причины славянского разъединения в национальных характерах: одни в силу исторических обстоятельств вынуждены стали жить в горах, а другие на равнине, а с болгарями русские вообще сводные братья, так как по преимуществу разной этнической крови. Конечно, у по-

луболгарина Г. Гачева был свой интерес в поисках разъединения славян, может, даже на неосознанном, генетическом уровне. Разумеется, что и сегодня я не согласен с ним, но ныне я, наверное, отнесся бы к его статье не столь категорично: конечно, дело не в горах и равнинах, а вот что касается национального характера, а может, еще глубже — нашей общеславянской сути, надо еще крепко подумать. Темы, которой мы деликатно — по причине ее неприятности — старались избегать или делать вид, что ее не существует...

Да, я многого тогда не знал. Я ежегодно на Международный Аксаковский праздник более других звал братьев-болгар и братьев-сербов, наивно полагая, что нет на планете лучшего места, как в селе с символическим названием Надеждино, в котором родился великий печальник и защитник славянства, прежде всего болгар и сербов, Иван Сергеевич Аксаков, под звон колоколов храма во имя Димитрия Солунского, покровителя всех славян, обсудить наши общеславянские дела, наше общее прошлое и будущее. И был поражен, даже обескуражен, что ни братья-болгары, тем более ни братья-сербы на Аксаковский праздник упорно не ехали. Приезжали французы, англичане, китайцы, кто только не приезжал, правда, они все ехали больше к великому русскому писателю Сергею Тимофеевичу Аксакову, Ивана Сергеевича по извинительным для них причинам они мало знали или не испытывали к нему такого благоговения, а братья сербы и братья-болгары упорно не ехали. Я искал причины в бедности братьев-славян и предлагал профинансировать поездку за счет, увы, располагающего далеко не соровскими средствами Аксаковского фонда. Я не мог и предположить, что вопрос тут в наших славянских принципах. Я не мог и предположить, что Иван Сергеевич, который братьям-славянам спас не только государственность, но, может, само существование как народов, им

чуть ли ни принципиально чужд. Оказывается, в свое время, вернувшись из поездки к братьям-славянам, Иван Сергеевич о многом умолчал. Я стараюсь представить, что творилось тогда в его душе, и прихожу к мысли, что, может, именно это умолчание стоило ему жизни. Умолчал в благих целях. И это умолчание, может, стало одной из причин последующей катастрофы России. И если бы я сейчас заново писал статью об Иване Сергеевиче Аксакове, то я, наверное, назвал бы ее «Опасная иллюзия славянского единства».

Дело в том, что я только недавно узнал, что пришлось пережить Ивану Сергеевичу Аксакову в его поездке по славянским землям. Узнал, познакомившись с мемуарами известного сербского литератора Якова Игнатовича, с которым Иван Сергеевич встречался в Нови-Саде и который опекал его в поездке. Иван Сергеевич намеревался встретиться с наиболее влиятельными представителями венгерских сербов — патриархом Иосипом Раяичем, поэтом и церковным оратором, архимандритом монастыря Кружедол Никанором Груичем, писателем и адвокатом Йованом Субботичем. Патриарх Иосип Раяич постарался избежать этой встречи, Ивану Сергеевичу было доложено, что его нет в резиденции в Сремских Карловцах, а Груич и Субботич уклонились от встречи с Аксаковым, даже не ища предлогов. Субботич просто-напросто не явился даже уже на оговоренную встречу. Аксаков сам поехал в монастырь Кружедол к Груичу, но так и не дождался его там, и никто не мог ему сказать, где он и когда будет. Тогда Иван Сергеевич заехал в соседний монастырь Хопово, но его настоятеля тоже «не оказалось» на месте.

Мало сказать, что Иван Сергеевич был обескуражен. Он, разумеется, понимал, что это не случайное стечение обстоятельств. В Кружедоле он тем не менее оставил свою визитную карточку, на которой написал

по-сербски: «Жалко русскому Аксакову, что серб Груич его так и не принял». А по дороге в Хопово, по свидетельству Игнатовича, он «был невесел и взволнован». Игнатович пытался успокоить Аксакова, оправдывая поведение всех троих тем, что они в полной зависимости от австро-венгерских властей и что им может выйти боком встреча с Аксаковым. Во время всей поездки Аксаков не раз говорил Игнатовичу, что «сербы, где бы они ни жили, могут надеяться единственно на Россию». Игнатович деликатно отмалчивался, но однажды не сдержался, высказался вполне откровенно: «Забота русских о сербах в Венгрии была бы фатальной». После чего поинтересовался, в чем интерес русских по отношению к сербам? Аксаков якобы сказал, что целью России является выход на Дунай — с тем, чтобы балканских и дунайских славян «заклучить в свои объятия и прижать к сердцу и таким образом слить с великим славянством, какое и представляют русские». Естественный ход истории и традиции требуют якобы, говорил Аксаков, чтобы и «Константинополь оказался в руках Православия и славянства, то есть в тех же объятиях России».

Игнатович с идеями Аксакова не согласился. Он резко ответил, что в жестких объятиях России у маленькой Сербии могут «сломаться ребра, поэтому пусть Россия оставит Сербию, чтобы она на основе своего права сама росла и укреплялась, и это была бы самая благодарная миссия России. Завладев Константинополем, Россия превратилась бы в акулу, которая проглотила бы все балканские и придунайские народы. Поэтому Сербия должна обороняться и против самой России в союзе с кем бы ни было». Но такого мнения придерживался не только Игнатович. Такого мнения придерживалось большинство известных сербских политических деятелей и писателей. Послание русских славянофилов они дружной оскорбленно отвергли.

В ответ Иван Сергеевич сказал Игнатовичу, что он «обманулся в сербах», что «они не являются настоящими славянами». Но, вернувшись в Россию, он умолчал о результатах своей поездки. Тем самым, может, завел русское общество в заблуждение... И теперь вот я думаю: как он жил с этим тяжелым, неподъемным грузом? И стало понятно, почему он умер раньше времени от разрыва сердца. И в то же время невольно приходит страшная мысль: своим неотразимым обаянием, своей страстной мечтой-иллюзией о едином и спасительном славянском союзе не увлек ли он Россию к краю бездны? Вместо того чтобы заняться собой, чтобы спасти себя, мы бросились спасать тех, кто не хотел, чтобы их спасали или спасали только до определенных пор. И многие из нас, русских, до сих пор в плену его обаяния. Может, прав все-таки император Александр III, который говорил, что у России только два союзника: армия и флот. И, может, ныне мечтать о каком-то славянском единстве не только иллюзорно, но и вредно. Я уж не говорю о болгарах, сербах и чехах, даже единоутробные братья-украинцы только за двадцатый век несколько раз отделялись от России. Мне скажут, что не весь народ, за отделение бьется мизерный процент шизофренической интеллигенции. Но это еще страшнее, если народ поддается ничтожному проценту шизы.

Но есть и другая сторона этого вопроса: сами мы, русские, достойны ли быть цементирующей частью единого славянства? Иначе говоря, оказались ли мы, русские, достойны своего исторического предназначения? Оправдали ли его? Может, дело не столько в братьях-славянах, а в нас, русских, что с нами не хотят объединяться? Может, нам нужно задуматься, почему с нами не хотят объединяться? Или: почему русский народ не стал опорой, ядром славянства? Почему, до конца не успев сформироваться как великий народ, он снова стал

дробиться, внутренне раздираться, самоуничтожаться? Да, враги помогли в этом, но главная-то причина, наверное, все-таки внутренняя. Русский народ не только перестал соединять народы, но и в начале XX века дал ввергнуть себя в братоубийственную революцию и Гражданскую войну, втягивая в нее по доброте душевной другие народы, в свое время в спасительной надежде попросившиеся под крыло России. Отступая в Китай, белая русская армия Дутова по пути вынуждена была реквизировать лошадей, скот, хлеб, фураж, сено, а следом шли красные русские и карали казахов и киргизов за это и, в свою очередь, отбирали последнее. Белые отряды генерала Пепеляева отступали на восток по якутам и эвенкам. А следом шли красные русские и карали якутов и эвенков за это. И даже оказавшись в изгнании, русские люди не могли найти общего языка между собой. Да, опомнилась часть русской интеллигенции, которую потом назовут евразийцами, в большинстве своем в прошлом марксисты, — но стало ли это уроком последующим поколениям русских? Даже в изгнании... Попала мне недавно в руки книга «Политическая история русской эмиграции». Одни документы. И охватило чувство безнадежности: возня жуков в стеклянной банке, грызня между собой, полная беспомощность, и за всем этим цинично наблюдают, подстрекают эту грызню агенты из ЧК—ОГПУ. И эта внутренняя гражданская война русского народа, по сути, продолжается по сей день. Разве этого не видят другие славяне?

Так, может, не случайно развел нас Бог? Опасаясь, что, собравшись воедино, но не доросшие до осознания своего исторического, вселенского предназначения, мы начнем строить свою Вавилонскую башню, мы ведь так любим колотить себя в грудь, что мы великий народ. Или Он разделил нас по другой причине: посмотреть, сможем ли мы, преодолев внутренние распри, соединиться

в единое славянство, чтобы потом стать единым богоизбранным народом, способным вести за собой другие народы, соединив их в общем деле?

Или все-таки прав был не Иван Аксаков, а рано умерший его брат Константин, который говорил о генетической негосударственности русского человека? Правда, в этом свойстве он видел его величие. Что касается коренной мистической ипостаси русского народа, его мессианской роли в судьбе человечества: неужели прав А. Ципко, когда утверждает (признаюсь, что и ко мне не раз приходили эти кошунственные мысли): «Может быть, я ошибаюсь, но, честно говоря, никогда не находил серьезных аргументов, убеждающих меня в существовании особого русского мессианства на уровне бытового, обыденного сознания русского человека. Кризиса русского мессианства нет, ибо нечему разрушаться. Я больше склоняюсь к мысли, что русский мессианизм — это идея, рожденная славянофильскими исканиями. Я не нахожу онтологической основы под тем, что славянофилы, а потом Бердяев называли русским мессианизмом... Другое дело — постоять за православную веру. Но это есть у всех. У католиков, у мусульман... На мой взгляд, русский мессианизм — миф. У русских в силу дефицита консолидации и национальных чувств не мог появиться мессианизм как сверхидея. Не может быть мессианизма у народа, который как раз в имперский период утратил роль субъекта своей истории».

Многим нашим патриотам не нравятся статьи А. Ципко, но они не хотят себе признаться, что не нравятся они не по своей сути, а потому, что неприятно слышать неприятную правду о самом себе. Как и ту, которую говорят о нас евреи. Какую говорят о нас чеченцы. Один из них написал в журнал «Русский дом» (а может, и не чеченец, потому что подписался просто «нерусский»): «Я думаю, что русский народ заслуживает того, чтобы

исчезнуть с лица Земли. Закон природы: выживает сильнейший. Русские, вы доказали, что не способны к созиданию, умеете только разрушать... В головы русских можно вложить любую самую дикую идею (я имею в виду, например, большевизм), и вы, как роботы, будете ей служить. Вы не способны жить по законам, которые сами же принимаете. У вас нет воли, чтобы заставить депутатов защищать ваши интересы. Как блохи, они сосут вашу кровь, но на следующих выборах вы снова проголосуете за них или за таких же, как они. Но главная ваша беда в том, что нет у вас уважения детей к старшим, родителей — к детям. Отсюда все ваши проблемы: беспризорность, наркомания... Русские, у вас единственный шанс сохраниться — воспитать новое поколение не похожим на вас. Но даже на это вы не способны: дети гибнут от наркотиков, а вы молчите, потому что в России все всего боятся, и особенно трусливы мужчины. Короче, вы — отживший исторический материал. Ничего нет странного в том, что ваше место начинают занимать более сильные народы, у которых крепкие семейные, культурные, религиозные традиции».

Можно, конечно, с пеной у рта броситься доказывать, что это ложь, во глубине души соглашаясь, что если не все, то почти все это — горькая правда. Что мы сделали, чтобы опровергнуть эту горькую правду? Что касается мужчин: даже новейшая история показывает, что далеко не все русские мужчины трусливы, даже наоборот, но вот во время развала СССР только в Приднестровье люди с оружием в руках встали на защиту своего попорченного национального и просто человеческого достоинства. Это все знают, но не все знают, что на этот подвиг мужчин подвигли женщины, и не букетами цветов и плачем Ярославны, а именно они первыми взяли в руки оружие не в пример растерявшимся русским мужикам, и только потом уж мужики сели за ры-

чаги управления танков. И я не считаю риторическим утверждение Эдуарда Скобелева в статье «Если славяне выступят» («Наш современник», 2003, № 3): «Женщина и только женщина спасет наши народы от неминуемой гибели!» Как спасла она Россию, давайте признаемся в этом, в Великую Отечественную войну. Зайдите в церковь, редкого мужика вы там увидите, может, только кого уж больно шибанула жизнь, да кто побывал на войне. Вот там, в церкви, нужно считать, сколько нас, русских, осталось. Я еще раз повторю, что ныне русское чувство больше развито, может, у этнически нерусских. Мне башкиры говорят: «Когда вы, русские, вспомните о своем национальном достоинстве? Встаньте с колен. Позовите нас, мы поможем. Сядем на своих коней. Как пришли вам на помощь на Бородинское поле».

Может, действительно, идея славянского единства оказалась пагубной для России? Может, феномен И. С. Аксакова сыграл отрицательную роль в ее истории? Вместо того чтобы заняться собой, Россия бросилась спасать других, а в это время ее уже вовсю ел внутренний червь. И что вместо благодарности, кроме подозрительности получила Россия в результате этой идеи: она была втянута в Первую мировую войну, которая тайной беззакония была переведена в гражданскую, в самоуничтожение русского народа. И не бросились спасать ее ни болгары, ни сербы. Братья-чехи, вместо того чтобы пойти вместе с белыми армиями на Москву, думая исключительно о своей шкуре, потянулись эшелонами на восток, по пути грабя Россию хуже интервентов, и в конце концов сдали большевикам верховного правителя России А. В. Колчака, стоило ему только прояснить свою позицию по поводу будущего России.

В России давно уже правит тайна беззакония. А мы, боюсь, давно уже не народ, а народонаселение. Мы легко согласились, в отличие от татар и башкир, которые сколь-

ко могли, сопротивлялись, а мы не только не поддержали их, но и своим молчанием, а то и «великодержавным» раздражением в их адрес помогли власти задавить их, когда из наших паспортов изъяли графу «национальность». Может, наше несопротивление объясняется тем, что этот акт паспортной денационализации лишь формально подтвердил давно свершившийся факт? У русского народа, у русского сопротивления (так хочется, чтобы оно было!) нет какой-либо реальной политической силы, сколько-нибудь массовых СМИ, редкие и малотиражные издания, как «Наш современник», «Москва», «Роман-журнал XXI век», «Русский дом» и другие, выживают за счет поистине героических усилий главных редакторов и сотрудников редакций. Увы, это стало не общенациональным, а их личным делом. Я не думаю, что абсолютно все русские — нищие, но кто из русских предпринимателей, не менее других страдающих от нынешней компрадорской власти, помог этим или другим русским изданиями?! Мне становится страшно, если вдруг не станет «Нашего современника», а ведь уже каждый следующий номер может стать последним, и не только по экономическим причинам. Кто встанет на его защиту?.. Русское сопротивление разобщено. В русских организациях практически нет молодежи, а любое движение, в котором нет молодежи, обречено (большевики это, кстати, хорошо понимали). Русское сопротивление неповоротливо, во главе его пытаются встать оставшиеся не у дел старые коммунистические лидеры, чем оказывают неоценимую услугу врагам России, которые постоянно перехватывают инициативу. Они успешно перехватили ее в 91-м, развалив СССР — Россию и захватив власть на дорогой русскому народу идее российского суверенитета. Они перехватывали русскую идею снова и снова, с помощью спецслужб создавая то движение «русского» генерала Лебеда, то «русского» националиста Жиринов-

ского, и огромная часть русского народа, который теперь, может, справедливо называют электоратом, до сих пор верит ему, несомненно, талантливому актеру, где до него каким-нибудь Петросяну или Шифрину, потому что никто так не «режет в глаза» по телевизору правду-матку. Доходит до того, что вчерашние охранители престола, казаки, кричат «любо» Борису Березовскому. Как говорится, дальше ехать некуда...

Существует огромное количество всевозможных русских, славянских, всеславянских партий, съездов, соборов, в каждом из которых по полтора человека и каждый из которых претендует на последнюю истину. Мне чуть ли не каждую неделю звонят из Москвы, предлагают создать региональное отделение Евразийской, Славянской, Русской, Национально-консервативной... и даже партии «Святая Русь». Но был же некогда в России единый Союз русского народа, в который входили, кстати, не только этнически русские, который представлял собой реальную, а главное — народную силу, потому и был позже дискредитирован!

Конечно, легче вставать с колен вместе, поддерживая друг друга. Но, увы, славянские государства, которые Россия уже после И. С. Аксакова, спасла еще раз — от Гитлера, все, кроме многострадальной Белоруссии, даже Украина, бросились прочь: хоть куда, в НАТО, хоть черту на рога, лишь бы подальше от России. Словно не в позапрошлом веке, а сегодня писал Ф. М. Достоевский: «Не будет у России... таких ненавистников, завистников, клеветников и даже явных врагов, как все эти славянские племена, чуть только Россия их освободит, а Европа согласится признать их освобожденными!.. Начнут же они по освобождению свою новую жизнь именно с того, что выпросят себе у Европы ручательство и покровительство их свободе, и хотя в концерте европейских держав будет и Россия, но именно в защиту от России это и сделают».

Правда, это относится не к самим народам, а, как правило, к их не очень славянским, как и в России, правительствам, а во-вторых, будем надеяться, бросились они на Запад не от России, а от захватившей Россию старой, а теперь ново-большевистской чумы.

И. С. Аксаков писал, что, прежде всего, нужно учинить диагноз. Диагноз страшный, почти безнадежный. Вопрос лишь в так называемой врачебной этике: надо ли нам, считающим себя патриотами, а значит, врачами Отчизны, скрывать диагноз от больного, убаюкивать народ сказками, что он по-прежнему здоров и велик? Русский народ должен узнать о себе всю страшную правду. А правда такова, что мы ныне стоим у последней черты. И нет сегодня ничего более пагубного, чем даже всевозможные происки врагов, как квасной патриотизм, все эти кликушеские возгласы-стенания, в том числе и на наших писательских съездах и пленумах, о величии России, о великом русском народе, за которыми нет никакого реального дела, кроме, может, рванья рубах часто на пьяной груди. Но сколько можно плакать и стенать: нас угнетают, унижают наше русское национальное достоинство, даже овощные рынки в чужих руках?.. Где, наконец, русское сопротивление? Но заключаться оно должно не в пугачевщине, к которой тут же пристроят очередного Ильича. Русский народ должен узнать всю горькую правду о себе, в том числе и ту, что он, может, уже не оправдывает своего названия. Но правда эта не должна его окончательно убить, а заставить встать с колен, снова почувствовать себя русским, а значит, ответственным не только за себя, но и за все славянство, за все человечество. В этом наше Божье предназначение, и только тогда Бог окончательно не отвернется от нас.

Если масонско-окультная «интеллигенция» убаюкивает народ, чтобы он не утворил чего в отчаянии

на краю пропасти, сказками о надвигающейся на Россию спасительной эре Водолея, то в православно-патриотической среде не менее благостно убаюкивают спасительным Покровом Богородицы, распростершимся над Россией. Что касается Покрова Богородицы, это правда. Но не сеют ли в нас эти благостные по поводу и без повода повторяющиеся утверждения иждивенческие настроения: раз, мол, Покров Богородицы над нами, то рано или поздно все образуется, надо только потерпеть, «спасительно» побездействовать? Но Покров Богородицы над нами только до тех пор, пока мы хоть в какой-то степени достойны его и помогаем ему, то есть до тех пор, пока мы остаемся быть русскими. Или стремимся снова стать ими.

Мы у крайней черты. Как в 41-м под Москвой. Даже хуже. Потому как теперь нет явной линии фронта, враг не только вокруг, но и в самих нас. Стрелка нашего компаса беспомощно мечется по кругу.

Нас может спасти только общенациональная, всем понятная идея, как в 41-м: «Вставай, страна огромная!» Но соединить нас в общем деле могут не древние корни, тем более, что мы, русские, всегда были далеко не чистых славянских кровей, хотя забывать о древних корнях нельзя, а Вера. И по призыву И. С. Аксакова русский народ поднялся не на защиту болгар и сербов как славян, а на защиту православных. Вряд ли он поднялся бы на защиту поляков, хотя они не менее, а может, более славяне, чем, например, болгары. А то, что на призыв И. С. Аксакова жертвенно откликнулся именно простой русский народ, даже вопреки правительству, даже вопреки Государю, который благодаря именно этому народному порыву стал Царем-Освободителем, свидетельствует о том, что этот спасительный славянский союз — по Вере! — нужен всем, как славянам, так и не славянам, хотя, может, далеко не все это пока осо-

знают. Ведь и в Гражданскую войну русский народ, народы России распались не по крови, а по Вере: русские воевали с русскими, и в то же время уже с не русскими (красные были бывшими русскими, принципиально отказавшимися от Бога), потому как белые, по крайней мере, солдатская масса, я не говорю о масонской верхушке, преимущественно оставалась православной. То же самое в 90-е годы XX века случилось в Югославии: этнически один и тот же славянский народ разорвался в страшной, наверное, не знающей в мировой истории аналогов, междоусобице по Вере.

Прошло время пустых слов. И потому, что все давно уже сказано, и потому, что от лишнего употребления слова обесцениваются. Пришло время конкретных спасительных дел. Больших и малых...

И все же: кто скажет это спасительное Новое Русское Слово? Которое услышали бы все, по крайней мере, еще способное к действию большинство. Иначе говоря: кто ты, где ты, новый Иван Аксаков?!

* * *

Движимый каким-то до конца неосознанным чувством, теперь уже тридцать лет назад, я приехал на пустырь в селе Надеждино, где в семье великого русского писателя Сергея Тимофеевича Аксакова родился великий печальник земли Русской и всего многострадального славянства Иван Сергеевич Аксаков. Усадьбу сожгли в Гражданскую войну: я так и не разобрался, то ли красные, то ли белые, то ли чехи, одно ясно: свои, славяне. Храм во имя великомученика Димитрия Солунского, покровителя всех славян, разрушили в 30-е годы: может, по чужой подсказке, но тоже свои, славяне. От окончательного уничтожения его спасло то, что

в нем устроили колхозный склад. Через 60 лет после Великой Октябрьской революции в колхозе наконец-то наскребли денег на новый склад, замок с церкви убрали, и несколько дней всей деревней ее растаскивали, кто доску, кто лист железа, потом гадая, куда его пристроить, опять-таки не немцы, не французы, а свои, славяне, по паспорту русские, внуки крестьян, строивших храм. Я потрясенно узнал, что на следующий день по моему приезду все, что осталось от церкви, должны были взорвать. Я работал тогда в газете, и взрыв удалось предотвратить. Через много лет, анализируя события того времени, я пришел к выводу, что мой приезд в Надеждино за день до взрыва был запланирован не мной, что уже тогда было определено мое послушание, от которого еще многие годы я пытался уйти: то искал себя в горах и в жерлах вулканов, то искал пропавшие полярные экспедиции, то писал, как потом оказалось, мало кому нужные книги...

Что удалось сделать за эти годы? В Уфе вот уже более десяти лет работает Мемориальный дом-музей С. Т. Аксакова, ставшим известным далеко за пределами России общественно-культурным центром. Отреставрирован сад, в котором С. Т. Аксаков родился, теперь он носит его имя. Указами Президента Республики Башкортостан учреждены Всероссийская литературная премия имени С. Т. Аксакова и Аксаковская гимназия, которая поддерживает (пытается поддерживать) отношения с гимназией «Иван С. Аксаков» в Болгарии, в городе Пазарджик. Уфимским горсоветом учреждены четыре студенческие Аксаковские стипендии. Музеем С. Т. Аксакова в Уфе разработан курс дошкольного воспитания на примере классической литературы, в частности на произведениях С. Т. Аксакова, который можно определить так: «Сережа Багров против Гарри Поттера». В Аксаковском народном доме проходит ежегодный Аксаковский вечер.

А вот в прошлом году, во время уже XII международного Аксаковского праздника, совпавшего по времени с десятилетием Аксаковского фонда, который в свое время был создан для спасения и восстановления аксаковских мест, мы на родине И. С. Аксакова открыли Аксаковский историко-культурный центр «Надеждино». Начался праздник колокольным звоном и службой в восстановленном из руин храме во имя покровителя всех славян великомученика Димитрия Солунского. При храме работает воскресная школа. Потом в восстановленном на пожарище усадебном доме был открыт Музей семьи Аксаковых. Весь комплекс обнесен общей металлической оградой. Среди дорогих гостей — а откуда они только уже ни приезжали в Надеждино: разумеется, из Болгарии и Сербии, а также из Англии, Австралии, Сирии, Китая... — был Валентин Григорьевич Распутин. Мне дорог был его приезд по двум причинам. Мне кажется, он стал для него духовной поддержкой, он увидел, что даже в самое вроде беспросветное время можно что-то делать, объединившись под святым именем. Он увидел, что русское дело вместе с русскими делали башкиры, татары, чуваша, православные и мусульмане. И во всех мероприятиях праздника участвовал не просто как гость, а без него многое из сделанного просто не было бы возможно, президент Республики Башкортостан М. Г. Рахимов, бичуемый московской демократической прессой за национализм и сепаратизм. Кроме сугубо аксаковских дел фонд проводит целый ряд других программ. Один Бог только знает, каких трудов все это стоит, каждый год я говорю себе: все, больше нет сил... После отъезда гостей я обнаружу в книге отзывов Мемориального дома-музея С. Т. Аксакова запись, сделанную В. Г. Распутиным, которая, в свою очередь, станет для меня духовной поддержкой: «Из всех фондов, какие я знаю, ваш весь на виду — делается так

много и так открыто, с такой любовью и радением, что берет добрая зависть: можем, умеем, делаем не для себя и своего круга, а для России, для ее будущего. Фонд сейчас в расцвете сил и деятельности, и оставайтесь в этой форме многие и многие годы».

Димитриевскую церковь и дом, в котором родился И. С. Аксаков, видно из окон поездов, стучащих по Великой Транссибирской магистрали на восток и на запад. Случайно ли, что Аксаковы явились миру на стыке Европы и Азии, на стыке Православия и ислама и что в них самым счастливым образом соединилась славянская и тюркская кровь? Случайно ли, что по матери И. С. Аксаков явился в мир прямым потомком пророка Мухаммада и, может, сам того не осознавая, он встал не столько на защиту славян, сколько против турок, вопреки воле Всевышнего поработивших славян? Случайно ли, что в Гражданскую войну сделал последнюю отчаянную попытку спасти Россию полутурок А. В. Колчак? Как, может, не случайно башкирский юноша-сирота из глухого зауральского села в Великую Отечественную лег на вражескую амбразуру Александром Матросовым и стал символом русского солдата. А вот Александр Невский и Даниил Галицкий не могли найти общего языка. И потому для меня остается если не открытым, то совсем не простым вопрос, по древнему ли этническому принципу мы должны объединяться у последней черты.

Я писал эту статью, то откладывая, то снова возвращаясь к ней, больше десяти лет. Может, все эти годы я пытался найти ответ: почему же мы все-таки изначально разбежались на южных, западных и восточных славян, но и потом не остановились и до сих пор продолжаем разбегаться? Ответа я не нашел. Начал я писать в переломном как для России, так и для всего славянства 1991 году в Болгарии. Человек и народ наиболее ярко

проявляют свою суть во время смут. Я оказался свидетелем, когда высшей доблестью у болгар считалось описать, а то и по-крупному обложить мавзолеей Димитрова. Я никогда не был сторонником коммунистической идеи, но «подвиги» эти почему-то покоробили меня, с такими болгарами мне совсем не хотелось объединяться. Впрочем, подобное можно было увидеть в 1991 и 1993 годах и в Москве, и видевшие это братья-славяне тоже вряд ли хотели с нами тогда объединяться.

Самое горькое поражение как русский и славянин я потерпел в распятой междоусобной войной Югославии: по сути единый славянский народ по чужой подсказке самоуничтожал себя, а мы не смогли, не захотели этому помешать, как и помочь православным сербам, было время, когда я стыдился быть русским. Наоборот, во вроде бы начисто отторгнутой от России католической Польше, раньше других славян бросившейся в НАТО, я видел огромную антинаатовскую демонстрацию, о которой, разумеется, не обмолвилась ни одна демократическая газета в России. В Польше я, может быть, получил частичный ответ на мучающий не только меня вопрос нашего нынешнего славянского несоединения. На него неожиданно ответил польский крестьянин, к которому мы попросились на лужайку за сараем на отдых. Нас было два огромных автобуса, мы ехали в Прагу на всеславянский съезд. «Не...» — покачал головой красномордый, больше похожий на хохла поляк, когда я через прясло на плохом польском стал объяснять ему нашу надобность. «Мы осторожно, мы все за собой уберем. Останавливаться в гостиницах у нас нет денег». «Раз нет денег, то и ездить не надо», — вполне резонно парировал красномордый поляк. Ничего не оставалось, как ретироваться. «На всеславянский съезд, говоришь?.. А жида среди вас есть?» — неожиданно вслед спросил меня поляк. «Нет». — «Тогда давайте... Вы знаете, по-

чему мы, поляки, не любим вас, русских? Потому что у вас жидовская власть. Впрочем, у нас тоже. И у чехов, к которым вы едете. Ты скажи, почему у всех славян еврейская власть?.. Вот потому мы, славяне, и не можем между собой договориться». В Праге я лишний раз убедился в малой результативности всеславянских съездов, впрочем, я, наверное, не прав, он уже тем оправдал себя, что кого-то, по крайней мере, раздражал, президент Гавел, например, публично извинялся, что такой националистический съезд проходит на территории Чехии. Поздравление съезду прислал только президент Лукашенко и... папа Римский, и только на следующий день, видимо, узнав об этом, Святейший. В зале было постоянное движение, участники съезда то и дело выходили, чтобы попить настоящего чешского пива, покурить, снова заходили, и единственный, кто внимательно слушал все доклады, был посол США в Чехии, только он относился ко всему всерьез, значит, нас еще боялись: а вдруг мы действительно хотя бы о чем-то договоримся? Это лишний раз доказывало необходимость нашего объединения.

Незабываемое впечатление оставило русское Ольштынское кладбище в Праге. Слева от белого храма под деревьями лежали воины Белой армии, справа — вынужденная уйти в изгнание русская интеллигенция, в том числе великий евразиец П. Н. Савицкий. Ближе к выходу на открытом месте лежали воины Красной Армии, освободившие Прагу 9 мая. Между двумя этими русскими кладбищами стоял черный деревянный крест, обвитый колючей проволокой, под которым в общей могиле лежали погибшие в бою с немцами и расстрелянные СМЕРШем солдаты РОА, по просьбе пражан освободившие Прагу 7 мая и по требованию тех же пражан вынужденные покинуть ее на следующий день, и Красной Армии пришлось ее брать снова. Даже здесь,

на кладбище, русские люди, казалось, не могли найти между собой примирения.

Я заканчиваю эту статью снова в Болгарии, в год 125-летия Шипки и 180-летия со дня рождения И. С. Аксакова. Последний раз я был здесь пять лет назад. Что изменилось в Болгарии за это время? Бросается в глаза запущенность Софии. Зато в прекрасном состоянии автострада София — Варна, которая потом ведет в Турцию. Дороги в Болгарии, которые через определенное количество километров расширяются до уровня взлетно-посадочных полос (чтобы в случае чего натовской авиации удобно было бомбить Россию), строятся за счет западных «благотворительных» фондов. Духовное: Русскую церковь и храм Александра Невского в Софии, храм-памятник под Шипкой реставрируют за счет России. О нашей духовной связи с болгарями напоминают и мусорные свалки в каждом овраге, так же, как в России, водители предупреждают миганием фар о наличии на трассе гаишников.

Основная цель нашего приезда — Шипка и город Пазарджик, где находится гимназия «Иван С. Аксаков». С главой администрации города Белебея и Белебеевского района, в котором находится аксаковское Надеждино, Рифом Гильмутдиновичем Газизовым, мы приехали позвать болгар на XIII международный Аксаковский праздник. Но уже здесь, в Болгарии, нас неожиданно пригласили в город Кырджали, это почти на границе с Грецией. Область Кырджали (население 50 на 50 православные и мусульмане) всего несколько лет назад чуть не полыхнула болгарской Чечней, и руководителям области, города, общественности было принципиально познакомиться, а может, и побрататься с регионом России, где православные и мусульмане живут в мире и согласии. Особый интерес к нашему приезду был у предпринимателей: «...все наши экономические завяз-

ки теперь на Западе, но душа осталась у вас, в России». Что еще? В Пловдиве реставрируют памятник Алеше, советскому солдату-освободителю, в прошлый раз на постаменте была дегтярная надпись: «Оккупант». Сразу по приезде в Пазарджик я зашел в древний, помнящий еще турецкое нашествие храм Рождества Богородицы. Оказалось, что священник узнал меня. Закончив службу, он подошел ко мне: «Нужно, чтобы нашу Аксаковскую гимназию освятила Русская Православная Церковь. По этому поводу мы обращались к нашему, к вашему патриархам, но ответа не получили. Конечно, я могу освятить, но у нас в народе стойкая уверенность, что сделать это должна Русская Православная Церковь. Помогите нам в этом...» Официальная власть вроде бы снова повернулась в России. Пять лет назад под всякими предложениями меня избегали официальные лица, чиновники Союза писателей. Ныне охотно шли на встречи главы областей и городов, о простом народе я уж не говорю, он всей душой по-прежнему тянется к России. Но провожали нас в аэропорту мордovorоты в зеленых камуфляжах. Мой спутник тронул меня за плечо: «Посмотри, страна бедная, а солдаты откормленные, хорошо экипированные». — «Да это же не болгарская армия, а пендос...» Один из мордovorотов неожиданно повернулся в мою сторону, набычился. Видимо, он служил в Югославии, этим прозвищем, не знающим перевода, наши десантники, вчерашние мальчишки, преклоняющиеся перед всем американским, презрительно называли американских вояк.

Да, перед тем, как поехать в аэропорт, я положил несколько веточек цветницы (назавтра была Пасха Христова) на могилу прапорщика Русской армии Николая Полищука-Оболенского, в Гражданскую войну вынужденного уйти в изгнание из Владивостока в Японию, потом он обустроивал границу между Марокко и

Алжиром, строил водопровод в Афинах, канализацию в Стамбуле, по пути в Прагу, где мечтал поступить в Русский университет, строил железную дорогу в Парзджике и осел здесь. Его сын, никогда не видевший России, умер с тоской по ней, его внучка вот уже более десяти лет возглавляет гимназию «Иван С. Аксаков». Я не знаю, куда в случае последней русской беды нам, русским, уходить. В 20-е годы прошлого века еще можно было уходить в Болгарию, в Югославию, Чехию, даже в Турцию. Теперь нас в мире больше знают по так называемой русской мафии. Теперь нам на этой планете больше нет места. Остается одно: или, «не укладываясь ни в одну из заготовленных форм заграничного идеала», ложиться в родную землю, которая, впрочем, скоро станет чужой, и эти два метра последнего земного приюта каждому из нас придется покупать. Или все-таки, перекрестившись, со святыми, начать вставать с колен. Еще не вечер...

*Болгария — еще Югославия — Белоруссия — Польша — Чехия — Болгария
1991—2003*

Русский философ — потомок ливонского рыцаря

Георгий Андреевич Мейер

Я никогда себе этого не смогу простить... Одно оправдание тому, что был я тогда простительно молод и что у меня в мыслях не было заниматься творчеством и биографией Сергея Тимофеевича Аксакова и тем более его окружением, тоненькую книжицу «Аксаковские ме-

ста в Башкирии» я написал исключительно из досады, что тогда никто этим, к моему великому удивлению, не занимался.

После выхода книжки в свет мне позвонили (именно позвонили, потому что говорили по телефону по очереди и наперебой) Андрей Андреевич и Марина Ивановна Мейеры и просили непременно навестить их, потому как у них есть материалы, связанные с семьей Сергея Тимофеевича Аксакова, прежде всего с его внучкой, Ольгой Григорьевной.

Оказалось, что они жили на соседней улице, рядом с гарнизонным Домом офицеров, когда-то Сибирской гостиницей, которая в былые времена кого только не видывала, в том числе А. В. Колчака. И вот я у них, в комнате коммунальной квартиры № 4 по улице Карла Маркса, 16 (дом этот внутри полностью перестроен, поэтому ныне бесполезно искать в нем следы былой квартиры и бывших жильцов).

Это были удивительно милые и добрые старики, от них исходил какой-то особый, неизвестный мне, крестьянскому сыну, свет.

— Мы так обрадовались появлению вашей книги, — больше говорила Марина Ивановна, а Андрей Андреевич согласно улыбался. — Наконец-то в Уфе вспомнили о Сергее Тимофеевиче, удивительный писатель!.. Мы же потревожили вас потому, что имеем к его потомкам некоторое отношение. Мать Андрея Андреевича, Мария Иосифовна Чарецкая, была воспитанницей Ольги Григорьевны Аксаковой, грубо говоря, падчерицей. За ее отца Ольга Григорьевна вышла замуж во второй раз. А Андрею Андреевичу она приходится крестной.

Марина Ивановна и Андрей Андреевич показывали мне альбомы с фотографиями, на которых была запечатлена Ольга Григорьевна в селе Языкове в Самарской

губернии и в нашем Надеждине под Белебеем, посуду и мебель из того и другого имений.

— Удивительный она была человек! — говорила Марина Ивановна, а Андрей Андреевич опять согласно улыбался. — Как вы знаете, Сергей Тимофеевич посвятил ей свои «Детские годы Багрова-внука». Она с честью пронесла по жизни это посвящение. Другие строили винокуренные заводы, а она — первую в Башкирии стационарную кумысолечебницу для туберкулезных больных, которая выросла в нынешний санаторий имени Сергея Тимофеевича Аксакова.

Из одного альбома Андрей Андреевич извлек сложенный вчетверо лист бумаги.

— А вот письмо Ольги Григорьевны ко мне в Сибирь, тогда студенту Томского университета, примерно за год до ее смерти. Вы знаете, как она умерла?..

Разумеется, я не знал. И, наверное, мало кто тогда знал. В комментарии к пятитомнику С. Т. Аксакова, увидевшему свет в пятидесятые годы теперь уже прошлого столетия, вместо даты ее смерти стоял вопрос.

— Подавилась картошкой в голодном 1921 году. — Он снизил свой голос до шепота. — По Ленину крестьяне должны были ненавидеть свою помещицу, а они учредили ей что-то вроде пенсии: кто беремья дров, кто свеклину, кто пару картошек. Вот горячей картофелиной она и подавилась. Несколько дней ничего не ела, а тут принесли...

Я молчал, потрясенный: в нашем представлении родственники великих людей рождаются и живут под счастливой звездой, осененные славой своих фамилий, хотя в действительности, по крайней мере российской, чаще всего как раз наоборот. Я молчал, потрясенный, хотя к тому времени уже был близко знаком с Екатериной Александровной Есениной, сестрой великого русского поэта: когда я, пытающийся отыскать следы

ее мужа, уроженца нынешнего Мелеузовского района Башкирии, поэта Василия Наседкина, арестованного в 1937 году, впервые появился у нее на пороге, то наивно ожидал увидеть семейные фотографии на стенах, альбомы, письма, вещи, к которым прикасался великий поэт, а передо мной в пустой недавно полученной московской квартире с голыми стенами и без какой-либо мебели сидела на тахте, покрытой грубым одеялом, как на лагерных нарах, седая пожилая женщина, одну за другой курила папиросы «Беломор»: позади таинственная смерть брата, неизвестная, если она вообще была, могила мужа, подобранный уголовниками и умерший от туберкулеза сын-беспризорник, у самой за спиной — десятки лет лагерей, ссылок...

— Вот это письмо... — Андрей Андреевич протянул мне несколько ветхий тетрадный лист:

«Языково, 18/31 марта 1920 года.

Ты не можешь себе представить, дорогой Андрюша, до чего мы были счастливы получить твое письмо из Томска (первое твое не дошло). Мы с Женей писали тебе много раз, но от тебя ни ответа, ни привета, я несколько поджидала тебя в Языково 22 июня. Искалы так близко, можно доехать в один день, если выехать пораньше. Нашла мужика, который знает туда дорогу, там бывал, он нанялся было туда съездить, но потом отказался. Так и решили, что ты нас знать не хочешь! А теперь вот так случилось, что я, именно я, напала на твое письмо в первый же день, что оно пришло в Бугуруслан, а именно 1 марта. Я была нездорова, и Фета повезла меня в Бугуруслан к доктору, но, собственно говоря, я собиралась и должна была поехать в Бузулук, и неизвестно, по какому-то наитию свыше или предчувствию, я вдруг сделала крутой поворот и взяла курс на Бугуруслан. Как всегда, остановились, разумеется, у няни, и при мне принесли

твое письмо к Клавдии Константиновне. Его немедленно отнесли к А. Д., и к вечеру он с Наталией прислал его мне прочесть, а вечером забрал сам на минутку. На другой день я должна была пойти к ним на квартиру, но боялась распутицы, да были и другие дела, заставившие меня уехать, а главное — немедленно приниматься за лечение. Мы с Женей были очень счастливы узнать, что ты именно избрал и сумел осуществить тот путь, на котором мы обе так настаивали во всех своих письмах, а именно на окончании своего образования. Безумно рады, что ты направляешь свой путь прежде всего на Языково, мама почувствует тебя, ее могилка ждет тебя, а затем, т. к. мой удел уже не за горами, никаких подробностей тебе не пишу. Бог даст, доживем, увидимся и наговоримся. Я даже скорее боюсь, что письмо не успеет дойти к тебе до твоего отъезда, но пишу на случай, если что-нибудь тебя задержит, чтобы ты не подумал, что мы ленились писать или равнодушны к тому, что ты так счастливо отыскался. Женя служит учительницей, Сережа вырос, живут у меня. Батюшка жив, но очень постарел. Твой друг также. Очень тебя целуем. Твоя старая-престарая крестная, которой с тех пор, как мы не виделись, пришлось пережить много тяжелого и трудного, но все-таки сравнительно с тем, что делается в других местах, благодарю Бога и языковских крестьян, которые охраняют меня, как только могут и умеют.

*Любящая тебя
Ольга Аксакова».*

— К сожалению, мало что сохранилось, — виновато вздохнул Андрей Андреевич. — Гражданская война разбросала не только вещи и письма. Она разбросала и человеческие судьбы.

— А как вы оказались в Томске? — осторожно спросил я.

Андрей Андреевич некоторое время молчал, потом тихо, как бы боясь, что нас услышат, сказал:

— Я был мобилизован в Белую армию. С ней и дошел до Томска. Все обошлось, удалось скрыть свою службу в армии, поступил в университет, и потом... Видимо, Бог хранил меня. Когда немного успокоилось, решил навестить родственников, написал письмо... А вот старший брат, Георгий, пропал без вести. Еще в Первую мировую войну. Вы, может, не знаете, тогда она называлась Великой. Он успешно учился на историко-филологическом факультете Московского университета, а потом, против воли родственников, бросил его и пошел в военные. Он считал, что нужно спасти Россию. Имя, говорил, обязывает. В конце войны его следы затерялись...

Через несколько дней я улетал на Камчатку, на вулканы, и дал координаты Мейеров тогдашней заведующей создаваемого в Уфе Мемориального дома-музея С. Т. Аксакова, уверенный, что она не пройдет мимо этой удивительной семьи, как и документов и вещей, хранящихся в ней, воспоминаний об Ольге Григорьевне Аксаковой.

Увы, впоследствии я с ужасом узнал, что заведующая создающимся Музеем С. Т. Аксакова даже не удосужилась ни разу позвонить Мейерам, не говоря уже о том, чтобы их посетить, хотя они жили всего в нескольких кварталах от создаваемого музея, что после смерти Андрея Андреевича и Марины Ивановны, которые последовали одна за другой, не сохранились ни вещи, ни фотографии, ни письма Ольги Григорьевны (хорошо, что я тогда сфотографировал хотя бы выше цитированное письмо), детей и внуков Андрея Андреевича и Марины Ивановны это тогда, видимо, тоже мало интересовало, все это не стало драгоценными реликвиями создаваемых тогда в Уфе, а ныне и в Надеждине музеев...

Теперь уже не только в прошлом году, но и в прошлом веке, при подготовке очередного выпуска изда-

ваемого Мемориальным домом-музеем и Аксаковским фондом «Аксаковского сборника» один из авторов его, удивительный и редкостный человек, истинный интеллигент и подвижник русской культуры и духовности, заведующий справочно-библиографическим отделом библиотеки Башкирского педагогического института Петр Ильич Федоров спросил меня:

— Вам не попадались публикации о литературоведе и философе, русском эмигранте Георгии Мейере? Я недавно наткнулся. Он родился в Приуралье, и якобы его мать была из семьи Аксаковых.

Меня как бы стукнуло изнутри:

— А как его по отчеству?

— Не помню. Я посмотрю и позвоню.

Он позвонил на следующий день:

— Андреевич.

Не было сомнения, что это был старший брат Андрея Андреевича Мейера, тот самый, что в свое время бросил Московский университет и пошел в военные, чтобы спасти Россию, не его вина, что у него и подобных ему ничего не получилось... Знал ли Андрей Андреевич о его дальнейшей после Первой мировой войны и тем более уж заграничной судьбе? Во время нашего знакомства с Андреем Андреевичем Георгий Андреевич был еще жив. Или Андрей Андреевич вынужден был скрывать факт, что брат, кадровый офицер Русской армии, ушедший с Белой армией, теперь жил за границей? В то время это родство было небезопасно. Или на самом деле ничего не знал о судьбе брата, верного присяге, испившего до конца горечь поражений и крушения Родины, офицера и вынужденного изгнанника, истинного русского человека, хотя он был не совсем русским по происхождению — лишнее доказательство тому, что русский — понятие не крови, а отношения к Отечеству.

По роду своей деятельности в Международном фонде славянской письменности и культуры я невольно изучал пути и судьбы русских изгнанников. Я стоял над их многочисленными могилами в Турции, в Греции, Польше, Чехии, Болгарии, а недавно еще и в Италии, в Сербии же четверть старых православных кладбищ занимают русские могилы. Я ходил меж них часами. Общая беда, общая судьба, можно сказать, исход целого народа, и в то же время у каждого в отдельности своя страшная неповторимая судьба. И по мере сил почти каждый продолжал служить России. Примером тому — судьба Георгия Андреевича Мейера. В Белграде в Русской церкви, недавно пострадавшей от «благотворительных» американских бомбардировок (чем это варварство отличается от въездов «боингов» в американские небоскребы?!), я стоял над могилой генерала П. Н. Врангеля, по происхождению тоже не совсем русского человека. Впрочем, и Аксаковы по крови были не совсем русские. В Праге — над могилой великого ученого-евразийца П. Н. Савицкого... В своих дорогах я не наткнулся на могилу Георгия Андреевича Мейера, потому что не был во Франции, а его могила под Парижем, в Медоне, близ знаменитой обсерватории. Я много где не был. Да и не хватит жизни, чтобы постоять над каждой из русских могил, ибо русские могилы — в Канаде, в США, Бразилии, Аргентине, Австралии, в Африке — в Безерте, куда ушел не сдавшийся большевикам русский флот...

Мне пока немного удалось выяснить о Георгии Андреевиче Мейере. Предок Георгия и Андрея Андреевичей Мейеров — ливонский рыцарь, завербованный на службу в Россию во времена Ивана Грозного. Отслужив оговоренный договором срок, он осел в России навсегда. Через века его потомки стали во всевозможных документах называть себя русскими, каковыми на самом

деле они и стали, но оставили за собой древнюю фамилию, которая, как не трудно догадаться, не раз выходила им боком.

Итак, потомок ливонского рыцаря Георгий Георгиевич Мейер родился в 1894 году в Симбирской губернии, видимо, где-то поблизости с имением или в самом имении Ольги Григорьевны Аксаковой. Детские годы провел под Самарой. Был в нем с детства особый стержень — жертвенного служения России, который, увы, далеко-далеко не в каждом по родословной русском человеке. То ли в нем это было от природы, то ли сказалось аксаковское окружение, но у него были явные литературные наклонности, и совсем не случайно, что он поступил на историко-филологический факультет Московского университета. Но через год, к великому огорчению родственников, решительно оставил его стены. Мы умиляемся образованию, просвещению, не задумываясь, что не всегда их плоды добры, чаще — наоборот. Мы, не задумываясь, отдаем дело образования, просвещения в чужие, злые руки, что, кстати, происходит и ныне. Результатом такого искореженного, специально перевернутого с ног на голову образования стало несколько поколений русских людей, которые, оторвавшись от родных корней, по чужой злой подсказке устроили так называемые русские революции 1917 и 1993 годов. Так вот Георгий Мейер так объяснил растерянным родственникам свой уход из Московского университета:

— Я не могу находиться в этом рассаднике революции.

Посетив Оптину пустынь — теперь уже трудно судить, у кого из оптинских старцев он был на исповеди, — он поступил в военное училище. Начало Великой войны, которую мы теперь называем Первой мировой, он встретил офицером пехотного св. Александра Невского полка, с которым, отличаясь особой храбростью,

прошел весь жестокий путь побед и поражений. Он был ортодоксом во всем. Такую черту характера дало, может, слияние двух его природных стихий — он отказался присягнуть Временному правительству, заявив: «Присягу, как перчатки, не меняю». И одним из первых записался в скором времени начавшуюся формироваться Добровольческую армию, с которой до конца испытал всю тяжесть надежд и поражений.

Он не сдался на милость победителей в Севастополе, суливших амнистию. Теперь мы знаем, что это закончилось расстрелом тысяч офицеров, из экономии патронов, а больше из великого революционного куража, многих просто топили, привязав к ногам камни и сбрасывая с прибрежных скал. И с берега еще долго можно было наблюдать тысячи стоящих под водой офицеров — говорят, на солнце поблескивали погоны...

Он прошел весь тяжкий путь русского воинского изгнанника: голод в Константинополе, военный лагерь генерала Кутепова на полуострове Галлиполи, название которого русские солдаты не случайно трактовали как «голое поле». Каменистая пустыня, окруженная с трех сторон морем: нестерпимая жара днем, а ночью такой же нестерпимый холод. Но это был не лагерь в панике бежавших с поля боя и отчаявшихся людей: в лагере была жесткая дисциплина, в палаточном городе функционировали военные, кадетские училища, издавались газеты, действовала походная церковь, даже театр. В 1994 году мне привелось на паруснике через проливы Босфор и Дарданеллы проходить ночью мимо этого памятного и горького для русского человека полуострова. При полной луне и при полном штиле наш походный священник, в прошлом майор, летчик-истребитель, отец Виктор вместе со знаменитым церковным хором Анатолия Гринденко отслужил молебен. В планах нашего фонда: восстановить сооруженный при уходе из Галлиполи —

Донской казачий корпус уходил в Болгарию, другие части в Югославию, остальные рассеялись по всей планете — памятник почившим здесь воинам Русской армии, каждый солдат и офицер принес из пустыни свой камень, и завершил этот выросший холм крест.

После оставления Первым корпусом Русской армии Галлиполи Георгий Андреевич Мейер оказывается в Париже, где живет с женой в маленьком и самом дешевом отеле (я не знаю, женился ли он в Париже или эвакуировался из Севастополя вместе с женой). Сотрудничает в монархической газете «Русская Земля», во влиятельной в эмигрантской среде газете «Возрождение». Но это не дает сколько-нибудь существенного заработка, и он работает таксистом, преподавателем русского языка. Он выступает с докладами и перед русской, и перед французской аудиториями: о Пушкине, Баратынском, Лермонтове, Тютчеве, Случевском, Фете... И особо — о Достоевском, о его пророческом предвидении русской беды. 9 апреля 1936 года в газете «Возрождение» была опубликована его статья «У истоков творчества Достоевского», которая стала началом его работы над книгой о Ф. М. Достоевском «Свет в ночи (Опыт медленного чтения)», которую писал всю свою жизнь и которую так и не смог закончить, — он не успел написать предисловие и заключительную главу, книга увидела свет только после его смерти, в 1967 году в издательстве «Посев». Будем надеяться, что рано или поздно она будет издана в России.

«Чуть-чуть не закончив» (так он сам говорил) книгу о Ф. М. Достоевском, Георгий Андреевич Мейер умер 7 февраля 1966 года на больничной койке. Не знаю, пытался ли он разыскивать своих родственников в России. Скорее всего, нет, боясь им навредить. О великой скромности этого необыкновенного, не совсем русского по происхождению, но с очень русской судь-

бой человека говорит тот факт, что его книги, которые, несомненно, займут достойное место в отечественном литературоведении и в отечественной философии, изданы его близкими уже после его смерти: и «Свет в ночи» (Франкфурт, 1967) и «У истоков революции» (Франкфурт, 1971).

1998

P. S.

После того как мой материал о Г. А. Мейере был опубликован в газете «Республика Башкортостан», мне позвонила уфимка Наталья Ивановна Акимова:

— А вы знаете, что у Георгия Андреевича, когда он уходил с Белой армией, в России осталась беременная жена?

— ?..

— Да, под Самарой. У нее потом родился сын, который последние годы жил в Уфе. В Уфе и похоронен. Сергей Георгиевич Мейер.

— Вы хорошо знали его? — наконец выдохнул я.

— Мы вместе работали в одном проектном институте. К тому же мы приходимся друг другу родственниками: сестра Георгия Андреевича была замужем за моим дядей по матери.

— Знал ли Сергей Георгиевич, что его отец жив?

— Не знаю. По крайней мере, ни он, ни Андрей Андреевич об этом никогда не говорили.

— Знал ли Георгий Андреевич о своем сыне? — подумал я вслух. — Или, по крайней мере, что у него в России, после того как он был вынужден покинуть ее, кто-то родился?

— Об этом теперь можно только гадать, но, скорее всего, не знал. Иначе, наверное, попытался бы искать их.

— Но, может, боялся таким образом навредить своим родственникам в России?

— Скорее всего, что все-таки не знал. Ведь в шестидесятые годы это уже было не так опасно... Его сын, Сергей Георгиевич, был личностью неординарной, артистичной. Открытый, веселый. Все его любили. Прекрасный рассказчик. Талантливый инженер-нефтяник. Он был ГИПом (главным инженером проекта) в промысловом отделе нашего института. Влюбился в тогда популярную певицу Таисию Жоголеву, сопрано. Это было в пятидесятые годы. И вдруг неожиданно для нас сам стал петь в оперетте. Правда, через какое-то время снова вернулся к нам в институт в нефтепромысловый отдел... Кстати, у моего двоюродного брата, Алексея Борисовича, сохранилась фотография Георгия Андреевича: совсем молодой, в военной форме, — то ли времени Первой мировой, то ли Гражданской войны, на погоне номер полка... А еще у него есть автограф Жуковского: стихотворение-посвящение Сергею Тимофеевичу Аксакову...

— Жуковского?! — оторопел я. — Не Василия Андреевича же?

— Не знаю. Брат мой живет в Курске. Вы можете ему написать.

Не мешкая, я написал: просил, по возможности, прислать фото- или ксерокопии фотографии и автографа... Надо ли говорить, с каким нетерпением я ждал ответа. И вот наконец разрываю конверт с обратным адресом Курска, разворачиваю большой, нестандартный лист толстой бумаги и вижу написанные крупным почерком старинной вязью с ятями стихи:

К юбилею С. Т. Аксакова, 30 апр. 1909

Когда душе спасенья нет
От современности идейной,
С волненьем отроческих лет

Молчу над «Хроникой Семейной».
Знакома каждая черта,
Родное дорого и ясно,
Былого сказкою прекрасной,
Моя врачуется мечта.
Простой язык патриархальный
И ум седого старика
Ценю, как бодрый звон пасхальный,
Гудящий мне издалека.
Вся Русь в чудесной светлой речи,
С бураном, степью и весной,
С кивотом, где зажгутся свечи,
С благоуханной стариной.
Как хорошо!
Согретой Демы
Струится полая вода:
И вот охотничьей истомы
Приходит снова череда...
О, где ты, край его заметок,
Край ожидания и тревог?
Все тот же омут в тьме из веток,
Рыбачьей грезы уголок?
Жива ли мельница седая,
Толчет ли, мелет, как при нем,
Зерно золотое поглощая,
Шумя тяжелым колесом?
Все та же скромность, но не скука,
Все те же степи и леса —
Простор для дум Багрова-внука,
Запечатленная краса!
Спасибо, старец прозорливый,
За чары чистые твои:
Тобой любить родные нивы
Я научился и ручьи;
Пусть я иду за рубежами

Моей Отчизны дорогой,
Я плачу русскими слезами,
Я верю русскою душой.
Во что? — Что будет жить Россия,
В победу нашей глубины,
В раздумья русские, святые,
Не сколок с чуждой стороны.
Как прелесть «Хроники Семейной»,
Как ты, как дивный твой язык, —
Моей Отчизны не затейной
Удел и славен и велик!

*Владимир Жуковский.
Кенигсберг. Март 1909 года.*

Торопливо листаю биографический словарь «Русские писатели 1800 — 1917». Следующая за статьей о Василии Андреевиче Жуковском — статья о Жуковском Владимире Григорьевиче. Он ли?.. Торопливо пробегаю взглядом по странице... Он!.. В 1907—1910 годах Владимир Григорьевич Жуковский служил консулом в Кенигсберге.

Возвращаюсь к началу статьи:

«Жуковский Владимир Григорьевич (19/31.3.1871, Самара — июль 1922, Ново-Николаевск), поэт, переводчик. Из потомств. дворян; род. в семье коллеж. секр., члена Самар. окружного суда Григ. Ив. Жуковского (впоследствии — сенатор) (1836—1900); мать Ж. — Ольга Фердинандовна, урожденная баронесса Корф... В 1897 году окончил юрид. ф-т Петерб. ун-та. Служил в Мин-ве иностр. дел: в Азиат. деп. (1897—1899), секретарем консульства в Галаце (1899—1907) и генерального консульства в Иерусалиме (1902—1903), вице-консулом в Адрианополе (совр. Эдирне) (1903—1907), консулом в Кенигсберге (1907—1910) и Праге (1910—1915). Затем на-

значен чиновником особых поручений 5-го класса в Романовский к-т при канцелярии Совета министров. В феврале 1917 года возвращен в Мин-во иностр. дел д. стат. сов. (с 1916 года).

Будучи студентом, начал публиковать стихи и переводы в газ. «Петерб. жизнь» (1893), ж. «Вестник иностр. лит-ры» (1895), «Лит. сборнике произв. студентов Имп. С.-Петербур. ун-та» (1896). В 1909 выст. с кн. переводов «Сонеты» франц. поэта М. Ж. Эредиа (СПб). Анонимный рецензент в ж. «Мир Божий» подверг перевод резкой критике, считая, что «стихот. способности Ж. не соответствуют его претензиям и трудностям взятой... задачи». П. П. Перцов, включивший стихи Ж. в сб. «Молодая поэзия» (1895), напротив, высказался о переводах Ж. с большой похвалой, назвал их не только «превосходными», но и поставил в один ряд с «классич. переводами знаменитого однофамильца»...

Восторженно отнесся к сборнику В. П. Буренин (НВ. 1899. 16 апреля), назвав Ж. «наиболее выдающимся и достойным титула поэта... среди молодых стихотворцев», отметив «блестящую и изысканную технику, глубокую поэтичность» переводчика, и выразил надежду, что публика скоро увидит книгу собст. стих. Ж., кот. печатались в газ. «Нов. Время» и, по мнению критики, отличались «оригинальностью». Однако она появилась лишь спустя 6 лет — «Стихотворения. 1893—1904» (СПб. 1905)...

В 1919 входил в состав правительства А. В. Колчака в качестве тов. министра иностр. дел, одновременно исполнял должность пред. Комиссии по делам военнопленных. В числе 24 бывших членов колчаковского правительства был осужден Сиб. чрезвычайным ревтрибуналом и приговорен к «лишению свободы с применением принудительных работ пожизненно» («Правда», 1920, 2 июня)».

Вот такой получился длинный и горький *post skriptum*: рассказ еще об одном крестном русском пути не совсем русского по крови человека. Хватило двух лет принудительных работ во имя светлого будущего человечества, чтобы Бог принял к Себе его грешную душу. Я не знаю, как это было, но, скорее всего, думаю, большевики его расстреляли, не дожидаясь, когда он умрет своей смертью. В том числе по причине нерентабельности его пожизненного принудительного труда.

Но иной, наверное, и не могла быть судьба человека, у которого в святых было имя не Маркса, а Сергея Тимофеевича Аксакова.

Аксаковы! Сергей Тимофеевич и его сыновья сделали эту фамилию святой для России. Носить ее после них было почетно, а после сатанинской революции и Гражданской войны — не просто и небезопасно. За пределами России она обязывала, а в России она, не все мы ныне об этом знаем, пугала и вызывала подозрения. Даже если эти Аксаковы были Сергею Тимофеевичу и его сыновьям родственниками даже не на седьмом, а на семнадцатом киселе, ушедшими в сторону от аксаковского древа еще задолго до того, как Сергей Тимофеевич родился. Если Луначарский «ласково» журил ушедшего в мир иной С. Т. Аксакова за его якобы крепостнические убеждения, что, впрочем, не мешало время от времени С. Т. Аксакова, пусть и с оговорками, в СССР издавать, то на Лубянке это ласковое журение воспринималось как прямая указка на всякий случай отправлять всех Аксаковых, как у большевиков было принято говорить, в расход. В качестве примеров того и другого случая приведу лишь две судьбы людей, носящих фамилию Аксаков.

Сергей Сергеевич Аксаков, дальний-предальний родственник С. Т. Аксакова, полный тезка его правнука композитора Сергея Сергеевича Аксакова (к которому у

тоже было повышенное внимание Лубянки: вернувшись в 1954 году из Китая, где был профессором консерватории, он долго скитался по стране по глухomanям в роли школьного учителя музыки, прежде чем ему разрешили жить в больших городах), родился в 1899 году в селе В. Прыски Козельского уезда. Гардемарин Морского корпуса Петра Великого. О революционных событиях в России узнал, находясь в учебном плавании на судне «Орел». Разумеется, что революцию не принял. В Россию не вернулся, видимо, догадывался, что его там ждет, тем более с такой фамилией. В 1920 году закончил морской корпус в Бизерте в Тунисе, куда ушел не сдавшийся русский флот, так что его можно считать одним из последних офицеров действующего русского флота. В отличие от многих русских беженцев, далеко не пассивно наблюдал за большевистским режимом в России. По данным архивов спецслужб СССР, Франции, Польши, Германии — активный член РОВС, возглавляемого генералом Врангелем, сотрудник ряда разведок и антисоветских организаций. Проживал во Франции, Румынии, Болгарии, в том числе и по причине особого внимания к нему спецслужб. Был женат на Ксении Павловне Аксаковой. Умер в Аргентине, в Буэнос-Айресе, в конце 80-х годов прошлого столетия...

Михаил Георгиевич Аксаков родился 28 июня 1903 года в том же Козельском уезде. Крещен 6 августа. Восприемниками были: потомственный дворянин Николай Григорьевич Петров и вдова надворного советника Юлия Владимировна Аксакова (урожденная Воейкова, его бабушка). В возрасте 11 лет в 1914 году остался без отца; октябрьские события 1917 года застали его 14-летним подростком, к этому времени он успел окончить лишь 4 класса гимназии.

Чтобы как-то свести концы с концами, с 1917 по 1921 год трудился на заводе, как указано в анкете — де-

ревообделочником. Затем удалось поступить в школу мотористов в городе Егорьевске, после которой сначала окончил Ленинградскую теоретическую школу ВВС, затем — Военную школу летчиков в Борисоглебске.

В 1927 году в Ростове-на-Дону, где проходил службу в составе 26-й авиаистребительной эскадрильи, женился на Юлии Гавриловне Покровской, 1907 года рождения, младшей дочери священнослужителя, имевшего большую семью (трех сыновей и трех дочерей) и уже в прошлом — красивый дом в Кисловодске (в советское время — одно из зданий санатория «Узбекистан»).

В 1928 году там же, в Ростове-на-Дону, у Михаила Георгиевича и Юлии Гавриловны родился сын Михаил. В 1929 году командир звена 26-й авиаистребительной эскадрильи М. Г. Аксаков направляется в зону конфликта на КВЖД, за участие в котором награжден орденом Красного Знамени, в то время высшей государственной наградой, и именованным пистолетом. В авиационном музее в городе Монино под Москвой на стенде, посвященном конфликту на КВЖД, помещена фотография М. Г. Аксакова. Но, как зафиксировано в протоколах допросов Т. А. Аксаковой-Сиверс, по аналогии с С. Т. Аксаковым, написавшей свою «Семейную хронику» (изд-во Atheneum, Paris, 1988), еще в 1935 году в НКВД интересовались М. Г. Аксаковым, чье социальное происхождение не устраивало большевистскую власть.

В день рождения вождя Октябрьской революции в качестве одного из своеобразных подарков ему — 22 апреля 1937 года М. Г. Аксаков был арестован. Затем — девять месяцев постоянных допросов самого Михаила Георгиевича, его жены и матери, выколачивание признания в несуществующем заговоре. Попытки получить компрометирующие материалы на сослуживцев и руководство ПВО и ВВС. Михаил Георгиевич отверг обвинение в шпионаже в пользу Польши, где

проживали родственники. Отрицал участие в бредовом заговоре с целью обстрела Кремля и Мавзолея, когда на его трибуне находилось бы все политическое руководство страны, во время парада 1 Мая 1938 года. Тогда был обвинен в участии в троцкистской группе, целью которой было снижение боеспособности ВВС. В феврале 1938 года состоялся суд, который длился целых... 15 минут, включая оглашение приговора и последнее слово подсудимого, в котором Михаил Георгиевич от выбитых во время следствия показаний отказался. 10 февраля 1938 года он был расстрелян. В газетах же было опубликовано, что он получил 10 лет без права переписки.

Теперь уже его сын Михаил в возрасте 9 лет остался без отца. Мало того, как и мать, он попал в разряд членов семьи врага народа. Опасаясь ареста, Юлии Гавриловне с сыном пришлось покинуть прежнее место жительства и скрываться у родных в Ростове-на-Дону. Но оставаться в Ростове-на-Дону было небезопасно. Потому Юлия Гавриловна при первой же возможности покинула его, ее с сыном приютил дядя мужа, Борис Михайлович Лебедев, лесничий в подмосковном Поварове. Она устроилась музыкальным работником в Детский дом имени 8 Марта, директор которого Соколов Николай Алексеевич и заместитель Надежда Спиридоновна (фамилию не запомнили), узнав о происшедшем, не только предложили работу и жилье, но и, когда органы активно стали интересоваться семьей Аксаковых, способствовали трудоустройству Юлии Гавриловны в детское учреждение в Солнечногорске...

Я не отношу себя к оптимистам. Более того, считаю, что необоснованный, не подкрепленный делом оптимизм является одной из причин продолжающегося уже второй век русского поражения.

Но все равно вслед за Владимиром Жуковским повторяю:

Я плачу русскими слезами,
Я верю русской душой.
Во что? Что будет жить Россия,
В победу нашей глубины,
В раздумья русские, святые...

2000

Устремить на высокую жизнь...

Александр Степанович Паникин

Я долго не мог взяться за перо, так это меня ударило...

Мало сказать, что его смерть меня потрясла. Как человека, равнодушного к будущему России, она повергла меня в невеселые мысли: неужели его ранняя кончина — только набрал высоту! — была предопределена Всевышним? Только встал человек на ноги, огляделся и начал работать не на свой лишь живот, чем занимается сейчас большинство из нас и к чему призывает нынешняя официальная идеология: «Сначала думай о себе, а потом уж о Родине», — впрочем, о ней можешь совсем не думать, — только начал в полную силу работать на будущее России и доказал, что ее населяют не только одни дураки и международные воры, как подрубаются он на корню. Нет, не расстреляли в подъезде, не взорвали на mine в машине, что само по себе было бы страшно, но по нынешним временам так привычно и понятно, а просто не выдержало, разорвалось

сердце, а потому вроде бы никто, кроме него самого, не виноват: не жалел себя. Невольно приходит мысль: может, Господу Богу уже неудобно, чтобы Россия встала на ноги, перестав быть дешевой сырьевой колонией, этаким дикой африканской прерией, где по следам пиршеств хищников-олигархов бродят стаи вонючих гиен, а власть у тех и других только в шестерках. Но одно дело, когда убивают враги, другое — когда человека вроде бы Бог забирает, когда он больше нужен не там, а здесь. Впрочем, наверное, его смерть все-таки нужно считать убийством, медленным, изощренным, осуществленным по четко отработанной, в том числе чиновниками разных уровней, методике. Хотя и с инфарктом, когда он остался один в своем загородном доме, чтобы собраться с мыслями, не все ясно...

Я ни разу с ним не встречался, но его неожиданная смерть стала для меня личным горем, невосполнимой потерей, потому что людей, подобных ему, можно по пальцам одной руки пересчитать, истинных предпринимателей, поставивших свое дело не на «куплю-продам», не на воровстве, хитро названном приватизацией, и не просто дело, а производство, давшее миллионам людей дешевую и добротную одежду, а тысячам — достойную работу.

Увы, он был белой вороной среди нынешних российских так называемых новых русских, сделавших слово «предприниматель» синонимом слова «бандит», наживших свои состояния, ловко хапнув накопленного за десятки лет народного добра в специально созданный такой же бандитской властью «революционный» момент. И потому он одинаково раздражал и тех, и других, так как своим делом, самим своим существованием отрицал и тех, и других, доказывая, что в России, несмотря ни на что, родились и встают на ноги и истинные предприниматели, которые, не дай Бог, объединив-

шись, схватив себя за волосы, вытащат себя и Россию из болота, а одновременно вытащат и народ из нищеты. Он раздражал и тем, что в газетных и телеинтервью именно он, человек новой экономической формации, подвергал уничтожающей критике антинародные, антигосударственные реформы нынешнего российского правительства, навязанные МВФ и прочими, стремящимися «облагодетельствовать» Россию сомнительными международными организациями. Куда это заводит, мы видим на примере Аргентины. Он доказал, что мы способны жить собственным умом и собственным трудом, а не стоять на задних лапах за карамелькой, подобно ученому псу в цирке, как стоят на задних лапах, вместо того чтобы работать, в ожидании жалких подачек международного авантюриста Сороса наши, в том числе государственные и даже ученые, мужи.

Он был настоящим предпринимателем — в истинном, не оболганном значении этого слова, редким, как белый олень в тундре. Потому за ним с особым пристрастием охотились и бандюганы от компартии в советское время, и бандюганы от нынешней антинародной компрадорской власти. Первым своим существованием он доказывал несостоятельность коммунистического экономического режима, а вторых он не устраивал тем, что создавал национальное производство, а им, наоборот, надо было все завозить из-за границы и все вывозить за границу, прямо или косвенно ссылаясь на то, что русский мужик, кроме того, как водку жрать, ничего другого не может.

Как всякий теперь, к сожалению, редкий, настоящий русский — а понятие русский для него было, как и для меня, не понятие крови, а отношение к Державе, — он был азартен и нетерпелив, он хотел сразу все: одеть и накормить народ, обустроить не только мир вокруг себя, но и всю Россию, при том строя нормальные эко-

номические отношения с Западом. Девизом для себя он взял слова Н. В. Гоголя: «Надобно любить хозяйство, потому что это дело рук твоих, потому что видишь, как ты всему причина, ты творец всего и от тебя как от какого-нибудь мага сыплется изобилие и добро для всех». Эти слова он сделал эпиграфом второй своей книги, которую назвал «Человек и государство», а одну из глав: «Власть зарабатывает на том, что не дает работать». А первая его книга называлась «Шестое доказательство (Записки русского фабриканта)», в которой он рассказывал о своем тернистом пути, которую он написал для того, чтобы начинающие предприниматели знали: все же можно прорваться сквозь заградительные красные флажки... К третьей своей книге с сакральным для России названием «Что делать?» эпиграфом он выбрал другие слова Н. В. Гоголя: «Где же тот, кто бы на языке, родном душе нашей, сумел бы нам сказать это всемогущее слово: вперед? Кто, зная все силы и свойства, всю глубину нашей природы, одним чародейным мановением мог бы устремить на высокую жизнь русского человека».

Доказав, что он не старый, не новый, а просто настоящий русский, раскрутивший свой огромный концерн с 7 старых зингеровских швейных машинок — а ко времени его смерти только в Москве у него было 12 фирменных магазинов и 43 региональных представительства по России, — А. С. Паникин пошел вширь и вглубь. Что делает ныне «новый русский», заимев деньги. Ну, прокутит их в казино, закупит на день рождения, как раньше хор цыган, Аллу Пугачеву с Филиппом Киркоровым, купит виллу на каких-нибудь экзотических островах или даже сами эти острова. А он весь доход вкладывал в производство, а еще, думая о будущем Отечества, открыл школу молодого предпринимателя, которая не только обеспечивала своих

слушателей теоретической и практической подготовкой, но и оказывала своим выпускникам финансовую помощь для открытия собственного малого предприятия. А еще он создал издательство, назвав его, как и концерн, «Панинтер», которое не обещало прибыли, тем более что собирался он издавать не детектив, не какую-нибудь в смутные времена пользующуюся особым спросом эзотерическую литературу, а «Золотую библиотеку русской классики». Он начал выпускать серию художественно-исторических буклетов «Малые города России», предварив первый из них таким предисловием: «Проект «Малые города России» появился на свет. Время «разбрасывания камней» заканчивается, и люди задумываются, как жить, откуда черпать силы, что может помочь им в этом. Стихия разноголосья, овладевшая умами, нарушила ориентиры, исказила наши представления о себе и Отчизне. Мы оторвались от истоков, оборвали свой «серебряный шнур». Россия, к сожалению, во многом утратила свои особенности и обаяние, которые пронизывали творчество наших классиков. Пушкин, Чайковский, Тургенев, Бунин, Левитан и многие другие русские гении воспели в своих произведениях особенную сущность России, ее необыкновенную красоту. Тихая обитель, церковь на пригорке, излучина реки, мелодика размеренного быта, пастельные краски природы, россыпь человеческих талантов — вот лишь малая часть того, что составляло и еще, Слава Богу, составляет духовную основу России. Большие города превращены сегодня в индустриальные джунгли — жизнь в них во многом размыта и обезличена. Поэтому важно прикоснуться к местам, где витает дух той России, которую мы так любим, напомнив соотечественникам, что у нас могучие корни и своя тысячелетняя история. Без обращения к истокам нельзя построить Новую Россию».

В последнее время он пошел еще и в политику. С 1994 года он стал издавать газету «Панинтер», которую бесплатно распространял в Гос. Думе, Совете Федерации, Московской мэрии, в других организациях, чтобы познакомить как можно больший круг людей со своим взглядом на будущее России. Наверное, он был наивным политиком, но, безусловно, искренним. Может быть, он взошел на чужое поле, как кому-то казалось. Ему так не казалось, все, что касалось России, он считал своим.

В поисках единомышленников он рассылал свои книги по всей стране: может, где, кто аукнется. Не гнушался такими адресами, как сельские библиотеки или даже музеи, справедливо полагая, что в музеях работают, особенно в нынешнее время, люди нищие, но не нищие духом.

Две из трех своих книг он прислал мне. Я прочел, но не ответил, посчитав это не обязательным, полагая, что человек взял писательский справочник и послал всем от «а» до «я», благо средства позволяют. Но через какое-то время получил от него письмо: «Я посылаю Вам свои книги. Дошли ли они до Вас? Мне хотелось бы узнать ваше мнение...»

Так завязалась наша переписка. Впрочем, писал больше он, делясь своими неумными планами, в очередной раз ошеломляя меня, в ту пору совсем отчаявшегося, своими оглушительными замыслами. «Рад, что Вы откликнулись на мое письмо-предложение об участии в проекте «Русские гении», — писал он мне 11 сентября 2001 года. — Наш проект начнется в первом квартале будущего года... Впечатляет размах и широта Вашего ежегодного международного Аксаковского праздника. Сожалею, что не смогу быть на нынешнем, ибо в это время уезжаю в Германию по делам бизнеса. Получил большое удовлетворение, прочитав ваши публикации. В наше время бездействия и общей апатии

очень важно нахождение таких личностей, как Вы, заряженных энергией».

Надо ли говорить, что это письмо было для меня большой духовной поддержкой.

28 декабря, в самый канун 2002 года, он писал мне:

«Получил Ваше письмо и книгу, и еще раз убедился, что идеи и мысли, выраженные в моих книгах, близки Вам. Когда общество погружено в апатию и безразличие, каждый равнодушный человек, обладающий потенциалом к действию и заинтересованный в возрождении страны, — росток надежды. Мне кажется, пришла пора подумать об объединении всем, кого по-настоящему беспокоит судьба Отечества. В сегодняшних условиях процесс собирания единомышленников достаточно труден — ограниченность материальных ресурсов у тех, кто ничего не украл и не близок к власти, создает свои сложности. Зато у нас есть нечто неизмеримо более ценное — внутренняя сила и свобода. Создание общественного движения, основанного на таких принципах, значительно более интересное предприятие, чем примитивное политиканство, имеющее своей целью власть и возможность распоряжаться материальными благами. Я был бы рад сотрудничеству с Вами, для этого готов предложить конкретные варианты для совместной деятельности...

Я чувствую, что Вы мужественный человек, который может «выплывать» из невзгод и в одиночку, но мне хотелось бы пожелать Вам, чтобы рядом всегда были любимые люди и друзья. С Новым, 2002 годом! Крепкого Вам здоровья и терпения. Жду встречи с Вами. Храни Вас Бог и всего Вам доброго!

С уважением, А. С. Паникин».

Я получил это письмо, как оказалось, уже после его смерти.

Не подозревая о беде, купил билет в Москву, благо, у меня были в ней и другие дела. Только перед самым отлетом на всякий случай решил позвонить...

Ни одна общероссийская газета, ни один общероссийский телеканал, кроме московского, не сообщили о его смерти. Миллионы людей, в том числе носящих его добротный и дешевый трикотаж, не узнали о его кончине. В то же время не было, наверное, ни одного издания, ни одного телеканала, который не сообщил бы — более того, это было представлено чуть ли не национальной трагедией, — когда у пошлого шута, любимца либерально-демократической попсы, Жванецкого, украли «Мерседес» (не иначе, в целях компенсации президент России вскоре сделает его лауреатом Государственной премии). Родные и близкие были убиты горем, над гробом шумно гудели, каждый пытаюсь записать его в соратники, жирные политические мухи, внутренне глубоко чуждые ему люди: М. С. Горбачев, А. Н. Яковлев... Россия, живущая в зазеркалье, кажется, принципиально не заметила смерти русского фабриканта и мыслителя Александра Степановича Паникина, словно его и не было, в том числе и так называемая патриотическая пресса, потому что он не вписывался и в ее понятие о русском патриоте: по ее представлениям, он должен был кричать, обличая врагов, на митингах и демонстрациях, вместо того чтобы что-то реально делать для будущего России.

На этом бы кончить. Но не дает покоя мысль: неужели Божья воля остановила его на самом взлете? Не хочу верить — тогда трудно верить в будущее России, если Бог останавливает или забирает к себе раньше времени ему подобных. Или все проще: просто сердце не выдержало многолетнего напряжения, следственного изолятора (и это было), бюрократической злобы, зависти, ненависти, что он жил не по воровским законам.

Повторяю: его принципиально не замеченная в разгуле гнусного телевизионного застекольного беснования смерть мне представляется знаковой: своей короткой, но по-своему яркой жизнью он доказал, пусть это видели и немногие, что нынешняя Россия — не только бандитский, пусть и окультуренный властью общак, созданный на развалинах великой империи за счет обрушенного в нищету народа, но и трепетная душа верных ее сынов и их желание и старание помочь этому народу обрести веру в будущее. А смерть его уже даже не на взлете, а на набранной высоте, если она не случайна, наоборот, доказывает — и меня точит эта мысль, — что пока Россия по преимуществу все-таки еще воровской общак. Или точнее: после его смерти она снова в большей степени стала воровским общаком, потому что без него уже и одной руки лишнего, чтобы сосчитать подобных ему и так ныне нужных России людей, о которых, как и о нем, большинство из нас не знает, так как они ничего не украли, и потому они не в славе и не в почете. Получается, что победа опять отдалилась от нас, получается, что опять победила она, хотя прямо его не убивала, — стая барракуд, рвущих страну на куски, и сколько бы они ни стреляли друг в друга, сколько бы тайно родная им власть ни устраивала пошлых спектаклей о розыске, в том числе Интерполом, их меньше не становится. А он умер, и, повторяю, чтобы сосчитать подобных ему, пальцев одной руки теперь лишнего...

За что Господь снова и снова наказывает нас?! Неужели Он крест безнадежности поставил уже на России?!

Я ищу и не нахожу на этот вопрос ответа.

Да упокоится душа Раба Божьего Александра!

Нет, он и там будет страдать и мучиться по России.

Человек есть олицетворенный долг!

Вячеслав Михайлович Клыкков

Уже полгода, как нет с нами Вячеслава Михайловича Клыккова. Всего масштаба, всей глубины потери мы еще не осознали. Сам факт его существования как художника и общественного деятеля — независимо от того, согласны ли с ним были люди, считающие себя патриотами, в целях и методах борьбы за Россию, — давал всем уверенность в будущем страны. В море бездеятельного плача и интеллигентского нытья по погибающей России (увы, к категории артистов разговорного жанра по сути своей принадлежал не только пресловутый М. С. Горбачев, но и многие так называемые русские патриоты) он был неким гарантом все еще несокрушимого и, главное, созидającego русского духа. В самой фамилии его было что-то от орлиного клекота. Могучий телом и духом, бесстрашный, не склоняющий голову ни перед кем и ни при каких обстоятельствах, он казался всем — и единомышленникам, и недругам — вечным. Мы еще не осознали всей глубины потери...

Спасенный от тихого умирания или от столь же тихого прозябания в безвестности и в течение десятилетий возглавляемый им Международный фонд славянской письменности и культуры стал, по сути, прямым продолжением — в новых исторических условиях — Славянского благотворительного комитета, возглавляемого Иваном Сергеевичем Аксаковым. Как в свое время русское правительство — как это ни парадоксально, и этот трагический парадокс очень дорого, если не смертельно

обошелся России — великого печальника земли Русской и всего славянства Ивана Сергеевича Аксакова боялось больше, чем нигилистов и революционеров, так и к Вячеславу Михайловичу Клыкову как к художнику и как к президенту Международного фонда славянской письменности и культуры, мягко скажем, одинаково подозрительно относились и советская, и отрицающая советскую нынешняя леволиберальная власть. Но ведь, признавая его исключительную честность и преданность России, недопонимали или даже не принимали, сторонились его, считали всего лишь попутчиком не только лжепатриоты, пытающиеся соединить Иисуса Христа с Лениным-Бланком, но и многие истинные патриоты России и даже единомышленники, считая его человеком крайних взглядов и непредсказуемых бескомпромиссных и порой даже опасных поступков.

К Вячеславу Михайловичу Клыкову можно с полным правом отнести сказанное епископом Рижским и Митавским Донатом на панихиде по почившему Ивану Сергеевичу Аксакову: «Скончался печальник земли Русской об исполнении ее исторических заветов внутри и вне ее пределов... Скончался печальник славянства в его поисках за свою историческую судьбу, в его порывах в восстановлении его славянской личности, в убеждениях, в науке, в общежитии, в языке, в гражданском строе жизни...» И как в XIX веке, **порабощенные турками**, сербы свои взоры обращали не столь к русскому правительству, сколько к Ивану Аксакову, так и в конце XX—начале XXI века сербы, порабащаемые новым мировым порядком, обращали взоры к Клыкову, порой досадуя, что, в отличие от Аксакова, он не посылает в Сербию оружие и добровольцев, не желая понимать, что если между Аксаковым и русским правительством была трещина, то между Клыковым и нынешней российской властью была бездна. Незадолго до смерти

Клыкова известный сербский ученый и общественный деятель, автор потрясающей по честности монографии «Развал Югославии» профессор Веселин Джуретич в отчаянии писал мне: «Нам грозит полное уничтожение... Сербь в состоянии паники. В Совете Безопасности ООН на днях рассматривается проблема Косова и Метохии, и если не будет русского «вето», мать Россия удушит сербское дитя. Позвоните Распутину, Белову, нашему другу Клыкову...» С этими именами сербские патриоты связывают истинную Россию, не подозревая, что нынешняя российская власть как черт от ладана шарахается от этих имен.

Умер великий боец за славянское единство, другое дело, что оно, может, в принципе невозможно. Клыков, глубоко переживая, понимал это, тем не менее делал все возможное для духовного единения славян, хотя с горечью осознавал, что братья-славяне вспоминают о России, в том числе и о нем, Клыкове, как в свое время вспоминали об Иване Аксакове, только когда их начинает смертельно припекать на сковороде истории, в более благополучные времена они даже начинают подозревать Россию в том, что она, протягивающая свои спасительные объятия, хочет чуть ли не закабалить несчастных братьев-славян. У Ивана Аксакова в свое время разорвалось сердце от чувства этой неблагодарности, от безнадежности соединить славян перед грядущими бедами, которые он явственно видел (по приезде его в Сербию многие сербские общественные деятели и писатели попросту прятались от него, а сопровождавший его писатель Яков Ягнятович ему в глаза скажет: «В жестких объятиях России у маленькой Сербии могут сломаться ребра, поэтому пусть Россия оставит Сербию, чтобы она на основе своего права росла и укреплялась, и это была бы самая благородная миссия России...»). Вячеслав Клыков не менее Ивана Аксакова страдал от

вечного межславянского раздора, он глубоко переживал трагедию Югославии, как мог, противостоял этому, прежде всего пытаясь помирить между собой одинаково любящих и одинаково мыслящих, но подозревающих друг друга чуть ли не в предательстве сербских патриотов, в самое страшное для Сербии время они не нашли ничего лучшего, как выяснять между собой отношения. Может, как раз эта безнадежность и спровоцировала смертельную болезнь Клыкова, и последним толчком, ускорившим смерть, может, было отделение от Сербии Черногории, которое он пережил всего на несколько дней, и провозглашение нового черногорского народа, хотя черногорцы отличаются от сербов еще меньше, чем курские мужики от орловских. Именно в Черногорию была наша с ним последняя поездка в бывшую Югославию. В надежде, что этого разделения не произойдет, он подарил один из последних своих памятных — Савве Сербскому — Белграду, а второй — Покрову Богородицы — городу Никшичу в Черногории. Да, он глубоко страдал от невозможности славянского единства — но не для того, видимо, по неведомой нам воле Божией (может, потому, что не оправдало Его надежд, как в свое время не оправдал Его надежд народ иудейский?), славянство разбежалось в истории сначала на южных, западных и восточных славян, потом каждая ветвь снова делилась, и мы все делимся и делимся и вместо того, чтобы взглянуть внутрь себя, виним в этом внешних врагов, и бежим, бежим друг от друга — да еще во взаимных претензиях, уничтожая при этом свою нравственную суть. В физике этот процесс называется аннигиляцией... (Порой меня посещает нелепая и страшная мысль: а может быть, поражением в Первой мировой войне Бог наказал Россию, заступившуюся на Сербию, за попытку противодействовать этому мистическому разбеганию?)

Да, для славян, а особенно для сербов, имя Вячеслава Клыкова стоит рядом с именем великого Ивана Аксакова. На панихиде в Белграде по преставившемуся Ивану Аксакову в соборной церкви (панихида совершалась двенадцатью священниками) архимандрит Никифор Дудич сказал: «Он принадлежал к тем редким не только между русскими, но и европейцами великим людям, к чьим словам и речам прислушивалась в последнее время вся политическая и образованная Россия. Это была сила нравственная — сила ума, сила философская, сила без власти штыка. Русский народ вправе гордиться этим. И русская молодежь пусть изучает жизнь, светлый характер и великие патриотические дела своего Аксакова. Аксаков, вдохновленный идеей духовного единства всех славян, одушевленный братскою славянскою любовью и христианскими идеалами, энергически поднимал свой мощный голос за освобождение сербов и болгар... Сербский благодарный народ не легко забудет имя великого Аксакова и его братскую любовь и помощь в самые тяжелые дни своей новой истории». Как созвучна этим словам телеграмма, посланная мне как вице-президенту Международного фонда славянской письменности и культуры и председателю Аксаковского фонда из университета Нови-Сада:

«К сожалению, мы только на днях узнали о скорбном событии — что в начале июня преставился Ваш близкий друг и соратник, всемирно известный художник и искренний друг сербского народа Вячеслав Михайлович Клыков — Слава.

Русский и все славянские (особенно православные) народы потеряли не только выдающегося художника, творческие произведения-шедевры которого принадлежат — как универсальные сокровища — всему миру, но и одного из своих самых выдающихся деятелей в области православной духовной культуры. Вячеслав Ми-

хайлович ушел из жизни рано, но как много он успел сделать! И сделанное им с каждым годом будет расти. К нему в полной мере относится сказанное великим сербским поэтом владыкой П. П. Негошем: «Благо оном ко довијека живи, имао ее рашта и родити!» («Счастье тому, кто заслужил жить вечно, было для чего родиться!») Царствие ему небесное!

В соборном храме в Нови-Саде 23 июня в 11 часов отслужена панихида по Вячеславу Михайловичу — Славе. Вечером в тот же день в Матице Сербской состоялось траурное заседание памяти этого великого человека и патриота. В эти печальные минуты поэты и актеры читали стихи на сербском и русском языках, посвященные Славе, выступавшие говорили о его громадном вкладе в искусство, о его личности, сыгравшей огромное значение в укреплении связей между русским и сербским народами и так много сделавшей для сербского народа. Принято было обращение к городской власти с просьбой назвать одну из нови-садских улиц именем Клыкова. В четверг, 29 июня, будет отслужена панихида и в Белграде, а потом состоится траурное заседание в Русском доме».

Для истинных сербских патриотов смерть Клыкова была таким же ударом, как смерть за год до него близкого ему по духу, замечательного сербского художника, выдающегося философа и геополитика, идеолога сербского сопротивления Драгоша Калаича, испившего до конца горечь апокалипсического и кровавого разбегания Югославии (он не дожил только до отделения от Сербии Черногории и боялся, что это не последний акт югославянской драмы). Он, одним из первых раскрывший миллионам людей не только в Сербии, но и за ее пределами, и прежде всего в России, суть грядущего нового мирового порядка и сатанинской глобализации, видел единственную возможность спасения славянских

народов в их духовном единении и перед лицом грядущей всеобщей опасности призывал их к этому, хотя и, как и Клыков, понимал его невозможность. Эта невозможность и надломила его. Недавно я получил письмо из Женевы от члена Попечительского совета Аксаковского фонда сотрудника ООН Вячеслава Васильевича Новикова: «Только что с запозданием прочел в «Нашем современнике» Вашу статью о Драгоше Калаиче (2006. № 4). Спросил коллегу из Сербии Мирослава Йовановича, знает ли он Калаича, на что тот ответил: «В Сербии каждый умеющий читать, знает Драго...» По его просьбе посылаю Вам несколько предсмертных фотографий Калаича, на которых он с красавицей женой и дочерью...»

Теперь у меня на столе рядом с траурной фотографией Драгоша Калаича (глаза, словно раны) траурная фотография Вячеслава Михайловича Клыкова, обеих забрала одна и та же духовная и физическая болезнь, одинаково горячо любивших Россию и Сербию, для обоих это была единая страна. Если Драгоша Калаича в Сербии ласково звали Драго, то Вячеслава Михайловича Клыкова ласково и всеобъемлюще — Слава. Всего масштаба и глубины потери того и другого мы еще не осознали...

11 сентября 2001 года с Вячеславом Михайловичем Клыковым мы летели в Рим, чтобы в рамках православной миротворческой миссии Международного фонда славянской письменности и культуры открыть в городе Бари его памятник Святителю и Чудотворцу Николаю Мирликийскому. В самолете, висящем над Европой, мы стали невольными телезрителями, наблюдавшими, приняв сначала за очередной американский боевик, как два «боинга» въехали в надменно-нелепые нью-йоркские башни, вавилонские символы космополитической Аме-

рики. Ну, с Америкой все ясно: основывал ее разноплеменной сброд, который народом так и не стал, за ней нет никакой народной культуры, никакой традиции. Я не могу понять, как гордые французы, сумевшие сохранить свою национальную культуру, национальную песню, символом Парижа избрали нелепую Эйфелеву башню — «нефтяную вышку» или высоковольтную опору электропередачи, уродующую облик прекрасного города. Это яркий и печальный пример того, как в сравнительно короткое время с помощью пиара в народе можно в корне извратить понятие о прекрасном.

Теперь уже много лет назад, еще в 1988 году, в преддверии краха не только СССР, но и коренного переустройства — не в лучшую сторону — всего мира, в смутном предчувствии надвигающейся вселенской беды я написал апокалипсическое эссе «Время Концов и Начал», впервые опубликованное в «Литературной газете», потом его перепечатали многие другие издания. В нем, анализируя природные и социально-политические катаклизмы древних эпох и уже нашего времени, я, увы — далеко не первым! — приходил к печальному выводу, что многие катаклизмы: страшные землетрясения, наводнения, извержения вулканов, не говорю уж о техногенных катастрофах, вызываются вспышками человеческой злобы, братоубийственной междоусобицы — такой может быть мощь отрицательной психической человеческой энергии. И совсем не фантастика, что, сконцентрировавшись под воздействием дьявольских сил, она в конце концов может уничтожить не только человечество, но и всю планету.

Время Концов и Начал. Это давно уже не отвлеченный художественный образ. Сейчас мы живем, без преувеличения сказать, на границе реального и виртуального сатанинского мира, и уже трудно различить, где проходит граница между ними.

В случае с Гитлером мы уже столкнулись с тем, что человечество, в большинстве своем не подозревая о том, что во Вторую мировую войну боролось с несуществующей виртуальной цивилизацией. Двадцать лет назад я с великим трудом и риском добывал подтверждающие это документы, а теперь уже почти общеизвестно, что Гитлер, начавший свою борьбу как национально-освободительное движение немцев, попавших после поражения Германии в Первой мировой войне под влияние еврейских магнатов (теперь бы сказали, олигархов), впоследствии, в результате хитро подsunутой его больному сознанию теми же еврейскими эмиссарами бредово-фантастической идеи, уже не верил ни в идею национал-социализма, ни в великую Германию, а служил несуществующим Высшим Неизвестным. Их на самом деле в природе не было, ни на Земле, ни в Космосе, но от их имени велась страшная, по сути общепланетная, по своим целям вселенско-космическая, то есть Первая Великая Сатанинская антихристианская мировая война (истинную суть которой почему-то до сих пор стараются скрывать от человечества, видимо, в надежде, что будет Вторая, последняя). В ней погибли десятки миллионов людей, и главной целью которой, о чем, может, не подозревал и сам Гитлер, было — полное! — уничтожение русского народа, который не удалось уничтожить в Первой мировой и развязанной вслед за ней Гражданской войнах и который мешает установлению нового мирового порядка..

Потому совсем не случайно, что ныне, в пору все больше поглощающего реальной сатанинского виртуально-компьютерного мира, «боинги» въехали в нью-йоркские вавилонские башни если и по приказу пресловутого Бен Ладена, то по сценарию подсказанному ему голливудскими киносценаристами. И по большому счету Бен Ладен тут ни при чем, даже если он совершил

это жуткое преступление, он был только исполнителем воли воспаленного сознания американского общества, давно уже живущего в виртуальном мире «звездных войн» и параноидной мысли, что только Америке предначертано решать, как дальше жить всему остальному миру. Если Бен Ладена не было бы, то его нужно было выдумать. Бен Ладен — всего лишь зеркальное отражение Америки, ее второе лицо, если даже не вспоминать, что он, как и афганские талибы, был тайно возвращен Америкой, только она рассчитывала, что его жало будет направлено не против нее, но по закону исторического, нравственного возмездия змея повернула свою голову. И если немного логически поразмышлять, то не трудно увидеть, что не Бен Ладену, а властителям Америки выгодно и даже нужно было это преступление, чтобы, цинично воспользовавшись поводом, под видом борьбы с терроризмом начать завоевание последних непокорных стран. И большинство лидеров так называемых великих или полувеликих держав, тайных или явных ставленников-клерков давно уже не тайного мирового правительства, подзуживаемые сатанинскими СМИ, поджав хвосты и словно забыв о таких же террористических американских бомбардировках Ирака и Югославии, разница только в техническом исполнении (вспомним бомбы с обедненным ураном), — я уж не говорю о более давних бомбардировках Вьетнама, ужасе Хиросимы и Нагасаки, других преступлениях Америки, бросились подвывать раненому зверю, яко невинному агнцу. А на самом деле все происшедшее объяснялось очень просто, если бы не судьбы невинно погибших людей: один бандит дал по мордасам другому, взрастившему его и зарвавшемуся бандиту, и наш президент одним из первых бросился вытирать платочком забрызганные — чужой, невинной! — кровью эти мордасы. Наверное, только одному человеку, Верховному муфтию России

Шейху уль-Ислам Талгату Таджуддину, хватило мужества в первый же день во всеуслышание сказать правду об этой трагедии: «Зло, возвращенное Америкой, словно бумеранг, вернулось обратно». И если уж говорить о нумерации терроризма, то под номером первым должно стоять американское зло, а только уж вторым — скорее уж виртуальный, чем реальный, Бен Ладен, как я уже говорил, тайно вскормленный Америкой.

Мир в своем нравственном падении неумолимо идет к концу. И Время Концов может не стать Временем Начал. И, кажется, уже ничто не может остановить его на этом пути. Поддавшись дьявольскому искушению, мир все больше отклоняется от своей исторической и божественной роли. На планете, может, осталось всего несколько народов и стран, тоже павших в своей нравственности, но все еще, скорее, на генетическом уровне пытающихся сохранить в себе или даже возродить верность Божественному Замыслу. И именно потому жало нового мирового сатанинского порядка в конце XX — начале XXI века было направлено прежде всего против России и Югославии, чтобы сначала расчленить их на междоусобные средневековые княжества, а потом совсем уничтожить, стравив христиан и мусульман. И в России уже давно если не преобладают, то очень сильны антихристианские, антимусульманские силы, стремящиеся подчинить народы американскому виртуальному стандарту, но в России есть еще люди, которые видят всю глубину бездны и каждый в своей сфере деятельности стремятся если не приблизить торжество Истины, то хотя бы отсрочить приближение Конца, в надежде, что в отвоеванное время опомнятся другие и встанут рядом. Они делают все возможное и невозможное, чтобы отрицательный вектор отечественной, а значит, и мировой истории постепенно превратился в положительный. Но давайте посмотрим правде в глаза:

таких людей мало, очень мало! А мы, остальные, вместо того, чтобы что-то делать, в лучшем случае повторяем в этаким блаженном самоуспокоении, что Россия находится под Покровом Богородицы и де, мол, все со временем само собой образуется, она не допустит, чтобы Россия погибла. Но мы преступно самообманываемся: спасительный Покров Богородицы над Россией нас должен не успокаивать, а, наоборот, призывать к действию, потому как при нашем иждивенческом отношении мы можем лишиться его, как в свое время лишился Божьего покровительства иудейский народ, не оправдавший Его надежд. Покров Богородицы над нами только до тех пор, пока мы хоть в какой-то степени достойны его и делаем все возможное, каждый в меру своих сил, чтобы отвести страну, народ от пропасти. Многих, особенно тронутых гордыней атеизма, смущает понятие «раб Божий». Но раб Божий нужно понимать не в том смысле, как толкуется слово «раб» в современных словарях русского языка. За века произошла трансформация понятия, искажение смысла слова. Раб Божий — это не вол в шорах, постоянно ожидающий удара бича, а добровольный и свободный Божий Работник, если хотите, соратник, воин.

И вот я летел в Рим с одним из таких Работников Божьих — упорным, решительным, не имеющим страха, выдающимся скульптором и выдающимся православным общественным деятелем, Президентом Международного фонда славянской письменности и культуры, лауреатом Государственных премий СССР и России, народным художником Вячеславом Михайловичем Клыковым, одним из тех, благодаря кому в Россию вернулся и стал государственным Праздник славянской письменности и культуры (в XIX веке он утвердился на Руси благодаря Ивану Сергеевичу Аксакову). Одним из тех, благодаря кому к русскому, к российскому народу во второй

половине XX века стало возвращаться национальное и религиозное самосознание. И, чтобы открыть одурманенному большевиками народу горизонты, вернуть ему чувство потерянной Родины, он ставил памятники православным святым, великим русским мыслителям, поэтам, писателям, воинам. Сейчас же мы стремились в г. Бари в Италии, где с XI века в специально построенной базилике покоятся спасительные мощи святителя и чудотворца Николая Мирликийского, являющегося воплощением милосердия, покровителя плавающих и путешествующих, сельского хозяйства, сирых и убогих, первого заступника нашего перед Богом после Пречистой Божией Матерью. Мы стремились туда, чтобы невдалеке от этого святого места, у стен православного Свято-Никольского храма в знак великой благодарности Чудотворцу, поддерживавшему дух русского народа в самое беспросветное для него время, встал клыковский памятник Николаю Угоднику, одному из самых любимых почитаемых русским народом святых, который чтим и мусульманами. И, может, совсем не случайно, что памятник в Бари вставал именно в этот день, когда лжемусульмане въехали на «боингах» в вавилонские башни лжехристиан, чтобы спровоцировать не менее как Третью мировую войну, в которой будут беспомощны регулярные армии, в которой не будет фронтов и которая по тайному замыслу должна была стать последней для стравленных между собой истинных христиан и мусульман, а тайные силы, тайно или явно поклоняющиеся Дьяволу, потом на не остывшем еще пепле начнут строить свой новый мировой порядок.

Чтобы снять ответственность с собственной совести, чтобы найти оправдание своим бедам, в которых мы прежде всего сами виноваты, мы идем по самому легкому пути: ищем врагов. А так как их у России действительно много, то мы их легко находим. И как бы успо-

каиваемся: не мы, а они во всем виноваты. Но Россия в 1917 году рухнула прежде всего не в результате жидомасонского заговора и происков немецкой разведки, она рухнула прежде всего потому, что народ ее в большинстве своем отказался от Бога, то есть, по определению Ф. М. Достоевского, перестал быть русским, отвернувшись от подаренному ему спасительного Православия, от своего исторического и вселенского предназначения. Как в свое время, распяв Христа, отказался от своего небесного предназначения народ иудейский. И самую пагубную роль в нравственном падении русского народа сыграла так любящая себя, в своих писаниях так восхваляющая себя за якобы великие заслуги, а на самом деле за великие и тяжкие грехи и вины перед родным народом, постоянно ноющая, паразитирующая на нем, развращенная и развращающая его интеллигенция. И ее «заслуга», что народ русский, подобно иудейскому, стал народом рассеяния. Правда, по причине своей особой, так пока и не уничтоженной до конца, нравственности, с положительным знаком, русские не создали собой в изгнании, подобно иудеям, словно раковую опухоль, народа в народах, а, растворившись в них, стали не просто их составной частью, а как бы живительным навозом. Может быть, в этом единственное оправдание нашей внутренней свары. Неужели Всевышний, разувверившись в нас, в конце концов определил нас быть живительным навозом для остального мира?

Подобное тому, что случилось с русским народом в 1917 году, случилось с ним в 1991-м, накануне третьего тысячелетия от Рождества Христова, когда после Великой Победы над Гитлером он снова потянулся к Богу, но вскоре, забыв, кем была благословлена Великая Победа, по приказу недоумка Хрущева, задолго до Шеварнадзе начавшего раздавать Россию налево и направо (Крым — Украине, Порт-Артур — Китаю, чему, кстати,

Китай долго сопротивлялся), а доморощенные недоумки страшнее иноземцев, — по попущенью Божьему снова послушно стал рушить храмы, а главное — Веру в себе, соблазнившись обещанным чуть ли не завтра раем на Земле. И сегодня, на обломках великой державы, по горло наглотавшись гайдаров и чубайсов и иже с ними, мы вроде наконец опомнились на краю пропасти и снова открываем врата чудом сохранившихся храмов, строим новые, но, давайте честно признаемся, в нашей вере много от очередной моды и даже от лукавого, в нас уже есть желание веровать, но нет еще истинной Веры. Не только меня, например, смущает, когда иерархи церкви в хор твердят о торжестве Православия, в доказательство, как раньше в победных реляциях на партийно-хозяйственных активах, приводят цифры: количество вновь открытых приходов, восстановленных и построенных храмов, словно забывают, что это совсем не свидетельствует о торжестве Веры. Я, как и многие, тоже боюсь: не наступает ли время, о котором не только старец Лаврентий Черниговский говорил: «Придет время, когда будут восстанавливаться храмы с золотыми куполами, а ходить в них будет нельзя, потому что они будут не от благодати». И в тесной связи с этим — состояние современной русской интеллигенции. Увы, в большинстве своем она еще больше прежней, советского времени, лишена национального самосознания, она даже как бы стесняется своих корней, достаточно сказать, с какой легкостью она отказалась от графы «национальность» в новом российском паспорте, башкиры и татары до сих пор пытаются противостоять этому, и я их понимаю. Увы, в большинстве своем она атеистична и бездуховна и, по большому счету, безграмотна. В данном случае я имею в виду не узкопрофессиональную грамотность, хотя и она желает лучшего, а раз безграмотна, то не знает всей глубины обрушившейся, а точ-

нее, обрушенной на нас беды, и потому она пассивна, более того — космополитична.

Вячеслав Михайлович Клыков принадлежал к другой, к сожалению, редкой, русской интеллигенции, (а может, и вообще не к интеллигенции), которая, несмотря ни на что, строит Веру, строит Надежду, строит Любовь, которая пытается вернуть родной народ на истинные пути, чтобы он, иначе говоря, снова стал русским. И потому он, будучи Президентом Международного фонда славянской письменности и культуры, делал огромное дело по возрождению в народе национального державного самосознания, а как скульптор — ставил на Руси, вопреки всему, начиная с Куликова поля, где им возведена Спасская часовня, так и за пределами ее, русские памятники, чтобы, зомбированный сатанинскими СМИ человек шел от одного к другому и вспоминал о прошлом, так и задумывался о будущем величии России.

Надо ли говорить, что в смутные 90-е годы делать это было чрезвычайно сложно. Одни говорили: зачем вообще нужны такие памятники так называемой новой (не русской! — по точному определению профессора Веселина Джуретича) России?! В это время над Россией всходила, щедро подпитываемая мафией, «звезда» Церетели. Другие: до памятников ли сейчас?! Что касается собратьев по творчеству, скульпторов, то далеко не все из них питали, да и сейчас питают, к Клыкову теплые чувства: одни — чужие по мироощущению и по отношению к России, — принципиально не принимают его, что естественно, другие — вроде бы свои, но тоже были в претензии к нему: мы нищенствуем, у нас нет заказов, а он обставил своими памятниками чуть ли всю страну, начиная от Манежной и Славянской площадей в Москве, а теперь вот полез и за границу. Железная логика ремесленника, но не гражданина. Ну что ж, сидите, ждите заказов, да, с памятниками Владимиру Ильичу и

Карлу Марксу сейчас проблема, надеюсь, что не временная, нойте в надежде, что какой-нибудь новый русский, у которого дедушка старый еврей, за доллары попросит вас состряпать русалку на даче на берегу круглогодично обогреваемого бассейна, так он опять-таки по моде не вас, а Шемякина или Церетели наймет, и правильно сделает. У скульпторов точно так же, как у нас, у писателей, мы ведь тоже себя к интеллигентам относим, более того: к инженерам человеческих душ. И немалый процент писателей тоже тогда вместо того, чтобы делом заняться, Родину спасать, бросились в междоусобные склоки, дележ в правлениях Союзов писателей СССР и России больше не существующих кресел и привилегий и по своей неспособности конкурировать в этом деле с ветхозаветной интеллигенцией, провозгласившей себя русской, потеряли все материальное, что эти два писательских союза имели: издательства, дома творчества, поликлиники и прочее, о чем плачут по сей день.

Чем хорошо смутное время, что оно все ставит на свои места. Давайте посмотрим правде в глаза, товарищи инженеры человеческих душ, нужны ли были стране 10 тысяч писателей, словно по дивизиям и полкам, разделенных на пишущих отдельно о рабочем классе, о трудовом крестьянстве, об ученых, о врачах, разумеется, о пламенных революционерах?.. Я на своей шкуре знаю, что все мы в результате так называемой перестройки остались без средств к существованию, но кто в этом виноват? Не мы ли сами любили повторять, что писательство — это не профессия. И есть жестокая справедливость времени, что нас не издают, не читают наших книг. А разве мы не сами виноваты в этом, что обесценили слово, что, оглядываясь на райкомы и обкомы партии, в большинстве своем писали закамуфлированные под художественную литературу агитки, видите ли, нам тоже хотелось хлеба с маслом, и читатели нам перестали

ли верить. Да, прежде всего именно мы обесценивали, выхолостили Слово. И не издают нас не только потому, что живым надо платить гонорары, как мы обманываем себя, но и потому — и в этом жестокая справедливость времени, — что люди хотят услышать правду от мертвых, в свое время ушедших в изгнание ради правды и даже пошедших на смерть ради нее. Они хотят узнать правду от Солоневича, Ильина, Бунина... Но, кстати, издают, жадно читают и современников, не надо уж так плохо думать о родном народе. По-прежнему читают Валентина Григорьевича Распутина. Издают и читают безвременно ушедшего Вадима Георгиевича Кожинова. Я не знаю, есть ли членский писательский билет у Михаила Викторовича Назарова. Но его читали и читают, потому что ради правды он избрал совсем не сладкую жизнь изгнанника и сейчас, вернувшись на Родину, говорит правду о России, другое дело, что, к сожалению, очень малый круг русского народа знает о его книгах. Читают бесстрашного бойца за русского человека, за Русскую Цивилизацию Олега Анатольевича Платонова. Литературно-профсоюзная халява в виде нищенских подачек, в виде бесплатных путевок, по большому счету ничего не значащих званий, звонков в издательства из ЦК КПСС и обкомов закончилась, господа инженеры человеческих душ! Пришло время простой и жестокой действительности. В этом смысле нынешняя власть гораздо честнее, она не заигрывает с писателями, не применяет к ним политику кнута и пряника, а просто по необходимости цинично вышвырнула нас на помойку, а там сами решайте, нужны или не нужны вы народу, писать вам или не писать. А обманутому, в том числе и нами, народу сейчас не до нас. Мы забыли, что настоящая литература, имеющая отношение к Слово, — это всегда тяжелый жертвенный крест. Ничего удивительного в том нет, когда писатели бедствуют вместе с бедствующим

народом. Было бы удивительно обратное. Пришло время суровой работы во имя народа. И настоящие писатели, или на время оставив перо или, несмотря ни на что, несмотря на то, что их перестали читать, не переставая писать, становятся священниками, строят музеи в память великим соотечественникам, воскресные школы, храмы, несмотря ни на что, издают или даже создают новые журналы и газеты, открывающие народу глаза, как Станислав Юрьевич Куняев — «Наш современник», Леонид Иванович Бородин — «Москву», Михаил Григорьевич Петров — «Русскую провинцию», устраивают истинные народные праздники, и первым примером тому — Валентин Григорьевич Распутин. Этот ряд, к сожалению, очень невелик. Великое дело делает Валерий Николаевич Ганичев, который сумел спасти Союз писателей России от полного развала. За один только двухтомник «Из русской думы», изданный в 1995 году, в самое смутное российское время, В. Н. Ганичеву стоит памятник поставить, как и за основанный им «Роман-журнал XXI век». А прославление в пору почти полного уничтожения российского флота и гибели атомохода «Курск» памяти великого русского флотоводца Федора Ушакова, как местночтимого святого (в самое короткое время он стал общенародным святым), инициатором которого был В. Н. Ганичев, по моему мнению, стоит в одном светлом ряду с открытием в свое время Клыковского памятника преподобному Сергию в Радонеже. Может быть, именно с этого, имеющего мистическое значение факта и началось, пусть пока робкое, но все-таки возрождение российского флота.

Что касается меня, тоже имеющего в кармане писательский билет: в самую трудную годину духовной опорой мне стал не родной Союз писателей, никому в обиду это сказано, а скульптор Клыков. Одно время я даже избегал общения с писателями: жалобы на нище-

ту, на не издание книг, пьяное рванье рубах на груди по погибающей России ни к чему, кроме петли, меня не привели бы. Меня тогда, как и сотни, тысячи других мучил вопрос: как, чем дальше жить? И вдруг — в ту страшную пору, когда, повторяю, братья мои, писатели, только усугубляли мое отчаяние, в большинстве своем продолжая стонать и плакать от безысходности и проклинать разрушителей России, не замечая, что страдали больше не о Родине, а о своем потерянном, пусть и нищенском, благополучии, — в сатанинском гаме и ликовании грязных инстинктов передо мной встал человек, он давно стоял передо мной, но до тех пор в ряду других, и, может, даже несколько позади их, а тут вдруг никого не стало ни впереди, ни рядом, одни, предельно устав и надорвавшись, временно отошли в сторону, другие оказались вождями ложными, и он остался один, кто, несмотря ни на что, продолжал не только делать свое профессиональное дело, не поступаясь убеждениями ради куска хлеба, но и, несмотря ни на что, продолжал строить Россию. Ее целенаправленно и стремительно разваливали, но он спокойно и упорно продолжал ее строить, уверенный, что рано или поздно рядом встанут другие и сила созидания остановит силу разрушения. И я, до этого потерявший почву под ногами, встал рядом с ним, чтобы в меру своих скромных сил помогать ему. И я благодарен судьбе, что она, теперь я уверен: не случайно, свела меня с Клыковым. Я не то чтобы совсем перестал писать, но в пору, когда Слово было обесценено, а книги если и издавались, то такими мизерными тиражами, если правду сказать, — только для личного самодовлетворения, это стало для меня не главным. В рамках Международного фонда славянской письменности и культуры, возглавляемого Вячеславом Михайловичем Клыковым, а должность президента Фонда свалилась на него с уставших плеч Валентина Григорьевича Рас-

путина, я со своими соратниками создал Аксаковский фонд, сначала как региональное, а потом и структурное отделение, осуществляющее Международную Аксаковскую программу, целью которой стало прежде всего восстановление мест, связанных со знаковой не только для России великой русской семьей Аксаковых, укрепление духовных связей прежде всего со славянскими странами, в судьбе которых Иван Аксаков сыграл не последнюю роль. Я убежден, что Аксаковы — не только великое прошлое, но и великое будущее России, они самим фактом своего существования, лукаво не мудрствуя на эту тему, выразили евразийную суть России, на стыке Европы и Азии, на стыке славянского и тюркского, православного и мусульманского мира счастливо соединив в себе славянскую и тюркскую кровь. Мало того, жена Сергея Тимофеевича Аксакова, в генах которого наряду с русской и древняя татарская кровь, — не просто полутурчанка, а внучка турецкого эмира, прямого потомка пророка Мухаммада, и получается, что великие славянофилы, великие русские Константин и Иван Аксаковы — по матери прямые потомки пророка Мухаммада. И я полагаю, что это совсем не случайно, об этом задумываешься особенно сегодня, когда пытаются сравнить Православие и Ислам. Как и не случайно, что в свое время Духовное управление мусульман России по предложению сенатора Д. Б. Мертваго — крестного отца С. Т. Аксакова — было основано именно в Уфе. И потому естественно, что Верховный муфтий России Шейх уль-Ислам Талгат Таджуддин, как и Никон, архиепископ Уфимский и Стерлитамакский, стали членами Попечительского совета Аксаковского фонда. И, может быть, благодаря прежде всего Аксаковым на их родине, в Башкирии, несмотря на все попытки врагов России дестабилизировать обстановку, царит атмосфера межнационального и межконфессионального согла-

сия. И не случайно, чтобы воочию убедиться в этом, на XI Международный Аксаковский праздник приезжала писательская делегация из Сирии во главе с генеральным секретарем Всеарабского союза писателей Али Акля Арсаном, как до этого в самый разгар сербско-боснийской драмы приезжала, чтобы потом рассказать всему миру, сербская монахиня Ангелина.

Без лишней скромности скажу: за 15 лет — через великие трудности, и не только экономического порядка — удалось кое-что сделать. В этом году отметил 15-летие Мемориальный дом-музей С. Т. Аксакова в Уфе, который уже давно стал известным не только в России общественно-культурным центром. Вернули прежнее имя и благоустроили Аксаковский сад в Уфе, его пруд с лебедями стал излюбленным местом молодоженов, ежегодный Международный Аксаковский праздник начинается или завершается торжественным Аксаковским вечером в Аксаковском народном доме, где вручается Всероссийская литературная премия им. С. Т. Аксакова, учрежденная по предложению Аксаковского фонда президентом Республики Башкортостан совместно с Международным фондом славянской письменности и культуры и Союзом писателей России, первыми лауреатами ее стали В. И. Белов, В. Н. Ганичев и В. Г. Распутин. В. М. Клыков был сопредседателем комиссии по Аксаковской премии. На этом же вечере вручаются четыре диплома Аксаковской студенческой стипендии, учрежденной Уфимским горсоветом. Лауреаты Всероссийской Аксаковской литературной премии проводят Аксаковский урок в Аксаковской гимназии. В родовом имении С. Т. Аксакова, где родился великий печальник земли Русской и всего многострадального славянства И. С. Аксаков и где, по его словам, взросло русское чувство у К. С. Аксакова, создан Аксаковский историко-культурный центр «Надеждино», здесь восстановлен

практически с фундамента храм во имя покровителя славян вмч. Димитрия Солунского, храму Аксаковским фондом подарено напрестольное евангелие XVIII века, Международным фондом славянской письменности и культуры — храмовая икона, написанная в древнерусском стиле в одном из северных монастырей, администрацией г. Белебея и Белебеевского района храму подарен дом священника с классом воскресной школы. В ранее погибающее село проведены водопровод, газ, по улицам проложен асфальт, на месте заброшенного пруда с навозной плотиной построен современный пруд, 1 октября 2001 года, в 210-й день рождения С. Т. Аксакова, гости XI Международного Аксаковского праздника: писательские делегации из Москвы, Сирии, гости из Петербурга, Новороссийска, Оренбурга, ученые из Сербии, Латвии заложили приусадебный парк. Годом спустя посадил свое дерево дважды Герой Советского Союза летчик-космонавт В. П. Савиных. Московский университет инженеров геодезии и картографии, который он возглавляет, — восприемник Константиновского Межевого института, организатором и первым директором которого был С. Т. Аксаков, и Виктор Петрович это свято помнит. Ужаснувшись, какие абитуриенты ныне приходят в университет, он в своем сугубо техническом вузе открыл гуманитарный факультет с обязательным преподаванием русского языка и литературы.

В 2003 году при участии президента Республики Башкортостан М. Г. Рахимова, В. М. Клыкова, В. Г. Распутина, В. П. Савиных на бывшем пепелище был открыт Музей семьи Аксаковых, храм и музей огорожены общей металлической оградой, они составляют единое нравственное целое. Перед музеем стоит гранитный камень, привезенный покойным членом правления Аксаковского фонда Б. И. Брянцевым с далекого уральского карьера: «Здесь будет памятник И. С. Аксакову». В один

из приездов в Москву, ночуя в мастерской у Клыкова, я обнаружил макет памятника. Увы, этому замыслу уже не суждено осуществиться.

А вообще в разные годы побывали в Надеждине православные и не православные люди, разумеется, из Болгарии и Сербии, из Австралии и Японии, из Китая, из Польши, Франции, Англии... И в становлении Аксаковского историко-культурного центра «Надеждино», и в других делах Аксаковскому фонду одинаково помогали как православные, так и мусульмане, русские, башкиры, татары, чувашаи...

Все это сейчас рассказываю не в качестве саморекламы. Меня, наоборот, угнетает, когда кто-то начинает о моих скромных делах говорить как о значительных, заметных в размерах России. Мне становится страшно: неужели так мало хоть что-то делающих, если заметно мое маленькое дело?! Все это я рассказываю исключительно с одной целью, чтобы сказать: без Вячеслава Михайловича Клыкова, без его духовной поддержки, хотя порой мы не виделись с ним по году, без самого факта существования его я, наверное, ничего этого не сделал бы. Ныне, не уходя из Международного фонда славянской письменности и культуры, я как бы вернулся в родной Союз писателей, но вернулся, опять-таки никому в обиду сказано, когда, может, я больше нужен Союзу писателей, чем он мне. И мне это греет душу.

И снова, возвращаясь к Клыкову: действительно, нужны ли памятники нищей России? Как и вообще — нужны ли памятники? Или они только своего рода точки и запятые в архитектуре? Этот вопрос далеко не праздный. Обязательные до недавнего времени в каждом городе монументы Ленину и Марксу зачеркнули истинное назначение памятников. Ну, стоят и стоят, голуби, вороны на них любят садиться, два раза в год неискренне возлагали к ним цветы. Многие из подобных

памятников обрели параллельные народные названия, своего рода партийные клички... Памятник пламенным революционером в моей родной Уфе народ остроумно назвал «без пятнадцати семь». Дело в том, что их пламенные взоры и тела устремлены в сторону магазина с водочным отделом, которые в советское время, если помните, закрывались в 7 часов. Только, может, памятник Пушкину на Тверском бульваре в Москве до последнего времени оставался истинным памятником, хотя ныне именно вокруг него стала собираться всякая либеральная нечисть на свои супердемократические митинги. Как памятник героям Плевны стал местом скотских сделок «голубых».

Впрочем, по отношению к памятникам В. И. Ленину я не совсем прав. Это в последние десятилетия их замусолили тиражированием, первые же, сразу после его смерти, тоже вставали как воители, сатанинские, но воители, то есть по-своему тоже были истинными памятниками. Памятник В. И. Ленину в Уфе был поставлен одним из первых в стране, в 1924 году. В 70-е годы затеяли его реставрацию: он был поставлен на бывшей Болотной площади, и из постамента, разрушая его, стали сочиться, словно слезы, грунтовые воды. Сняли на время Владимира Ильича, окружив высоченным забором, вскрыли постамент, и оказалось, что он сложен... из надгробий представителей поверженных классов России: «почетный гражданин...», «купец 1-й гильдии...», «полковник...» и даже: «гимназистка...» Надписи на других плитах были сбиты, а на Старо-Ивановском кладбище, откуда были взяты надгробия под постамент, были похоронены родственники Аксаковых, Листовские — последние владельцы Аксаковского дома, предки великого русского художника М. В. Нестерова... Ф. М. Достоевский при всей его гениальности и прозорливости не мог предсказать такого.

Клыков изменил представление о памятнике. Или, точнее сказать, вернул ему прежнее назначение. Памятники снова стали не отвлеченным элементом градостроительной архитектуры, а, если хотите, воителями, молитвой, призывом, только в отличие от памятников пламенным революционером, они призывают не к разрушению, а к созиданию, к Памяти. Но истинные памятники одновременно обращены и в прошлое, и в будущее, но создаются, ставятся ради будущего. Клыков обладал огромным даром предвидения. Его памятники вставляли в городах и весях России, как потом оказывалось, на переломах новейшей отечественной истории, накануне судьбоносных для страны и народа событий и потом становились как бы реальными участниками этих событий, они, как путеводные маяки, указывали пути, по которому нужно идти. Они призывают к духовному действию. Они — как бы предвестники будущего.

Нужны ли памятники обворованной, нищей России? Клыков своим творчеством ответил на этот вопрос. Нужны, раз врагам России они так мешают: раз их расстреливают, как расстреляли в постаменте памятника равноапостольным Кириллу и Мефодию на Славянской площади в Москве неугасимую лампаду, зажженную от Благодатного Огня от Гроба Господня, раз их по ночам по-воровски убирают, как украинские самостийники ночью убрали памятник князю Владимиру в Херсонесе под Севастополем, зачислив его в ранг проклятых москалей. Нужны, раз их не дают ставить. Несмотря на то что в свое время проект Клыкова победил во всех конкурсах, не встал в Москве на Поклонной горе его памятник Победы, вместо него воздвигли другой, некий кабаллистический символ, — тоже победы, только вот вопрос: кого и над кем? Я принципиально сейчас не буду говорить о художественных достоинствах его произведений, и не только потому, что я не искусствовед, просто сегодня не

это тема моего разговора. Несомненно, что многие из памятников Клыкова — великие, как, например, памятник преподобному Сергию Радонежскому в Радонеже в Подмосковье и в г. Нови-Сад в Сербии, святой великомученице Елизавете Федоровне в Марфо-Мариинской обители на Большой Ордынке, Ивану Алексеевичу Бунину в Орле. Особое место в его творчестве занимает и особой духовной высотой обладает его памятник-звонница на Прохоровском поле великого танкового сражения, поставленный в 50-ю годовщину Победы в Великой Отечественной войне. Да, Клыков своим творчеством ответил на этот вопрос: нужны ли России памятники в эпоху нового смутного времени, когда две трети ее населения находится за чертой бедности. Наверное, ни один из его памятников не оставил современников равнодушным — в самом прямом смысле этого слова. И опять-таки я сейчас имею в виду не восторги, или, наоборот, хулы искусствоведов или собратьев по творчеству, некоторым из которых Клыков почему-то был костью в горле. Творчество Клыкова — уникальный случай в отечественной, а может, и в мировой истории. Вспомните, как вставал его памятник преподобному Сергию в Радонеже еще в советское время, в 1988 году, когда казалось, еще ничто не предвещало катастрофы Советского Союза, что он всего через несколько лет распадется на полтора десятка средневековых княжеств с секретарями ЦК КПСС во главе, которые вдруг сразу станут самыми демократическими в мире президентами. Сотни, тысячи людей, несмотря на арест памятника и отмененные остановки электричек и автобусов, откровенные угрозы и тройное оцепление войск Московского военного округа, МВД и КГБ, пробирались окольными тропами к месту установки памятника, сам памятник был арестован под предлогом технической неисправности перевозящего его грузовика. Другой бы отступил, сдался, пошел на компромисс,

другие отступали перед гораздо меньшими преградами, а тут была мобилизована вся мощь идеологической и карательной систем страны. Но Клыков тем и отличался от других, что не отступал ни при каких обстоятельствах, всегда шел до конца. И в том, заведомо неравном, бою победил он. Памятник все равно был установлен. Установка памятника Сергию Радонежскому в год Тысячелетия Крещения Руси была истолкована как покушение на коренные устои, но применить к Клыкову какие-то серьезные карательные меры уже не решились. Клыков сразу был признан лидером, знаменем русского национально-освободительного движения. Давайте признаемся себе: кто, кроме Клыкова, в то время мог решиться на подобный шаг?! Клыков, как великий сын России и большой художник, как никто раньше многих почувствовал, какие духовно-исторические личности снова будут востребованы в России в пору грядущих трагических перемен, он видел, что впереди у России новое Куликово поле, только враг будет не извне, а изнутри. Многие подспудно чувствовали это, но не могли выразить: одни по немоте своей, другие — по недостатку мужества, третьи — по отсутствию истинного гражданского, сыновнего чувства, а он выразил. Другое дело, и не его вина, что новое Куликово поле Россией будет проиграно. Но совсем ли безнадежно проиграно?! Не встань вовремя памятник преподобному Сергию Радонежскому, может быть, совсем другим было бы нынешнее самосознание поверженного русского народа, может, была бы еще страшнее катастрофа? Может, совсем не было бы надежды...

Нужны ли русские памятники другим славянским народам в пору всеславянской беды, межславянского раздора, когда идеи великого Ивана Аксакова о всеславянском братстве оказались попранными прежде всего самими славянами?! Если в России, которая при большевиках, подобно США, обозначалась масонской аббревиа-

турой СССР, памятник преподобному Сергию арестовывался как чуждый, опасный коммунистическому режиму, то авторскую копию его, чтобы она никоим образом, как дар русского народа, не попала в воюющую, в том числе и за Россию, тогда еще не поверженную, в самую тяжелую для нее пору, Сербию, тогдашнее министерство культуры России ее цинично объявило национальным достоянием, не подлежащим вывозу за границу.

«До памятников ли сейчас голодной и холодной Сербии?! — говорили в глаза и шептали тогда за спиной у Клыкова. — Наверное, не этично и даже кощунственно сейчас дарить ей, блокадной, памятники, когда ей нужны газ, нефть, танки, самолеты, зенитные комплексы С-300...»

Наверное, танки и самолеты Сербии были нужны в тот момент больше, чем памятники, но танков и самолетов у Клыкова не было, газа и нефти тоже, и не его вина, что тогдашняя российская власть, и, к сожалению, не только власть, предали Сербию, но удивительно, что воюющей, схваченной за горло блокадой Сербии оказались нужны и памятники. Но не любые, а именно клыковский памятник преподобному Сергию, потому что у Сербии было впереди, и мало кто тогда это предвидел, свое, подобное Куликову, новое Косово поле. И не просто нужен: когда военно-транспортный самолет ВДВ с одним из первых взводов наших десантников-миротворцев, в который удалось тогда тайно от властей, закамуфлировав под боевую машину пехоты, погрузить памятник (самое сложное было провезти его на аэродром, который охраняли войска МВД), приземлился в Белграде, где его ждала представительная делегация от президента, патриарха, общественности столицы, в которой уже было определено место для памятника, как на взлетное поле вдруг ворвались военный тягач с автокраном, памятник быстро перегрузили на тягач, и он

умчался к растерянности встречающих в неизвестном направлении. Через несколько часов в эфир вышла радиостанция, которая сообщила, что памятник спрятан в надежном месте и что он будет предъявлен общественности только тогда, когда будет принято решение о его установке в городе Нови-Сад. Назревал крупный скандал, президент Милошевич грозил угонщикам суровыми мерами. Тогда Клыков после долгих раздумий пошел к патриарху Павле: «Ваше Святейшество! За Вами последнее слово. Может, такова воля Божья, чтобы памятник встал в Нови-Саде? Может, его жители более, чем в Белграде хотят, чтобы памятник Сергию встал именно там? Может, этого хочет сам преподобный Сергей?» После недолгого молчания святейший согласился. Так Игумен всея Руси и встал в Нови-Саде в прекрасном Дунайском парке, над тихой водой среди русских берез. Я вспоминаю, как мы искали место для памятника: несколько раз проехали и прошли город вдоль и поперек, хозяева города предлагали самые разные варианты: на площади, у храма, на другой площади, у другого храма, вроде бы одно место лучше другого, но Клыков был хмур и твердо говорил: «Давайте поищем еще!» Наконец вроде бы выбрали прекрасное место, но, когда поздно вечером, перед завтрашним ранним отъездом в Белград, собрались в застолье и градоначальник предложил тост за прекрасное место, где будет стоять памятник, Клыков неожиданно встал: «Нет, все-таки это не самое лучшее место. Давайте еще будем искать». — «Но когда? У вас же завтра самолет!» — «А прямо сейчас, ночью». И пошли искать прямо в ночь...

После неудачных ночных поисков возвращаясь в гостиницу, мы шли вдоль какой-то каменной стены. «А что за стеной?» — неожиданно спросил Клыков. «Дунайский парк». — «А ну-ка подсадите меня...». — «На противоположной стороне будут ворота». — «Подсадите...» —

нетерпеливо сказал Клыков. Мы вслед за ним полезли через стену, обвитую колючим кустарником. Перед нами лежало прекрасное озеро, в него вклинивался небольшой полуостров, на котором росли несколько развесистых русских берез. «Вот это место я искал...» Место на самом деле было прекрасное. «Мы не думали, что вам понравится место среди озера», — оправдывались хозяева. Все облегченно вздохнули и вернулись в гостиницу, чтобы продолжить прерванное застолье...

Нет, преподобный Сергей не спас Нови-Сад от страшных натовских бомбардировок, и Клыкову было суждено стать свидетелем их, но нравственной поддержкой в трудную годину он стал для многих, он свидетельствовал, что не вся Россия отвернулась от Сербии...

Не случайно, что первые крестные ходы из Кремля в наше время были на Славянскую площадь к клыковскому памятнику равноапостольным Кириллу и Мефодию. И если бы не клыковский памятник, вряд ли в то время они стали возможны, вряд ли одна из центральных площадей Москвы была бы переименована в Славянскую. Но, как оказалось, и другую сторону, или, как ныне принято говорить, оппонентов, клыковский памятник не оставил равнодушными, пройдет какое-то время и будет расстреляна в постаменте памятника Неугасимая лампада, зажженная от Благодатного огня от Гроба Господня и принесенная в Москву миссией Международного фонда славянской письменности и культуры.

Клыков по своим убеждениям был монархистом. У нас до самого последнего времени монархические воззрения всерьез не только не воспринимались, люди, решившиеся открыто объявить себя монархистами, принимались чуть ли не за сумасшедших. Но стоило Клыкову поставить в Подмосковье в селе Тайнинском (в Москве, видимо, по крайней тесноте места не нашлось!) памятник последнему российскому императору, царю-

мученику Николаю II, как его взорвали. И дело сие было не только и не столько рук юнцов-придурков из каких-то там красных бригад, кто-то, взрослый, не в шутку забеспокоившись, подсказал им это, потому как вдруг всерьез забеспокоились и неглупые люди из господ либералов, явно и тайно правящих страной, они вдруг увидели, что, несмотря на восемьдесят лет сплошного русского лесоповала, мысль о монархии, может быть, как единственно возможной форме правления для России, жива в народе. Одно время, когда совсем зашатался трон под их ставленником полоумным Ельциным, по подсказке начавшем «перестройку» со взрыва Ипатьевского дома в Екатеринбурге, видя, насколько стала ненавистна народу так называемая демократия, они всерьез стали подумывать об установлении — не в восстановлении! — в России опереточной лжемонархии, и один за другим кремлевско-масонские прохвосты, вроде Шумейко, публично с телеэкрана стали с некоторыми оговорками вещать о возможности восстановления монархии в России, а себя выдавать за убежденных монархистов. И срочно откопали в заграничном нафталине пресловутых наследниц российского престола, тесно связанных с богатейшими еврейскими и масонскими кругами США, включая банкирские дома, в свое время финансировавшие русскую революцию, Леониду Георгиевну и Марию Владимировну с ее отпрыском, правнуком предателя Престола вел. кн. Кирилла Владимировича, «принцем» Георгием, который срочно был объявлен цесаревичем. Две эти дамы сначала воровато, словно мышки-норушки, а потом все более нагло стали появляться в России, заявляя на нее свои права, в окружении липовых дворян из столь же опереточного Дворянского собрания (истинный дворянин Иван Сергеевич Аксаков в свое время выступил с проектом вообще упразднить дворянство как привилегированное сословие, стоящее над народом)

и в сопровождении всережимного, по обстоятельствам то красного, то белого, даже не придворного, как отец, а дворового Никиты Михалкова, впоследствии на полусогнутых бросившегося обслуживать предвыборную кампанию г. Березовского, как известно, очень большого друга русского народа...

Один из самых любимых мною памятников Клыкова — великомученице Елизавете Федоровне. В ней не было ни капли русской крови, но именно она своей земной и неземной, выбранной ею судьбой олицетворяет понятие «русский». Для русского националиста Вячеслава Клыкова понятие «русский» — не понятие чистоты крови, а отношение к Державе, к Православию. И для него, как и для меня, не русские — по паспорту русские Ельцин, Горбачев, Яковлев... И совсем не случайно, что Клыкову один из самых близких по духу людей — Верховный муфтий России Шейх уль-Ислам Талгат Таджуддин, именно он в растоптанной нынешней России еще на V Всемирном Русском Народном Соборе во всеуслышание первым сказал о Святой Руси не только как об историческом понятии: «Она не перестала быть Святой, поднимите головы, встаньте на ее защиту». Иерархи Русской Православной Церкви при этом застенчиво потупили взоры.

И не случайно, что памятник святителю Николаю Чудотворцу, одному из самых любимых русским народом святых, встал в Бари у русского православного храма именно в ту пору, когда стремящиеся к мировому господству пытались сравнить православных и мусульман, а Николай Угодник, как мы знаем, почитаем и мусульманами, как и Благодатный огонь от Гроба Господня свят кроме православных только для мусульман.

По возвращении из Рима я настойчиво звал Вячеслава Михайловича Клыкова на очередной XI Международном Аксаковском празднике, чтобы он увидел

перемены в аксаковском Надеждине и посадил там свое дерево. Но он остановил меня:

— Прости, но не могу. Мне дорог каждый день. Каждый должен стоять на своем месте. Нам ничего не нужно доказывать друг другу. До конца года еще многое нужно успеть. Мне не дает покоя образ Столыпина. Никто, наверное, сейчас более не нужен России, как Столыпин. А потом у нас впереди — Галлиполи...

Галлиполи — это была давняя его мечта. Еще двенадцать лет назад, пройдя на паруснике пролив Босфор и подходя к Дарданеллам, по пути в Солоники с Поклонным крестом Международного фонда славянской письменности и культуры, мы ночью по правому берегу увидели цепочку неясных огней.

— Галлиполи! — глухо сказал Клыков. — Турки теперь зовут его Галлиболу. Там теперь ничто не напоминает о трагическом стоянии 1-го Русского корпуса. Но турок за это особенно-то не стоит винить. Они сделали это по настойчивой просьбе Советского правительства.

На палубу поднялся знаменитый церковный хор под управлением Николая Гринденко, и наш походный священник отец Виктор, в прошлом летчик-истребитель, отслужил молебен по умершим вдалеке от Родины, в тоске по ней, русским и не очень русским по крови людям. И тогда Клыков дал клятву, что поставит здесь, на месте печального и строгого стояния ушедшего в изгнание 1-го корпуса Русской армии генерала Врангеля покаянный крест. А я тогда, может, впервые невольно задумался, почему в самую трагическую для России пору спасти ее жертвенно пытались по крови не очень русские люди: Багратион, Колчак, Врангель... Но ведь и самые что ни на есть русские по духу — Аксаковы по крови своей были тоже не очень русские люди.

«Быть русским!..» Так называется одна из статей приснопамятного митрополита Санкт-Петербургского

и Ладожского Иоанна, светоча Русской Православной Церкви второй половины XX века, кажется, единственного иерарха Русской Православной Церкви, своими проповедями и книгами сказавшего правду о леволиберальной революции середины XX века, укреплявшего дух русского народа в страшные 90-е годы. Спустя десятилетие русский народ благодарно помнит это. О многом говорящий факт: недавнюю панихиду по митрополиту Ротову в Санкт-Петербурге служили больше 10 епископов, при этом примерно столько же было в храме прихожан. И наоборот: на панихиде по митрополиту Иоанну была огромная толпа простого люду, но не было ни одного епископа. Митрополит Иоанн с Вячеславом Михайловичем Клыковым были из одного ряда великих подвижников земли Русской, для которых быть русским значило: бороться, несмотря ни на что, бороться до самой смерти. Толстовское непротивление злу насилием было противно их сути. Одна из статей митрополита Иоанна так и называлась: «Будь верен до смерти...» Эта строка из Святого Писания тоже полностью применима к Вячеславу Михайловичу Клыкову. И не случайно, что памятник великому архипастырю изваял именно Клыков.

Осенью 2002 года после вечера Аксаковского фонда в Международном Славянском культурном центре, ради которого Вячеслав Михайлович отложил все другие дела, мне приснился дурной, как потом оказалось, пророческий сон:

«Утром, как вчера договаривались, звоню, в мастерскую Клыкова, никто не отвечает. Наконец открывает дверь незнакомый заспанный и хмурый мужик — а раньше открывали верные помощники Клыкова Жан Дасполов, Саша Бочкаревили, Володя Тальков, брат Игоря Талькова — и недовольно спрашивает: «Вы к

кому?» — «К Клыкову». «А вы что, не знаете, что он с сегодняшнего дня на пенсии?». И страшно, и пусто на душе стало».

И утром, проснувшись, еще долго я не мог избавиться от этого тяжелого чувства.

Я долго не решался, но потом все-таки рассказал об этом сне Клыкову. Он промолчал, сделал вид, что пропустил мимо ушей, но что-то вроде тревоги промелькнуло в его глазах. Внешне ничто не изменилось в его жизни. Но он стал еще истовее работать, постепенно отсекая множество прежних дел, на что многие на него обижались, самые разные люди по-прежнему шли к нему со своими тревогами, надеждами, идеями, бедами. Кто только здесь не искал ответа на мучающие вопросы: разумеется, сербы, болгары и белорусы, ну конечно же, российские искатели истины. И не только люди искусства, а как раз больше политики и военные, не всегда согласные или даже несогласные с властью. Незадолго до его трагической гибели я столкнулся на лестнице с генералом Рохлиным. На мой молчаливый вопрос Клыков мрачно ответил: «Боюсь, что он подписал себе смертный приговор. Он, наивный, посвятил в свою идею свержения режима нескольких губернаторов, те, конечно, покивали ему, а не успела за ним закрыться дверь, побежали в Кремль, доложиться...» Позже Клыков поставит на его могиле памятник...

К 140-летию со дня рождения великого русского патриота и реформатора П. А. Столыпина встал клыковский памятник в Саратове, отделения Международного фонда славянской письменности и культуры по всей России — мы в Уфе первыми — провели столыпинские конференции. Неистово работал над памятником А. В. Колчаку для Иркутска, которого, в отличие от пламенных революционеров, палачей русского народа, до сих пор не реабилитировали. Как и почти все предыдущие памятники

Клыкова, памятник А. В. Колчаку, еще не встав на берегу Ангары, недалеко от того места, где его расстреляли и спустили в прорубь, не оставил людей равнодушными: в Иркутске несколько месяцев кипели страсти «за» и «против» установки памятника. И даже памятник Василию Макарычу Шукшину вставал не просто: областные чиновники хотели (боюсь, что после смерти Клыкова они возьмут реванш), чтобы Василий Макарыч смотрел на родину не сверху, с высоты Пикета, а сидя, купаясь в пыли, на перекрестке дорог. Доводы были самые разные: и что пожилым людям трудно будет подниматься на Пикет, и что памятник со временем под своей тяжестью все равно сползет с Пикета...

Постепенно это тяжелое, вызванное сном, чувство прошло. Но остался осадок, который время от времени напоминал о себе. Я видел, что Слава уставал. Как и его близкие, я пытался уговорить его, чтобы он не работал хотя бы по ночам, но он только отмахивался. Он никогда не обращался к врачам. Не был приписан ни к какой поликлинике. Он всем казался вечным. Сам себя он вечным не считал, потому работал по 18 часов в сутки. Он явно торопился, и в некоторых его работах стала чувствоваться поспешность. К нему по-прежнему шли люди, надеясь у него найти ответы на вопросы, ответов на которые не находили у других и ответов на которые, может, вообще нет.

Вячеслав Михайлович Клыков был человеком огромного гражданского мужества. Многие, что он начинал, часто поперек власти и бытующего общественного мнения, потом рано или поздно принималось обществом и этой же властью. Он поставил памятники великой княгине Елизавете Федоровне и царю-мученику Николаю II задолго до того, как Русская Православная Церковь их канонизировала. Он шел впереди своего времени, порой раздражая власть, и многие его не понимали, иногда

даже друзья. Все, что он задумывал, казалось, самое невероятное, рано или поздно осуществлялось.

Он был человеком огромного личного мужества. Знаю это по многим годам совместной работы в Международном фонде славянской письменности и культуры, по совместным командировкам, в том числе в теперь уже бывшую Югославию. Он не гнул спину ни перед какой властью, ни перед какими чиновниками. На официальном приеме он мог в глаза сказать президенту Милошевичу, чем грозит стране и ему лично его политика угодить нашим и вашим. Он не прятался в бомбоубежище во время американских бомбежек Югославии и, стиснув зубы, смотрел с набережной, как американские крылатые ракеты вонзались в мосты через Дунай в г. Нови-Сад.

Он был жестким, прямым и не всегда приятным в общении человеком, он был ортодоксален во всем — в любви, ненависти, дружбе...

Он был самым близким моим другом. Не очень пускающий кого-то в свою личную жизнь, он почему-то открылся мне, и для меня у него не было никаких секретов. Может, нас объединило и то, что еще в пору нашего первоначального знакомства мы неожиданно выяснили, что чудотворные иконы Божией Матери, окормляющие наши малые родины, наши гнезда, где мы появились на свет, он — в Курской области, я — на Южном Урале, явились миру и празднуются в один день: на 9-ю пятницу после Пасхи: Курская Коренная и Табынская, обе в смутное время начала XX века с частью русского народа ушли в изгнание, и обе до сих пор не вернулись на Родину, и оба мы считали, что, значит, мы еще не достойны их возвращения. До последнего времени, приезжая в Москву, я останавливался или у него дома, у милой Елены Сергеевны, в свое время ради его Дела бросившей театральную сцену, а чаще в его мастерской на Большой

Ордынке. Быть другом и соратником Вячеслава Михайловича Клыкова было не всегда удобно и даже не всегда безопасно. Наш приезд в Белград в 1991 году (небо над Югославией уже было закрыто блокадой, и мы добирались на поезде через Украину и Венгрию) вызвал истерию госпожи Митковой на НТВ. Отмежевываясь от Клыкова, тогдашнее козыревское российское посольство в Югославии официально в белградской прессе отказалось от нас: что делегация Международного фонда славянской письменности и культуры не представляет собой официальной России, что мы приехали как частные лица и что оно не несет за нас никакой ответственности, в том числе за нашу безопасность. То есть как бы было дано официальное разрешение или даже намек, потому как никто в Югославии мнения российского посольства по поводу нашего приезда не спрашивал, на наш отстрел. В Крыму, куда мы приехали на Праздник славянской письменности и культуры, нас в Симферополе усадили в автобус и вместо Севастополя отвезли в полузаброшенный пансионат на берегу моря севернее Евпатории и, заблокировав все дороги, держали там до окончания праздника, потому что украинские власти почему-то решили, что Клыков приехал поднимать Андреевские флаги на Черноморском флоте, хотя это в наши планы совсем не входило. Да и в Москве: однажды ночуя у Клыкова в его кабинете, я ночью услышал шорох шагов, кто-то осторожно вошел в кабинет, прошел к столу, осторожно рылся в его ящиках, я думал, что это Вячеслав Михайлович старается меня не разбудить, и не стал окликать. Но вот по лестнице слышались другие шаги, и копающийся в столе бросился к единственному окну, у которого стоял мой диван, и, перешагнув через меня на подоконник, спрыгнул на прилегающую к дому пристройку и побежал по крышам. Вошедший Вячеслав Михайлович включил свет: на моей простыне отпечатались следы грязных ботинок, на ули-

це перед этим шел дождь, ящики стола были открыты, все в них было перевернуто, но остались нетронутыми лежащие сверху деньги...

Да, кое-кто Клыкова, его деятельности не на шутку боялся, потому что в пору запланированного и удачно осуществляемого разъединения народов, в пору, когда слово «патриотизм» было отнесено к разряду ругательных слов, он, глубоко русский и православный человек, соединял народы и высоко поднимал знамя патриотизма и межнационального и межконфессионального российского согласия. Наконец, Международный фонд славянской письменности и культуры был наряду с Союзом писателей России учредителем, а сам Клыков — членом общественного совета журнала «Наш современник», на сегодняшний день, несомненно, лучшего и самого страшного журнала России.

После Ивана Аксакова остались статьи, многие из которых ныне читать страшно, все, что он предсказывал в конце XIX века, от чего предостерегал, — увы, все сбылось, даже более, чем предсказания Достоевского.

После Клыкова остались памятники, как в России, так и за ее пределами, своего рода путеводители — памятники тем, на кого мы должны опираться в духовной борьбе за Россию: великим первоучителям славянства равноапостольным Кириллу и Мефодию, великим охранителям России святым божьим угодникам Николаю Чудотворцу, Сергию Радонежскому, Серафиму Саровскому, Савве Сербскому, великим сынам России — Александру Пушкину, Федору Достоевскому, Ивану Бунину, Константину Батюшкову, Георгию Жукову, Николаю Рубцову, Василию Шукшину... Его Поклонный крест, несмотря ни на что, стоит на стыке России, Украины и Белоруссии, и каждый год десятки тысяч людей из трех республик собираются около него, по-прежнему чувствуя себя единым народом.

И после Ивана Аксакова, и после Вячеслава Клыкова славянство осталось духовно разорванным, и после одного и после второго братья-славяне подозревали и подозревают Россию в неискренности намерений. Оба — и Аксаков, и Клыков — в этом смысле были Дон Кихотами. Но оба до смерти были верными своей, может быть, осуществимой только на том свете идее. . .

В статье митрополита Иоанна «Быть верным до смерти!» приведены еще такие святоотеческие слова: «Человек есть олицетворенный долг!» Это тоже о Вячеславе Михайловиче Клыкове. Он свой долг перед Россией и перед славянством выполнил сполна. Может, как мне приснилось во сне, он с Земли отпущен на пенсию.

Всего масштаба потери мы еще не осознали. . .

Я полагаю, что смерть Вячеслава Михайловича Клыкова огорчила и некоторых, мягко скажем, леволиберальных демократов, выдвинувших против него несколько судебных исков, обвиняющих его в том числе в разжигании так называемой межнациональной розни. Так, они обвиняют Мэла Гибсона за его фильм «Страсти по Христу», а Мэл Гибсон всего лишь честно пересказал языком кино Евангелие — историю распятия и воскресения Иисуса Христа. Очень уж им хотелось увидеть Клыкова на скамье подсудимых, а может, даже в арестантской лагерной робе. А он вот таким, можно сказать, хитрым образом сбежал от ветхозаветного правосудия.

Президент России В. В. Путин, не забывший поздравить с юбилеем пошлого шута Жванецкого, никоим образом не выразил своего соболезнования по поводу кончины В. М. Клыкова — ни Международному фонду славянской письменности и культуры, ни родным и близким. Может, не подсказали лукавые царедворцы, может, принципиально не захотел. . .

**Блаженны страждущие,
ибо их есть Царство Божие**

«Скажу, что русская душа легче принимает смирение, чем другие, потому что она очень возвышенная, и наша православная вера беспрестанно напоминает нам эту заповедь: «Блаженны страждущие, ибо их есть Царство Божие...»

*Ирен де Юрша. В девичестве Ирина
Альбертовна Переяславльцева де Гас*

Бытует расхожая фраза «Увидеть Париж — и умереть!» Она подразумевает: беззаботным туристом увидеть Елисейские поля, Сену, Лувр, Монмартр, те же Мулен Руж и площадь Пигаль, разумеется, Эйфелеву башню, по моему глубокому убеждению, уродующую французскую столицу. Она — печальное свидетельство того, как с помощью пошлого пиара символом древнего по-своему прекрасного города можно избрать нелепое сооружение, нечто вроде опоры высоковольтных передач или нефтяной вышки.

«Увидеть Париж — и умереть!» В двадцатые же годы прошлого века эта фраза для несчастных русских беженцев в результате гражданской войны имела другой, прямой смысл: чудом оставшись в живых на Родине, после долгих скитаний добраться до Парижа и умереть здесь в тоске по России на купленном вскладчину кусочке земли под Парижем около городка Сент-Женевьев-де-Буа, сделав его тем самым известным на

весь мир. Но это еще лучшая доля. Сотни тысяч других не добрались до Парижа, легли одинокими, часто безвестными могилами на сотнях других кладбищ Европы. А еще были кладбища Китая, Латинской Америки, Африки, Австралии...

«Мой отец был французским гражданином, старшим из одиннадцати детей, двое из которых постриглись в монахи ордена траппистов монастыря Мон де Кат, возвышающегося на горе над Фландрской долиной близ бельгийской границы, а четверо стали монахинями-помощницами храма Святого Сердца. Он получил блестящее образование, сначала у иезуитов, затем в католическом университете Лилля. Он принадлежал к очень древнему роду, где было много генералов и артистов. Рано овдовев после брака с девицей Ле Бель де Сермез, от которой у него не было детей, мой отец решил попутешествовать, и где-то в 1895 году (это было время великого франко-русского альянса) путь его привел в нашу милую Россию, которая очаровала его. Он познакомился с моей матерью, Верой Александровной Переяславльцевой, в Ужебурге, одном из прибалтийских курортов, куда она приехала на летний отдых в сопровождении одной из сестер своего отца. Семья моей матери жила в Петербурге в особняке на Васильевском острове. В доме была прекрасная картинная галерея с полотнами Греза и скульптурами Торвальдсена, которыми любовался великий князь Константин, когда приезжал навещать моих дедушку с бабушкой; позже они были куплены Эрмитажем.

Мой дед по матери, князь Андрэй Федорович Переяславльцев, был тайным советником и начальником канцелярии Его Величества Александра II. Князя Переяславльцевы являются потомками Рюрика — через Святого Александра Невского, сын которого Димитрий был первым князем Переяславля-Залесского. Королева

Франции Анна Российская принадлежала к этому роду. Мою мать крестили в часовне императорского дворца, и крестным у нее был сам Его Величество Император Александр II. После свадьбы мои родители устроились в поместье Покровское, которое мой отец только что купил. Оно располагалось близ Аксенова в Уфимской губернии. Самые счастливые годы нашего с братом раннего детства прошли здесь...»

Эти строки из мемуаров Ирен де Юрша, в девичестве Ирины Переяславльцевой де Гас, дочери бывшего владельца Покровского Альберта де Гаса, в марте 2005 года мне читает, точнее, переводит служивший в Алжире капитан в отставке французской армии месье Aleksis Abakumoff, внук полковника по матери и капитана Белой армии по отцу Алексей Владимирович Абакумов — под потрескиванье камина в старинном французском замке XVI века (отсюда уходили в печально известные крестовые походы) недалеко от города Анже, что в трехстах километрах юго-западнее Парижа. За высокими решетчатыми окнами оглушительно шумит ливень, жена Алексея Владимировича, голландка Жаннет, протестантка по вероисповеданию, узнав о моем приезде, долго ломала голову, чем меня угостить-удивить, и в конце концов поставила передо мной этакую бадейку «русского салата», то есть винегрета (в какой-то кулинарной книге вычитала, что это самая любимая у русских еда). В левом переднем углу живописный портрет бывшей хозяйки замка Ирэн де Юрша, напротив меня сидит хозяин замка сухонький пожилой француз — месье Андрэ Саразэн де Гас, он приходится автору мемуаров не просто племянником, по настойчивым просьбам его написаны эти воспоминания.

— Вы непременно попробуйте местное вино, — угощал меня Алексей Владимирович, — Оно должно вам понравиться. Вон за тем лесом виноградник актера Де-

пардье, он знал, где приобрести, Вы знаете, после того как у них сгорела усадьба у вас в Уфимской губернии в Покровском, рядом с Аксеновым, по всему нужно было уезжать во Францию, тем более что они были французскими подданными, но Россия уже целиком завладела их сердцами... И читал-переводил дальше: «Так как от мысли устроиться во Франции отказались, родители приобрели новое поместье, тоже в Уфимской губернии, примерно в 15 верстах от предыдущей усадьбы. Я уже говорила, что мой отец был кем угодно, но только не рассудительным деловым человеком; думая, что делает выгодное помещение капитала, он просто-напросто дал себя обмануть. Вот что произошло: после продажи Покровского он одолжил очень крупные суммы одной из наших соседок по поместью, генеральше Шафрановой, которая жила на широкую ногу с двадцатью двумя слугами, похвалялась связями при дворе и предприняла создание в своем Шафранове санатория. Это казалось моему отцу наилучшим вложением денег до того дня, когда он узнал, что дама была вся в долгах и что все ее имущество было описано. Только Дворянскому банку она задолжала 30 тысяч рублей золотом. Мои родители потеряли много денег в этой досадной истории, но вступили во владение Шафрановым и санаторием, которым хочешь не хочешь — надо было управлять».

В судьбе этой французско-русской семьи есть что-то мистическое. На ней концентрировано сошлось все, что истинно связывало и, может, еще связывает истинную Францию с истинной Россией, начиная со времени королевы Франции Анны, дочери Ярослава Мудрого, и, может, кончая недавним бесспорно мужественным отказом французов от глобалистской евроконституции, показавшим, что они еще не потеряли национальной гордости и национального самосознания. Широко известна, но, скорее, символична в смысле реальной помощи Рос-

сии история авиаэскадрильи «Нормандия—Неман» в годы Второй мировой войны, но мало известна и прежде всего в России высокая и трагическая судьба Русского экспедиционного корпуса, его роль в судьбе Франции в Первую мировую войну. Не кто-нибудь, а маршал Фош, тогдашний верховный главнокомандующий союзными войсками на Западном фронте, именем которого, как у нас именем маршала Жукова, названы улицы во многих городах Франции, сказал: «Если бы ни Русский экспедиционный корпус, то Франции, как государства, не существовало бы на нынешней карте Европы».

— Вы знаете, — говорил мне Алексей Владимирович, — ее воспоминания были бы похожи на десятки других воспоминаний русских беженцев, если бы ни одно обстоятельство, что они написаны француженкой, к тому же принадлежавшей по отцу к одному из древнейших французских родов, но которая чувствовала себя русской более, чем многие стопроцентные русские и для которой судьба, будущее России были важнее всего на свете. Что еще удивительно: она писала о ряде мистических аналогий в истории России и Франции — о схожести революций, французской Вандеи и гражданской войны в России, в трагических судьбах Людовика XVI и Николая II: «...тот и другой были умны и образованны, бесконечно преданы своему народу и оба погибли как мученики, простив тех, кто принес их в жертву». Случайно ли, что по французскому образцу, словно под копирку, развивались революционные события в России? Случайно ли, что как в свое время во Франции, русский народ разорвали на белых и красных? Кто стоит за всем этим? И попытки защиты христианства — с белыми знаменами? Только во Франции на них было изображено Сердце Господне, а в России — Терновый венец.

Эта французско-русская семья успела пострадать от народной стихии, вызванной одним и тем же виру-

сом и во Франции, и в России: «Французская революция подвергла наш род многим испытаниям и осталась в детских воспоминаниях отца еще очень близким событием, которое не припоминали без страха; ему самому приходилось слушать рассказы родственников и друзей, оказавшихся свидетелями этих трагических событий; я помню, как после не менее трагической революции в России он говорил мне, что я узнала те же несчастья, что и одна молодая девушка из нашего рода во время французской революции. С тех пор я часто сожалела о том, что не записывала этих воспоминаний, которые были бы столь драгоценны сегодня. И именно поэтому, отвечая на горячие просьбы племянников, я оказалась перед чистыми пока листами, как школьница, стараясь снова припомнить прекрасные годы моего раннего детства в чудесном поместье в моей милой России, и ужасные времена тоже, увы, которые мне пришлось пережить во время страшной трагедии 1917 года. Я расскажу, какой там была жизнь маленькой француженки, о наших прогулках в лесах и заснеженных полях под веселые колокольчики троек, среди русских крестьян, которые нас любили и которых любили мы; сколько же из них пришлось узнать нищету и концлагеря. Мы вспомним Москву моей молодости, куда мы ездили на зиму, мы увидим там семью моей матери, балы высшего общества, а потом нашу жизнь загнанных зверей, в страшной нужде, ежедневно ожидающих смерти во время гражданской войны, когда моя мать и я, оставив отца в поместье, бежали на Дон».

Но начну с начала. Несколько лет назад через французское посольство, через живущую в Уфе гражданку Франции Нину Александровны Антонову поступило письмо примерно такого содержания: «Моя тетя в начале прошлого века владела под Уфой санаторием Шафраново. Сохранилась ли церковь в Шафранове? О ней она

вспоминала до самых последних дней своих и сделала по памяти ее рисунок. Если нет, то я мог бы вложить в восстановление церкви свою скромную лепту».

Долго ли коротко бродило это письмо, но в конце концов попала туда, куда, видимо, по Божьему промыслу и должно было попасть: к уроженцу Шафранова, в то время начальнику Главного социально-экономического управления Администрации президента РФ, председателю Попечительского совета Аксаковского фонда Виктору Александровичу Пчелинцеву. Отвечать во Францию было не просто. По той причине, что церкви давно не было. Одно время в ней была школа, в которой учился и Виктор Александрович, а теперь был лишь фундамент, да еще был, правда, настоятель не существующего храма, отец Исай.

Помимо административного телефона у Виктора Александровича, бывшего партийного работника, была душа, болеющая как за Большую, так и за Малую родину, и он, «пользуясь служебным положением», стал звонить то одному, то другому земляку, и если свести эти многочисленные звонки воедино, смысл их сводился к одному:

— Ну что, мужики, французу будем отвечать? Не стыдно нам будет за счет его церковь восстанавливать?

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается, но стараниями многих людей к сегодняшнему дню уже встали стены Божьего храма (к сожалению, по вине отца Исаия с опасными конструктивными и художественными отклонениями от первоначального проекта). И когда мне пришло приглашение участвовать в Парижском книжном салоне (увы, не в составе официальной российской делегации, прямо скажем, имеющей к российской литературе очень косвенное отношение, а в составе небольшой группы русских писателей по личному приглашению тогдашнего президента Фран-

ции Жака Ширака) с книгами «Мы — русские?..» и «Лестница в небо», которая заканчивается эссе «Крест мой?!» — о восстановлении аксаковских мест, Виктор Александрович насел на меня:

— Ты найди этого француза! «Спасибо» скажи, пригласи на очередной Аксаковский праздник, ведь если честно, если бы ни его письмо, кто знает, сколько бы еще лет раскачивались с восстановлением храма.

Все, что у меня было по прилету в Париж, это номер телефона. Это не так уж мало, если бы ни одно обстоятельство, что я не знаю французского, а месье Андрэ Саразэн — русского. Я попросил связаться с ним члена Попечительского совета Аксаковского фонда, тогдашнего сотрудника штаб-квартиры ЮНЕСКО в Париже Владимира Николаевича Сергеева.

— Неужели поедете один? — попытался он отговаривать меня, не имея возможности поехать со мной. — Не зная языка, триста с лишним километров до города Анже, потом еще куда-то в сторону. Ну, допустим, доберетесь, а как будете общаться с ним?

Чтобы успокоить Владимира Николаевича, я рассказал ему забавный случай из своей поездки в Сирию в разгар американских бомбардировок Багдада. Однажды в Дамаске, оказавшись вечером далеко от центра города и не зная арабского и схемы автобусного движения, я решил выйти на гостиницу, в которой жил, напрямик, сориентировавшись на гору Касьюн, возвышающуюся над городом. Было еще не поздно, но старый Дамаск, в который я скоро попал и улицы которого были так узки, что порой двоим трудно разойтись, был уже по-ночному пустынен. Но это меня не смутило, я был уверен, что более или менее точно выйду на свою гостиницу, абсолютное чувство ориентировки, выработанное в таежных и горных экспедициях, никогда еще не подводило меня. Неожиданно вышел на небольшую освещенную площад-

ку, на которой бил крохотный фонтанчик, около него несколько арабов вечерничали с кофе. Увидев меня, они немало удивились, а потом дружно замахали руками, приглашая присоединиться. Было бы нелепым в моем положении отказываться.

«Что, русский, заблудился?» — после довольно продолжительного и напряженного молчания неожиданно по-русски спросил один из них. «Да нет, — облегченно улыбнулся я. — А почему вы сразу решили, что я русский?» Араб перевел мой вопрос остальным, и все дружно засмеялись, переговариваясь между собой. «Они говорят, — перевел он уже мне, — что, Дамаск, конечно, не Багдад, но все равно: неужели американец или англичанин пойдет один по ночному старому Дамаску?!»

Мой довод показался Владимиру Николаевичу убедительным. По телефону они договорились, что месье Андрэ Саразэн будет ждать меня в г. Анже на перроне первым поездом около первого вагона с газетой «Фигаро» в левой руке. Все бы хорошо, только из-за забастовки лицеистов в Париже я опоздал на поезд и выехал только следующим. Но все-таки мы встретились. Молча пожали другу руки, молча сели в машину. Выяснив, что я не знаю ни английского, ни немецкого (за железным занавесом в великой стране Советов мы считали это не обязательным, пусть другие учат русский!), месье Саразэн стал куда-то звонить по мобильнику. Так оказался в нашей компании, точнее, мы в его, капитан в отставке французской армии служивший в Алжире месье Aleksis Abakimoff, внук капитана и полковника Русской армии генерала Врангеля, Алексей Владимирович Абакумов.

— Месье Саразэн — профессор Католического университета в Анже. Более того, можно сказать, что он чуть ли ни главный католик Франции, потому как Анже — центр французского католицизма. Но душа у него, точно, православная. Иногда мне кажется, что он

крестится по-русски. В 2003 году он издал воспоминания своей тети во Франции, написав к ним предисловие, он мечтал издать их в России. Он никогда не был в России, в нем нет ни капли русской крови, но всего его помыслы о России, о Шафранове, цела ли там церковь. Как вам точнее сказать: ему неуютно жить от мысли, что ее вдруг там нет.

Месье Саразэн повел меня в полуподвал замка. Это, по сути, музей. (Впрочем, весь огромный дом-замок представляет собой редкостный музей: доспехи крестоносцев, портреты предков, строго глядящих со стен, знамена, мушкеты, сабли, мечи.) И опять-таки в левом переднем углу напоминание о Шафранове: рисунок церкви, написанный по памяти его тетей, портрет ее брата, юного Дмитрия Гаса, в красной черкеске, с кинжалом. И рядом — скульптура юного Николая II на коне. Шафраново месье Саразэн пока представляет только по воспоминаниям своей тети:

«Не соперничая с Покровским, Шафраново было красивым поместьем, расположенным между горами и равниной, которую пересекала линия железной дороги в направлении Сибири, мы были в 120 верстах от Уфы, и у нас был маленький вокзал в конце сада; все пассажирские поезда останавливались здесь, и если мы решали поехать в Москву, нам достаточно было предупредить, и поезд дальнего следования, идущий из Уфы или даже из Сибири, останавливался, чтобы нас забрать. Скажу вам, что наши русские поезда, по мнению всех, кому случалось путешествовать, были самые комфортабельные в Европе: прежде всего не было неприятного запаха, потому что их топили дровами, а не углем, затем они были более широкими и просторными из-за большего межрельсового расстояния. Главный дом, одноэтажный, был новым и удобным; портик с колоннами выходил на крыльцо с лестницей из двадцати ступенек, которая про-

должалась широкой и длинной аллеей через весь парк. За домом простирались обширные сады. Что касается собственно деревни Шафраново, это был довольно большой поселок на выходе из парка с несколькими сотнями жителей — крестьянами, мелкими торговцами или трактирщиками. «Верхушка» была представлена аптекарем, учителем, тремя телеграфистами, начальником вокзала и священником — очень образованным для простого сельского батюшки. Церковь принадлежала, думаю, моим родителям. Но я не вижу ее в списке акта о собственности. Она, впрочем, была очень красивой, деревянной, увенчанной чудесной голубой луковицей. Бог знает, что с ней сделали местные большевики. Будем надеяться, что они ее не разрушили и что однажды можно будет снова прийти туда помолиться». Урожденной Ирине Переяславльцевой де Гас, которая в изгнании станет Ирэн де Юрша, хотя, если бы не Октябрьский переворот, она скорее стала бы Ириной Орбелиани, больше не суждено было прийти туда помолиться — и не только потому, что местные большевики, как она и предполагала, уничтожили шафрановскую церковь. С печалью о ней она ушла в мир иной, и чтобы ее душа там наконец обрела покой, ее племянник, «чуть ли ни главный католик Франции», поставил своей целью сделать все возможное, чтобы потомки шафрановских крестьян, с которыми она, несмотря на принадлежность к высшему свету, чувствовала родственную земную связь, снова могли бы прийти в шафрановскую церковь помолиться во спасение России и, может, поставить свечку и за упокой ее души. Ее рисунок шафрановской церкви с голубой луковицей племянник воспринял как ее духовное завещание. Или, как сказал А. В. Абакумов, ему неуютно жить на Земле без восстановленной Шафрановской церкви.

Церковь постоянно присутствует в ее воспоминаниях: «Вся деревня, средоточием которой являлась

церковь, была совсем новой, потому что Шафраново возникло и развивалось благодаря прокладке железной дороги. Я снова вижу, словно я покинула их только вчера, красивые избы, с окнами, обрамленными деревянными кружевами; их садики, эти знаменитые садики, которые только и оставил новый режим несчастным крестьянам. Крестьяне носили рубахи, темно-синие или черные поддевки. Зимой они надевали валенки, очень теплые и прочные сапоги из войлока. Татар же можно было узнать по их длинным кафтанам из черной шерсти; их женщины носили на голове платки и желтые платья с ожерельями из серебряных монет. Население, скажу я вам, жило в достатке».

Ничто так не определяет человека, как его отношение к людям, стоящим ниже по социальной лестнице: «Все слуги мужчины были татарами. Они были верными, честными, любили лошадей. Но они всем говорили «ты», даже хозяевам. И, как вы догадываетесь, моей матери к этому трудно было привыкнуть. Все слуги мужчины были магометанами; в деревне была небольшая мечеть, устланная большими зелеными войлочными коврами. Сын сторожа, Магомед, собирался жениться. Но по их закону он не должен был видеть свою невесту до свадьбы; моя мама повезла нас с братом на тройке к молодой девушке, которая жила в соседней деревне, чтобы вручить подарок. «Вспомним, что это были представители высшего петербургского света, что ее мать крестили в императорской часовне и что крестным был не кто иной, как сам Его Величество Император Александр II, а Его Величество Император Николай II в знак особого расположения дарил ее дяде золотой кубок, а великий князь Константин запросто бывал у дедушки с бабушкой. Но, обратите внимание, какая простота и человечность отношений: «В другой раз, помню, я мыла ноги одному батраку, который поранился во время работы».

Многим из русских, как тогда, так и нынче, на Западе все лучше, даже погода, из-за западоклонства, из-за этой закоренелой болезни Россия снова рухнула в бездну, а француженка Ирен де Юрша писала: «Летом, — а оно там чудесное, намного лучше, чем во Франции, где погода постоянно меняется, — приезжали пациенты на курс лечения. Многие из них принадлежали к высшему свету Санкт-Петербурга и Москвы; Шафраново принимало тогда праздничный вид: проводились балы, концерты, представления, даваемые артистами, приехавшими на курс лечения, давались обеды и угощения».

Особое место в ее воспоминаниях занимает брат Димитрий, и не случайно, что его фотография рядом со скульптурой Николая II: «Димитрий был превосходным наездником. Папа был его первым учителем верховой езды, но надо заметить, что ученик намного превзошел учителя; конечно, он обязан был этим также и своей дружбе с татарами. У него была настоящая страсть к лошадям; он даже писал — он был также одарен как художник — портреты своих любимых лошадей... От дружбы с татарами он стал настоящим юным кентавром: на полном галопе перебирался на другой бок под брюхом лошади или же подбирал монетку с земли. Он говорил, что не переносит английского седла и всегда пользовался казачьим. Надо сказать, что нас рано посадили на лошадь: его в пять, а меня в десять лет».

Начавшаяся первая мировая война, казалось, вот-вот кончится победой: «Вижу как сейчас военные поезда, которые останавливаются на нашей маленькой станции, это были полки из Сибири, и население их встречало овациями.

И вдруг катастрофа: 1917 год. Мы все по привычке толкуем о пользе просвещения. Но именно российское просвещение, университетское образование, щедро оплачиваемое государством, но попавшее в чужие, анти-

русские, антироссийские руки, вскормило революционеров, развалило страну — государство слепо взращивало на деньги крестьян своих убийц. Это страшное время Ирен де Юрша назовет временем слез. И именно в это время к ней придет любовь: «Мы с Дмитрием оставались в Шафранове всю весну 1917 года, потому что родители боялись московских беспорядков. Среди немногочисленных приехавших пациентов был молодой князь Алексис Орбелиани, лейтенант пехотной гвардии, племянник первой дамы в окружении Марии Федоровны, вдовствующей императрицы. Он сразу же подружился с моим братом. Но скоро потребовал моего участия в их прогулках или на теннисном корте: можете догадываться, насколько радужным в такой трагический период вдруг показалось мне будущее; по правде говоря, я никогда не встречала настолько воспитанного, красивого и предупредительного молодого человека. И в результате мы должны были объявить о нашей помолвке 5 октября в Москве. Но случилась революция. Алексис должен был выполнить свой долг в Белой армии; мы потеряли связь друг с другом, как со многими другими, кого любили. Я снова увидела его много лет спустя в Париже, где он был шофером такси. Я уже была замужем, и он умолял меня развестись. Это был очень тяжелый момент, но Мишель, мой муж, очень нуждался во мне, он страдал тяжелой депрессией, а я была не из тех женщин, кто изменяет своему слову. Сколько русских, как я, оказались разлученными с теми, кого любили!..»

А Дмитрий? «Он рассказал мне об огромных трудностях, с которыми ему пришлось встретиться в долгой дороге от Шафранова до Ростова. Я была поражена той серьезностью, с которой этот мальчик, едва достигший 16 лет, говорил о революционных событиях. Конечно же, так же, как и я, мама не одобряла того, что Дмитрий записался в Добровольческую армию: он был еще совсем

дителя, и, зная его благородный характер, мы хорошо понимали, что везде он будет брать на себя максимальный риск. Но его невозможно было переубедить; напрасно я говорила ему, что предчувствую, что все кончится катастрофой, он смеялся или отвечал мне, что ему самому очень тяжело не следовать нашим советам, но что это сильнее его и что он хочет сражаться за освобождение России. Мама, тоже не добившись ничего, решила дать телеграмму атаману Каледину, требуя, чтобы ей вернули сына, аргументируя тем, что Дмитрий еще несовершеннолетний. Потом она обратилась, так как мы были французскими гражданами, во французскую миссию, которую в Ростове возглавлял полковник Лючер. Полковник вызвал Дмитрия к себе; он напомнил ему, что, как француз, он должен служить во французском экспедиционном корпусе; он даже предложил ему поступить в кавалерийскую школу в Сомюре. Но мой брат дал ему прекрасный ответ, который будет стоить нам стольких слез: «Сначала я буду сражаться за родину моей матери, потом буду служить родине отца». Примерно четыре тысячи человек, разделенные на три полка, ушли 9 февраля из Ростова-на-Дону, полк, в который был определен разведчиком мой брат, состоял сплошь из офицеров под командованием генерала Маркова, «генерала в серой шинели», как его называли, который полюбил Дмитрия и называл его не иначе как «мой дорогой Дмитрий». Последние отряды армии покидали Ростов посреди ночи — я стояла на Садовом проспекте под густым снегопадом и смотрела до самого конца на их уход. Авангарды Красной армии уже обложили город, и я навсегда запомнила перестрелки на улицах, у кого были родственники в Белой армии, расстреливали прямо на улицах. Рядом с нашим домом была церковь, и священника расстреляли прямо на ее пороге. Мы не были местными, и нам удалось остаться незамеченными, и на нас не донесли».

Димитрий участвовал в знаменитом Ледяном Кубанском походе. Всего лишь один эпизод: «Однажды, кажется, 15 марта, им понадобилось в метель под вражеским огнем вброд перейти речку Черную, чтобы взять станицу Ново-Дмитриевскую: когда эти несчастные ступали на противоположный берег, их одежда мгновенно превращалась в ледяной панцирь и разбивалась как стекло. Именно из-за этого Димитрий получил страшный приступ ревматизма, вынудивший его на какое-то время вернуться к нам». (Вернувшись в Париж, я позвоню недавно почившей Марине Антоновне Грей, дочери генерала Деникина. «Вы, видимо, не читали моих книг, — скажет она, — я не однажды упоминаю там этого бесстрашного юношу, одного из доблестнейших рыцарей Белой армии»). Чуть встав на ноги, он снова в полку генерала Маркова и снова в разведке. Если кому приходилось читать воспоминания о гибели легендарного генерала Корнилова, то Димитрий, оказывается, был тем безымянным кадетом — свидетелем его гибели: снаряд попал в дом, выбранный Корниловым под штаб практически на передовой, «генерал Марков, который находился в соседней комнате вместе с Димитрием, поспешил к нему; они нашли его лежащим на полу, он еще дышал, Димитрий осторожно приподнял его голову, чтобы подсунуть подушку, но голова безвольно упала». (В Париже на Книжном салоне к нам с писателем А. Арцыбашевым подойдет пожилая женщина. Прочитав ее визитку, я осторожно скажу: «Простите, но, если не ошибаюсь, вчера на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа на могильной плите я прочел это имя». — «Да, вы не ошиблись, в позапрошлом году я похоронила мужа и рядом определила место для себя. Я — вдова внука генерала Корнилова. Я живу недалеко, приходите на чай, познакомлю с сыном Лаврушей — правнуком Лавра Георгиевича. Да, я храню зна-

мя Корниловской дивизии, его шашку, бурку, осколок, которым его убило. Разумеется, не дома, а в тайнике. Отдать в Россию, в Эрмитаж пока не решаюсь, с будущим России пока еще не все ясно»).

Воспользовавшись небольшой передышкой между боями, весной 1918 года Димитрий де Гас написал воспоминания о Ледяном походе. К несчастью, эта тетрадь родными была забыта при бегстве из Ростова. Потом была полтавская тюрьма в ожидании расстрела, счастливое освобождение. И снова он — доброволец в кавказском полку под командованием полковника Бредова, отчаянный поход на Киев. «Он был приписан, как простой разведчик к 4-й артиллерийской бригаде под командованием лейтенанта Юрши. Для того, чтобы не подводить нас, Димитрий взял фамилию Донской».

Она сообщает об этом факте как бы между прочим, не вникая в суть его. Да, родственников добровольцев расстреливали без суда и следствия, но ему, прошедшему страшный Кубанский Ледяной поход, вероятнее было бы взять фамилию Кубанский, как и любую другую. Но он, Димитрий де Гас — француз от отца и гражданин Франции, но по матери — потомок Рюриковичей! — в самую безнадежную для Белой армии пору в свои неполных 18 лет успевший пройти путь самых жестоких и безнадежных сражений — увидел себя новым Дмитрием Донским, спасающим Россию от нового, более страшного, чем монгольское, ига. В свои неполные 18 лет он по-юношески восторжен и не по возрасту мудр: «Даже Димитрий, восторженный Дмитрий накануне моего отъезда (помню это, словно происходило вчера) — мы были в моей комнате, стояли перед окном и Димитрий сказал мне: «Ты была права, мы проиграем. Теперь я это знаю, но не проси меня уехать с тобой, конечно, как француз, я мог бы сделать это, но с нравственной точки зрения это было бы дезертирством». Димитрий де Гас, понимающий

безнадежность Белого дела, мог бы уехать, но Дмитрий Донской не мог покинуть поле страшной и, может быть, последней русской брани.

Мне не дает покоя вопрос, почему в самую критическую судьбоносную для России пору ее спасти пытались не очень русские по крови люди: полутурок Колчак, полудатчанин Врангель, полукалмык Корнилов? Впрочем, и русскую национальную душу, русскую национальную идею выразили не очень русские по крови люди: полутатары Самарин, Хомяков, а братья Аксаковы вообще были по матери потомками пророка Мухаммада, не очень русскими по крови были Державин, Пушкин, Лермонтов, историк Карамзин. Не лишнее ли это свидетельство тому, что русский — не понятие крови, а может, вселенской идеи.

И лейтенант Юрша, ее будущий муж, был не очень русских кровей. Впрочем, она еще не знает, что он ее судьба: «Старше всех был лейтенант, этот симпатичный Мишель Юрша, которому стукнул 21 год три месяца назад. Он был для разведчиков скорее старшим братом, чем вышестоящим командиром, и позволял им подшучивать над собой по причине того, что не пил и не курил в то время (потом-то он наверстал упущенное!) и всегда носил с собой подушку, чтобы поспать, когда не был при исполнении служебных обязанностей. Он был, — несмотря на то, что по линии отца принадлежал к одному из наиболее древних родов Литвы и был выпускником весьма аристократического лица Александра, а затем дипломатического института Санкт-Петербурга, — воплощением самой простоты и к тому же с отличным чувством юмора. Он тоже был одним из лучших армейских кавалеристов; у него была красивая лошадь, гнедая в яблоках — и он удивлял всех товарищей своей невероятной отвагой. Их друг Жан Алешкин восхищался подобным хладнокровием и так отзывался о нем и моем

брате: «Их обоих можно было часто увидеть верхом: Юршу со скрещенными руками и Дмитрия с ним рядом, в казацком костюме, который он предпочитал мундиру, — под огнем, на самом виду у противника, и я говорил себе: «Почему ты боишься, ведь они не боятся?..» Она еще не знает, что Мишель Юрша судьбоносен для их семьи и в другом смысле: именно он пошлет Дмитрия в последнюю, безнадежную разведку: «Дмитрий был в это время в тридцати километрах от Киева в лесу Пущеводица. Они взорвали большевистский бронепоезд, но сами оказались зажатыми между линией железной дороги и рекой вместе с капитаном Яковлевым. Дмитрию удалось, поминутно рискуя жизнью, вывести всех вместе со стонущими ранеными через лес до моста Ирпень на Днепре, за которым они оказались в безопасности. За этот подвиг он был награжден медалью Ордена Святого Георгия (кадеты, пока не стали офицерами, не могли получать кавалерских крестов, за Ледовый поход он был награжден орденом Тернового Венца).

30 сентября 1919 года белые покинули Киев. Одним батальоном, в который входила и группа разведчиков, и двумя пушками пожертвовали, чтобы удержать красных до рассвета и дать возможность остальным войскам пересечь Днепр по железнодорожному мосту. С первого по седьмое число разведчики прятались в лесах без еды и воды. Его товарищ Жан Алешкин потом рассказывал мне, что для того, чтоб успокоить муки голода, они ели снег. Уже во Франции я узнала, что Мишель послал Дмитрия с одним кубанским казаком в разведку в деревню Вапнярку. У Дмитрия была все та же обожаемая им лошадь по имени Змейка; это была очень умная лошадь темно-каштановой масти, как сказал мне его товарищ Жан Алешкин, который живет теперь под Орлеаном, женившись на француженке, а дочь его — моя крестница. Дмитрий кормил свою лошадь прежде, чем

сам садился есть, и ухаживал за ней как настоящий хирург. Бедное животное было ранено несколькими днями ранее и не имело прежних сил, но Димитрий, очень привязанный к ней, отказался расставаться и взял ее с собой в разведку. Послышалось несколько выстрелов. Когда его товарищи прибыли в деревню, жители сказали им, что обоих всадников окружили «зеленые» и увели в лес. Мишель Юрша сделал все, чтобы найти Димитрия, но не нашел ни малейших следов ни обоих разведчиков, ни их лошадей».

Особо об отце. «Мой отец был талантливым поэтом и умел выражать свои чувства с большой тонкостью. Жаль, что он опубликовал мало своих произведений, особенно тех, которые написал, пересекая Сибирь с армией Колчака». Он был заметным человеком во Франции и в России. Во время Уфимской директории был назначен временным консулом Франции. Ему будет суждено вместе с белыми войсками войти в Екатеринбург и присутствовать при эксгумации останков императорской семьи. Перед посадкой во Владивостоке на корабль он повидается в Шанхае с двумя своими сестрами, христианскими подвижницами, монахинями Ордена Святого Причастия, которых он не видел тридцать лет и которые скоро окажутся в водовороте китайской революции. Удивительный был человек: с трудом говоривший на русском, потеряв в России все: жену, сына, состояние, «во время голода, организованного большевиками в России, он попытался передать помощь нашим крестьянам в Шафранове, но конечно же ему не удалось сделать этого».

Ее же дорога из Шафранова до Франции заняла — десять! — лет. И вот, наконец, Париж, до которого она через великие трудности добралась только в 1927 году. Если путь отца лежал туда через Владивосток, то ее — через Украину, Польшу. Но сначала был Кременчуг, куда

она попала в обозе отступающей Белой армии, где благодаря офицеру, знавшему брата, ее на носилках внесли в поезд Красного креста, идущий в Одессу, но там ее отказались взять на борт последнего парохода как безнадежно больную. Добавился тиф. Она попросила одного грека оценить бриллиантовое кольцо, которое ее бабушке подарил император Александр II, на другой день хитрый грек сокрушенно сказал, что кольцо пропало. В нее влюбился комиссар-большевик, который был готов на все ради нее и от которого тоже нужно было прятаться. И еще было много чего, прежде чем она попадет наконец в Париж. Десять лет она, гражданка Франции, добиралась от Шафранова до Парижа, начав жестокий путь юной девушкой, а закончив его, пройдя через величайшие потери и испытания, взрослым и умудренным человеком, чтобы, наконец добравшись, вдруг почувствовать себя безнадежно русской: «Я видела генералов, гвардейских полковников, которые стали мальчиками при лифтах или водителями трамваев, князей, состоящих в родстве с императорской семьей, ставших шоферами такси или балалаечниками!.. Скажу, что русская душа легче принимает смирение, чем другие, потому что она очень возвышенная, и наша православная вера беспрестанно напоминает нам эту заповедь: Блаженны страждущие, ибо их есть Царство Божие...».

Я жил в тот раз в Париже в дешевенькой гостинице между Монмартром и по-своему знаменитой площадью Пигаль. Если утром пораньше выйти на парижские улицы, можно поймать себя на том, что ты где-нибудь в Африке: мусорщики Парижа — негры, арабы. В двадцатые годы прошлого века эту роль выполняли русские. В тридцатые годы больше 50 процентов рабочих автомобильного завода «Рено» составляли русские. «Только мы, в отличие от негров, выполняли эту работу хорошо, добросовестно, безропотно, хотя французы в боль-

шинстве своем смотрели на нас как на дешевый рабочий скот, счастливо свалившийся на голову, ни на что не претендуя, не выпрашивая для себя никаких прав, а они теперь, видишь ли, бастуют, не хотят работать, они, видите ли, полноценные граждане Франции», — уже в этот мой приезд с печальной усмешкой говорила мне Татьяна Борисовна Флорова-Маретте, рассказ о которой впереди. «На вечеринке бывших офицеров случилось то, что определило мою судьбу: мой кузен Ипполит Комаров рассказывал однажды своим друзьям, что одна из его кузин только что вернулась из России. Он назвал мое имя, и другой офицер, который до этого слушал рассеянно, подошел к нему: «Прошу прощения, но нет ли у нее брата по имени Димитрий, который погиб в Добровольческой армии?» И вот таким образом несколько месяцев спустя в соборе на улице Дарю я стала супругой Мишеля де Юрша, капитана 2-го гвардейского артиллерийского полка». «Радости и печали — ничего — шли чередой. Мой любимый отец работал до самой смерти в 92 года; у моего мужа были приступы нервной депрессии после немецкой оккупации Франции, когда его преследовала мысль о том, что его могут насильно забрать в легион и заставить сражаться против СССР, который все же оставался Россией. Мишель умер в Париже в 1958 году и покоится вместе с моим отцом на нашем русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа... А пасхальной ночью племянник отводит меня на обедню в красивую часовню, творение великого русского художника Бенуа, потом мы идем чередой среди могил со свечами в руках, мы устанавливаем эти маленькие огоньки на могиле моего отца и мужа. Я говорю им: «Христос Воскресе, и мы тоже однажды воскреснем и мы найдем друг друга там, где нет больше ни боли, ни печали, ни стона, но только поклонение и радость». Однажды вы спросили меня: «Если бы вдруг вам отдали тех, кто убил вашего брата,

что бы вы с ним сделали?» Я ответила вам: «Простить слишком тяжело, но зачем причинять им зло? Но пусть их прячут от меня: видеть их мне было бы страшно, а месть никогда не приносила мира».

Мой отец написал что-то вроде завещания: «Без веры, освещающей и расширяющей наш мир, без покорности Божией воле, покорности, которая есть не только высшая мудрость и источник наших достоинств, но также смысл и честь нашего предназначения, без доверия душ, нас окружающих и помогающих нам нести наше сердце, без кротости и радости благотворительности и смирения, которые хранят нас в божественном покое и истине, давая нам понять, что нет ничего более тщетного и более обманчивого, чем гордыня и эгоизм, и без силы самопожертвования, единственного генератора нравственного прогресса и общественного счастья, жизнь не более чем ничтожная комедия, удовольствия, несправедливости и низости которой отвращают нас, и утешить могут только одиночество и молчание, эти последние прибежища человеческого достоинства».

«Как же она была хороша, наша Россия! Но, однако, теперь я не хотела бы вернуться туда, думаю, я плакала бы все время», — заканчивала Ирен де Юрша, в девичестве Ирина Переяславльцева де Гас, свои воспоминания. Она одинаково употребляла определение «наша» и по отношению к России, и по отношению к Франции, при написании своих мемуаров она вроде бы не задавалась высокой целью, она писала по просьбе племянников и только для племянников. Но один из племянников увидел в них нечто большее и, как истинный христианин, родственники которого под белыми знаменами с изображением Сердца Господня во Франции и с изображением Тернового венца в России пытались спасти монархию, видит в голубом куполе шафрановской церкви один из символов спасения и возрождения России. Он

на склоне лет своих неожиданно почувствовал (может, он предчувствовал недалекий свой конец?) острое желание наконец исполнить ее завещание: узнать, сохранилась ли православная церковь в Шафранове, и одной из жизненных задач своих поставил, чтобы она, если ее уже нет, непременно воскресла, без этого ему на свете почему-то неуютно жить. В нем, в отличие от тети, нет ни капли русской крови, он никогда не видел России. Но в нем, возбужденная ее воспоминаниями, жила тоска по России, в том числе и потому, что в исторических трагедиях России и Франции очень много схожего. Глубинным чувством он понимал, что будущее Франции далеко не радужно, если не встанет с колен Россия. До сих пор он видел только крошечную часть России: кладбище Сент-Женевьев-де-Буа, и его потрясло, что все его родственники, французы по крови и по гражданству, принципиально захотели лечь в Землю именно здесь, на этом маленьком кусочке России. Месье Андрэ Саразэн с радостью принял предложение приехать на очередной Международный Аксаковский праздник, ведь Шафраново в самых что ни на есть аксаковских местах, а генеральша Шафранова, основав кумысолечебный санаторий, последовала О. Г. Аксаковой, внучке С. Т. Аксакова, основавшей первую стационарную противотуберкулезную кумысолечебницу в Башкирии. Он только попросил разрешения взять с собой двух племянников, он хотел, чтобы не прерывалась связь поколений, чтобы и в их жизни сиял голубой купол шафрановской церкви.... Как и не прерывалась связь людей разных национальностей и вероисповеданий, так или иначе помогавших храму в Шафранове: православных, католиков, мусульман, атеистов, ибо Бог един, только разны наши понимания о Нем, как и пути к Нему, а почему так — великая тайна. И этот случай по своей нравственной сути и чистоте выше всяких даже самых высоких междуна-

родных договоров и соглашений. Кстати, в этой русско-французской, православно-католической семье никогда не было проблемы вероисповедания, все в ней было как до того, когда католическая церковь не откололась от православия: «Мы с Дмитрием были крещены по православному обычаю и воспитаны в православной вере. Разница в вероисповедании моих родителей никогда не вызывала ни малейших разногласий между ними: когда мы бывали в Москве, папа ходил к мессе во французский храм Святого Людовика, и иногда мы сопровождали его, но чаще всего он сам ходил с нами на православную службу». Его предки ходили в первые крестовые походы, а для его дочери, крестным матери которой был Его Величество Император Александр II, было естественным изучить татарский язык, который вроде бы был всего навсего языком батраков ее родителей и мыть поранившемуся батраку-мусульманину ноги. А ее брат Дмитрий только и чувствовал себя в естественной среде среди своих сверстников-мусульман.

Месье Андрэ Саразэн сделал все, чтобы эти французско-русские воспоминания прочитали французы, теперь он мечтал, чтобы их прочли в России.

Перед тем как оставить меня на углу улиц в г. Анже — теперь уже я должен был стоять с газетой «Фигаро» в левой руке (А. В. Абакумов объяснил мне: «В 3 часа у месье Саразэна заседание ученого совета, у него основной доклад, у меня — собрание офицерского клуба, к вам подойдет красивая особа, знающая русский: или очень юная, или ее мать, лет сорока пяти, чтобы показать город и потом проводить на вокзал»), — месье Саразэн засунул мне в карман конверт, надпись на котором мне переведет подобравшая меня на углу русская женщина, заброшенная во Францию русской катастрофой уже конца трагического для России XX века: «Мой скромный вклад в восстановление церкви в Шафранове».

— Расскажите мне поподробнее о месье Саразэне? — попросил я ее.

— А кто это такой? — в свою очередь спросила она.

— А кто попросил вас быть моим гидом по городу?

— Попросила подруга показать город приезжему русскому писателю, который не знает французского. Сама она не смогла.

В конверте, помимо тысячи евро, — напомним, что зарплата профессора провинциального университета во Франции не намного выше российской, — были еще 50 копеек царского времени, которые совершили с Ирен де Юрша десятилетний крестный путь из Шафранова до Парижа, а теперь они со мной должны были вернуться обратно.

По возвращению из Франции мы с В. А. Пчелинцевым поехали в Шафраново. К нашей неожиданности настоятель храма отец Исай не пришел в восторг от привезенных денег: «Вы еще не приехали, а впереди вас уже слух: какой-то француз дал на церковь миллион долларов. Потом с меня спросят, куда я его дел».

Решение пришло неожиданно. Я позвонил в Каменск-Уральский Николаю Пяткову, чьи колокола говорят от канадского города Анкоридж до Святой Горы Афон и по всей России, в том числе на родине В. Г. Распутина. «Этих денег на 100-килограммовый альт, конечно, не хватит, но по такому случаю я не буду мелочиться». Кроме иконы Николая Чудотворца месье Саразэн попросил отлить на колоколе: «В память о семье де Гас, жившей в Шафранове в 1910—1917 годы и беззаветно любившей Россию. Дар Андрэ Саразэна де Гас. 2005 г. Франция»

Мы надеялись, что в недалеком будущем все, кому придется ехать на поезде на восток по Великой Транссибирской магистрали, примерно через полчаса после ст. Аксаково, после сразу мелькнувшего за ней слева храма Димитрия Солунского в аксаковском селе с сим-

волическом названии Надеждино поезд простучит через маленькую станцию Шафраново (теперь здесь останавливаются только электрички), увидят голубой купол храма Никола Чудотворца — цвета праздников Пресвятой Богородицы, земным домом своим выбравшей Россию и, как мы самонадеянно считаем, под спасительным Покровом которой мы живем, не задумываясь, достойны ли, не лишились ли мы уже Его. Правящий архиерей не читал воспоминаний Ирен де Юрша, проникнутых, как пишет в предисловии к ним ее племянник, «почти религиозным культом императора Николая II», но случайно ли, что придел строящегося храма освящен во имя Святого новомученика Царя страстотерпца Николая?..

Кстати, летом 1925 года в Шафраново собирался на кумыс Сергей Есенин с Софьей Толстой (ее великий дед в свое время, очаровавшись башкирскими степями, чуть не переселился в Приуралье), но П. И. Чагин, приехавший в Москву по делам, уговорил поехать их на Кавказ, откуда Есенин вернулся нервным, раздраженным, может быть, случайная или неслучайная ночная встреча на Кавказе в поезде с небезызвестным большевистским террористом Яковом Блюмкиным, который угрожал ему пистолетом, а перед этим на него было заведено несколько уголовных дел, обвиняющих его в антисемитизме, заставила его в скором времени броситься, в надежде перебраться через границу, в Петроград, где он будет убит в гостинице «Англетер», и убийство будет закамуфлировано под самоубийство. В Великую Отечественную войну в Шафранове формировалась одна из дивизий Красной Армии, в полки и батальоны которой влились и бывшие батраки Ирен де Юрша, тогда еще Переяславльцевой де Гас: русские крестьяне из Шафранова (а в самом Шафранове будет военный госпиталь) и крестьяне татары и башкиры из соседних деревень, которым Альберт Гас пытался помочь в голодные годы,

многие из них тоже лягут за други своя без вести пропавшими в российскую землю, Жуткий парадокс, кому довелось, перешагнув с боями границу, лечь в чужой земле, похоронены если не с христианскими, то с воинскими почестями и преданы земле. Напомню, что в России до сих пор лежат не захороненными 50 дивизий без вести пропавших русских солдат, это ничуть не мешает нам жить. Видимо, нашим истово крестящимся атеистам в Кремле не дано понять, что могилой Неизвестного солдата и строительством копии Храма Христа Спасителя, который возводился в память погибших в Великой Отечественной войне 1812 года, не откупишься, что есть вещи мистические, иррациональные, что не для красного словца были сказаны — свыше! — устами великого Суворова слова, что война заканчивается только тогда, когда предан земле с христианскими или мусульманскими почестями последний солдат. Как и не дано им, видимо, понять, что советская власть рухнула не только в результате подрывной революционной деятельности либерал-демократов вкупе с ЦРУ, а прежде всего потому, что она кощунственно-цинично отгородилась от павших за други своя, за Родину солдат.

Только и остается повторить: «Блаженны страждущие, ибо их есть Царство Божие».

«Как же она была хороша, наша Россия!..» — восклицает полуфранцуженка Ирен де Юрша, потерявшая в России мать, любимого брата, жениха — растоптаны юность и мечты о счастье, пробиравшаяся через захваченную большевиками Россию до Парижа страшных десять лет и после всего этого не только не возненавидевшая Россию, а полюбившая ее еще больше особой безысходной печальной любовью. Это крик души, который она выносит в название своих воспоминаний. Этот крик души похож на крик смертельно раненого лебедя

при виде поднявшейся на крыло стаи, улетающей на родину, которую он больше никогда не увидит. Но она, в отличие от того лебедя, знает, что туда рано или поздно вернется ее душа.

Каково же было обаяние России, если представитель одного из древнейших и знатнейших родов Франции некто Альбер де Гас, попав в нее после путешествия по многим, в том числе по самым экзотическим странам, вдруг почувствовал, что душа его наконец обрела свой земной дом? Ну, влюбился в светскую красавицу, представительницу древнейшего русского рода, но мог обосноваться в столичном Петербурге, наконец в Москве, а он купил поместье в приуральской глуши в никому неведомом Аксенове и был беспредельно счастлив. Его любовь к России была так глубока, что он не оставил ее, когда у него в Аксенове дотла сгорел усадебный дом и, по всему, нужно было возвращаться во Францию, а купил другое имение в той же приуральской глуши вместе с огромными долгами и обременительным для хозяйства санаторием Шафраново. Он не возненавидел Россию даже тогда, когда в Гражданскую войну вынужден был через Владивосток бежать из нее, потеряв в ней все: жену, сына, некогда огромное состояние, он десять лет ничего не знал о дочери, потерявшей в ее безграничных просторах. В страшные голодные двадцатые годы он даже пытался посылать деньги своим бывшим батракам-крестьянам, по наивной доброте своей полагая, что они никем не перехватываются в пути, и по невозможности вернуться в Россию, которая тогда уже называлась, подобно США, сатанинской аббревиатурой — СССР, завещал похоронить его не на родовом старинном французском кладбище, где хоронили его предков, начиная, кажется, с XIV века, а на мистическом кусочке России во Франции, кладбище чудом избежавших смерти русских изгнанников — Сент-Женевьев-де-Буа под Пари-

жем. Я буду искать его могилу по богатому надгробью, помня о его древнем роде и огромном богатстве, забыв, что он умер полунищим, до 92 лет своих зарабатывая на хлеб переписыванием в какой-то конторе бумаг. Здесь же завещал похоронить себя его зять, отпрыск древнейшего литовского рода, капитан Белой армии, так и не принявший французского гражданства и умерший гражданином Российской империи. Здесь же, рядом с отцом и мужем, рядом с тысячами несчастных русских беженцев ляжет последней она, передав свою беззаветную любовь к России своему племяннику — чистому французу, никогда не видевшему России, но мечтающему, чтобы снова встал православный храм в глубине ее. Все это — лишнее доказательство тому, что русский — понятие не крови, а отношения к России.

Иначе говоря, русский — это тот, кто любит Россию.

Оказавшись снова в Париже, я с удивлением узнаю о целом поселении под Парижем калмыков. За особую преданность России, Белому царю их особенно ненавидели большевики, даже казаки не подвергались такому поголовному истреблению, и калмыки-буддисты уходили вместе с Белой армией не только семьями, а целыми улусами. Для меня они тоже — русские люди.

Русские кладбища за рубежами России...

Кладбища Белой Армии, существование которых до последнего времени от нас предпочитали скрывать, словно все белые не только душой, но и телом сразу вознеслись на небеса. И кладбища Красной Армии времени Великой Отечественной войны. Сразу скажу, что русские кладбища за границей, будь то Белой или Красной армии, мягко говоря, содержатся лучше, чем в России, боюсь, что это имеет самое прямое отношение к нашей национальной сути. Что касается Гражданской войны, получилось вроде так: белые легли за рубежами России, а красные — в самой России. Но сотни тысяч, а может,

и миллионы белых, то есть подавляющее большинство их, лежат все-таки в России, но их могилы, если их можно назвать могилами, поруганы, затоптаны, от них не осталось и следа. Ну ладно, это вроде бы классовые враги. Но самое страшное в том, что и сотни тысяч, а может, и миллионы красных — солдат Великой Отечественной — лежат в России до сих пор вообще не погребенными. Это одно из самых циничных преступлений большевиков, доказательство того, что русский, российский человек для них — только средство для достижения своих далеко не русских, не российских целей. В 1988 году во время одного из первых Праздников славянской письменности и культуры, проходившем в Великом Новгороде, в сопровождении местного жителя, идя за ним след в след, я через минные поля вошел в страшный Мясной Бор, в XX веке жутким образом оправдавший свое древнее название, где лежали не захороненными и оболганными десятки, а может, сотни тысяч солдат Второй Ударной армии. А потом я узнал, что десятки тысяч солдат Великой Отечественной лежат под Юхновым, Ржевом, под Малоярославцем — чуть ли не у самых стен Кремля. Прошло более полувека, но мало что изменилось с тех пор. Прикрывшись циничным лозунгом «Никто не забыт, ничто не забыто», откупившись пышно-торжественным захоронением у кремлевской стены Неизвестного солдата, как прежняя, так и нынешняя власть отгородились от павших солдат, только несколько сотен мальчишек, в сердцах которых стучит память, на свой страх и риск до последнего времени занимались этим скорбным делом. Только в последние годы у нашей власти, кажется, шевельнулась совесть, по крайней мере она не стала мешать этим мальчишкам, которые и есть истинное будущее России. Пропавшими без вести мы потеряли в Великой Отечественной войне более 5 млн человек, если продолжать поисковую

работу такими же темпами силами только молодых патриотов, то на это понадобится более 100 лет! Может, начинать поднимать Россию нужно было не с номенклатурного Храма Христа Спасителя, строительство которого по своей нравственной сути не имеет ничего общего со строительством прежнего — с миру по копейке! — истинного Храма Христа Спасителя, а с всеобщего покаяния — вселенских солдатских похорон. Только в год 60-летия Великой Победы наконец в Мясной Бор приехал сказать добровольцам-поисковикам «спасибо» тогдашний российский министр обороны И. Иванов в странной форме, подобно той, в какой военнопленных вермахта в 41-м прогоняли по Красной площади.

Почему-то получилось так, что, оказываясь за пределами России, я всегда выкраивал время, чтобы попасть на русские кладбища. Нет, не потому, что искал на них своих родственников. Мои родственники, солдаты Великой Отечественной, скорее всего, легли в землю или до сих пор лежат не погребенными в России, потому как призванные в первые дни и месяцы войны, погибли или пропали без вести еще в сорок первом и сорок втором годах. Впрочем, кто-то из них мог погибнуть в одном из немецких концлагерей.

Впервые русские могилы Белой армии за рубежами России я увидел в Болгарии в 1991 году в д. Шипка под легендарным перевалом: здесь, под сенью храма-памятника, заботой монастыря в пансионате доживали свой век престарелые офицеры Белой армии, в юности участвовавшее в знаменитом Шипкинском сражении, они воевали на Шипке юными прапорщиками и, вынужденные под страхом смерти покинуть Россию, попросили здесь последнего пристанища уже полковниками, генералами. В советское время болгарские власти стыдливо прятали это кладбище за плотным забором, туристов из СССР старательно обводили стороной, а директор пан-

сионата генерал-лейтенант Бредов в 1945 году был интернирован в СССР, где погиб в концлагере. В 1991 году на некоторых могилах еще можно было прочесть таблички на крестах: полковник Василий Васильевич Луговенко (1935), генерал-майор Николай Дмитриевич Мануйлов (1932). Через пять лет я снова побывал там, от кладбища уже почти не осталось и следа: кресты повалены, могилы затоптаны. Сколько было в моих силах, я прибрал кладбище. После этого, прилетая в Болгарию, я каждый раз по возможности стараюсь попасть на это печальное кладбище, чтобы хоть немного привести его в порядок. В последний раз это было летом прошлого года во время съемки документального телефильма «Иван Аксаков и Болгария». С режиссером фильма Венерой Юмагуловой, членом Попечительского совета Аксаковского фонда Вячеславом Аброщенко мы несколько часов прибирали кладбище. Незадолго до этого на Шипке побывал В. В. Путин. Разумеется, что к его приезду болгарские власти тщательно подготовились, окрестности храма-памятника в радиусе пятидесяти метров буквально были вылизаны, уезжая, он и не подозревал, что всего в сотне метров от храма в чаще кустов — преступно забытые могилы. Русская женщина, заброшенная в соседний городок Казанлык превратностями судьбы, прототип Прекрасной Валентины в одной из моих балканских повестей, в первый мой приезд отдала мне уникальные реликвии — раздаточные листы пожертвований нищенствующим последним русским беженцам: «Я не отдала их в руки чиновников бывшего советского посольства, не хочу отдавать и чиновникам российского, они мало чем отличаются. Решай сам, куда их определить». Я определил их в фонды Мемориального Дома-музея С. Т. Аксакова в Уфе, его сын Иван Сергеевич, великий славянин, по крови больше турок, в свое время подвигнул русские правительство на освобождение болгар.

Почти треть кладбищ Сербии — русские могилы. Спасибо Сербии, что приютила десятки тысяч русских беженцев. Это малая плата за то, что, заступившись за Сербию, Россия вступила в первую мировую войну — и тем самым подписала себе смертный приговор. При этом надо сказать, что Белград построен русскими архитекторами, русскими учеными организованы медицина, наука, образование, культура, регулярные русские части охраняли сербов до самой Второй мировой войны от усташей-хорватов. В Белграде в Русской церкви покоится прах одного из выдающихся лидеров Белого движения — генерала Врангеля. Сразу скажу, что в Сербии мне пришлось видеть и новые русские могилы: русских добровольцев 90-х годов теперь уже прошлого века.

Храм Святой Троицы не случайно стал объектом «благотворительных» американских бомбардировок и пострадал от них. Оказавшись в Белграде в мае 2003 года в составе делегации Международного фонда славянской письменности и культуры по приглашению патриарха Сербского Павле (в Сербии в это время не было ни одной легитимной ветви власти, и в целях спасения страны патриарх призвал к Крестному ходу национального спасения: через весь город к собору Саввы Сербского шли наследный принц, не легитимные президент, премьер-министр, парламент, лидеры политических партий, войска, полиция), я рано утром поспешил к ней: она была еще в лесах. Самое первое кладбище Русского Исхода было в Турции, в Галлиполи. В мае 1994 года, в самый разгар перестройки, чуть не превратившейся в перестрелку, мы ночью при полной луне подходили к нему на паруснике по пути к Святой Горе Афон, что потом идти дальше, в Салоники в Грецию. На палубу поднялись наш походный священник отец Виктор, в прошлом летчик-истребитель, знаменитый хор Анатолия Гринденко, чтобы отслужить молебен.

Кладбища уже не было. Но не нужно особенно-то винить за это турецкие власти, так как кладбище было уничтожено по просьбе советского правительства, с которым промасонское, лжеисламское правительство Турции ходило в больших друганах. А памятник умершим на Галлиполи в тоске по Родине русским воинам позднее уничтожит землетрясение. Почему Господь попустил тому? Но это будет уже после того, как галлиполийцы рассыплются по всему миру, прежде всего через Сербию и Болгарию, чтобы лечь на чужих кладбищах, в том числе особой кастой на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа, о котором разговор впереди. Кстати, на судьбы офицеров Белой армии похожи судьбы и многих офицеров Советской армии времени так называемой перестройки, оказавшихся ненужными новой власти. Я встречал их в той же Сербии. Достаточно назвать имя Александра Шкрабова, бывшего майора морской пехоты Советской армии, легендарного командира русских добровольцев, известного в Сербии под именем Саши Руса, погибшего под Сараевым. Другие попытались приноровиться к новому времени. О судьбе одного из таких офицеров времени перестройки я сейчас расскажу. Когда мы из Салоник через неделю на своем паруснике возвращались обратно, эфир был наполнен сообщениями, граничащими с ликованием, о возможной российско-украинской войне за Севастополь. Надо сказать, что и туда мы уходили уже не из Севастополя, как первоначально планировали. Наш парусник при подходе к нему ни с того ни с сего таранил в борт какой-то буксир незалежного украинского флота, кроме всего прочего были снесены кормовые фонари, без которых невозможен выход в нейтральные воды. Парусник вынужден был зайти на ремонт на тогда еще российскую военно-морскую базу радио- и космической разведки под Евпаторией, откуда мы в сопровождении эсминца глубокой ночью ушли к Босфору. И вот

теперь на обратном пути в четырехбалльный шторм мы болтались больше суток в неизвестности в нейтральных водах: Севастополь был блокирован, нашему паруснику, приписанному к Одессе, украинские власти не разрешали идти в Новороссийск, и в то же время они запретили нас, проклятых москалей, высаживать в Одессе. Только ночью нас неожиданно срочно подняли по сирене: через пятнадцать минут быть готовыми к высадке — скоро подошли российские пограничные катера и через час выбросили нас на причал Евпатории, откуда мы потихоньку выбрались на симферопольский вокзал. Перед посадкой на катер меня отозвал в сторону капитан парусника Борис Кремлянский (где он сейчас? сам парусник, я слышал, плавает ныне то ли под либерийским, то ли под нигерийским флагом):

— Перед тем, как решить окончательно вопрос, ваши погранцы почему-то запросили по радиации данные вашего паспорта. Только вашего. Это Вам ничем не грозит?

В ответ я недоуменно пожал плечами. Пока катер, зарываясь в волну, шел к крымскому, увы, уже не российскому берегу, я еще с некоторой тревогой помнил об этом, а потом благополучно забыл. А через несколько лет в Уфе однажды по пути на работу я неожиданно обнаружу за собой «хвост»: два крутых джипа, не маскируясь, нагло, поворот за поворотом катили за мной. Сначала я засомневался: кому я нужен, нищий русский писатель, но на всякий случай для проверки крутанул вокруг квартала, еще раз — сомнений не было: «хвост» был мой. Тогда я остановился на виду поста ГАИ и стал ждать крепыша лет сорока пяти, вышедшего из первого джипа:

— У вас ко мне какие-то вопросы? — спросил я.

— Вы меня не узнаете? — неожиданно улыбнулся крепыш. — Ничего удивительного, столько времени пролетело, даже уже в другой стране живем. Помните студента О. Б., который у вас в газете практику проходил??

И я вспомнил:

— А потом ты куда-то неожиданно исчез.

— А я бросил журналистику, она хоть и вторая по древности профессия, но мало отличается от первой. По крайней мере, такие журналисты в то время начинали вступать в моду. Я поступил в военно-морское училище. А так как, вы знаете, мой отец был полковником КГБ (у вас были с ним какие-то служебные недоразумения, за что вы меня недолюбливали), у меня была безупречная биография, не говоря уже о том, что училище я закончил с красным дипломом, то я уже через несколько лет я оказался под именем Рауля Родригеса в должности первого заместителя командующего военно-морским флотом Никарагуа. До прошлого года командовал пограничным флотом в Черном море, в прошлом году раньше времени вышел в отставку в чине контр-адмирала. Кстати, вы мой должник. Помните, болтались вы в 1994 году на парусной шхуне на Черном море в нейтральных водах?..

— Помню, — недоуменно протянул я.

— Доложили мне, а я говорю: пусть болтаются, не до них. Но тут принесли мне список команды. Смотрю, ваша фамилия, Может, однофамилец? Запросил у капитана подтверждение, тогда сказал своим: «Заходите ночью в нейтральные воды, выручайте мужиков». Сейчас вот создал в Москве свою фирму, занимаюсь нефтяным бизнесом. Знаю про ваш Аксаковский фонд, думаю, что в недалеком будущем смогу помочь.

— Кровавое это дело — нефть, — вздохнул я.

— Все нормально, мы работаем легально, все офицеры спецслужб, вчера я был на приеме у президента, он близко знал моего отца. Буду в Уфе 19 января, вот тогда и обговорим наше сотрудничество.

19 января он не подъехал. Не подъехал и позже. Грешен, не очень хорошо я подумал о своем бывшем практиканте.

А потом раздался междугородний звонок. «К вам должен был подъехать О. Б. Не думайте о нем плохо, он человек слова, но сегодня сорок дней, как его расстреляли из автомата Калашникова в собственном подъезде».

Недавно в одной из газет прочел, что это было дело рук серийного киллера, бывшего офицера-подводника Пуманэ. Куда дальше: моряк убил моряка...

Потом я увижу кладбище Русского экспедиционного корпуса в Салониках в Греции: аккуратное, ухоженное, хранителем которого был 103-летний русский солдат этого корпуса. Точнее, хранителем был уже его сын, а он тихо и достойно доживал у могил своих забытых на Родине однополчан. К стыду своему, тогда я впервые и узнал о судьбе и роли Русского экспедиционного корпуса в Первой мировой войне. Другое кладбище Русского экспедиционного корпуса находится во Франции в городке Мурмилоне под Реймсом. К сожалению, я не смог до него доехать, ограничился встречей в Париже с князем С. С. Оболенским, председателем Общества памяти офицеров Русского экспедиционного корпуса, я был ограничен во времени, и нужно было выбирать: или ехать в Мурмилон, или к месье Андрэ Саразэну. О Русском экспедиционном корпусе, спасшем Францию во время Первой мировой войны, вновь вспомнили как во Франции, так и в России недавно, после замечательного фильма «Погибли за Францию» кинодокументалиста Сергея Зайцева. Впервые оказавшись в Иркутске по приглашению В. Г. Распутина, рано утром, когда город еще спал и не у кого было спросить, по какому-то наитию я точно выведу Сергея на берег Ангары на место расстрела адмирала А. В. Колчака. Большой деревянный крест. На фотографии на кресте — пулевые пробоины. Даже мертвый, А. В. Колчак кому-то не давал покоя. Неужели Гражданская война в России до сих пор не закончилась?..

Мы много кого спасали и много кого спасли: Францию, Сербию, Болгарию (чтобы потом болгары бегали с лозунгом: «Лучше турки, чем русские!»), недавно вон в Тбилиси носились с лозунгом: «Буш, спаси Грузию!» и спасти Грузию Буш должен был от России. Во время Второй мировой войны — Англию, Китай, даже много веков мечтающую о гибели России Польшу. Позже — Кубу, Вьетнам. Мы много кого спасали, по доброте или простоте своей, которая, как мы сами знаем, хуже воровства — только не спасли себя.

Но, наверное, самое мистическое, что ли, в смысле русской судьбы и внутреннего русского раздора — русское Ольшанское кладбище в Праге. Кажется, даже мертвые, русские не нашли здесь примирения. Слева и справа от белокаменного православного храма лежат воины и мыслители Белой России, в том числе великий евразиец П. Н. Савицкий. В другом конце кладбища — воины Красной армии, бравшие Прагу 9 мая 1945 года. Между ними на небольшой полянке над неровно заброшенным заросшим рвом обвитый колючей проволокой огромный черный крест. Мало кто знает, что русские в 45-м брали Прагу дважды. Под этим крестом лежат солдаты восставшей дивизии полковника Буняченко из так называемой Русской освободительной армии (РОА) генерала Власова, отчаянным штурмом бравшие Прагу 7 мая по мольбе братьев-чехов: «Спасите красавицу Прагу, а мы за это предоставим вам чехословацкое гражданство», и наутро преданные братьями-чехами: «Спасите красавицу Прагу, уходите до подхода Красной Армии». И в этом наспех заброшенном рву — черный крест, обвитый колючей проволокой, поставлен недавно — лежат погибшие вовремя штурма Праги и расстрелянные позже НКВД прямо в больничных койках оставленные в госпиталях тяжело раненные, когда дивизия Буняченко вынуждена была оставить город.

И вот, побывав на многих русских кладбищах Европы, я оказался на знаменитом русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем. Оно, наверное, единственное широко известно. Я попытался фотографировать могилы со знакомыми фамилиями, мне не хватило трех пленок. Нужно побывать на нем, чтобы представить масштабы Русского Исхода, хотя оно — только малая часть его. Русские офицеры, оставшиеся верными присяге: корниловцы, дроздовцы, алексеевцы, казаки, моряки, летчики. Не их вина, что их вождям прозрение пришло слишком поздно. Русские писатели, философы, священники. Я почему-то представлял кладбище небольшим, стесненным, а оно — широкое, светлое. Я не знаю, хотел ли вернуться на родину Иван Алексеевич Бунин, но кто-то прикрепил к надгробью консервную банку, в которую бросают только российские монеты — на его возвращение.

Случайно ли, что здесь нет лидеров Белого движения? Одни погибли в боях, как Л. Г. Корнилов, искупив (искупив ли?) вину измены присяге и престолу своим поздним прозрением, другие преданы, как А. В. Колчак, стоило ему во всеуслышание сказать о единой и неделимой России, союзниками, в том числе французским генералом Жаненом, который был гостем в у Альберта де Гаса в Шафранове, и братушками-чехами, которые помародерствовали на русской земле, пожалуй, не меньше, чем немцы в Великую Отечественную, выдан большевикам, расстрелян и спущен под лед Ангары, а она бережно понесла его тело в Северный Ледовитый океан, в изучение которого он положил много сил и здоровья. Союзники больше всего боялись неделимой и сильной России и легко находили общий язык с большевиками. Могила генерала Кутепова, выкраденного НКВД, на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа символична, она пуста. В тот приезд в Париж я не искал могил

Ирен де Юрша, ее отца и мужа, тогда я еще не знал, что они похоронены здесь.

И снова я возвращаюсь к ее мемуарам. Почему они, если можно так сказать, добрались до России только через двадцать лет после ее смерти?

Может, всему свое время? Может, не случайно, что они добрались до России именно в ту пору, когда в ней дорвавшимися до власти на сей раз внуками и правнуками пламенных революционеров вновь подверглось осмеянию даже само понятие патриотизма? И, может быть, не случайно, что ее воспоминания — а я был только случайным проводником — **именно в начале XXI века** дошли до России, когда, что касается белых и красных, все вроде бы стало ясным и стало возможным подняться выше прежней непримиримой вражды и ненависти? Чтобы они читались не только как свидетельство прошлой русской, российской трагедии, но чтобы были уроком для будущего. По крайней мере во взаимоотношениях двух стран: России и Франции. Почему во вроде бы таких разных странах, как православная Россия и католическая Франция, национальные трагедии произошли практически по одному и тому же сценарию? Словно под копирку?

Пройдет двадцать лет после ее смерти, прежде чем ее племянник решится написать в Россию. Я не успел его спросить, почему именно сейчас, не раньше. (Может быть, потому, что он почувствовал свой близкий конец?) В своем коротком предисловии к ее воспоминаниям, скромно спрятавшись за инициалами А. С. Г., он напишет: «Она умрет в Париже в 1984 году, не дожив всего несколько лет до исполнения своей заветной мечты — увидеть свою Родину свободной от Советской власти». А может, это ее счастье, что она не дожила до новой, «бескровной», «русской» революции, после которой в России на десятилетия воцарится новая необольшеви-

ская власть с новым Гришкой Отрепьевым в Кремле. Таким ли она видела осуществление своей заветной мечты? Я не знаю, о какой власти в России она мечтала, но вряд ли бы она пришла в восторг от того, что в 90-е годы прошлого века с ее родной Россией случилось.

Я полагаю, будь она жива, то и после свержения советской власти она не захотела бы в Россию, как остерегается пока отдавать в Россию реликвии Белой армии — знамя корниловской дивизии, папаху и шашку Л. Г. Корнилова, осколок, которым он был убит, — Елизавета Георгиевна Шапрон дю Ларре, вдова внука генерала Корнилова, как не торопятся принять российское гражданство потомки многих белоэмигрантов, что-то насторожило их в новой российской власти. И не рано ли тревожить могилы русских изгнанников, возвращать их помпезно в Россию? Захотел бы в нынешнюю Россию Иван Александрович Бунин? Уже перенесен прах Антона Ивановича Деникина. Не нужны ли эти могилы для своеобразного доказательства легитимности новой власти?

Как я уже писал, на деньги, переданные мне месье Саразэном и добавленные Аксаковским фондом, мы заказали в славном городе Каменск-Уральске у давнего нашего друга Н. Г. Пяткова колокол-благовест с иконой Николая Чудотворца.

И вот долгожданный телефонный звонок: колокол отлит. Мы поехали за ним, — а это более 600 километров, — с членом Попечительского совета Аксаковского фонда, генеральным директором ОАО «Дорремстрой-трест» Вячеславом Васильевичем Аброщенко, который родился недалеко от Шафранова, в соседнем районе в деревне Калиновке, где осталось всего несколько домов, и у него по этой причине болит душа, и мечтает он свою Калиновку возродить. Дорога оказалась нелегкой. Была середина ноября, выезжая из Уфы, мы радовались сухому асфальту, но недаром говорят: суровый и непредсказуе-

мый Урал. За Ашой, как только мы въехали в Уральские хребты, нас встретил гололед, а за Симом на подъезде к Кропачево на длинном затяжном подъеме дорогу перегородила завалившаяся на бок тяжело груженная фура, попытки стащить ее сначала «Уралом», потом «Камазом» оказались безуспешными, автомобильная пробка росла с двух сторон. И было видно, что это надолго, к тому же еще было воскресенье, рассчитывать на помощь дорожников не приходилось, а впереди были главные, уже точно покрытые снегом и льдом перевалы, которые ох как не хотелось пересекать ночью.

Николай встретил нас как родственников: устроив на ночлег, повез ужинать. Утром показал город, основанный еще в 1701 году по указу Петра I.

— Приезжаю со своими колоколами в Калифорнию, которая когда-то была русской, пытаюсь рассказать про затерянный в России маленький город Каменск-Уральский под Екатеринбургом, а мне говорят: «А мы прекрасно знаем ваш город, может, узнали о нем еще раньше, чем о Москве. Вон на форте ваши, каменск-уральские, пушки еще с тех первоначальных времен стоят». Оказалось, что и пушки на пакетботе «Св. Петр» Беринга были наши, каменск-уральские, недавно на острове Кадьяк откопали. А колокола в Каменск-Уральском, как я выяснил, льют уже с 1702 года. Правда, первоначально они были чугунные. И вообще, принято считать, что все старинное — лучшее. Могу сказать, что наши колокола звучат лучше, чище.

Благодаря Николаю Геннадьевичу Пяткову Каменск-Уральский теперь называют колокольной столицей России, хотя тут находятся гиганты алюминиевой, трубной промышленности, принадлежащие, правда, уже олигархам с экзотическими для России фамилиями.

В углу в ящик паковали колокола, надпись на которых была на английском языке.

На мой молчаливый вопрос Николай ответил:

— Куда-то в США, не помню, надо документы смотреть. Удивительно: там строятся новые православные храмы. Судьба русских, может, не случайно, разбросала по всему свету.

Когда мы погрузили колокол в свой джип и уже собирались отъезжать, в широко открытые для нас ворота, постукивая палочкой, вошел какой-то батюшка:

— Из Красноярска. Кто из вас Пятков будет? Хочу посмотреть и послушать его колокола.

А уже на выезде нам встретилась пожилая монахиня.

— А вы откуда? — спросил Николай.

— С самого края русской земли, из Владивостока. И до туда дошла слава о твоих колоколах. Сейчас много где льют, но самые душевные и звонкие, говорят, у Пяткова.

Под монашеское благословение мы и отправились в обратный путь.

Но так как колокольни в Шафранове еще было, «французский» колокол — дар месье Андрэ Саразна де Гаса, с надписью «В память семьи де Гас, жившей в Шафранове в 1910—1917 годы и беззаветно любившей Россию» не стали прятать ни на каких складах, а установили на общее обозрение в Мемориальном доме-музее С. Т. Аксакова в Уфе — до того времени, когда он будет торжественно передан восстанавливаемому храму. Так об этой печально-светлой французско-русской или русско-французской истории узнали тысячи людей.

Посетителям разрешалось тихонько ударить в колокол, и уходили они из музея в большой задумчивости.

Но решения Господни неисповедимы.

В последнее время смерть, забирая самых близких людей, ходит вокруг меня кругами, постепенно сужая мой круг.

По моему глубокому убеждению, и я не устану это повторять, что русский — не понятие крови, русский —

это кто любит Россию. И смерть выхватывает в моем окружении почему-то самых русских людей, то ли они уже больше нужны там, в небесной России, то ли...

Под взрывы американских тамагавков в Белграде мучительно умирал от рака очень близкий мне человек, выдающийся сербский художник, философ и геополитик Драгош Калаич. Когда член Попечительского совета Аксаковского фонда сотрудник Транспортной комиссии ООН в Женеве Вячеслав Васильевич Новиков после прочтения моей статьи-некролога в журнале «Наш современник» спросил своего коллегу из Сербии Мирослава Йоановича, знает ли он Драгоша Калаича, тот, стараясь не обидеть Вячеслава Васильевича, ответил: «Всякий в Сербии, кто умеет читать, знает Драго. Но не меньше Сербии он любил Россию, он глубоко переживал все, что происходило у вас в последние годы. Жаль, что в свое время его прогнозы-предупреждения в России не были услышаны».

Потом также от рака умер ближайший мой друг, выдающийся русский скульптор и общественный деятель Вячеслав Михайлович Клыкков, наверное, самый русский из русских, но не менее России любивший Серию и подаривший ей свои памятники, как дар русского народа сербскому: Сергию Радонежскому, Савве Сербскому — впрочем, свои памятники он дарил Чехии, Италии, Греции.

А потом мне позвонила живущая в Уфе женщина непростой судьбы, подданная Французской Республики, но глубоко русский православный человек Нина Александровна Антонова, через которую в свое время до Шафранова и дошло письмо месье Андрэ Саразна де Гаса, и сообщила, что после нескольких тяжелейших операций во Франции в своем поместье ла Шаботте умер — опять-таки от рака! — профессор (археограф и палеограф) Католического университета в г. Анже ме-

сье Андрэ Саразэн де Гас, по моему убеждению тоже глубоко русский человек, хотя в нем не было ни капли русской крови, он не знал русского языка и никогда не был в России, но глубоко и беззаветно любил ее. Да, Андрэ Саразэн де Гас был очень близким мне человеком, хотя наша единственная встреча продолжалась всего несколько часов и разговаривали мы с ним через некогда служившего в Алжире отставного капитана французской армии месье Aleksisa Abakumoffa, который, будучи внуком российского изгнанника, полковника Русской армии генерала Врангеля, в душе продолжал оставаться глубоко русским православным человеком, — Алексеем Владимировичем Абакумовым. И уже тогда — по серой изможденности лица месье Андрэ Саразэна, по плохо скрываемой печали в его глазах, по реплике, на которой мы расстались: «Я вам очень благодарен за приглашение приехать в Башкирию, в Шафраново, а также на Международный Аксаковский праздник, но если мне вдруг не удастся, — может, сам того не заметив, он подчеркнул эти слова, — тогда пригласите хотя бы одного из моих племянников, связь времен и народов не должна прерываться», я понял нечто, отчего содрогнулась моя душа в роковом предчувствии.

Увы, душа моя не ошиблась.

Предчувствуя близкий конец, месье Андрэ Саразэн де Гас попросил своего бывшего студента, преподавателя французского лица при посольстве Франции в России Жан-Стефана Бетона полететь в Уфу, а оттуда поехать в Шафраново: сфотографировать, в какой стадии восстановления находится храм. В дополнение к фотографиям мы записали на диск звон фамильного колокола. И, несмотря на жуткую метель, потому что откладывать поездку было нельзя — уже в ночь у Жан-Стефана был обратный самолет, с Виктором Александровичем Пчелинцевым и Ниной Александровной Ан-

тоновой мы поехали в Шафраново. Глава Альшеевского района Дамир Радикович Мустафин, как гостеприимный хозяин и как человек, чувствующий связь времен и народов, настоял, чтобы мы с французским гостем сначала непременно заехали к нему, в районный центр, в Раевку, а потом передал его в руки своих подчиненных. Подчиненные, земляки Ирины Переяславльцевой де Гас, вполне возможно, что некоторые из них были внуками или правнуками ее бывших батраков, от всей души угощали французского гостя, да так, что он не рассчитал свои силы, в результате даже забыл в Раевке шапку, за которой на обратном пути пришлось заезжать, потому что шапка эта была семейной реликвией, ее в свое время купил в Сибири, спасаясь от морозов, отец Жан-Стефана. Жан-Стефан вообще лег бы костями на почве гостеприимства, если бы Нина Александровна, уже давно живущая в России и потому знающая законы российского, а тем более башкирско-татарского гостеприимства, буквально силой не остановила ничем не уступающие кавказским тосты с напитком куда крепче кавказских.

— Теперь ты понял, почему французы не победили в 1812 году? — спросил я Жан-Стефана по дороге в Шафраново, когда он немного пришел в себя.

— Теперь понял, — без тени умора со всей серьезностью ответил он. — К вам хоть с оружием, хоть подружески приходи, все равно ляжешь костями.

Жан-Стефан успел показать месье Андрэ Саразэну привезенные фотоснимки храма, к тому же он смог услышать, пусть тихий, звон своего фамильного колокола. Он заснул с чувством пусть, может, не до конца, но выполненного долга, он сделал все от него возможное, чтобы не прервалась связь времен и народов. Он уснул без тени на лице прежних мучительных страданий — и не проснулся...

В последний путь скромного профессора-археографа провожало около трех тысяч человек.

Большой благовестный колокол в память семьи де Гас, жившей в Шафранове с 1910 по 1917 год и беззаветно любившей Россию, по-прежнему радуется, хотя, может, глагол «радуется» в данном случае не совсем уместен, посетителей музея С. Т. Аксакова в Уфе. Этот колокол как бы напоминает: «Старайтесь жить так, чтобы и по вас потом звонили колокола». Этот колокол не дает мне покоя. А еще больше — моему дорогому другу и соратнику, председателю Попечительского совета Аксаковского фонда уроженцу Шафранова Виктору Александровичу Пчелинцеву. Завещание месье Саразэна де Гаса до сих пор остается не выполненным. Все вроде бы начиналось так хорошо, душевно, но неожиданно восстановление церкви в Шафранове застопорилось.

Говорится: «Не судите, да не судимы будете». Так-то оно так. Но и умолчать трудно. Бывший настоятель строящегося храма отец Исай, при нашей первой встрече оставивший у меня неприятный осадок: «Не надо нам французских денег, на свои построим», позже решительно отказался и от привезенного нами колокола. Мы его убеждали, что с колокольным звоном легче будет восстанавливать храм, а он в ответ: «Пока нет колокольных, украдут». Но колокольную возводить не торопился. А потом повел себя совсем странно. Был прекрасный проект восстановления храма, бесплатно выполненный известным московским архитектором и утвержденный архиереем. Мы радовались: красивый, устремленный в небо храм будут видеть все проезжающие по Транссибирской железнодорожной магистрали. Нашлась серьезная организация в Москве, которая готова была дать под этот проект деньги, только требовала строго следовать проекту и предоставлять финансовую отчет-

ность, что настоятелю храма очень не понравилось. И были люди, которые готовы были жертвовать на другие именные колокола — до полного набора.

Кончилось тем, что отец Исай выжил московского архитектора, на скорую руку по его или по чьей другой просьбе срочно изобрели другой, доморощенный проект, с грубыми и опасными инженерно-техническими ошибками, о красоте и говорить не приходится. А в один прекрасный день настоятель вообще исчез вместе с подаренными храму стройматериалами, автомобилем и всякой другой техникой. И никто в епархии не мог объяснить, куда он делся.

А месье Саразэн не успел нас связать со своими племянниками: телефон в его имении молчал, на наши письма никто не отвечал. Помимо всего прочего меня волновала судьба документов, касающихся Шафранова, самой Ирен де Юрша, я надеялся, что со временем они найдут место в шафрановском или каком ином музее.

И тут мне позвонила Марина Анатольевна Ларина, секретарь Уфимского горсовета. (Не приемлю эту идиотскую, придуманную явно не русскими московскими чиновниками, абракадабру: городской округ город Уфа. Как только не измывались над российским народом, теперь вот очередное издевательство: крестьянство, нравственная суть России — и так погибает, с голоду не помираем за счет Запада, так еще надо стереть с карты страны вослед вымирающему крестьянину древние русские названия «деревня», «село», заменить их искусственными: поселение сельского или городского типа. В памяти старшего поколения еще свежо это жутковатое «на поселение», откуда мало кто возвращался, деды нынешних реформаторов посылали, уничтожая российское крестьянство, а значит, и Россию, так называемых кулаков, самых крепких российских мужиков, и вот теперь снова реанимировали вроде бы уже забытое. Впрочем,

может и справедливо, нынешние села и деревни больше похожи на те поселения. Да и малые города тоже. Взять, к примеру, славные и гордые уральские городки: Усть-Катав, Катав-Ивановск, Бакал, много веков работавшие на оборону страны и гордящиеся этим, а теперь они уже не города — всего лишь поселения городского типа, словно из этих славных городков и из их не менее славных жителей специально душу вынули).

Ну, так позвонила мне Марина Анатольевна Ларина, большой друг Аксаковского фонда и добрый помощник во всех аксаковских делах, передала просьбу председателя горсовета Ирека Газизовича Нигматуллина: слетать в Париж. Признаюсь, большого восторга эта просьба у меня первоначально не вызвала. Во-первых, у меня в кармане лежало направление в кардиоцентр, и не просто в кардиоцентр, а в кардиохирургию, а во-вторых, Париж, в котором я в прошлый раз оказался в очень печальное для меня время, мягко говоря, не вызвал у меня особого восторга. Но отказать Иреку Газизовичу я не мог, я понимал, что желающих слетать в Париж, только клики он, оказалось бы несметное количество, и то, что он предложил полететь именно мне, надо расценивать как знак особого расположения. Об Иреке Газизовиче я хотел бы сказать особо. Как это, может, ни парадоксально, у меня с ним связано понятие настоящей советской власти. Точнее, власти Советов! И ничего тут на самом деле парадоксального нет: при советской власти на самом деле никакой советской не было. Советы не были сколько-нибудь самостоятельны, они целиком зависели от партийных органов и только дублировали их. А на самом деле в идее Советов была скрыта великая сила, узурпированная и скомпрометированная большевиками. Не случайно в двадцатые годы прошлого века народ не раз поднимался на восстания с лозунгом «Советы без большевиков».

Ирек Газизович в свое время на мое робкое предложение войти в Попечительский совет Аксаковского фонда, к моей великой радости, ответил официальным письмом: «Принимаю это предложение с благодарностью». И стал далеко не формальным его членом. Надо сказать, что и до этого Уфимский горсовет и Управление культуры администрации Уфы всячески помогали Аксаковскому фонду и Мемориальному дому-музею С. Т. Аксакова в проведении ежегодного Международного Аксаковского праздника, горсоветом, в частности, были учреждены ежегодные Аксаковские студенческие стипендии, огромная заслуга во всем этом бывшего заместителя председателя горсовета, к сожалению, ныне уже покойного Анатолия Сергеевича Баранова, светлая ему память! Теперь же наши взаимоотношения с Уфимским горсоветом поднялись совершенно на иной уровень. Обычно как бывает: я хожу по чиновничьим кабинетам, в одних случаях откликаются на мою просьбу в других — вежливо отказывают. Или: не отказывают, но, как говорится, воз и поныне там. Здесь же было все иначе. Горсовет сам обратился в фонд со своей конкретной помощью и конкретными предложениями, которые вдохнули в Аксаковский праздник новую горячую струю, приобщившую к нему, что чрезвычайно важно, сотни и сотни молодых людей. Ирек Газизович, сам красивый человек, сумел сформировать команду из красивых и, главное, деятельных людей. И Аксаковский студенческий бал, вот уже несколько раз организованный ими, стал одной из изюминок Аксаковского праздника. А Ирек Газизович в одну из встреч уже посвятил меня в идею расширить и без того широкие границы Аксаковского праздника, даже за пределы России. Я отнесся к идее не то чтобы скептически, но ясно представил все трудности этого дела. Ирек Газизович не стал со мной спорить, только загадочно улыбнулся. А через некото-

рое время доказал, как это можно делать или с чего нужно начинать. И вот как раз это имеет прямое отношение к его предложению слетать мне в Париж.

Оказывается, Ирек Газизович, особо не афишируя, можно сказать, втихомолку помог издать литературный альманах членов Ассоциации в поддержку русской культуры во Франции, которую недавно создал другой член Попечительского совета Аксаковского фонда, недавно вышедший на пенсию сотрудник ЮНЕСКО Владимир Николаевич Сергеев. И мне предлагалось полететь в Париж на презентацию этой ассоциации с только что изданным, точнее только еще печатающимся альманахом, несколько экземпляров которого мне собирались привезли прямо к самолету.

И тут вдруг меня как бы стукнуло: раз выдается такой случай, надо непременно найти могилу этой удивительной французско-русской семьи, принципиально пожелавшей лечь на кладбище русских беженцев Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем. В свое время меня потрясла ее любовь к России. И я почему-то чувствовал себя виноватым перед этой семьей. И вдруг я почувствовал острую необходимость поклониться праху этих русских, по крови не очень русских людей, попросить прощения, хотя никакой моей личной вины перед ней вроде бы не было.

Надо ли говорить, что мое появление с альманахом литераторов-парижан, изданным в России, буквально вызвало шок. Как-то стало привычным, особенно в тяжелые 90-е годы, что россияне с протянутой рукой обращались к всевозможным западным фондам или к своим забугорным соотечественникам, считая их непременно богатыми. А тут вдруг все было наоборот. Мало того, нашим соотечественникам за рубежом помогла не Москва, не Петербург, а далекая провинциальная Уфа, по улицам которой, по мнению некоторых, возможно, еще медведи

ходят. Надо сказать, что, выйдя на сцену Русского дома в Париже, я неожиданно для себя растерялся. Мне приходилось выступать на разных съездах, пресс-конференциях в разных аудиториях, в разных странах, случалась и в многотысячных, но тут я растерялся. Если бы это была французская аудитория, этого бы не случилось, а тут впервые — не в России! — на меня оценивающе были обращены сотни русских глаз представителей трех волн русской эмиграции, для которых фраза «Увидеть Париж и умереть!» имела разный смысл: от жизненно смертельного — до гламурного. И уже даже потомки первой волны эмиграции, которые требуют, чтобы их называли не эмигрантами, а беженцами, в основной своей части отчужденно относятся к представителям третьей волны: «Наши отцы и деды покидали Россию, спасаясь от неминуемой смерти, а вы бросили Родину в самые тяжелое для нее время в поисках легкой жизни».

Возвращаясь поздно вечером в гостиницу, я соображал, как мне на следующий день попасть на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. Не зная языка, добираться на электричке, а потом на автобусе не так-то просто, я хотел поделиться своими мыслями с все тем же Владимиром Николаевичем Сергеевым, который опекал меня в первый приезд во Францию, как он вдруг, словно читая мои мысли, сам предложил утром поехать в Сент-Женевьев-де-Буа. Мало того, он попросил подъехать туда Татьяну Борисовну Флорову-Маретте, хорошо знавшую кладбище, потому как на нем лежали ее родители, родственники и друзья, она даже проводила экскурсии по кладбищу для приезжающих из России. Но, увы, Татьяна Борисовна никогда не слышала имени Ирен де Юрша: «Нас же было в Париже десятки тысяч», — словно оправдывалась она.

К моей полной растерянности, могилы Ирен де Юрша, ее мужа и отца мы не нашли. Была суббота, и контора кладбища была закрыта.

— Давайте так, — успокаивала меня Татьяна Борисовна, тяжело передвигающаяся на палке, недавно сломала ногу. — Мне тут рядом, все равно завтра приеду в кладбищенскую церковь на службу и еще поищу. А в понедельник пойду в контору, там же есть списки. И сразу вам позвоню.

Я, как и в первый свой приезд в Париж, потрясенно бродил между могил. «Увидеть Париж — и умереть!». Умирили в тоске по России. Умирили в тоске по России, многие даже уже в третьем поколении.

Какая вроде бы разница, где лечь, — а вот они принципиально легли все вместе, на своем русском кладбище, чтобы, может, потом всем вместе воскреснуть и стать частью той небесной России.

На кладбищах обычно трудно долго находиться, кладбища угнетают, стараешься поскорее с них уйти, если даже на них похоронены твои близкие родственники. А это удивительно светлое в любую погоду. Если была бы возможность, я спокойно и радостно остался бы здесь на ночь среди русских сосен и берез, но непременно бы под открытым небом, только под себя на холодную землю что-нибудь подстелил. И опять не давала покоя мысль: «Если мы все временные на Земле, почему они, даже уже в третьем поколении, умирали с такой тоской по России? Почему постарались в изгнании по возможности лечь все вместе?..»

На следующий день, в воскресенье, на 3-й неделе Великого поста, Крестопоклонной, я пошел на службу на рю (улицу) Дарю в собор Александра Невского, или в Русскую церковь, как все его зовут в Париже, построенную печальными русскими беженцами. Это, может, единственное место в Париже, что грело мою душу в прошлый приезд. Здесь молилась по погибшим в России матери и брату и венчалась бывшая владелица санатория Шафранова Ирен де Юрша, в девичества Ирина Альбер-

товна Переяславльцева де Гас. Собираясь в церковь, я снова открыл ее воспоминания:

«Именно на вечеринке бывших офицеров случилось то, что определило мою судьбу: мой кузен Ипполит Комаров рассказывал однажды своим друзьям, что одна из его кузин только что вернулась из России. Он назвал мое имя, и другой молодой офицер, который до этого слушал довольно рассеянно, подошел к нему: «Прошу прощения, но нет ли у нее брата по имени Димитрий, который был вместе со мной в Добровольческой армии?» Мой кузен подтвердил, что я действительно сестра Димитрия. «Вы доставите мне огромное удовольствие, — сказал бывший капитан, — если дадите мне ее адрес». Кузен сказал ему, что в настоящее время я нахожусь за городом (я приняла гостеприимство моего дяди Жозефа в Вормуте), но мой отец в Париже.

Мишель Юрша, с которым я подружилась в Киеве, когда навещала брата, отправился к моему отцу, и вообразите, каково же было мое удивление, когда несколько дней спустя я получила письмо от него! И вот таким образом несколько месяцев спустя в соборе на улице Дарю я стала супругой Мишеля де Юрша, капитана 2-го гвардейского артиллерийского полка.

Мишель был очень добрым человеком, очень простым, очень умным, и всегда находил забавное словцо, чтобы посмеяться над трудностями, которых, как вы догадываетесь, мы не сумели избежать. Демобилизовавшись в Галлиполи вместе со своими товарищами из несчастной Белой армии, он получил нансеновский паспорт, который предоставлял русским беженцам, лишенным родины, защиту великих держав. Многие эмигранты просили гражданства в странах, где они нашли убежище; из верности России мой муж не хотел менять гражданства. После очень трудных первых лет — он был даже очень счастлив поработать некоторое время раз-

возчиком выпечки на трехколесной повозке! — он стал представителем в чайной фирме «Твайнинг», где очень быстро сумел показать себя, он говорил улыбаясь: «Я единственный в Париже целую руки бакалейщицам, и именно поэтому продаю лучше, чем мои коллеги!» Конечно, выпускнику Александровского лицея, а затем дипломатического института Санкт-Петербурга этим, может быть, и не стоило очень гордиться, но какое отныне значение все это имело для нас? Разве главное было не в том, что мы остались живы?

Мы оба пытались — он во всяких ассоциациях бывших гвардейских офицеров, я, оказывая услуги, где только могла — помогать нашему маленькому сообществу эмигрантов в XV округе Парижа, ставшему Санкт-Петербургом в изгнании.

Радости и печали — все было! — шли чередой. Мой любимый отец работал до самой своей смерти в 92 года, у моего мужа были приступы нервной депрессии после немецкой оккупации Франции, когда его преследовала мысль о том, что его могут насильно забрать в легион и заставить сражаться против СССР, который все же оставался Россией. Мишель умер в Париже в 1958 году и похоронен вместе с моим отцом на нашем русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа. У него была замужняя сестра в эстонском Ревеле, но у нее не было детей. Что касается его братьев... Константин был посажен в тюрьму большевиками, думаем, его сын Игорь живет в Ленинграде; Леонид, гвардейский офицер, умер в этом городе в 1957 году; Александр (старший), морской офицер, расстрелян в Петрозаводске, где было поместье их родителей; Николай, также морской офицер, умер в Эстонии; Жорж, гвардейский артиллерийский офицер, покончил с собой во время революции».

Как и в прошлый раз, я жил в крошечной дешевой гостинице под Монмартром. Крутая спиралью лест-

ница на третий этаж, на которой никогда не горит свет, окно в глухую стену. Олигарх Прохоров тут явно не жил. Здесь жила другая Россия. Школьники, приехавшие по какому-то гуманитарному обмену. Тихие скромные женщины, с трудом наэкономившие денег, чтобы посмотреть Париж, или ищущие работу, со смущенным всепрощающим, в том числе господ Прохоровых, взглядом, впрочем, они живут с Прохоровыми и Абрамовичами не только в разных Россиях, но и в разных мирах.

От моей гостиницы до церкви было не близко, она была, кажется, в четырех или пяти станциях метро, но я принципиально пошел пешком, как и вообще решил передвигаться по Парижу только пешком, врачи мне советовали больше ходить, и вот представился случай.

Каждый раз при входе в это храм меня охватывает особый трепет. Многие и многие тысячи несчастных русских изгнанников искали здесь и всегда ли находили душевный покой. Икона Казанской Божией матери справа на входе, подаренная вдовой легендарного генерала М. Г. Черняева, посланного Иваном Аксаковым возглавить сербскую армию во время русско-турецкой войны, завершившейся освобождением Болгарии и Сербии от многовекового османского ига.

Перед службой еще в пустом тихом храме я подошел к церковному служке, продающему свечи. Я познакомился с ним в прошлый раз: Игорь Александрович Марков, сын полковника Белой армии, командира 3-го драгунского полка, Александра Михайловича Маркова, в изгнании тоже прошедшего через печальное стояние на турецком полуострове Галлиполи, где многие нашли свой конец. Но почему Господь позднее землетрясением разрушил или дал разрушить памятник умершим на Галлиполи русским беженцам?

— С приездом! Я рад вас снова видеть, — к моей радости узнал он меня. — Случаем, не привелось побы-

вать в Новочеркасске? Как там, на Родине? Вроде что-то стало образовываться. Нет, мне туда уже не собраться, даже в гости, только душу травить. Я перестал даже мечтать об этом. Так легче жить. Да и связи нет никакой с родственниками, если они там остались. Раньше боялись их искать, чтобы не накликать на них беду, а теперь уже поздно. Только разве по линии жены кто остался, они, может быть, менее пострадали.

В голове по-прежнему вертелось: как же так, совершенно точно, что Ирен де Юрша вместе с отцом и мужем похоронена на Сент-Женевьев-де-Буа, племянник так трогательно относился к ней, опубликовал ее воспоминания, дал деньги, пусть и небольшие, на восстановление церкви в Шафранове, собирался с оказией прислать еще. Я спросил Игоря Александровича об Ирен де Юрша.

— Нет, эта фамилия мне неизвестна. Ведь нас было многие и многие тысячи, — как и Татьяна Борисовна вчера, словно извинялся он. — Вы говорите, она упокоилась в 1985-м? В эти годы я еще не служил в церкви.

Церковь к началу службы постепенно заполнилась, стало негде встать. Странное чувство: словно я был в России. Может быть, эта светло-печальная церковь, построенная и намоленная русскими изгнанниками, и была частью России? И, может быть, даже истинной Россией?

Кто-то, осторожно протискиваясь вперед, коснулся моего плеча: «Извините!», я невольно повернул голову и, можно было бы сказать «Мир тесен, а Париж — маленькая деревня», если это было бы не в русской церкви, куда каждый русский, если он считает себя русским, непременно тянется, тем более в Великий пост, — и увидел Никиту Струве, внука знаменитого Петра Бернгардовича Струве, одного из лидеров партии кадетов в

предреволюционной России. Никита Струве, как основатель не менее знаменитого издательства Умка-пресс, издающего высланного и запрещенного в СССР Александра Солженицына, числился в Кремле и на Лубянке чуть ли главным антисоветчиком. За любой контакт с ним, тем более за попытку тайно привезти его книги в СССР, можно было заработать хороший срок. К плечу его жалась супруга, дочь знаменитого священника Русского Зарубежья о. Александра Ельчанинова. По рассказу Никиты в его бытность несколько лет назад гостем в Уфе в Мемориальном доме-музее С. Т. Аксакова я знал, что любимым ее писателем был Сергей Тимофеевич Аксаков, а у него самого Уфа всегда ассоциировалась прежде всего с именем Сергея Тимофеевича Аксакова. С четой Струве была также вдова Александра Солженицына с одним из сыновей.

По окончанию службы, выйдя на улицу, вспомнили со Струве Уфу, аксаковское Надеждино, куда мы с ним ездили, шафрановский кумыс, который пили по пути. Сначала Струве с большим подозрением отнесся к кумысу и искоса наблюдал, как я с наслаждением пью его, а потом решился и уже в Надеждине у гостеприимного главы Белебеевского района Юрия Александровича Мурмилова основательно приложился к нему.

— Вот кумыса бы я сейчас выпил, — мечтательно протянул он. — Недавно побывал во Владивостоке, — похвалился Струве. Долгие десятилетия он был невъездным в СССР и теперь навертывал упущенное.

— Давайте я на память сфотографирую вас с супругой, — предложил я.

С паперти вприпрыжку сбежал веселый человек в церковном облачении:

— Можно меня с ними?

— Протоиерей граф Борис Бобринский, — представил его Струве.

По тому, как он по-молодецки сбежал с паперти, я решил, что он чуть ли не ровесник мне, а позже в гостинице раскрыл альбом «Русская эмиграция» и обнаружил фотографию 1940-го года: «Граф Борис Бобринский в форме гражданской обороны Парижа».

Никита Струве, отозвав меня в сторону, чтобы не слышала вдова А. Солженицына, неожиданно поведал о любопытном факте, много объясняющем в биографии и характере А. Солженицына. Я Никиту не спрашивал, а он неожиданно сказал:

— Вы удивитесь: Солженицын никогда не читал Сергея Тимофеевича Аксакова. Поразительный факт, но это правда. Я ему не раз рекомендовал, а как-то уже незадолго до смерти спросил, он так и не прочитал.

Этот факт меня действительно удивил, но тут же я поймал себя на мысли, что он меня не столь уж сильно удивил:

— Я подозреваю, что Аксаков ему был чужд по духу. Он боялся его читать, боялся его влияния. Ему нужно было быть непримиримым. Это своего рода Владимир Ильич Ленин наоборот.

— Может быть, вы правы, — подумав, пожал плечами Струве.

То ли услышав фамилию Аксаков, то ли увидев меня с Никитой Струве и протоиреем графом Борисом Бобринским, ко мне подошел небрежно одетый со включенными волосами человек:

— Пошли обедать!

— Куда? — не понял я.

— Ко мне домой.

— ?

— Я здесь рядом живу,

— ...

— Пошли, пошли, там и познакомимся. Дома никого нет, жена в отъезде.

И совершенно незнакомый человек вроде бы ни с того ни с сего мне, совершенно незнакомому человеку, по дороге стал рассказывать свою жизнь. И уже минут через пятнадцать, пока мы дошли, было ощущение, что мы знакомы с ним очень давно, мало того — давние друзья, которые давно не виделись.

— Ну, а почему все-таки ты подошел именно ко мне? — спросил я Сергея уже на его кухне, рассматривая альбом с репродукциями его картин.

Он пожал плечами:

— Не знаю. Ну, здешних прихожан я преимущественно знаю. А тут смотрю: усталое русское лицо, явно не москвич, фланелевая рубашечка. Ну, кого в Париже можно встретить во фланелевой рубашке?!

— В гостинице не топят, немного подмерз.

— Да нет, все нормально. Может, действительно, что услышал фамилию Аксаков.

Для русского человека это магическая фамилия.

Сергей поразил меня своей такой редкой для нашего времени открытостью. Через час я знал о нем буквально все, даже то, во что стараются не посвящать не только случайных знакомых. А тут: совершенно незнакомому человеку, с которым познакомился буквально час назад случайно на улице (потом, правда, в гостинице, анализируя, я уточню для себя, что все-таки не просто на улице, а в Великий пост и около церкви), он рассказал о своих бедах и радостях, в том числе о своей неизбывной трагедии. Я, в свою очередь, к своему удивлению, как на исповеди, по каким-то причинам избегающий церковной исповеди, рассказал ему о своей неизбывной беде и вине.

— Не убивайся! — Сергей положил мне руку на плечо. — Нам с тобой осталось на этой Земле совсем немного, — как-то очень легко и даже радостно сказал он. — Здесь мы временно. Там все встретится. Там мы

все простим друг другу. Только нужно достойно прожить оставшуюся жизнь.

Я сначала даже насторожился, всерьез ли он все это? Но он говорил так естественно, с такой уверенностью, без тени печали или даже грусти, даже с какой-то торжественной радостью, что, сначала растерявшись, я, может быть, окончательно поверил в существование того мира, в чем, может, до сих пор сомневался, где мы все непременно встретимся и простим друг друга и, может, нас простят. Он верил в загробный мир так же безоговорочно, как Ирен де Юрша, могилу которой я вдруг почувствовал своим долгом найти и пока не нашел, а почему-то мне это было очень нужно. Я снова и снова прокручивал в голове несколько строчек из ее воспоминаний: «Пасхальной ночью племянник отвозит меня на обедню в Сент-Женевьев-де-Буа в красивую часовню, творение великого русского художника Бенуа, потом мы идем чередой среди могил со свечами в руках, мы устанавливаем эти маленькие огоньки на могилах моего отца и мужа. Я говорю им: «Христос воскрес, и мы тоже однажды воскреснем, и мы найдем друг друга там, где нет больше ни боли, ни печали, ни стона, но только поклонение и радость».

Я поверил ему больше, чем многочисленным толкователям Св. Писания и, может, отравленный атеизмом, даже больше, чем самому Св. Писанию. Он был как бы живым свидетелем того мира. Почему-то я ему безоговорочно верил. Мне стало даже неловко перед ним и перед собой, что я не обладаю такой верой. Я что-то начинаю понимать, самые простые истины, и то, постоянно сомневаясь, только к концу жизни, — кто виноват в этом? Сатанинская власть, отторгнувшая моих родителей от Бога? Но он ведь тоже родился при той власти, — а живет с этим чувством, с этим знанием, не мучаясь никакими сомнениями, давно, может, с раннего детства. Или

он познал это только в результате долгих и мучительных страданий после смерти своих детей, сгоревших еще в России в пожаре?

Я не решился его об этом спросить.

— Может, останешься хотя бы еще на неделю? Я устроил бы тебя в православный монастырь, тут недалеко под Парижем, у меня там дом. Хочешь в монастыре поживешь, хочешь у меня, рядом с монастырем. Мой работник, Юра, десантник-афганец, тебя отвезет. Пожил бы немного, успокоился. Вижу, мечешься. Я тебе дам телефон брата в Москве, он как раз кардиохирург, я его предупрежу, что ты позвонишь, он не только проконсультирует тебя, а сделает все что нужно. А болезнь порой Господь посылает, чтобы человек приостановил свой обычный жизненный бег, изменился, покаялся. А насчет когда уходить? Господь сам решает, когда кого забрать. Не зря говорят: пути Господи неисповедимы. У Бога свой замысел о человеке: как о человечестве в целом, так и о каждом отдельном человеке. В тебе еще много от мира сего, резкости, категоричности. Надо прощать людям слабости. И даже зло, ибо Господь не случайно его попускает, может, злом он испытывает нас. И коренных врагов наших Он терпит не зря и, может, специально на нас напустил, может, так нас проверяет. Мы по привычке судим по своим земным меркам обо всем, в том числе и о Его поступках, часто они нам непонятны, порой готовы возмущаться, забываем, что у него свои планы, потому как он строит Царство не земное, а небесное. Помнишь притчу о зернах и плевелах?

Я не мог вспомнить, но зачем-то сохранил, что помню.

— Когда у меня на глазах сгорели дети, мне вдруг было откровение, я вдруг увидел вечность: и рай, и ад. Потому теперь живу как бы наполовину тут, а наполовину там. Надо жить, соизмеряясь с Его заповедям, а когда Он возьмет и куда, не нам решать.

Мне хотелось спросить, какой он увидел вечность, но не решился, наверное, он имел на это какой-то внутренний запрет. Если мог бы сказать, то сказал бы без просьбы, догадываясь, что я мучаюсь этим вопросом.

Мне хотелось задать ему много вопросов, но я боялся, что они покажутся ему детскими, наивными. Будучи старше его на 15 лет, я чувствовал, что в вопросах истины я перед ним — словно ребенок. И самое главное: в отличие от ребенка, мое отравленное атеизмом сердце было закрыто истине, если я сколько-нибудь и воспринимал ее, то только рассудком.

Я понял, что встретил Сергея не случайно, как уже знал, что многие встречи в моей жизни, особенно в последнее время, не случайны, или я просто в последнее время стал замечать это, и, может быть, именно для этой встречи меня кто-то толкнул прилететь в Париж. Я еще раз убедился, что кто-то по жизни ведет меня. Если не прямо, то косвенно, если не руководит моими поступками, то подсказывает их или устраивает мне нужные встречи, подкладывает нужные книги, или я вроде бы случайно беру в руки в самолете торчащий впереди меня в кармане кресла журнал и открываю его именно на той странице, где оказывается напечатанной статья с так нужными мне сведениями, о существовании которых я не подозревал. Сергей говорил и не догадывался, что каждая его фраза была для меня не случайна, и я безоговорочно верил в нее, как, наверное, не верил ни одному священнику, потому как у священников это — профессия. Я боялся, что не запомню всего того, что он говорил, мне хотелось взять ручку и записывать за ним, но это было бы нелепо, и только это меня удерживало. И, как я предполагал, вернувшись в гостиницу и схватившись за карандаш, я уже не смог толком что-то ясно выразить на бумаге, память моя с некоторых пор была словно решето, а может, память, пострадавшая

от тяжелой травмы головы, а потом и от контузии тут были ни при чем, может, кто-то специально затуманил сказанное Сергеем, как знание, которое мне рано знать: только смутные отблески его простых и ясных мыслей блуждали в голове, и я бросил карандаш. Но я уже не жалел, что прилетел в Париж.

Сергей познакомил меня с Алексеем Григорьевым, предводителем русских витязей во Франции. Поразительно: с тех самых страшных двадцатых годов прошлого века из поколения в поколение существует во Франции движение православной русской молодежи, в России оно только робко зарождается. Правда, вздохнул Сергей, в отрыве от России оно постепенно затухает. «Мои дети уж без особого желания едут в летний лагерь витязей. Хочешь не хочешь, они постепенно становятся французами. Это, конечно, грустно, но что поделаешь?.. Но все равно, во французов мы что-то вложили, начиная с дочери великого князя Киевского Ярослава Мудрого, Анны, которая стала королевой Франции. Может быть, ты прав, утверждая, что, возможно, у России нет собственного исторического предназначения и потому ее время от времени потрясают вселенские катаклизмы, разбрасывающие нас, русских, по всему миру, и никогда не будет Третьего мира. Потому как, может быть, ее вселенское предназначение — смягчать нравы других народов, вливаясь в них живительным навозом, не на что не претендуя, не стремясь стать народом в народе, а претендуя лишь на свое русское кладбище.

Русские судьбы...

— Я по матери из Голицыных, — сказал Сергей, когда я спросил его о корнях. — А жена — из Осоргиных. Рассказать биографию моего тестя до его рождения?

— ?

— На вот, почитай. — Сергей раскрыл мне том А. Солженицына «Архипелаг ГУЛаг». — Ты, конечно,

это читал, но было это для тебя отвлеченным фактом. А я пока позвоню.

«Кроме духовенства никому не разрешалось ходить в монастырскую последнюю церковь — Осоргин, пользуясь тем, что работал в санчасти, тайком пошел на пасхальную заутреню. С пятнистым тифом отвезенному на Анзер епископу Петру Воронежскому отвез мантию и Св. Дары. По доносу посажен в карцер и приговорен к расстрелу. И в этот самый день сошла на соловецкую пристань его молодая (и сам моложе сорока) жена! И Осоргин просит тюремщиков: не омрачать жене свидания. Он обещает, что не даст ей задержаться более трех дней, как только она уедет — пусть его расстреляют. И вот что значит это самообладание, которое за анафемой аристократии забыли мы, скулящие от каждой мелкой беды, каждой мелкой боли: три дня непрерывно с женой — и не дать ей догадаться! ни в одной фразе не намекнуть! не дать тону упасть! не дать омрачиться глазам! Лишь один раз (жена жива и вспоминает теперь), когда гуляли вдоль Святого озера, она обернулась и увидела, что муж взялся за голову с мукой. — «Что с тобой?» — «Ничего», — прояснился он тут же. Она могла еще остаться — он упросил ее уехать. Черта времени: убедил ее взять теплые вещи, он в следующую зиму получит в санчасти — ведь это драгоценность была, он отдал их семье. Когда пароход отходил от пристани — Осоргин опустил голову. Через десять минут он уже раздевался к расстрелу».

— Мой тесть был ребенком, зачатым во время этого свидания, — пояснил Сергей.

Я долго ничего не мог сказать...

В понедельник, около Grand Opera пристроившись к какой-то российской туристкой группе, я поехал в Версаль. В прошлый приезд в Париж, несмотря на безнадёжность своего состояния, я пожалел, что не смог

поехать в Версаль, потому что, в отличие от Парижа, он представлялся мне светлым, теплым архитектурным ансамблем, а на этот раз пожалел, что поехал. До того загадочный и в моем воображении царственно уютный и прекрасный Версаль умер для меня. Я пожалел французских королей, вынужденных жить здесь: ничего более безвкусного, холодного, неудобного, не приспособленного для жизни я не видел.

Вечером позвонила Татьяна Борисовна: могилы Ирен де Юрша в списках кладбища она не нашла. Мало сказать, что я был удручен. Не могла же она быть похоронена на другом кладбище, когда здесь похоронены ее отец и муж! Но ведь мы не смогли найти и их могил! Но ее племянник в постскрипуме к ее воспоминаниям ясно пишет: «Она покоится рядом со своим отцом и мужем на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа».

Неужели могила за отсутствием ухаживающих за ней родственников не сохранилась? Да, горячо любящий ее племянник жил далеко от Парижа, но неужели даже время от времени он не навещал ее могилы?

— Татьяна Борисовна, я все-таки считаю, что искать нужно в начале кладбища, прямо перед церковью, где хоронили в конце сороковых, в пятидесятые годы, ее отец умер в 1948 году. Это должно быть недалеко от могилы Ивана Александровича Бунина.

— Да я этот квадрат, несмотря на свою сломанную ногу, чуть ли не на коленях облазила. Я тоже боюсь, что в эту могилу уже похоронен кто-то другой. Такое уже бывало, и не раз. Как, например, в случае с Андреем Тарковским. А в книгах кладбища неразбериха, может, и не случайная. Завтра я пойду в муниципалитет.

Я невольно вспомнил русское Ольшанское кладбище в Праге, где вокруг великого евразийца П. Н. Савицкого, которого похоронили в окружении таких же русских изгнанников, ныне на могильных плитах уж не

православные кресты и не русские фамилии. Все очень просто: со временем за аренду кладбищенских двух метров больше некому было платить, и русские могилы уничтожили. В одном случае это благодарность Франции за то, что мы спасли ее в 1914 и в 1945 годах, в другом — благодарность Чехии, что мы спасли ее в 1945-м. Бережливые французы и чехи пожалели клочка земли для отдавших за их жизнь русских. Недавно во Франции вообще был поставлен вопрос о закрытии кладбища Сент-Женевьев-де-Буа. Вряд ли французы закрыли бы его, но решили по-цыгански попробовать пошантажировать Россию — вдруг что перепадет? Как бы я ни относился к Путину, спасибо ему, что он не стал торговаться с мелочными французами, а молча перечислил от имени правительства, кажется, 800 тысяч евро на счет муниципалитета г. Сент-Женевьев-де-Буа.

Франция больше не оставляет впечатления не только великой, но даже самостоятельной страны, тем более с нынешним вертлявым президентом, больше похожим на мелкого коммивояжера, выскочившего на большую политическую арену, удачно «замочив» шумной пиар-компанией нашего несчастного олигарха Прохорова. Теперь господин Саркази от имени мирового сообщества учит, как России вести себя на Кавказе. Наши вожди подобострастно его слушают. Во Франции, а может, во всем мире после де Голля не было ни одного великого государственного деятеля. Как у нас после Сталина, как к нему ни относишься, никого не было: одни недоумки, или дешевые перевертыши, развалившие страну, или откровенный проходимец вроде Гришки Отрепьева, именем которого ныне шумно называют чуть ли не главную библиотеку страны, и нынешний наш президент торжественно открывает библиотеку, тем самым демонстрируя, кто у него в святых, после этого мне трудно ему верить. Будь ныне в мире хоть один госу-

дарственный деятель, равный де Голлю, может, не было и нынешнего системного кризиса, инициированного кучкой международных жуликов. Де Голль в свое время жестко потребовал от США прекратить спекуляции с дутым американским долларом, остановить станок печатания этих пустых бумажек-фантиков. После смерти де Голля станок заработал снова. После де Голля Франция все чаще подобострастно стала оглядываться на США. Доходило до лакейской унизости. Статую Свободы в Париже, в несколько раз уменьшенную копию пресловутой статуи Свободы в Нью-Йорке, навязанную США в качестве подарка, французы поставили лицом к Парижу, но стоило кому-то в Америке выразить по этому поводу неудовольствие, и вместо того чтобы оскорбиться и спихнуть в Сену этот навязанный подарок, как и пресловутая Эйфелева башня, не вписывающийся в архитектурный ансамбль древнего города, французские власти подобострастно повернули ее лицом к Америке, а задницей к Парижу. Как потом оказалось, американцы пошутили, французы сделали вид, что не поняли шутки, и, на всякий случай, не стали поворачивать статую лицом к Парижу.

Что касается Парижа, я уже писал: рано утром в нем — одни негры да арабы, ловишь себя на мысли, не в Африке ли ты? Или не перебрал ли вчера, и у тебя уже галлюцинации? Складывается впечатление, что коренные парижане скоро в нем будут чужими. Как и коренные французы во Франции. По всему, из-за того что наши лихие младореформаторы уничтожили отечественную систему профтехобразования и благодаря их «мудрой» миграционной политике, скоро и у нас так будет. Кое-чем мы уже и сейчас можем гордиться. Мы уже почти догнали Францию по количеству бомжей, правда, там они называются клошарами, и, в отличие от наших, в большинстве своем веселые, здороваются

с каждым мимо проходящим, потому что там бомжевание часто — образ жизни, а не, как у нас, — крайняя жизненная безысходность. Французские власти, расписавшись в неспособности решить эту проблему, не стесняются бомжей, не преследуют их, в отличие от нашей двуличной супердемократической, но с совковокомсомольской психологией власти, с помощью милиции пытающейся создать иллюзию всеобщего благополучия и безжалостно загоняющей бомжей на свалки, в канализационные трубы, а то и еще дальше, откуда возврата нет. Впрочем, я не прав. Великое достижение нынешней российской демократии: бомжи, в отличие от олигархов, у нас социально защищены. Однажды в поликлинике, заполняя анкету, я обнаружил графу, обозначающую социальное положение: «бомж». А вот графы «олигарх» там не было, и мне стало искренне жаль наших бедных олигархов, их и так в результате кризиса осталось мало.

Через день мне было нужно было улетать, и на душе было неладно от того, что я не нашел могилу Ирен де Юрша, могил ее отца и мужа, француза и литовца, принципиально пожелавших быть похороненными на русском кладбище. Почему-то это было для меня чрезвычайно важно, хотя они мне никем не приходились, а я знал, что в Париж, скорее всего, больше никогда не попаду и буду жить оставшуюся жизнь с чувством невыполненного долга, не знаю, перед кем, прежде всего перед ними, хотя я вроде бы перед ними ни в чем не виноват. В оставшееся время я не пошел в Лувр, ни в другие музеи, чем, вернувшись в Россию, многих удивлю, хотя туда все тот же любезнейший Владимир Николаевич устроил мне не просто бесплатный пропуск, а который давал возможность проходить без очереди. Я бесцельно, до изнеможения, несмотря на холодный пронизывающий ветер, бродил по улицам Парижа, а

к вечеру снова пошел в Русскую церковь на рю Дарю, может, Игорю Александровичу Маркову удалось что-нибудь выяснить у прихожан. Увы! Что меня поразило: на службе, кроме священника и Игоря Александровича, никого не было. Все как в России.

По дороге в гостиницу решил, что если сегодня Татьяна Борисовна ничего не прояснит, то рано утром поеду в Сент-Женевьев-де-Буа на поезде, чтобы ни от кого не зависеть и, если потребуется, то пробить на кладбище весь день, до упора, чтобы искать спокойно, не спеша.

Но поздно вечером Татьяна Борисовна обрадовала:

— Я нашла: вторая полоса, 5 ряд, 4-я могила под 3262.

— Недалеко от могилы Ивана Александровича Бунина?

— Да, как вы и предполагали. Уж очень неприметная табличка на французском, касающаяся ее отца и мужа. А ее — всего лишь временная, когда ее похоронили, так и осталась. Она заржавела и совсем почти не читается. А мы ведь прежде всего искали ее. И потому все проходили мимо. И такое впечатление, что на могиле с тех пор, как она умерла, никто не был. Как прибили временную табличку, так и она осталась. И вот что я выяснила в муниципалитете: место на кладбище в день ее похорон было оплачено на тридцать лет, срок оплаты истек, обычно, год-два еще ждут, а потом, если не объявляются родственники, в любое время в эту могилу могут похоронить другого человека. Потому-то ее и нет в списках конторы кладбища, но какое-то время, видимо, они еще выжидали. Бог вас послал спасти эти могилы, не иначе...

Я позвонил еще одной обретенной в Париже знакомой, уроженке Самары, врачу Ольге Назаровой, которая начинала свою карьеру во Франции певицей кабаре.

На вечере Ассоциации в поддержку русской культуры во Франции она поразила меня своей песней о Волге, в которой было столько искренней русской боли.

У Ольги завтра был напряженный день, но она сумела перепланировать его. Я попросил Татьяну Борисовну до нашего приезда заехать в муниципалитет, от моего имени написать заявление, что я — приехавший из России родственник Ирен де Юрша (надеюсь, усопшие, принадлежавшие к знаменитым французским и русским дворянским родам, простят мне, крестьянскому сыну, этот не столь уж большой грех) и что я гарантирую в течение месяца оплатить просроченную оплату могилы, хотя я еще не представлял, как это сделаю.

С волнением я шел меж могильных рядов. Оказалось, что я не раз проходил мимо этой могилы, но, во-первых, каждый раз в спешке, а во-вторых, я представлял ее более богатой, что ли, меня отвлекали окружающие ее богатые и, главное, ухоженные надгробья. А оказалось: простой деревянный крест с жестяной крышечкой, чуть ли не как на наших сельских кладбищах, скромная, а главное мелким шрифтом, металлическая табличка на французском языке, которую с моим зрением можно прочесть, лишь подойдя вплотную, чему мешали соседние могилы.

Я долго стоял над могилой, словно здесь были похоронены мои родственники. Мне даже было немного неловко за это перед своими родственниками, на могилах которых бываю, увы, не столь часто.

У меня в кармане был плоский флакон с коньяком, на всякий случай, вместо сердечных таблеток, у Ольги в багажнике оказалась вареная курица и, несмотря на Великий Пост, мы пошли в кладбищенскую сторожку к марроканке Фариде и по-русски помянули усопших. И было легко и светло у меня на душе.

Вечером позвонил Сергей:

— Я договорился с афганцем-десантником Юрой, он заберет тебя завтра утром хоть на пару дней в монастырь.

— Сережа, оказывается, улетаю не в воскресенье, а завтра.

— Жалко!.. Завтра я не смогу тебя проводить. Буду далеко за городом. Прилетай обязательно еще.

— Ты думаешь так просто: взял — и полетел?

— А я тебе оплачу билет туда и обратно.

— Серьезно?

— Серьезно.

— Сережа, я как-то не привык жить за чужой счет. Но если ты серьезно, можешь оплатить аренду могилы?

Он задумался всего на несколько секунд:

— Да, конечно. Есть, кому тут без тебя выписать счет?

— Есть. Спасибо, Сережа!

Я улетаю из Парижа с легким сердцем. Я уже совсем не жалел, что поменял кардиоцентр на Париж, чем бы для меня это не закончилось. Я знал, что не случайно и не зря в него прилетал. Вроде бы, зачем мне это было надо: отбросив все другие дела, отказавшись от посещения Лувра, других встреч, почти неделю убить на поиски могил совершенно, казалось, чужих мне людей, к которым я проникся почти родственным чувством? Они на самом деле были мне родственниками. В свое время меня потрясла мистическая любовь этой семьи к России: начиная с отца, представителя древнейшего французского рода, у которого многовековое родовое кладбище, потерявшего в России жену, сына, вернувшимся оттуда униженным и практически нищим, но принципиально пожелавшего лечь в землю на русском кладбище.

Еще вчера, бродя по Парижу, спросил себя: хочу ли я снова в Париж? И ответил: нет, ну, выпадет случай, как этот, может, и соберусь, хотя жалко потерянного времени, его и так осталось совсем мало.

Это было вчера, а сегодня так категорично я уже не отвечаю. Нет, мое отношение к Парижу и парижанам мало изменилось. Да, конечно, это был совсем другой город, чем в прошлый мой приезд, более светлый, более, может, теплый. Значит, все-таки что-то изменилось в моей душе. Но родным он мне все равно не стал.

Меня по-прежнему тяготили его величественные католические храмы, они не поднимали мою душу, а наоборот, придавливали к земле, меня почему-то угнетала их утонченно-прекрасная холодная каменная вязь, они тоже свидетельствовали об ином мире, но он меня пугал своей жестокостью наказания. Сколько-нибудь родным Париж для меня делала церковь русских изгнанников на рю Дарю. Родным мне его сделал Сергей, который, теперь я точно знал, неслучайно встретился на моем пути. Родным мне его делало русское кладбище Сент-Женевьев-де-Буа, на котором лежали тысячи и тысячи русских несчастных беженцев и их потомков, и потому оно стало частью России. На нем была могила Ивана Александровича Бунина, и нужно ли его прах возвращать в Россию? Россия от этого не станет духовно богаче и не станет меньше любить его, а Франция, Париж от этого много безвозвратно потеряют. Родным Париж мне делают могилы Ирен де Юрша, ее отца и мужа, которых неожиданно для себя я почувствовал родственниками, особенно после того, как оказалось, что кроме меня о них больше некому позаботиться. Я уже говорил: что кладбище Сент-Женевьев-де-Буа не ощущается мной как кладбище. На нем нет ощущения смерти. Оно торжественно и светло. Может быть, потому что, как написала Ирен де Юрша в своих воспо-

минаниях: «Скажу, что русская душа легче принимает смирение, чем другие, потому что она очень возвышенная, и наша православная вера беспрестанно напоминает нам эту заповедь:

«Блаженны страждущие, ибо их есть Царство Божие».

2005—2009

ВМЕСТЕ С РОССИЕЙ

Сберегатель русского народа

Фритъоф Нансен

(85 лет назад успешно закончила работу Нансеновская помощь вымирающей от голода России)

«Я сказал свое слово здесь и буду повторять это снова и снова. Никогда не забыть мне смертную тоску в глазах русских детей. Спасите Россию!...»

«Русский народ имеет большую будущность, и в жизни Европы ему предстоит выполнить великую задачу...»

Фритъоф Нансен

XX век был веком запланированного «тайной беззакония» ритуального уничтожения русского народа: «третьего Рима» — даже гипотетического — не должно быть! Впрочем, начало претворению этого плана было положено еще во второй половине XIX века убий-

ством императора Александра II. Ради объективности надо признать, что русский народ в значительной части своей не только пассивно способствовал собственному уничтожению, но и активно сам участвовал в нем. Враги прекрасно изучили его широкую, мятущуюся мессианскую душу и подсовывали ему, в большей части своей уже отказавшемуся от Бога, всякие сладкие приманки, вроде строительства рая на Земле для бедных за счет богатых в отдельно взятой стране, хотя на самом деле ему была уготована лишь роль пушечного мяса и топлива в костре запланированной будущей мировой сатанинской революции.

Правда, не все у новых архитекторов планеты получилось. Русский народ еще жив или почти жив, хотя его численность сегодня по крайней мере втрое меньше, чем предполагалась по демографическим расчетам начала XX века, к тому же, может, в большинстве своем к истинным русским мы уже имеем примерно такое же отношение, как нынешние греки — к древним грекам, может, осталось одно лишь имя. Бывал я в Греции, в том числе в Солониках, откуда пошли есть наши равноапостольные Кирилл и Мефодий, а еще раньше — св. вмч. Димитрий Солунский, покровитель всех славян, которые оказались не достойны его жертвы, предали его, разбежавшись в истории в разные стороны, да еще по-братски время от времени выясняя, в том числе кроваво, между собой отношения, что им больно аукается и, если не опомнятся, закончится внутренним распадом каждого из славянских народов до полного исчезновения в истории, в физике подобное называется аннигиляцией. Видывал я и нынешних греков: в храмах галдят, как на базаре, рядом теплое море плещется, если забыться, можно подумать, что ты в Одессе, тот же народец, только говор, в отличие от одесского, новогреческий...

Но жив еще русский народ, хотя, может, пришли его последние сроки. Если всего еще несколько десятилетий назад именем «русский» гордились, когда их так называли за рубежом, представители в свое время приютившихся под его добрым, простосердечным крылом иных народов и таким образом спасшихся от порабощения или полного уничтожения, а, отогревшись, грамоту одолев и почувствовав, что русский народ занедужил от внешних и внутренних врагов, побежали от него с хулой на него, забыв бывшее добро, в разные стороны, стараясь угодить его врагам (недавно в Ташкенте был снесен памятник узбекской семье, которая в Великую Отечественную войну усыновила и удочерила 16 детей разных национальностей, объяснив снос тем, что Дворец Дружбы, напротив которого стоял памятник, теперь переименован в Дворец Независимости). А представители тех народов, что по какой-либо причине не успели или не смогли под беловежеский шумок убежать, хотя бы потому, что живут уже в середине России и потому самостийные государства, о которых они тайно мечтают, не могут рассчитывать на внешние границы, уже оскорбляются, когда их за рубежами России по привычке называют русскими, и чисто из политкорректности и по причине, что русский народ еще жив, с ужимками, с оговорками, сквозь зубы соглашаются лишь на толерантное имя «россиянин». В угоду им партия с претенциозным названием, но пустым содержанием «Справедливая Россия» даже орден учредила — «Российская нация». Я еще понимаю, когда российский народ, но когда российская нация!

Но тем не менее русский народ пока еще жив. После череды страшных экспериментов над ним: после системного истребления сначала японской, потом Первой мировой войной, удачно переведенной в революцию, после всевозможных большевистских экспери-

ментов, после немецко-фашистского нашествия, после «реформ» незабвенного Н. С. Хрущева, которого не случайно так любят наши леволиберальные демократы, после семибоярщины Ельцина, на приход к власти которого только США, находящиеся под властью беззакония, напрямую выделили полмиллиарда долларов, в стране даже образовалась какая-то стабильность, и в этом несомненная заслуга В. В. Путина, хотя... (Мне столько раз пришлось бы перечислять эти «хотя», что на это ушла бы целая страница.) Тем не менее из разряда презрительно-оскорбительных в 90-е годы прошлого века в разряд востребованных вернулось слово «патриот», более того, оно даже стало модным, одновременно вдруг стали патриотами вчерашние разрушители России, так называемые либеральные демократы, патриотами объявили себя олигархи, юркие последователи незабвенного Остапа Бендера (они даже памятник ему поставили) и внуки лейтенанта Шмидта, вчера развовавшие страну, но у всех «патриотов», в том числе у многих членов правительства, дети, а то и полностью семьи, как правило, обосновались почему-то в Лондоне. Ну, посудите сами, разве не патриоты: скупили недвижимость чуть ли не всей Европы, и не только Европы, и таким образом расширили границы России!

И неопатриотическая власть даже вдруг вспомнила про еще живой, но уже вымирающий и умирающий русский народ, когда, может, уже поздно, когда процесс его духовного умирания и физического вымирания, выражаясь словами паскудно известного политического деятеля и небесталанного артиста разговорного жанра Михаила Горбачева, которого в простом народе еще в самом начале его слащавого правления называли Меченым, уже не просто пошел, а, может, уже стал необратимым, власть, то ли наконец услышав отчаяние почти изведенной начисто национальной русской ин-

теллигенции, то ли из простой боязни, что скоро не над кем будет властвовать, как о главной национальной задаче — наконец-то! — заговорила **о сбережении русского народа**. Но сберегать народ — это не деньги сберегать в сберегательной кассе: положил, и проценты капают помаленьку, хотя в нынешней России это тоже сомнительное дело, проценты начисто съедает инфляция, а экономика привязана к американскому доллару, который на самом деле есть не что иное, как пустая бумажка. Выдачей целковых роженицам дело не решить, хотя и смеяться над этим не надо, в нищей стране это дело не бесполезное, хотя русскому народу прежде всего нужно дать или, точнее сказать, вернуть жизненные ориентиры, иначе говоря, национальную идею, и народ ныне вымирает не от голода, как утверждает товарищ Зюганов, хотя огромная часть его по-прежнему влачит жизнь за чертой бедности, а от духовной безысходности, от отсутствия каких-либо общенародных, в том числе нравственных, ориентиров, русского пытаются превратить в немца, в англичанина, наконец, в еврея, из русского человека старательно выколачивают чувство общности, локтя, святого чувства постоять за други своя, которые и дают ему возможность чувствовать себя частичкой великого русского народа, а если он лишится этого чувства, никакие материнские или даже отцовские капиталы не помогут.

Может, кого-то во власти наконец ошеломил жуткий по своему смыслу факт, что одной из комиссий ООН русский народ внесен в список вымирающих. Если, конечно, не специально внесли нас в этот список, выдавая желаемое за уже случившееся, чтобы окончательно придавить и раздавить нас морально? Как бы то ни было, низкий поклон тому, кто хотя бы заговорил, может, уже на краю пропасти, вслух об этой страшной — конечной для нас! — проблеме. Хотя пока это больше

похоже на очередную пиар-кампанию, как, например, со спасением русского языка: объявил прежний симпатичный президент, нынешний премьер-министры председатель правящей партии прошлый год Годом русского языка (а в нынешнем на каком будем говорить?), а СМИ, которые больше похожи на СМУ (средства массового уничтожения), как бы в насмешку над ним, еще больше изощрялись в глумлении над русским языком. К тому же сам факт объявления года русского языка в России более чем странен, хотя, может, искренен в своем побуждении и являлся своеобразным актом отчаяния, свидетельствующим о крайней степени неуважения если уж кому-то не к родному, то пока еще государственному языку, когда русский язык в России пропагандируется уже как иностранный. Я понимаю, когда Япония объявляет у себя Год русского языка, Китай, Франция, но было бы более чем странно, если бы Япония объявила бы у себя Год японского языка, Англия — английского. Ну так вот, прошлый год прежний симпатичный президент объявил Годом русского языка, а уже в этом году, даже еще при его правлении, «фурсенки», придумавшие пресловутый ЕГЭ, в средней школе отменили экзамен по литературе, а значит, и ее изучение, а литература, Слово, в России всегда была больше, чем чтиво.

Но был человек: не русский, не гражданин России, который еще в 20-е годы прошлого века, когда русский, российский народ дружно, словно сговорившись, одновременно уничтожали в братоубийственной войне вожди и красные, и белые, и так называемые союзники, а на самом деле интервенты, которые больше всего на свете боялись возрождения России, был Человек, который не на словах, а на деле спасал русский народ. И не просто на деле, а, без преувеличения сказать, положил свою жизнь на сбережение русского народа. Если мы

не были бы преступно беспамятны, то не только в Москве, где памятник ему наконец установили только в 2002 году, а клялись поставить еще в 1930-м, не позже, чем через год после его смерти, и это действие не превратилось в общенациональное событие, — если не на центральных площадях, то по крайней мере на одной из главных площадей каждого поволжского и приуральского города России и многих городов ныне самостоятельной Украины тоже, должен был стоять памятник не В. И. Ульянову-Ленину-Бланку, как никто иной потрудившемуся на ниве уничтожения русского народа, а этому поистине великому сберегателю русского народа, великому патриоту России, которого Ромен Роллан назвал «единственным европейским героем нашего времени». Может быть, нужно признать, что этот человек был самым великим человеком XX века. Но великими по древней варварской привычке мы считаем великих злодеев, отличившихся как раз на поприще уничтожения народов, чужих или своих. На памятнике должна быть скромная и строгая надпись: «Фритьофу Нансену — благодарная Россия!»

Да, когда противоборствующие стороны в России, словно сговорившись, как бы поставили перед собой единую цель: как можно побольше уничтожить и без того обескровленного Первой мировой войной и революцией российского народа, а так называемое мировое сообщество только радовалось этому и подогревало братоубийственный пожар, он, далекий от политики великий полярный исследователь, норвежец, у которого близких и дальних родственников в России не прослеживалось, отставил в сторону все свои запланированные очень важные для человечества экспедиции, научную работу и, вызывая раздражение и неудовольствие красных и белых вождей, а также огромного количества западных политиканов, ждущих окончательного уни-

чтожения России, превращения ее в сырьевой придаток Европы и Америки, все свои силы посвятил сбережению русского народа.

Да, у одних это вызывало раздражение, переходящее в злобу, у других — недоумение: почему именно он, норвежец и далекий от политики полярный исследователь?

На то были особые причины. Главная из которых: помимо того, что он был великим полярным исследователем, он был великим, планетарно мыслящим Человеком (святое одиночество в бескрайних просторах ежечасно грозящего смертью Северного Ледовитого океана давало возможность увидеть планету и человечество на ней как бы со стороны, уйти от суетного, сиюминутного, увидеть главное), смотрящим далеко в будущее и многое видевшим там, в том числе глобальные беды, которые человечество ждет, и надежду, которая может предостеречь его от этих бед. А надежду, к удивлению многих, он увидел в разрушенной, обескровленной мировой войной и раздираемой в том числе по чьему-то злому умыслу Гражданской войной России.

Да, однажды побывав в России, даже не в самой России, а на полярных ее окраинах во время подготовки экспедиции на «Фраме», а потом глубже узнав ее в путешествии по Сибири, он не просто глубоко полюбил Россию и русский народ, но и, как великий ученый и как великий провидец, увидел, что за Россией, за душой ее народа, для кого-то загадочной, а для него понятной и близкой, будущее не только Европы, но и всей планеты. В 1913 году он, не задумываясь, принимает приглашение русско-норвежского Сибирского акционерного общества быть консультантом в экспедиции по изучению возможностей транспортных связей с Центральной Сибирью, то есть в прокладке Северного морского пути, которым позже, в советское время, не без осно-

ваний так гордились, Северный морской путь сыграл исключительную роль в освоении Восточной Арктики и Сибири. Через Карское море на пароходе «Коррект» Нансен проплыл из Норвегии к устью Енисея. Был момент, когда он буквально спас корабль от верной гибели. В устье Енисея можно было бы закончить оговоренное договором путешествие, но он на катере поднялся вверх по Енисею до города Енисейска, оттуда добрался на лошадях до Красноярска, а потом по железной дороге доехал до Владивостока. На обратном пути Нансен заехал в Петербург, где принял участие в обсуждении вопроса об оказании помощи неудачной экспедиции Г. Я. Седова к Северному полюсу.

Путешествие по Сибири произвело огромное впечатление на Нансена. Вернувшись на родину, он написал книгу «По Сибири» (1914), в которой предсказывал Сибири огромное будущее: **«Наступит время, она проснется, проявятся скрытые силы, и мы услышим слово о Сибири. У нее есть свое будущее. В этом не может быть никакого сомнения»**. Как бы подчеркивая эту уверенность, он дал книге подзаголовок: «В страну будущего». Кто, кроме Нансена, может только разве сумасшедший, так мог назвать книгу о России, в то время разоренной, в том числе самими впадшими в беспамятность и беснование русскими?!

Надо ли мне сейчас перечислять, что дала России в XX веке проснувшаяся, точнее, разбуженная Сибирь — в том числе целую плеяду больших ученых, мыслителей, писателей, достаточно назвать В. Г. Распутина, который стал совестью России...

Многие тогда не понимали, как и сейчас не понимают или делают вид, что не понимают, что, спасая Россию, Нансен спасал и Европу, а вместе с ней и весь остальной мир. Многие до сих пор не могут простить ему таких слов: **«Русский народ имеет большую бу-**

душность, и в жизни Европы ему предстоит выполнить великую задачу». И это он говорил о стране, в то время буквально вымирающей от голода! И в разных вариантах он повторял эту мысль снова и снова в разных странах и с разных трибун: **«Это будет Россия, которая не в слишком отдаленном будущем принесет Европе не только материальное спасение, но и духовное обновление»**. Если все-таки, пусть с большой оговоркой, говорить о Нансене как о политике и вкладывать в это понятие высший смысл, то он стал им еще во время похода на Северный полюс, в котором взлелеял мысль не только о создании международной организации, которая способствовала бы установлению между государствами таких отношений, которые в будущем давали бы возможность предотвращать войны и другие социальные катаклизмы, но и об особых духовных отношениях между народами, может быть, не государственных, которые стали бы выше государственных. Но для этого нужно было найти духовное поле, которое могло бы стать платформой, прочным основанием для будущего гармоничного обустройства до сих пор погрязшего в войнах и междоусобице человечества. И, может, неожиданно для себя он нашел эту духовную опору в России, увидев в душе русского народа вселенскую объединяющую душу. Нансен безоговорочно поверил в Россию как во всемирную надежду. И когда в нее пришла беда, и беда эта во многом умножалась тем, что некоторые, как и Нансен, видевшие будущность России, в отличие от него, смертельно боялись ее и способствовали этой беде, Нансен, отбросив все свои дела, даже те, которые были для него главными в жизни, пришел России на помощь. Впрочем, спасти русских, может сам не подозревая о том, он начал еще до нашей российской национальной катастрофы. Незадолго до начала Первой мировой войны своей книгой, а особенно картой-схемой

в ней, он в апреле 1914 года спас выдающегося русско-го полярного исследователя В. И. Альбанова, штурмана экспедиции Г. Л. Брусилова на шхуне «Св. Анна», ушедшей в Арктику в один год с экспедициями Г. Я. Седова и В. А. Русанова. В. И. Альбанов, ориентируясь исключительно по карте-схеме в книге Ф. Нансена, которую нес с собой, наверное, как Библию, когда из-за лишнего веса было выброшено все, что можно и нельзя было выбросить, с затертого льдами судна чуть ли от самого Северного полюса через несколько месяцев по плавучим льдам с матросом Конрадом шел и вышел с бесценными научными материалами экспедиции на Землю Франца-Иосифа, где счастливо встретился с экспедицией, пришедшей на поиски Г. Я. Седова. Это событие останется практически незамеченным, потому что уже всюю полыхала Первая мировая война. Как и миллионы русских, В. И. Альбанов вскоре сгорит в сатанинской топке Гражданской войны: то ли умрет от тифа в одном из поездов отступающей Белой армии, то ли погибнет при взрыве поезда на станции Ачинск, подорванного красными партизанами. Но до этого он успеет написать замечательную книгу-отчет о своем беспрецедентном ледовом походе «На юг, к Земле Франца-Иосифа», которая и до сегодняшнего дня остается малоизвестной в России, зато на Западе, только уже на рубеже XX—XXI веков, будет не раз переиздана — во Франции, США, Англии, где ее назовут забытым шедевром русской литературы. Наконец, это печальное недоразумение, кажется, скоро исправит московское издательство «Вече». В результате Первой мировой войны в обескровленной войной и революцией России оказались сотни тысяч военнопленных. В условиях Гражданской войны жили они в ужасающих условиях и тысячами умирали от голода и болезней, помимо того они были взрывоопасным элементом, что потом и случилось с воевавшим на стороне Герма-

нии братушками-чехами (это к вопросу о славянством единстве), которые, взбунтовавшись в плену, повели себя в России похлеще гитлеровских оккупантов в Великую Отечественную, не говоря уже о том, что спровоцировали Гражданскую войну, а затем и иностранную интервенцию. Помимо пленных в России накопилось около 30 тысяч интернированных. В то же время более 200 тысяч русских пленных — самая работоспособная часть мужского населения страны, можно сказать, генофонд нации, если учесть, что самые лучшие в большинстве своем уже легли на полях сражений! — томились в лагерях военнопленных за рубежами России, не говоря уже о том, что они тоже были непосильным бременем для стран, в которых находились. Созданная к тому времени Лига Наций, пусть еще далеко не совершенный прообраз международной организации, способной предотвращать социальные и политические катаклизмы, в том числе войны, мечту о которой лелеял во время похода к Северному полюсу и к созданию которой имел самое непосредственное отношение Фритьоф Хансен, еще не способная сама решать такие труднорешимые задачи, не зная, с какого конца к этой проблеме подступиться, увидела единственный выход в том, чтобы поручить выполнение этой грандиозной задачи какому-то одному лицу с абсолютным авторитетом, придав ему чрезвычайные полномочия верховного комиссара. Нужен был человек, которому доверяли бы правительства если не всех, то подавляющего большинства, по крайней мере, европейских стран, в том числе большевики, захватившие власть в России, и которому оказалось бы по плечу такое грандиозное предприятие. Лига Наций решила, что это дело по плечу только одному человеку в Европе: человеку несокрушимой воли, такого же несокрушимого упорства и всемирного непререкаемого авторитета — великому норвежскому полярному ис-

следователю Фритъофу Нансену. Но все знали, что он перед собой начертил план многочисленных и очень важных для человечества научных экспедиций, на осуществление которых мало и двух жизней, а он был уже далеко не молод, и потому на получение его согласия было мало надежды.

К удивлению всех, Фритъоф Нансен легко согласился, перечеркнув тем самым все свои научные планы.

Почему?

Потому, во-первых, как я уже говорил, что он возглагал на Лигу Наций, в создание которой вложил часть своей души, великие надежды, что со временем она станет международным инструментом, способным предотвращать социальные и политические катаклизмы, в том числе войны. А во-вторых, он увидел, что страна, с которой он связывал будущее Европы и даже всей планеты, в беде, и решил, что он должен сделать все возможное, чтобы помочь ей. То есть в своем решении он был, можно сказать, прагматичен: спасая Россию, он спасал Европу, а вместе с ней и весь мир.

Занимаясь военнопленными (и ради объективности надо сказать, что с большевиками оказалось легко договориться, а почему бы им не договориться, если вдруг нашелся человек вне России, который вдруг взял на себя непосильные для них задачи, и они пунктуально выполняли взятые на себя обязательства: каждую неделю к западной границе прибывал очередной эшелон с военнопленными), Нансен увидел, что на Россию надвигается ужасающий голод. Семь лет войны опустошили стратегические запасы страны, нарушили транспортные коммуникации. 17 миллионов человек и 2 миллиона лошадей были изъяты из сельского хозяйства, блокада большевистской России (о попавшем под власть большевиков российском народе западные политики думали меньше всего) отрезала продовольственный

подвоз извне. А тут еще на европейскую часть России, Урал и Сибирь обрушилась страшная засуха. Богатейшие житницы страны превратились в пустыни. Засуха захватила территорию размером в полторы Франции, на ней жили 42 миллиона человек, из них 18 миллионов детей. Засуха и, как следствие ее, голод случались в этих районах и раньше. Но царское правительство, зная об этом, заранее создавало в районах, склонных к засухе, продовольственные запасы и вместе с общественным движением в помощь голодающим, в котором, кстати, активное участие принимал и Л. Н. Толстой, с большими трудностями, но как-то решало эту проблему. Большевики же своей жестокой политикой разверстки, когда из крестьянских сусеков, в том числе в засушливых районах, выгребалось буквально все, вплоть до семенного зерна, довели страну до общенациональной катастрофы. Развязав шумную кампанию помощи голодающим, они начисто выгребали зерно в других областях, менее подвергшихся засухе, тем самым организуя новые очаги голода, на Украине это делалось принципиально в областях с преимущественно русским населением, потому что там во время выборов в Государственную Думу большинство проголосовало не за большевиков, а за кадетов.

Большевики до поры до времени скрывали обрушившуюся на страну и в значительной степени усугубленную их действиями беду, этим они признали бы свою несостоятельность как власти, да в то время никто в мире к ним и не прислушался бы, но, когда беда страшными масштабами переросла в общенациональную катастрофу, своим рупором они избрали М. Горького, который и обратился за помощью к мировому сообществу. Правда, сам «великий пролетарский писатель» остался равнодушным к национальной трагедии, обратившись к мировому сообществу, он спокойненько укатил пережи-

дать беду за границу. Свое отношение к трагедии русского крестьянства он выразил в одном из писем, кажется к Бухарину, что жалеть старорежимного русского крестьянина особенно-то не надо: в результате голода вымрут самые тупые, ленивые, на смену придет здоровое, крепкое, хваткое, образованное поколение...

Но так называемое мировое сообщество на обращение «великого пролетарского писателя» деликатно отмолчалось. Остался не равнодушным к беде только Международный Красный Крест. Сам бессильный чем-то реально помочь, настолько грандиозны были масштабы беды, он обратился опять-таки к Фрицьофу Нансену с просьбой взять на себя, как в случае с военнопленными, полномочия верховного комиссара, на сей раз по оказанию помощи голодающей России. И снова, к удивлению многих, он не отказался.

Нансен обратился за помощью к великим державам: **«...мандат, полученный мною, предлагает апеллировать к правительствам всего мира. И я буду настойчив. Я постараюсь сплотить народы Европы, чтобы они предотвратили жесточайшее испытание в истории, предстоит страшное состязание — кто скорей. Мы должны опередить русскую зиму, которая медленно, но верно надвигается с севера. Постарайтесь по-настоящему понять, что будет, когда русская зима настанет всерьез, потом будет поздно раскаиваться!»** Но так называемые великие державы под предлогом нежелания сотрудничать с большевиками ответили отказом, в то время как в США пшеница гнила у фермеров, не знавших, куда ее сбыть, а в Аргентине столько скопилось кукурузы, что ею начали топить паровозы. Тогда он обратился к частным лицам...

Несмотря на все нападки, интриги и противодействия, Нансену удалось организовать сбор средств и наладить доставку продовольствия в голодающие

районы России. Сейчас это кажется невероятным, но первое время это приходилось делать при противодействии большевиков чуть ли не подпольно. Русская беда на какое-то время объединила многих людей не только Европы, но и Азии и Америки, в том числе и тех, кто только еще вчера воевал по чужой воле друг с другом, они вдруг почувствовали себя единым человечеством. Пожалуй, мир еще не видел такого горячего стремления оказать помощь попавшим в беду. И не потому, что на одну из стран впервые в мировой истории обрушилась такая беда, а потому, что, может быть, впервые на планете появился такой объединяющий всех человек. Увы, после Нансена человека такого масштаба и такого авторитета на планете уже не было. От частных лиц и организаций чуть ли со всего мира стекались посылки с подарками и денежные переводы. Далеко не всегда представители имущих классов давали больше других. Чаше как раз беднейшие жертвовали свои последние деньги. Один рабочий из Монтевидео прислал все свои сбережения в 12 тысяч песо, французский поэт — 48 тысяч франков. А юная девушка из США все содержимое своей копилки, что копила с раннего детства, — 341 доллар. Квартирный хозяин и друг Нансена со студенческих лет, пастор Хольт из Бергена, к тому времени уже одинокий старик, пожертвовал все свои сбережения — 3712 крон. Нансен гордился тем, что Норвегия, где уже в 1919 году был основан комитет помощи голодающим в России, со своим малочисленным населением дала больше, чем кто-либо.

Масштабы и результаты деятельности возглавляемой Фритъофом Нансеном миссии были поистине грандиозны. Когда ее работа набрала полную силу, то ежедневно помощь голодающим оказывалась почти 2 миллионам человек в 14 областях России. Нансен сам много ездил по России, забирался в самую глубинку, за-

ходил в крестьянские избы, зачастую заставая там уже только мертвых, его не останавливала опасность заболеть сыпным тифом, от которого из 60 его сотрудников-добровольцев умерли 10. В промежутках он ездил по Европе: Гаага, Берлин, Стокгольм... Везде он взывал к помощи. Из экономии средств Нансен не получал в миссии никакой зарплаты, он селился в самых дешевых гостиницах в холодных мансардных комнатах, ездил только в поездах 3-го класса. Свою речь в церкви в Копенгагене он закончил такими словами: **«Я сказал свое слово и буду повторять его снова и снова. Никогда не забыть мне смертную тоску в глазах русских детей. Спасите Россию!»**

Выступление в Лиге Наций с программой помощи голодающим в России вызвало волну клеветнических нападок на Нансена как со стороны западных правительств, так и со стороны некоторых белоэмигрантов, виноватых в трагедии России не менее, а может, и более большевиков, в свое время своей бездарной политикой доведших страну до революции. Они не могли простить Нансену его сотрудничества с Советами. До вымирающего от голода, в том числе и по их вине, российского народа им не было дела.

Нансеновская миссия помощи голодающим, действовавшая на благотворительные средства, работала в России с сентября 1921-го по август 1923 года и спасла от голодной смерти 6,4 миллиона детей и почти полмиллиона взрослых, не говоря уже о том, что миссия учредила много детских домов. По случаю окончания работы Нансеновской миссии Совнарком принял специальное постановление, в котором выразил ему глубочайшую благодарность, подчеркнув при этом, что он организовал «широкую самоотверженную кампанию за оказание помощи голодающим в Советских Республиках» и вел «неутомимую борьбу с противниками

этой помощи. Постановление, подписанное председателем IX съезда Советов М. Калининым, заканчивалось такой тирадой: «Русский народ сохранит в своей памяти имя великого ученого, исследователя и гражданина Ф. Нансена, героически пробивавшего путь через вечные льды мертвого Севера, но оказавшегося бесильным преодолеть безграничную жестокость, своекорыстие и бездушие правящих классов капиталистических стран».

Увы, насчет своекорыстия и бездушия правящих классов капиталистических стран товарищ Калинин был прав. Хотя последние слова в большей степени можно было отнести к самим большевистским бонзам. Тот же Калинин, принимая Нансена, демонстративно пил с ним пустой чай, а, проведив его, шел откусывать в спецбуфет: теперь хорошо известно меню партийных бонз того времени, мало чем отличавшееся от меню нынешних элитных ресторанов для олигархов, пролетарские вожди ни в чем не ограничивали себя, заботясь о своем здоровье, которое им нужно было для разжигания пожара мировой революции, свой народ их интересовал только в качестве дров в этой сатанинской топке. Примерно в то время был разыгран и сентиментальный спектакль, когда крестьяне пришли спасать от голода Владимира Ильича Ленина, а он, тоже демонстративно пьющий морковный чай, отправил их скромные подарки в детдом голодающим детям. В то время, когда тысячи людей в России умирали от голода, большевики по всей стране собирали помощь бастующим английским рабочим. И уже в 1922 году, когда с голодом и с его последствиями до конца еще не было покончено, большевистское правительство, видимо прислушавшись к мнению «великого пролетарского писателя», заявило, что больше не намерено помогать голодающим, чтобы не поощрять лентяев и тунеядцев, и снова начало экс-

порт хлеба за рубеж, чем вызвало возмущение мировой общественности. Доходило до того, что в одном порту с одного причала разгружали продовольственную помощь миссии Нансена и американской АРА, а на соседнем шла погрузка зерна в Гамбург.

Впрочем, чему тут удивляться?! Отношение революционеров-интернационалистов, прежде всего, по-прежнему святого для товарища Зюганова, но не забвенного не только для него, а, по-своему, и для всего русского народа, В. И. Ленина (Ульянова-Бланка), к российскому крестьянству ярко выразилось еще во время голода конца XIX века. Голод, как и террор, они считали своим верным союзником в деле мировой революции, в которой русскому народу отводилась роль пороха или пушечного мяса. В 1891 году, когда самарское общество во главе с губернским предводителем дворянства, сыном великого русского писателя Сергея Тимофеевича Аксакова Григорием Сергеевичем Аксаковым в меру своих сил боролось с последствиями засухи и наступившим после нее голодом, а Самара была центром голодающего Поволжья, будущий вождь мировой революции, тогда двадцатилетний помощник самарского присяжного поверенного, был единственным из представителей местной интеллигенции, кто не только не участвовал в общественной помощи голодающим, но был категорически против нее. «В конце 1891 года, — впоследствии восторженно писал один из поделщиков будущего вождя мирового пролетариата некто В. Водозов, — разговоры о борьбе с голодом привели к созданию в Самаре особого комитета для помощи голодающих... В комитет входила самая разнообразная публика — от чиновников, занимающих высокие посты в местной служебной иерархии, до лиц, явно неблагонадежных, даже прямо поднадзорных... На собраниях и сходках молодежи Ленин вел систематическую и ре-

шительную пропаганду против комитета... Владимир Ильич Ленин имел мужество открыто заявить, что последствия голода — нарожение промышленного пролетариата, этого могильщика буржуазного строя — явление прогрессивное, ибо содействует росту индустрии и двигает нас к нашей конечной цели, к социализму, через капитализм... Голод, разрушая крестьянское хозяйство, одновременно разбивает веру не только в царя, но и в Бога, и со временем, несомненно, толкнет крестьянство на путь революции и облегчит победу революции...» Свое отношение к комитету помощи голодающим, то есть к тем, кто пытался помешать «прогрессивному явлению», будущий Ленин выражал, по свидетельству своего подельника, чрезвычайно ясно и просто: «С членами комитета один способ разговора: рукой за горло и коленкой на грудь!»

Нансен, которого на Западе обвиняли в сотрудничестве с большевиками, даже в симпатиях к ним, на самом деле всей своей сущностью ненавидел большевизм, но ради спасения русского народа, который в то время был под властью большевиков, он сотрудничал с ними. Он верил в будущее России. Он верил в русский народ больше большевиков, строивших будущую Россию, отринув тысячелетнюю историю страны. В недалеком будущем они сведут героические усилия Нансена по спасению русского народа почти на нет, согнав в концлагеря генофонд нации — цвет русского крестьянства, но все равно великие труды Фритьофа Нансена как сберегателя русского народа не пропали даром.

Фритьоф Нансен мужественно переносил нападки со всех сторон и продолжал свое дело. Он вел работу с дальним прицелом. Сначала надо было утолить голод и остановить эпидемии — этот вид помощи в России так и назывался «Помгол». Затем миссия начала борьбу с последствиями голода и болезней, большевики

этот период работы назвали «Последгол», в его задачи входило обезопасить народ от повторения неурожая в следующих годах. Чтобы разрешить эту задачу, нужно было достать машины, тракторы, сельскохозяйственные орудия, лошадей и семена, а также строительные материалы. В 1923 году Нансен учредил — частично на свои личные средства, в этом году ему была присуждена Нобелевская премия мира в размере 122 тысяч крон и такую же сумму он получил от датского издателя Хр. Эриксена — две сельскохозяйственные станции на коллективных началах: на Украине и в Поволжье. Эти крупные хозяйства должны были, по мысли Нансена, служить примером более рационального способа производства. В 1927 году на базе этих станций было создано два крупных совхоза, один из которых — на Днепре — получил имя Нансена.

Важное место в нансеновской программе помощи России отведено помощи школам и университетам. Этим делом занимались специально созданные организации «Европейская помощь студентам», «Нансеновская помощь работникам интеллектуального труда». Нансен был убежден, что будущее любой страны зависит от уровня развития науки, а потому считал обязательным создать такие условия, в которых русская наука могла бы развиваться.

Но спасением голодающих помощь Нансена России не ограничилась. Огромная часть России в результате братоубийственной Гражданской войны оказалась за рубежом и была абсолютно бесправна, и, как ни парадоксально, часть белоэмигрантской верхушки, ослепленная ненавистью к большевикам, всячески мешала Нансену помогать голодающим крестьянам Поволжья, Приуралья, некоторых областей Западной Сибири и Украины. За пределы России оказались выброшенными 2 миллиона русских. (В прошлом году в Калужской

области под Оптиной пустыней я встретился с потомственным уральским казаком, который вернулся в Россию аж с Папуа—Новой Гвинеи.) Многие из этих стран сами еще не пришли в себя от мировой войны, другие традиционно были нищими. Были наводнены беженцами Латвия и Эстония, около 30 тысяч российских беженцев было в Финляндии, не меньше 25 тысяч в Чехословакии, 50 тысяч в Югославии, 35 тысяч в Болгарии, около 75 тысяч в Ближней Азии, более всего русских беженцев оказалось во Франции — почти полмиллиона... У большинства из них не было никаких документов, они не имели никакого социального статуса, их перегоняли из одной страны в другую, как скот, без пищи и денег, они были обречены на вымирание. А некоторые правительства принимали постановления вообще не пускать русских. Не говоря уже о том, что в мире не было никакого социального или иного механизма, который мог бы решить проблему, созданную большевистской революцией в России. Никто не в силах был решить на первый взгляд простую, но в то же время практически неразрешимую задачу: дать беженцам право на жительство, на работу. Нужна была облеченная чрезвычайными полномочиями личность с непререкаемым авторитетом. И опять Международный Красный Крест обратился к Фритьофу Нансену. И опять он сразу же согласился. Он понимал, что истины нет ни у красных, ни у белых, не случайно патриарх Тихон, предавший анафеме большевиков, не благословил вождей Белого движения, и потому Нансен одинаково заботился об оказавшемся и под красными, и под белыми русском народе, в который безгранично верил.

Из нынешнего поколения, наверное, уже мало кто сможет, к сожалению, или, наоборот, к счастью, ответить на вопрос, что такое нансеновский паспорт. А ведь в 20-е годы прошлого века он спас жизнь сотням тысяч

русских людей. Так называемый нансеновский паспорт был введен Лигой Наций в 1922 году по предложению Фритьофа Нансена для определения правового статуса русских беженцев. На старый российский паспорт, или какой другой сохранившийся документ, наклеивалась после уплаты 5 франков марка с портретом Нансена, дававшая законную силу данному документу. Юридическая сила нансеновских паспортов была признана 52 правительствами, в дальнейшем их выдавали армянским, турецким и сирийским беженцам. Это был до сих пор не виданный тип паспорта — в сущности, маленькая марка с портретом великого полярного исследователя, на которой стояла надпись: «Société des Nations». Но эта скромная маленькая марка предоставляла несчастным людям право на существование в странах, в которых они по воле судьбы оказались. Я такой паспорт видел в Болгарии, у директрисы Аксаковской гимназии в г. Пазарджик Александры Николаевны Полищук-Оболенской, который в свое время, без преувеличения сказать, спас ее отца, бывшего прапорщика Белой армии, пробиравшегося с этим паспортом из Турции в Прагу, в организованный по инициативе Фритьофа Нансена Русский университет для русских беженцев, и по дороге осевшего в Пазарджике. Подобные университеты и школы были открыты и в других странах. Я видел нансеновский паспорт во Франции у отставного капитана французской армии Aleksisa Abakumoffa, Алексея Владимировича Абакумова, внука полковника армии генерала Врангеля, и у племянника капитан-лейтенанта русской артиллерии Мишеля Юрша, потомка древнего литовского рода, до конца дней своих так и не принявшего французского гражданства и оттого имевшего немалые жизненные неудобства. К дочери Нансена, Лив, в Осло однажды подошел таксист, бывший полковник русской армии, оказавшийся племян-

ником великого русского композитора Н. А. Римского-Корсакова: «Все мы, русские, благодарны вашему отцу за то, что остались живы».

Помимо того Нансен способствовал возвращению на родину десятков тысяч рядовых солдат Белой армии, чему опять ему всячески препятствовали некоторые белые вожди, прежде всего генерал А. П. Кутепов, который, потеряв чувство реальности, мечтал о новом военном походе на большевиков. Нетрудно представить, чем обернулся бы этот поход для России, в новой братоубийственной схватке погибли бы еще миллионы людей, и Россия, скорее всего, перестала бы существовать как самостоятельное государство...

Фритьоф Нансен был прост, мудр и велик, как Северный Ледовитый океан. Он явил собой пример возможности создания механизма международного сообщества, предотвращающего войны и социальные катаклизмы. Мир по большому счету оказался недостойным его. Лига Наций, а после нее ООН не стали инструментом, предотвращающим войны, социальные и этнические катаклизмы.

Рядом с Фритьофом Нансеном в XX, а теперь уже и в XXI веке по величине, по масштабам содеянного добра (злых гениев было с избытком) некого поставить. В какой-то степени с юношеских лет занимаясь историей исследования Арктики (пытался разгадать судьбу полярной экспедиции под руководством Г. Л. Брусилова на шхуне «Св. Анна», был одним из руководителей экспедиции по поискам самолета С. А. Леваневского, пропавшего без вести при перелете через Северный полюс из СССР в США в августе 1938 года), я всегда преклонялся перед Нансеном как перед великим полярным исследователем, разумеется, знал и о нансеновской помощи России, но никогда не задумывался над тем, что она может иметь ко мне самое прямое отношение...

Некоторые простые, но в то же время великие истины открываются порой неожиданно, можно сказать, случайно. В тот раз я приехал к матери, как всегда, лишь на пару дней, как оказалось, незадолго до ее смерти. Я тогда готовил очередное издание своей книги о В. И. Альбанове «Загадка штурмана Альбанова». В числе других книг я привез с собой книгу Нансена «Фрам» в полярных льдах».

Мать, освобождая стол от моих бумаг для обеда, спросила:

— А этот Нансен не имеет отношения к нансеновской помощи в 20-е годы, сразу после Гражданской войны? Сначала засуха была, а потом страшный голод. У нас на хуторе до этого не доходило, а в некоторых деревнях мертвых ели, о кошках и собаках говорить нечего. Или, случалось, забредал в деревню чужой и пропадал, а потом только обглоданные кости находили. Отец, вспоминая то время, не раз говорил, что мы выжили тогда только благодаря какой-то нансеновской помощи. Только что закончилась Гражданская война, в сусеках пусто, лошадей, всякую другую скотину — красные ли, белые приходили — реквизировали. Мне чуть больше года тогда было, а отец твой, наверное, еще грудным был, а может, бабка Лукерья еще на сносях с ним была.

И только тут меня больно стукнула запоздалая мысль-прозрение, что я, может, живу тоже благодаря Нансену, потому как мои мать и отец, родившиеся в 1919 и в 1921 годах, вряд ли выжили бы, если бы не нансеновская продовольственная помощь, дошедшая тогда и до тоже охваченных страшной засухой и страшным голодом предгорий Урала.

И как бы читая мои мысли, мать добавила:

— Теперь вот думаю: ни он, ни я не выжили бы. И тебя не было бы, и Веры с Юрой. И много кто еще не родился бы...

Я прочитал матери отрывок из книги дочери Нансена, Лив: «Мне казалось, что я-то уж знаю, как бороться с зимой, — говорил отец. — Но тяжесть борьбы, идущей в Восточной Европе, превзошла все мои ожидания... Я заранее готов был увидеть страдания, смерть и человеческое горе. Но я не предполагал, что увижу целые селения и даже целые провинции, где все только и живут в ожидании смерти-избавительницы. Я не был подготовлен к тому, что увижу мужчин и женщин, которые доведены голодом и страданиями до самых черных деяний. То, что мы видели, описать невозможно.

Пять недель прошло с тех пор, как я в приволжских степях видел обращенные ко мне огромные умоляющие глаза детей. Ради них и во имя милосердия обращаюсь я теперь к вам, к общественности, а через вас к правительствам. Давайте начнем действовать! Не то будет поздно!»

— У нас даже портрет Нансена на стене был, — вспомнила мать, — отец вырезал из какого-то журнала. Потом один заезжий, то ли уполномоченный, что ночевал у нас, посоветовал убрать: иностранец рядом с портретом Сталина, как бы боком не вышло. Отец, бывало, как немного выпьет, без слез не мог: какой мы великий народ, мало нам было германской войны, так еще три года друг друга колошматили, сосед на соседа, брат на брата шел, довели страну до ручки, а какой-то иностранец после всего этого нас, беспутных, стал спасать от голода.

И меня обдала холодом другая мысль: «Может, если бы не Нансен, не было бы сколько-нибудь полноценного поколения призыва 19—21-го годов, которое в большинстве своем в 41-м первым приняло на себя удар гитлеровских полчищ, только 3 процента которого вернулось с войны, в том числе мой отец, тяжело ра-

ненный под Москвой, но благодаря которому выстояли призывники других, более поздних годов и, в конце концов победили.

Покопайтесь каждый не в столь уж отдаленной истории своей семьи, и окажется, что многие из вас сейчас живут благодаря великому норвежцу, потому что у многих из вас он спас матерей, отцов и дедов: или от голода в России, или вернул их, обреченных на вечное изгнание, на Родину; а из-за страха смерти не пожелавшим вернуться в Россию помог выжить там, за рубежами ее, но остаться русскими...

Ради справедливости нужно сказать, что он помогал не только русским, он спасал порой враждующих между собой греков, болгар, турок, сирийцев, евреев... Я не знаю, есть ли памятник Нансену в Ереване, но он там тоже обязательно должен быть, если армяне считают себя великим и не беспамятным народом. В 1924 году, когда положение в России несколько стабилизировалось, Нансен, опять-таки отставив в сторону научную работу, поехал в Армению, где занялся изучением возможности размещения армянских беженцев, покинувших турецкую Армению в результате геноцида и мыкающихся в различных частях мира. И снова ему удастся пробить стену холодного равнодушия...

В первые десятилетия после голода начала 20-х годов в советской России власти Нансена официально любили. Его именем называли сельскохозяйственные станции, колхозы, детские дома, но, как правило, только те, которые он сам основывал или которым помогал. А потом начались новые большевистские и иные эксперименты над русским народом, ко всему прочему, может быть, кого-то всерьез напугали приведенные мной в качестве эпиграфа сказанные Нансеном на весь мир пророческие слова о будущем России. Срочно был переориентирован на восток вскормленный «тайной

беззакония» Гитлер. Черда правителей-недоумков после Сталина — и в результате стал успешно осуществляться разработанный той же «тайной беззакония» план Алена Даллеса по расчленению, а потом уничтожению России, ему помогали хрущевские реформы, по своим разрушительным результатам сравнимые, наверное, только с гитлеровской оккупацией, во время их Россия потеряла объявленными неперспективными столько деревень и хуторов, сколько не потеряла во время войны. Потом была неольшевистская криминальная революция 90-х годов, и любое воспоминание о нансеновской помощи только бы подчеркивало неспособность или даже нежелание очередной власти накормить родной неродной народ. Отечественный же, может, даже не европейский, а всемирный герой нашего времени, равный по величине Нансену, великий русский ученый Николай Иванович Вавилов, своими открытиями способный накормить не только Россию, но и, возможно, все человечество, огромная часть которого и по сей день страдает от недоедания, а в ближайшем будущем будет страдать еще больше, был уморен голодом в саратовской тюрьме.

Прежняя же, коммунистическая, власть помогала русскому народу забыть Нансена еще и потому, что он отрицательно относился к коммунистической партии Норвегии, как и к коммунистической идее вообще. Но Нансен принципиально никогда не состоял и ни в какой-либо другой политической партии. Кое-кто его называл даже космополитом, по большому счету он им и был, но только в том единственном, высшем, смысле этого слова, что, будучи истинным гражданином Земли, он любил все человечество и страдал по всему человечеству. Например, его назвал космополитом в некрологе в немецком журнале «Вельтбюне» известный немецкий журналист-пацифист Карл Оссецки, в 1936 году удостоенный, как и

Нансен, Нобелевской премии мира (он погибнет в 1938-м в гитлеровском концлагере): «Что стало бы без него с миллионами европейцев в те безумные 1919—1923 годы? Этот норвежец, ставший космополитом, заслужил нансеновский паспорт в бессмертии».

Спасая другие народы, Нансен оставался страстным патриотом Норвегии, а отрицательно относился к любым партиям потому, что, по его мнению, партийная борьба препятствует объединению народа для решения крупных общенациональных задач. Несомненно, будучи истинным гражданином мира, как гражданин и патриот Норвегии, Нансен выступал за широкое национальное движение, которое могло бы преодолеть всякие классовые и партийные противоречия. Он явился одним из инициаторов создания в Норвегии в 1925 году **консервативного по своей сути Отечественного союза, ставившего своей целью объединение всех патриотических сил для создания мощного национального государства**. Вот на что нужно бы ориентироваться нынешней власти в России, если она действительно патриотична, а не на искусственное поддержание и даже создание за счет нищих налогоплательщиков новых дебильных опереточных карманых партий во главе с «Единой Россией», жалкого подobia КПСС. С коммунизмом, ради построения которого были угроблены миллионы русских, как-то не получилось, сказку сделать былью не удалось. Потом в срочном порядке стали строить социализм с человеческим лицом, все это утонуло в листопаде слов, теперь аврально строят капитализм с человеческим лицом и, что настораживает, как в случае с артистом разговорного жанра М. С. Горбачевым, очень много и красиво говорят...

Еще в 1930 году Моссовет постановил установить памятник Нансену в Москве в течение года со дня его смерти.

Памятник наконец был открыт лишь 18 сентября 2002 года в Большом Левшинском переулке (автор скульптуры Владимир Цигаль, архитектор Евгений Розанов) исключительно огромными усилиями вице-президента общества «Россия—Норвегия» Карла Семеновича Цыха, который и на открытии памятника с горечью повторил, что «про Нансена у нас просто забыли».

Открытие памятника по большому счету осталось незамеченным, тем более не стало событием, оно затерялось среди сообщений о других, более «важных» памятниках: всевозможным, в том числе виртуальным, зверюшкам и сомнительным литературным героям, таким, например, как Остап Ибрагимович Бендер. Впрочем, появление памятника гениальному предтече Березовских и Ходорковских по-своему оправданно, пока именно он является ныне в России олицетворением не официальной, скрываемой от народа государственной и национальной идеи. Мне так ближе памятник хрюшке, поставленный в свиноводческом совхозе «Рошинский» в Башкирии, он, может, более оправдан, чем установка многих других памятников, появившихся в последнее время, потому как совхоз стоит на страже продовольственной безопасности страны, успешно борется с засильем на отечественном рынке забугорной, далеко не первой свежести свинины. Долго смаковали СМИ намечающуюся установку памятника то ли примусу, то ли кастрюле из «Мастера и Маргариты» Булгакова на Патриарших прудах. Об установке памятника Фритьюфу Нансену я, например, узнал только через несколько лет после его открытия — в интернете, и то по подсказке, потому как все отечественные СМИ в день установки памятника страдали по поводу угона «Мерседеса» у получившего титул дежурного по стране пошлого шута Жванецкого, этот факт был возведен

в ранг национальной трагедии, даже об официальных визитах тогдашнего президента В. В. Путина сообщали во вторую очередь.

Открытие памятника Фритъюфу Нансену не стало осмыслением явления Нансена человечеству, его роли в спасении России как будущей спасительницы мира, его попытке объединения человечества перед грядущими бедами и катаклизмами, не говоря уж о том, что памятник поставили в скромном переулке (да, забыл, в Москве именем Нансена назван еще проезд в районе метро «Свиблово») в то время, когда продолжают носить имена палачей русского народа центральные площади и улицы большинства больших и малых российских городов и еще не до конца вымерших по воле их внуков и правнуков сел и деревень...

2008

Выбор Высокого Неба...

Драгош Калаич

Получилось так, что в один день умерли два, может, самых близких для меня человека: сестра — самый близкий и, наверное, единственный сколько-нибудь понимающий меня человек из немногочисленных родственников, и — хотя встречались мы с ним всего несколько раз, потому как в последние годы он был снова, как в молодости, отлучен от родины уже другими югославскими властями и жил в зарубежье — выдающийся сербский художник, журналист, философ и геополитик Драгош Калаич — может быть, самый близкий мне человек по духу, по мироощущению.

Он был — словно постоянно кровоточащая рана. Есть такие люди — то ли по таинственной воле Божией, то ли по какой другой столь же таинственной причине, — язвы на теле которых кровоточат всю жизнь, постоянно напоминая то ли о жизни иной, то ли о смертных грехах наших, которые, если мы не опомнимся, приведут нас к пропасти. Говорят, что таким людям, в отличие от остальных смертных, видится будущее. У Драгоша Калаича кровоточили, если можно так сказать, глаза. Мимо него нельзя было пройти, не обратив на него внимания. Не говоря о том, что он был просто красивым мужчиной и человеком, прежде всего привлекали внимание его глаза, полные неизъясимой боли и печали, даже если он улыбался, потому что он, видимо, видел дальше нас. Передо мной лежит одна из его книг, изданных в России, на последней странице обложки его фотография: глаза — словно две пронзительные раны.

Эта боль в них, видимо, была изначальной, родилась вместе с ним. Я видел его детские фотографии, на них, может, не так отчетливо, но она уже была видна. Скорее всего, он не принадлежал себе. Его судьба могла быть более чем благополучной в простом житейском смысле этого слова: талантливый художник, окончил знаменитую Римскую *Academia di Belle Arti*, первые же картины приносят ему широкую известность и относительное материальное благополучие. Но уже его картина «Возвращение», кстати принеся ему европейскую известность, показала, что он избрал для себя иной путь, или, может, точнее сказать, он был избран для другого пути. Потому что Господь, скорее всего, избрал его предупредить не только Югославию, уже стоявшую на грани катастрофы, но все еще не видевшую этого, но, может, даже в большей степени — Россию, но и всю Европу, о грядущей беде, которую еще можно предотвратить, раскрыть

глаза всему миру на «тайну беззакония». Подобно тому, как в России Господь избрал для этой роли провинциального и тишайшего, болезного иеромонаха Иоанна, в свое время написавшего акафист Табынской иконе Божией Матери, покровительнице огромных просторов России от Волги до Тобола и ушедшей в изгнание с большой частью русского народа вместе с атаманом Дутовым, и дерзновенно закончившего акафист словами «Всего мира Надежду и Утешение» (за это дерзновение правящий тогда патриарх Алексей I не утвердил акафист), позднее светоча Русской Православной Церкви второй половины XX века митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна, не случайно, что его страстные книги в защиту России, Православия будут переведены на сербский язык благодаря именно Драгошу Калаичу, они станут опорой и многим было потерявшим мужество и почву под ногами сербам.

Привыкшие верить печатному слову, мы долгое время считали, безоглядно веря написанным хитрыми людьми школьным и не только школьным учебникам, что Белград во Вторую мировую войну был почти стерт с лица земли летчиками люфтваффе по приказу Гитлера. Мягко говоря, — разумеется, не пытаюсь обелить Гитлера — это не совсем так, если не сказать, что все было совсем не так. Да, Драгош Калаич родился в 1943 году в оккупированном гитлеровцами Белграде (Югославия спутала карты Гитлера по нападению на СССР, в результате он смог обрушить на него войска только в конце июня, еще неизвестно, чем бы закончилась Великая Отечественная война, если бы он напал на СССР в начале мая, как первоначально планировал, и немецкие войска оказались бы под стенами Москвы в августе или сентябре 1941 года), но свои первые шаги Драгош Калаич сделал, как он позже сам писал, «под бомбами демократии» — во время массированных налетов аме-

риканской авиации на жилые кварталы Белграда, где не было никаких немецких военных объектов. Тогда это многие сочли за ошибку пилотов. Драгош Калаич изучал историю Второй мировой войны, в отличие от многих из нас, не по учебникам, учившийся ходить под американскими «бомбами демократии», он раньше многих задумался, почему объектами руководимой американцами союзной авиации стали прежде всего не имеющие никакого отношения к стратегическим военным объектам «третьего рейха» Дрезден, Реймс, Милан, Падуа, Белград... — города прежде всего с древнейшими христианскими храмами, памятниками культуры, музеями (сидящие в самолетах в качестве летчиков рядовые англичане, поляки, французы, те же американцы, разумеется, не подозревали об истинных целях операций). Еще в юности Драгош Калаич пришел к выводу, что под предлогом борьбы с «третьим рейхом», с Гитлером, которому американские банкиры на первых порах тайно помогали, создавшая в свое время США «тайна беззакония» начала вселенскую войну с христианской цивилизацией (японская Хиросима была выбрана только в качестве полигона и маскировки истинных целей). И всю свою жизнь вынужденный жить под американскими «бомбами демократии», как в переносном, так и в прямом смысле, когда весной 1999 года США снова обрушат на Белград, столицу единственного в Западной Европе (а может, и в мире?) в какой-то степени еще православного государства, на другие сербские города и села сотни тысяч тонн более совершенных, чем во Вторую мировую войну, бомб, Драгош Калаич будет мужественно разъяснять полуслепому миру истинные корни возникновения североамериканского государства и нынешней американской политики. И где мы видели только частности истории, только югославскую трагедию, лишь косвенно касающуюся России, то он, наделенный

внутренним глазом и потому мыслящий глобальными категориями, в этом явственно увидел начало Третьей мировой войны, развязанной «тайной беззакония» против всего человечества и ловко спрятанной под безобидными с виду терминами «новый мировой порядок», «глобализация», «интеграция»...

А первой победой «тайны беззакония» в новейшее время было навязывание в качестве мировой валюты доллара с принципиально торжествующей масонской символикой, не обеспеченного никакими золотыми или иными запасами (сколько хочу, столько и печатаю). Одна из работ Драгоша Калаича так и называлась: «О символике доллара». Драгош Калаич одним из первых раскрыл непосвященным, что доллар — далеко не универсальная и вроде бы удобная денежная мировая валюта, как может показаться и в чем нас пытаются убедить, а что доллар «олицетворяет успех, который должен сопутствовать продвижению высшей цели «нового мирового порядка» на века». А в работе «Новые признаки Ветхого Завета» (религиозные корни мондиализма) Драгош Калаич раскрывает суть с виду не только безобидного, но даже соблазнительного будущего плана мироустройства, прячущегося под термином «новый мировой порядок», вроде бы долженствующего раз и навсегда исключить войны, расовую и иную междоусобицу и создать единое на планете гармоничное общество:

«Следующие строки прояснят связь между ветхозаветной концепцией и стратегией завоевания «земли обетованной», с одной стороны, и мондиалистским проектом установления «нового мирового порядка». Единственно зримые отличия проявляются здесь опять-таки же в плане количества: «земля обетованная» в настоящее время охватывает только часть нынешнего Аравийского полуострова, в то время как «новый мировой порядок» претендует, по определению, на всю

планету... Частые и броские ссылки стратегов и трибунов «нового мирового порядка» на ветхозаветные образцы и принципы являются не просто риторическими прикрасами, но свидетельствуют об отождествлении иудео-протестантского человека с библейским. Милтон Конвиц, еврейский политолог и юрист, в научном труде «Judaism fand the Amerikan idea» самодовольно, но при этом весьма убедительно доказывает нам с помощью ряда анализов и документов, что «американская правовая система, конституция и идея о «правах человека», равно как и основные положения либерализма, по своему содержанию суть непосредственное и секуляризованное продолжение священных книг еврейства, начиная с Ветхого Завета. Американская цивилизация с самого начала, и отчасти из-за того, что американские отцы-основатели считали себя израильянами, покинувшими Египет (читай: Европу) и достигшими Земли Обетованной (Америки), где они могут жить по Божьим, а не по человеческим законам, переняла все качества юридически ориентированной цивилизации». Вероятно, излишне обострять внимание на том, что речь здесь идет о «правовой ориентации», выведенной из закона и казуистики Ветхого Завета».

И еще: «Ветхозаветные нормативные и информативные принципы захвата, грабежа и геноцида реализовались по всему фронту новейших колониальных походов, и в первую очередь — на Североамериканском континенте, где протестантские колонисты истребили с помощью оружия, голода и болезней около семи миллионов коренных жителей, согнав жалкие остатки уцелевших в резервации — своеобразные прообразы современных концлагерей. Завоеватели Северной Америки воспринимали эту землю и ее народы под углом зрения, типичным для Ветхого Завета, действуя по тем же моделям нетерпимости и жестокости. Они

отождествляли себя с ветхозаветными израильтянами, а в новом континенте видели Ханаан, «землю обетованную» ... «Новый мировой порядок» является последним — крупнейшим и чудовищнейшим — плодом иудо-протестантского гумуса, из которого он черпает образцы политической нетерпимости, жестокости и разбойничьей необузданности».

Вот так, оказывается, все просто и ясно, если снять маскировочные одежды. У нас в стране долгое время долдонили, что США — оплот империализма, цель которого — достижение мирового господства. Это действительно так. Но мы или не понимали, а кто понимал, видимо, боялся в открытую сказать, что США — только вывеска для непосвященных, что американский империализм — это не что иное, как ловко спрятанное за рекламными щитами современное материальное воплощение ветхозаветной идеи, очередной этап завоевания мира. Освобожденный от индейцев и прочего «национального хлама» Североамериканский континент уже стал «землей обетованной», теперь на очереди Европа и Россия — главное препятствие на пути к мировому господству. Что США, как государства с национальными интересами и национальной идеей, не существовало и не существует, как и не существует американского народа, и не только потому, что он не успел сложиться в народ из отбросов других народов, бросившихся и ныне бросающихся на Североамериканский континент в поисках легкой наживы (за редким исключением, вроде русских беженцев после ветхозаветной Октябрьской революции, которые, вроде Игора Сикорского и Владимира Зворыкина или серба Никола Теслы, вынуждены будут служить, может, не подозревая об этом, ветхозаветной идее, крепя экономическую и военную мощь Соединенных Штатов). Что США — только инструмент для достижения тайных целей, заложенных в Ветхом

Завете. И что покотившаяся ныне по миру волна так называемого исламского терроризма — с которым, безусловно, нужно бороться и самым жестким образом, но объясняя остальному миру истинные корни его, — это прежде всего реакция на ветхозаветный американский терроризм, невозможность бороться с ним другими, цивилизованными методами, не говоря уже о том, что Бен Ладен был вскормлен ветхозаветными американскими спецслужбами. С одной стороны, ислам ранее других почувствовал грозящую миру опасность, и в него еще, как в часть христианства, называемого ныне католицизмом, не проник дух Ветхого Завета, как и по сути нехристианского толстовского непротivления злу насилием, и ислам начал борьбу с ним. С другой стороны, подозреваю, Бен Ладен не предавал американские спецслужбы, как ныне принято считать, а в ислам специально был внедрен вирус Бена Ладена, чтобы ислам, компрометируя себя в глазах народов, начал «борьбу» с американским империализмом навязанными ему кровавыми ветхозаветными методами.

Да, с терроризмом нужно бороться. Только надо ли объединяться в борьбе с ним как раз с террористом № 1 — США и подпевающей им Великобританией, путая тем самым акценты и навлекая на себя атаку так называемых исламских террористов и, будучи чуть ли не на треть мусульманской страной, подозрение истинных мусульман. Поэтому вызывает много вопросов позиция нынешней российской власти касательно борьбы с так называемым исламским экстремизмом — или это от недоумия, мягче сказать, недопонимания, навязанного ей пятой колонной — ветхозаветными прозападными либералами, все еще во многом определяющими внешнюю и внутреннюю политику Кремля, или просто-напросто хитрый обман российского народа. И не нужно предаваться иллюзиям по поводу партнер-

ства с США и так называемого сбалансирования интересов. В основополагающем документе Европейского командования США четко и ясно написано: «Россия — европейская и азиатская страна, входящая в зону ответственности Европейского командования США». Ни больше ни меньше...

Говоря о методах сопротивления ветхозаветному «новому мировому порядку», Драгош Калаич в статье «Пацифизм против христианства», прямо не называя его имени, спорил с Львом Толстым по поводу его опасно сладенькой идеи «непротивления злу насилем», прямо или косвенно используемой современными исповедывателями Ветхого Завета: «Опыт нынешнего века неопровержимо доказывает: «пацифизм» еще никогда и нигде не был автономным явлением, но всегда и всюду являлся проверенным средством политических и идеологических движений левого толка — либерально-капиталистических или марксистских, берущих свое начало из единой матрицы... Антиисторизм, утопизм, призрачность природы «пацифизма» подтверждаются всем ходом истории, свидетельствующей, что еще ни одна война — начиная с самых малых и кончая великими мировыми войнами — не была остановлена силой «пацифистских» протестов и требований. Напротив, «пацифизм» повсеместно зарекомендовал себя именно как средство войны низкой интенсивности, то есть как средство подрыва оборонной мощи собственной страны, часто являясь не последней причиной ее военного поражения и капитуляции. Мир в этом случае достигался ценой неприятельской оккупации. И посему мы вправе сделать следующий вывод: всегда и всюду, сознательно или неосознанно, непосредственно или косвенно, «пацифистские» движения были на стороне врагов того государства, в котором они разворачивали свою кипучую деятельность. Ибо любое внутреннее

ослабление боевого духа одной стороны в конфликте неизбежно поощряет противную сторону, повышая ее боеготовность и создавая условия для победы. История XX века знает тьму примеров откровенно предательской деятельности «пацифистов». Достаточно вспомнить хотя бы ту оголтелую «антивоенную» агитацию, которую развернули в годы Первой мировой войны «русские» большевики — при непосредственной поддержке и финансовой помощи врагов царской России. Большевистский «пацифизм» подрывал силу Русской армии, способствовал ее поражениям, то есть подготавливал условия для антирусской Октябрьской революции и последующего геноцида русского народа...»

Мы познакомились с Драгошем Калаичем в ночном поезде, кажется, по дороге в Новгород, на один из первых праздников славянской письменности и культуры в России, который тогда еще не был приватизирован и выхолощен швыдким министерством культуры. Почему-то не спалось. Я вышел в коридор, он одиноко и отрешенно стоял у окна, но, увидев меня, улыбнулся своей обезоруживающей печальной улыбкой (на вокзале нас познакомил, кажется, Юрий Лоциц). Мы проговорили с ним всю ночь. Это сейчас нам, крепким задним умом, все ясно: кто, как и почему стал разваливать Советский Союз, который в какой-то мере продолжал оставаться Россией, но тогда еще была весна 1991 года, народ, хоть и глухо, гудел по кухням, недовольный властью и пустыми магазинами, уже случились Баку и Вильнюс, все с тревогой ждали перемен, но ничто вроде бы не предвещало большой беды, а Драгош Калаич, вглядываясь в вагонное окно в ночную Россию, глухо говорил, что, если мы, в Советском Союзе, не поймем, не примем, как близкую, трагедию Югославии, нас ждет подобная катастрофа-распад. Он говорил, что Югославия по большому счету Америке,

которая возглавляет антисербские силы, не нужна, что она лишь полигон, где отрабатывается схема будущего уничтожения СССР, который постараются разорвать — по принципу «разделяй и властвуй» — сначала на полтора десятка «суверенных» средневековых княжеств, а потом, как следующий этап, и Россию. В этих целях, скорее всего, будет развязана война на Кавказе, чтобы столкнуть по югославскому образцу традиционные и не противоречащие друг другу Православие и Ислам, а мы, ветхозаветные, придем и на пепелище построим свой «новый мировой порядок»: Гитлер был дурак, надеясь завоевать Россию посредством моторизованных дивизий и танков, и мы ее завоюем «мирным» путем. Я слушал Драгоша и, считая себя достаточно умным человеком, внутренне не соглашался с ним, разумеется, я не верил или мало верил во все, что он говорил, но из деликатности молчал, за окном проносилась огромная Россия, спящая глухим предутренним сном, во все, что он говорил, не хотелось верить, в это в России, увы, не верил не только я, и это благодушие, граничащее с преступностью, нам дорого обошлось.

Во второй раз мы встретились уже в Белграде, куда мы с Вячеславом Михайловичем Клыковым прилетели выбрать место для его памятника преподобному Сергию Радонежскому как дара русского народа сербскому — для духовной опоры, авторской копии того, в Радонеже, сразу ставшего знаменитым, когда, чтобы помешать установке его, Горбачевым были подняты войска МВД, КГБ и Московского военного округа, а сам памятник, якобы по причине технической неисправности перевозящего его грузовика, был арестован. Многие прогнозы Драгоша Калаича к тому времени уже оправдались, уже всю шла страшная, подогреваемая извне междоусобная югославская война, Сербия еще не была в полной блокаде, но воздушное пространство над ней было уже закрыто, мы

вынуждены были добираться до Сербии через уже ставшую самостийной и сдуревшую от этой самостийности Украину (пограничники и таможенники ее были тогда, кажется, самыми крутыми в мире) и Венгрию. В один из вечеров Драгош Калаич пригласил нас с Владимиром Большаковым, вице-президентом Международного фонда славянской письменности и культуры, будущим автором книги «По закону исторического возмездия» о ритуальном убийстве «тайной беззакония» царской семьи, на ужин в фешенебельный ресторан «Александр» (Клыкова с нами не было по причине, что в это время его принимал не очень дружественно настроенный к нам российский посол). Была еще пора сербского романтизма, ожидания побед, под Вуковаром шли тяжелые бои, уже тогда говорили о возможных бомбардировках Югославии самолетами НАТО, но Белград принципиально не был затемнен и светился в ночи, словно горсть бриллиантов. В Белграде, несмотря на ожидание полной блокады и близость боев, был объявлен Международный конкурс скрипачей, музыканты из некоторых стран испугались, не приехали, но конкурс все-таки состоялся, на заключительном концерте присутствовали патриарх Павле, президент Милошевич, наследный принц, во время антракта отчетливо была слышна не столь далекая артиллерийская перестрелка, все верили в победу или, по крайней мере, надеялись на нее, и здесь, в фешенебельном ресторане, царила приподнятая атмосфера, и только Драгош Калаич — многие его знали, приветствовали его, подходили чокнуться, он был вынужден раскланиваться, улыбаться дамам — был печален: «Все это страшный саморазрушительный обман, — обвел он рукой ресторанный зал. — Никто из них не представляет размеров будущей беды. И самое печальное, что размера будущей беды не осознают, не хотят осознавать в России. Что все это скоро обрушится на вас. Ради этого все и затевалось...»

Его первая книга называлась «Руины» (1968). Это был своего рода протест против наглого торжества в Европе американизированной условности на руинах великой европейской христианской культуры.

Вторая книга Драгоша Калаича «Точка опоры» с подзаголовком «Реабилитация структуры интегрального человека» (1971) окончательно поставила крест на его жизненном благополучии, потому как она одинаково не устраивала ни заокеанских и европейских прорабов «нового мирового порядка», ни тогдашние власти Югославии. Она была мгновенно изъята из книжных магазинов идеологами «социализма с человеческим лицом». Эта книга положила начало негласному надзору над Драгошем Калаичем югославских спецслужб и начало негласному запрету на его любого рода публикации и даже выставки картин. Но в то же время эта книга, как пишет друг и переводчик Драгоша Калаича российский ученый Илья Числов, «стала символом нового правого взгляда на мир в сознании патриотической интеллигенции, попыткой найти свой собственный путь в пучине мировых катаклизмов, минуя и Сциллу социализма и Харибду либерального капитализма». Многим это покажется невероятным, но в Белграде за все титовское и послетитовское время Драгошу Калаичу не удалось издать ни одной книги. Только через двадцать лет после издания «Точки опоры», в 1990 году, в белградском издательстве «Белетра» наконец увидит свет его роман «Космотворец». Все его другие книги выходят только в провинции. Тема масонства и всемирного заговора против христианской цивилизации остается одной из центральных в его публицистике.

С 1987 года Драгош Калаич — постоянный автор и член редколлегии белградского еженедельника «Дуга», самого тиражного и популярного в Югославии. Его статьи появляются на страницах и других столичных и

провинциальных изданий. С начала 90-х годов его приглашают на телевидение.

Для истинных сербских патриотов имя Драгоша Калаича становится своего рода знаменем и одновременно паролем. Однажды в Белграде я должен был встретиться с человеком, близким к Караджичу, за которым уже всю охотились спецслужбы Запада. Пришедший на встречу со мной человек прочему-то засомневался, что я — это я. Боясь провокации, прежде чем довериться мне, он спросил:

— Простите, но вы должны быть хорошо знакомы с Драгошем Калаичем. Не могли бы вы назвать его домашний адрес?

— Да, конечно. Яблоничка, 20.

— Тогда, может, вы скажете, как звать его жену.

— Весна (ударение на первый слог).

— Все правильно. Простите, но я не имел права ошибиться.

Но и для некоторых сербских патриотов имя Драгоша Калаича было словно красная тряпка для быка. Их не устраивала широта его взглядов. Потому что он видел дальше и больше их, не замыкаясь в чисто сербских проблемах, чем болели и, к сожалению, и по сей день эгоистично болеют некоторые сербские патриоты, которые вспоминают о России, только когда начинает припекать на сковородке истории. В чем только его не обвиняли. В том, что он полжизни прожил за границей (словно он это делал по своей воле) и мыслил категориями общеевропейскими, общепланетарными. Его обвинили в проитальянских взглядах только потому, что он учился и потом продолжительное время вынужден был жить в Италии, в прогерманских взглядах, саркастически называя его арийцем, хотя в этом была доля истины, потому что он считал, что будущее Европы, да и всего мира было бы иным, если бы «тайне безза-

кония» не удалось два раза только за первую половину XX века сравнить между собой две великие страны: Россию и Германию — и на их руинах построить государство Израиль. Его обвинили в неславянстве воззрений, его, который писал, что «одним из коренных определений сербской нации является Косовский завет, то есть выбор Высокого Неба вместо низкой земли. Речь идет о величественной метафоре решающего выбора между низким и возвышенным, между рабской согбенностью и правом гордо стоять в полный рост, между животными страстями и извечной тягой к божественным источникам человеческой души. Речь идет о выборе истинной свободы — пусть даже ценой смерти — вместо рабской воли...»

Те же, кто понимал его, без доли иронии называли его истинным или даже последним арийцем. В том числе и потому, что он воспринимал Россию не только как по крови родную и мистически связанную с Сербией славянскую страну, которая в XIX веке спасла Сербию и которая потому в ответе за нее в веках, но и как историческую и духовную прародину всех индоевропейских народов. В предисловии к книге «Американское зло» Илья Числов (несомненно, его перу принадлежит некролог в еженедельнике «Российский писатель, кажется, единственный в российской печати») писал: «Именно поэтому Драгош Калаич, еще в ранней юности открывший для себя нетленную красоту поруганной Европы и безбрежную даль звездных горизонтов Традиции, с такой теплотой и любовью пишет о нашей великой Родине, чей подлинный лик он узнал задолго до «перестроечной» вакханалии: Россия для него одновременно и братская славянская страна, и небесный идеал, и исток (а ныне и последний оплот) российской духовности». И, как последний ариец, Драгош Калаич считал, что сербы в своей неравной борьбе защищают

не только Сербию и Россию, но и всю Европу. Одна из статей Калаича так и называлась: «Сербы защищают Европу», он считал, и, может, благодаря ему этих взглядов придерживались и ныне объявленные «новым мировым порядком» с молчаливого согласия российских властей военными преступниками славные сыновья сербского народа Радован Караджич и Ратко Младич, что они ведут одно из сражений Третьей мировой войны за еще возможное спасение Европы...

Драгош Калаич часто бывал в нашей стране. Уже по тому, с кем он встречался и дружил, можно судить, какую Россию он боготворил: Валентин Распутин, Вячеслав Клыков, Василий Белов, Игорь Шафаревич, Илья Глазунов, Эдуард Володин, Юрий Лошиц, Станислав Куняев... Российские впечатления в той или иной мере стали основой таких его книг, как «Американское зло», (1994), «Преданная Европа» (1994), «Россия встает» (1994). По приглашению Драгоша Калаича в Сербской Краине побывали (попав однажды под перекрестный пулеметный огонь) Валентин Распутин и Василий Белов. На берегу Байкала Валентин Григорьевич недавно рассказывал мне об этой поездке.

Учитывая абсолютный авторитет Драгоша Калаича в сербских истинно патриотических кругах, его приближали к себе самые разные политики: одни, как Караджич и Младич, — на него опирались, абсолютно ему веря, он был идеологом их борьбы, другие, как Милошевич, у которого он в одно время тоже был советником, — хотели его использовать в своих целях. Драгош Калаич, в свою очередь, согласился на сотрудничество с последним в наивной надежде поставить режим Милошевича на службу интересам сербского народа. Увы, в результате Драгош Калаич, как и прежде, был отлучен от средств массовой информации, а потом снова вынужден был покинуть Сербию. Именно к этому времени относится его

единственная за этот период книга публицистики «Американское зло», где о сугубо сербских и славянских проблемах говорится вроде бы очень мало. И опять он слышал упреки, что его интересует не Сербия, а вселенские, далекие от ее сегодняшних бед проблемы; некоторые из патриотов, которые видели в происходящем на Балканах только трагедию Сербии, отчаянно звали о помощи, в том числе военной, к ельцинской и послеельцинской России, плохо представляя, что в России тогда происходило: «Пошлите военные корабли в Дунай, самолеты в небо Югославии!!!», не задумываясь над тем, что эти отчаянные возгласы лишь давали лишний повод российской власти никаким образом не помогать Сербии. Он смотрел дальше и выше...

Впрочем, во многом он был наивен. Он был, хоть и обвиняли его в антиславянских взглядах, можно сказать, классическим славянофилом, прямым последователем Ивана Аксакова, тоже порой выдававшего желаемое за действительное. В статье «Славяне. Объединение или гибель» Драгош Калаич писал «...задача состоит в том, чтобы возродить славянскую общность, соединив богатство различных опытов, капиталы различных свойств и особенностей. Новые, несравненно более мощные исторические импульсы, чем все доселе испытанные, зовут к великому объединению славянских народов, к соединению мощи и энергии, сил и талантов. У данной задачи нет альтернативы. И сами масштабы вызова, брошенного нам «новым мировым порядком» и агонией псевдоцивилизации Запада, требуют объединения славянских народов как единственно возможного достойного ответа в целях самозащиты и противостояния. Если славяне хотят по крайней мере уцелеть, сохранить свою жизнь, они должны объединиться и создать собственный культурно-политический, военный и экономический союз. В противном случае, отвечая раз-

рознено и неорганизованно на вызовы «мирового порядка», они будут обречены на гибель и исчезновение с исторической сцены вследствие гигантской несоразмерности между всепланетными масштабами сил мирового нигилизма и ничтожными возможностями фрагментарного сопротивления». Увы, почти полтора века после Ивана Аксакова доказали не только иллюзорность, а, может быть, даже опасность этих воззрений. Я уже много раз, в том числе в печати, задавался вопросом — и не нахожу ответа: случайно ли, что славяне разбежались сначала на южных, западных и восточных славян, потом каждая ветвь разбежалась еще на несколько народов, и мы все продолжаем и продолжаем делиться, чуть не впадая, говоря языком физики, в смертельную аннигиляцию: распалась в кровавых муках, и распад этот, возможно, еще не окончателен, самой первой как раз Югославия, Чехия без сожаления, слава Богу без крови рассталась со Словакией; как я уже писал, ныне независимой, отправившейся в самостийное и авантюрное национально-политическое плавание Украине легче объединиться по крайней мере с Гондурасом, чем с Россией, я уж не говорю о Польше. Зато к нам тянутся, ищут спасения абхазы, осетины... Может быть, конечно, идею спасительного объединения славянства в свое время специально отравили коммунистическим интернационализмом? В какой-то мере это так. Но, может быть, нам объединяться все-таки по Вере? Может быть, наш центростремительный разбег — это своего рода наказание за то, что славяне в свое время в глубокой древности отказались, или их заставили отказаться, от Веры или потеряли ее, забыли в веках? И только снова обретя ее, можно снова говорить о каком-то объединении. Может, к нам на Русь во время князя Владимира она пришла, когда-то забытая, уже во второй раз, и языческое было только поверхностным, позже приобретенным, а

подспудно она теплилась в нас, иначе откуда такое чувство, что к нам вернулось некогда забытое?

Последние годы Драгош Калаич жил в Риме. Возвращение на родину было печальным: она была поставлена на колени.

Самое тяжелое, он умирал поверженным — в самое безысходное для Сербии время, теперь от нее упорно отрывали Черногорию. В то же время он умирал с сознанием выполненного долга, он сделал все, что мог, жертвуя всем: талантом художника, собственным здоровьем, благополучием семьи... Он все сказал. Не его беда, что его не услышали, точнее, что к нему не прислушались. Бывало, даже поддакивали, встречали аплодисментами, в том числе в России, которую он любил не меньше, чем Сербию, и за которую болел не меньше, чем за Сербию, увы, его слушали, но мало кто что делал.

Может быть, в какой-то мере он был предшественником выдающегося русского философа рубежа XX—XXI веков Александра Сергеевича Панарина, мозг которого не выдержал гигантского напряжения и трагического чувства предвидения, что нас всех, славян и не славян, в будущем ожидает. Может быть, мы этого еще не осознали, а Драгош Калаич уже давно понимал, что с гибелью Югославии закончилась, может быть, целая эпоха не только в судьбе Балкан и славянства, но и в судьбе европейской, а может, и мировой цивилизации. Европа оказалась беспомощной перед внедренной в нее в виде пятой колонны силы «нового мирового порядка». Более того, не подозревая, что это прежде всего удар по ее национальным и государственным устоям, она впряглась в общую упряжку «тайны беззакония» для уничтожения Югославии и Сербии, которые сражались за независимость всей Европы. После Югославии уже были возможны СССР, Ирак... «Тайна беззакония» убедилась в своей полной безнаказанности и протянула свои щупальца на

Ближний Восток, в Латинскую Америку, перепрыгнув через Россию, в Центральную Азию... Может быть, только так называемое шанхайское соглашение — если оно, конечно, не останется бумажным тигром — сегодня может противостоять этому наглому и нахрапистому сатанинскому натиску.

Наша общая вина и беда, которую мы до конца еще не осознали, в том, что Драгош Калаич ушел побежденным. А нам еще предстоит глотать горькие слезы — плоды нашего общего молчаливого предательства — как Сербии, где в Косово дорушивают последние православные храмы, так и России. В результате одно, может быть, из главных сражений Третьей мировой войны мы уже бездарно и равнодушно проиграли...

2007

КРЕСТ МОЙ

Крест мой?..

В. Г. Тетереву

*«Жду спасения от расширения идеи русской».
Ф. М. Достоевский*

У каждого человека есть Главное, чем он живет, и второстепенное, что он делает в жизни как бы по пути и что, по его мнению, может, даже мешает главному, отбирает время. И вдруг он с удивлением и не без горечи, порой только к концу жизни, приходит к выводу: то, что он считал второстепенным, и было главным, более того, может, его Предназначением в жизни...

Уже в 18 лет я твердо знал, что буду писателем. Мечта моя в какой-то степени осуществилась, хотя во мне, без сомненья, умер с болью крупный геолог или географ, наверно, я займу более чем скромное место в истории отечественной словесности, знаю только, что я был честным писателем, но уже в 20 лет мое имя было вписано в географические справочники как первоисследователя крупнейших пещер Урала; я смотрел с ребра в жерло действующего, самого большого вулкана Евра-

зии, Ключевской сопки, после того, как мы спустились от кратера вулкана Безымянного, ребро, на котором мы только что стояли, было сметено гигантским взрывом-извержением, искал в Якутии и на Чукотке самолет Леваневского, пропавший без вести при перелете из СССР в США в августе 1937 года... Параллельно с главным, с прозой, время от времени я обращался еще к литературному краеведению. Исключительно из чувства досады: неужели никого не интересует, что за великие люди жили до тебя на этой земле?! Потом, как я считал, из-за недостатка времени, сузил тему: стал писать о местах в Башкирии, как правило, оскверненных, связанных с замечательным детским писателем (намеренно вслед за другими повторяю это определение, для меня он тогда тоже был лишь замечательным детским писателем) Сергеем Тимофеевичем Аксаковым. Меня поражало, что люди не знают, что в Уфе сохранился дом, в котором он провел раннее детство и который так ярко описан в «Семейной хронике» и «Детских годах Багрова-внука». Напомню об этом людям, думал я, а дальше, глубже, пусть занимаются другие, кому это положено.

Но получилось иначе. Мир Аксаковых все больше забирал меня в себя, к моему огорчению, отбирая у того, что я считал Главным...

И вот недавно — по прошествии многих лет — 26 сентября 1995 года, во время уже V Международного Аксаковского праздника в селе Надеждине, при поднятии большого церковного колокола, иначе Благовеста, которое совершалось при большом стечении народа, и самые большие нынешние русские писатели по моему зову приехали на сие торжество (и вдвое согнутая деревенская старушка, одна из тех, которые в войну и после войны по причине убиенных или пропавших без вести мужей и безлошадности впрягались в плуг и в конце концов вытянули Россию из разлухи, со светлым и уже не-

здешним взором поклонилась мне: «Теперь, батюшка ты наш, еще бы с домом священнику помог, да иконостас новый...» — отчего защемило у меня сердце и защипало в глазах), стоя на пронизывающем студеном ветру, я вдруг потрясенно и в то же время не без горечи — еще жила надежда, что у меня, как у писателя, не все позади, что самого главного я еще не написал, — подумал: «А не это ли мое истинное Предназначение на Земле, иначе говоря, Крест мой — возродить из руин Божий храм и тем самым дать последнюю радость этим великим русским женщинам, которые и есть Россия? И не просто храм, а в родовом имении Сергея Тимофеевича Аксакова, и не просто в родовом имении Сергея Тимофеевича Аксакова, а где у него родился сын, великий печальник ремли Русской и всего славянства Иван Сергеевич Аксаков, к тому же храм во имя святого великомученика Димитрия Солунского, одного из первых и вечных печальников славянства, и главная молитва в этом храме в Димитриевскую поминальную субботу, завещанную святым и благоверным князем Димитрием Донским — «по всем убиенным за Отечество, за други своя».

Неужели на самом деле это мое Предназначение? Может, не случайно, что именно мне, подранку Великой Отечественной, сыну чудом вернувшегося с нее тяжело раненым в числе трех процентов призыва страшного сорок первого года солдата, удалось это сделать в год 50-летия Великой Отечественной войны — ведь все, что касалось этого храма, у меня пусть трудно, но получалось?..

Я не могу себя отнести к очень удачливым в жизни. Бывали и удачи, но они тут же уравнивались неудачами. А если бывали счастливые дни, я знал, что завтра от жизни обязательно нужно ждать если не беды, то неприятностей. Так вот — что касалось Димитриевского храма в Надеждине — у меня все получалось.

Неужели на самом деле это мое Предназначение на Земле?

Впервые я приехал в Надеждино четверть века назад, весной 1969 года. После окончания университета я пришел работать в молодежную газету, и это была одна из моих первых командировок. По возвращении, вместо заказанной статьи о подготовке к севу, к неудовольствию редактора я написал статью-подвал «Я был в Аксакове...», предварив ее двумя строчками из написанного С. Т. Аксаковым здесь, в Надеждине, стихотворения:

Я был в Аксакове — и грусть
Меня нигде не оставляла...

Моим коллегой по газете был сочинен донос в КГБ, что я ратую за восстановление церковей — опиума для народа, но времена уже были другие, об этом доносе я узнал только несколько лет спустя, и он никак не повлиял на мою судьбу, впрочем, может, и сыграл свою роль, что я многие годы был почему-то невыездной, всегда почему-то находилась причина, по которой я не мог поехать по турпутевке даже в социалистические страны.

Село произвело на меня гнетущее впечатление. Над ним, утонувшим в глубоких снегах, витала тень сонной обреченности. Сколько я к тому времени перевидел так называемых бесперспективных деревень, но такого разочарования, кажется, не встречал. Меня потрясло, что в таком состоянии село, где жили Аксаковы: редкие дома, словно гнилые зубы в брошенной над оврагом челюсти. И над всем этим возвышалась церковь — колхозный склад с развороченной колокольной, ее балки, торчащие в небо, образовывали странный крест.

Председатель колхоза, по страшной исторической справедливости носящего имя Карла Маркса, — вся

Россия, по своей, чужой ли воле, отвернувшись от Аксаковых, обратилась к Карлу Марксу — рассказывал мне о светлых перспективах колхоза, вместо двадцати с лишним маленьких, неблагоустроенных деревушек в скором времени будет построено четыре крупных поселка: Малиновка — городского типа, и три — Родники, Федоровка и это самое Надеждино — сельского типа. Я поинтересовался, будет ли в Надеждине что-нибудь напоминать о С. Т. Аксакове.

— Мы считаем достаточным, что названы его именем железнодорожная станция и санаторий.

— А церковь?

— Снесем. В перечне исторических памятников она не числится. Я уже у геологов с взрывниками договорился. Приехали бы неделей позже — уже чисто поле было бы.

И воспротивилась почему-то душа. К тому времени я перевидал тысячи порушенных храмов и не видел ни одного храма, который бы восстанавливали, но я стал убеждать председателя не взрывать церковь. И пригрозил на всякий случай, что, если он все-таки взорвет, я ему обещаю крупные неприятности.

Сейчас я думаю: было ли случайностью, что я оказался в Надеждине за неделю до взрыва? А если нет, почему Бог меня, безбожника, но тайно крещенного бабкой, избрал для того, чтобы остановить взрыв? Признаюсь, что у меня тогда дрогнула душа не потому, что будут взрывать Божий храм, а потому, что церковь связана с Сергеем Тимофеевичем Аксаковым, видимо, подспудно я уже чувствовал, что эти два понятия неразделимы.

Теперь я понимаю, что председатель колхоза Евбатыров хотел взорвать церковь не потому, что был очень плохим человеком, просто он был так воспитан и по-своему был прав: полуразрушенная церковь портила вид

и без того расхристанного села и, видимо, каким-то образом бередила его душу, по крайней мере, без церкви легче было жить, чем с ней. Буквально через месяц он стал всесильным первым секретарем РК КПСС, но слово свое сдержал: церковь не тронул.

Но она все равно была разрушена — другим взрывом, тихим, невидимым. Потому как уже основательно была разрушена душа народа.

Стоило перенести из Надеждина правление колхоза, а церковь освободить от склада, как ее в месяц растащили (не по приказу райкома КПСС, как в тридцатые годы, а по велению разрушенной души надеждинские мужики). Впрочем, может, и не решились бы на откровенный грабеж, если бы не творчество районного архитектора, заместителя председателя райисполкома Е. Корнилова. В Надеждине к тому времени построили магазин, и ему пришла по-своему гениальная мысль: выдрать из бесхозной церкви оконные решетки и огородить ими магазин, увенчав ограду жестяными цветами из консервных банок.

Признаюсь в собственном грехе: вернувшись из Надеждина, я с гордостью и, видимо, не без самодовольства говорил о спасенной церкви, и когда через несколько лет вновь приехал в село, увидел лишь ее кирпичный остов.

Когда я, потрясенный, стоял перед ней на холодном осеннем ветру, мимо проходил пожилой надеждинец. Я спросил его, видимо, в надежде на душевную поддержку:

— Что теперь делать с ней?

— А что с ней делать? — засмеялся он. — Взять бульдозер и скovyрнуть в овраг.

(Да и ныне, когда церковь уже действует, за ней присматривают всего несколько пожилых женщин, да и вообще в храме больше женщины, остальным не просто нет до нее дела, но и норовят напакостить, отомстить

неизвестно за что, один бульдозером ограду сквера снесет, другой что-нибудь стащит, а уж запустить телят на территорию аксаковской усадьбы — обязательное дело, а на уборку территории перед очередным Аксаковским праздником ни один надеждинец не выйдет, теперь уж не райком КПСС, а администрация района устраивает нечто вроде субботника, сажает в автобус работников всевозможных районных служб, и они, затаивая зло на надеждиновцев, а заодно и на Аксаковых, рвут с корнем заматеревший чертополох, татарник, крапиву... И потому я не самообольщаюсь.)

И потому я не самообольщаюсь, хотя верю как в великое будущее этого храма, так и в великое будущее Надеждина. Хотя, если разобраться, почему именно я восстанавливаю этот храм: я здесь не родился, никогда не жил, в моем селе никогда не было церкви. Я сам себе не мог толком этого объяснить, хотя сам себе могу твердо сказать: не ради славы, не ради собственного самоутверждения. Если того и другого я в жизни все-таки искал, то в писательстве, которое считал для себя главным, а все, что было связано с Надеждиным, у меня было, как я уже говорил, как бы по пути, как бы из досады, что этого не делают другие.

Как бы то ни было, все, что касалось Сергея Тимофеевича Аксакова, все, что касалось Надеждина, у меня получалось. Накануне 200-летия со дня рождения Сергея Тимофеевича, накануне наступающего на Россию нового смутного времени, мне удалось (разумеется, я был не один) убедить правительство Башкирии, которое тогда возглавлял М. П. Миргазямов, отреставрировать не только дом в Уфе, где Сергей Тимофеевич провел детство, но и разрушенную церковь в Надеждине — якобы под библиотеку, потому как тогда даже речи не могло быть, чтобы начать восстанавливать ее, тем более силами государства, как действующий храм.

Я убедил, что на 200-летие С. Т. Аксакова приедут многие гости, в том числе и из-за рубежа, и потому было решено провести в село воду, газ, центральную улицу заасфальтировать и построить пруд на месте небольшого пруда с навозной плотиной, описанного в «Семейной хронике», и даже соорудить на нем копию мельничной амбарушки (сейчас в ней временный Музей семьи Аксаковых)*.

Как ни странно, все со мной согласились. Сейчас я думаю: это не могло быть случайным. Несколькими годами раньше это было еще невозможно, несколькими годами позже это было уже невозможно. И в то же время это делалось тогда, когда центральная власть уже была бессильна приказывать, но на всю катушку еще не грянула разрушительная «перестройка».

Оказалось, что мы начали в самое время. Люди, помогавшие мне, может, до конца не осознавали, что вместе со мной они начали делать накануне нового смутного времени: храм, объединяющий всех во время надвигающегося всеобщего разъединения, должен был встать как бы подспудно. И может, даже хорошо, что не все, кто так или иначе помогал или мешал мне, в полную меру представляли суть дела, которое мы начинали, как и подлинного значения семьи Аксаковых, нравственно-философской мысли, которую они продолжали. Иначе одни, может, испугались бы, другие — стали мешать жестче.

Не все было гладко, как ныне мне порой уже самому кажется. М. П. Миргазямов, к которому я в очередной раз пришел с просьбой помочь лесом, взялся сначала за карандаш, потом за голову: того леса, отборного, наилучшего, который он уже не раз выделял для Мемориального дома-музея С. Т. Аксакова в Уфе,

* Сгорел в 1998 году. Музей семьи Аксаковых в восстановленном усадебном доме открыт в 2002 году во время XII Международного Аксаковского праздника.

хватило бы уже на три таких музея. Не говоря о том, что отборные, хорошо высушенные доски, наутро превращались в сырые, синие... 200-летие С. Т. Аксакова совпало со временем первой волны интенсивного строительства чиновничьих дач. Ну что ж, если бы все были святые, в свое время не рухнула бы Россия. Не устроили бы в храме святого великомученика Димитрия Солунского колхозный склад (хорошо еще, что склад), а в доме, в котором Сергей Тимофеевич провел свое раннее детство, венерологический диспансер. Но было и более горькое, чем ворованные бревна и доски. К этому времени я уже был не таким наивным провинциалом, уже неплохо знал Москву, в том числе литературно-бюрократическую: порой неплохие русские литераторы, переехав туда, скоро становились, за редким исключением, неприступными и хамоватыми чиновниками, о москвичах я уже не говорю. Но одно дело, когда я в Москве толкался со своими рукописями, может быть, на самом деле никому не нужными, но другое дело — я до сих пор с горечью и стыдом вспоминаю то потрясение, которое испытал, приехав в Москву по поводу 200-летия со дня рождения С. Т. Аксакова. Не помню, кто из русских историков сказал о преподобном Сергии Радонежском: «Время народных бедствий и общественных неурядиц — его время». Эти слова, по моему глубокому убеждению, в той же мере можно сказать о Сергее Тимофеевиче Аксакове, ибо суть его — духовное продолжение на Земле преподобного Сергия. И, по моему тогдашнему, как, впрочем, инынешнему убеждению, 200-летие С. Т. Аксакова должно было стать осмыслением не только его творчества, но и осмыслением, чем или кем была не только для русских, не только для России, но и для всего славянского мира семья Аксаковых в пору нового трагического разрыва в нем семейных отношений накануне вселенской трагедии Югославии, и в

то же время для всего славяно-тюркского евразийского мира на рубеже нового смутного времени, которое уже тогда совсем не случайно снова напоздало на Русь.

Правительство Башкирии создавало Мемориальный дом-музей С. Т. Аксакова и восстанавливало храм, в котором крестили великого гражданина и великого печальника земли Русской И. С. Аксакова, а в Москве люди, для которых эта семья вроде бы должна была быть святой, отмахивались от меня как от назойливой мухи, и, как ни парадоксально, прежде всего, в тогдашнем Правлении Союза писателей России, который, в отличие от Союза писателей СССР, в литературском просторечии назывался Малым. Все были очень заняты, все были в непременных дубленках и кожаных куртках, как большевистские комиссары, и Большой и Малый писательские союзы походили больше на Смольный времен Октября, только Владимир Ильич в том и другом был гипсовым. Как теперь видно, по преимуществу были гипсовыми и дела в том и другом союзе в прямом и переносном смысле, до Аксакова ли им было: надвигалась пугающая и в то же время соблазнительная пора заключительного социалистического и первоначального капиталистического накопления, и интенсивно отводились участки под дачи, и цемент и гипс постоянно фигурировали в телефонных писательско-секретарских разговорах, но в конце концов беспомощно проболтали, профукали все: и писательские дачи, и дома творчества, и Литфонд, и издательства, оставившими всех писателей России.

А я добивался всего лишь: чтобы был создан Всероссийский или Всесоюзный Аксаковский юбилейный комитет, пусть даже формальный, всю работу я готов был взять на себя. Никто, ссылаясь на чрезвычайную занятость, не соглашался его возглавить. Наконец с К. В. Скворцовым, ставшим впоследствии моим большим

другом, который был тогда одним из секретарей Большого союза, мы подступили к тогдашнему председателю Правления Союза писателей России: офицер-фронтовик, автор прекрасной повести «Горячий снег», родился на Урале, в детстве жил в Уфе, в аксаковских местах. После долгих уговоров он снизошел до С. Т. Аксакова.

Я уехал из Москвы несколько успокоенный, но с великой горечью. Я понимал, что обратиться я тогда к представителям откровенно советской, чуждой духу Аксакова, литературы: к Евтушенко, Алексину, который тогда комиссарствовал в Большом союзе над детской литературой (это позже он удерет в Израиль), они с радостью согласились бы.

И вот 200-летие со дня рождения С. Т. Аксакова наступило. Правительство Башкирии сделало все возможное, чтобы праздник состоялся. Он был светлым и радостным. Торжественное заседание проходило в Аксаковском народном доме, здание которого, в свое время самое большое в Уфе, было построено на народные пожертвования со всей России, но преимущественно конечно же из Башкирии, и собирали деньги как православные, так и мусульманские священники. Сад, в котором стоял дом, где родился С. Т. Аксаков и который до последнего времени носил имя великого хулиателя дела Аксаковых, А. В. Луначарского, был переименован в Аксаковский. И владыка Анатолий (Кузнецов), который в свое время, в бытность свою епископом Уфимским и Стерлитамакским, благословил меня на восстановление церкви в Надеждине, специально из Лондона прилетел, чтобы поздравить прихожан с восстанавливаемым храмом, надо ли говорить, какой это было великой радостью для надеждинских многотерпиц — из далекого Лондона специально ради них прилетел! А до того специально из Москвы приезжал затеплить свечу при начале восстановления храма позже убиенный врагами

Православия и России архимандрит Иннокентий Провирнин, но по нему не плачет демократическая пресса. (председатель Всесоюзного Аксаковского юбилейного комитета по своей великой занятости приехать, разумеется, не смог.)

И Бог дал удивительную погоду. Ослепительно голубое небо полыхало над ослепительно золотыми лесами, обрамляющими ослепительные зелены. И прощальное застолье было на широком взгорье между аксаковскими озерами Аслы-куль и Кандры-куль.

Теперь оставалось провести юбилейный вечер в Москве, в Колонном зале Дома Союзов, ныне опять Дворянском собрании. На душе было беспокойно, слишком хорошо я знал литературно-бюрократическую Москву. И возрадовалась душа, когда мы получили от председателя Всесоюзного Аксаковского юбилейного комитета возвышенные письма-приглашения: «Приезжайте, будете самыми дорогими гостями!»

Приехали. От стыда и позора перед своими земляками я чуть сквозь землю не провалился; ничего не было готово, нам даже не заказали гостиницы. Я бросился в гостиницу «Москва». Там заседал какой-то революционный штаб, готовящий очередной съезд так называемых народных депутатов. В приемной меня пытались остановить: «Вы депутат?» — «Я представитель делегации!» — не моргнув, соврал я. Я прорвался к председателю штаба генералу Руцкому, который распределял гостиничные места, мест не хватало, в комнате стоял невообразимый гвалт, Руцкой говорил сразу по нескольким телефонам, когда я наконец продрался к столу, он тупо-устало уставился на меня, я было начал объяснять, кто я, уже зная, что меня сейчас выгонят вшаей, но он, приняв меня за очередного депутатского ходатая, грубо прервал: «Сколько мест?» — «Пятнадцать». — «Не наклейте, могу только десять, остальные позже в другую гостиницу» — и про-

тянул мне десять чистых бланков, а потом, несколько помедлив, протянул еще пять...

Открывая торжественное заседание, председатель Всесоюзного Аксаковского юбилейного комитета, забыв о С. Т. Аксакове, устроил позорную склоку с Е. А. Евтушенко, которого на вечер никто не приглашал, но который, в отличие от русского патриота председателя Всесоюзного Аксаковского юбилейного комитета, о С. Т. Аксакове, духовно глубоко чуждый ему, не забыл, о значении этой великой семьи для России. Он пришел присвоить С. Т. Аксакова с целой свитой и, как это ни горько, выглядел более достойно, хотя более отрицающего своей сутью нравственно-этические принципы С. Т. Аксакова литератора я, кажется, не знаю, и я тогда, наивный провинциал, впервые для себя уяснил, что для будущего России не менее воинствующего русофоба (в своей речи Евтушенко договорился до того, что с именем Аксакова демократы шли защищать Белый дом), опасен тип нового русского сановника-краснобая, самое горькое — в прошлом храброго солдата и хорошего писателя...

А потом пришли совсем смутные времена, когда уже не к кому было взывать. Литературные чиновники наверху продолжали судорожно что-то делить, а не номенклатурные писатели, как в Москве, так и в провинции, все больше подумывали о петле или пуле, и тут на сцену вырвалась свора мародеров от литературы, всевозможных юмористов-пародистов, уже даже не сексотов КГБ, а открытых доносчиков, они уже даже по телевизору этим гордились. В своих бесконечных открытых письмах президенту они призывали еще немного пострелять русский народ и бывших русских писателей, потому что нынешними русскими писателями они считали только себя, впрочем, так называемое российское телевидение называло их не иначе как цветом русской литературы.

Я на себе испытал, что такое стать безработным. Больше не на что жить, и в то же время не пойдешь на биржу труда, дело даже не в гордости или возрасте: писательство не профессия, если ты сколько-нибудь настоящий писатель, а форма жизни. Говорят, так же, как органическая, существует еще кремниевая форма жизни. Так вот, существует еще писательская. И вопрос, который встает перед тобой, прост: жить или не жить. И выходов из этого тупика нет.

Было время, когда я подписывал какие-то уни- зительные контракты с сомнительными журналами и издательствами, фирмами, но до денег — может, к счастью, — как правило, не доходило, к тому времени журналы, издательства, фирмы проваливались или просто надували меня.

И тут мне позвонил ныне покойный краевед Г. Ф. Гудков, человек с тяжелым, а порой даже вздор- ным характером, с которым мы вместе отстаивали дом С. Т. Аксакова в Уфе.

— Вы знаете, что в Доме-музее С. Т. Аксакова бар- дак? Неужели, убив столько времени и сил для созда- ния музея, вы не чувствуете ответственности за него? Ваше место там...

Я подумал, подумал — и согласился.

Теперь я понимаю, что, помимо всего прочего, это был для меня единственный выход из тупика, не греша с собственной совестью. Это был мой единственный вы- ход и в материальном плане, несмотря на мизерность зарплаты музейного директора.

Потом мне кто-то сказал: «Ты словно чувствовал, что придут такие времена. И сам себе заранее создал место, спасая дом Аксакова». По-своему, этот человек был прав.

Сам я себя вел? Или все-таки кто-то меня вел? Случайно или не случайно судьба в свое время свела меня

со скульптором В. М. Клыковым, упрямым, жестким и в то же время мягким и добрым человеком. У истоков Международного фонда славянской письменности и культуры стояли другие люди, из писательского мира, но в самый критический момент, когда дело стало погибать, и стало ясно, что это заведомо безнадежное дело некому возглавить, ведь средства фонда складываются из добровольных пожертвований, на заседании Совета фонда он встал и сказал, что он может возглавить, когда обычно мы, русские, сидим и молчим, тайно надеясь, что сия чаша минет тебя, или также тайно надеясь, что назовут твое имя другие.

Случайно или не случайно я оказался потом на открытии клыковского памятника преподобному Сергию в Радонеже, еще до конца не понимая суть происходящего. Тогда я впервые задумался, почему так опасен власти, а еще больше стоящей за ней закулисе, св. Сергий, благословивший князя Димитрия на Куликовскую битву, что они, чтобы воспрепятствовать открытию памятника, отменили остановку электричек в Радонеже и автобусы до него, а сам памятник арестовали якобы по причине технической неисправности перевозившей его машины, были подняты по тревоге войска МВД, КГБ и Московского военного округа, создавшие несколько зон оцепления. И когда нас попытались втянуть в какой-то милицейский автобус, В. И. Белов кричал нам: «Держитесь за меня. Надеюсь, меня они не посмеют арестовать. Я все-таки депутат Верховного Совета СССР».

В этот же день после полудня в Абрамцеве состоялись Аксаковские чтения, тихие, незаметные. Помню, на них приехал, а перед этим он тоже был в Радонеже, русский писатель О. В. Волков, «человек вне всяких подозрений», как его окрестили заигрывавшие с ним ранние демократы, проведенный в лагерях и ссылках неполных тридцать лет.

Власти Аксаковским чтениям не мешали, не подозревая, что они, по сути, продолжение воздвижения памятника и что совсем не случайно С. Т. Аксакова называли в честь Сергия Радонежского и что совсем не случайно, может, сам того не осознавая, Сергей Тимофеевич в зрелом возрасте поселился здесь, рядом с Сергиевой Троицей, как не случайно его сына, Ивана Сергеевича, чуть ли единственного из мирских, в ней похоронили.

Сам я или кто другой, или мы вместе выстраивали мой жизненный ряд? Видимо, не случайно осенью 1991 года, опять-таки с В. М. Клыковым и В. И. Беловым, в самую беспросветную для Сербии блокадную пору я оказался в Белграде, куда перед этим по воздуху военнотранспортным самолетом был переброшен памятник преподобному — авторское повторение того, в Радонеже. И если в России памятник не давали ставить как «чуждый», то теперь не давали вывозить за границу авторскую копию его — уже как национальное достояние.

«До памятников ли сейчас в Сербии?!» — приходилось слышать.

Оказалось, до памятников. Приехав в Белград, мы оказались свидетелями скандала. Но дай Бог побольше таких скандалов! В самую тяжелую военную пору сразу несколько городов претендовали на право поставить памятник у себя. В Белграде в аэропорту его должна была встретить официальная делегация, в которую входили представители президента, патриарха... Но не успел самолет приземлиться, как вдруг на летное поле выехал тягач с автокраном, быстро перегрузили памятник, и тяжелые машины скрылись в неизвестном направлении. «Захватчиками» оказались градоначальник (не мэр, как идиотски называют в нынешней России!) и председатель отделения Сербского фонда славянское письменности и культуры г. Нови-Сад. Они спрятали памятник в надежном месте и заявили, что, пока не бу-

дет решения об установке памятника в Нови-Саде, они не раскроют его местонахождения.

Белград требовал возвращения памятника. Клыков на прямые вопросы журналистов уклончиво отвечал: «Последнее слово за патриархом», — хотя место, выбранное «захватчиками» в Нови-Саде, не нравилось ему, но памятник ему уже не принадлежал. Нужно было войти в положение правительства, но можно было понять искреннее, почти детское чувство «захватчиков». Патриарх Павле рассудил осторожно и мудро: «Да, так не поступают, но надо простить их: может, они больше других хотели, чтобы памятник встал в их городе».

Наконец на уровне президента Сербии Слободана Милошевича вроде бы все решили. И было вечернее застолье в Нови-Саде. Сербь говорили, какое хорошее место нашли для памятника, но Клыков был хмур, и вдруг он встал: «Пусть ночь. Давайте еще раз пройдем по городу...» И повел сам, через какие-то заборы, словно не раз бывал или даже жил в этом городе. И неожиданно попали в парк с прудом, с развесистыми ивами над водой и даже березами — словно уголок России. «Вот здесь!» — сказал Клыков, и все облегченно и счастливо вздохнули.

Эта дорога открыла для меня много: и радостного, и печального...

Я узнал, что автором жития игумена Святой Руси, великого молитвенника и собирателя русских земель преподобного Сергия Радонежского был серб Пахомий. Что в конце XII века в русском Пантелеимоновом монастыре на Святой горе Афон принял монашество с именем Савва царевич Растко, младший из сыновей основателя Сербского государства Стефана Немана, будущий Предстоятель Сербской Православной Церкви. Что в 1914 году, когда было поставлено на карту само существование Сербии, когда Австрия предъявила ей

ультиматум, император Николай II получил от сербского королевича-регента Александра телеграмму: «Мы не можем защищаться. По сему молим Ваше Величество оказать нам помощь возможно скорее... Мы твердо надеемся, что этот призыв найдет отклик в Его славянском и благородном сердце». Призыв отчаяния нашел отклик, но в результате Первой мировой войны и революции рухнула сама Россия и погиб ее император вместе со всей семьей. Я с потрясением узнал, что любовь Сербии к России и любовь России к Сербии очень дорого России стоили. Есть тут для меня великая загадка: то ли Бог проверял и проверяет тех и других этой трагической любовью, то ли...

Другим потрясением для меня было, когда, я узнал, что Косово поле в переводе на русский — Куликово поле. В этом заложен далеко не случайный глубокий мистически смысл. Проиграли сербы в результате внутреннего предательства свое судьбоносное Косово (Куликово) поле — и вся дальнейшая история Сербии была историей трагических потерь и испытаний, какой героической она ни была бы. Выиграли русские свое судьбоносное Куликово (Косово) поле — и Богородица до поры накрыла ее своим спасительным Покровом...

Я узнал, что почти треть кладбищ Сербии — русские могилы — последствие великого исхода в Гражданскую войну, но ныне русских в Сербии почти нет, хотя нигде больше в мире не относятся к русским лучше, чем в Сербии, даже в России. Я понял, что мы, русские, нигде в зарубежье не составляем диаспоры, и бесполезно нам в России надеяться на помощь богатых русских за границей, их просто нет, мы на чужбине, за редким исключением, растворяемся в других народах, чтобы отдать им свою кровь, ум, мы становимся как бы живительным навозом для них. Или это одно из трагических проявлений нашего всемирного собирания? Эта дорога

показала мне, что я наивен в своей мечте с Надеждиным, я с горечью убедился, что, в отличие от Болгарии, здесь многие даже на уровне профессоров истории или литературы не знают имени великого печальника славянства И. С. Аксакова, кому, в сущности, сербский народ, как и болгарский, обязаны своим нынешним существованием, по сути, под его давлением, под давлением поднятого им народного движения Александр II стал Царем-освободителем. И. С. Аксакову одинаково дороги были сербы и хорваты, и он мечтал снова соединить славянство перед грядущими бедами, и, может, потому, что забыли его, здесь и разгорелась нынешняя кровавая междоусобица?

Впрочем, в Болгарии память о И. С. Аксакове тоже больше официальная, память о нем сохранилась потому, что в свое время его именем были названы города, улицы, села, гимназии. Я с болью следил за вакханалией недавних переименований в Болгарии. Там, казалось, старались откреститься от всего, что бы напоминало о России, и я был счастлив, убедившись, что эта вакханалия не коснулась имени Аксакова, — значит, что-то еще помнят.

За несколько лет до Сербии, влекомый все тем же неясным чувством всеславянского братства, накануне 200-летия со дня рождения С. Т. Аксакова без единого лева и доллара в кармане я прилетел в Софию и 3 Марта, в День освобождения Болгарии от турецкого ига, несмотря на разыгравшуюся в горах метель, поехал к Шипке. Я тайком смахнул слезу, когда у перегородившего нам дорогу шлагбаума офицер ГАИ — из-за непогоды дорога была закрыта — после долгого объяснения моей спутницы, кто я и зачем еду на Шипку, подошел ко мне и, отдав честь, сказал: «Я пропущу вас при условии, если сами сядете за руль, — впереди, во всех смыслах, русская дорога: сплошной лед». Это было время,

когда в отмененной новой властью области не было никакой власти и никто не знал, состоится ли традиционный праздник. Проваливаясь в снег выше колен, я пошел к легендарному перевалу и скоро убедился, что через какое-то время вслед за мной к перевалу нашей Общей Памяти идут люди. А потом появилась и снегоуборочная техника — и вверх пошли пожилые и юные, воинские части... А на обратном пути в деревне Шипка в построенном Россией поминальном храме я долго стоял перед образом преподобного Сергия, а рядом был образ Дмитрия Солунского, я к нему тоже имел странное влечение, но тогда я еще по-настоящему не знал, кем он был для нас, славян, и что порушенный и восстанавливаемый ныне на родине Ивана Аксакова в селе Надеждине храм — во его имя, словно св. Дмитрий заранее знал, кем станет для славян, для России родившийся под сенью этого храма отрок Иван.

Странно, но долгое время, когда я уже в меру своих сил помогал восстанавливать храм, у меня почему-то как бы мимо ушей пролетало, во имя кого, задолго до рождения И. С. Аксакова, поставлен этот храм, до какого-то времени для меня достаточно было знать, что в нем молился Богу С. Т. Аксаков, что под его сенью родился И. С. Аксаков.

А еще там, в деревне Шипка, около храма мне полутайком показали, — туристов из СССР старались обводить это место стороной — полузаброшенное кладбище русских офицеров, участников битвы на Шипке. В 1920 году они, уже седыми, полковниками и генералами, ушли с Врангелем из Крыма, унося на плечах и в душах часть России, и завещали похоронить себя здесь, под Шипкой...

И когда храм в Надеждине уже встал — случайно или не случайно — опять-таки с В. М. Клыковым и В. И. Беловым я оказался на борту парусного фрега-

та, идущего из Крыма в Салоники, где хранятся мощи св. Димитрия, через Босфор и Дарданеллы, мимо Галлиполи и Лемноса, где томились после ухода из Крыма русские воины, мимо Святой горы Афон. Мы плыли с Поклонным крестом Международного фонда славянской письменности и культуры равноапостольным Кириллу и Мефодию, и только в этой дороге, ночью, глядя на огни Галлиполи, я, кажется, начинал понимать всю глубину этой незримой нити, которая, казалось, помимо моей воли вела меня последние годы, и не случайно совсем, что великие славянские просветители Кирилл и Мефодий родились в одном городе с великим печальником славян святым великомучеником Димитрием, и, сойдя на древний берег, первое, что я сделал, — мне невтерпеж было ждать знающих дорогу попутчиков, — наугад пошел к храму Димитрия Солунского, где покоятся его нетленные мощи. Это было довольно далеко от берега, но странно: я вышел к храму, нисколько не блуждая, легко и точно, словно когда-то уже бывал здесь, но за давностью лет немного призабыл дорогу.

Надо ли говорить о том чувстве, которое я испытал, стоя под сводами храма, связывая его в мыслях со скромной церковью в селе Надеждине на стыке Европы и Азии. Я купил небольшую икону св. Димитрия себе и два десятка маленьких печатных иконок для прихожан Надеждинского храма. И пока мы были в Салониках, я еще два раза в одиночку ходил к св. Димитрию. И поразительно: только в этой дороге я, наконец, заглянул в Месяцеслов. Точнее, попросил рассказать о св. Димитрии плившего с нами известного ученого-историка Е. Верещагина. Парусник оставлял позади себя Святую гору, мы сидели с ним высоко над палубой на запасных парусах, и под шелест разговаривающего над нами со снастями ветра он, удивленный, что я не знаю толком, во имя кого храм строю, рассказывал...

...Святой великомученик Димитрий родился в славянской семье римского проконсула Фессалоник (древнее славянское название города — Солунь). Родители, тайные христиане, крестили и своего сына. Когда в 305 году отец умер, вступивший в это время на престол император Галерий Максимиан назначил как раз достигшего совершеннолетия блестяще образованного и талантливого военного администратора Димитрия на место отца, поставив ему в главную задачу, помимо обороны города от варваров-славян, истребление христиан: «Предавай смерти каждого, кто призывает имя Распятого!» — не подозревая, что имеет в его лице одновременного представителя тех и других.

Возвратившись в Фессалоники, молодой проконсул тотчас же пред всеми исповедал и прославил Иисуса Христа. Составитель его Жития назвал Димитрия «вторым апостолом Павлом», потому что тот в свое время основал в Фессалониках первую христианскую общину.

Максимиан, узнав, что вновь назначенный проконсул не просто христианин, а еще обратил в христианство многих римских подданных, решил возвращаться из похода в Причерноморье через Фессалоники. Узнав об этом, Димитрий приказал раздать имение нищим и стал готовиться к мученической смерти...

Тело святого великомученика было выброшено на съедение диким зверям, но солунские христиане тайно предали его земле. При святом равноапостольном Константине над могилой святого великомученика была воздвигнута церковь. Сто лет спустя при строительстве на месте ветхого нового храма были обретены нетленные мощи святого великомученика. Из них истекало благовонное миро. Истечение его продолжается по сей день. «Одним из самых дивных чудотворений, которым Бог благоволил прославить Своего великого угодника, было истечение мира от его честных мощей, — гово-

рится в «Житии» Димитрия Солунского. — Его истечение — знамение Благодати Божьей...» Целый ряд писателей и историков разного времени свидетельствуют об этом непостижимом явлении. Вот что писал, к примеру, Димитрий Хризолит, живший во второй половине XIV века: «Оно (то есть миро) по свойству своему не вода, но гуще ее и не походит ни на одно из тел на земле не из жидких, не из твердых и ни на одно из приготовленных искусственно... Оно удивительнее всех благовоний, не только приготовленных искусственно, но и по естеству созданных Богом». Много исцелений в разные века произошло через помазание этим миром, свидетельствует «житие»; даже народы, не верующие во Христа, дорожили этим дивным истечением. Так, при разорении Солуни турками в 1429 году наиболее благоразумные из врагов намеревались взять с собой некоторое количество мира. Святая Церковь стала именовать св. Димитрия Мироточивым...

Несколько раз делались попытки перенести его мощи в Константинополь, но неизменно св. Димитрий, видимо, предвидя будущую судьбу Константинополя, таинственно проявлял свою волю остаться покровителем Фессалоник.

Неоднократно подступавшие к городу славянеязычники были отогнаны от стен Солуни одним видом светлого грозного юноши — может быть, таким образом он оберегал их, жалея, от смерти.

Может, потому имя св. Димитрия особенно почитается в славянских странах после просвещения их светом Евангельской истины. Мало того, греки считали св. Димитрия как бы славянским святым по преимуществу. А в старинных русских сказаниях св. Димитрий предстает русским по происхождению.

Об особом почитании св. Димитрия среди славян свидетельствует такой факт: первым собственным сочи-

нением на славянском языке святых равноапостольных Мефодия и Кирилла после создания или упорядочения ими славянской азбуки был «Канон Димитрию Солунскому». Этот канон считается отправным в рождении великой славянской литературы. С древнейших времен особо почитаемо имя св. Димитрия Солунского у сербов и болгар, и может, не случайно, что рожденный и возросший под сенью Димитриевского храма Иван Сергеевич Аксаков, по сути дела, спасет тех и других от уничтожения в XIX веке.

Много чудес совершил святой великомученик Димитрий Солунский и в нашем многострадальном Отечестве. По предсказанию Божьему в самых древних русских летописях имя святого великомученика Димитрия Солунского упомянуто прежде, чем имена других святых: преподобный Нестор-летописец рассказывает, что греки, побежденные великим князем Олегом под Константинополем, приписывали свое поражение не храбрости славян, а заступничеству за них их покровителя — св. Димитрия: «и убоялись греки и говорили; что не Олег, это св. Димитрий послан на нас от Бога». Русские воины всегда верили, что они находятся под особым покровительством святого великомученика.

Церковное почитание святого великомученика Димитрия в Русской Церкви началось сразу после Крещения Руси. Русские издревле старались приобрести хоть малейшие частички от мощей, одежды, мира или даже части от гроба св. Димитрия. Поэтому во всех древних русских монастырях и храмах среди частиц мощей различных святых почти непременно находится часть мощей или миро от святого великомученика.

В начале 70-х годов XI столетия основан Димитриевский монастырь в Киеве, известный впоследствии как Михалев-Златоверхий монастырь. В XII веке воздвигнут величественный Димитриевский собор

во Владимире, который и по сей день является украшением этого древнего города. В 60-х годах XIII века князь Димитрий Московский воздвиг храм во имя святого великомученика, который стал первым каменным храмом Московского Кремля. Позже, в 1326 году, при князе Иване Калите, он был разобран, а на его месте был воздвигнут Успенский собор с приделом святого великомученика Димитрия Солунского.

Еще в 1197 году была перенесена из Солунн во Владимир великим князем Всеволодом Юрьевичем икона Димитрия Мироточивого, написанная на гробовой доске святого, и это событие было внесено как праздник в церковные святцы. Эта чудотворная икона находилась сначала в Киеве, потом во Владимире, а накануне судьбоносной Куликовской битвы в 1380 году она была торжественно перенесена великим князем Димитрием, которого после этой битвы назовут Донским, в Москву, как великая святыня, и поставлена в Успенском соборе Кремля.

В Древней Руси день святого великомученика Димитрия был в числе больших праздников, службу совершал сам патриарх в обязательном присутствии Государя. Память святого Димитрия Солунского издревле на Руси связывалась с воинским подвигом, патриотизмом и защитой Отечества. Не случайно святой изображается на иконах в воинских доспехах, с копьем в руках. На свитке писали молитву, с которой св. Димитрий обращался к Богу о спасении родного города: «Господи, не погуби град и людей! Если град спасешь и людей — с ними и я спасен буду; если погубишь — с ними и я погибну...»

Об особом почитании на Руси святого великомученика Димитрия свидетельствует и традиция русских князей называть своих первенцев именем святого. Так было у Ярослава I, Юрия Долгорукого, Александра

Невского, Иоанна II, Иоанна Грозного, Алексея Михайловича...

Зная об особом почитании св. Димитрия на Руси, ее враги путем подмены не случайно пытались использовать именно его имя, имя нареченного его именем царевича, в своих черных целях — вспомним целый ряд Лжедмитриев в Смутное время.

Представительством святого великомученика Димитрия Солунского Мироточивого и молитвенным ходатайством преподобного Сергия Радонежского, всея Руси чудотворца, была совершена одна из величайших в истории нашего Отечества побед — на Куликовом поле. Напомню, что на золотом княжеском поясе, который князь надел на эту битву, было изображение Димитрия Солунского.

Благословив князя Димитрия на эту битву, преподобный Сергий дал оружие в руки своих монахов, Осляби и Пересвета, которых незадолго до этого посвятил в схиму. По православным канонам оружие в руках монаха, тем более схимника, — величайший грех. И этот грех сознательно взял на себя преподобный. И великий смысл нес в себе бой Пересвета с Челубеем в преддверии великой битвы, он наполнил поступок преподобного великим мистическим смыслом — Господь не только простил этот грех преподобному и всей Руси, но прямо указал на свое покровительство в великой битве...

Как я уже говорил: все, что касалось Дмитриевского храма в Надеждине, у меня получалось. Пусть трудно, пусть с великими огорчениями порой, но получалось. И, как ни странно, помогали мне все: и православные, и мусульмане, и атеисты, и коммунисты, и русские, и татары, и башкиры, и чувашаи... ни разу мне не пришлось в голову, что русский мне обязательно поможет, а татарин или башкир — нет, как это ни горько, а может, наоборот, радостно, чаще было наоборот.

Сейчас многие, в том числе те, кто называет себя патриотами, поговаривают о вреде евразийства. Хорошо рассуждать на эту тему, сидя на теплой печке в Москве, когда тебя самого сбоку не подпекают в результате разрушения евразийства России развязанные демократами-западниками кровавые, в том числе скрытые внутренние, евразийские войны (если вникнуть в суть — война в Югославии тоже евразийская война), к тому же мы, русские, вообще предпочитаем порассуждать, чем что-то делать, и это одна из самых страшных наших бед-трагедий, и, что русское дело у нас в России делают чаще всего евреи, прежде всего наша вина. Нет ничего глупее занятия — обличать бесов, что они делают бесовское дело, ангелами они никогда не станут, так и нечего винить евреев, что они хорошо делают в России свое еврейское дело, правда, до конца оно у них пока так и не получается, плохо, что мы самым никудышным образом делаем свое русское дело. Самое тяжелое мое потрясение-вывод, к которому я пришел к пятидесяти годам своим: в моем скромном деле по восстановлению храмов и восстановлению памяти Аксаковых я не могу найти себе помощника, даже за пусть небольшую, но зарплату. Ко мне чуть ли не каждый день, отнимая уйму времени, приходят поговорить о гибнущей, в том числе в результате происков евреев, России, прежде всего представители так называемой интеллигенции, в том числе писатели. Они готовы со мной выпить за Россию и даже в пьяном угаре разорвать рубаху на груди за великий русский народ, но как только я завожу разговор о конкретном маленьком деле, они тут же улетучиваются, к тому же потом затаивают на меня обиду: почему не пригласил на Аксаковский или какой другой праздник, не дал вместе с гостями посидеть в президиуме, а потом закусить-выпить...

Ну, во-первых, как понимать евразийство. В последнее время у столичных Любомудров снова стали модны

разговоры, сводящиеся, зачастую по малой образованности, к утверждению: что мы, русские, должны блюсти чистоту русской идеи, чистоту русской крови — на уровне теоретиков-провокаторов типа Баркашова и Лысенко. Я бы посоветовал теоретикам такого рода пожить в нынешних промышленно-сырьевых центрах России: Башкирии, Татарии, Якутии, Кузбассе, а не судить об истинном положении национального вопроса в России по засилью на московских рынках «лиц кавказской национальности», по терминологии специалистов по евразийству из МВД, они пытаются нас убедить, что существует такая заведомо злобная и противная всему русскому национальность. Напомню, что князь Багратион был тоже кавказской национальности. Как раз к этому и стремится западная закулиса, чтобы мы отождествили преступно разъятые в результате целенаправленного разрушения России (СССР) народы, с одной стороны, с криминальными режимами, которые сели им на шею, с другой стороны, с классическими бандитами, которые терроризируют эти народы и Россию снизу.

Разыгрывая национальную карту, те и другие по сути своей антинационально интернациональны: в раз деле сфер влияния те и другие легко находят общий язык — это своего рода **IV криминально-мафиозный Интернационал...**

Теперь уже, кажется, всякому ясно, что каждый человек не только рождается не случайно, но и не случайно, где он рождается. И русское мировоззрение Аксаковых — а философы-евразийцы видели своих непосредственных предшественников в лице славянофилов (наверное, не найдется человека, кто бы обвинил Аксаковых в не русскости взглядов) — закладывалось здесь, на границе Европы и Азии, в Башкирии, тогда национальной окраине России. И. С. Аксаков писал о своем старшем брате: «Константин Сергеевич любил вспоминать

свое пребывание в Надеждине и чем с ранних лет воспитывалось русское чувство».

Я, потомок русских крестьян, переселенных в Приуралье и на Урал приблизительно в одно время с крестьянами С. Т. Аксакова, как и Аксаковы, родился в Башкирии. И для меня, как и для них, понятие русский — не понятие крови, а отношение к Отечеству, к Богу. И для меня многие башкиры, татары, якуты, оставаясь башкирами, татарами, якутами, более русские, чем многие русские по паспорту.

Евразийство России — это давно уже не область теоретических рассуждений московских интеллигентов того или другого толка, а геополитическая реальность, более того — это суть самого русского народа, иначе мы просто перестанем быть русскими, евразийство русского народа — это его любовь к всечеловечеству. Этой точки зрения придерживался Ф. М. Достоевский. Истинное евразийство (мне скажут, что я вкладываю в термин несколько иной смысл, — может быть, но тогда, ради истины, нужно изменить сам термин) — это не лукавство в конечном счете оторванных от жизни умников, но и не евразийство не менее лукавого Н. Назарбаева. Господа противники евразийства не задумываются, почему основные работы по евразийству русскими философами, прежде всего Г. В. Вернадским, сыном гениального В. И. Вернадского, П. Н. Савицким, Н. С. Трубецким и другими написаны в изгнании после Октябрьского переворота и Гражданской войны. Не потому ли, что они только тогда отчетливо поняли, что разрушение России как евразийской державы и позволило прийти к власти прозападнической большевистской диктатуре.

Евразийство — это в том числе и проливать ненавязчиво свет Православия на другие народы.

С виду факт не столь уж значительный: ну восстановили еще одну сельскую церковь — надо ли об этом

кричать во весь мир?! Я же считаю это актом великого нравственно-исторического значения, что церковь во имя святого великомученика Димитрия Солунского, в которой крестили великого русского, в венах которого пульсировало больше тюркской, чем славянской, крови, И. С. Аксакова, восстанавливало правительство Башкирии. Мне говорят: ты убедил, что надо восстановить к 200-летию С. Т. Аксакова, вот они и восстановили. А разве это что меняет? Ведь могли бы просто отмахнуться: не только от церкви во имя святого великомученика Димитрия Солунского, но и от самого С. Т. Аксакова, как отмахнулись от него товарищи-патриоты в Москве.

Наверное, Богом не случайно замыслено, что выразителем русского национального духа, русской национальной идеи стал не просто полутатарин, полутурок, а прямой потомок пророка Мухаммада по матери, каковым был Иван Сергеевич Аксаков. Как, наверное, и не случайно, что были полутюрками великие славянофилы, великие русские Алексей Степанович Хомяков и Юрий Федорович Самарин. Как, наверно, не случайно — такова, видимо, воля Божья, — что турок, поработивших сербов и болгар, должен был поставить на место, наказать именно прямой потомок Мухаммада.

И все у меня, что касалось Димитриевского храма, получалось. И даже люди, которые, по идее, должны были стать моими врагами, которых по молодости или нечаянно обидел, становились моими соратниками. После второго своего приезда в Надеждино, увидев в свое время спасенную мною от взрыва, но позже все равно порушенную церковь, я написал резкую статью, в которой обрушил свой гнев на второго заместителя председателя Белебеевского райисполкома М. Н. Валеева, потому как он одновременно был и председателем районного отделения ВООПИиК (Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры).

Нутром я, конечно, понимал, что спрашивать с него можно лишь формально. Было бы даже странно, если бы он, заместитель председателя райисполкома, разумеется, член КПСС, к тому же татарин, в хрущевское время, когда храмы, наоборот, закрывали, бросился спасать церковь в полузаброшенной деревне, числящуюся официально складом и даже не зарегистрированную в перечне памятников истории и культуры.

Все бы ничего, да так получилось, что статья та позже вошла куском в другую, а та, в свою очередь, в книгу, которая была издана в Москве, а потом переиздана в Уфе, а недавно компьютер выдал справку, что она в числе других моих книг находится в библиотеке Конгресса США, то есть получается, что ославил я Мухтасара Нигматулловича не только на всю страну, но и на весь мир — и не вырубил это теперь топором, не выпилишь пилой. Найдется чудак-человек через век, через два, кто будет перечитывать литературу об Аксаковых, кто заинтересуется историей восстановления Надеждина и Дмитриевского храма в нем, прочитает и мой опус о злодее Валееве.

Вроде бы возненавидеть должен был меня после этой истории Мухтасар Нигматуллович, а он стал в деле восстановления Надеждина одним из главных моих соратников. Вот и недавно звонит:

— Восемнадцать миллионов, что Кабинет министров выделил на благоустройство села, я зажал. Благоустроим и за счет районных средств. Хочу купить бревна да начать восстанавливать дом Аксаковых, чтобы Клыков потом, согласно планировке усадьбы, мог приступить к памятнику Ивану Сергеевичу Аксакову.

На V Международном Аксаковском празднике после поднятия колокола Благовеста, на торжественном вечере при всем честном народе я встал перед Мухтасаром Нигматулловичем на колени, попросил прощения, но на душе от этого почему-то легче не стало.

Встал вопрос о священнике — нет жилья. Третий заместитель председателя райисполкома, по строительству, Лилия Семеновна Кириенко, которая на самом деле Сулеймановна и славянка только по мужу и у которой руки были в мозолях, потому что не хватало рабочих, когда поднимали стены храма, сказала мне по секрету, что единственный дом, который в этом году сдают, на соседней с Надеждино станции Аксакове — в Белебеевских районных электрических сетях у Бориса Ивановича Брянцева. «Правда, у него большая очередь. Но попробуйте поговорить, мужик отзывчивый. Я в свою очередь с ним тоже поговорю».

Звоню Борису Ивановичу, которому я никакой не начальник и который меня никогда в глаза не видел. Выслушал он меня, тяжело вздохнул: «Трудно, очень трудно...»

Кончилось тем, что собрал полутатарин Брянцев общее собрание и убедил, что надо, пока не поставят священнику собственный дом, выделить двухкомнатную квартиру. К тому же стал постоянно помогать храму: транспортом, стройматериалами, а то скостит плату за электричество. Приехал я к нему годом позже, а у него на стене, где раньше принято было быть портрету В. И. Ленина, — Дмитриевский храм в Надеждине. Собрался Борис Иванович креститься, но настоятель храма, черный монах о. Зосима, его остановил: рано еще, ради моды не надо. Всему свое время...

Стараниями сотрудника Международного фонда славянской письменности и культуры Надежды Дмитриевой московский художник-копиист А. Нитецкий, работающий в северных монастырях, написал храмовую икону св. Димитрия. Отец Зосима просиял лицом, увидев икону, так она ему понравилась. Из Москвы помог привезти икону Владимир Тальков, старший брат убиенного русского поэта и певца. Он же торжественно

внес ее в храм во время IV Международного Аксаковского праздника.

— За восстановленный храм спасибо, за икону спасибо! Нам бы теперь, батюшка, колокола, — немало смутив меня, назвав батюшкой, окружили меня в тот радостный день надеждинские великотерпицы-старушки.

О колоколах я мечтал давно: когда они, наконец, заговорят, возвестят благую весть по всей округе. Но стоят они ох как дорого, к тому же пока много других дел, более неотложных.

С помощью районных властей провели отопление, с помощью того же Б. И. Брянцева наконец переставили (нужен был кран с длинной стрелой, и он выпросил его в соседнем районе) первоначально неправильно поставленные кресты — откуда молодым строителям, вчерашним пионерам и комсомольцам, знать, как их ставить правильно, семьдесят лет не строили храмов, а только разрушали, а ответ на звонок в епархиальное управление — приехать, проконсультировать — их обидел: некогда...

Первый взнос на колокола сделал от имени своей фирмы мой сопредседатель по отделению Международного фонда славянской письменности и культуры, который принципиально был назван Аксаковским фондом, Л. П. Софронов, известный строитель, бывший секретарь Уфимского горкома КПСС, за непослушание родной Коммунистической партией спрятанный по расстрельной статье в тюрьму, и вытаскивали его оттуда с великим трудом, в том числе В. Илюхин, тогда помощник генерального прокурора СССР. Прозвище у Леонида Павловича «Кутузов» — и за характер, и за потерянный глаз, который он офицером спецназа обменял на орден Боевого Красного Знамени в одной из тайных операций ГРУ. Вернувшегося из лагеря, его подкосил перитонит, и он почти год был на грани жизни и смерти. Не знаю поче-

му, но именно ему я предложил стать сопредседателем Аксаковского фонда. Знаю только, что в то время не каждый бы согласился на это.

Я объявил о сборе на большой колокол через газеты. В Уфе люди несли свои кровные рубли в Мемориальный дом-музей С. Т. Аксакова: пенсионеры, студенты... Здесь и по сей день стоит ящичек для пожертвований. Приходили переводы из других городов, вплоть до Владивостока. После того как моя статья «Крест мой?..» была опубликована в журнале «Наш современник», в редакцию позвонил из Женевы постоянный подписчик журнала сотрудник Секретариата ООН Вячеслав Васильевич Новиков: куда можно перечислить деньги на восстановление Дмитриевского храма, которые он собрал среди русских сотрудников ООН?

А следом раздался другой, потрясший меня звонок. По просьбе председателя Фонда социальной помощи и содействия слепоглухим «Эльвира», кандидата философских наук, председателя совета по работе со слепоглухими при Центральном совете Всесоюзного общества слепых Сергея Алексеевича Сироткина звонила его жена и верный помощник, Эльвира Кипчаковна Шакинова: «Как найти Чванова? Мы решили передать на восстановление Дмитриевского храма один миллион рублей. Правда, просьба наша не совсем бескорыстна. Мы очень бы хотели, чтобы в этом храме, где главная служба по всем павшим за Отечество, помянули за упокой великого печальника земли Русской, владыку Иоанна, митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского. И за здоровье раба Божия Николая, находящегося ныне в большой нужде и болезнях».

С. А. Сироткин — слепоглухой, инвалид I группы по зрению и слуху, воспитанник Загорского детского дома для слепоглухонемых детей — с отличием окончил факультет психологии МГУ. Возглавляемый им фонд

создан в 1992 году для реализации конкретных программ по оказанию помощи самой тяжелой категории инвалидов — людям с одновременным отсутствием или глубоким поражением зрения и слуха. На учете в фонде — более 4 тысяч слепоглухих. Для них разработаны действенные программы социальной, трудовой и других видов реабилитации. В фонде нет штатных единиц. Работают на общественных началах сами слепоглухие и добровольные помощники. Потому все средства, поступающие на счет фонда, расходуются непосредственно на нужды слепоглухих.

Этот звонок — еще одно свидетельство тому, что можно быть слепым и глухим, но видеть и слышать Бога, и сочувствовать другим, даже менее нуждающимся в помощи, но можно быть очень богатым и — в то же время нищим душой. Когда я у Эльвиры Кипчаковны осторожно спросил фамилию раба Божия Николая, то был потрясен: речь шла о большом русском поэте Николае Ивановиче Тряпкине, лауреате Государственной премии России, на старости лет оказавшемся в материальной нужде и одиночестве. И сам собой напрашивался вопрос: кто же на самом деле глух и слеп в нашей стране?

Я с трудом уговорил Эльвиру Кипчаковну не жертвовать на восстановление Дмитриевского храма, а, наоборот, через журнал «Наш современник» попросил всех, кого не оставила равнодушным моя статья и кому под силу, помочь прежде всего Фонду социальной помощи и содействия слепоглухонемым, возглавляемому С. А. Сироткиным, для того просил опубликовать контактный телефон фонда...

Но собираемые на колокол деньги съедала инфляция. Тогда я обратился к генеральному директору АО «Уфимкабель» В. Г. Придачину, который мне тоже не брат, не сват и предприятие которого переживало далеко не лучшие времена, тем не менее: посоветовав-

шись с коллективом, он пожертвовал около 2 тонн меди самой высшей марки — «999». Медь увезли в Каменск-Уральский к одному из лучших колокольных мастеров России Н. Г. Пяткову, заключили договор, что к 19 декабря 1995 года (у него была большая очередь на заказы) при своевременной доплате еще 6 миллионов рублей колокол будет готов.

Это теперь мне кажется, что все было гладко. Купили лес на корню для пола (в храме был временный, щелястый), сами валили, выбирая каждый кряж. На лесопилке заверили: сделаем без вас наилучшим образом, сами и привезем. Сами погрузили и привезли — только доски наполовину оказались гнилыми, глазом не моргнув, подменили...

Но если бы все было по-божески, в свое время не рухнул бы храм, как и вся Россия.

Но в главном все-таки получалось.

В программу V Международного Аксаковского праздника я заранее включил пункт «Говорят Аксаковские колокола», но большой колокол, Благовест, к празднику не успевал, и я решил ограничиться малыми. Но все-таки написал в Каменск-Уральский Николаю Пяткову: «Нельзя ли отлить к Аксаковскому празднику? Очень бы людей порадовали». Написал без всякой надежды. И вдруг за неделю до праздника междугородный звонок: «Вчера залили ваш колокол, деньги потом, присылайте машину».

Я позвонил ген. директору АО «Башкирнефтепродукт» Г. К. Ведерникову, он уже был в машине по дороге в аэропорт, но по радиотелефону распорядился насчет грузовика, и наутро тот выехал за тысячу километров в Каменск-Уральский. Был конец сентября, но на обратном пути на южно-уральских перевалах машину неожиданно накрыла метель, сломался «дворник» на лобовом стекле, то и дело приходилось очищать стекло

вручную, и водитель Ильдар Сулейманов, кстати, верующий мусульманин, приехал в Уфу поздно вечером с опухшими от снега руками и с воспаленными глазами, совершенно вымотанный, ему надо было отдохнуть, не говоря уже о том, что второй день он числился в отпуске, но, выслушав мою просьбу, он уже в 6 утра выехал в Надеждино, чтобы к началу праздника подготовить колокол к подъему.

И глава администрации г. Белебея, Р. Г. Газизов, крутой башкир-нефтяник, которому я тоже не начальник и который мог бы вежливо отмахнуться от меня, сделал все возможное и невозможное, чтобы праздник в Надеждине и Белебее действительно стал всенародным.

И вот настала торжественная минута. Колокол еще на земле. Но все уже готово, чтобы после освящения кран мог подхватить его. И рядом со мной В. М. Клыкков. А еще, чуть припоздав, потому что подъехали с другой стороны, из Оренбурга, В. И. Белов, И. Р. Шафаревич, П. Л. Проскурин, С. И. Шуртаков, М. П. Лобанов, из Австралии прилетел А. В. Шахматов, из Сербии — монахиня Ангелина.

И вот тут-то я впервые и подумал: а может, это и есть мое предназначение на Земле? А книги мои, написанные и не написанные, — лишь гордыня?

И в то же время: может быть, наивна моя попытка — вокруг имени И. С. Аксакова соединить снова русских, белорусов, украинцев, сербов и болгар, — для каждого из этих народов он сделал невероятно много, чтобы Надеждино стало своеобразным местом паломничества? К тому же это просто не под силу одному человеку.

Но уже встал же из праха храм во имя святого великомученика Димитрия Солунского! Ведь совсем недалеко ушло время, когда в это мало кто верил!

Я стоял на студено-пронизывающем ветру, и вдруг мне открылась идущая через века сияющая нить: в честь

заступника славян перед Богом, святого великомученика Димитрия Солунского, благоверный князь Александр Невский называет своего старшего сына, преподобный Сергей Радонежский правнука его благословляет на Куликовскую битву, и внук, после судьбоносной Куликовской битвы ставший Димитрием Донским, во имя своего небесного покровителя устанавливает на Руси — прежде похоронив всех убиенных в великой сече! — Димитриевскую поминальную субботу. Он, конечно, понимает, что Димитриевской субботе, к сожалению, жить на Руси многие и многие лета и даже века, ибо великие, в том числе печальные, битвы у русского народа впереди, так как станет он на пути мирового зла в овладении всем миром. Но князь Димитрий Донской не мог даже представить, что может прийти время, когда, духовно надорванная, Русь перестанет хоронить своих убиенных за Отечество сыновей, как это случилось в Великую Отечественную войну 1941—1945 годов.

Но на преподобном Сергии не обрывается эта нить. В честь его называют еще не родившегося С. Т. Аксакова, храм в его будущем имении поставят во имя Димитрия Солунского, сын Сергея Тимофеевича, Иван Сергеевич, пытавшийся снова соединить славянство перед грядущими бедами, прежде всего сербов, хорватов, болгар, родится под звон колоколов этого храма и будет похоронен в Троице-Сергиевой лавре...

Почему только сейчас я так отчетливо увидел эту сияющую, не видимую глазу, но видимую сердцу струну?

Я уже раньше догадывался, что не случайно дед С. Т. Аксакова переехал с Волги в Башкирию, а может, точнее сказать, вернулся: не исключено, что именно отсюда во времена Золотой Орды ушли в Русь его предки. И не случайно крестный отец его, сенатор Д. Б. Мертваго, предложил именно в Уфе основать Духовное управление мусульман (а не крестить их насильно, как бы сделали

латиняне-католики), ныне оно превратилось в Центральное духовное управление мусульман всей России и европейской части так называемого СНГ.

И находится Центральное Духовное управление мусульман с соборной мечетью на том же крутом берегу Белой, в 300 метрах от Мемориального дома-музея С. Т. Аксакова, и возглавляет его видный исламский богослов, широко известный как в нашей стране, так и за рубежом, Верховный муфтий России Шейх-уль-Ислам Талгат Таджуддин, непримиримый борец с экстремистским мусульманским сектантством, непреременный участник Международных Аксаковских праздников. «Благодаря евразийству, — скажет он на V Международном Аксаковском празднике, — Россия стала великой державой». И что с частичной потерей ее она рухнет в 1917 году. И именно он приведет слова Феофана Затворника: «Западом и накажет и наказал нас Господь... припомним двенадцатый год: зачем это приходили к нам французы? Бог послал их устранить то зло, которое мы у них же переняли. Покаялась тогда Россия, и Бог помиловал ее... Если не опомнимся, кто весть, может быть, опять пошлет на нас таких же учителей наших, что привели нас в чувство и поставили на путь исправления. Таков закон правды Божией: тем врачевать от греха, чем кто увлекается к нему...»

И еще он скажет: «Что спорить о евразийстве? Все континенты — Америка, Австралия — разделены океанами, только перешеек связывает Африку с Азией, Северную Америку с Южной, а Европа и Азия крепко спаяны Уралом, словно сварочным швом, так не случайно предопределено Всевышним. Более того, скажу: деление на части света — Европу и Азию — условно, тем не менее оно уводит от истины. Объективно существует единый континент: Евразия, и можно уверенно сказать, что он — колыбель всего человечества. Здесь не просто

соприкасаются культуры Запада и Востока, все посланники Всевышнего пришли с Востока... Мы, мусульмане, верим во второе пришествие Христа. Более того, я скажу так: тот не мусульманин, кто не верит во второе пришествие Иисуса Христа. Это является неотъемлемой частью нашей веры. И любой человек, который приложил хотя бы каплю труда, энергии, свои мысли, свое влияние на сближение народов, на уничтожение искусственного противоречия, служит божественным целям. И Аксаковы, может, до конца не осознавая того, не только в мыслях, не только в своих деяниях, но и в крови, соединили две великие цивилизации: славянскую и тюркскую — и не случайно родились на стыке Европы и Азии. Да-да, Аксаковы соединили в себе две огромные духовные цивилизации: Христианство и, может, даже не подозревая о том, Ислам. И великая сказка Сергея Тимофеевича Аксакова «Аленький цветочек», так близкая русскому человеку, несет в себе огромный пласт фольклора Востока. Зная или не зная об этом, Сергей Тимофеевич Аксаков даже в облике своем, в своей одежде как бы воплощал идею не только взаимотерпимости, но и взаимовлияния Православия и Ислама. Взять даже то, что он не носил усов. Вряд ли, что он делал это сознательно, специально. Но славянин, православный, носящий бороду, как правило, носит усы. А он не носил. А пророк Мухаммад говорил: «Отпускайте бороду, усы сбривайте!»

И не кто иной, а именно Верховный муфтий России на следующем Аксаковском празднике, а потом и на Всемирном Русском Народном Соборе во всеуслышание сказал о спасении Святой Руси. Мы, русские, иногда еще если не боимся, то стесняемся об этом говорить вслух. «Святое — все, что исходит от Бога, — сказал он. — И выражение «Святая Русь» не просто красивый эпитет, тем более относящийся к безвозвратному про-

шлому. Привыкли, что понятие «Святая Русь» — только для православных. Но мы, мусульмане, по своей истории знаем, что наши предки, потомки которых сейчас живут по всей России, приняли Ислам добровольно, у нас, как и у православных, тоже была свобода выбора. А когда вера выбирается добровольно, это и есть святое. Потому естественно, нормально и нужно мусульманину называть свою Отчизну, которая у нас общая с православными, Святой Русью. Больше ста народов Всевышний соединил в одной Отчизне. Отчизну, как и мать, не выбирают. Это — воля Всевышнего. И не случайно, что, в свое время разъединив, он снова соединил нас вместе. На огромном пространстве земного шара вместе живут во взаимном согласии и мире миллионы православных и правоверных, и дай Бог это единство сохранить, и потому наша Отчизна — действительно Святая Русь. За всю историю Российского государства православные и мусульмане всегда стояли бок о бок в защите Отчизны. И никогда за четыре века не было религиозного противостояния. В народной беде Православие и Ислам всегда были вместе. У нас одна Родина. У нас общее прошлое и общее будущее. И русский царь признавался мусульманами Белым царем, за которого молились во всех мечетях России... Взглянем еще дальше в прошлое: еще тысячу лет назад в Булгарском халифате около двадцати процентов населения были христиане. Христианские праздники отмечали и христиане, и мусульмане. Мусульманские праздники отмечали тоже вместе. Да, последние семьдесят лет государственного атеизма наложили на всех нас свой отпечаток, от которого нам еще сотни лет очищаться, но православные христиане и правоверные мусульмане приверженности своей истинной вере не потеряли. И дальше: чем ближе мы будем друг к другу, тем лучше будем понимать друг друга, тем чище и святее будет наша страна. И чем больше будем лю-

бить друг друга, тем больше будет в наших действиях и деяниях готовности ко второму пришествию Иисуса Христа, который, как говорил пророк Мухаммад, снова объединит всех людей. Из рассказов наших предков мы знаем, что еще до революции 1917 года мусульмане в селах отмечали Рождество Христово, называя праздник по-своему — Раштулла. Да и праздник Пасхи, который посвящен воскрешению Иисуса Христа, праздновался мусульманами...»

Нет, совсем не случайно, что Сергей Тимофеевич Аксаков родился именно здесь, на стыке двух гигантских человеческих материков, на стыке двух великих культур, и противникам евразийства я напомним, что Неугасимый Огонь от Гроба Господня, нисходящий в Православную Пасху, кроме православных, свят только для мусульман (он не свят даже для католиков, считающих себя христианами), как и, кроме Православия, только Ислам отрицает ростовщичество — основу нынешней западноевропейской экономики и нравственности.

Как не случайно, что здесь, на стыке Европы и Азии, родились и великий историк Н. М. Карамзин (кстати, его предок, некто Кара-Мурза пришел на Русь в XV веке тоже откуда-то из этих мест), и великий русский поэт Г. Р. Державин (его предок, мурза Ибрагим, пришел из Орды на службу великому князю Василию Васильевичу), который к тому же был и великим государственным устроителем, и если бы «вовремя» под давлением еврейского кагала его не отправили в отставку, судьба его, скорее всего, походила бы на судьбу другого великого устроителя земли Русской П. А. Столыпина: наши историки почему-то предпочитают умалчивать, что иудейская община России собирала деньги, чтобы дискредитировать в глазах царицы, а если не получится, уничтожить физически Г. Р. Державина, вставшего на их пути экономического завоевания России.

И потому сей храм, в котором главная молитва — по всем убиенным за Отечество, тоже не случайно встал на стыке Европы и Азии. А за общее Отечество, к сведению противников евразийства, тюрки погибали со времен Золотой Орды. Известно, что в Невской битве участвовало несколько татарских мурз со своими подданными. Известно также, что поволжские татары в 1312 году отказали в повиновении хану Узбеку — часть их погибла во внутренней войне, а уцелевшие спаслись, уйдя на Русь, позднее они влились в московские рати, разгромившие Мамаю на Куликовом поле. Наши ученые, даже не западники, но, поддаваясь общезападнической тенденции, почему-то замалчивают, что первый удар Орды приняли Башкирия, Булгария. Стало аксиомой утверждать, что Россия спасла Европу от монгольского нашествия. Да, но перед этим Башкирия, Булгария, другие народы Поволжья, приняв и смягчив первый удар, спасли Россию, а потом снова и снова восставали в тылу монголов, в результате чего Русь не была включена в состав Орды. Это потом произошло смешение понятий, когда болгар, предков нынешних поволжских татар, и их завоевателей, монголов, под общим именем свалили в одну кучу. Подобное смешение произошло в русских былинах и с «проклятым» хазарином, с которым бьется в чистом поле русский богатырь. Сказитель не подозревает, что рукой рядового всадника, степняка-тюрка, водит рука не татарского хана, а иудейская хитрая голова, потому что Хазарский каганат в ту пору был под властью иудеев...

Спасаясь от монгольского ига, уходили в Русь целыми улусами, основывали села, города, принимали русское подданство, в конце концов становились русскими и, может, даже более русскими, чем коренные русичи. За время существования Орды было несколько болгаро-тюркских исходов в Русь. И ведь будущее-то

дворянство, сомнительной принадлежностью к которому многие ныне так кичатся, как сословие первоначально складывалось как раз из выходцев из Золотой Орды, особенно после Куликовской битвы, когда из-под гнета Орды ушло к князю Дмитрию много татарских мурз, и им нужно было дать какие-то гражданские и иные права. Им давали «двор» с обязанностью охраны части русской границы. От выходцев из Орды идут такие громкие русские фамилии, как Апраксины, Голицыны, Измайловы, Татищевы... И другие, не менее именитые русские роды: Аракчеевы, Арсеньевы, Бунины, Бутурлины, Годуновы, Дашковы, Мусины-Пушкины, Танеевы, Сабуровы... Поразительно: получив уделы в Руси и основав там в результате дворянство как сословие, опору самодержавной власти, их потомки в значительной части своей впоследствии вернулись опять в Поволжье, в Приуралье, — уже русскими, православными — так мудро строилась Русь, и в этом смысл истинного евразийства.

Я уже, кажется, говорил, что для меня понятие «русский» — не понятие крови, тем более что в нашей крови чего только не намешано, а отношение к Отечеству. Аксаковы — великий пример тому. Великая русская семья, олицетворяющая собой православную державную Россию, выразившая собой истинную суть евразийства и, по-моему, лишившая споры на эту тему какого-либо основания. Став символом всего русского, всеславянского, по крови своей она больше тюркская. Посудите сами: фамилия явно тюркского происхождения (аксак — «хромой»), внешность — явно тюркская... Может быть, имеет право на жизнь и норвежская версия происхождения древнего рода Аксаковых, а может, просто кое-кому из предков С. Т. Аксакова, тоже прибаливающих западнической болезнью, очень уж хотелось быть «благородных» кровей, и придумали сказку про Шимона, племянника норвежского короля, от которо-

го они якобы пошли (но почему-то они стали, к примеру, не Шимоновыми, а Аксаковыми). Подобную сказку придумали и предки фельдмаршала Суворова, что они тоже не лыком шиты, а якобы пошли от шведского рыцаря Сувора, выехавшего в Россию в 1612 году, хотя служивые люди Суворовы отмечаются на Руси уже с XV века, а происходит эта фамилия, без сомнения, от тюркского слова «сувор» («наездник»). А пошли Аксаковы, скорее (или позднее породнились с ним), от Ивана Аксака, тысяцкого Ивана Калиты, сына Вельямина, вышедшего из Золотой Орды при хане Узбеке. Жена С. Т. Аксакова, Ольга Семеновна, — полутурчанка, и не просто полутурчанка, а из рода турецких эмиров, прямых потомков пророка Мухаммада. Вглядитесь в лица великих русских сыновей С. Т. Аксакова: много ли в них русского? Эта великая русская семья лишней раз доказывает утверждение Ф. М. Достоевского: «Русский — это православный».

Мы, может, и стали-то русскими, великим народом, когда приняли (другое дело, что мы много веков ждали его или, в глубокой древности по какой-то причине забыв его, вспомнили снова) Православие и одновременно приняли в себя сотни племен и народов, тысячи гонимых и обездоленных, а до принятия Православия мы были, вспомним, одним из русских племен или набором племен, постоянно выясняющих между собой отношения.

На чью мельницу льете вы воду, может неосознанно, отрицатели евразийства? Что тут теоретизировать, если евразийна сама суть России, сама суть русского человека! Если мы не евразийны — зачем нам нужно было втягивать, не подчинять, а именно втягивать в себя целый географический и человеческий континент?

Может быть, мы по-разному понимаем термин евразийства? И толкуем о разных вещах? Заглянул в «Философский энциклопедический словарь», изданный не

когда-нибудь, а уже в 1983 году, — поразительно, в нем такого термина вообще нет. Толковый же словарь русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова объяснял его так: «Одно из контрреволюционных учений в зарубежной белой эмиграции, доказывающее своеобразие русской расовой культуры и родственных ей восточных культур и утверждающее, будто этой культуре суждено сменить разлагающуюся романо-германскую культуру...»

Сейчас, говорят, проблема с учебниками. Старые, написанные в коммунистическое время, не годны, новые — не написаны. Я боюсь новых учебников, уже имеющийся опыт показывает, что они пишутся людьми более чем лукавыми. Что касается старых учебников, не так уж они непригодны, только все в них надо читать наоборот: если плохой царь, например, Николай I — значит, надо понимать, был истинный царь, если, например, там в «святых» декабристы — то надо понимать, что они были разрушителями России.

И не случайно в старых учебниках пытались столкнуть Святую Русь и Великую Степь, Православие и Ислам, а весь свет шел к нам якобы только с Запада, особенно когда туда царь Петр прорубил окно. Так уж его любили большевистские учебники, что сам собой напрашивается вывод: не он ли был первым российским большевиком? Не с него ли все началось? И, меняя национальные одежды на нелепые, а главное, малопригодные для нашего климата одеяния, не сменил ли он главного? (Ныне это даже представить трудно, насколько была унижена русская суть: когда Аксаковы попытались возродить в быту национальную одежду и носить бороды, им пригрозили арестом.)

И в связи с этим нельзя не вспомнить одного из величайших русских в истории России — святого и благоверного князя Александра Невского. Его роль в становлении Руси по всем параметрам несравненно выше

роли Петра, которого мы зовем не иначе, как Великим, к тому же роль Петра — обратного знака. Мы сводим роль Александра Невского, по крайней мере, в школьных учебниках, практически к одному или двум историческим эпизодам: к Невской битве и Ледовому побоищу, тем самым как бы затушевывая остальное, может, непомерно большее, в том числе и истинное значение этих исторических эпизодов. Если Александр Невский, по сути для России Александр I, выстраивал внешнюю и внутреннюю (духовную) Русь как будущее великое государство, как «Третий Рим», то Петр, как бы продолжая строить ее внешне, катастрофически разрушал ее духовную суть, тем самым уже тогда, в пору внешней блистательности и побед, поставил ее на путь губельного внутреннего разрушения, что рано или поздно привело к Октябрьской революции.

Россия евразийна не только потому, что соединяет собой и в себе Азию и Европу, но и потому, что изначально раздираема Европой и Азией, и это одна из ее трагедий. В ней постоянно действуют две силы, но это даже не закон единства и борьбы противоположностей и тем более уж не закон единства и взаимодействия противоположностей. Об уравновешенности или гармонии этих сил даже не стоит говорить. Начиная с Петра I, — это болезнь, тяжелая, может раковая: в извечном споре западников и славянофилов (здесь как никогда очевидна неточность второго термина) побеждают, как правило, западники, прежде всего потому, что они всегда поддерживаются мощными силами извне. Хотя термин «западник» тоже не точен, потому что Запад не родил сам эту идею, а в свое время, раньше России, пал жертвой ее. И одна из причин, что западники, чем дальше, тем больше, побеждают, не в том, что они истиннее, а как раз наоборот: что используют для достижения своих целей самые низменные чувства человека и ме-

тоды, которые по понятиям православного или просто нормального человека не только циничны, а за чертой нравственности. И Россия каждый раз оказывается не готова к их коварным ударам — они наносятся как бы инопланетянами, логика поведения и нравственность которых нам непонятны.

И если одна сила постоянно питается извне, то у второй практически уже нет опоры — ни внутри, ни тем более — вне, а на протяжении последнего века все, кто внутри или вне России следует ей, шельмуется или даже уничтожается, а чтобы окончательно дискредитировать ее — на сцену выпускаются хорошо оплачиваемые провокаторы вроде Жириновского.

Словно сегодня, а не в 1885 году написал И. С. Аксаков следующие строки:

«С тех пор как мы вступили на путь рабского подражания Европейскому Западу, мы осуждены пробавляться лжеподобиями. Оно было еще довольно невинно, когда мы простодушно ублажали себя сравнениями: «Наш Пиндар», «Наш Парни», «Наш Гораций»; оно было менее невинно, когда мы начали заковывать свой язык в формы латинской грамматики и синтаксиса; оно стало положительным злом, когда мы переняли у французов систему наполеоновского централизма и бюрократизма, а потом у других стран — многое множество учреждений, коверкавших национальный склад нашей жизни, причем всякий раз любовались собой да приговаривали: «Совсем как в Европе!» Наконец, мало-помалу, поверх подлинного, действительного мира в виде командира над ним мы нагромодили целый мир — сочиненный, искусственный, фантастический и, тем не менее, грубо-реальный; мир всяческих лжеподобий, которые мы наделили всеми гражданскими правами жизненной правды, в которые мы и сами уверовали вполне искренне, как в высшее откровение истины; которые под конец стали

нам казаться совсем своими, родными, среди которых мы уже готовы были бы почувствовать себя совсем уютно, как дома, в Отечестве, если б время от времени, а в последние дни все чаще, не напоминала о себе, и довольно грозно, презренная и почти игнорируемая нами, подлинная, настоящая правда русской жизни с девятью десятymi русского населения. Но вывести нас из нашего ложного мира не так-то легко. Потягаемся! Не удастся ли, так или иначе, впихнуть и эти девять десятых на путь одной десятой, вытравить и из их жизни правду, и все это привести в одно единое целое — в одну колоссальную гармоническую... ложь?!»

Россия и сложилась как держава с особой судьбой, имея особое предназначение в мире. «Наше назначение быть другом народов... тем самым мы наиболее русские. Все души народов совокупить в себе» (Ф. М. Достоевский). Именно евразийство России помешало мировому масонству уже захватить мир под властью тайного мирового правительства. Именно по евразийству, а не по коммунизму, в России был нанесен удар горбачевской перестройкой и преступным Беловежским соглашением.

Евразийство России не только в том, что она связала собой или, наоборот, разделила Восток и Запад, но и в том, что она сыграла исключительную роль в истории того и другого. Всемирно-историческая, даже вселенская, предначертанная, видимо, Всевышним роль России в том, что в XIII веке великой мудростью князя Александра Невского, сочетающей в себе великую храбрость и в то же время великое смирение, она не дала впрямую надолго столкнуться Западу и Востоку. Последствия такого столкновения были бы губительны прежде всего для Востока. **Да, Россия спасла Европу от монгольского ига, но с не меньшим основанием можно сказать, что она спасла Азию от латинского ига, прежде всего от его всеразлагающего рационалистического духа. Рос-**

сия на целые века стала для Азии фильтром, вбирающим в себя и разъедающим ее ядовитые идеи Запада.

Русь к XIII веку оказалась перед грозным испытанием. Само ее существование было поставлено на карту. Еще до конца не сложившаяся как государство, она попадает как бы в тиски, подвергаясь смертельной угрозе одновременно со стороны латинской Европы и со стороны монгольской Азии.

В 1204 году крестоносцы взяли приступом Царьград (обратите внимание — не мусульмане! Спросите сейчас любого: кто разрушил Царьград? Каждый второй, если не чаще, не задумываясь, ответит: турки. Не случайно, совсем не случайно из века в век Православие сталкивали с Исламом, представляя это основным конфликтом евразийской истории), православная Византия была уничтожена, на месте ее была основана Латинская империя.

Почти одновременно, в 1206 году, в глубинах Азии, в верховьях реки Орхон, произошло событие, которое тоже во многом определило судьбы народов Евразийского континента; курултай монгольских старейшин провозгласил завоевателя местных племен князька Темучина — Чингисханом. Волна завоеваний покатила через Китай, Малую Азию навстречу латинским завоеваниям. Почти через двадцать лет монголы достигли Руси и в битве на Калке нанесли ей страшное поражение.

Русь, по всему, была обречена, она не могла противостоять одновременно Европе и Азии. Два сильнейших князя того времени сделали противоположный выбор. Князь Даниил Галицкий решил с помощью Европы дать отпор Золотой Орде. Князь Александр выбрал Золотую Орду и под ее прикрытием решил обороняться от латинского Запада. Князь Даниил выиграл несколько сражений, но в конце концов проиграл все, не прошло и ста лет после его смерти, как все его земли были захвачены латинянами.

Почему князь Александр выбрал Азию? Не потому, что он был хитрее Даниила, для которого была «злее зла честь татарская», а потому, что он был мудрее, а мудрость его шла не столько от ума, но, прежде всего, от сердца, от глубокой веры в Бога, от чувства, что в первую очередь нужно защитить ее. Князь Александр хорошо помнил, кто разрушил Царьград, — латиняне, с именем Христа на щитах. И мудрым сердцем своим он чувствовал, что противостояние Руси и Золотой Орды — каким страшным ни станет — не будет противостоянием нравственно-религиозным. Достаточно сказать, что только через сорок лет после битвы на Калке хан Золотой Орды Берке примет мусульманство, а до того взятием Багдада нанесет Исламу страшный удар, то есть монголы не просто исповедовали веротерпимость, но и даже способны были принять веру поверженного. Так было с Исламом, так может быть и с Православием. Князь Александр задолго до Достоевского понимал, что суть русского народа не чистота крови, а Православие и, чтобы спасти народ в сложившихся обстоятельствах, нужно спасти Православие, у самой черты поступиться границами, даже внешней свободой, но спасти свободу внутреннюю. И он своей нравственно-этической сутью чувствовал, что формально еще христианская, но давно отпадшая от Христа Европа для России смертельнее монголов, потому что Орда, закабалая физически, не трогала веры народа, она даже освобождала от податей духовенство поработанных народов, только с раввинами она была настороже и не снимала с них налога. И действительно: при всей тяжести монгольского нашествия Православная церковь на Руси не была уничтожена, наоборот, она получила поддержку от ханской власти.

И как это для кого-то ни парадоксально, именно под прикрытием монгольского ига князь Александр одержал блистательные победы — на Неве, став Александром Не-

вским, и на Чудском озере. Летопись не случайно утверждает, что «мудрость же и остроумие дадеся ему от Бога», потому как основной подвиг его все же не Подвиг Брани, а Подвиг Смирения.

Нет, это не непротивление злу насилием, приписываемое христианству, но чуждое ему. Это даже более чем, по утверждению Г. В. Вернадского, «когда из двух зол выбирают меньшее». Это, может, внутреннее от Бога! — видение, если не единства, несмотря на обильно пролитую монголами русскую кровь, то хотя бы не противоречия между Русью и Ордой, которое рано или поздно будет разрешено, и народы, обрушившиеся вместе с монголами на Русь, тоже рано или поздно станут Русью.

Да, великий Подвиг Смирения, не отрицающий Подвига Брани! Он только что одержал блистательные победы на Неве и Чудском озере — какой соблазн, подобно князю Даниилу, повернуть свои рати на Восток! Но, в отличие от Даниила, он не восстал против Орды, а смиренно поехал во Владимир — прощаться с отцом, который собирался на поклон к Батыю.

Несколько последовавших за этим блестящих побед над Литвой и папская булла 1244 года, в которой тот в случае признания князем Александром римского престола обещал военную помощь против татар, опять-таки, как в подобной ситуации с Даниилом, не затмили его разум. Он поверил не папе римскому, который, в конечном счете, обманул Даниила, он поверил Батыю, который прислал сказать: «Иже в русских держателях пресловущий княже Александре, вемь яко разумно ти есть, иже мне Богъ покориль многие языки, и все повинуются державе моей. И паче ли всехъ единъ ты не радиши покоритися силе моей? Внимай убо себе, аще мыслиши соблюсти землю твою невидиму, то потыши немедленно прийти до мене, и узриши честь и славу царствия моего, себе же и земле твоей полезная приобретешы».

Он не просто поехал к Батыю, а после смерти отца назвал его приемным отцом и породнился с Сартаком, сыном Батыя, который в конце концов принял Православие.

Многим своим современникам князь Александр, наверное, казался предателем земли Русской: не желающих ему подчиниться братьев он покорил с помощью монголов, он жестоко наказал новгородцев, не захотевших платить монголам дани. Далеко не все могли понять, что он все это делал ради великого главного — спасения, объединения всех русских земель. Всего один лишь факт: католики отменили поход на Новгород, узнав, что в него вошел отряд монголов, пусть всего в 500 человек.

И снова он со смирением едет в Орду — умилистить хана, разгневанного мятежом во многих северорусских городах, как свидетельствует летопись, «ради избавы христианския».

Русские летописи и былины оставили в народе память на века о жестокости и унижительности монгольского ига. Будучи пусть поэтическими, но историческими хрониками, они не могли рассказывать того, чего не было, что принесло бы Руси другое, латинское иго (несомненно, православная Русь была бы уничтожена, подобно Византии), и потому летописи и былины подспудно как бы тоже работали на будущее западничество.

Поездки князя Александра в Орду пугали Запад не менее его блистательных побед. Возвращаясь в очередной раз из ханской ставки, он неожиданно умер. Можно было согласиться с бытующим предположением, что он был отравлен по приказу ордынского хана, если бы одновременно с ним не умер принявший православие литовский князь Миндовг, с которым они начали готовить большой поход против рыцарей. (Сын Миндовга, Давмонт, уйдет в Русь и станет псковским князем и по-

гибнет от ран, полученных в битве с рыцарями.) Запад мог действовать уже только такими средствами: подлогом и ядом, в открытую он уже не смел выступать против окрепшей Руси. А Русь, вобрав в себя поволжских тюрков, уже в открытую могла поднять голову против монгольского нашествия. «...Политика Александра Невского, естественно, должна была превратиться в политику Дмитрия Донского». «Рать Дмитрия выросла из смирения Александра». Эти два высказывания принадлежат выдающемуся ученому русского исхода Г. В. Вернадскому, сыну гениального В. И. Вернадского. Поразительно: насколько в жизни святого князя Александра все было не случайно. Одна, главная, вершинная мысль, которая позволяла ему безошибочно делать выбор в любой, для других неразрешимой, ситуации, с юности пронизывала его жизнь и уходила далеко за границы его земного бытия: ради Высшего, Главного, поставив Подвиг Смирения выше Подвига Рати, он своего первенца назовет именем святого Дмитрия, который много веков назад духовно победил именно смирением, а младший его сын, Даниил, воздвигнет в Москве храм во имя святого великомученика.

Можно соглашаться или не соглашаться, но факт остается фактом: Золотая Орда, выдвинувшись на Запад и на время географически поглотив Русь, спасла от уничтожения Православие, Русь по-прежнему продолжала подчиняться вселенскому патриарху. Сейчас почему-то замалчивают, что в ненавистой Орде существовала Сарайская православная епархия. Только в XV веке сарайский епископ перенес свою кафедру в Москву и поселился в Крутицах, которые с XIII века служили подворьем сарайских епископов. Сарайский епископ превратился в епископа Крутицкого. И то, что нынешний митрополит Крутицкий — традиционно викарий Патриарха Московского и всея Руси — символ глубочайшего исторического

и нравственно-религиозного значения, олицетворяющий евразийство России.

И еще: после Куликовской битвы Русь была обескровлена и могла стать легкой добычей для Европы. И, воспользовавшись этим, на восток в 1399 году двинул рать литовский князь Витовт, но навстречу ему неожиданно выступили монгольские рати, которые на реке Ворскле нанесли ему страшное поражение, после чего Литва долго не могла оправиться. И в этом случае, мне кажется, нельзя не согласиться с мнением Г. В. Вернадского: «Битва на Ворскле в 1399 г. — одно из величайших событий в русской истории, хотя в этой битве восточно-русские полки не участвовали, а западнорусские — участвовали на стороне Витовта».

Повторяю: ныне многие русские по крови и по убеждению поговаривают, не более не менее, как о вреде евразийства. Как-то, не столь давно, я попытался предложить свою статью главному редактору одной из, несомненно, русских газет.

— Если о евразийстве, то близко не надо! Пока я редактирую эту газету, в ней даже запаха не будет евразийного! — отрезал он, человек, несомненно, русский и православный, историк по образованию.

Может быть, я поддался обаянию Г. В. Вернадского?

Когда у меня появляются сомнения, с некоторых пор я обращаюсь к статьям владыки Иоанна, митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского, к великому нашему горю, ныне покойного. Но Бог рассудил, пожалел нас: прежде чем уйти от нас, много успел сказать великий праведник и печальный провидец. Открываю его книгу «Битва за Россию», главу «Русь между монголами и латинами»:

«Несмотря на то что на Русской земле не было постоянного татаро-монгольского войска, покорность завоеванных областей поддерживалась постоянными

опустошительными набегами, предпринимающимися в целях устрашения и грабежа. Лишь за последнюю четверть XIII века татарами было организовано полтора десятка походов в Россию.

Посреди такого сокрушительного бедствия, охватившего всю страну, лишь одна сторона русской жизни, по воле Божией, уцелела от разгрома. Непокоренной и неповрежденной в своей спасительной деятельности устояла Православная Церковь, спасенная от ярости завоевателей чудесным видением, вразумившим свирепого Чингисхана еще до вторжения татарских орд в русские земли.

Перед завоеванием Средней Азии Темучин, не желая вступать в открытую борьбу с хорезмшахом Мухаммедом II, которого называли «вторым Александром Македонским», предложил ему союз. Но гордый шах повелел умертвить послов хана. Чингисхан, желая узнать волю неба о предстоящей войне, три ночи провел на горе в молитве (верования монголов включали смутные понятие о Едином Боге — Владыке Вселенной). Спустившись к воинам на третий день, хан объявил, что Бог в сновидении предвозвестил ему победу устами христианского епископа (с которым Темучин встречался во время завоеваний уйгурских племен, исповедовавших христианство). Пророчество полностью подтвердилось, и грозный хан до конца своих дней особенно благоволил к христианам...

В 1267 году митрополит Кирилл сумел получить у хана Менгу-Темира ярлык в пользу Церкви, в котором хан освобождал духовенство от дани и других поборов. «Пусть, — писал Менгу-Темир, — беспечно молиться за него и его ханово племя». Этим же указом хан под страхом казни воспрещал надругательство над Православием. «Кто будет хулить веру русских, — сказано в ярлыке, — или ругаться над нею, тот ничем не извинит-

ся, а умрет злою смертью». Более того, с позволения хана в самом Сарае была основана православная епархия.

Сто лет спустя другой великий святитель — святой митрополит Алексей — еще более укрепил влияние церкви в Сарае. Жена хана Чанибека — Тайдула — ослепла после долгой болезни. Между тем в Орде прослышали о высокой жизни Алексея, и Чанибек написал великому князю московскому, прося его прислать святого, чтобы тот исцелил Тайдулу; в противном случае хан грозил войной. Отказать было невозможно, и святитель отправился в Орду. Отъезд его сопровождался ободряющим знаменем: когда Алексей служил напутственный молебен перед ракой своего святого предшественника — митрополита Петра, свеча у раки зажглась сама собой.

Прибыв в Орду, Алексей отслужил молебен об исцелении ханши, и в момент, когда он кропил ее святой водой, она вдруг прозрела. Благодарная Тайдула выкупила и подарила святителю в Москве участок земли, на котором в память об этом чуде основана была обитель, получившая название Чудова монастыря. Показательно, что все это произошло уже через несколько десятилетий после того, как хан Узбек, перейдя в магометанство, предпринял первые попытки по превращению Ислама в государственную религию Орды.

Народ русский воспринимал монгольское иго как наказание за грехи и страсти, как вразумление Божие, направленное на то, чтобы, видя в Церкви единую опору, Русь отступила от вечных усобиц, поняв свое высокое предназначение...

Путь римо-католичества на протяжении всей его истории есть путь безмерной гордыни. Каждый раз, когда Россия переживала смутные и тяжкие времена, когда враги внешние или внутренние ослабляли ее древнюю мощь и мутили соборное самосознание народа — рука

Ватикана протягивалась для осуществления заветной мечты: уничтожить ненавистную «схизму» и подчинить Восточную Церковь себе, повергнув в прах православную государственность...

Кстати, сравнительно недавно о святом князе Александре Невском написан роман живущей в Швеции некой Л. Горской (Бромберг), суть которого в том, что его взгляд на Восток оказал самую трагическую роль для последующей истории России. По ее мнению, взгляни князь Александр на Запад, подобно князю Галицкому, давно бы она была в «мировом сообществе» и процветала. Случайно ли, что именно этот роман об Александре Невском включен в российскую школьную программу?..

Как, видимо, тоже совсем не случайно в 1989 году в Москве была массовым тиражом и богато издана книга английского историка Джона Феннела «Кризис средневековой Руси», в которой он утверждает, что Руси «находиться в вассальной зависимости от Золотой Орды было позорно и бессмысленно» и великий князь Александр Невский стал бы действительно великим, если бы впал в вассальную зависимость к Западу.

Написав несколькими страницами выше: «А Русь, вобрав поволжских тюрков, уже в открытую могла поднять голову против монгольского нашествия», — я был в некотором сомнении, которое впоследствии усиливалось все больше: не иду ли я тут по хитро проторенной кем-то дорожке? Потому как получалось, что в будущем названный святым и Донским князь Димитрий поступил на Куликовом поле как-то не по-русски, что ли, иначе говоря, не совсем честно: набрав силу «во чреве» или «за спиной» Золотой Орды, Русь восстала против нее. И еще: почему в этом же году вслед за Димитрием нанес сокрушительное поражение Мамаю хан Тохтамыш, незадолго до этого ставший законным — по праву наследования — правителем Золотой Орды?

Но было и второе, что никак не увязывалось в моем сознании: через 120 лет после своей кончины Александр Невский непосредственно перед Куликовской битвой был провозглашен на Руси святым. А князь Димитрий, о котором в «Сказании о Мамаевом побоище» говорится, что он «новый еси Александр», перед битвой молится: «Владыко Господи человеколюбе!.. помози ми... яко же прадеду моему великому князю Александру». Не мог же не знать князь Димитрий, что его прапрадед никогда не воевал с Золотой Ордой. Значит, он просил его помощи не против нее.

Но все становится ясным при внимательном прочтении двух — с некоторым разрывом — напутствий преподобного Сергия Радонежского, но большинство историков почему-то не обращают на это внимания. За какое-то время перед Куликовской битвой преподобный Сергей отказался благословить князя Димитрия на битву с Мамаем: «...пошлина (исконный порядок, установление) твоя държит, покориться ордынскому царю должно». Накануне же самой Куликовской битвы он напутствует князя уже совсем иным: «Подобает ти, Господине, пешися о врученном от Бога христоименитому стаду. Пойди противу безбожных, и Богу помогаеши Ти, победити».

А все дело в том, что первоначально преподобный Сергей, видимо, считал, что затеваемый поход князя Димитрия — бунт, восстание против Золотой Орды, потому он предостерег князя от такого поступка.

Когда же он узнал суть Мамаева похода, он благословил князя на великую сечу. И Куликовская битва была для Руси совсем не тем, что утверждает Большая Советская Энциклопедия, что битва «имела большое историческое значение в борьбе русского и других народов с монгольско-татарским гнетом... на Куликовом поле был нанесен сильный удар по господству Золотой Орды, ускоривший ее последующий распад».

А дело было, скорее, как раз наоборот. Поход князя Дмитрия против Мамаю по сути своей был как раз в укрепление распадающейся Золотой Орды, он был против не нее, а против Мамаевой орды, которая в то время, после неудачных попыток захватить власть в Золотой Орде и отколовшись от нее, была не чем иным, как орудием проникновения генуэзцев, то есть латинства, как на Русь, так и в Золотую Орду. И в этом свете сразу находит объяснение: и почему на помощь Мамаю на Куликово поле спешил литовский князь Ягайло, и почему хан Тохтамыш, который, разумеется, защищал честь Золотой Орды, пошел войной не на князя Дмитрия, а на Мамаю.

И потому в дореволюционных фундаментальных трудах, исследующих отношения Золотой Орды и Руси, сражению на Куликовом поле уделено так мало внимания, потому что оно не определяло суть их коренных отношений. Потому что Куликовская битва, как и битва со шведами, была не против Востока, олицетворяемого тогда Золотой Ордой, а против жадного, экспансивного и жестокого Запада, на сей раз попытавшегося загрести жар чужими руками... Вместо того чтобы, наконец, обратиться к первоисточникам, историки несколько веков переписывали друг друга. Никто не задумался даже над таким фактом: почему в войске Мамаю к Непрядве вышагивала многочисленная генуэзская пехота?

Почему так случилось? Подмена понятий произошла в XVIII веке, в петровское и послепетровское время, когда в России стала силой насаждаться прозападная идеология.

Приятно бы закричать во весь мир: я первый докопался до истины! Нет, оказывается, эта точка зрения, может, в более мягкой форме всегда бытовала в исторической литературе, но упорно, как не патриотическая, не марксистская, забивалась противоположной. Помимо не раз обруганного Л. Н. Гумилева, в той или иной мере, к

этой точке зрения были близки и один из крупнейших востоковедов мира академик В. В. Бартольд (1869—1930), и академик М. Н. Тихомиров.

Из современных исследователей этого мнения придерживается известный критик, литературовед и историк В. В. Кожинов. А известный крымский историк П. Н. Надинский еще в 1950-х годах в четырехтомных «Очерках по истории Крыма» писал: «Генуя и Венеция являлись крупнейшими колониальными государствами средневековья. В руках этих государств находилась почти вся мировая торговля. Значение этих государств особенно возросло в связи с «крестовыми походами»... Эти грабительские походы, освященные религией, прокладывали пути для генуэзских и венецианских купцов-колонизаторов в страны Ближнего Востока и Причерноморья... В XIII веке, после взятия Константинополя крестоносцами и разгрома Византийской империи, венецианцы, а следом за ними и генуэзцы, проникли на побережье Черного моря... И не случайно, что генуэзцы оказались в числе вдохновителей, а может, и прямых организаторов похода неудачливого татарского полководца на Москву».

Я склонен считать, что и кризис Золотой Орды, начавшийся в 1357 году убийством хана Джанибека сыном Бардибеком, был спровоцирован кознями тайными латинян. Потому что как раз к этому времени относится возвышение крымского темника Мамай, тесно связанного с генуэзцами и итальянцами. Золотую Орду на несколько десятилетий охватила смута, или «замятня», во время которой власть в Орде несколько раз пытался брать Мамай, пока она наконец не была отдана в руки «законного» хана Тохтамыша. Тогда, поняв бесполезность этих притязаний, Мамай направляют на Москву...

Да, ныне вопросы евразийства принимают особую роль, когда при помощи агентов влияния на полтора де-

сятка княжеств снова разорвана Россия, называвшаяся Советским Союзом. Бомбы автономизации, заложенные Ульяновым-Бланком-Лениным, только еще начали взрываться. Нас исподволь пытаются убедить, тем самым зачеркивая предшествовавшую историю России или заставляя считать ее случайной, что все восточные народы, в течение веков вошедшие в Россию, — лишние, что они у нас только были камнем на шее. Всяческими методами, вплоть до самых гнусных, — пример тому Чечня, — русских будут настраивать против нерусских, а тех, наоборот, убеждать в том, что все их беды коренятся в русских. Разрушение Советского Союза — это, прежде всего, сознательный и целенаправленный удар по евразийству России, второй после Октябрьской революции этап ее разрушения. Не случайно, что провели этот удар — руками русских дураков — внуки и племянники пламенных революционеро-интернационалистов, к примеру, мало кто знает, что известный демократ Ю. Афанасьев, спрятавшийся, как у них водится, под русской фамилией, внук Зиновьева и внучатый племянник Троцкого: «Что не удалось дедам, доделаем, разрушим мы...»

И совсем не случайно, что лидеры многих национальных регионов России более державны, чем чуждое коренным национальным интересам России нынешнее прозападное правительство. И, суверенизируясь, они чаще всего стремятся отделиться не от России, а от антинациональной политики ее нынешней верхушки. Ведь пытаются суверенизироваться даже чисто русские регионы...

И потому с верой, пусть и наивной, в будущее славянское и евразийское единство я на стыке Европы и Азии продолжал помогать восстанавливать храм во имя святого великомученика Димитрия Солунского,

под сенью которого родился великий печальник земли Русской и всего славянства И. С. Аксаков, в венах которого было больше тюркской, чем славянской, крови. Я мечтаю об Аксаковском историко-культурном центре «Надеждино», в котором рядом с храмом встанут Музей семьи Аксаковых, дом священника с классом воскресной школы, а рядом выйдет из поры захирения кумысолечебный санаторий им. С. Т. Аксакова, основанный его внучкой Ольгой Григорьевной Аксаковой, которой он посвятил свою прекрасную книгу «Детские годы Багрова-внука». Но центром всего, конечно, будет храм во имя Димитрия Солунского.

И стоит сей храм на продуваемом ветрами пустыре, хорошо видимый из окон поездов, гремящих по Транссибирской магистрали из Европы в Азию и из Азии в Европу. Крестьянские дома почтительно или на всякий случай отступили: никто за минувший век, после того как в Гражданскую войну дом спалили, не поселился на аксаковской усадьбе. Ныне на пустыре стоит гранитный камень, привезенный Б. И. Брянцевым из далекого зауральского карьера: «Здесь будет памятник И. С. Аксакову». После торжественного поднятия большого колокола В. М. Клыков походил-походил по пустырю, и смутила его неуютность вокруг храма.

— Может, сначала обживете пустырь, распланируете, где будет дом, аллеи, чтобы я мог привязаться к местности...

Место действительно пока неуютное. Неуютно на душе, хоть и радостно, что встал храм и заговорили колокола.

«А может, так и поставить — на пустыре? — хотел предложить я. — Ведь жизнь Ивана Сергеевича, по сути, была на таком же неуютном пустыре, и мало кто понимал его, и оттого сердце его разорвалось раньше времени. И только когда умер, всколыхнулось все сла-

вянство: ...нам тяжело стало, словно мы потеряли свет. Иван Аксаков был великан. Когда он говорил, голос его раздавался по всей Европе, и к его голосу прислушивались на том широком пространстве, покуда простирается великая Россия».

Но я почему-то промолчал. Да, надо обживать пустырь, ставить усадебный дом, но где на все это взять средства и силы? А до этого нужно поставить или купить дом священнику, восстановить церковную ограду, как я уже говорил, растащенную по дворам, и пока ее не возвращают, нет еще, значит, сдвига в душе.

Потому, хоть и радостно, но неуютно на душе.

Каждый год пустырь зарастает бурьяном. Я уже говорил: перед Аксаковским праздником приходится устраивать субботники силами работников районных служб — вырывать чертополох, крапиву и татарник, никто из местных жителей сам палец о палец не ударит — по пагубной социалистической привычке все ждать от государства, хотя оно уже провело в село газ, воду, асфальт. А один мужик по-прежнему настойчиво трактором валит чугунную оградку на аксаковской усадьбе перед храмом — почему-то храм Божий мешает ему жить. Лишь несколько пожилых женщин пытаются помогать храму, но под силу ли им все это! К тому же они, тягловые лошади военной и послевоенной поры, одна за другой покидают сей мир. Лишь радость — одна из них перед уходом успела увидеть, что начали восстанавливать храм, вторая, что над ним уже воздвигли крест, третья дожила до первой службы, а теперь вот и до колоколов. Может, больше ради них я и начинал — из чувства неизбывной вины перед ними. И потому я так дорожу их отношением ко мне, только оно порой и поддерживает меня, когда совсем опускаются руки.

Но все равно радостно, хотя и неуютно на душе, как на этом пустыре. Неужели в России никому, кроме

этих старушек, храм, в котором крестили И. С. Аксакова, не нужен? Может, теперь колокола кого разбудят?

Я знаю, что М. Н. Валеев тайком от меня снова ездил в Москву. Я в отличие от него уже давно не езжу, я знаю, что нынешней российской власти, как и предыдущей, Аксаковы не нужны, более того — они для нее опасны. Знаю, что ему опять деликатно ответили, что вследствие разграничения полномочий Аксаковы теперь исключительно относятся к компетенции министерства культуры Республики Башкортостан.

Не потянулись сюда украинцы и даже белорусы, да и сербы бывают здесь нечасто, болгары, которые ныне, после Лучезара Еленкова, сидят в Болгарском информационно-культурном центре в Москве, на мои приглашения ежегодно отвечают, что приехать на праздник у них нет денег, но они не едут, даже когда я предлагаю все расходы на поездку взять на себя. А ведь каждый из этих народов и сохранился-то во многом благодаря И. С. Аксакову, но у каждого ныне своя беда и своя мечта, может, отдельная от других, а пока у каждого отдельная беда, пока не вспомнят И. С. Аксакова и Аксаковых, не изжить этой беды. Для кого Надеждино и Дмитриевский храм в нем святы, как, например, для болгарки Калины Каневой или серба Зорана Костица, они обездолены, у кого есть деньги — если и едут, то в надежде на святом деле что-то урвать, их интересует больше нефть и ее производные, чем Аксаковы. В свое время В. Г. Распутин предупреждал меня, чтобы я очень-то не обольщался насчет братьев-славян, нет им дела до слабой России, даже у нищей пытаются что-то урвать. Меня это тогда резануло своей несправедливостью, а он, оказывается, уже прошел через все это. Но в то же время: почему наша нефть через Дудаева должна идти неизвестно куда, а не должна идти к сербам, болгарам?

Может, я тороплюсь? Может, еще не пришло время нашего нового духовного объединения? А было ли старое? А может, вообще зря суечусь? И вновь, и вновь меня посещает сомнение: может быть, мы не случайно в свое время разбежалась на западных, южных и восточных славян, а каждые, в свою очередь, еще раз разбежались, а теперь вот даже, по сути, единый народ: русские, белорусы и украинцы отделились друг от друга.

Как бы то ни было: встал на вчерашнем пустыре-погорелье, на границе Европы и Азии, в год 50-летия окончания Великой Отечественной войны храм во имя святого великомученика Димитрия Солунского, в котором главная молитва — по всем убиенным за Отечество.

Все вроде бы хорошо, все вроде бы вовремя, даже символично, но неуютно на душе и от другой, постоянно терзающей меня мысли; мы празднуем 50-летие окончания войны, но она на самом деле не закончилась...

В 1988 году в Новгороде опять-таки то неясное чувство повлекло меня в Мясной Бор, через несколько веков страшным образом оправдавший свое древнее название: десятки тысяч солдат Великой Отечественной до сих пор лежали не погребенными в этом огромном заболоченном лесу. И когда я все это увидел собственными глазами, содрогнулось что-то внутри — видимо, душа словно подорвалась на mine, которыми до сих пор отгорожен от живых страшный лес.

В древнем городе тогда проходил один из первых праздников славянской письменности и культуры, радостных и торжественных, все было хорошо, все вроде было в лад, но меня резануло: мы праздновали 1000-летие Крещения Руси, и никто, в том числе митрополит Ленинградский и Новгородский (будущий Патриарх Московский и всея Руси) Алексей, даже словом не помянул о десятках тысяч лежащих вокруг города — вокруг Святой Софии! — убиенных за Отечество и до сих пор не по-

гребенных солдат, словно их и не было или они не имели к нашему празднику никакого отношения.

Я вышел из Мясного Бора не то чтобы совершенно другим человеком, но и не прежним. Предчувствие еще незримой, но великой грядущей беды — хотя многие из нас тогда жили по-детски наивной перестроечной надеждой — вселилось в меня. Ибо даже мне, человеку, может, не глубоко верующему, было ясно, что нет человеческого греха, который был бы не наказуем, а тут великий грех непогребения множился великим грехом всеобщего согласного умолчания.

Как соломинка для утопающего, было у меня все-му этому сомнительное оправдание: что в Мясном Бору лежали оклеветанные солдаты 2-й Ударной армии. Но потом я узнал, что останки солдат Великой Отечественной лежат незахороненными под Ржевом и под Юхновом, под Вязьмой и Псковом, в сотнях других мест, и даже под Малоярославцем — чуть ли не у самых стен Кремля, по приблизительным подсчетам всего более 800 тысяч человек!

Еще великий Суворов сказал: «Война заканчивается тогда, когда хоронят последнего погибшего на ней солдата!» Суворов, кроме того, что был великим полководцем, был глубоко верующим человеком и потому знал, что грех непогребения убиенных на войне, тем более убиенных за други своя, рано или поздно аукнется, что если он и простим, и то лишь в какой-то мере, когда тела убиенных с Божьей молитвой предадут земле.

И была ли вообще Победа, если война на самом деле до сих пор не закончилась и всеобщий великий грех связывает нас круговой порукой, ведь, в общем-то, все мы знаем в той или иной степени об этих непогребенных. Неужели только он и соединяет нас теперь в такое понятие, как народ, ибо ничто другое, кажется, нас уже не соединяет. И то, что сейчас с нами, со страной проис-

ходит, не случайно. Сие — в наказание нам, чтобы мы не сделали чего более страшного.

Спряч о нынешней власти: хороша она или плоха. А она ни хороша и ни плоха, она еще более безнравственна, чем прежняя. Настолько безнравственна, что слово «грех» к ней даже неприменимо. Все, на что она оказалась способна к 50-летию Победы, — на недавний постыдный спектакль на Белорусском вокзале, якобы олицетворяющий окончание Второй мировой войны. Солдаты выводимой из Германии проворовавшимися политиками и генералами армии даже не смогли строем пройти по Тверской к могиле Неизвестного солдата. Судя по кинохронике, пленные немцы в 41-м шли куда стройнее, а Вторая мировая война, мы и не заметили когда, как следствие нашего великого греха, незаметно переросла в третью мировую.

Холуйствуя перед Западом, в том числе перед вчерашними побежденными захватчиками, нынешняя власть не находит средств на своих павших, в то время как находит средства на перезахоронение немцев и итальянцев, пришедших на нашу землю с одной целью — убивать, и занимаются перезахоронением регулярные российские воинские части, в которых служат сыновья, внуки и правнуки убитых этими немцами и итальянцами, их останки с отданием воинских почестей увозят на родину российские военно-транспортные самолеты. Я совсем не против всего этого, но это делается в то время, когда наших павших за Родину собирают по полям былых сражений всего несколько десятков молодых людей, добровольцев. Всего несколько десятков на всю страну! Которых, к тому же, считают за сумасшедших и власть, и сверстники. Они хоронят павших во время своих коротких отпусков за свои деньги, зачастую даже без гробов, и каждый, кто имеет хоть какую-нибудь власть или кому просто не лень, норовит оскорбить и унижить их: и пре-

жде всего, милиция и военкоматы, вешая на них грехи мародеров, потому как опаснее ловить мародеров, собирающих по полям былых сражений оружие и взрывчатку, и она ныне рвет людей во всех кровавых очагах еще недавно великой страны — разве это не материальное подтверждение тому, что война не закончилась?! И, может, самое страшное, что, ссылаясь на отсутствие дорог и транспорта, священники нередко отказываются прочесть над погребенными останками Божью молитву. И делают это, как могут, все те же солдатские вдовы-старухи, последние жители заброшенных лесных деревень.

И если быть перед собой честным до конца, то только вот эта горсточка молодых людей, которых ныне принимают за ненормальных, и есть истинная Россия, а все мы остальные — пыль на ветру. Не слишком ли мало, чтобы мы по-прежнему могли называться великим народом?!

Легче всего валить вину на другого. Но в нашей нынешней вине по большому счету никто, кроме нас самих, не виноват. И не случайно к нам снова пришло смутное время. И что бы мы сейчас ни пытались строить, все напрасно: мы не построим новой России, как и вообще ничего не построим, пока на искупим свой великий грех перед павшими, и помпезным мемориалом на Поклонной горе от этого греха не откупиться.

В преддверии 50-летия Победы я обратился почти во все газеты, начиная от самых правых, кончая самыми левыми, ни одна из них моего обращения не опубликовала. Я пытался об этом говорить на пленуме Союза писателей России, чтобы мы приняли что-то вроде обращения к народу, если мы претендуем на право быть его совестью, собратья-писатели меня не услышали, они были обременены своей нищетой. Я обратился смиренным письмом к Святейшему, но мое письмо до него, видимо, не дошло.

Бог с ней, с властью, но Церковь-то Православная могла начать это великое дело. Я считал и считаю это

первейшим ее делом нового духовного собрания России. И, прежде чем восстанавливать Храм Христа Спасителя, чтобы он снова не рухнул по причине пустоты души нашей, нужно было совершить этот великий акт покаяния.

Совестливейший Владимир Крупин снова мне скажет, что я кощунствую; как я могу упрекать Святейшего патриарха?! Наверное, он прав, наверное, это идет от моего не очень глубокого религиозного чувства, видимо, я чего-то не понимаю. Но я действительно ничего не могу понять, когда Святейший на встрече с раввинами США говорит откровенно противоречащие Православию вещи. Включаешь телевизор: новый Гришка Отрепьев не где-нибудь, а в Троице-Сергиевой лавре заявляет, что только Бог может отрешить его от власти, и тем самым как бы предупреждает, что всякая попытка отрешения его от власти будет кровава, и Святейший при этом молчит, словно соглашается. Небезызвестный Костя Боровой похваляется, что его дела благословил Святейший. И Иосиф Кобзон торопится известить, что Лужков передал ему благословление Святейшего по поводу женитьбы сына. И крупный специалист по русскому мату г. Ростропович, который не столь давно бегал по Белому дому с автоматом, очень уж он тогда рассердился на поднявших голову русских гоев, с благословения Святейшего поиграл в восстанавливаемом Храме Христа Спасителя на виолончели. Или — коли в ответ сыплется звонкая монета — сие уже не кощунство?

А ведь с этого великого акта покаяния, может, началось бы истинное воцерковление народа, а не строились бы внешние пустые оболочки Божьего храма: раньше надо было ходить на партсобрания, а теперь ради моды или на всякий случай в церковь ходим.

Не слишком ли некоторые наши иерархи заняты суетным, не превращается ли Московская патриар-

хия в своеобразный отдел идеологии при Президенте Российской Федерации и Московском правительстве, заменившими соответственно ЦК и МГК КПСС? Не подводит ли она нравственный фундамент под безнравственную власть, в том числе и в виде Храма Христа Спасителя, строящегося на деньги тех же людей, которые финансировали расстрел Белого дома?

И лежат под Новгородом и Ржевом, под Юхновом и Малоярославцем, в других лесах и болотах не только русские кости, но и башкир, и татар, и казахов, и грузин, и армян... Если судить по нынешней демократической логике, башкиры погибали за Башкирию, казахи — за Казахстан и только русские — за Россию.

Одним из символов Великой Отечественной войны стало имя рядового Александра Матросова. В предсмутную пору родилась легенда, которая, впрочем, вполне доказательная, что Александр Матросов был... башкиром. Некоторые бросились тут же отрицать эту легенду только потому, что она якобы может оскорбить великий русский народ, если его национальный герой вдруг окажется башкиром.

Меня, например, как русского, это не только не оскорбляет, наоборот, меня это наполняет гордостью, что башкир захотел пойти на фронт и умереть за давно уже нашу общую родину русским солдатом. Как он умирал за нее русским солдатом уже в Отечественную войну 1812 года. Послушайте старинные башкирские песни — чужие войны так не входят в песни и душу народа. И когда недавно башкирские казаки, названные в свое время в поверженной Европе «северными амурами», попытались поставить памятный знак на Бородинском поле, нашлись «очень русские», к тому же «очень хорошо» знающие историю Отечественной войны 1812 года, которые сказали: вы тут ни при чем.

Каждый день телевидение сообщает о новых и новых воинах, — как следствие нашего всеобщего греха, — павших на полях не объявленной Третьей мировой войны.

И получается, что и потому в самое время встал Димитриевский храм. И Димитриевская поминальная суббота получила новый, современный смысл. Может, и потому у меня все получалось?

Как жить дальше?

Я не верю, что в ближайшее время покой придет на нашу землю. И потому, что в год 50-летия Победы мы не похоронили своих павших, и потому, что в пору нового смутного времени мы, русские и не русские, не почувствовали себя единым народом, и потому, что беспрепятственно дали разрушить наше евразийское единство, в результате чего не только в бывшем СССР, а по всему Евразийскому континенту льется кровь.

Я не знаю, как буду жить дальше, но мое сердце может прожить без русских М. Горбачева и Б. Ельцина, без украинца Л. Кравчука, без казаха Н. Назарбаева, без белоруса С. Шушкевича, к сожалению, память не может вообще вычеркнуть их из моей жизни, но мое сердце не может прожить без башкир и татар моей деревни, которые на мое 50-летие подарили мне, «русскому националисту», коня, а русские казаки подарили мне бурку и в честь меня устроили праздник моей деревни Михайловки. Было бы естественно, если бы первый в районе праздник деревни справили в башкирском, татарском селе, а они справили в русской, почти погибшей деревне. Я не могу прожить без татар деревни Кляшево, рядом с которыми я теперь живу и которые выручают меня во всякой крестьянской нужде и у которых ныне живет подаренный мне конь. Я не могу прожить без киргиза Жолдожа Жамшутова, который, увидев меня, одинокого, на грозном и снежном памирском перевале, бросил

отару и поспешил навстречу: не случилось ли что, а потом повел к себе в кош, и мы, словно братья, которые давно не виделись, проговорили с ним всю ночь...

Потому что, повторяю, для меня русский — не понятие крови. Можно родиться русским, но перестать быть им, как М. Горбачев. Он объявлен лучшим немцем, лучшим евреем, но он не немец и не еврей, но уже и не русский, он — никто, пустая личина. А можно родиться немкой, но стать Великой Русской и принять на себя все страдания русского народа, я не о Екатерине II, а о великой княгине и великомученице Елизавете Федоровне.

Язык — зеркало души народа. Одни слова умирают, другие рождаются. И, может, напрасно мы иногда плачем по ним — безвозвратно ушли понятия, которые они определяли.

Есть слова-понятия, которые чрезвычайно редко, но рождаются одновременно в двух или даже нескольких народах. И они говорят о взаимоотношениях этих народов больше, чем труды ученых-историков, порой за частным не видящих главного, а порой и угодливо льстящих очередной политической конъюнктуре.

Наверное, уже тысячи трудов написаны по истории взаимоотношений башкирского, татарского и русского народов, все они в большей или меньшей степени отображают часть истины, но народная душа, а значит — главное, порой остается за пределами этих исследований. И потому для меня главное в том, что, несмотря на сложность и порой драматичность исторических взаимоотношений этих трех народов, в языках каждого из них одновременно родилось великое слово «знакум», не подчиняющееся ни грамматическим, ни стилистическим нормам ни одного, ни второго, ни третьего языка.

В каждом народе наряду с национальными гениями и просто обыкновенными порядочными людьми

хватает своего национального, простите, дерьма, может быть, оно рождается природой специально для того, чтобы определять нравственную прочность народа, и плохо, что исторические взаимоотношения народов, так и их величие, определяют не по самому народу, а по всевозможным революционерам, разбойникам, вождам, или «пассионариям», как определил эту прослойку Л. Н. Гумилев.

Слово «знакум» родилось в консервативной крестьянской среде, а крестьянство — суть народа. Слово «знакум» — не просто слово-понятие. Это целый многообъемлющий свод законов, по которому три народа определяли взаимоотношения между собой. «Знакум» — эта не просто знакомый. Можно было отказать в хлебе, в помощи другу, брату, свату, но нельзя было отказать «знакуму», хотя никто не знал почему. И что бы ни писали новейшие историки в угоду новейшим политическим или иным веяниям, для меня отношения русского, башкирского и татарского народов будут определяться великим словом «знакум».

Святое дело — национальное возрождение народа. Но оно — как пьяное вино. Давайте не будем забывать, что самые величайшие народные бедствия были результатом стремления оскорбленных народов к национальному возрождению, когда во главе движения встают психически ненормальные люди, будь то ефрейтор, в одном случае, будь то уволенный из стратегической авиации с диагнозом «вялотекущая шизофрения» генерал.

Но во время великих бедствий рождается истина, к сожалению, как правило, омытая великой кровью. Потому высший смысл национального самосознания — это когда об этом меньше всего говорят или даже считают об этом говорить неэтичным. Ныне все мы унижены и оскорблены, и все говорим о национальном самосознании, и мировое зло под идеей национального возрождения

деня хитро подсовывает, в том числе и нам, русским, идею счастья каждого народа в отдельности.

Меня, как русского, коробят истеричные статьи, доказывающие, что мы, русские, — великая нация. Ну, во-первых, это свойство малых или неполноценных народов — постоянно вопить о своем величии, ничего не делая для него, а во-вторых, кем нам выдана эта индульгенция на величие? И если выдана — то что, до скончания веков? Величие русского народа выстрадано собственной судьбой, и мы должны подтверждать его ежевечно, ежегодно, ежедневно, ежечасно, если хотим остаться великим народом, а не кликушествовать и не рвать в пьяни рубахи за Мать-Россию — к сожалению, это очень распространенная у нас, в том числе и среди писателей, форма борьбы за Отечество, а она, кроме как к концу, никуда нас не ведет.

И еще: мы, не утруждая себя в ответственности за сказанное, в последнее время любим говорить, что Россия находится под Покровом Богородицы, тем самым успокаивая себя и снимая свою ответственность за будущее Родины.

Не является ли это утверждение губительным самообманом, ведь, утверждая это, мы нисколько не задумываемся, что этой Милости Божией мы хоть в какой-то мере должны быть достойны. И если это правда, то только до тех пор, пока мы идем этой Божией Милости навстречу, если мы хоть в какой-то степени стремимся снова стать православным народом. Отрываясь же от Православия или прикрываясь лжеправославием, рядящимся в том числе в хитрое и ничего не значащее понятие «духовность», мы добровольно отказываемся от этого спасительного покровительства. Иначе говоря, мы под Покровом Богородицы только до тех пор, пока что-то делаем для спасения своей души и для спасения Отечества...

Я не знаю, что со мной дальше будет.

У меня все меньше и меньше помощников: одних разорили налогами, Сашу Иванова убили в собственном кабинете, третьего сняли с работы, Л. П. Софронова, моего сопредседателя по Аксаковскому фонду, раньше времени отправили на пенсию, двое — в следственных изоляторах с перспективой на большие сроки. Все они не были святыми, более того, преступная власть вчерашних секретарей ЦК КПСС и внуков пламенных революционеров специально изобрела законы, по которым все, кто что-нибудь пытается делать, оказываются за гранью закона, они разделили страну на два лагеря: одни — преступники, вторые — их ловят.

Да, они не были святыми, но все они помогали мне восстанавливать храмы, проводить праздники, поддерживающие душу народа, в том числе Аксаковский, помогать детским и взрослым фольклорным коллективам, организовывать всевозможные выставки. Они хорошо знали, что я — не Лужков, не могу им дать ни квот, ни привилегий, а, наоборот, из-за меня они могут нажать лишние неприятности.

Все чаще по ночам я просыпаюсь с холодным потом на лбу и судорожно соображаю: как протянуть до следующего месяца, где достать деньги — детям не объяснишь, что за тех же лошадей на Рождество или Масленицу надо платить. И, пересилив себя, снова иду с шапкой по кругу, но все меньше и меньше в нее бросают.

Меня пытаются втянуть во всевозможные политические игры. Тянули баллотироваться в Думу. Даже Вячеслав Михайлович Клыкков убеждал меня идти на депутатское поле брани: там-де я больше сделаю.

Нет — там я только сожгу себя, а потом — там не мое поле брани.

Но дело даже не в том, дело в том, что нет в политике, во власти, Человека, за которым я мог бы безоглядно

пойти. Или болтуны-краснобаи, или откровенные подлецы вкупе с подсадными утками. Может, время генералов (я имею в виду не воинское звание) еще не пришло? Мы живем в самую беспросветную пору нового смутного времени, и, как во всякое смутное время, у нас каждый второй — пророк, к тому же единственный в своем Отечестве, но мало людей что-то реально делающих. И, может, сейчас, говоря словами одного из великих русских, время штабс-капитанов, время пусть маленьких, но конкретных дел, из которых потом сложится Большое, а мы все говорим, говорим, а народ, устав от этой болтовни, давно уже — из чувства самосохранения, о котором говорил И. С. Аксаков, — нас не слушает. В том числе и поэтому, что, усевшись у телевизоров, смотрит очередную латиноамериканскую банановую оперу, она ему понятней. В Оренбурге что-то пытается делать прекрасный русский писатель штабс-капитан П. Краснов, в Новгороде — штабс-капитан М. Петров, ну еще — с трудом насчитаю с десятков штабс-капитанов, ну еще десятка два, которых я не знаю. Почему так мало на всю Россию?

И в заключение хочу рассказать о человеке, который вслед за Клыковым стал мне опорой в моих малых делах. Я боюсь называть его имя, потому что боюсь накликасть на него беду; вдруг кто решит, что он очень богат, раз жертвует на храмы и на другие русские дела. И в то же время хочется назвать его имя, чтобы люди знали, что на Руси еще есть, или уже есть, такие люди, хотя, знаю, он в восторге от того, что я о нем напишу, не будет.

Он позвонил мне несколько лет назад, может быть, уже не в самую отчаянную, но в очень трудную для меня пору: что мы в студенчестве были немного знакомы, после университета он многое что в жизни перепробовал, сейчас предпринимательствует, что не может проходить мимо аксаковского дома без душевного трепета и что он мог бы немного помогать.

Для начала он привез в аксаковский музей — специально в Петербург для этого слетал — богатый чайный сервиз: Аксаковы отличались гостеприимством...

Меня всегда поражала заброшенность наших кладбищ в умерших деревнях: еще только вчера ушли последние жители, ее дети еще где-то живут — в городах, в соседних деревнях, а оно уже разгорожено, и по нему уже бродят коровы, кресты свалены, а через несколько лет по нему уже вообще дорога... Это, по-моему, не лучшее свидетельство величия народа, и никто тут мне не сможет возразить. Или мы уже настолько готовы к той, высшей, жизни, что нам уже не нужна никакая память на земле?

У Валерия Григорьевича Тетерева, наоборот, есть ухоженное кладбище, на котором похоронены его предки, но нет села, в котором он родился. Уничтожить его, основанное еще Строгановыми, — им здесь, на берегу крошечного озерца, явилась икона Николая Чудотворца — одно из красивейших и древнейших русских сел на Каме и в Башкирии, стали еще с 1917 года, но окончательно, одним махом, оно было уничтожено недавно, уже в 70-е годы его решили затопить новым рукотворным морем, и жителей Николо-Березовки выселили буквально силой. Что могли порушить — порушили, с рукотворным морем, правда, пока — из-за перестройки — не получилось, и к сегодняшнему дню на месте когда-то богатого села осталось лишь с десятка полтора кирпичных остовов домов и порушенный Свято-Никольский храм на съедаемом Камой — каждый год по несколько метров — берегу. Чудотворная икона Николая Угодника, в честь которой был поставлен сей храм, была настолько известна на Руси, что ее в свое время призывал на Москву грозный царь Иоанн Васильевич, и даже построил в Москве специально для нее церковь — Николы Закамского, а потом, после вещего сна, с мона-

хами Савво-Сторожевского монастыря вернул обратно, а уже в нашем веке, предчувствуя великие беды России, молитвенно пасть перед ней дважды приезжала великая княгиня и будущая русская великомученица Елизавета Федоровна, впоследствии нашедшая свой земной мученический конец недалеко от этих мест...

Мертво село, затерялись следы Чудотворной иконы: по одной версии — украли, а может, она сама покинула сей отрехшийся от Бога народ?..

Но вот нашелся человек, у которого душа восстала против всеобщего разрушения. Начав с помощи аксаковскому дому, он поставил покаянную часовню на родительском никола-березовском кладбище и только потом приступил к главному. Великую нужно иметь силу духа и в то же время чистую детскую наивность, чтобы решиться на восстановление Никольского храма — не деревянной сельской церквушки, а огромного каменного храма, колокольня которого тянется к небу аж за 50 метров, да еще в мертвом селе, да еще на съедаемом Камой берегу, да еще при противодействии районных властей, по-своему правых: к чему бередить вроде бы уже отболевшие раны оставшихся в живых никола-березовцев, к тому же все равно все уйдет под воду! Казалось, рухнуло все: политический строй, великая страна, нет денег платить зарплату врачам, учителям, даже шахтерам, ан нет — жив сатанинский проект и остались директивными постановления Политбюро ЦК КПСС: вслед за Волгой превратить в сеть болот-морей Каму.

И вот нашелся человек, который решил по-своему противостоять этому: со своими заветными мыслями он пришел почему-то ко мне, у кого нет ни денег, ни власти. И мы, два очень разных, но одинаково наивных человека решили: коли встанет храм — никто не решится затопить его, а заодно спасти и десятки тысяч гектаров пло-

дородных земель, встанет храм — и возродится село как символ возрождения порушенной России.

Я написал письмо Святейшему: владыка земной, низжайше просим благословения на труд сей... И это письмо, видимо, до него не дошло, что делать, почта у нас ныне ходит худо.

Надо ли говорить, что многие смотрели на нас как на умалишенных.

Исчерпав все возможности пробиться через бюрократические препоны, я пошел к госсекретарю Республики Башкортостан М. А. Аюпову. И неожиданно мы получили поддержку от президента Республики Башкортостан М. Г. Рахимова. Он своим указом поддержал нашу идею создания благотворительного фонда «Никольский храм», и первый взнос в фонд в 5 миллионов (тогда это были еще деньги) был его. Впоследствии он добавил еще 50 миллионов, а когда дело снова зашло в тупик все из-за того же планируемого затопления и постепенного обрушения берега, он собрал оперативное совещание кабинета министров республики прямо на берегу Камы — а это двести с лишним километров от Уфы — и сказал:

— Какие затраты ни пришлось бы понести, будем укреплять берег и восстанавливать село. Ибо Николо-Березовка не просто самое древнее русское село в Башкирии, разрушенное насильственно, но и символ единства России.

Мне говорят некоторые, очень русские, как правило, не пожертвовавшие ни на Димитриевский, ни на Никольский храмы ни копейки, что делает это президент в пропагандистских целях, потому как в демократической российской печати подвергается критике за ущемление прав русских в республике. Может быть. Но, если следовать этой логике, можно сказать, что в пропагандистских целях создана и здоровая трудовая обстановка в

республике, относительно сытая и мирная жизнь. Если это так, то я за такую пропаганду: по объему вводимого жилья Башкирия занимает второе место в России после Москвы. Демократическую печать почему-то очень беспокоят мир и спокойствие в Башкирии, радоваться бы, а ее это беспокоит. Есть люди, которые суетятся вокруг Татарии и Башкирии с факелами; и поджечь боятся, все норовят, чтобы какой дурак запалил пожар изнутри.

А если вернуться к Никольскому храму, то на сегодняшний день, несмотря на наши просьбы, призывы, мольбы, реально на храм, помимо, разумеется В. Г. Теререва, выделены деньги только президентом Башкирии. Но дело даже не в 55 миллионах, его указ и личное участие заставили даже самых безнадежных скептиков поверить в реальность нами задуманного. И сопредседателями благотворительного фонда «Никольский храм» стали уроженцы Николо-Березовки, друзья детства русский Р. И. Чумаков и татарин М. Р. Багаутдинов — не по принципу крови, а по принципу единой родины.

Теперь уже в прошлом году, на Николу Зимнего, в Николо-Березовке было 28 градусов мороза при ледяном северном тягуне, но уже около трехсот человек собралось в мертвом селе на праздничную службу отца Владимира в Никольском храме — пока еще без куполов, без крестов, с заколоченными деревянными щитами окнами.

— Смотри, — показал мне на Каму Валерий Григорьевич, смахивая с ресницы то ли лед, то ли слезу.

Я не сразу различил среди торосов в протуберанцах ледяной метели несколькодвигающихся темных точек. Через полчаса люди выбрались на берег.

— Из Удмуртии, за восемнадцать километров идем, — пояснили они. — Сначала не поверили, что в Свято-Никольском храме снова служба Богу. У нас еще нет движения...

Нынешней весной в ночь на Пасху ритуально была сожжена часовня, построенная В. Г. Тетеревом на родительском кладбище. Оказывается, она кого-то пугала больше, чем если бы он пошел на баррикады. Милиция все боялась, что он придет с заявлением, хотя у нее уже было готовое объяснение и готовые преступники: мальчишки-хулиганы.

А он не пошел. Посоветовались мы с ним: мальчишки, которым кто-то хитро вложил в голову эту паскудную мысль, пойдут по тюрьмам, а кто их толкнул на это дело, не только останутся безнаказанными, но и на этом факте будут ловить другие души. Валерий Григорьевич по-своему наказал преступников: на месте сгоревшей, деревянной часовни поставил еще красивее, но каменную. И, может, тем самым заставил задуматься над содеянным тех мальчишек, спас их души.

А летом сгорел временный дом — Музей Аксаковых в Надеждине. По утверждению милиции, подожгли дети из пьяной неблагополучной семьи...

Я не знаю, что со мной дальше будет. Порой отчаяние перехватывает горло. Во второй раз вернувшись с Балкан, из раздираемой братоубийственной войной Югославии, я поехал на родину, к дорогим своим башкирам и татарам, и на всякий случай попросил место, где хотел бы лечь, если умру не вдали от Родины. Где хотел бы лечь, чтобы оттуда мне были хорошо видны и башкирское село Каратавлы, и Татарский Малояз, и родная моя Михайловка. Но, как говорится, мы предполагаем, а Бог располагает...

Но что бы со мной ни было, с осени 1995 года в Димитриевскую поминальную субботу снова звонят колокола на стыке Европы и Азии в Димитриевском храме на юге Башкирии, в селе с символическим названием Надеждино, а с весны 1996 года на Николу Вешнего снова

заговорили колокола, разнося скорбно-радостную весть далеко за Каму, на колокольне Свято-Никольского храма на севере Башкирии в уже не мертвом селе Николо-Березовке.

Где бы я ни был — на этом, том ли свете, — из любой дали я буду слышать, отличая от тысяч других, их голоса.

*с. Надеждино — с. Николо-
Березовка во глубине России
1996*

СОДЕРЖАНИЕ

Всего мира Надежда и Утешение	7
Табынская чудотворная икона Божьей Матери	7
Русские судьбы	171
Быль о великом семьянине (С. Т. Аксаков).....	171
Феномен, но не сила (И. С. Аксаков)	248
Русский философ — потомок ливонского рыцаря (Г. А. Мейер)	325
Устремить на высокую жизнь... (А. С. Паникин)....	345
Человек есть олицетворенный долг! (В. М. Клыков)	354
Блаженны страждущие, ибо их есть Царство Божие	395
Вместе с Россией	470
Сберегатель русского народа (Фритьоф Нансен)....	470
Выбор Высокого Неба... (Драгош Калаич)	500
Крест мой	520

Институт русской цивилизации создан в октябре 2003 г. для осуществления идей и в память великого подвижника православной России митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева). Предшественником Института был Научно-исследовательский и издательский центр «Энциклопедия русской цивилизации» (1997—2003).

Целью Института является творческое объединение ученых и специалистов, занимающихся изучением истории и идеологии русского народа, проведение научных исследований, конференций, семинаров и систематизация знаний по всем вопросам русской цивилизации, истории, философии, этнографии, культуры, искусства и других научных отраслей, связанных с жизнедеятельностью русского народа с древнейших времен до начала XXI века. Приоритетным направлением деятельности института является создание 30-томной «Энциклопедии русского народа» (вышло 12 томов), а также научная подготовка и публикация самых великих книг русских мыслителей, отражающих главные вехи в развитии русского национального мировоззрения и противостояния силам мирового зла, русофобии и расизма (вышло более 70 томов).

Редактор Л. К. Молотилова
Корректор Н. Н. Самойлова
Компьютерная верстка Д. Е. Поляков
Институт русской цивилизации Тел.: 8-495-605-25-35.

Подписано в печать 21.10.2011 г. Формат 84 x 108 ¹/₃₂.
Гарнитура «Times». Объем 25,1 изд. л.
Печать офсетная. Заказ №
Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ ВЫПУСКАЕТ БОЛЬШУЮ ЭНЦИКЛОПЕДИЮ РУССКОГО НАРОДА

Главный редактор О. А. Платонов

Энциклопедия включает следующие тома:

Русская цивилизация (<i>вышел</i>)	Русская икона и религиозная живопись в двух томах (<i>вышли</i>)
Русское Православие в трех томах (<i>вышли</i>)	Русская архитектура и скульптура
Русское государство (<i>вышел</i>)	Русская живопись
Русский патриотизм (<i>вышел</i>)	Русский театр
Русское мировоззрение (<i>вышел</i>)	Русская музыка
Русский образ жизни (<i>вышел</i>)	Русская наука
Русская география	Русская школа
Русское хозяйство (<i>вышел</i>)	Русское воинство
Международные отношения	Памятники Отечества
Национальные отношения	Русские за рубежом
Русская литература (<i>вышел</i>)	Противники русской цивилизации

Каждый том Энциклопедии посвящен определенной отрасли жизни русского народа и будет завершённым сводом энциклопедических знаний по этой отрасли от «А» до «Я». Читатели могут в зависимости от потребностей подбирать либо полный комплект Энциклопедии, либо необходимые один или несколько томов.

К подготовке издания привлекаются лучшие русские ученые и специалисты, используются опыт и наиболее ценные материалы предыдущих русских энциклопедий и словарей. Критерием подготовки и отбора статей для Энциклопедии являются православные и национальные традиции русской науки, соответствие сделанных оценок национальным интересам русского народа.

Редакция Энциклопедии привлекает к сотрудничеству всех заинтересованных русских людей и организации. Будем признательны за любую помощь в подготовке нашего издания.

Настоящая Энциклопедия является первой попыткой создания всеобъемлющего свода православных и национальных сведений о жизни русского народа. После выхода первого издания Энциклопедии предполагается ее совершенствование и подготовка нового издания.

Приглашаем к сотрудничеству всех русских людей, разделяющих идеи Святой Руси, русской цивилизации.

Будем благодарны за любые отзывы, замечания, поправки и дополнения.

Просим направлять их по адресу: 121170, Москва, а/я 18. Платонову О. А., e-mail: info@rusinst.ru

Электронную версию Энциклопедии можно получить на нашем сайте: www.rusinst.ru.

ВЫШЛИ В СВЕТ КНИГИ, ПОДГОТОВЛЕННЫЕ ИНСТИТУТОМ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ:

СЕРИЯ «РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ»

- Митр. Иоанн. Самодержавие духа, 528 с.
Киреевский И. Духовные основы русской жизни, 448 с.
Гиляров-Платонов Н. П. Жизнь есть подвиг, а не наслаждение, 720 с.
Аксаков И. С. Наше знамя – русская народность, 640 с.
Гоголь Н. В. Нужно любить Россию, 672 с.
Тихомиров Л. А. Руководящие идеи русской жизни, 640 с.
Филиппов Т. И. Русское воспитание, 448 с.
Григорьев Ап. Апология почвенничества, 688 с.
Данилевский Н. Я. Россия и Европа, 816 с.
Хомяков А. С. Всемирная задача России, 800 с.
Самарин Ю. Ф. Православие и народность, 720 с.
Катков М. Н. Идеология охранительства, 800 с.
Булгаков С. Н. Философия хозяйства, 464 с.
Аксаков К. С. Государство и народ, 680 с.
Концевич И. М. Стяжание Духа Святого, 864 с.
Флоровский Г. В. Пути русского богословия, 848 с.
Гильфердинг А. Ф. Россия и славянство, 496 с.
Страхов Н. Н. Борьба с Западом, 576 с.
Мещерский В. П. За великую Россию. Против либерализма, 624 с.
Свт. Филарет митр. Московский. Меч духовный, 720 с.
Зеньковский В. В. Христианская философия, 1072 с.
Ламанский В. И. Геополитика панславизма, 928 с.
Черкасский В. А. Национальная реформа, 592 с.
Достоевский Ф. М. Дневник писателя, 880 с.
Солоневич И. Л. Народная монархия, 624 с.
Валуев Д. А. Начала славянофильства, 368 с.
Фадеев Р. А. Государственный порядок. Россия и Кавказ, 992 с.
Лешков В. Н. Русский народ и государство, 688 с.
Иван Грозный. Государь, 400 с.
Лобанов М. П. Твердыня духа, 1024 с.
Безсонов П. А. Русский народ и его творческое слово, 608 с.
Леонтьев К. Н. Славянофильство и грядущие судьбы России, 1232 с.
Щербатов А. Г. Православный приход – твердыня русской народности, 496 с.
Шафаревич И. Р. Русский народ в битве цивилизаций, 936 с.
Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства, 896 с.
Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям, 688 с.
Погодин М. П. Вечное начало. Русский дух, 832 с.
Шишков А. С. Огонь любви к Отечеству, 672 с.
Хомяков Д. А. Православие. Самодержавие. Народность, 576 с.
Кошелев А. И. Самодержавие и Земская дума, 848 с.
Черняев Н. И. Русское самодержавие, 864 с.

Победоносцев К. П. Государство и Церковь в 2-х томах, т. 1 – 704 с.; т. 2 – 624 с.
Венелин Ю. И. Истоки Руси и славянства, 864 с.
Преп. Иосиф Волоцкий. Просветитель, 432 с.
Преп. Нил Сорский. Устав и послания, 240 с.
Трубецкой Е. Н. Смысл жизни, 656 с.
Ломоносов М. В. О сохранении русского народа, 848 с.
Митр. Иларион. Слово о Законе и Благодати, 176 с.
Ильин И. А. Путь духовного обновления, 1216 с.
Тютчев Ф. И. Россия и Запад, 592 с.
Святые черносотенцы. Священный Союз Русского Народа, 1136 с.
Шарапов С. Ф. Россия будущего, 720 с.
Св. Иоанн Кронштадтский. Я предвижу восстановление мощной России, 648 с.

СЕРИЯ «РУССКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ»

Ильин И. Национальная Россия: наши задачи, 464 с.
Нилус С. Царство антихриста «Близ есть при дверех...», 528 с.
Шарапов С. Ф. После победы славянофилов, 624 с.
Грингмут В. А. Объединяйтесь, люди русские!, 544 с.
Вязигин А. С. Манифест созидательного национализма, 400 с.
Пасхалов К. Н. Русский вопрос, 720 с.
Платонов. О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
Платонов О. Почему погибнет Америка, 528 с.
Бутми Г. Кабала или свобода, 400 с.
Жевахов Н. Еврейская революция, 480 с.
Никольский Б. В. Сокрушить крамолу, 464 с.
Величко В. Л. Русские речи, 400 с.
Архимандрит Фотий (Спасский). Борьба за веру. Против масонов, 400 с.
Булацель П. Ф. Борьба за правду, 704 с.
Дубровин А. И. За Родину. Против крамолы, 480 с.
Бондаренко В. Г. Русский вызов, 688 с.
Платонов О. А. Массонский заговор в России, 1344 с.
Марков Н. Е. Думские речи. Войны темных сил, 704 с.
Шмаков А. С. Международное тайное правительство, 944 с.

СЕРИЯ «ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ»

Лебедев С. В. Слово и дело национальной России, 576 с.
Платонов О. А. Экономика русской цивилизации, 800 с.
Антонов М. Ф. Экономическое учение славянофилов, 416 с.
Каплин А. Д. Мировоззрение славянофилов, 400 с.
Романов И. Стратегия восточных территорий, 320 с.
Евдокимов А. Ю. Биосфера и кризис цивилизации, 480 с.
Крыленко А. К. Денежная держава, 368 с.
Черная сотня. Историческая энциклопедия, 640 с.
Славянофилы. Историческая энциклопедия, 736 с.
Морозова Г. А. Третий Рим против нового мирового порядка, 272 с.

Троицкий В. Ю. Судьбы русской школы, 480 с.
Русские монастыри и храмы. Историческая энциклопедия, 688 с.
Русские святые и подвижники Православия. Историческая энциклопедия, 896 с.
Васильев А. А. Государственно-правовой идеал славянофилов, 224 с.
Игумен Даниил (Ишматов). Просветительская и педагогическая деятельность преподобного Сергия Радонежского, 192 с.
Сохряков Ю. И. Русская цивилизация: философия и литература, 720 с.
Олейников А. А. Политическая экономия национального хозяйства, 1184 с.
Черевко К. Е. Россия на рубежах Японии, Китая и США (2-я половина XVII – начало XXI века), 688 с.
Виноградов О. Т. Очерки начальной истории русской цивилизации, 544 с.
Платонов О. А. Русская цивилизация. История и идеология русского народа, 944 с.
Олейников А. А. Экономическая теория. Политическая экономия национального хозяйства. Учебник для высших учебных заведений, 1136 с.
Каплин А. Д. Славянофилы, их сподвижники и последователи, 624 с.
Бухарин С. Н., Ракитянский Н. М. Россия и Польша. Опыт политико-психологического исследования феномена лимитрофизации, 944 с.
Ягодинский В. Н. Космология духа и циклы истории, 320 с.
Очерки истории русской иконы, 592 с.

СЕРИЯ «ТЕРНОВЫЙ ВЕНЕЦ РОССИИ»

Платонов О. История русского народа в XX веке в 2-х томах, т. 1 – 804 с.; т. 2 – 1040 с.
Платонов О. Тайная история масонства, 912 с.
Платонов О. История масонства. Документы и материалы в 2-х томах, т. 1 – 720 с.; т. 2 – 736 с.
Платонов О. Пролог царевубийства, 496 с.
Платонов О. История царевубийства, 768 с.
Платонов О. Святая Русь. Открытие русской цивилизации, 816 с.
Башилов Б. История русского масонства, 640 с.
Шевцов И. В борьбе с дьяволом, 656 с.
Лютостанский И. Криминальная история иудаизма, 992 с.
Платонов О. Тайна беззакония. Иудаизм и масонство против христианской цивилизации, 880 с.
Платонов О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
Платонов О. Заговор царевубийц, 528 с.
Платонов О. Николай II в секретной переписке, 800 с.

Книги, подготовленные Институтом русской цивилизации, можно приобрести в Москве: в Книжном клубе «Славянофил» (Большой Предтеченский пер., 27, тел. 8(495)-605-08-58), в книжной лавке «Русского вестника» (Звенигородское шоссе, д. 4 (пав. «Детский мир на Пресне»), тел. 8(495)-788-41-48, rodina@rw.ru), в книгоиздательской фирме «Крафт+» (Пр. Серебрякова, 4, тел. 8(495)-620-36-94) и в магазине «Политкнига» (тел. 8(495)-543-87-93, www.politkniga.ru)